Новое Слово

журналъ

научно-литературный
и
политическій

Годъ II. кн. 6.

Мартъ 1897.

В. Зейпель. Гр.

Контора редакціи журнала «Новое Слово» покорнѣйше проситъ г.г. подписчиковъ въ разсрочку поспѣшить уплатою за второе полугодіе (апрѣль—сентябрь) или за третью четверть (апрѣль—іюнь), во избѣжаніе перерыва въ полученіи слѣдующихъ книжекъ журнала.

1897 г.—Мартъ. № 6.

СОДЕРЖАНІЕ:

КЪ ПОДПИСЧИКАМЪ. О. Н. Поповой.

1. КОНОВАЛОВЪ. Очеркъ. М. Горькаго. . . . . 1— 49
2. АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ И НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРЬИНА. (Ихъ переписка). . . . . 50— 66
3. * * * Стихотвореніе. Ѳ. Кочерова 66
4. ВИТАЛИЗМЪ. Статья проф. Макса Ферворна. (Переводъ съ рукописи) . . . . . 67— 85
5. ВЪ ЧУЖОМЪ ГНѢЗДѢ. Романъ. XXIII—XXIX. К. Ельцовой. 86—133
6. ПО КОЧЕВЬЯМЪ ЗАБАЙКАЛЬСКИХЪ БУРЯТЪ. II—III. М. Кроля. . . . . 134—158
7. ЗАДАТОКЪ ЖЕНИХА. Повѣсть Эдуарда Вильдэ. (Съ эстонскаго). . . . . 159—205
8. ОБѢТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ. Романъ. Кн. III. Генриха Понтопидана. (Съ датскаго) . . . . . 206—238

9. НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ. I. Наши утописты. Novus. . . . . 1— 20
10. ФИНЛЯНДСКІЙ СЕЙМЪ. Письмо изъ Гельсингфорса. Р—на. 21— 35
11. ИВАНЪ ФРАНКО. (Галицкій писатель). Евгенія Дегена. . . 36— 55
12. НОВЫЯ КНИГИ.

I. **Беллетристика и поэзія.** А. Коринфскій, Тѣни жизни. Стихотворенія 1895—1896 г.—А. Коринфскій, Вольная птица и другіе разсказы.—Кружнымъ путемъ. Романъ М. Зинина (С. Шарапова).—Ив. Шмелевъ, На скалахъ Валаама.—II. **Географія и этнографія.** Влад. Птицынъ, Селенгинская Даурія. Очерки Забайкальскаго края.—III. **Поли-**

Новыя изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

ЭДУАРДЪ ЧАННИНГЪ.

ИСТОРІЯ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ

СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ (1765—1865 г.г.).

Съ приложеніями и 3-мя картами. Перев. съ англ. А. Каменскаго. (Культурно-историческая библіотека). Цѣна 1 р. 50 к.

Эдвардъ Клоддъ.

I. Картина міра. Перев. съ англ. Д. Коропчевскаго. II. Дѣтство человѣчества. Перев. съ англ. А. Николаева. 98 рисунковъ. (№№ 1 и 2 «Образовательной Библіотеки). Цѣна 1 рубль.

Вып. II соч. Э. Реклю. Земля и Люди. Всемірная Географія.

БЕЛЬГІЯ и ГОЛЛАНДІЯ.

Полный переводъ съ франц. Пл. Краснова.

Съ приложеніемъ очерка государственнаго устройства обоихъ государствъ и статистическихъ свѣдѣній, относящихся до Бельгіи и Голландіи, составленныхъ Д. Протопоповымъ, и библіограф. указателемъ. Съ 67 рис. и 9 чертежами.

Цѣна 1 руб.

Первый выпускъ того же сочиненія—**Швеція и Норвегія.** Спб. 1896 г. Ц. 1 руб.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. НАУМОВА.

2 т. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

НА КРАЙ СВѢТА

И ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ.

ИВ. БУНИНА.

Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА И САМООБРАЗОВАНІЯ.

Гольмсъ, Ф. М. Великіе люди и ихъ великія произведенія. Разсказы о сооруженіяхъ знаменитыхъ инженеровъ. Перев. съ англ. Съ приложеніемъ историческаго очерка развитія желѣзныхъ дорогъ, пароходства и сооруженія мостовъ и туннелей въ Россіи, составленнаго П. Красновымъ. 77 иллюстрацій въ текстѣ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 60 к.

ДЛЯ ДѢТСКАГО И НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ.

Сто разсказовъ изъ жизни животныхъ (для младшаго возраста). Переводъ съ англ. З. Журавской. 53 рисунка. Спб. 1897 г. Ц. 50 к. въ папкѣ 60 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Исповѣдь. Разсказъ. Спб. Ц. 5 к.

Буninъ, Ив. На край свѣта. Кастрюкъ. Ц. 10 к.

Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ контору изданій.

Вышелъ новый каталогъ изданій О. Н. Поповой; по требованію высылается безплатно.

Изданія О. Н. ПОПОВОЙ.

Добролюбовъ, Н. А. Собраніе сочиненій. 4 т. Съ портр. автора и біографіей, составленной **А. М. Скабичевскимъ**. Спб. 1896. Ц. безъ перес. 7 р. Пересылка по разстоянію за 9 фунтовъ.

Шелгуновъ, Н. В. Собраніе сочиненій. 2 т. Второе доп. изд. Спб. 1895 г. Ц. 3 руб.

Шелгуновъ, Н. В. Очерки русской жизни. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

Михайловскій, Н. К. Критическіе опыты. Т. III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ.—Герой безвременья. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

Дитятинъ, И. Статьи по исторіи русскаго права. Ц. 2 р. 50 к.

Карѣевъ, Н. И. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Спб. 1895 г. 300 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Карѣевъ, Н. Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра (Греція и Римъ). Спб. 1895. Ц. 40 к.

Кривенко, С. Н. На распутьи. Культурные колонисты и одиночки. Спб. 1895. Ц. 1 р. 25 к.

Рубакинъ, Н. А. Этюды о русской читающей публикѣ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рубакинъ, Н. А. Приключенія двухъ кораблей. (Изд. для народа). Спб. 1896. Ц. 20 к.

Рубакинъ, Н. А. Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы Съ рисунками. Изд. 3-е. Спб. 1896. Ц. 18 к.

Острогорскій, Викторъ. Изъ исторіи моего учительства. — Какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864). Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Три конца. Уральская лѣтопись. Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Волчья сыть. Романъ въ трехъ частяхъ. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Станюковичъ, К. Морскіе силуэты. Нянька. — Матроска. — Генералъ-арестантъ. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Станюковичъ, К. Откровенные. Ром. въ 2 ч. Спб. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

Дарвинъ, Ч. Сочиненія 2 т. Полные переводы, провѣренные по послѣднимъ англійскимъ изданіямъ. Спб. 1896 г. Ц. 4 р. 50 к.

Т. I. Вступительная статья проф. К. Тимирязева.—Автобіографія Дарвина. Пер. проф. К. Тимирязева.—Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ «Бигль». Пер. Е. Бекетовой, подъ ред. проф. А. Бекетова. — Происхожденіе видовъ. Нов. перев. проф. К. Тимирязева.—Т. II. Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Пер. проф. И. Сѣченова.—О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ, перев. академ. А. О. Ковалевскаго.

Тэйлоръ, Эдуардъ Б. Первобытная культура. Изслѣдованія развитія миѳологіи, философіи, религіи, языка, искусства и обычаевъ. Изд. 2-е, испр. и дополн. по 3-му англ. изд., подъ редакц. Д. А. Коропчевскаго. 2 т. Спб. 1896—97 г. Ц. 4 р.

Леббокъ, Д. Какъ надо жить (The use of life). Пер. съ англ. Д. Коропчевскаго. Спб. 1895. 80 к. (*Распродано*).

Летурно, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. I. Съ 53 рис. Спб. 1896. Ц. 60 к.

Реклю, Э. Земля.—Описаніе жизни земного шара. Перев. безъ пропусковъ съ посл. франц. изд., подъ ред. и съ примѣч. Н. А. Рубакина и съ приложеніемъ списка научно-популярныхъ книгъ. Съ 359 рис. и 23 картами. Спб. 1895 (*Всѣ полные экземпляры распроданы*).

Вып. I Ч. I. Земля какъ планета.—Ч. II. Суша, горы и равнины. Ц. 90 к. (*Вып. I распроданъ*).—Вып. II. Ч. III. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Ц. 1 р. 30 к.—Вып. III. Ч. IV. Подземныя силы. Ц. 1 р. 10 к.—Вып. IV. Ч. V. Океанъ. Ц. 1 р. 10 к.—Вып. V. Ч. VI. Атмосфера и воздушныя явленія. Ц. 1 р.—Вып. VI. Ч. VII. Жизнь. Ц. 1 р. 30 к.

Реклю. Земля и люди. Всемірная географія. Вып. I. Швеція и Норвегія Полн. перев. съ франц. П. Краснова. Съ прилож. очерка государственнаго устройства обоихъ государствъ, статистич. таблицъ и библіограф. указателя книгъ и статей на русскомъ языкѣ, относящихся къ Швеціи и Норвегіи. Съ 76 рис. и прилож. Спб. 1896. Ц. 1 р.

Іонасъ-Ли. Ніобея. Романъ. Пер. О. Н. Поповой. Спб. 1896. Ц. 60 к.

Культурно-историческая библіотека.

Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Пер. съ англ. съ прим. и предисл. А. В. Каменскаго. Спб. 1895 г. Ц. 80 к.

Корелинъ, М. Паденіе античнаго міросозерцанія. Лекціи, чит. въ Московск. Политехнич. музеѣ. Спб. 1895. Ц. 75 к.

Гольцевъ, В. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка. Спб. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Минье. Исторія французской революціи. Пер. под. ред. и съ предисл. К. К. Арсеньева. Съ прилож. нѣсколькихъ главъ изъ «Революціи», соч. Эдг. Кине. Печатано безъ перемѣнъ съ 1-го рус. изданія, допущ. въ библіотеки средне-учебн. заведеній. Изд. 3-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Мармери, Д. В. Прогрессъ науки, его происхожденіе, развитіе, причины и результаты. Пер. съ англ. съ прилож. библіографич. указателя научныхъ книгъ по различнымъ отраслямъ знанія. Спб. 1896. Ц. 1 р. 75 к.

Буассье, Гастонъ. Картины древне-римской жизни. Очерки обществ. настроенія временъ цезарей. (Opposition sous les Cesars). Пер. съ франц. Е. В. Дегена. Спб. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Ингрэмъ. Исторія рабства. Пер. З. Журавской, съ дополненіями. Спб. 1896. Ц. 1 р. 25 к.

Гардинеръ, С. Р. Пуритане и Стюарты. 1603—1660 г.—**Эйри, О.** Реставрація Стюартовъ и Людовикъ XIV отъ Вестфальскаго до Нимвегенскаго мира. Перев. съ англ. А. Каменскаго. Спб. 1896. Ц. 1 р. 75 к.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. I. Англійская литература (1660—1770). Перев. А. Н. Пыпина. Изд. 2-е, испр. и дополн. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бэрдъ, Ч. Исторія реформаціи XVI вѣка въ ея отношеніи къ новому мышленію и знанію. Перев. Е. А. Звягинцева, подъ редакц. и съ предисл. проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Киддъ, Бенжаменъ. Соціальная эволюція. Съ предисловіями Н. К. Михайловскаго и проф. Вейсмана. Перев. съ англ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Лица, выписывающія изданія изъ конторы журнала «Новое Слово» (Спб., Спасская ул., д. № 15) и изъ конторы изданій О. Н. Поповой (Спб., Невскій, 54, Библ. Черкесова), за пересылку не платятъ, исключая сочиненій Добролюбова и изданій, выходящихъ по подпискѣ.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Дюрингъ. Великіе люди въ литературѣ.

Летурно, Ш. Соціологія, основанная на этнографіи. Вып. II-й.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. II. Французская литература.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА НОВОЕ ИЗДАНІЕ

О. Н. ПОПОВОЙ.

ФРИТІОФЪ НАНСЕНЪ.

„ВО МРАКѢ НОЧИ И ВО ЛЬДАХЪ".

ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ СѢВЕРНОМУ ПОЛЮСУ НОРВЕЖСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ НА КОРАБЛѢ «ФРАМЪ».

Полный переводъ со шведскаго М. Вечеслова, подъ редакціей Н. Березина. Изданіе будетъ выходить выпусками (до 15-ти), которые составятъ около 45 листовъ текста, съ приложеніемъ 2-хъ картъ и около 200 рисунковъ. Подписная цѣна на все изданіе **3 р. безъ пересылки**; съ пересылкой **4 р. 50 к.** *). При перес. наложеннымъ платежемъ почта взимаетъ 10 к. за каждый нал. платежъ.

Вып. I и II вышли изъ печати.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ изданій О. Н. Поповой (Спб., Невскій, 54 библіотека Черкесова) и ея отдѣленіяхъ (Спб. Спасская, 15, редакція журнала «НОВОЕ СЛОВО») и Москва, книжный магазинъ «Трудъ», Тверская д. Спиридонова.

Каталогъ изданій по требованію высылается безплатно.

Складъ изданій у Н. П. Карбасникова (СПБ., Варшава, Москва).

*) Пересылку изданій по подпискѣ контора ни въ какомъ случаѣ на свой счетъ не принимаетъ.

НОВОЕ СЛОВО

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ II. КН. 6.

МАРТЪ

1897.

3113

Пров. 50

КОНТОРА РЕДАКЦІИ:
С.-Петербургъ, Спасская улица, домъ № 15.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

Контора редакціи журнала «Новое Слово» покорнѣйше проситъ г.г. подписчиковъ въ разсрочку поспѣшить уплатою за второе полугодіе (апрѣль—сентябрь) или за третью четверть (апрѣль—іюнь), во избѣжаніе перерыва въ полученіи слѣдующихъ книжекъ журнала.

1897 г.—Мартъ. № 6.

СОДЕРЖАНІЕ:

КЪ ПОДПИСЧИКАМЪ. О. Н. Поповой.

1. КОНОВАЛОВЪ. Очеркъ. М. Горькаго. . . . . 1— 49
2. АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ГЕРЦЕНЪ И НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЗАХАРЬИНА. (Ихъ переписка). . . . . 50— 66
3. * * * Стихотвореніе. Ѳ. Кочерова 66
4. ВИТАЛИЗМЪ. Статья проф. Макса Ферворна. (Переводъ съ рукописи). . . . . 67— 85
5. ВЪ ЧУЖОМЪ ГНѢЗДѢ. Романъ. XXIII—XXIX. К. Ельцовой. 86—133
6. ПО КОЧЕВЬЯМЪ ЗАБАЙКАЛЬСКИХЪ БУРЯТЪ. II—III. М. Кроля. . . . . 134—158
7. ЗАДАТОКЪ ЖЕНИХА. Повѣсть Эдуарда Вильдэ. (Съ эстонскаго). . . . . 159—205
8. ОБѢТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ. Романъ. Кн. III. Генриха Понтопидана. (Съ датскаго) . . . . . 206—238

9. НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ. I. Наши утописты. Novus. . . . . 1— 20
10. ФИНЛЯНДСКІЙ СЕЙМЪ. Письмо изъ Гельсингфорса. Р—на. 21— 35
11. ИВАНЪ ФРАНКО. (Галицкій писатель). Евгенія Дегена. . . 36— 55
12. НОВЫЯ КНИГИ.

I. **Беллетристика и поэзія.** А. Коринфскій, Тѣни жизни. Стихотворенія 1895—1896 г.—А. Коринфскій, Вольная птица и другіе разсказы.—Кружнымъ путемъ. Романъ М. Зинина (С. Шарапова).—Ив. Шмелевъ, На скалахъ Валаама.—II. **Географія и этнографія.** Влад. Птицынъ, Селенгинская Даурія. Очерки Забайкальскаго края.—III. **Поли-**

тическая экономія. Промышленность. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Перев. съ нѣмецкаго. Изд. М. и Н. Водовозовыхъ. — С. Сергѣевъ, Вопросы русской промышленности.—IV. **Народныя книги.** «Новая серія изданій» т-ва И. Д. Сытина. . . . . 56—72

13. КЪ ВОПРОСУ О ВЛІЯНІИ НИЗКИХЪ ХЛѢБНЫХЪ ЦѢНЪ. **М. Туганъ-Барановскаго.** . . . . . 73—83

14. ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

I. ШКОЛЫ И БИБЛІОТЕКИ ВЪ ТЮРЬМАХЪ. **Гр. Дубовенко.** . 84—9

II. СЪѢЗДЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВЪ ВЗАИМОПОМОЩИ. **Д. Д.** 98—11

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ. Періодическая печать на Кавказѣ. . . 116—12

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. Изъ г. Кириллова (Новгородской губ.). **А. Клм.** — Изъ Новочеркасска. (Жизнь современнаго казачества). **Икса.** — Тверь. (Страничка настоящаго). **С. Ан. Ч—аго.** — Изъ Тульской губерніи. (Зимній наемъ на полевыя работы). . . . . 124—14

15. ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

Бомбардировка критскихъ инсургентовъ европейскими эскадрами.— Рѣчь Ганото. — Упорство Греціи.—Мѣры строгости.—Восточный вопросъ. — Международное положеніе Россіи и Англіи.—Успѣхи Россіи въ Азіи.—Русско-японскій договоръ.—Голодъ въ Индіи.—Вмѣшательство Германіи въ греко-турецкій конфликтъ.—Исторія политической полиціи въ Германіи. — Рѣчь Маршаля.—Гоненіе на нѣмецкихъ профессоровъ. — Предстоящіе выборы въ Германіи.—Выборы въ австрійскій рейхсратъ.—Клерикализмъ во Франціи. **В. П.** . . . . . 142—156

16. ТЕКУЩІЕ ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Усложненіе жизни и его симптомъ—самоотрицаніе крайняго консерватизма на страницахъ «Петербургскихъ Вѣдомостей». — Столичное губернское земство и пересмотръ крестьянскаго законодательства.—«Метаморфоза сословій».—Разслоеніе крестьянства.—Историческая справка о полемикѣ Редакціонной Комиссіи съ членами Губернскихъ Комитетовъ. — Характеристика юридическаго положенія крестьянской личности.—Одно мнѣніе въ пользу всесословной самоуправляющейся единицы.—Превращеніе всесословной волости изъ крѣпостническаго пугала въ либеральное.—Значеніе этого превращенія.—Будущая волость должна быть всеклассной.—Post-scriptum. Приглашеніе Земскаго Отдѣла **М. В. Д. П. Б.** . . . . . 157—172

17. ОТЪ ИМП. ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІИ.

18. НОВЫЯ КНИГИ, присланныя въ редакцію въ февралѣ.

19 ОБЪЯВЛЕНІЯ.

20. ПРИЛОЖЕНІЕ: ИСТОРІЯ АНГЛІЙСКАГО НАРОДА ВЪ ЕГО ЛИТЕРАТУРѢ. Соч. **Ж. Жюссерана.** . . . . . 225—256

Редакторъ А. Н. Поповъ. Издатель М. Н. Семеновъ.

13 февраля въ № 7531 «Новаго Времени» помѣщено заявленіе о выходѣ изъ состава сотрудниковъ «Новаго Слова» г.г. С. Кривенко, А. Скабичевскаго, В. В., В. Тимирязева, В. Яроцкаго, Вас. Немировича-Данченко, Н. Рубакина, Я. Абрамова, Л. Оболенскаго, К. Тимирязева, К. Станюковича и С. Щепотьева.

Заявленіе это было сдѣлано непосредственно за принятіемъ мною рѣшенія по отчужденію права на изданіе журнала, чему предшествовала попытка передать журналъ ближайшему сотруднику С. Н. Кривенко, при участіи котораго образовалась редакція прежняго состава. Предложеніе это было мною сдѣлано въ первой половинѣ января на самыхъ льготныхъ условіяхъ, но соглашеніе не состоялось.

Въ интересахъ дѣла и по состоянію моего здоровья было настоятельно необходимо разрѣшить затрудненія къ началу февраля.

При передачѣ права на изданіе обстоятельно выговорено, а моимъ преемникомъ съ полною готовностью принято, выполненіе всѣхъ обязательствъ, вытекающихъ изъ условій подписки, объявленныхъ на 1896—1897 г.

Какъ ни велика во мнѣ увѣренность въ исполненіи моимъ преемникомъ обязательствъ передъ подписчиками, тѣмъ не менѣе возможно, что непредусмотрѣнный случай, выходъ изъ числа сотрудниковъ лицъ, участвовавшихъ въ заявленіи 13 февраля, можетъ вызвать у кого-либо желаніе прекратить полученіе жур-

нала; поэтому я заявляю, что во всякое время готова возвратить нежелающимъ получать журналъ полугодовую подписную сумму, о чемъ и прошу заявить по адресу конторы журнала.

Условія по высылкѣ моихъ изданій для подписчиковъ журнала «Новое Слово» остаются безъ измѣненій и на будущее время.

О. Н. Попова.

КОНОВАЛОВЪ.

Очеркъ.

Разсѣянно пробѣгая глазами газетный листъ, я встрѣтилъ фамилію — Коноваловъ и, заинтересованный ею, прочиталъ слѣдующее:

„Вчера ночью, въ общей камерѣ мѣстнаго тюремнаго замка, повѣсился на отдушинѣ печи мѣщанинъ города Мурома Александръ Ивановичъ Коноваловъ, 40 лѣтъ. Самоубійца былъ арестованъ въ Псковѣ за бродяжничество и пересылался этапнымъ порядкомъ на родину. По отзыву тюремнаго начальства, это былъ человѣкъ всегда тихій, молчаливый и задумчивый. Причиной, побудившей Коновалова къ самоубійству, какъ заключилъ тюремный докторъ, слѣдуетъ считать меланхолію“.

Я прочиталъ эту краткую замѣтку петитомъ, — сообщенія о гибели маленькихъ людей принято печатать мелкимъ шрифтомъ,— я прочиталъ ее и подумалъ, что мнѣ, можетъ быть, удастся нѣсколько яснѣе освѣтить причину, побудившую этого задумчиваго человѣка уйти изъ жизни, потому что я зналъ его, когда-то жилъ съ нимъ. Пожалуй, я даже и не вправѣ промолчать о немъ,— это былъ славный малый, а ихъ не часто встрѣчаешь на жизненномъ пути.

...Мнѣ было восемнадцать лѣтъ, когда я встрѣтилъ Коновалова въ первый разъ. Въ то время я работалъ въ хлѣбопекарнѣ, какъ „подручный“ пекаря. Пекарь былъ солдатъ изъ „музыкальной команды“, онъ страшно пилъ водку, часто портилъ тѣсто и, пьяный, любилъ наигрывать на губахъ и выбивать пальцами на чемъ попало различныя пьесы. Когда хозяинъ пекарни дѣлалъ ему внушенія за испорченный или опоздавшій къ утру товаръ, онъ бѣсился и ругалъ хозяина, ругалъ безпощадно и при этомъ всегда указывалъ ему на свой музыкальный талантъ.

— Передержалъ тѣсто!—кричалъ онъ, оттопыривая свои рыжіе, длинные усы и шлепая губами, толстыми и всегда почему-то

мокрыми.—Не додержалъ тѣсто! Корка сгорѣла! Хлѣбъ сырой! Ахъ ты, чортъ тебя возьми, косоглазая кикимора!

— Да развѣ я для этой работы родился на свѣтъ? Будь ты анаѳема съ твоей работой—я музыкантъ! Понялъ?! Я — бывало, альтъ запьетъ—на альтѣ играю; гобой подъ арестомъ—въ гобой дую; корнетъ-а-пистонъ хвораетъ—кто его можетъ замѣнить? Сучковъ! Я! Радъ стараться, ваше благородіе. Тим-тар-рам-да-дди! А ты—м-мужикъ, кацапъ! Давай расчетъ!

А хозяинъ, сырой и пухлый человѣкъ, съ косыми, заплывшими жиромъ глазками и женоподобнымъ лицомъ, колыхая громаднымъ животомъ, топалъ по полу короткими, толстыми ногами и визгливымъ голосомъ вопилъ:

— Губитель! Раззорить! Христопродавецъ Іуда! Господи, за что ты меня наказалъ такимъ человѣкомъ!—Растопыривъ короткіе пальцы, онъ воздѣвалъ руки къ небу и вдругъ громко, голосомъ рѣзавшимъ уши, возглашалъ:—А ежели я тебя за твой бунтъ въ полицію?

— Слугу царя и отечества въ полицію?—ревѣлъ солдатъ и уже лѣзъ на хозяина съ кулаками. Тотъ ретировался отплевываясь, взволнованно сопя и ругаясь. Это все, что онъ могъ сдѣлать — было лѣто, время, когда въ приволжскомъ городѣ очень трудно найти хорошаго пекаря.

Такія сцены разыгрывались почти ежедневно. Солдатъ пилъ, портилъ тѣсто и игралъ разные марши и вальсы или „пумера“, какъ онъ говорилъ; хозяинъ скрежеталъ зубами, а мнѣ въ силу этого приходилось работать за двоихъ, что было мало логично и очень утомительно.

И я былъ весьма обрадованъ, когда однажды между хозяиномъ и солдатомъ разыгралась такая сцена.

— Ну, солдатъ,—сказалъ хозяинъ, появляясь въ пекарнѣ съ лицомъ сіяющимъ и довольнымъ и съ глазками, сверкавшими ехидной улыбкой:—ну, солдатъ, оттопыривай губы и играй походный маршъ!

— Чего еще?!—мрачно сказалъ солдатъ, лежавшій на ларѣ съ тѣстомъ и, по обыкновенію, полупьяный.

— Въ походъ собирайся, капралъ!—ликовалъ хозяинъ.

— Куда?—спросилъ солдатъ, спуская съ ларя ноги и чувствуя что-то недоброе.

— Куда хочешь, хошь на турку, хошь на англичанку...

— Это какъ понимать?—запальчиво крикнулъ солдатъ.

— А такъ и понимай, что больше я тебя часа держать не

стану. Иди наверхъ, получи расчетъ и на всѣ четыре стороны—маршъ!

Солдатъ привыкъ быть диктаторомъ, привыкъ чувствовать свою силу и безвыходность положенія хозяина, и заявленіе послѣдняго нѣсколько отрезвило его, онъ не могъ не понимать, какъ трудно ему съ его знаніемъ ремесла найти себѣ мѣсто.

— Ну, это ты врешь!.. — съ тревогой сказалъ онъ, вставая на ноги.

— Иди-ка, иди...

— Идти?

— Проваливай.

— Наработался значитъ...—съ горечью мотнулъ головой солдатъ.—Пососалъ ты изъ меня крови, высосалъ и вонъ меня. Ловко! Это хорошо! Ахъ ты... паукъ!

— Я паукъ?—вскипѣлъ хозяинъ.

— Ты! Кровососецъ паукъ—вотъ какъ!—убѣдительно сказалъ солдатъ и, пошатываясь, пошелъ къ двери.

Хозяинъ ехидно смѣялся вслѣдъ ему, и его глазки радостно сверкали.

— Поди-ка вотъ теперь поступи на мѣсто къ кому-нибудь! Н-да. Я тебя, голубчика, вездѣ такъ разрисовалъ, что хоть ты даромъ просись—не возьмутъ! Нигдѣ не возьмутъ... Я позаботился о тебѣ, чертоломина ты гнилоголовая!

— Новаго-то пекаря уже наняли?—спросилъ я.

— Новаго? Новый-то—онъ старый. Моимъ подручнымъ былъ. Ахъ, какой пекарь! Золото! Но тоже пьяница и-ихъ! Только онъ запоемъ тянетъ... Вотъ онъ придетъ, возьмется за работу и мѣсяца три—четыре учнетъ ломить, какъ медвѣдь! Сна, покоя не знаетъ, за цѣной не стоитъ—сколько дашь. Работаетъ и поетъ! Такъ онъ, братецъ ты мой, поетъ, что даже слушать его невозможно—тягостно дѣлается на сердцѣ. Поетъ, поетъ, потомъ учнетъ снова пить!

Хозяинъ вздохнулъ и безнадежно махнулъ рукой.

— И когда онъ запьетъ—нѣтъ ему тутъ никакого удержу. Пьетъ до тѣхъ поръ, пока не захвораетъ или не пропьется до гола... Тогда стыдно ему бываетъ, что ли, онъ и пропадаетъ куда-то, какъ нечистый духъ отъ ладона. А вотъ и онъ... Совсѣмъ пришелъ, Леса?

— Совсѣмъ,—отвѣчалъ съ порога глубокій грудной голосъ.

Тамъ, прислонясь плечомъ къ косяку двери, стоялъ высокій, плечистый мужчина лѣтъ тридцати. По костюму это былъ типич-

ный босякъ, по фигурѣ и лицу — настоящій славянинъ, рѣдкій экземпляръ расы. На немъ была одѣта краспая кумачевая рубаха, невѣроятно грязная и рваная, холщевыя широкія шаровары, а на ногахъ—на одной остатки резиноваго ботика, на другой кожаный опорокъ. Свѣтло-русые волосы на головѣ были спутаны, и въ нихъ торчали щепочки, соломинки, какія-то бумажки; все это было и въ его роскошной русой же бородѣ, точно вѣеромъ закрывавшей ему грудь. Продолговатое, блѣдное и изнуренное лицо освѣщалось голубыми глазами, большими, задумчивыми и смотрѣвшими на меня съ ласковой улыбкой. И губы у него красивыя, но немного блѣдныя тоже улыбались подъ русыми усами. Улыбка была такая, точно онъ хотѣлъ сказать ею:

— Вотъ я какой... Не обезсудьте ужъ...

— Проходи, Сашокъ, вотъ тебѣ подручный, — говорилъ хозяинъ, потирая руки и любовно оглядывая могучую фигуру новаго пекаря. Тотъ молча шагнулъ впередъ, протянулъ мнѣ длинную руку съ богатырски широкой кистью; мы поздоровались; онъ сѣлъ на скамью, вытянулъ впередъ ноги, посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ хозяину:

— Ты мнѣ, Никола Никитичъ, купи двѣ смѣны рубахъ, да опорки... Холста еще на колпакъ.

— Все будетъ, не бойсь! Колпаки у меня есть; рубахи и порты вечеромъ будутъ. Знай работай, пока что; я тебя знаю, кто ты есть. Не обижу... Коновалова никто не обидитъ, потому онъ самъ никого не обижаетъ. Развѣ хозяинъ звѣрь? Я самъ тоже работалъ, знаю, какъ рѣдька слезы выжимаетъ... Ну, оставайтесь значитъ, ребятушки, а я пойду...

Мы остались одни.

Коноваловъ сидѣлъ на скамьѣ и молча, улыбаясь, осматривался вокругъ. Пекарня помѣщалась въ подвалѣ со сводчатымъ потолкомъ, и ея три окна были ниже уровня земли. Свѣта было мало, мало было и воздуха, но зато много было сырости и мучной пыли. У стѣнъ стояли длинные лари: одинъ съ тѣстомъ, другой еще только съ опарой, третій пустой. На каждый ларь ложилась изъ окна тусклая полоса свѣта. Громадная печь занимала почти треть пекарни; около нея на грязномъ полу лежали мѣшки муки. Въ печи жарко горѣли горячія плахи дровъ, и отраженное на сѣрой стѣнѣ пекарни пламя ихъ колебалось и дрожало, точно безъ звуковъ разсказывало о чемъ-то. А дрова въ печи звучно трещали. Запахъ квашенаго тѣста и сырости наполнялъ промозглый воздухъ.

Сводчатый, закопченный потолокъ давилъ своей тяжестью, и

отъ соединенія дневного свѣта съ огнемъ въ печи образовалось какое-то неопредѣленное и утомлявшее глаза освѣщеніе. Въ окна съ улицы лился глухой шумъ и летѣла пыль. Коноваловъ осмотрѣлъ все это, вздохнулъ и, въ полоборота повернувшись ко мнѣ, спросилъ скучнымъ голосомъ:

— Давно здѣсь работаешь?

Я сказалъ. Помолчали, исподлобья осматривая другъ друга.

— Экая тюрьма! — вздохнулъ онъ.—Пойдемъ на улицу къ воротамъ, посидимъ?..

Мы вышли къ воротамъ и сѣли на лавку.

— Здѣсь хоть дышать можно. Я къ пропасти этой сразу и не привыкну... не могу. Самъ посуди, отъ моря я пришелъ— въ Каспіѣ на ватагахъ работалъ—и вдругъ сразу съ широты такой—бухъ въ яму!

Онъ съ печальной улыбкой посмотрѣлъ на меня и замолчалъ, пристально вглядываясь въ прохожихъ и въ проѣзжихъ. Въ его голубыхъ, ясныхъ глазахъ свѣтилось много печали о чемъ-то... Вечеръ наступалъ; на улицѣ было душно, шумно, пыльно, и отъ домовъ на дорогу ложились тѣни. Коноваловъ сидѣлъ, прислонившись спиной къ стѣнѣ, сложивъ руки на груди и перебирая пальцами шелковистые волосы своей бороды. Я съ боку смотрѣлъ на его овальное, блѣдное лицо и думалъ: что это за человѣкъ? Но я не рѣшался заговорить съ нимъ, потому что онъ былъ моимъ начальникомъ и потому еще, что онъ внушалъ мнѣ какое-то странное уваженіе къ себѣ.

Лобъ у него былъ разрѣзанъ тремя тонкими морщинками, они то разглаживались и исчезали, то обрисовывались рѣзче, и мнѣ очень хотѣлось знать, о чемъ думаетъ этотъ человѣкъ...

— Пойдемъ-ка; пора, чай, ставить третью квашню. Ты мѣси вторую, а я тѣмъ временемъ поставлю, да потомъ будемъ и короваи валять.

Когда мы съ нимъ „развѣсили“ и „раскатали“ одну гору тѣста въ чашки, замѣсили другую и поставили опару для третьей— мы сѣли пить чай, и въ это время Коноваловъ, сунувъ руку куда-то за пазуху, спросилъ меня:

— Ты читать умѣешь? Это хорошо! На-ко вотъ, почитай,—и подалъ мнѣ смятый и запачканный листикъ бумаги.

„Дорогой Саша!—читалъ я.—Кланяюсь и цѣлую тебя за-„очно. Плохо мнѣ и очень скучно живется, не могу дождаться „того дня, когда я уѣду съ тобой или буду жить вмѣстѣ съ тобой; „надоѣла мнѣ эта жизнь проклятая невозможно, хотя вначалѣ

„и нравилась. Ты самъ это хорошо понимаешь, я тоже стала по-„нимать, какъ познакомилась съ тобой. Напиши мнѣ, пожалуйста, „поскорѣе; очень мнѣ хочется получить отъ тебя письмецо. А пока „до свиданья, а не прощай, мой милый бородатый другъ моей души. „Упрековъ я тебѣ никакихъ не пишу, хоша я тобой и разогорчена, „потому что ты свинья—уѣхалъ, со мной не простился. Но все же „ничего я отъ тебя, кромѣ хорошаго, не видѣла: ты былъ одинъ „еще первый такой, и я про это не забуду. Нельзя ли постараться, „Саша, о моей выключкѣ. Тебѣ дѣвицы говорили, что я убѣгу отъ „тебя, если буду выключена; но это все вздоръ и чистая неправда. „Если бы ты только сжалился надо мной, то я послѣ выключки „стала бы съ тобой, какъ собака твоя. Тебѣ вѣдь легко это сдѣ-„лать, а мнѣ очень трудно. Когда ты былъ у меня, я плакала, что „принуждена такъ жить, хотя я тебѣ этого не сказала. До сви-„данья. Твоя Капитолина“.

Коноваловъ взялъ у меня письмо и задумчиво сталъ вертѣть его между пальцами одной руки, другой покручивая бороду.

— И писать ты умѣешь?

— Могу...

— А чернила у тебя есть?

— Есть.

— Напиши ты ей, Христа ради, письмо, а? Она, чай, поди мерзавцемъ меня считаетъ, думаетъ—я про нее забылъ... Напиши!

— Изволь. Хоть сейчасъ... Она кто?..

— Проститутка... Чай, видишь самъ—о выключкѣ пишетъ. Это, значитъ, чтобы я полиціи далъ обѣщаніе, что женюсь на ней, тогда ей возвратятъ ея паспортъ, а книжку у нея отберутъ, и будетъ она съ той поры свободная! Вникъ?

Черезъ полчаса готово было трогательное посланіе къ ней.

— Ну-ка почитай, какъ оно вышло?—съ нетерпѣніемъ спросилъ Коноваловъ.

Вышло вотъ какъ:

„Капа! Не думай про меня, что я подлецъ и забылъ уже о „тебѣ. Нѣтъ, я не забылъ, а просто запилъ и весь пропился. Те-„перь снова поступилъ на мѣсто, и завтра возьму у хозяина денегъ „впередъ, вышлю ихъ на Филиппа, и онъ тебя выключитъ. Денегъ „тебѣ на дорогу хватитъ. А пока—до свиданья. Твой Александръ“.

— Гм...—сказалъ Коноваловъ, почесавъ голову:—а пишешь ты не важно. Жалости нѣтъ въ письмѣ у тебя, слезы нѣтъ. И опять же, я просилъ тебя ругать меня разными словами, а ты это не написалъ...

— Да зачѣмъ это?

— А чтобы она видѣла, что мнѣ передъ ней стыдно и что я понимаю, какъ я передъ ней виноватъ. А такъ что! Точно горохъ просыпалъ—написалъ!

Пришлось допустить въ письмо слезу, что я съ успѣхомъ и выполнилъ. Коноваловъ удовлетворился и, положивъ мнѣ руку на плечо, задушевно проговорилъ:

— Вотъ, теперь славно! Спасибо! Ты парень, видно, хорошій... значитъ мы съ тобой уживемся.

Я не сомнѣвался въ этомъ и попросилъ его разсказать мнѣ о Капитолинѣ.

— Капитолина? Дѣвочка она... совсѣмъ дитя. Швейка, сначала шила, а потомъ, вотъ, свихнулась. Дальше да больше и попала въ такой домъ... знаешь? Я пришелъ — смотрю, ребенокъ еще совсѣмъ! Господи, думаю, развѣ такъ можно? Ну и познакомился съ ней. Она — плакать. Я говорю: ничего, потерпи! Я те отсюда вытащу—погоди! И все у меня было готово, т.-е. деньги и все... И вдругъ я запилъ. Потомъ вотъ сюда попалъ. Извѣстилъ ее обо мнѣ одинъ человѣкъ, и вотъ она написала мнѣ письмо.

— Что же ты,—спросилъ я его:—жениться хочешь на ней?

— Жениться, гдѣ мнѣ! Ежели у меня запой—какой же я женихъ? Нѣтъ, такъ я это. Выключу ее—и потомъ иди на всѣ четыре стороны. Мѣсто себѣ найдетъ, опять будетъ швейкой.

— Вонъ она съ тобой хочетъ жить...

— Да вѣдь это она такъ, блажитъ только. Онѣ всѣ такія... бабы-то... Я ихъ очень хорошо знаю. У меня много было разныхъ. Даже купчиха одна—богатая! Конюхомъ я былъ въ циркѣ, она меня и выглядѣла. Иди,—говоритъ,—въ кучера. Мнѣ циркъ въ ту пору надоѣлъ, я и согласился, пошелъ. Ну и того... Стала она ко мнѣ ластиться. Домъ это у нихъ, лошади, прислуга—какъ дворяне жили. Мужъ у нея былъ низенькій и толстый, на манеръ нашего хозяина, а сама она такая худая, гибкая, какъ кошка, горячая. Бывало, какъ обниметъ да поцѣлуетъ въ губы — какъ углей горячихъ въ сердце всыплетъ. Такъ ты весь и задрожишь, даже страшно станетъ. Цѣлуетъ, бывало, а сама все плачетъ; плечи у нея даже ходуномъ ходятъ. Спрошу ее: чего ты, Вѣрунька? А она: ребенокъ,—говоритъ,—ты, Саша; не понимаешь ты ничего. Славная была... А это она вѣрно—что я не понимаю-то ничего—очень я дураковатъ, самъ знаю. Что дѣлаю—не понимаю. Какъ живу—не думаю!

И, замолчавъ, онъ посмотрѣлъ на меня широко раскрытыми глазами; въ нихъ свѣтился не то испугъ, не то вопросъ, что-то

тревожно-вдумчивое, отъ чего красивое лицо его стало еще печальнѣе и еще краше...

— Ну, и какъ же ты съ купчихой-то кончилъ?—спросилъ я.

— А на меня, видишь ты, тоска находитъ. Такая, скажу я тебѣ, братецъ мой, тоска, что невозможно мнѣ въ ту пору жить, совсѣмъ нельзя. Какъ будто я одинъ человѣкъ на всемъ свѣтѣ, и, кромѣ меня, нигдѣ ничего живого нѣтъ. И все мнѣ въ ту пору противѣетъ—все какъ есть; и самъ я себѣ становлюсь въ тягость, и всѣ люди; хоть помирай они—не охну! Болѣзнь это у меня, должно быть. Съ нея я и пить началъ, раньше не пилъ. Такъ вотъ нашла на меня тоска, я и говорю ей, купчихѣ-то: Вѣра Михайловна! Отпусти меня, больше я не могу! Что,—говоритъ,—надоѣла я тебѣ?—И смѣется, знаешь, да таково нехорошо смѣется. Нѣтъ, молъ, не ты мнѣ надоѣла, а самъ я себѣ не подъ силу сталъ. Сначала она не понимала меня, даже кричать стала, ругаться... Потомъ поняла. Опустила голову и говоритъ: что же, иди!—заплакала. Глаза у нея черные и вся она смуглая. Волосы тоже черные и кудрявые. Она не купеческаго роду была, а изъ чиновныхъ... Н-да... Жалко мнѣ ее было, и противенъ я былъ самъ себѣ тогда. Зачѣмъ поддался бабѣ?—Неизвѣстно... Ей, конечно, скучно было съ этакимъ-то мужемъ. Онъ совсѣмъ какъ мѣшокъ муки... Плакала она долго—привыкла ко мнѣ... Я ее очень нѣжилъ—возьму, бывало, на руки и укачаю. Она спитъ, а я сижу и смотрю на нее. Во снѣ человѣкъ очень хорошъ бываетъ, такой простой; дышитъ да улыбается, и больше ничего. А то—на дачѣ когда жили,—бывало, поѣдемъ съ ней кататься,—во весь духъ она любила. Пріѣдемъ куда ни то въ уголокъ въ лѣсу—лошадь привяжемъ, а сами въ холодокъ на траву. Она велитъ мнѣ лечь, положитъ мою голову себѣ на колѣни и читаетъ мнѣ какую-нибудь книжку. Я слушаю, слушаю, да и засну. Хорошія исторіи читала, очень хорошія. Никогда я не забуду одну—о нѣмомъ Герасимѣ и его любимой собакѣ. Онъ, нѣмой-то, гонимый человѣкъ былъ, и никто его, кромѣ собаки, не любилъ. Смѣются надъ нимъ и все такое, онъ сейчасъ къ собакѣ идетъ—очень это жалостная исторія... да! А дѣло то было въ крѣпостное время—барыня и говоритъ ему: нѣмой, иди утопи свою собаку, а то она воетъ.—Ну, нѣмой и пошелъ... Взялъ лодку, посадилъ въ нее собаку и поѣхалъ... Я, бывало, въ этомъ мѣстѣ дрожью дрожу. Господи! У живого человѣка единственную въ свѣтѣ радость его убиваютъ! Какіе это порядки? Ахъ... удивительная исторія! И вѣрно—вотъ что хорошо! Бываютъ такіе люди, что для нихъ весь свѣтъ

въ одномъ въ чемъ-нибудь—въ собакѣ, къ примѣру. А почему въ собакѣ? Потому больше никого нѣтъ, кто бы любилъ такого человѣка, а собака его любитъ. Безъ любви какой-нибудь жить человѣку невозможно—затѣмъ ему и душа дана, чтобы онъ могъ любить... Много она мнѣ разныхъ исторій читала. Славная была женщина, и по сейчасъ жалко мнѣ ее... Кабы не моя планета—не ушелъ бы я отъ нея, пока она сама того не захотѣла бы, или мужъ не узналъ про наши съ ней дѣла. Ласковая она была,—вотъ что первое. Т.-е. не тѣмъ ласковая, что подарки дарила, а такъ по сердцу своему ласковая. Цѣлуется она со мной и все такое—женщина, какъ женщина... а вотъ иногда найдетъ, бывало, на нее этакій тихій стихъ... удивительно даже, до чего она тогда хорошій человѣкъ была. Смотритъ, бывало, прямо въ душу и разсказываетъ, какъ нянька или мать. Я въ такія времена, бывало, прямо какъ пятилѣтній ребенокъ передъ ней. Но все-таки ушелъ отъ нея—потому тоска! Тянетъ меня куда-то... Прощай, говорю, Вѣра Михайловна, прости меня. Прощай, говоритъ, Саша. И—чудная—обнажила мнѣ руку по локоть, да какъ вцѣпится зубами въ мясо! Я чуть не заоралъ! Такъ цѣлый кусокъ и выхватила почти... недѣли три болѣла рука. Вотъ и сейчасъ знакъ цѣлъ...

Обнаживъ богатырскую, мускулистую руку, бѣлую и красивую, онъ показалъ мнѣ ее, улыбаясь добродушно-печальной улыбкой. На кожѣ руки около локтевого сгиба былъ ясно видѣнъ шрамъ—два полукруга, почти соединявшіеся концами. Коноваловъ смотрѣлъ на нихъ и, улыбаясь, качалъ головой.

— Чудачка!—повторилъ онъ:—это она мнѣ на память куснула.

Я слышалъ и раньше исторіи въ этомъ духѣ. У каждаго „босяка“ есть въ прошломъ „купчиха“ или „одна барыня изъ благородныхъ“, и у всѣхъ почти босяковъ эта купчиха и барыня отъ безчисленныхъ варіацій въ разсказахъ о ней является фигурой совершенно фантастической, почти всегда соединяя въ себѣ самыя противоположныя физическія и психическія черты. Если она сегодня голубоглазая, злая и веселая, то можно ожидать, что черезъ недѣлю вы услышите о ней, какъ о черноокой, доброй и слезливой. И обыкновенно босякъ разсказываетъ о ней въ скептическомъ тонѣ съ массой подробностей, которыя унижаютъ ее.

Но исторія, разсказанная Коноваловымъ, не возбудила во мнѣ недовѣрія, созданнаго исторіями, ранѣе слышанными мною. Въ ней звучало что-то правдивое, въ ней были незнакомыя мнѣ детали—эти чтенія книжекъ, этотъ эпитетъ ребенка въ приложеніи къ мощной фигурѣ Коновалова.

Я представилъ себѣ гибкую женщину, спящую у него на рукахъ, прильнувъ головой къ широкой груди—это было красиво и еще болѣе убѣдило меня въ правдѣ его разсказа. Наконецъ, его печальный и мягкій тонъ при воспоминаніи о „купчихѣ“—тонъ исключительный. Истинный босякъ никогда не говоритъ такимъ тономъ ни о женщинахъ, ни о чемъ другомъ—онъ любитъ показать, что для него на землѣ нѣтъ такой вещи, которую онъ не посмѣлъ бы обругать.

— Ты чего молчишь, думаешь, я навралъ?—спросилъ Коноваловъ, и почему-то въ голосѣ его звучала тревога. Онъ раскинулся на мѣшкахъ съ мукой, держа въ одной рукѣ стаканъ чая, а другой медленно поглаживая бороду. Его голубые глаза смотрѣли на меня пытливо и вопросительно, и морщинки на лбу легли рѣзко...

— Нѣтъ, ужъ ты повѣрь... Чего мнѣ врать?.. Оно, положимъ, нашъ братъ, бродяга, сказки разсказывать мастеръ... Нельзя, другъ; если у человѣка въ жизни не было ничего хорошаго, онъ вѣдь никому не повредитъ, коли самъ для себя выдумаетъ какую ни то сказку, да и станетъ разсказывать ее за быль. Разсказываетъ и самъ себѣ вѣритъ, будто такъ оно и было—вѣритъ, ну, ему и пріятно. Многіе живутъ этимъ. Ничего не подѣлаешь... Но я тебѣ разсказалъ правду, такъ оно и было, какъ разсказывалъ. Развѣ тутъ что особенное есть? Женщина живетъ, и ей скучно, а народъ кругомъ все замухрышка... Положимъ, я кучеръ, но женщинѣ это все равно, потому что и кучеръ, и баринъ, и офицеръ—всѣ мужчины и всѣ передъ ней свиньи, всѣ одного и того же ищутъ, и каждый норовитъ, чтобы побольше взять, да поменьше заплатить. Простой-то человѣкъ даже еще лучше, совѣстливѣе. А я очень простой... Женщины это хорошо во мнѣ понимаютъ... видятъ, что не обижу, т.-е. не... тово... не насмѣюсь надъ ней. Женщина—она согрѣшитъ и ничего такъ не боится, какъ смѣха, издѣвки надъ ней. Онѣ стыдливыя—противъ насъ. Мы свое возьмемъ и хоть на базаръ пойдемъ разсказывать, хвастать сястанемъ—вотъ, молъ, какъ мы одну дуру провели!.. А женщинѣ некуда идти, ей грѣха въ удаль никто не ставитъ. Онѣ, братъ, даже самыя потерянныя, и тѣ стыда больше насъ имѣютъ.

Я слушалъ его и думалъ: неужели этотъ человѣкъ вѣренъ самъ себѣ, говоря всѣ эти неподобающія ему рѣчи?

А онъ, задумчиво уставивъ на меня свои по-дѣтски ясные глаза, все говорилъ и все болѣе удивлялъ меня своими рѣчами.

Мнѣ казалось, что меня опутываетъ что-то въ родѣ тумана, теп-

лаго тумана, очищавшаго сердце мое, уже и въ ту пору достаточно сильно запачканное грязью жизни.

Дрова въ печи сгорѣли, и яркая груда углей отбросила отъ себя на стѣну пекарни розоватое пятно... оно дрожало...

Въ окно смотрѣлъ кусочекъ голубого неба съ двумя звѣздами на немъ. Одна изъ нихъ—большая—блестѣла изумрудомъ, другая, неподалеку отъ нея, была чуть видна.

Прошла недѣля, и мы съ Коноваловымъ были друзьями.

— Ты тоже простой парень! Хорошо это!—говорилъ онъ мнѣ, широко улыбаясь и хлопая меня своей ручищей по плечу.

Работалъ онъ артистически. Нужно было видѣть, какъ онъ упражнялся съ семи-пудовымъ куваломъ тѣста, раскатывая его въ чашки, или какъ онъ, наклонившись надъ ларемъ, мѣсилъ, по локоть погружая свои могучія бѣлыя руки въ упругую массу, пищавшую въ его стальныхъ пальцахъ.

Сначала я,—видя, какъ онъ быстро мечетъ въ печь сырые хлѣбы, которые я еле успѣвалъ подкидывать изъ чашекъ на его лопату,—боялся, что онъ насадитъ ихъ другъ на другу; но когда онъ выпекъ три печи и ни у одного изъ ста двадцати караваевъ,—пышныхъ, румяныхъ и высокихъ,—не оказалось „притиска“, я понялъ, что имѣю дѣло съ артистомъ въ своемъ родѣ. Онъ любилъ работать, увлекался дѣломъ, унывалъ, когда печь пекла плохо или тѣсто медленно всходило, сердился и ругалъ хозяина, если онъ покупалъ сырую муку, и былъ по-дѣтски веселъ и доволенъ, если хлѣбы изъ печи выходили правильно круглые, высокіе, „подъемистые“, въ мѣру румяные и съ тонкой, хрустящей коркой. Бывало, онъ бралъ съ лопаты въ руки самый удачный коровай и, перекидывая его съ ладони на ладонь, обжигаясь, весело смѣялся, говоря мнѣ:

— Эхъ, какого красавца мы съ тобой сработали...

И мнѣ было пріятно смотрѣть на этого гигантскаго ребенка.

Однажды я спросилъ его:

— Саша, говорятъ, ты поешь хорошо?

Онъ нахмурился и потупилъ голову.

— Пою... Только это у меня разами бываетъ... полосой. Начну я тосковать, ну, тогда и пою... И ежели пѣть начну — затоскую. Ты ужъ помалкивай объ этомъ... не дразни. Ты самъ-то не поешь? Ахъ ты... штука какая! Ты... лучше потерпи до меня... а пока свисти. Потомъ ужъ оба запоемъ, вмѣстѣ. Идетъ?

Я, конечно, согласился и свистѣлъ, когда хотѣлось пѣть. Но

иногда прорывался и начиналъ мурлыкать себѣ подъ носъ, мѣся тѣсто или катая хлѣбы. Коноваловъ слушалъ меня, шевелилъ губами и черезъ нѣкоторое время напоминалъ мнѣ о моемъ обѣщаніи. А иногда дьявольски грубо кричалъ на меня.

— Брось! Не стонай!

Какъ-то разъ я вынулъ изъ моего сундука книжку и, примостившись къ окну, сталъ читать...

Коноваловъ дремалъ, растянувшись на ларѣ съ тѣстомъ, но шелестъ перевертываемыхъ мною надъ его ухомъ страницъ заставилъ его открыть глаза.

— Про что это, книжка?

Это были „Подлиповцы“.

— Почитай вслухъ, а?—попросилъ онъ...

И вотъ я сталъ читать, сидя на подоконникѣ, а онъ усѣлся на ларѣ и, прислонивъ свою голову къ моимъ колѣнамъ, слушалъ... Иногда я черезъ книгу заглядывалъ въ его лицо и встрѣчался съ его глазами—у меня до сей поры они въ памяти—широко открытые, напряженные, полные глубокаго вниманія... И ротъ его тоже былъ полуоткрытъ, обнажая два ряда ровныхъ бѣлыхъ зубовъ. Поднятыя кверху брови, изогнутыя морщинки на высокомъ лбу, руки, которыми онъ охватилъ колѣна, вся его неподвижная, внимательная поза подогрѣвала меня, и я старался какъ можно внятнѣе и образнѣе разсказать ему грустную исторію Сысойки и Пилы.

Наконецъ я усталъ и закрылъ книгу.

— Все ужъ?—шепотомъ спросилъ меня Коноваловъ.

— Меньше половины...

— Всю вслухъ прочитаешь?

— Изволь.

— Эхъ!—Онъ схватилъ себя за голову и закачался, сидя на ларѣ. Ему что-то хотѣлось сказать, онъ открывалъ и закрывалъ ротъ, вздыхая, какъ мѣхи, и для чего-то защурилъ глаза. Я не ожидалъ такого эффекта и не понималъ его значенія.

— Какъ ты это читаешь! — шепотомъ заговорилъ онъ.—На разные голоса... Какъ живые всѣ они... Апроська! Пишшитъ! Пила... дураки какіе! Смѣшно мнѣ было слушать... но удержался... А дальше что? Куда они поѣдутъ? Господи Боже! Вѣдь это все правда. Вѣдь это какъ есть настоящіе люди... всамдѣлишные мужики... И совсѣмъ какъ живые и голоса, и рожи... Слушай! Максимъ! Посадимъ печь—читай дальше!

Мы посадили печь, приготовили другую и снова часъ и сорокъ минутъ я читалъ книгу. Потомъ опять пауза—печь испекла, вы-

метали хлѣбы, посадили другіе, замѣсили еще тѣсто, поставили еще опару—все это дѣлалось съ лихорадочной быстротой и почти молча.

Коноваловъ, нахмуривъ брови, изрѣдка кротко бросалъ мнѣ односложныя приказанія и торопился, торопился...

Къ утру мы кончили книгу, и я чувствовалъ, что языкъ у меня одеревенѣлъ.

Сидя верхомъ на мѣшкѣ муки, Коноваловъ смотрѣлъ мнѣ въ лицо странными глазами и молчалъ, упершись руками въ колѣни...

— Хорошо?—спросилъ я.

Онъ замоталъ головой, жмуря глаза, и опять-таки почему-то шепотомъ заговорилъ:

— Кто же это сочинилъ?—Въ глазахъ его свѣтилось неизъяснимое словами изумленіе, и лицо вдругъ вспыхнуло горячимъ чувствомъ.

Я разсказалъ, кто написалъ книгу.

— Ну—человѣкъ онъ! Какъ хватилъ! А? Даже—ужасно. За сердце беретъ, т.-е. щиплетъ душу—вотъ до чего живо. Что же онъ, этотъ сочинитель, что ему за это было?

Въ отвѣтъ на это, я прочиталъ ему цѣлую лекцію. Но, увы! она не произвела того эффекта, на который я разсчитывалъ.

Коноваловъ задумался, поникъ головой, закачался всѣмъ корпусомъ и сталъ вздыхать, ни словомъ не мѣшая мнѣ изображать изъ себя профессора. Я усталъ, наконецъ, и сдѣлалъ паузу.

Коноваловъ поднялъ голову и грустно посмотрѣлъ на меня.

— Такъ ему, значитъ, ничего и не дали?—спросилъ онъ.

— Кому?—освѣдомился я, позабывъ о Рѣшетниковѣ.

— Сочинителю-то?

Мнѣ стало досадно. Я не отвѣтилъ ему, чувствуя, что эта досада родитъ во мнѣ раздраженіе противъ моей своеобразной аудиторіи, очевидно не считавшей себя въ силахъ рѣшать міровые вопросы и склонной интересоваться судьбой человѣка болѣе, чѣмъ судьбами человѣчества.

Коноваловъ, не дожидаясь моего отвѣта, взялъ книгу въ свои руки, осторожно повертѣлъ ее, открылъ, закрылъ и, положивъ на мѣсто, глубоко водохнулъ.

— Какъ все это премудро, Господи: — вполголоса заговорилъ онъ.—Написалъ человѣкъ книгу... бумага и на ней точечки разныя—вотъ и все. Написалъ и... умеръ онъ?

— Умеръ...—сухо сказалъ я.

Я въ то время терпѣть не могъ философіи, а тѣмъ болѣе метафизики; но Коноваловъ, не справляясь съ моими вкусами, продолжалъ:

— Умеръ, а книга осталась, и ее читаютъ. Смотритъ въ нее человѣкъ глазами и говоритъ разныя слова. А ты слушаешь и понимаешь: жили на свѣтѣ люди—Пила и Сысойко, и Апроська... И жалко тебѣ людей, хоть ты ихъ никогда не видалъ и они тебѣ совсѣмъ ничего! По улицѣ они такіе, можетъ, десятками живые ходятъ, и ты ихъ видишь, но не знаешь про нихъ ничего... и тебѣ нѣтъ до нихъ дѣла... идутъ они и идутъ...

Тогда я началъ говорить о роковой роли кабака въ жизни русскаго литератора, о тѣхъ крупныхъ и искреннихъ талантахъ, что погибли отъ водки—единственной утѣхи ихъ многотрудной жизни.

— Да развѣ такіе люди пьютъ?—шепотомъ спросилъ меня Коноваловъ. Въ его широко открытыхъ глазахъ сверкало и недовѣріе ко мнѣ, и испугъ, и жалость къ тѣмъ людямъ.

— Пьютъ! Что же они... послѣ того, какъ напишутъ книги, запиваютъ?

Это, по-моему, былъ неумѣстный вопросъ, и я на него не отвѣтилъ.

— Конечно, послѣ...—рѣшилъ Коноваловъ.—Живутъ люди и смотрятъ въ жизнь, и вбираютъ въ себя чужое горе жизни. Глаза у нихъ, должно быть, особенные... И сердце тоже... Насмотрятся на жизнь и затоскуютъ... И зальютъ тоску свою въ книги... Но это уже не помогаетъ, потому—сердце тронуто и изъ него тоски огнемъ не выжжешь... Остается водкой ее заливать. Ну, и пьютъ... Такъ я говорю?

Я согласился съ нимъ, и это какъ бы придало ему бодрости.

— Ну, и по всей правдѣ,—продолжалъ онъ развивать психологію сочинителей: — слѣдуетъ ихъ за это отличить. Вѣрно, вѣдь? Потому что они понимаютъ больше другихъ и указываютъ другимъ разные непорядки. Вотъ теперь я, напримѣръ, что такое? Босякъ, галахъ... пьяница и тронутый человѣкъ. Жизнь у меня безъ всякаго оправданія. Зачѣмъ я живу на землѣ и кому я на ней нуженъ, ежели посмотрѣть? Ни угла своего, ни жены, ни дѣтей... и ни до чего этого даже и охоты нѣтъ. Живу и тоскую... Про что? Неизвѣстно. Въ родѣ того со мной, какъ бы меня мать на свѣтъ родила безъ чего-то такого, что у всѣхъ другихъ людей есть и что человѣку прежде всего нужно. Внутренняго пути у меня нѣтъ... понимаешь? Какъ бы это сказать? Этакой искорки въ душѣ нѣтъ... силы, что ли? Ну, нѣтъ во мнѣ одной штуки, и все тутъ! Понялъ? Вотъ я живу и эту штуку ищу, и тоскую по ней, а что она такое есть—это мнѣ неизвѣстно...

— Это ты къ чему?—спросилъ я.

Онъ, держась рукой за голову, посмотрѣлъ на меня и на лицѣ его отразилось сильное напряженіе—работа мысли, ищущей для себя формы.

— Къ чему? А... къ безпорядку жизни. Т.-е... вотъ я живу, молъ, и дѣться мнѣ некуда... ни къ чему я не могу присунуться... и это есть безпорядокъ, такая жизнь.

— Ну, и что же дальше?—допытывался я у него непонятной мнѣ связи между нимъ и сочинителями.

— Дальше?.. Не могу я тебѣ этого разсказать... Но думаю такъ, что ежели бы какой-нибудь сочинитель присмотрѣлся ко мнѣ, то... могъ бы онъ объяснить мнѣ мою жизнь... а? Ты какъ на этотъ счетъ думаешь?

Я думалъ, что и самъ въ состояніи объяснить ему его жизнь и сразу же принялся за это на мой взглядъ легкое и ясное дѣло. Я началъ говорить объ условіяхъ и средѣ, о неравенствѣ вообще, о людяхъ—жертвахъ жизни и о людяхъ—жрецахъ ея.

Коноваловъ слушалъ внимательно. Онъ сидѣлъ противъ меня, подперши щеку рукой, и его большіе, голубые глаза, широко раскрытые, задумчивые и умные, постепенно заволакивались какъ бы легкимъ туманомъ, на лбу все рѣзче ложились складки, и онъ, кажется, удерживалъ дыханіе—весь поглощенный желаніемъ понять мои рѣчи.

Мнѣ льстило все это. Я съ жаромъ расписывалъ ему его жизнь и доказывалъ, что онъ не виноватъ въ томъ, что онъ таковъ, какъ есть, что онъ, какъ фактъ, вполнѣ логиченъ и совершенно правильно обоснованъ длиннымъ рядомъ посылокъ изъ далекаго прошлаго. Онъ — печальная жертва условій, существо, по природѣ своей, со всѣми равноправное и, длиннымъ рядомъ историческихъ несправедливостей, сведенное на степень соціальнаго нуля. Я кончилъ объяснять его ему тѣмъ, что сказалъ еще разъ:

— Тебѣ не въ чемъ винить себя... Тебя обидѣли...

Онъ молчалъ, не сводя съ меня глазъ; я видѣлъ, какъ въ нихъ зарождается хорошая, свѣтлая улыбка и съ нетерпѣніемъ ждалъ, чѣмъ онъ откликнется на мою рѣчь.

Улыбка заиграла у него на губахъ. Вотъ онъ ласково засмѣялся и, мягкимъ, женскимъ, движеніемъ потянувшись ко мнѣ, положилъ мнѣ руку на плечо.

Я вздрогнулъ отъ сладкаго предчувствія награды за свою горячую рѣчь...

— Какъ ты, братъ, легко разсказываешь насчетъ всего этого! Откуда только тебѣ всѣ эти дѣла извѣстны? Все изъ книгъ? А и

много же ты читалъ ихъ, видно... книгъ-то! Эхъ, ежели бы мнѣ тоже почитать съ эстоль!.. Но, главная причина—очень ты жалостливо говоришь... Впервые мнѣ такая рѣчь. Удивительно! Всѣ люди другъ друга винятъ въ своихъ незадачахъ, а ты — всю жизнь, всѣ порядки. Выходитъ по-твоему, что человѣкъ-то самъ по себѣ и не виноватъ ни въ чемъ, а написано ему на роду быть босякомъ—ну, и потому онъ босякъ. И тоже вотъ насчетъ арестантовъ—очень чудно! Воруютъ потому, что работы нѣтъ, а ѣсть надо... Какъ все это жалостливо у тебя! Слабый ты, видно, на сердце-то!..

— Погоди! — сказалъ я:—ты согласенъ со мною? Вѣрно я говорю?

— Тебѣ лучше знать, вѣрно или нѣтъ—ты грамотный... Оно, пожалуй, ежели взять другихъ, такъ вѣрно... А вотъ ежели я...

— То что?

— Ну, я особливая статья... Кто виноватъ, что я пью? Павелка, братъ мой, не пьетъ—въ Перми у него своя пекарня. А я вотъ—работаю не хуже его—однако, бродяга и пьяница, и больше нѣтъ мнѣ ни званія, ни доли... А вѣдь мы одной матери дѣти. Онъ еще моложе меня. Выходитъ, что во мнѣ самомъ что-то неладно... Не такъ я, значитъ, родился, какъ человѣку это слѣдуетъ. Самъ же ты говоришь, что всѣ люди одинаковые—родился, пожилъ сколько назначено, и помри! А я на особой стезѣ... И не одинъ я—много насъ этакихъ. Особливые мы будемъ люди... и ни въ какой порядокъ не включаемся. Особый намъ и счетъ нуженъ... и законы особые... очень строгіе законы — чтобы насъ искоренять изъ жизни! Потому пользы отъ насъ нѣтъ, а мѣсто мы въ ней занимаемъ и у другихъ на тропѣ стоимъ... Кто предъ нами виноватъ? Сами мы предъ собой и жизнью виноваты... Потому у насъ охоты къ жизни нѣтъ и въ себѣ самомъ мы чувствъ не имѣемъ... Матери наши не въ урочные часы зачали насъ—вотъ въ чемъ сила...

Я былъ подавленъ этимъ неожиданнымъ опроверженіемъ моихъ доводовъ... Онъ — этотъ больной человѣкъ съ ясными глазами ребенка — съ такимъ легкимъ духомъ выдѣлялъ себя изъ жизни въ разрядъ людей, для нея ненужныхъ и потому подлежащихъ искорененію, съ такой смѣющейся грустью, что я былъ положительно ошеломленъ этимъ фатальнымъ самоуниженіемъ, до той поры еще невиданнымъ мною у босяка, въ массѣ своей, существа ото всего оторваннаго, всему враждебнаго и надо всѣмъ готоваго испробовать силу своего озлобленнаго скептицизма... Я

встрѣчалъ только людей, которые всегда все винили и на все жаловались, упорно отодвигая самихъ себя въ сторону отъ ряда очевидностей, опровергавшихъ ихъ настойчивыя доказательства личной непогрѣшимости, и всегда сваливавшихъ свои неудачи на безмолвную судьбу, на злыхъ людей... Коноваловъ судьбу не винилъ и о людяхъ не говорилъ ни слова. Во всей неурядицѣ своей личной жизни былъ виноватъ только онъ самъ, и чѣмъ упорнѣе я старался доказать ему, что онъ „жертва среды и условій", тѣмъ настойчивѣе онъ убѣждалъ меня въ своей виновности предъ самимъ собою и жизнью за свою печальную долю... Это было оригинально, но это бѣсило меня. А онъ испытывалъ удовольствіе, бичуя себя; именно удовольствіемъ блестѣли его глаза, когда онъ звучнымъ баритономъ кричалъ мнѣ:

— Каждый человѣкъ самъ себѣ хозяинъ, и никто въ томъ не повиненъ, ежели я подлецъ есть!

Въ устахъ культурнаго человѣка такія рѣчи не удивили бы меня, ибо еще нѣтъ такой болячки, которую нельзя было бы найти въ сложномъ и спутанномъ психическомъ организмѣ, именуемомъ „интеллигентъ". Но въ устахъ босяка, хотя онъ и интеллигентъ среди обиженныхъ судьбой, голыхъ, голодныхъ и злыхъ полулюдей, полузвѣрей, наполняющихъ грязныя трущобы городовъ,—изъ устъ босяка странно было слышать эти рѣчи. Приходилось заключить, что Коноваловъ дѣйствительно—особая статья, но почему-то мнѣ не хотѣлось этого.

Съ внѣшней стороны Коноваловъ до мелочей явился типичнѣйшемъ золоторотцемъ; но, увы! чѣмъ больше я присматривался къ нему, тѣмъ больше убѣждался, что имѣю дѣло съ разновидностью, нарушавшей мое представленіе о людяхъ, которыхъ давно пора считать за классъ и которые вполнѣ достойны вниманія, какъ сильно алчущіе и жаждущіе, очень злые и далеко не глупые...

Мы съ нимъ спорили все жарче.

— Да погоди,—кричалъ я:—какъ можетъ человѣкъ устоять на ногахъ, коли на него со всѣхъ сторонъ разная темная сила претъ?

— Упрись крѣпче!—возглашалъ мой оппонентъ, горячась и сверкая глазами.

— Да во что упереться?

— Найди свою точку и упрись!

— А ты чего же не упирался?

— Вотъ я те и говорю, чудакъ человѣкъ, что я самъ виноватъ въ моей долѣ!.. Не нашелъ я точки моей! Ищу, тоскую—не нахожу!

Однако, надо было позаботиться о хлѣбѣ, и мы принялись за

работу, продолжая доказывать другъ другу истину своихъ воззрѣній. Конечно, ничего не доказали, и оба, взволнованные, кончивъ печь, легли спать.

Коноваловъ растянулся на полу пекарни и скоро заснулъ. Я лежалъ на мѣшкахъ съ мукой и сверху внизъ смотрѣлъ на его могучую бородатую фигуру, богатырски раскинувшуюся на рогожѣ, брошенной около ларя. Пахло горячимъ хлѣбомъ, кислымъ тѣстомъ, углекислотой... Свѣтало и въ стекла оконъ, покрытыя пленкой мучной пыли, смотрѣло сѣрое небо. Грохотала телѣга, и пастухъ игралъ, собирая стадо.

Коноваловъ храпѣлъ. Я смотрѣлъ, какъ вздымалась его широкая грудь, и обдумывалъ разные способы наискорѣйшаго обращенія его въ мою вѣру, но ничего не выдумалъ и заснулъ.

Поутру мы съ нимъ встали, поставили опару, умылись и сѣли на ларѣ пить чай.

— Что, у тебя есть книжка?—спросилъ Коноваловъ.

— Есть...

— Почитаешь мнѣ?

— Ладно...

— Вотъ хорошо! Знаешь что? Проживу я мѣсяцъ, возьму у хозяина деньги и половину—тебѣ.

— На что?

— Купи книжекъ... Себѣ купи, которыя по вкусу тамъ, и мнѣ купи, хоть двѣ. Мнѣ, которыя про мужиковъ. Вотъ въ родѣ Пилы и Сысойки... И чтобы, знаешь, съ жалостью было написано, а не смѣха ради... Есть иныя—чепуха совсѣмъ! Панфилка и Филатка—даже съ картинкой на первомъ мѣстѣ—дурость. Пошехонцы... сказки разныя. Не люблю я это все. Я не зналъ, что есть этакія, вотъ какъ у тебя.

Я еще нѣсколько разъ читалъ ему „Тараса Бульбу“ и „Бѣдныхъ людей“. „Тарасъ“ тоже очень понравился моему слушателю, но онъ не могъ затемнить яркаго впечатлѣнія отъ книги Костомарова. Макара Дѣвушкина и Варю Коноваловъ не понималъ. Ему казался только смѣшнымъ языкъ писемъ Макара, а къ Варѣ онъ относился скептически.

— Ишь ты, ластится къ старику! Хитрая!... А онъ... экое чучело! Однако, брось ты, Максимъ, эту канитель! Чего тутъ? Онъ къ ней, она къ нему... Портили бумагу... ну ихъ къ свиньямъ на хуторъ! Не жалостно и не смѣшно: для чего писано?

Я напоминалъ ему подлиповцевъ, но онъ не соглашался со мной.

— Пила и Сысойко—это другая модель! Они люди живые,

живутъ и бьются... а эти чего? Пишутъ письма... скучно! Это даже и не люди, а такъ себѣ... одна выдумка.

Въ праздники мы съ Коноваловымъ уходили за рѣку въ луга. Мы брали съ собой немного водки, хлѣба, книгу и съ утра отправлялись «на вольный воздухъ", какъ называлъ Коноваловъ эти экскурсіи.

Намъ особенно нравилось бывать „въ стеклянномъ заводѣ". Такъ почему-то называлось зданіе, стоявшее недалеко отъ города въ полѣ. Это былъ трехъэтажный, каменный домъ, съ провалившейся крышей, съ изломанными рамами въ окнахъ, съ подвалами, все лѣто полными жидкой пахучей грязи. Зеленовато-сѣрый, полуразрушенный, какъ бы опустившійся, онъ смотрѣлъ съ поля на городъ темными впадинами своихъ изуродованныхъ оконъ и казался инвалидомъ-калѣкой, обиженнымъ судьбой, изринутымъ изъ предѣловъ города, жалкимъ и умирающимъ. Въ половодье этотъ домъ изъ года въ годъ подмывала вода, но онъ, весь отъ крыши до отнованія покрытый зеленой коркой плѣсени, несокрушимо стоялъ, огражденный лужами отъ частыхъ визитовъ полиціи, стоялъ и, хотя него не было крова, давалъ кровъ разнымъ темнымъ и безпріютнымъ людямъ.

Ихъ всегда было много въ немъ; оборванные, полуголодные, боящіеся солнечнаго свѣта, они жили въ этой развалинѣ, какъ совы, и мы съ Коноваловымъ всегда были среди нихъ желанными гостями, потому что и онъ, и я, уходя изъ пекарни, брали по короваю бѣлаго хлѣба, дорогой покупали четверть водки и цѣлый лотокъ „горячаго" — печенки, легкаго, сердца, рубца. На два, три рубля мы устраивали очень сытное угощеніе „стекляннымъ людямъ", какъ ихъ называлъ Коноваловъ.

Они платили намъ за эти угощенія разсказами, въ которыхъ ужасная, душу потрясающая правда фантастически перепутывалась съ самой наивной ложью. Каждый разсказъ являлся предъ нами кружевомъ, въ которомъ преобладали черныя нити—это была правда, и встрѣчались нити яркихъ цвѣтовъ—ложь. Такое кружево падало на мозгъ и сердце и больно давило и то, и другое, сжимая его своимъ жесткимъ, мучительно разнообразнымъ рисункомъ. „Стеклянные люди" по-своему любили насъ, почти всегда были моей аудиторіей. Разъ я читалъ имъ „Кому на Руси жить хорошо", и, на ряду съ гомерическимъ хохотомъ моихъ слушателей, я услыхалъ отъ нихъ много очень цѣнныхъ сужденій на эту тему.

Каждый человѣкъ, боровшійся съ жизнью, побѣжденный ею

и страдающій въ безжалостномъ плѣну ея грязи, болѣе философъ, чѣмъ самъ Шопенгауеръ, потому что отвлеченная мысль никогда не выльется въ такую точную и образную форму, въ какую выльется мысль, непосредственно выдавленныя изъ человѣка страданіемъ. Знаніе жизни у этихъ людей, вывернутыхъ за бортъ ея, поражало меня своей глубиной, и я жадно слушалъ ихъ разсказы, а Коноваловъ слушалъ ихъ для того, чтобы возражать противъ философіи разсказчика и втянуть меня въ диспутъ съ собой.

Выслушавъ исторію жизни и паденія, разсказанную какимъ-нибудь фантастически разодѣтымъ субъектомъ, съ физіономіей человѣка, которому никакъ ужъ нельзя положить пальца въ ротъ, выслушавъ такую исторію, воегда носящую характеръ оправдательно-защитительной реляціи, Коноваловъ задумчиво улыбался и отрицательно покачивалъ головой. Это замѣчали потому, что это дѣлалось демонстративно.

— Не вѣришь, Леса?—со скорбью восклицалъ разсказчикъ.

— Нѣтъ, вѣрю... Какъ можно не вѣрить человѣку! Даже и если видишь—вретъ онъ, вѣрь ему. Т.-е. слушай и старайся понять, почему онъ вретъ? Иной разъ вранье-то лучше правды объясняетъ человѣка... Да и какую мы всѣ про себя правду можемъ сказать? Самую пакостную... А соврать можно хорошо... Вѣрно?

— Вѣрно...—соглашается разсказчикъ.—А все-таки ты это къ чему головой-то качалъ?

— Къ чему? А къ тому, что ты неправильно разсуждаешь... Разсказываешь ты такъ, что приходится понимать, будто всю твою жизнь не ты самъ, а шабры дѣлали и разные прохожіе люди. А гдѣ же ты въ это время былъ? И почему ты противъ твоей судьбы никакой силы не выставилъ. И какъ это такъ выходитъ, что всѣ мы жалуемся на людей, а сами тоже люди, и, значитъ, на насъ тоже можно жаловаться? Намъ жить мѣшаютъ, — значитъ, и мы тоже кому-нибудь мѣшали, вѣрно? Ну, такъ какъ вотъ это объяснить?..

Ему возражали, оправдывая себя, но онъ настойчиво твердилъ свое: никто ни въ чемъ не виноватъ предъ каждымъ изъ насъ, но каждый изъ насъ виноватъ самъ передъ собою... Въ чемъ? Во всемъ!

Крайне трудно было сбить его съ почвы этого положенія и крайне трудно было усвоить его взглядъ на людей. Съ одной стороны, они въ его представленія являлись вполнѣ правоспособными къ устройству свободной жизни, съ другой—они являлись

какими-то слабыми, хлипкими и неспособными рѣшительно ни на что, кромѣ жалобъ другъ на друга.

Весьма часто такіе споры, начатые въ полдень, кончались около полуночи, и мы съ Коноваловымъ возвращались отъ „стеклянныхъ людей“ во тьмѣ и по колѣно въ грязи, проклиная наши увлеченія.

Однажды мы едва не утонули въ какой-то трясинѣ, другой разъ мы попали въ облаву и ночевали въ части вмѣстѣ съ двумя десятками разныхъ пріятелей изъ „стекляннаго завода“, съ точки зрѣнія полиціи оказавшихся подозрительными личностями. Иногда намъ не хотѣлось философствовать, и мы шли далеко въ луга, за рѣку, гдѣ были маленькія озера, изобиловавшія мелкой рыбешкой, зашедшей въ нихъ во время половодья. Въ кустахъ, на берегу одного изъ такихъ озеръ, мы зажигали костеръ, который былъ намъ нуженъ, потому что увеличивалъ поэзію обстановки, и читали книгу или бесѣдовали о жизни. А иногда Коноваловъ задумчиво предлагалъ:

— Максимъ! давай въ небо смотрѣть!

Мы ложились на спины и смотрѣли въ голубую бездонную бездну надъ нами. Сначала мы слышали и шелестъ листвы вкругъ насъ, и всплески воды въ озерѣ, чувствовали подъ собой землю и вокругъ себя все то, что въ ту пору было тутъ... Потомъ, постепенно, голубое небо, какъ бы притягивавшее насъ къ себѣ, облекало наше сознаніе въ туманъ, мы утрачивали чувство бытія и, какъ бы отрываясь отъ земли, точно плавали въ пустынѣ небесъ, находясь въ полудремотномъ, созерцательномъ состояніи и стараясь не разрушать его ни словомъ, ни движеніемъ.

Такъ пролеживали мы по нѣскольку часовъ кряду и возвращались домой къ работѣ, духовно и тѣлесно обновленные и освѣженные этимъ единеніемъ съ природой.

Коноваловъ любилъ ее глубокой, безсловесной любовью, выражавшейся только мягкимъ блескомъ его глазъ, и всегда, когда онъ былъ въ полѣ или на рѣкѣ, онъ весь проникался какимъ-то миролюбиво-ласковымъ настроеніемъ, еще болѣе увеличивавшимъ его сходство съ ребенкомъ. Иногда онъ съ глубокимъ вздохомъ говорилъ, глядя въ небо:

— Эхъ!.. Хорошо!

И въ этомъ восклицаніи всегда было болѣе смысла и чувства, чѣмъ въ риторическихъ фигурахъ многихъ поэтовъ, восхищающихся скорѣе для ради поддержанія своей репутаціи людей съ тонкимъ чутьемъ прекраснаго, чѣмъ изъ дѣйствительнаго преклоненія предъ невыразимо ласковой красой природы...

Какъ все, такъ и поэзія теряетъ свою святую простоту и непосредственность, когда изъ поэзіи дѣлаютъ профессію. День за днемъ прошли два мѣсяца, въ теченіе которыхъ я съ Коноваловымъ о многомъ переговорилъ и много прочиталъ.

О Капитолинѣ, письмо которой я читалъ и сочинялъ отвѣтъ на него въ первый день знакомства съ Коноваловымъ, за все это время почти не упоминалось.

Я зналъ, что Коноваловъ посылалъ ей деньги на имя нѣкоего Филиппа съ просьбой къ нему поручиться въ полиціи за дѣвушку, но ни отъ Филиппа, ни отъ дѣвушки никакого отвѣта не послѣдовало.

И вдругъ однажды вечеромъ, когда мы съ пекаремъ готовились сажать хлѣбы, дверь въ пекарню отворилась и изъ темноты сырыхъ сѣней низкій женскій голосъ одновременно робкій и задорный произнесъ.

— Извините...

— Кого нужно?—спросилъ я, въ то время, какъ Коноваловъ, опустивъ къ ногамъ лопату, смущенно дергалъ себя за бороду.

— Булочникъ Коноваловъ здѣсь работаетъ?

Теперь она стояла на порогѣ, и свѣтъ висячей лампы падалъ ей прямо на голову — въ бѣломъ шерстяномъ платкѣ. Изъ-подъ платка смотрѣло круглое, миловидное, курносое личико съ пухлыми щеками и ямочками на нихъ отъ улыбки толстыхъ, красныхъ губъ.

— Здѣсь!—отвѣтилъ я ей.

— Здѣсь, здѣсь!—вдругъ и какъ-то очень ужъ шумно обрадовался Коноваловъ, бросивъ изъ рукъ лопату и широкими шагами направляясь къ гостьѣ.

— Сашенька!—глубоко вздохнула она ему на встрѣчу.

Они обнялись, для чего Коноваловъ низко наклонился къ ней.

— Ну, что? какъ? Давно? А? Вотъ такъ ты! Свободна? Хорошо! Вотъ видишь? Я говорилъ... теперь у тебя и опять есть дорога! Ходи смѣло! — торопливо изъяснялся предъ ней Коноваловъ, все еще стоя у порога и не разводя своихъ рукъ, обнявшихъ ея шею и талію.

— Максимъ... ты, братъ, воюй одинъ сегодня, а я займусь вотъ по дамской части... Гдѣ жъ ты, Капа, остановилась?

— А я прямо сюда, къ тебѣ...

— Сю-уда? Сюда невозможно... здѣсь хлѣбъ пекутъ и... никакъ нельзя! Хозяинъ у насъ строжайшій человѣкъ. Нужно будетъ пристроиться на ночь въ иномъ мѣстѣ... въ номерѣ, скажемъ. Айда.

И они ушли. Я остался воевать съ хлѣбами и никакъ не

ожидалъ Коновалова ранѣе утра, но, къ немалому моему изумленію, часа черезъ три онъ явился. Мое изумленіе еще больше увеличилось, когда, взглянувъ на него въ чаяніи видѣть на его лицѣ сіяніе радости, я увидѣвъ, что оно только кисло, скучно и утомлено.

— Что ты?—спросилъ я, сильно заинтересованный этимъ не подобающимъ событію настроеніемъ моего друга.

— Ничего... — уныло отвѣтилъ онъ и, помолчавъ, довольно свирѣпо сплюнулъ.

— Нѣтъ, все-таки?..—настаивалъ я.

— Да что тебѣ?—тономъ утомленія отозвался онъ, во весь ростъ растягиваясь на ларѣ.—Все-таки... все-таки... Все-таки—баба! Вотъ те и все.

Мнѣ стоило большого труда добиться отъ него объясненія, и наконецъ онъ далъ мнѣ его въ такомъ приблизительномъ стилѣ:

— Говорю — баба! И когда бы я былъ не дуракомъ, такъ ничего бы этого не было. Понялъ? Ну... Вотъ ты говоришь: и баба человѣкъ! Извѣстно, ходитъ она на однѣхъ заднихъ лапахъ, травы не ѣстъ, слова говоритъ, смѣется... значитъ, не скотъ. А все-таки нашему брату не компанія... Н-да! Почему? А... не знаю! Чувствую, не подходитъ, но понимать не могу, почему... Вонъ она, Капитолина, какую линію гнетъ—хочу, говоритъ съ тобой, это значитъ со мной, жить въ родѣ жены. Желаю, говоритъ, быть твоей дворняшкой... Совсѣмъ несообразно! Ну, милая ты дѣвочка, говорю, дуреха ты; ну, разсуди, какъ со мной жить? Первое дѣло у меня — запой, во-вторыхъ, нѣтъ у меня никакого дому, въ-третьихъ, я есть бродяга и не могу на одномъ мѣстѣ жить... и прочее такое, очень многое... говорю ей. А она — запой наплевать! Всѣ, говоритъ, мастеровые мужчины горькія пьяницы, однако жены у нихъ есть; домъ, говоритъ, будетъ, коли будетъ жена, и никуда, говоритъ, ты тогда не побѣжишь... Я говорю: Капа, никакъ я не могу къ этому склониться, потому что я знаю—жизнью такой жить не умѣю я и не на научусь. А она,—а я, говоритъ, въ рѣчку прыгну! А я ей: ду-урра! А она ругаться, да вѣдь ка-акъ! Ахъ ты, говоритъ, смутьянъ, бестыжая рожа, обманщикъ, дохлый чортъ!.. И почала и почала... просто такъ-то-ли разъярилась на меня, что я чуть не сбѣжалъ. Потомъ начала плакать. Плачетъ и пеняетъ мнѣ: зачѣмъ ты, говоритъ, меня изъ того мѣста вынулъ, коли я тебѣ не нужна? Зачѣмъ ты, говоритъ, меня оттуда сманилъ, и куда, говоритъ, я теперь дѣнусь? Рыжій ты, говоритъ, дуракъ... Ф-фу! Ну, что теперь съ ней дѣлать?

— Да ты ее, въ самомъ дѣлѣ, почему оттуда вытащилъ? — спросилъ я.

— Почему? Вотъ чудакъ! Чай, жалко! Вѣдь угрязаетъ человѣкъ... и всякому мимодущему его жалко. Но чтобы обзаводиться... и прочее такое, ни-ни! На это я согласиться не могу. Какой я семьянинъ? Да кабы я могъ держаться на этой точкѣ, такъ я бы ужъ давно рѣшился. Какіе резоны были! Могъ бы съ приданымъ и... все такое. Но ежели это не въ моей силѣ, какъ я могу творить такое дѣло? Плачетъ она... это, конечно... тово, нехорошо... Но вѣдь какъ же? Я не могу!

Онъ даже головой замоталъ въ подтвержденіе своего тоскливаго „не могу“, всталъ съ ларя и, обѣими руками ероша бороду и волосы на головѣ, началъ низко опустивъ голову и отплевываясь, шагать по полу пекарни.

— Максимъ!—просительно и сконфуженно заговорилъ онъ:— пошелъ бы ты къ ней и какъ-нибудь этакъ сказалъ ей, почему и отчего... а? Пойди, братъ!

— Что же я ей скажу?

— Всю правду говори!.. Не можетъ, молъ, онъ. Не подходяще это ему... А то скажи вотъ что... у него, молъ, дурная болѣзнь!

— Какая же это правда?—засмѣялся я.

— Н-да... это не правда... А причина хо-орошая, а? Ахъ ты, чортъ те возьми! Вотъ такъ каша—жена! А? Да я про это и не думалъ ни разика! Ну куда мнѣ жена?

Онъ съ такимъ недоумѣніемъ и испугомъ развелъ руками при этихъ словахъ, что было ясно—ему совсѣмъ некуда дѣвать жену! И, не смотря на комизмъ его изложенія всей этой исторіи, ея драматическая сторона заставила меня крѣпко задуматься надъ положеніемъ товарища и этой дѣвушки. А онъ все ходилъ по пекарнѣ и говорилъ какъ бы уже самъ съ собою.

— И не понравились теперь она мнѣ, ну, просто, страхъ какъ! Такъ это и засасываетъ меня она, такъ и втягиваетъ куда-то, точно трясина бездонная. Ишь ты, облюбовала себѣ мужа! Не больно умна, а хитрая дѣвочка.

Это въ немъ начинаетъ говорить инстинктъ бродяги, возбужденное чувство вѣчнаго стремленія къ свободѣ, на которое было сдѣлано покушеніе.

— Нѣтъ, меня на такого червя не поймаешь, я есть рыба крупная!—хвастливо воскликнулъ онъ.—Я вотъ какъ возьму, да... а что въ самомъ дѣлѣ?—И, остановясь среди пекарни, онъ, улы-

бясь, задумался. Я слѣдилъ за игрой его возбужденной физіономіи и старался предугадать, на чемъ онъ рѣшилъ.

— Максимъ? Айда на Кубань?!

Этого я не ожидалъ. У меня по отношенію къ нему имѣлись нѣкоторыя литературно-педагогическія намѣренія, я питалъ надежду выучить его грамотѣ и передать ему все то, что самъ я зналъ въ ту пору. Было бы очень любопытно посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ... Онъ далъ мнѣ слово все лѣто не двигаться съ мѣста; это облегчало мнѣ мою задачу, и вдругъ...

— Ну, это ужъ ты ерундишь!—нѣсколько смущенно сказалъ я ему.

— Да что жъ инъ мнѣ дѣлать?—воскликнулъ онъ.

Я началъ говорить ему, что, пожалуй, посягательство Капитолины на него совсѣмъ ужъ не такъ рѣшительно-серьезно, какъ онъ его себѣ представляетъ и что надо посмотрѣть и подождать.

И даже, какъ оказалось, ждать-то было не долго.

Мы бесѣдовали, сидя на полу передъ печью спинами въ окнамъ. Время было близко къ полночи, и съ той поры, какъ Коноваловъ пришелъ, прошло часа полтора—два. Вдругъ сзади насъ раздался дребезгъ стеколъ, и на полъ шумно грохнулся довольно увѣсистый булыжникъ. Мы оба въ испугѣ вскочили и бросились къ окну.

— Не попала!—визгливо кричали въ него.—Плохо мѣтила! А ужъ бы...

— П'дёе-мъ!—рычалъ звѣрскій басъ.

— П'дё-емъ, а я его послѣ... уважу.

Отчаянный, истерическій и пьяный хохотъ, визгливый, рвавшій нервы, летѣлъ съ улицы въ разбитое окно.

— Это она!—тоскливо вздохнулъ Коноваловъ.

Я видѣлъ пока только двѣ ноги, свѣшенныя съ панели въ углубленіе предъ окномъ. Они висѣли и странно болтались, ударяя пятками по кирпичной стѣнкѣ ямы, какъ бы ища себѣ опоры.

— Да п'дё-емъ!—лопоталъ звѣрскій басъ...

— Пусти! Не тяни меня, дай отвести душу. Прощай, Сашка! Прощай...—Слѣдовала довольно нецензурная брань.

Подойдя ближе къ окну, я увидалъ Капитолину. Наклонившись внизъ, упираясь руками въ панель, она старалась заглянуть внутрь пекарни, и ея растрепанные волосы разсыпались по плечамъ и груди. Бѣленькій платокъ былъ сбитъ на сторону, грудь лифа разорвана. Капитолина была страшно пьяна и качалась изъ стороны въ сторону, икая, ругаясь, рыгая, истерично взвизгивая, вся дрожащая, вся растрепанная, съ краснымъ, пьянымъ, облитымъ слезами лицомъ...

Надъ ней согнулась высокая фигура мужчины, и онъ, упираясь одной рукой ей въ плечо, а другой въ стѣну дома, все рычалъ:

— П'дё-емъ!..

— Сашка! Погубилъ ты меня—помни! Будь проклятъ, рыжій чортъ! Не видать бы тебѣ ни часу свѣту Божьяго. Надѣялась я... поправиться... насмѣялся ты, злодѣй, надо мной... ладно! Сочтемся! А! Спрятался! Стыдно, харя поганая... Саша... голубчикъ.

— Я не спрятался...—подойдя къ окну и влѣзая на ларь, сказалъ глухо и густо Коноваловъ.—Я не прячусь... а ты напрасно... Я добра вѣдь тебѣ хотѣлъ; добро будетъ—думалъ, а ты понесла совсѣмъ несообразное...

— Сашка! Можешь ты меня убить?

— Зачѣмъ ты напилась? Развѣ ты знаешь, что было бы... завтра...

— Сашка! Саша! Утопи меня!

— Бу-удетъ! П'дё-емъ!

— Мер-рзавецъ! Зачѣмъ ты притворился хорошимъ человѣкомъ?

— Что за шумъ, а? Кто такіе?

Свистокъ ночного сторожа вмѣшался въ этотъ діалогъ, заглушилъ его и замеръ.

— Зачѣмъ я въ тебя, чортъ, повѣрила...—рыдала дѣвушка подъ окномъ.

Потомъ ея ноги вдругъ дрогнули, быстро мелькнули вверхъ и пропали во тьмѣ. Раздался глухой говоръ, возня...

— Не хочу въ полицію! Са-аша!—тоскливо вопила дѣвушка.

По мостовой тяжело затопали ноги.

Свистки, глухое рычаніе, вопли...

— Са-аша! Ми-лый!

Казалось, кого-то немилосердно истязуютъ. Все это удалялось отъ насъ, становилось глуше, тише и пропало, какъ кошмаръ.

Ошеломленные, подавленные этой сценой, разыгравшейся поразительно быстро, мы съ Коноваловымъ смотрѣли на улицу во тьму и не могли опомниться отъ этого плача, рева, ругательствъ, начальническихъ окриковъ, болѣзненныхъ стоновъ. Я вспоминалъ отдѣльные звуки и съ трудомъ вѣрилъ, что все это было наяву. Страшно быстро кончилась эта маленькая, но тяжелая драма.

— Все...—какъ-то особенно кротко и просто сказалъ Коноваловъ, прислушавшись еще разъ къ тишинѣ темной ночи, безмолвно и строго смотрѣвшей на него въ окно...—Какъ она меня!..—съ изумленіемъ продолжалъ онъ черезъ нѣсколько секундъ, оставаясь въ старой позѣ, на ларѣ, стоя на колѣняхъ и упираясь руками

въ пологій подоконникъ.—Въ полицію попала... пьяная... съ какимъ-то чортомъ. Скоро какъ порѣшила!—Онъ глубоко вздохнулъ, слѣзъ съ ларя, сѣлъ на мѣшокъ, обнялъ голову руками, покачался и спросилъ меня вполголоса:

— Разскажи ты мнѣ, Максимъ, что же это такое тутъ теперь вышло? Т.-е. какое мое во всемъ этомъ дѣло?

Я разсказалъ. Все это сплошь его дѣло. Прежде всего нужно понимать то, что хочешь дѣлать, и въ началѣ дѣла нужно уже представлять себѣ его возможный конецъ. Онъ все это не понималъ, не зналъ и кругомъ во всемъ виноватъ. Я былъ обозленъ имъ—стоны и крики Капитолины, пьяное „п'дё-емъ!..“ все это еще стояло у меня въ ушахъ, и я не щадилъ товарища.

Онъ слушалъ меня съ наклоненной головой, а когда я кончилъ, поднялъ ее, и на лицѣ его я прочиталъ испугъ и изумленіе.

— Вотъ такъ разъ!—воскликнулъ онъ.—Ловко! Ну и... что же теперь? А? Какъ же? Что мнѣ съ ней сдѣлать?

Въ тонѣ его словъ было такъ много чисто дѣтскаго по искренности сознанія своей вины предъ этой дѣвушкой и такъ много безпомощнаго недоумѣнія, что мнѣ тутъ же стало жаль товарища, и я подумалъ, что, пожалуй, я ужъ очень рѣзко и безапелляціонно говорилъ съ нимъ.

— И зачѣмъ я ее тронулъ съ того мѣста!—каялся Коноваловъ.—Эхма! Вѣдь какъ она теперь на меня... я вотъ что... Я пойду туда, въ полицію, и похлопочу. Увижу ее и прочее такое. Скажу ей... что-нибудь. Идти?

Я замѣтилъ, что едва ли будетъ какой-либо толкъ отъ его свиданія. Что онъ ей скажетъ? Къ тому же, она пьяная и, навѣрное, спитъ уже.

Но онъ укрѣпился въ своей мысли.

— Пойду, погоди. Все-таки я ей добра желаю... какъ хошь. А тамъ что за люди для нея? Пойду. Ты тутъ тово... я скоро.

И, надѣвъ на голову картузъ, онъ даже безъ опорковъ, въ которыхъ обыкновенно щеголялъ, быстро вышелъ изъ пекарни.

Я отработался и легъ спать, а когда по утру, проснувшись, по привычкѣ взглянулъ на мѣсто, гдѣ спалъ Коноваловъ, его еще не было.

Онъ явился только къ вечеру—хмурый, взъерошенный съ рѣзкими складками на лбу и съ какимъ-то туманомъ въ голубыхъ глазахъ. Не глядя на меня, подошелъ къ ларямъ, посмотрѣлъ, что̀ мной сдѣлано, и молча легъ на полу.

— Что же, ты видѣлъ ее?—спросилъ я.

— Затѣмъ и ходилъ.

— Ну, такъ что же?

— Ничего.

Было ясно—онъ не хотѣлъ говорить. Полагая, что такое настроеніе не продлится у него долго, я не сталъ надоѣдать ему вопросами. И онъ весь этотъ день молчалъ—только по необходимости бросая мнѣ краткія фразы, относящіяся къ работѣ—расхаживая по пекарнѣ съ понуренной головой и все съ тѣми же туманными глазами, съ какими пришелъ. Въ немъ точно погасло что-то; онъ работалъ и двигался медленно и вяло, какъ связанный своими думами. Ночью, когда мы уже посадили послѣдніе хлѣбы въ печь и, изъ боязни передержать ихъ, не ложились спать.

— Саша! Ну, такъ какъ же ты съ Капитолиной-то?—спросилъ я.

— А?—встрепенулся онъ.—Съ Капкой? Шабашъ...—Онъ рѣшительно махнулъ рукой.

— Кончилъ, значитъ?

— Я? Нѣтъ... Она сама кончила.

— Какъ?

— Очень просто. Стала на свою точку и больше никакихъ... Все по старому. Только раньше она не пила, а теперь пить стала... Ты вынь хлѣбъ, а я буду спать.

Въ пекарнѣ стало тихо. Коптила лампа, изрѣдка потрескивала заслонка печи, и корки испеченнаго хлѣба на полкахъ тоже трещали, подсыхая. На улицѣ, противъ нашихъ оконъ, разговаривали ночные сторожа. И еще какой-то странный звукъ порой доходилъ до слуха съ улицы, не то гдѣ-то скрипѣла вывѣска, не то кто-то стоналъ.

Я вынулъ хлѣбы, легъ спать, но мнѣ не спалось, и я, прислушиваясь ко всѣмъ звукамъ ночи, лежалъ, полузакрывъ глаза. Вдругъ вижу, Коноваловъ безшумно поднимается съ полу, идетъ къ полкѣ, беретъ съ нея книгу, раскрываетъ ее и подноситъ къ глазамъ. Мнѣ ясно видно его задумчивое лицо, я слѣжу, какъ онъ водитъ пальцемъ по строкамъ, качаетъ головой. Переворачиваетъ страницу, снова пристально смотритъ на нее, а потомъ переводитъ глазами на меня. Что-то странное, напряженное и вопрошающее отражаетъ отъ себя его задумчивое, осунувшееся лицо, и долго оно остается обращеннымъ ко мнѣ, новое для меня.

Я не могъ сдержать своего любопытства и спросилъ его, что онъ дѣлаетъ.

— А я думалъ, ты спишь...—смутился онъ; потомъ подошелъ ко мнѣ, держа книгу въ рукѣ, сѣлъ рядомъ и, запинаясь, заговорилъ:—Я, видишь ли, хочу тебя спросить вотъ про что... Нѣтъ ли въ книгахъ, какой-нибудь, насчетъ порядковъ жизни? Т.-е. поученія, какъ жить? Поступки бы нужно мнѣ разъяснить, которые вредные

и которые ничего себѣ... Я, видишь ты, поступками смущаюсь своими... Который въ началѣ мнѣ кажется хорошимъ, въ концѣ выходитъ плохимъ. Вотъ хоть бы насчетъ Капки.—Онъ перевелъ духъ и продолжалъ съ силой и просительно:—Такъ вотъ поищи-ка, нѣтъ ли книги насчетъ поступковъ? И прочитай мнѣ.

Нѣсколько минутъ молчанія...

— Максимъ...

— А?

— Какъ меня Капитолина-то раскрашивала!

— Да ладно ужъ... Будетъ тебѣ...

— Конечно, теперь ужъ нечего... А что, скажи мнѣ... въ правѣ она?..

Это былъ щекотливый вопросъ; но, подумавъ, я отвѣчалъ на него утвердительно.

— Вотъ и я тоже такъ полагаю... Въ правѣ... да...—уныло протянулъ Коноваловъ и замолчалъ.

Онъ долго возился на своей рогожѣ, постланной прямо на полъ, нѣсколько разъ вставалъ, курилъ, садился подъ окно, снова ложился.

Потомъ я заснулъ, а когда проснулся, его уже не было въ пекарнѣ, и онъ явился только къ вечеру. Казалось, что весь онъ былъ покрытъ какой-то пылью, и въ его отуманенныхъ глазахъ застыло что-то неподвижное. Кинувъ картузъ на полку, онъ вздохнулъ и сѣлъ рядомъ со мной.

— Ты гдѣ былъ?

— Ходилъ Капку посмотрѣть.

— Ну, и что?

— Шабашъ, братъ! Вѣдь я те говорилъ...

— Ничего, видно, не подѣлаешь съ этимъ народомъ...—попробовалъ было я разсѣять его настроеніе и заговорилъ о могучей силѣ привычки и о всемъ прочемъ, что въ этомъ случаѣ было умѣстно. Коноваловъ упорно молчалъ, глядя въ полъ.

— Нѣтъ, это что-о! Не въ томъ сила! А просто я есть заразный человѣкъ... Не доля мнѣ жить на свѣтѣ... Несчастный, этакій ядовитый духъ отъ меня исходитъ. И какъ я близко къ человѣку подойду, такъ сейчасъ онъ отъ меня и заражается. И для всякаго я могу съ собой принести только горе... Вѣдь ежели подумать—кому я всей моей жизнью удовольствіе принесъ? Никому! А тоже, со многими людьми имѣлъ дѣло... Тлѣющій я человѣкъ..

— Это чепуха...

— Нѣтъ, ужъ вѣрно...—убѣжденно кивнулъ онъ головой.

Я разубѣждалъ его, но въ моихъ рѣчахъ онъ еще болѣе черпалъ увѣренности въ своей непригодности къ жизни.

*

Вообще онъ сталъ быстро и рѣзко измѣняться съ момента пропшествія съ Капкой. Сталъ задумчивъ, вялъ, утратилъ интересъ къ книгѣ, работалъ уже не съ прежней горячностью, сталъ молчаливъ и необщителенъ.

Въ свободное отъ работы время онъ ложился на полу и упорно смотрѣлъ въ своды потолка. Лицо у него осунулось, глаза утратили свой ясный дѣтскій блескъ.

— Саша, ты что?—спросилъ я его.

— Запой начинается,—просто объяснилъ онъ.—Скоро я разварзаюсь... т.-е. начну водку глушить... Ужъ внутри у меня ноетъ... въ родѣ изжоги, знаешь... Какъ бы горячій уголь у меня вотъ тутъ,—ткнулъ онъ себя въ грудь.—Пришло время... кабы не эта самая исторія, я бы, поди-ка, еще протянулъ сколько-нибудь. Но ѣстъ меня это дѣло... Какъ такъ? Желалъ я человѣку оказать добро — и вдругъ... совсѣмъ несообразно? Да, братъ, очень нуженъ для жизни порядокъ поступковъ... И неужто ужъ такъ и нельзя выдумать этакій законъ, чтобы всѣ люди дѣйствовали какъ одинъ и всѣ другъ друга понимать могли? Вѣдь совсѣмъ нельзя жить на такомъ разстояніи одинъ отъ другого! Неужто умные люди не понимаютъ, что нужно на землѣ устроить порядокъ и въ ясность людей привести?.. Э-эхма!

Поглощенный этими думами о необходимости въ жизни порядка, онъ не слушалъ моихъ рѣчей. Я замѣтилъ даже, что онъ какъ бы сталъ чуждаться меня. Однажды, выслушавъ въ сто первый разъ мой проектъ реорганизаціи жизни, онъ какъ бы разсердился на меня.

— Ну, тростп себѣ... Слыхалъ я это... Тутъ не въ жизни дѣло, а въ человѣкѣ. Первое дѣло—человѣкъ... понялъ? Ну, и больше никакихъ... Этакъ-то, по-твоему, выходитъ, что пока тамъ все это передѣлается, человѣкъ все-таки долженъ оставаться, какъ теперь. Тоже... Нѣтъ, ты его перестрой сначала, покажи ему ходы... Чтобы ему было свѣтло и не тѣсно на землѣ,—вотъ чего добивайся для человѣка. Научи его находить свою тропу... А это что... выдумка одна...

Я возражалъ, онъ горячился или дѣлался угрюмымъ и скучно восклицалъ:

— Э, отстань!

Какъ-то разъ онъ ушелъ съ вечера и не пришелъ ни ночью къ работѣ, ни на другой день. Вмѣсто него явился хозяинъ съ озабоченнымъ лицомъ и объявилъ:

— Закутилъ Лексаха-то у насъ. Въ „Стѣнкѣ“ сидитъ. Надо новаго пекаря искать...

— А можетъ, оправится...

— Ну, какъ же, жди... Знаю я его...

Я пошелъ въ „Стѣнку"—кабакъ, хитроумно устроенный въ каменномъ заборѣ. Онъ отличался тѣмъ, что въ немъ не было оконъ и свѣтъ падалъ въ него сквозь отверстіе въ потолкѣ. Въ сущности это была квадратная яма, вырытая въ землѣ и покрытая сверху тесомъ. Въ ней всегда пахло землей, махоркой и перегорѣлой водкой—симфонія запаховъ, отъ которыхъ чрезъ полчаса пребыванія среди нихъ страшно ломило голову. Но къ нимъ привыкли завсегдатаи этой трущобы—темные люди безъ опредѣленныхъ занятій—какъ они привыкаютъ къ массѣ невыносимыхъ для человѣка вещей. И они цѣлыми днями торчали тутъ, ожидая закутившаго мастерового для того, чтобъ до-нага опить его.

Коноваловъ сидѣлъ за большимъ столомъ посреди кабака, въ кругу почтительно и льстиво слушавшихъ его шестерыхъ господъ въ фантастически рваныхъ костюмахъ, съ физіономіями героевъ изъ разсказовъ Гофмана.

Пили пиво и водку вмѣстѣ и закусывали чѣмъ-то похожимъ на сухіе комья глины...

— Пейте, братцы, пейте, кто сколько хочетъ. У меня есть и деньги и одежа... Дня на три хватитъ всего. Все пропью и шабашъ! Больше не хочу работать и жить здѣсь не хочу.

— Городъ сквернѣйшій,—сказалъ нѣкто, похожій на Джона Фальстафа.

— Работа?—вопросительно посмотрѣлъ въ потолокъ другой и съ изумленіемъ спросилъ:—Да развѣ человѣкъ для этого на свѣтъ родился?

И всѣ они сразу загалдѣли, доказывая Коновалову его право все пропить и даже возводя это право на степень непремѣнной обязанности—именно съ ними въ компаніи пропить.

— А, Максимъ... и котомка съ нимъ!—скаламбурилъ Коноваловъ, увидавъ меня.—Ну-ка, книжникъ и фарисей—тяпни! Я, братъ, окончательно спрыгнулъ съ рельсъ. Шабашъ! Пропиться хочу до волосъ... Когда одни волосы на тѣлѣ останутся—кончу. Вали и ты, а?

Онъ еще не былъ пьянъ, только глаза его голубые сверкали отчаяннымъ возбужденіемъ и тоской; и роскошная борода, падавшая на грудь ему шелковымъ вѣеромъ, то и дѣло шевелилась, оттого что его нижняя челюсть дрожала нервной дрожью. Воротъ рубахи былъ растегнутъ, на бѣломъ лбу сверкали мелкія капельки пота, и рука, протянутая ко мнѣ со стаканомъ пива, тряслась.

— Брось, Саша, уйдемъ отсюда...—сказалъ я, положивъ ему руку на плечо.

— Бросить?—онъ засмѣялся.—Кабы ты лѣтъ на двадцать раньше пришелъ ко мнѣ да сказалъ это... можетъ, я и бросилъ бы. А те-

перь я ужъ лучше не брошу... Чего мнѣ кромѣ дѣлать? Чего? Вѣдь я чувствую, все чувствую, всякое движеніе жизни... но понимать ничего не могу и пути моего не знаю... Чувствую... и пью, потому что больше мнѣ дѣлать нечего... Выпей!

Его компанія смотрѣла на меня съ явнымъ неудовольствіемъ и всѣ двѣнадцать глазъ измѣряли мою фигуру далеко не миролюбиво.

Бѣдняги боялись, что я уведу Коновалова—угощеніе, которое они ждали, быть можетъ, цѣлую недѣлю.

— Братцы! Это мой товарищъ... ученый, чортъ его возьми! Максимъ, можешь ты здѣсь почитать? Ахъ, братцы, какія книги есть на свѣтѣ! Про Пилу,—Максимъ, а? Братцы, не книга это, а кровь и слезы. А... вѣдь Пила-то—это я? Максимъ!—и Сысойко я... Ей-Богу! Вотъ и объяснилось!

Онъ широко раскрытыми глазами, съ испугомъ въ нихъ смотрѣлъ на меня, и нижняя его губа странно дрожала. Компанія не особенно охотно очистила мнѣ мѣсто за столомъ. Я сѣлъ рядомъ съ Коноваловымъ, какъ разъ въ моментъ, когда онъ хватилъ стаканъ пива пополамъ съ водкой.

Ему, очевидно, хотѣлось какъ можно скорѣе оглушить себя этой смѣсью. Выпивъ, онъ взялъ съ тарелки кусокъ того, что казалось глиной, а было варенымъ мясомъ, посмотрѣлъ на него и бросилъ черезъ плечо въ стѣну кабака.

Компанія вполголоса урчала, какъ стая голодныхъ собакъ надъ костью.

— Потерянный я человѣкъ... Зачѣмъ меня мать съ отцомъ на свѣтъ родили? Ничего неизвѣстно... Темь. Тѣснота... Прощай, Максимъ, коли ты не хочешь пить со мной. Въ пекарню я не пойду. Деньги у меня есть за хозяиномъ—получи и дай мнѣ, я ихъ пропью... Нѣтъ! Возьми себѣ на книги... Берешь? Не хочешь? Не надо... А то возьми? Свинья ты, коли такъ... Уйди отъ меня! У-уходи!

Онъ пьянѣлъ, и глаза у него звѣрски блеснули.

Компанія была совершенно готова вытурить меня въ шею изъ среды своей, и я, не желая дожидаться такого тріумфа, ушелъ.

Часа чрезъ три я снова былъ въ „Стѣнкѣ“. Компанія Коновалова увеличилась еще на два человѣка, и это было совсѣмъ не много. Всѣ они были пьяны, онъ—меньше всѣхъ. Онъ пѣлъ, облокотясь на столъ и глядя въ небо черезъ отверстіе въ потолкѣ. Пьяницы въ разнообразныхъ позахъ слушали его и нѣкоторые икали.

Пѣлъ Коноваловъ баритономъ, на высокихъ нотахъ переходившимъ въ фальцетъ, какъ у всѣхъ пѣвцовъ-мастеровыхъ. Подперевъ щеку рукой, онъ съ чувствомъ выводилъ заунывныя рулады, и лицо его было блѣдно отъ волненія, глаза полузакрыты, горло выгнуто впередъ. На него смотрѣли восемь пьяныхъ, без-

смыслепныхъ и красныхъ физіономій, и только порой были слышны бормотанье и икота. Голосъ Коновалова вибрировалъ и плакалъ, и стоналъ, и было до слезъ жалко видѣть этого славнаго парня поющимъ свою грустную пѣсню.

Тяжелый запахъ, потныя, пьяныя рожи, двѣ коптящія керосиновыя лампы и черныя отъ грязи и копоти доски стѣнъ кабака, его земляной полъ и сумракъ, наполнявшій эту яму—все это было такъ мрачно и болѣзненно фантастично. Казалось, что это пируютъ заживо погребенные въ склепѣ, и одинъ изъ нихъ поетъ въ послѣдній разъ передъ смертью, прощаясь съ небомъ. Безнадежная грусть, спокойное отчаяніе, безысходная тоска звучали въ пѣснѣ моего товарища.

— Максимъ, здѣсь? Хочешь ко мнѣ эсауломъ? Другъ, иди!— прервавъ свою элегію, заговорилъ онъ, протягивая мнѣ руку.— Я, братъ, совсѣмъ готовъ... Набралъ шайку себѣ... вотъ она... потомъ еще будутъ люди... Найдемъ! Это н-ничего! Пилу и Сысойку призовемъ... И будемъ ихъ каждый день кашей кормить и говядиной... хорошо? Идешь? Возьми съ собой книги... будешь читать... Другъ! Ахъ и тошно мнѣ, тошно мнѣ... то-ошно-о!

Онъ изо всей силы грохнулъ кулакомъ по столу. Загремѣли стаканы и бутылки, и компанія, очнувшись, сразу же наполнила кабакъ страшнымъ, по своему безобразію, шумомъ.

— Пей, ребята! —крикнулъ Коноваловъ.—Пей! Отводи душу... дуй во всю!

Я ушелъ отъ нихъ, постоялъ у двери на улицѣ, послушалъ, какъ Коноваловъ ораторствовалъ заплетающимся языкомъ и, когда онъ снова началъ пѣть, отправился въ пекарню, и вслѣдъ мнѣ долго стонала и плакала въ ночной тишинѣ неуклюжая пьяная пѣсня.

Черезъ два дня Коноваловъ пропалъ куда-то изъ города.

Мнѣ еще разъ привелось встрѣтиться съ нимъ.

Лѣтъ пять тому назадъ я предпринялъ прогулку и, расхаживая по святой Руси безъ какого-либо опредѣленнаго маршрута, попалъ въ Ѳеодосію. Въ то время тамъ начинали строить молъ, и, въ чаяніи заработать немного денегъ на дорогу, я отправился на мѣсто сооруженія.

Желая сначала посмотрѣть на работу, какъ на картину, я взошелъ на гору и сѣлъ тамъ, глядя внизъ на безкрайное, могучее море и крошечныхъ людей, строившихъ ему ковы.

Передо мной развернулась широкая картина труда людей— весь каменистый берегъ передъ бухтой былъ изрытъ, всюду ямы и кучи камня и дерева, тачки, бревна, полосы желѣза, копры для битья свай и еще какія-то приспособленія изъ бревенъ, и среди всего этого по всѣмъ направленіямъ сновали люди. Они, разорвавъ гору динамитомъ, дробили ее кирками, расчищая площадь

для линіи желѣзной дороги, они мѣсили въ громадныхъ творилахъ цементъ и, дѣлая изъ него почти саженные кубическіе камни, опускали ихъ въ море, строя въ немъ оплотъ противъ титанической силы его неугомонныхъ волнъ. Они казались маленькими, какъ черви, на фонѣ темнокоричневой горы, изуродованной ихъ руками, и, какъ черви, суетливо копошились среди грудъ щебня и кусковъ дерева въ облакахъ каменной пыли и въ тридцатиградусномъ зноѣ южнаго дня. Хаосъ вокругъ нихъ и раскаленное небо надъ ними придавали ихъ суетѣ такой видъ, какъ будто бы они вкапывались въ гору, стремясь уйти въ нѣдра ея отъ солнечнаго зноя и окружающей ихъ унылой картины разрушенія.

Въ душномъ воздухѣ стоялъ сильный, стонущій ропотъ и гулъ, раздавались удары кирокъ о камень, заунывно пѣли колеса тачекъ, глухо падала чугунная баба на дерево свай, плакала „Дубинушка“, стучали топоры, обтесывая бревна, и на всѣ голоса кричали темныя и сѣрыя, хлопотливыя фигурки людей...

Въ одномъ мѣстѣ кучка ихъ, громко ухая, возплась съ большимъ осколкомъ горы, стараясь сдвинуть его съ мѣста, въ другомъ подымали тяжелое бревно и, надрываясь, кричали:

— Бе-е-рп-и!—И гора, изрытая трещинами, глухо повторяла: и-и-и!

По ломанной линіи досокъ, набросанныхъ тутъ и тамъ, медленно двигалась вереница людей, согнувшись надъ тачками, нагруженными камнемъ, и на встрѣчу имъ шла другая съ порожними тачками, шла медленно, растягивая одну минутку отдыха на двѣ... У одного копра стояла густая, пестрая толпа народа, и въ ней кто-то протяжно жалобнымъ теноромъ выпѣвалъ:

«И-эх-ма, бра-атцы, дюже жарко!
И-эхъ! Никому-то насъ не жалко!
О-ой да ду-убинушка,
У-ухнемъ!

Мощно гудѣла толпа, натягивая тросы, и кусокъ чугуна, взлетая вверхъ по дудкѣ копра, падалъ оттуда; раздавался тупой охающій звукъ, и весь коперъ вздрагивалъ.

На всѣхъ точкахъ широкаго плато между горой и моремъ сновали маленькіе сѣрые люди, насыщая воздухъ своимъ крикомъ, пылью и терпкимъ запахомъ человѣка. Среди нихъ расхаживали распорядителя въ бѣлыхъ кителяхъ съ металлическими пуговицами. Надъ ними безоблачное жестоко жаркое небо, облака пыли и волны звуковъ—симфонія труда, единственная музыка, которая не даетъ наслажденья.

Море спокойно раскинулось до туманнаго горизонта и тихо плещетъ своими прозрачными волнами на берегъ, полный движенія и шума. Все сіяя въ блескѣ солнца, оно точно улыбалось добродушной улыбкой Гулливера, сознающаго, что если онъ захочетъ, одно движеніе—и вся работа лилипутовъ исчезнетъ.

Тихо вбѣгаютъ волны на берегъ, усѣянный толпой людей, созидающей каменную преграду ихъ вѣчному движенію, вбѣгаютъ и поютъ свою звучную, ласковую пѣсню о прошломъ, о всемъ, что въ теченіе вѣковъ видѣли онѣ на берегахъ земли...

...Среди работавшихъ были какія-то странныя, сухія, бронзовыя фигуры въ красныхъ чалмахъ, въ фескахъ, въ синихъ короткихъ курткахъ и въ шароварахъ, узкихъ у голени, но съ широкой мотней. Это, какъ я узналъ послѣ, анатолійскіе турки. Ихъ гортанный говоръ мѣшался съ протяжнымъ растянутымъ говоркомъ вятичей, съ крѣпкой быстрой фразой волгарей, съ мягкой рѣчью хохловъ.

Въ Россіи голодали, и голодъ согналъ сюда представителей чуть ли не всѣхъ охваченныхъ несчастіемъ губерній. Они дѣлились на маленькія группы, стараясь держаться землякъ къ земляку, и только космополиты босяки сразу выдѣлялись и своимъ независимымъ видомъ, и костюмами, и особымъ складомъ рѣчи, изъ людей, еще находившихся во власти земли, лишь временно порвавшихъ съ нею связь, оторванныхъ отъ нея голодомъ и не забывавшихъ о ней. Они были во всѣхъ группахъ: и среди вятичей, и среди хохловъ, всюду чувствуя себя на своемъ мѣстѣ, но большинство ихъ собралось у копра, какъ у работы, сравнительно съ работой на тачкахъ и съ кіркой, болѣе легкой.

Когда я подошелъ къ нимъ, они стояли, опустивъ руки съ веревкой, дожидаясь, когда нарядчикъ исправитъ что-то въ блокѣ копра, должно быть „заѣдавшемъ“ веревку. Онъ копался тамъ вверху деревянной башни, то и дѣло кричалъ оттуда:

— Дерни!

Веревку лѣниво дергали.

— Сто-ой!.. Ище дерни. Сто-ой! П'шелъ!..

Запѣвало, давно не бритый малый, съ рябымъ лицомъ и солдатской выправкой—повелъ плечами, скосилъ въ сторону глаза, откашлялся и завелъ:

— Ба-аба сваю въ землю гонитъ...

Слѣдующій стихъ не выдержалъ бы даже и самой снисходительной цензуры и вызвалъ единодушный взрывъ хохота, явившись очевидно импровизаціей, только что созданной запѣвалой, который подъ смѣхъ товарищей крутилъ себѣ усы съ видомъ артиста, привыкшаго къ такому успѣху у своей публики.

— Поше-елъ!—неистово заоралъ сверху копра нарядчикъ.—Заржали!..

— Не зѣвай, Митричъ—лопнешь!..—предупредилъ его одинъ изъ рабочихъ.

Голосъ былъ мнѣ знакомъ, и я гдѣ-то видѣлъ эту высокую широкоплечую фигуру съ овальнымъ лицомъ и большими голубыми глазами. Это Коноваловъ? Но у Коновалова не было шрама отъ праваго виска къ переносью, разсѣкавшаго высокій лобъ

этого парня; волосы Коновалова были свѣтлѣе и не вились такими мелкими кудрями, какъ у этого; у Коновалова была красивая широкая борода, этотъ же брился и носилъ густые усы концами книзу, какъ хохолъ. И, тѣмъ не менѣе, въ немъ было что-то хорошо знакомое мнѣ. Я рѣшилъ именно съ нимъ заговорить о томъ, къ кому тутъ нужно обратиться, чтобъ „встать на работу“, и сталъ дожидаться, когда перестанутъ бить сваю.

— О-о-ухъ! о-о-охъ!—могуче вздыхала толпа, присѣдая, натягивая веревки и снова быстро выпрямляясь, какъ бы готовая оторваться отъ земли и взлетѣть на воздухъ. Коперъ скрипѣлъ и дрожалъ, надъ головами толпы поднимались ея обнаженныя, загорѣлыя и волосатыя руки, втягивались вмѣстѣ съ веревкой; ихъ мускулы вздувались шишками, но двадцати-пудовый кусокъ чугуна влеталъ вверхъ все на меньшее разстояніе, и его ударъ о дерево звучалъ все слабѣе. Глядя на эту работу, можно было подумать, что это молится толпа идолопоклонниковъ, въ отчаяніи и экстазѣ вздымая руки къ своему молчаливому богу и преклоняясь передъ нимъ. Облитыя потомъ, грязныя и напряженныя лица, съ растрепанными волосами, приставшими къ мокрымъ лбамъ, коричневыя шеи, дрожащія отъ напряженія плечи,—всѣ эти тѣла, едва прикрытыя разноцвѣтными рваными рубахами и портами, насыщали воздухъ вокругъ себя своими горячими испареніями и, слившись въ одну тяжелую массу мускуловъ, неуклюже возились во влажной атмосферѣ, пропитанной зноемъ юга и густымъ запахомъ пота.

— Шабашъ!—крикнулъ кто-то злымъ и надорваннымъ голосомъ.

Руки рабочихъ выпустили веревки, и они слабо повисли вдоль копра, а рабочіе грузно опустились тутъ же на землю, отирая потъ, тяжело вздыхая, поводя спинами, щупая плечи и наполняя воздухъ глухимъ ропотомъ, похожимъ на рычаніе большого раздраженнаго звѣря.

— Землякъ,—обратился я къ облюбованному малому...

Онъ лѣниво обернулся ко мнѣ, скользнулъ по моему лицу своими глазами и сощурилъ ихъ, пристально всматриваясь въ меня.

Коноваловъ!

— Постой... — онъ запрокинулъ рукой мою голову назадъ, точно собираясь схватить меня за горло, и вдругъ весь вспыхнулъ радостной и доброй улыбкой.

— Максимъ! Ахъ, ты... ан-наѳема! Дружокъ... а? И ты сорвался со стези-то своей? Въ босые приписался? Ну, вотъ и хорошо! Теперь совсѣмъ отлично! Бродяжь—и все тутъ! Давно ты? Откуда ты идешь? Мы теперь съ тобой всю землю ошагаемъ! Какая тамъ жизнь... сзади-то? Тоска одна... канитель; не живешь, а гніешь! А я, братъ, съ той самой поры гуляю по бѣлу свѣту. Въ какихъ мѣстахъ бывалъ! Какими воздухами дышалъ!.. Нѣтъ, какъ ты обрядился ловко... не узнать: по одежѣ—солдатъ, по рожѣ—студентъ!

Ну что, хорошо такъ жить... съ мѣста на мѣсто? А вѣдь все-то я помню... И Тараса, и Пилу... все...

Онъ толкалъ меня въ бокъ кулакомъ, хлопалъ своей широкой ладонью по плечу, точно приготовлялъ изъ меня бифштексъ. Я не могъ вставить ни одного слова въ залпъ его вопросовъ и только улыбался,—должно быть, весьма неумно,—глядя въ его доброе лицо, сіявшее удовольствіемъ встрѣчи. Я былъ тоже радъ видѣть его, очень радъ; встрѣча съ нимъ напоминала мнѣ начало моей жизни, которое несомнѣнно было лучше ея продолженія.

Наконецъ, мнѣ удалось-таки спросить стараго пріятеля, откуда у него шрамъ на лбу и кудри на головѣ.

— А это, видишь ты... исторія одна была. Думалъ было я пробраться втроемъ съ товарищами черезъ румынскую границу, посмотрѣть хотѣли, какъ и что тамъ, въ Румыніи. Ну, вотъ и отправились изъ Кагула—мѣстечко этакое есть въ Бессарабіи, около самой границы. Ночью, конечно, потихоньку идемъ себѣ. Вдругъ стой! Кордонъ таможенный, прямо на него налѣзли. Ну, конечно, бѣжать! Тутъ меня одинъ солдатикъ и съѣздилъ по башкѣ. Не больно важно ударилъ, а все-таки съ мѣсяцъ я провалялся въ госпиталѣ. И какая вѣдь исторія! Солдатъ-то землякомъ оказался! Нашъ, муромскій!.. Его тоже скоро въ госпиталь положили — контрабандистъ его испортилъ, ножомъ въ животъ ткнулъ. Очухались мы и разобрались въ дѣлахъ-то. Солдатъ спрашиваетъ у меня: Это, говоритъ, я тебя полоснулъ?—Надо быть ты, коли признаешь.—Должно я, говоритъ; ты, говоритъ, не сердись—служба такая. Мы думали, вы съ контрабандой идете. Вотъ, говоритъ, и меня уважили—брюхо подпороли. Ничего не подѣлаешь: жизнь—игра серьезная. Ну, мы и подружились съ нимъ. Хорошій солдатикъ—Яшка Мазинъ... А кудри? Кудри, братъ ты мой, это послѣ тифа. Тифъ у меня былъ. Посадили меня въ Кишиневѣ въ тюрьму, желая судить за самовольное прохожденіе границы, а тамъ у меня и разыгрался тифъ... Валялся я съ нимъ, валялся, насилу всталъ. Надо быть даже и не всталъ бы, да сидѣлка очень ужъ за меня хлопотала. Я, братъ, просто диву дался—возится со мной, какъ съ дитей, а на что я ей нуженъ. Марья, говорю, Петровна, бросьте вы эту музыку: чай, мнѣ совѣстно. А она знай себѣ посмѣивается. Добрая дѣвица... Душеспасительное мнѣ читала иногда. Ну, а я-то говорю, нѣтъ ли, молъ, чего... этакого. Принесла книгу насчетъ англичанина-матроса, который спасся отъ караблекрушенія на безлюдный островъ и устроилъ на немъ себѣ жизнь. Интересно, страхъ какъ! Очень мнѣ понравилась книга; такъ бы туда къ нему и поѣхалъ. Понимаешь, какая жизнь? Островъ, море, небо—ты одинъ себѣ живешь, и все у тебя есть, и совершенно ты свободенъ! Тамъ еще дикій былъ. Ну, я бы дикаго утопилъ—на кой чортъ онъ мнѣ нуженъ, а? Мнѣ и одному не скучно. Ты читалъ такую книгу?

— Погоди. Ну, а какъ же ты вышелъ изъ тюрьмы?

— А выпустили. Посудили, оправдали и выпустили. Очень просто. Вотъ что: я сегодня больше не работаю, ну ее къ лѣшему! Ладно, навихлялъ себѣ руки и будетъ. Деньги у меня есть рубля три, да за сегодняшніе полдня сорокъ копѣекъ получу. Вотъ сколько капитала! Значитъ пойдемъ со мной къ намъ... мы не въ баракѣ, а тутъ по близости въ горѣ... дыра тамъ есть такая, очень удобная для человѣческаго жительства. Вдвоемъ мы квартируемъ въ ней, да товарищъ болѣетъ, лихорадка его скрючила. Ну, такъ ты посиди тутъ, а я къ подрядчику... я скоро!..

Онъ быстро всталъ и пошелъ, какъ разъ въ то время, когда сваебойцы брались за веревку, начиная работу. Я остался сидѣть на камнѣ, поглядывая на шумную суету, царившую вокругъ меня, и на спокойное синевато-зеленое море.

Высокая фигура Коновалова, быстро шмыгая между рабочихъ, грудъ камня, дерева и тачекъ, исчезала вдали. Онъ шелъ, размахивая руками, одѣтый въ синюю кретоновую блузу, которая была ему коротка и узка, въ холщевые порты и въ тяжелыя опорки. Шапка русыхъ кудрей колыхалась на его большой головѣ. Иногда онъ оборачивался назадъ и дѣлалъ мнѣ руками какіе-то знаки. Весь онъ былъ какой-то новый, оживленный, спокойно увѣренный, добродушный и сильный. Всюду вокругъ его работали, трещало дерево, раскалывался камень, уныло визжали тачки, вздымались облака пыли, что-то съ грохотомъ падало, и люди кричали, ругались, ухали и пѣли, точно стоная. Среди всей этой путаницы звуковъ и движеній, красивая фигура моего пріятеля, удалявшагося куда-то изъ нея твердыми шагами, то и дѣло лавируя изъ стороны въ сторону, очень рѣзко выдѣлялась, являясь какъ бы намекомъ на что-то, объясняющее Коновалова...

Часа черезъ два послѣ встрѣчи мы съ ними лежали въ „дырѣ, очень удобной для человѣческаго жительства“. На самомъ дѣлѣ, „дыра“ была весьма удобна—въ горѣ когда-то давно брали камень и вырубили большую четырехъ-угольную нишу, въ которой можно было вполнѣ свободно помѣститься четверымъ. Но она была низка и надъ входомъ въ нее висѣла глыба камня, изображая собой какъ бы навѣсъ, такъ что для того, чтобы попасть въ дыру, слѣдовало лечь на землю передъ ней и потомъ засовывать себя въ нее. Глубина ея была аршина три, но влѣзать въ нее съ головой не представлялось надобности, да и было рискованно, ибо эта глыба надъ входомъ могла обвалиться и совсѣмъ похоронить насъ тамъ. Мы не хотѣли этого и устроились такъ: ноги и туловища сунули въ дыру, гдѣ было очень прохладно, а головы оставили на солнцѣ, въ отверстіи дыры, такъ что если бы глыба камня надъ нами захотѣла упасть, то она только раздавила бы намъ черепа.

Больной босякъ весь выбрался на солнце и легъ около насъ шагахъ въ двухъ, такъ что мы слышали, какъ стучали его зубы въ пароксизмѣ лихорадки. Это былъ сухой и длинный хохолъ:

„изъ Пілтавы, а мабудь и зъ Кіева"... задумчиво сказалъ онъ мнѣ.

— Человѣкъ такъ много на свѣтѣ живетъ, что не важно, коли онъ забудетъ, де родився... Да и развѣ жъ то не все равно? Лиха бѣда родиться, а гдѣ... отъ этого не лучше!

Онъ катался по землѣ, стараясь плотнѣе закутаться въ сѣрый балахонъ, сшитый изъ однѣхъ дыръ и очень образно ругался, видя, что всѣ его усилія тщетны, ругался и все-таки продолжалъ кутаться. У него были маленькіе черные глаза, постоянно такъ прищуренные, точно онъ всегда что-то пристально разсматривалъ.

Солнце невыносимо пекло намъ затылки, и Коноваловъ устроилъ изъ моей солдатской шинели нѣчто въ родѣ ширмъ, воткнувъ въ землю палки и распяливъ на нихъ мой костюмъ. Все-таки было душно. Издали до насъ долеталъ глухой шумъ работъ въ бухтѣ, но ее мы не видѣли: справа отъ насъ лежалъ на берегу городъ тяжелыми глыбами бѣлыхъ домовъ, слѣва—море; предъ нами—оно же, уходившее въ неизмѣримую даль, гдѣ въ мягкихъ полутонахъ смѣшались въ фантастическое марево какія-то дивныя и нѣжныя, невиданныя краски, ласкающія глазъ и душу неуловимой красотой своихъ оттѣнковъ...

Коноваловъ смотрѣлъ туда, блаженно улыбался и говорилъ мнѣ:

— Сядетъ солнце, мы запалимъ костеръ, вскипятимъ чаю, есть у насъ хлѣбъ, есть мясо. А пока хочешь дынь или арбуза?

Онъ выкатилъ ногой изъ угла ямы арбузъ, досталъ изъ кармана ножъ и, дѣйствуя имъ надъ арбузомъ, говорилъ:

— Каждый разъ, какъ я бываю у моря, я все думаю, чего люди мало селятся около него? Были бы они отъ этого лучше, потому оно ласковое и такое... хорошія думы отъ него въ душѣ у человѣка. А ну, разскажи, какъ ты самъ жилъ въ эти годы?

Я разсказывалъ ему; онъ слушалъ, больной хохолъ не обращалъ на насъ никакого вниманія, поджаривая себя на солнцѣ, уже опускавшемся въ море. А море вдали уже покрылось багрецомъ и золотомъ, и на встрѣчу солнцу изъ него поднимались розовато-дымчатыя облака мягкихъ очертаній. Казалось, что со дна моря встаютъ горы съ бѣлыми вершинами, пышно убранными снѣгомъ и розовыми отъ лучей заката. Съ бухты доносилась заунывная мелодія „дубинушки" и громъ взрывовъ динамита, разрушавшаго гору... Отъ камней и неровностей почвы предъ нами на землю ложились тѣни и, незамѣтно удлиняясь, ползли на насъ.

— Совсѣмъ напрасно ты, Максимъ, въ городахъ трешься,— убѣдительно сказалъ Коноваловъ, выслушавъ мою эпопею.—И что тебя къ нимъ тянетъ? Тухлая тамъ жизнь и тѣсная. Ни воздуху, ни простору, ничего, что человѣку надо. Люди? На кой ихъ чортъ тебѣ? Ты человѣкъ понимающій, грамотный, на что тебѣ люди? Чего тебѣ отъ нихъ надо? Да потомъ—люди вездѣ есть...

— Эге!—вставилъ хохолъ, извиваясь по землѣ, какъ ужъ.—

Людей вездѣ... богато; человѣку пройти къ своему мѣсту нельзя, чтобъ на ноги имъ не ступать. Вотъ-то безъ счету родятся!

Солнце сѣло. Облака надъ моремъ потемнѣли, море тоже стало темнымъ и съ него повѣяло прохладой. Кое-гдѣ ужъ вспыхивали звѣзды, гулъ работы въ бухтѣ прекратился, лишь порой оттуда, тихіе какъ вздохи, доносились возгласы людей. И когда на насъ дулъ вѣтеръ, онъ приносилъ съ собой меланхолическій звукъ шороха волнъ о берега.

Тьма ночная быстро сгущалась, и фигура хохла, за пять минутъ передъ тѣмъ имѣвшая вполнѣ опредѣленныя очертанія, теперь уже представляла собою неуклюжій комъ...

— Костеръ бы...—сказалъ онъ, покашливая.

— Можно...

Коноваловъ откуда-то извлекъ кучку щепъ, подпалилъ ихъ спичкой, и тонкіе язычки огня начали ласково лизать желтое смолистое дерево. Струйки дыма вились въ ночномъ воздухѣ, полномъ влаги и свѣжести моря. А вокругъ становилось все тише: жизнь точно отодвигалась куда-то отъ насъ, и звуки ея таяли и гасли во тьмѣ. Облака разсѣялись, на темно-синемъ небѣ ярко засверкали звѣзды, и на бархатной поверхности моря тоже чуть мелькали огоньки рыбачьихъ лодокъ и отраженныхъ звѣздъ. Костеръ предъ нами расцвѣлъ, какъ большой красно-желтый цвѣтокъ... Коноваловъ сунулъ въ него чайникъ, и обнявъ колѣна задумчиво сталъ смотрѣть въ огонь. И хохолъ, какъ громадная ящерица, подползъ и легъ къ нему.

— Настроили люди городовъ, домовъ, собрались тамъ въ кучи, пакостятъ землю, задыхаются, тѣснятъ другъ друга... Хорошая жизнь! Нѣтъ—вотъ она жизнь, вотъ какъ мы...

— Ого,—тряхнулъ головой хохолъ: — коли бъ къ ней еще намъ на зиму шубы добыть, а то теплую хату, то и совсѣмъ это была бы господская жизнь... — онъ прищурилъ одинъ глазъ и, усмѣхнувшись, посмотрѣлъ на Коновалова.

— Н-да,—смутился тотъ:—зима это... треклятое время. Для зимы города дѣйствительно нужны... тутъ ужъ ничего съ ними не подѣлаешь...

Я съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на пріятеля, а онъ, какъ бы подтверждая мою мысль, тоскливо воскликнулъ:

— Вспомнилъ я, Максимъ, ту нашу жизнь и все тамъ... что было. Сколько послѣ того исходилъ я земли, сколько всякой всячины видѣлъ... Нѣтъ для меня на землѣ ничего удобнаго! Не нашелъ я себѣ мѣста!

— Вотъ скулитъ человѣкъ!—удивился хохолъ.—Да развѣ жъ оттого, что ты поскулишь, тебѣ полегчаетъ?

— Вѣрно...—грустно согласился Коноваловъ.

— Я всегда говорю немного, да знаю, какъ сказать... — съ чувствомъ собственнаго достоинства произнесъ стоикъ, не уставая бороться съ своей лихорадкой.

— Бросимъ мы всю эту канитель... Родился, ну, значитъ, и живи, не разсуждай...—уже зло сказалъ Коноваловъ.

А хохолъ счелъ нужнымъ добавить:

— И никуда не лѣзь; придетъ время, тебя и безъ твоей воли куда слѣдуетъ втянетъ и смолотитъ въ пыль... Лежи себѣ и молчи...

Онъ проговорилъ это, закашлялся, завозился и сталъ ожесточенно плевать въ костеръ. Вокругъ насъ все было глухо, завѣшено густой пеленой тьмы. Небо надъ нами тоже было темно, луны еще не было. Море скорѣе чувствовалось, чѣмъ было видимо намъ,— такъ густа была тьма впереди насъ. Казалось, на землю спустился черный туманъ. Костеръ гасъ...

— А поляжемте спать,—предложилъ хохолъ.

Мы забрались въ „дыру“ и легли, высунувъ изъ нея головы на воздухъ. Молчали. Коноваловъ, какъ легъ, такъ остался неподвиженъ, точно окаменѣлъ. Хохолъ неустанно возился и все стучалъ зубами. Я долго смотрѣлъ, какъ тлѣли угли костра; сначала яркій и большой, понемногу уголь становился меньше, покрывался пепломъ и исчезалъ подъ нимъ. И скоро отъ костра не осталось ничего, кромѣ теплаго запаха. Я смотрѣлъ и думалъ:

— Такъ и всѣ мы...

...Черезъ три дня я простился съ Коноваловымъ. Я шелъ на Кубань—онъ не хотѣлъ. Но мы оба разстались въ увѣренности, что встрѣтимся на землѣ.

Не пришлось...

М. Горькій.

Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарьина.

(Ихъ переписка).

3-е іюня 1837 г.

Вотъ наконецъ и маменька у меня была, моя милая, добрая, несравненная маменька! Я знала, что она придетъ вчера и встала сегодня чѣмъ свѣтъ, ждать ее въ саду. Только вообрази, вотъ забавная сцена: среди самаго серьезнаго разговора является вѣстовой и доноситъ, что ея высокобл. г-жа Макаш. кубаремъ скатилась съ постели на чердакъ и къ окошку, изъ котораго видно въ садъ! Но это намъ нисколько не помѣшало, мы ужъ наговорились, и время было разставаться. Маменька посѣщаетъ меня тихонько не только отъ *моихъ*, даже и отъ папеньки, потому что онъ въ неудовольствіи на нее за меня съ тѣхъ поръ, какъ было она ему намекнула только обо мнѣ. Да, ужасно! въ немъ ни малѣйшей надежды, и всѣ-то соединенными силами ищутъ жениховъ и стараются выдать меня. Я думаю, скоро будутъ рѣшительно мнѣ говорить, а теперь все еще только намеками; ласкаютъ меня, холятъ, зовутъ душенькой, спрашиваютъ: «хочешь ли?», безпрерывно говорятъ *о немъ*, какъ познакомиться, какъ помолвить, сговорить, какъ и гдѣ обвѣнчать, покупаютъ и кроятъ приданое—не правда ли, все это очень весело?.. и ни души здѣсь, съ которой бы отдохнуть, ни существа, которому бъ хоть взоромъ удѣлить тяжелый гнетъ сердца... Такъ что жъ? и не надо! Я не дѣлюсь моимъ вѣнцомъ, моимъ блаженствомъ, не хочу дѣлиться горемъ и крестомъ—все мое! Я потеряла вѣру въ наше свиданіе, не имѣю ея и въ соединенье. Вѣра въ любовь, въ тебя—со мной, во мнѣ, я! Благодарю васъ, господа женихи, васъ, добрые старатели и старательницы, и даже васъ, Мар. Степ.! вы оттолкнули меня еще далѣе отъ земли, вы показали мнѣ еще яснѣе ея и ваше ничтожество. Хочу мукъ, хочу страданія, хочу носить вѣнецъ терновый; ты самъ, Христосъ, его носилъ! —Ангелъ мой, Александръ! Жизнь моя... да, ты моя жизнь, а то, что люди зовутъ жизнью, то сонъ, нелѣпый сонъ, и земля—темница ихъ, не правда ли, она изгнанье, одно временное, короткое изгнанье?

Вотъ, кажется, мигъ, и я *тамъ!*

«Gehorsam ist des Weibes Pflicht auf Erden
Das horte Dulden ist ihr schweres Loos;
Durch strengen Dienst muss sie geläutert werden,
Die hier gedienet, ist dort oben gross».

А! неужели въ этомъ свѣтломъ, яхонтовомъ шарѣ нѣтъ капли для меня?!!

Стой и ты со мною наравнѣ.

Вчера получила твое письмо отъ 22 мая.

5-е іюня.

Вотъ тебѣ и награда за труды — встрѣча съ Жуковскимъ. Въ жизнь мою я еще не видала ни одного великаго человѣка, но постигаю совершенно радостный трепетъ и восторгъ души, находясь близъ него, и это желаніе, и это стремленіе стать рядомъ. Воображаю ропотъ толпы, зависть... но неужели, когда засмотришься на полетъ орла, когда какъ будто самъ съ нимъ близокъ къ солнцу—чувствителенъ укусъ мухи?—Иногда, забывъ ограниченность возможностей и способовъ, замечтавшись далеко и высоко, я посѣщаю всѣхъ великихъ людей, считаю жизнь свою не днями, не годами, а ихъ взглядами, которые, можетъ, нечаянно они дарятъ мнѣ; и съ равнымъ благоговѣйнымъ трепетомъ стою у гробницъ ихъ и внимаю—голосъ ихъ не умолкаетъ и за могилой; но еще усиліе, еще порывъ—и ихъ не существуетъ! Ни звѣздочки, ни голубого пятнышка—все солнце, все Александръ!

6-е.

Что же тебя испугало такъ то, если бъ я осталась тебѣ вѣкъ кузиной? Александръ! не вѣкъ ли я твоя, ты мой? Но что объ этомъ говорить, этого не можетъ быть, мы найдемъ средство спасти несчастную—дай Богъ! Ну, а если бъ ничто, ничто на свѣтѣ... да нѣтъ, это невозможно просто! А отъ мысли—*я твоя кузина*—не надо отвыкать; захочешь ли ты проклятьемъ отца купить соединенье? Я увѣряю тебя, при жизни его оно не можетъ, не можетъ быть, а мы развѣ можемъ желать конца ея?.. Да и что же страшнаго... я... бытіе мое и теперь уже такъ полно, такъ полно... Когда ты написалъ, что намъ не видѣться въ 1837-мъ году, и маменька увѣрила, что папенька ни за что на свѣтѣ не позволитъ, сперва сердце сжалось, я была нѣсколько времени женщина, потомъ оглянулась на землю—она показалась мнѣ такъ чужда, такъ далека; я спокойно смотрѣла на небо и ждала, чтобъ оно отворилось мнѣ, и мнѣ не жаль тогда было оставить тебя на землѣ *одного*; сбросивъ тѣло, я бъ неразлучно была съ тобою, и кто бъ тогда воспрепятствовалъ?.. А теперь малѣйшій прутикъ ужъ преграда намъ. Ахъ, повѣришь ли, мнѣ не хотѣлось даже твоего взгляда; кинувъ землю землѣ, душа отлетѣла бъ прямо къ тебѣ и, какъ ангелъ-хранитель, носилась бы надъ тобою и день, и ночь!.. Съ этими чувствами я сѣла въ саду на траву; солнце еще было высоко; я думала, что вижу его съ земли въ послѣдній разъ; оно садилось—скоро конецъ дня, скоро конецъ разлуки!.. Я не хотѣла, боялась пошевелиться, чтобъ не опоздать порхнуть изъ душной, тѣсной, гадкой темницы, я чуть дышала... а меня позвали, повели ужинать!..

*

Опять земля! дай же мнѣ руку, дай твой взглядъ, дай мнѣ твой поцѣлуй,—здѣсь я не могу жить безъ нихъ, о мой Александръ!

8-е.

Все бъ съ тобой говорила, все бы писала, а тутъ .. о, Богъ съ ними!.. Меня посылаютъ на Пруды, посылаютъ на бульваръ, зачѣмъ? Спроси ихъ. Давно бъ мы были въ деревнѣ, если бъ не задумали сбыть меня съ рукъ. Фу... люди!..

Но, Александръ, не оттого несносна мнѣ жизнь, я не могу выносить того рая, того неба, которое ты далъ мнѣ, идя рядомъ съ *ними*, одной дорогой, однимъ шагомъ!..

Не могу выносить этой необъятной, святой любви въ грубомъ, гадкомъ тѣлѣ! Я томлюсь... я хочу, чтобъ эта общая пыль поклонялась душѣ моей, потому что душа моя такъ высока, такъ велика, потому что она вся любовь къ тебѣ, хочу, чтобъ земля — тѣло превратилось въ пепелъ, въ прахъ отъ лица ея, исчезла бы... а эта душа заключена въ этомъ прахѣ!..

Прощай, другъ, невозможно продолжать, кругомъ уши и глаза безпрерывно. Постигаешь ли ты меня вполнѣ, или осуждаешь и укоряешь? Ты постигаешь меня, но это желаніе, это стремленіе *туда* останется тебѣ чуждо навсегда. Мой вѣнецъ уже на мнѣ, я хочу сложить его у Его престола, ты неси вѣнецъ и корону...

9-е.

Прощай, Александръ, не успѣваю ничего болѣе сказать тебѣ. Ну, что же, когда?..

Твоя Наташа.

7-е іюня 1837.

Еще и еще пишутъ мнѣ о непріятностяхъ, которыя ждутъ насъ въ Москвѣ. Признаюсь, при всей твердости моей, это нѣсколько оскорбляетъ меня. Итакъ, Наташа, видно весь міръ, вся вселенная должна для меня быть заключена въ одной тебѣ. Странно управляетъ судьба. Посмотри, какъ всякій рекрутъ, всякій солдатъ идетъ въ отпускъ домой; забыты потъ и пыль казармъ, забыты притѣсненія, горести, мысль свиданія со *своими* отталкиваетъ все горькое, и вотъ эта минута радости откровенной, безотчетной... А я, послѣ горькихъ испытаній, послѣ бурь, послѣ тюрьмы и изгнанья, явлюсь домой, и холодная мысль станетъ между сыномъ и отцомъ, и отравленъ первый поцѣлуй; голосъ сильный, святой скажетъ: «Это твой отецъ, онъ много для тебя сдѣлалъ»; и другой голосъ, такой же сильный, скажетъ: «Вотъ этотъ человѣкъ—единственное препятствіе между тобою и твоимъ счастьемъ,—и нѣтъ уже безотчетной радости. О, люди! Не знаю, писалъ ли я тебѣ, но, все равно, напишу еще разъ: у меня есть одна прелестная мысль, за нее я ухватился обѣими руками, это послѣдняя дань юности, это молитва благодарности Богу и тебѣ, это заключеніе поэтической жизни. Слушай. Когда ты будешь моя, когда я буду воленъ располагать жизнью, то мы начнемъ

вотъ съ чего. Уѣдемъ въ Италію, не въ большой городъ, нѣтъ, въ какой-нибудь самый незначительный, въ Нису или гдѣ-нибудь въ Сициліи, хоть въ деревеньку, лишь бы на берегу моря; море мнѣ необходимо, море—это торжество природы, auguste fanfare. Тамъ проживемъ мы годъ или два *безъ людей*, тамъ, убаюканные волнами моря и теплымъ воздухомъ, мы отдохнемъ; тамъ мы будемъ счастливы. О, Наташа, мы будемъ блаженны, одна любовь, одна любовь займетъ это время—сотрется пыль съ души, заростутъ эти глубокія раны, сотрутся эти черныя пятна. Тутъ наберемъ мы запасъ силъ и чувствъ на всю жизнь. Приходи же время это; за что же вянуть намъ, дожидая его долго? А послѣ что?.. тогда я съ вѣрою отдамся Провидѣнію и человѣчеству, тогда я уже кончу все земное, тогда, если жизнь моя не нужна, я могу умереть, ибо что можетъ собственно *мнѣ* дать жизнь лучшую, какъ эти два года съ ангеломъ. О, съ какимъ восторгомъ посмотрю я тогда съ горы на природу Италіи, на эту лучшую часть планеты, и съ какимъ восторгомъ обращу взоръ на тебя, на это лучшее созданіе планеты. Какъ обниму я тебя, и сколько любви найдешь ты въ этихъ объятіяхъ! Тамъ разскажу я тебѣ исторію моего сердца, которую ты уже такъ хорошо знаешь—и повѣсть моя будетъ огненна, и съ восхищеньемъ будешь ты слушать ее. И слезу вмѣстѣ прольемъ на эти воспоминанія, и улыбку пошлемъ въ ихъ могилу. Наташа, будь же тверда; теперь пройдемъ черезъ это болото, настанетъ день, мы его минуемъ—и жизнь наша сольется въ одинъ потокъ, котораго путь къ небу.

8-е іюня.

Я теперь читаю огромное сочиненіе Dumont d'Hurville «Voyage autour du Monde». Востокъ—какъ манитъ онъ ... [1]) душу, умѣющую чувствовать; тамъ другая природа, пышная, огромная; тамъ другіе люди съ вѣчнымъ покоемъ, съ почившею мыслью, съ минутнымъ пробужденіемъ, съ поэзіей; тамъ люди затеряны, какъ песчинки ихъ Гималая, ихъ подавила богатая природа. Желалъ бы я взглянуть на Востокъ, на Индію—колыбель идей и фактовъ, на мистическій Египетъ... и будто это невозможно, и будто годъ жизни нельзя потратить для этихъ странъ.

Перечитывалъ твои письма прошлаго года, въ маѣ и іюнѣ писанныя. Мы тѣ же, совершенно тѣ же, выше ты не могла подняться, ты достигла предѣла человѣчества, сказавъ люблю, но развилась ты многостороннѣе съ тѣхъ поръ. И тогда уже мы надѣялись на скорое свиданье. Какъ жестоко играла съ нами судьба! Ровно годъ тому назадъ, 8 іюня 1836 г., писала ты первое письмо изъ Загорья. Тамъ ли ты, ангелъ, теперь?

Вотъ что прервало мое письмо: слышу пѣніе, подхожу къ окну, и изъ воротъ противъ моего дома несутъ покойницу, жену бѣднаго офи-

[1]) Слово вырвано.

цера. Холодно провожаютъ гробъ человѣкъ десять постороннихъ; отирая слезы, идетъ старикъ-мужъ, передъ крышей гроба какой-то юродивый съ кривляньемъ, съ сумасшедшимъ видомъ—пронесли и слѣдъ простылъ, но что-то мрачное осталось на душѣ; лучше тѣ похороны, гдѣ пышность заглушаетъ думы, лучше тѣ, гдѣ плачъ и стенанія—на живыхъ обращается тогда вниманіе, а тутъ смерть во всей наготѣ. Спи же мирно, незнакомая!

9-е іюня.

Ты какъ-то писала, что застѣнчива; знаешь ли, что я съ нѣкотораго времени сдѣлался дикъ со всѣми посторонними, кромѣ близкихъ знакомыхъ, мнѣ даже становится душно, тѣсно въ груди, когда есть кто-нибудь чужой въ комнатѣ.

По письму отъ мам. отъ 2 іюня видно, что ты еще въ Москвѣ. Съ будущей почтой жду отъ тебя.

Прощай, Natalie, прощай, мой ангелъ.

Твой Александръ.

Полина всякій разъ проситъ писать много, много дружбы и симпатіи.

Москва, 1837 г. іюня 11-го.

Прошлаго года въ маѣ ты писалъ «первый лучъ надежды», а уже сколько ихъ съ тѣхъ поръ гасло, загоралось снова и снова гасло! Теперь же... другъ, подумай только—*три года*... три года! это ужасно. Вчера получила твое письмо (отъ 28 до 2 іюня). Неопредѣленное чувство наполняетъ душу; оно не есть настоящая, совершенная, яркая надежда, нѣтъ въ немъ и тѣни сомнѣнья, но чувство прелестное, святое,—жаль будетъ разстаться съ нимъ и *тогда!* Какъ спокойно смотрю я на окружающую меня суматоху—что мнѣ до того? Хотя, впрочемъ, довольно серьезно подвигаются впередъ; тотъ, о которомъ я тебѣ писала, остался въ сторонѣ; онъ человѣкъ очень хорошій, но небогатый, а за небогатаго надо давать *болье*, и потому ему отказъ. Другой—адъютантъ; 400.000 имѣетъ, и то, и другое,—это по насъ! Ужъ даже и его превосх. Дим. Пав. Гов. отзывается о немъ очень съ хорошей стороны. Вотъ снова наши старушки ласковы и веселы, снова старина выходитъ со дна сундука на бѣлый свѣтъ, пересматривается, считается, переписывается—смѣхъ, если бъ было съ кѣмъ смѣяться! Я думала спастись отъ всего этого въ Загорьѣ, ничего не бывало, тамъ въ пустынѣ св. Екатерины назначается *еще посмотрѣть меня*—фу!.. Да что же, впрочемъ, пусть ихъ, когда хочется. Папенька сердитъ на маменьку за меня, а со мною, напротивъ, очень хорошъ; вчера былъ у насъ, много говорилъ о тебѣ и съ примѣтнымъ восхищеньемъ, даже сказалъ, что желаетъ очень видѣть тебя. Ну, Богъ съ ними! Письмо твое я получила вчера, въ 7 часовъ вечера, а прочесть могла только въ девятомъ, и если бъ ты, мой ангелъ, видѣлъ, съ какимъ восторгомъ вылетѣла я въ садъ съ мыслью, что и ты подъ открытымъ небомъ, что слышишь меня, ви-

дишь!.. Ахъ, Господи! Чего мнѣ еще? Неужели въ десницѣ твоей есть еще дары?..

Тогда я буду совершенный ангелъ, а человѣку не вынести столько, не заслужить столько!

Вотъ, вотъ рука моя—идемъ, идемъ! Что тамъ, за несобъятная, черная масса? Люди. О! сколько ихъ, и всѣ на насъ! Идемъ, идемъ, любовь, Богъ, ты и я—одно единое, нераздѣльное.—Свѣтъ!—и черная масса—ницъ! —Папенька звалъ меня многократно въ садъ къ себѣ, и, кажется, это хотятъ выполнить, кстати и проститься—можетъ, уже поѣдемъ, и до октября я не увижу твоего жилища. Ну, прощай, душа моя, ужасъ неловко писать на колѣняхъ, да и пора внизъ. А меня спрашиваютъ, какое купить одѣяло, бѣлое или розовое, а не даютъ выбрать перо иль иголку...

12-е.

Какъ живо въ памяти, въ сердцѣ—вотъ подъ этимъ деревомъ, на этой лавочкѣ мы сидѣли съ тобой; тутъ ты читалъ Огареву, вотъ по этой дорожкѣ ходили вмѣстѣ, по этой аллеѣ шли въ послѣднія, и все пусто, наконецъ, все мертво! И уже тому три года... Не вышла бы изъ твоей комнаты, въ ней, кажется, все одушевлено, все понимаетъ меня, отвѣчаетъ мнѣ; но, хотя много въ ней — великихъ, славныхъ, самъ Наполеонъ—а все пусто!.. ужели она останется такою же и по пріѣздѣ моемъ изъ деревни?

Гдѣ-то Саша Б.! Вотъ это симпатія — вчера мы ѣхали мимо ихъ дома, я вся затрепетала, вылетѣла бы обнять хоть эти стѣны, хоть ихъ поцѣловать, но крѣпко клѣтка заперта.

11-й часъ, вечеръ, 13-е.

Какъ бы много, много раздѣлить съ тобою—и надо ложиться! Сейчасъ пріѣхала изъ парка. Сколько ощущеній, воспоминаній, сколько... кладбище, *колокольня*, все, все... До завтра, ангелъ мой.

14-е.

Ѣдемъ, ѣдемъ! Прощай, Москва со своими бульварами, садами и паркомъ—все вздоръ! Тамъ далеко отъ нихъ, отъ всѣхъ, подъ кустомъ ивы иль сирени душа моя будетъ и выше, и чище, и полнѣе, и богатѣе, а тутъ... что это такое, какъ мнѣ скучно было, мой ангелъ, какая толпа, и будто всѣ собрались для того, чтобъ сказать вмѣстѣ: «*намъ нечего дѣлать*!» Зато я видѣла хоть издали кладбище, помнишь?.. Ѣхала зато по той же дорогѣ, гдѣ и тогда, и въ тотъ же часъ; и все такъ же, такъ же красно небо, такъ же пыльно... О, другъ души, вообрази, что за чувства были въ душѣ, и это свиданье въ первый разъ послѣ того.—Велятъ укладываться, прощай!

15-е.

Завтра ѣдутъ. Можетъ, не удастся сказать тебѣ ни слова, моя душа.

16-е.

Черезъ нѣсколько часовъ меня не будетъ въ Москвѣ и надолго.

Что-то будетъ въ это время?.. Прощай, мой ангелъ, невозможно писать, прощай, обнимаю тебя и цѣлую.

Твоя Наташа.

Полинѣ душою кланяюсь.

Кажется, остановки въ переписки не можетъ быть, я все устроила, развѣ что непредвидѣнное — избави Богъ.—Ну, мой ангелъ, еще объятья, еще поцѣлуй!

Загорье, 1837 г., іюня 17-го.

Здравствуй, ангелъ мой! Охъ, какъ легко стало на сердцѣ, какъ вышла минутка поговорить съ тобою! Я улыбнулась, перекрестилась, какъ взяла перо. Хотѣлось мнѣ поля, лѣса, хотѣлось свирѣли и пѣсни соловья, меня задушила Москва своимъ каменнымъ горячимъ дыханіемъ, пылью, утомила стукомъ, суетою, а болѣе—ея люди... Мнѣ хотѣлось уѣхать изъ Москвы ненадолго, только бъ отдохнуть—къ твоему пріѣзду воротиться; можетъ, и будетъ такъ! Но съ первымъ шагомъ сердце сжалось; съ маменькой нельзя было и проститься, прощались съ другими и за одну слезу платили безъ счету. Но вотъ поле, лѣса, монастыри—Симоновъ! Душа простерла крылья, взвилась быстро изъ тѣсноты земной, и отъ полета слетѣла съ нея пыль, и тамъ у солнца высохли слезы, она созерцала *девятое апрѣля*. Пріѣхавши сюда, опять стало грустно — стужа и окружающіе меня тому причиною, но это минутное—со мною *письма* и *портретъ!!*..

18-е.

Ужъ третій день въ деревнѣ, а не насладилась ни гуляньемъ, ни пѣснями крестьянъ и соловья—ужасный холодъ, будто природа мститъ мнѣ за Москву, а въ комнатѣ здѣсь не лучше Москвы—три вдовы, и всѣ три вдругъ разсказываютъ, какъ ихъ *покойники* были въ параличѣ, какъ онѣ за ними ходили, хоронили ихъ... и безъ того холодно!

Вчера вѣрно получили отъ тебя письмо, а я нѣтъ... Зато, Боже мой, что можетъ сравниться съ восторгомъ, когда увидишь за версту ползущую изъ Москвы телѣгу, и сердце почувствуетъ, что она везетъ... въ мигъ превратится въ рай мрачная моя келья, и люди всѣ такъ добры, хочешь прижать ихъ къ сердцу, подѣлиться его небомъ, и будто деревья шумятъ радостно, и каждый листокъ трепещетъ отъ восторга... Природа! только она теперь со мною, только ей могу сказать слово отъ души, и какъ понимаетъ она его, родная моя!.. Александръ, ангелъ мой, милый другъ!!.

19-е.

Кажется, нынѣшнее лѣто мнѣ будетъ здѣсь лучше, нежели всѣ прошлыя; съ нами mad. Metteу, и изъ нея сдѣлалась прелестная, чудная старушка; учитъ меня по-нѣмецки и, видя, что это непріятно К., сама изыскиваетъ время, чтобъ мнѣ не доставалось, ходитъ со мной гулять, ну, словомъ, я отъ нея въ восхищеніи; зато же ужъ какъ Макашина свирѣпствуетъ, бррр!.. прости ей, Господи!

Вчера былъ прелестный день, я много ходила въ полѣ—очарованіе! Я бъ не взяла теперь цѣлаго города за десятину иль менѣе пустой земли, но она пуста для пустыхъ, а тѣ, кто понимаютъ красоту и изящество природы, кому ясенъ ея языкъ, доступны тайны ея, чье сердце не затворено камнемъ, не залито золотомъ, кто можетъ стать съ нею рядомъ, можетъ съ нею вмѣстѣ пѣть хвалу Его,—тотъ не промѣняетъ одного цвѣтка на дворецъ, тамъ пусто, здѣсь Богъ! И что значитъ цѣлая громада каменьевъ, наваленная вѣками, тысячами людей, предъ этой гвоздикой? И тамъ, на этихъ каменьяхъ люди дѣлаютъ, рисуютъ цвѣты... дали ли они хоть одному цвѣтку лазурь и солнце незабудки?.. Дивная, божественная природа! и человѣкъ долженъ быть превосходнѣе ея!..

Точно птица, долго заключенная въ клѣткѣ, вырвавшись на волю, летала я по полю, срывала каждый цвѣточекъ, каждый казался мнѣ чудомъ, улетѣли мои 10 лѣтъ! и я девятилѣтнимъ ребенкомъ веселилась; бабочка, букашка, мушка всякая такъ меня занимала; улетѣли и эти 9 лѣтъ. Я была ровесница вотъ этому ландышу, васильку, но ты—ты неразлученъ! неразлученъ, Александръ!!

20-е.

Думала ли я, уѣзжая отсюда прошлаго года, что проведу здѣсь еще лѣто—такъ все рѣшаетъ Богъ! Я думала ужъ ежели... такъ не переживу! А Онъ, милосердый, посылаетъ силу и крѣпость. Упованіе мое на Него не умаляется, а растетъ... можетъ, вся жизнь моя пройдетъ въ однихъ ожиданіяхъ, въ горѣ—я не перестану благодарить Его... о! что моя благодарность? Дерзновенная мысль—*достойно возблагодарить Его!* Пусть, видя меня въ скорбяхъ и страданіяхъ и въ часъ кончины, и послѣ смерти — любящіе меня поютъ славу Ему, да будетъ она неразлучна съ воспоминаніемъ обо мнѣ. Кто *знаетъ* меня, тому наружныя муки не помѣшаютъ видѣть блаженство души моей. Что разъ Тобою дано—не отнимется во вѣки! Такъ вѣрую я въ Него, въ тебя, мой Александръ!..

21-е.

Есть здѣсь роща, и садъ, и цвѣтникъ — ничто мнѣ такъ не по сердцу, какъ поле; поле—свобода! что за чувство, когда открывается предъ взоромъ это безконечное пространство надежды, которому рама—одна лазурь! О какъ бы, опершись на твою руку, я долго, долго стояла тутъ... безъ тебя не могу на одномъ мѣстѣ оставаться долго, будто ты близко отъ меня, и я все ищу, и сказать хочу, и обнять, и безпрестанно путешествую съ мѣста на мѣсто, и все нѣтъ тебя!.. А вообрази, мой ангелъ, эту картину—лазуревая рамка, кверху золотистая (это закатъ солнца), въ ней зеленый бархатъ, а на этомъ мы и ничего болѣе!.. тутъ видна церковь, но я забываю иногда и на церковь смотрѣть, душа не вмѣщается въ ея стѣны.—Не жаль мнѣ Москвы, только бы твои письма, твои письма! Хорошо здѣсь, ни новыхъ глупо-

стей, ни новыхъ гадостей не слышишь, а старыя не могутъ заглушить призывного колокола, ни даже журчанья ручейка. Если бъ не ты, никогда бъ человѣкъ не могъ довести меня до такого восторга, какъ природа; здѣсь нѣтъ отмѣнныхъ красотъ, но я готова при первомъ шагѣ пасть ницъ и цѣловать землю, гдѣ нѣтъ людскаго слѣда, такъ прелестна, такъ свята она тамъ, такъ каждая былинка доказательство Его мудрости и величія; но что этотъ восторгъ, что это умиленіе предъ тѣмъ чувствомъ, которымъ ты обнялъ мою душу?.. Прощай, моя душа, милый Александръ! ужъ ночь; у меня подъ поломъ цѣлое гнѣздо хорьковъ—пріятные сосѣди, какая возня у нихъ, крикъ!

23-е.

Поздравляю тебя съ новорожденнымъ...

24-е.

А сегодня съ именинникомъ! Не могу не написать тебѣ моего сна. Вижу: пріѣзжаемъ къ папенькѣ; онъ бѣжитъ намъ на встрѣчу, это меня удивило, и вдругъ онъ мимо насъ въ залъ, на крыльцо; кто-то говоритъ: «видно, дорогой гость пріѣхалъ». Сердце мнѣ въ мигъ сказало, *кто* этотъ гость, и вотъ я стрѣлой помчалась. Я первая встрѣчу!.. силъ нѣтъ, теряю чувства... прихожу въ себя, спѣшу видѣть, спѣшу слушать—и слышу храпѣніе Макашиной, вижу все ту же пустую келію! ужасно. Невозможно писать, минуты нѣтъ. Пріѣхавши сюда, я еще ни разу не брала въ руки твоихъ писемъ, комната моя почти проходная, подлѣ нея *они* сидятъ весь день, но вѣдь придетъ же пора!..

25-е.

Такъ пройдутъ эти три мѣсяца туманные, одинокіе; въ нихъ должна душа моя омыться совершенно; взойдетъ ясное солнце, и она засіяетъ ясною звѣздою. Жизнь моя здѣсь подобна жизни цвѣтка долинъ, брошеннаго судьбою въ глушь между дикою травою; тѣсно ему, душно, но онъ все клонится къ родимой сторонѣ, тянется къ небу и видитъ его, и пьетъ его лазурь, его свѣтъ; растетъ имъ, цвѣтетъ имъ... кругомъ меня дикія растенія—крапива, полынь, репейникъ давятъ меня... но я тянусь къ моему небу, вижу его, дышу имъ, имъ жива, для него живу... о небо мое!..

26-е.

Прощай, другъ мой, завтра посылаютъ въ Москву, какъ жду я возврата, навѣрно мнѣ пришлютъ твое письмо. Полинѣ salut d'amitié. Что всѣ твои друзья? Витбергу отъ меня челомъ и душою. Это ужасно, ежели мнѣ нельзя будетъ писать тебѣ всѣ эти мѣсяцы; будемъ тверды! Еще ни одна туча не затмѣвала того вѣнка, который сплели для насъ ангелы. Такъ прошу тебя, милый, не безпокойся, ежели получаешь отъ меня письма меньше и рѣже; видишь ли, когда рано утромъ Макашина спитъ, мнѣ можно писать, а ежели нѣтъ—нельзя, а ужъ днемъ и говорить нечего. Ну, мой ангелъ, прощай же! Цѣлую тебя...

Твоя Наташа во вѣки вѣковъ.

18-е іюня 1837 г.

Ангелъ мой! Ты вѣрно сердишься на меня, я виноватъ, давно не писалъ къ тебѣ. Душа моя, сестра, Наташа, не сердись, дай твою руку поцѣловать. Я былъ въ большихъ хлопотахъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я разсорился съ здѣшнимъ губернаторомъ—надобно замѣтить, что это высшій предѣлъ злодѣя и мерзавца. Вотъ тѣ непріятности, о коихъ я тебѣ писалъ нѣсколько разъ; послѣднее время я сталъ почти въ явную оппозицію противъ него; я—сосланный, и онъ—губернаторъ. Но есть Богъ—онъ выгнанъ изъ службы «за беззаконное управленіе губерніею». И, слѣдовательно, торжество на моей сторонѣ. Теперь дышать легче, теперь прекратились гоненія Мед.—ибо этотъ злодѣй былъ ея врагъ, и что онъ дѣлалъ противъ нея, это непостижимо честному человѣку.

Всѣ эти гадости занимали время и утомляли душу, я не стоилъ того, чтобъ писать къ тебѣ. Ангелъ, теперь все кончено. Итакъ—Богъ съ ними.

Ей Богу, есть возможность со всякимъ днемъ любить тебя болѣе и болѣе. О, подруга, небомъ посланная, взгляни на эту слезу, это слеза благодарности тебѣ отъ твоего Александра. Твое письмо отъ 1 іюня унесло меня совсѣмъ съ земли. Я вижу по всякому письму, какъ ты растешь, какъ небесно развивается душа твоя; кажется, тутъ уже предѣлъ совершенства человѣческаго, а ты черезъ недѣлю еще выше, еще святѣе. Потому что я, человѣкъ, хочу мѣрить ангела земного.

Сколько разъ твоей дивной высотою ты заставляла меня краснѣть, и теперь опять; но это не унижаетъ, нѣтъ, это придаетъ мнѣ новыя силы... Какъ ты холодно смотришь на всѣ эти отношенія практическаго міра, на эти маленькіе успѣхи... а я радовался, но это не отъ души. Наташа! Я былъ счастливъ этими гадкими людьми, и вдругъ мнѣ явилась свѣтлая полоса. Великій поэтъ оцѣнилъ меня, надежды заблистали, и я радовался, такъ еще я малъ и ничтоженъ, но ты высокая, тебѣ недоступны эти рукоплесканья. Повторяю, веди меня, веди какъ путеводная звѣзда,—я уступаю какъ сильнѣйшему, какъ высшему, вотъ твой Александръ, онъ свою судьбу кладетъ въ твои руки, вѣдь ты Богомъ послана ему; итакъ, покоряясь Богу, я долженъ вѣрить тебѣ. Нѣтъ, Наташа—ни словъ нѣтъ, ни выраженій—я готовъ броситься на колѣни и безмолвно молиться на тебя. Ты, ты мнѣ все, все—поэзія, религія, все небесное начало души, искупленіе. Вотъ этой-то необъятной любовью я и равенъ тебѣ, сестра!

Великій Боже! За что Ты далъ мнѣ столько, давъ ее; больше Ты, всемогущій, не можешь дать никому. Да, да, ты права, это тѣло мѣшаетъ. Просторъ, просторъ, и я наполню все безпредѣльное пространство одной любовью. Прочь тѣло. Какъ горитъ мое лицо; посмотри во всѣхъ чертахъ любовь къ тебѣ, и въ сердцѣ любовь къ тебѣ.

Наташа! Ну, что ежели я сойду съ ума, когда увижу тебя; душа человѣческая не можетъ вынести столько счастья.

Я очень радъ, ежели ты въ Загорьѣ—ибо очень понимаю, какъ непріятны эти показы, эти женихи, и эти искатели жениховъ. Скажи имъ, ежели случится, что ты желаешь узнать мое мнѣніе, пусть ко мнѣ напишутъ. Я опять начинаю думать, что сломлю непреклонность пап.—И я часто бываю за городомъ; недавно я отправился въ поле въ часъ ночи; здѣсь начинаетъ разсвѣтать въ 12 часовъ, т.-е. совсѣмъ ночи нѣтъ въ маѣ и іюнѣ.

На высокой горѣ, передъ которой разстилалась необозримая даль, рѣка, деревни, горы,—на высокой горѣ встрѣтилъ я восходящее солнце, и свѣжій воздухъ утра свѣялъ мрачныя мысли. А звѣзды не было съ солнцемъ, твоей звѣзды.

Ты говоришь: «я твое созданье, любуйся имъ!» Съ какимъ восторгомъ читалъ я эти слова. Вотъ тамъ, тамъ будь, моя высокая дѣва, да, я буду любоваться тобою, и не есть ли это вся моя жизнь! «Созданье»—и такъ, и нѣтъ. Впрочемъ, созданіе поэта, плодъ минуты откровенія и восторга часто бываетъ лучше самого поэта. И поэтъ только потому высокъ, что могъ въ груди своей дать мѣсто такому восторгу.

Ты какъ-то писала, что любишь верховую ѣзду, я и нынѣшній годъ опять началъ свои прогулки—прекрасное чувство утромъ рано, совершенно одному, опуская поводья, шагомъ ѣхать по полю; здѣсь мѣсто очень гористое, безпрерывно мѣняются виды, и такъ просторно мечтать, думать о тебѣ.

19-е іюня.

Статью мою J. Maestri кончилъ, надняхъ исправлю, а поелику вы изволили приказывать мнѣ быть дѣятельнымъ, то о семъ честь имѣю вамъ рапортовать, милостивая государыня Наталья Александровна.

И примѣрно не знаю, которое число.

Сейчасъ прочелъ я «Ундину» Жуковскаго — какъ хорошъ, какъ юнъ его геній! Я пришлю ее тебѣ. Вотъ два стиха, служащіе лучшимъ выраженіемъ моего прошлаго письма, продолженіемъ его:

«Въ душной долинѣ волна печально трепещетъ и бьется,
Влившись въ море, она изъ моря назадъ не польется».

Мы два потока: ты—широкій, ясный, отражающій вѣчно голубое небо съ солнцемъ; я—бурный, подмывающій скалы, ревущій судорожно, но однажды слитые; не можетъ быть раздѣла. Пусть люди дѣлаютъ, что хотятъ, *волна назадъ не польется*. А ты, ангелъ, дала мѣсто какому-то сомнѣнію въ душѣ твоей. «Я потеряла вѣру въ наше соединеніе», пишешь ты, посмотри, какъ что-то странное, чудовищное выглядываетъ изъ-за этихъ словъ... какъ оно сильною рукой отбрасываетъ меня въ сторону, тебя въ другую. Наташа, не давай мѣста этому голосу въ душѣ твоей—онъ убійственный.

Мой *Maestri* исправленъ, эта статья очень хороша. Я вообще эти дни порядочный человѣкъ, т.-е. живу больше за письменнымъ столомъ, нежели съ людьми. Нѣтъ, я не утратилъ надежды на скорое свиданье,

по всѣмъ вѣроятностямъ, оно не можетъ замедлить долго, тогда я самъ прочту тебѣ мои статьи и во всѣхъ ты найдешь себя, ангела-хранителя моей души. Странная вещь, какъ на насъ дѣйствуетъ практическій міръ: кажется, въ немъ все такъ мелко, такъ лишено средствъ дѣйствовать на душу, а между тѣмъ крошечные опыты осѣдаютъ больше, больше и въ минуту экспансивности, въ минуту, когда хочешь людямъ передать свой опытъ, огромный кристаллъ уже составленъ въ душѣ изъ песчинокъ, ни одной не пропало, всѣ тутъ, всѣ сливаются въ одно тѣло. Душа, умѣющая понимать, ничего не теряетъ, и давно забытое при случаѣ выходитъ, какъ привидѣніе изъ гроба. Эта статья J. Maestri—первый опытъ, прямо разсказываетъ воспоминаніе изъ моей жизни—и она удачна. *Встрѣча*, которая у тебя,—частный случай; эта уже захватываетъ болѣе и представляетъ меня въ 1833, 1835, 1837 году, годы, отмѣченные въ ней тремя встрѣчами: Дмитріевъ, Витбергъ и Жуковскій. Ты писала мнѣ съ мѣсяцъ тому назадъ, чтобъ я занялся моей прошлой жизнью, вотъ исполненіе. До двухъ предметовъ я боюсь дотронуться, 40 дней поста и молитвы должны бы предшествовать этому труду. Ты и Огаревъ—вы являетесь у меня какъ идеалъ, какъ фантазія; нигдѣ не осмѣлился я описать *ваши приметы*. Дѣло рѣшеное, повѣсти—не мой родъ. *Тамъ* рѣшительно натянуто, смертный приговоръ ей, заклеивать рамы на зиму. Я перечиталъ легенду и помирился съ нею; это документъ моего перелома передъ 9 апрѣлемъ.

Теперь набралось у меня статей на маленькую книжку; но еще не рѣшаюсь скоро печатать, надобно больше сдѣлать, а то отдать людямъ на поруганье такія святыя страницы изъ жизни больно, какой-нибудь важный трудъ долженъ имъ служить рекомендательнымъ письмомъ. Тогда я ихъ издамъ подъ заглавіемъ «*Юность*». И посвящу тебѣ и Огар. Вамъ посвящена и душа моя; надѣюсь, не поссоритесь за это черезполосное владѣніе.

20-е іюня.

Ну, не дивно ли, Наташа! Вотъ юноша пылкій, пламенный; огромный гипподромъ открытъ передъ нимъ, онъ полонъ надеждъ, силенъ какими-то пророчествами, увлеченъ дикими страстями, которыя еще не привыкли тѣсниться, скрываться въ груди, гордъ, независимъ, ничему не покорится, все хочетъ себѣ покорить, самолюбивъ, слава—его цѣль, міръ идей—его міръ. Что можетъ этого юношу покорить, обуздать? Несчастія,—онъ ихъ принимаетъ за испытаніе, за закалъ души; счастье—это дань ему, онъ его принимаетъ какъ заслуженное. Этотъ юноша — я.

При самомъ началѣ юношества встрѣчаетъ онъ ребенка, оставленнаго всѣми, несчастнаго, котораго первое воспоминаніе—гробъ, котораго первое впечатлѣніе—гнетъ постороннихъ людей. Онъ его встрѣчаетъ со слезою на глазахъ, въ траурномъ платьѣ. И юноша проходитъ, страсти не дозволили ему видѣть ангела въ этомъ ребенкѣ. Бурная жизнь влечетъ его, ломаетъ, жжетъ и бросаетъ въ тюрьму. Кто ска-

жетъ, что этому ребенку предоставлено будетъ пересоздать юношу. Да, я вполнѣ не понималъ тебя, Наташа, до 9 апрѣля. Я слишкомъ близко стоялъ, чтобъ видѣть твою прелесть, твое изящество. Тамъ, въ каменной лачугѣ, я перебралъ всю свою жизнь, и вся моя жизнь дала мнѣ два воспоминанія—тебя и Ог. Мнѣ надобно было уѣхать за полторы тысячи верстъ, оглянуться оттуда, чтобъ ангельскій образъ твой, чтобъ небесная душа твоя раскрылась мнѣ. Мнѣ надо было снять повязку юношескихъ сатурналій съ глазъ, чтобъ оцѣнить серафима чистоты. Это мнѣ напоминаетъ старинный случай. Въ Аѳинахъ заказаны были двѣ статуи Минервы, одна великому Праксителю, другая какому-то ваятелю. Оба выставили свои произведенія. Народъ бѣжалъ къ статуѣ неизвѣстнаго, восхищался прелестной отдѣлкой, а на Праксителеву не смотрѣлъ никто, она едва была изсѣчена, груба. Обѣ статуи поставили на колонны, тогда все перемѣнилось. Мелочи и мелкія красоты исчезли отъ дали; а божественное выраженіе статуи Праксителя подавило величіемъ и красотою. Ей надо было удалиться отъ толпы, стать ближе къ небу, не рядомъ съ нею—чтобъ толпа поняла ее. И не смотрю ли я теперь на тебя, какъ народъ на статую Праксителя, не вверхъ ли подымаю голову, не къ небу ли смотрю, когда думаю о тебѣ, не на тверди ли этой ищу твои черты, и не оттуда ли сіяешь мнѣ ты любовью и улыбкой. Ангелъ! ангелъ!

21-е іюня.

Помнишь ли, какъ въ стары годы я бранилъ тебя за притворство передъ княг., а самъ я научился теперь такъ притворяться, такъ хитрить, что самому смѣшно. Дѣло въ томъ, покуда живешь съ людьми, иначе поступать нельзя—не дать же имъ на поруганіе свою чистую, святую мысль.

23-е іюня.

Вотъ твое письмо отъ 9—оно грустно, печально. Нѣтъ, нѣтъ, Наташа, ты должна быть моя, моя безъ условій, безъ оговорокъ, моя—какъ моя душа, какъ мое сердце. Проклятіе, что такое проклятіе и тамъ, гдѣ благословляетъ Богъ! Черно на душѣ, тяжко... Кончи, я *умоляю тебя,* споры, эту исторію съ женихами; но кончи ее осторожно, какъ знаешь. Ты пишешь, что могла бы теперь безъ взгляда на меня покинуть землю. Вѣрю, тебѣ родина—небо, тебя ждетъ тамъ привѣтъ, родная семья. Съ восторгомъ вознесся Христосъ къ Отцу своему—но скорбь осталась въ душѣ учениковъ. Что же я останусь здѣсь безъ тебя; я не вынесу и, *ежели* останусь живъ, то для того, чтобъ въ мірѣ раздался еще отчаянный звукъ страдальческой души.

Ты не вѣришь въ наше соединеніе—ежели я въ это буду не вѣрить, то... то я сдѣлаюсь мерзавцемъ. Нѣтъ мнѣ неба, добродѣтели безъ тебя, Наташа, милая Наташа, сестра! Богъ отдалъ мою судьбу въ твою дѣвственную руку. Можешь ли ты располагать послѣ этого собою, какъ ты явишься *туда* безъ Александра?

Да что же не ѣдете вы въ деревню?

Прощай, надежда на мое возвращеніе—тьма. Горе, надежда, дай пройти одному несчастью, потомъ уже приходи руками родительскими рвать сердце.

Обнимаю тебя, нѣтъ, это слишкомъ много, гляжу, гляжу на тебя, и въ этомъ взглядѣ все, чего нѣтъ въ письмѣ.

Твой Александръ.

Полина кланяется.

29-е іюня 1837.

Боже мой, не могу безъ ужаса вздумать, какимъ ты непріятностямъ подвержена теперь. И сколько ни думаю, сколько ни ищу, нѣтъ средствъ помочь, поправить.

Ежели явно съ ними разсориться—что я не считаю за худшее—то куда дѣться? въ Петербургъ къ Ал. Ал.—моего согласія на это нѣтъ, это человѣкъ бездушный, ежели скромный жизнью, то развратный душою; я его очень знаю, дай Богъ, чтобъ ты, мой ангелъ, никогда не была въ соприкосновеніи съ этими испорченными людьми. Онъ по теоріи безнравственный человѣкъ и по душѣ холодный эгоистъ. И что за образъ жизни. Нѣтъ, нѣтъ, дальше отъ этихъ людей, они запылятъ тебя. Итакъ, что же? По-моему, въ самомъ крайнемъ случаѣ монастырь лучше, вѣдь жизнь тамъ начальная не обязываетъ ни къ чему. Воля заниматься, воля видѣться, и тутъ что-то есть возвышающее душу. Да, у тебя есть сестра, не знаю почему, а я ее не люблю; *три поступка* могутъ громко обвинять человѣка—но и къ ней лучше, нежели къ А. А. Свѣтская, пустая женщина не можетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на тебя. Тебѣ можетъ странно мое мнѣніе объ Ал. Ал.

Я буду у него очень часто въ Петербургѣ, мнѣ что? моей душѣ ни опыта прибавить нельзя, ни потрясти ее, я и въ трактирѣ бывалъ часто, и гдѣ я не бывалъ. Разумѣется, я очень знаю, что и на тебя онъ не можетъ имѣть вреднаго дѣйствія; но его теоретическая безнравственность дунетъ ядомъ на твою душу, она покажетъ тебѣ образъ мыслей, который ты не должна знать. Къ сестрѣ лучше; но возьметъ ли она? Это не продолжитъ разлуку—я буду скоро послѣ возвращенья въ Петербургъ. Напиши же на все это подробно твое мнѣніе. Прощай, ангелъ мой!

30-е іюня.

Ты въ деревнѣ—слава Богу, душѣ стало легче. О, Наташа, какъ пламенно, какъ безгранично я люблю тебя.

Твой Александръ.

Загорье. 1837 г., іюня 29-е. Понед.

Александръ, о мой Александръ!..

На что слова!.. Забудь землю, обрати взоръ туда, высоко... За облаками, за лазурью ты увидишь голубя; какъ снѣгъ на солнцѣ, сіяютъ его перья, радужно искрясь и переливаясь; услышишь—онъ воркуетъ о царствѣ небесномъ, которое въ немъ, вокругъ него; счастіемъ сво-

имъ, блаженствомъ онъ близокъ къ Богу; онъ не летитъ выше, для него *выше* нѣту, во взорѣ его отражается Его око и твой взоръ, онъ тихо вѣетъ крыльями, и съ нихъ льется небесный свѣтъ, сыплются искры на избранныхъ—онѣ вмѣсто словъ.—Ангелъ мой, вчера получила твое письмо (отъ 7 с. м.). На одномъ изъ прежнихъ твоихъ писемъ (10-е апрѣля 1835) видны слѣды безмѣрной горести, на этомъ останутся слѣды неизъяснимаго восторга, когда бъ мы ни увидѣлись съ тобой, ты увидишь эти слезы, онѣ разскажутъ тебѣ громче и краснорѣчивѣе пера. Знаешь ли, ангелъ, ты неожиданно подарилъ меня въ своемъ письмѣ? Послѣ разскажу, теперь невозможно, едва вожу перомъ; хотя еще 5 часовъ утра, а ужъ Мак. не спитъ—*страшно!*.. О мой Александръ!..

30-е.

О, если бъ зналъ ты, если бъ я могла пересказать тебѣ все... Да, ты подарилъ меня неожиданно: при мысли о томъ блаженномъ, святомъ *тогда*—являлась мысль другая, земная—о людяхъ; мнѣ казалось, они, какъ облака на солнцѣ, будутъ бродить въ нашемъ будущемъ; мечтала объ уединеніи, уединеніи съ тобою!.. на всю жизнь, о что такое намъ время? Нѣтъ, я мечтала именно о томъ, что ты писалъ мнѣ нынѣ, и не смѣла сказать тебѣ этого; на берегу моря, въ Божьемъ цвѣтникѣ, далеко отъ суеты, шума, ропота, камней, людей, на землѣ—далеко отъ земли—сказать тебѣ: «Александръ мой! люблю тебя». Обнять тебя, посмотрѣть на тебя и... и отдать небу то, чѣмъ земля недостойна обладать. Знавъ, что ты любишь славу, я не смѣла молвить тебѣ объ уединеніи; вообрази же, что со мною стало, когда я читала твое письмо!.. О, ты! для кого нѣтъ словъ, нѣтъ имени на землѣ... о пусть снидутъ съ неба ангелы и небесной гармоніей изольютъ тебѣ небесное души моей!—Что такое намъ *теперь?* Что намъ эти цѣпи, тюрьма, изгнанье, угрозы и самыя препятствія?.. *Оно* придетъ, оно будетъ наше, мы купимъ его нашимъ терпѣньемъ; не будемъ же, другъ, жалѣть платы!—Все надо мной ничтожно, на все смотрю, какъ на черный сухой прутикъ, который легко переломить; ничего не боюсь; Его десница, любовь—ведутъ меня этимъ путемъ, и я люблю мои страданія, люблю мой тернистый путь, онъ ведетъ къ Нему, къ тебѣ!.. Прочитавъ твое письмо, я пошла въ поле—что за ощущенія! сколько я чувствовала свободы, воли, какъ жалки и малы казались мнѣ они; я все забыла, ни о чемъ не думала, душа моя подобна была этому чистому, обширному полю, въ ней волновалась одна нива, нива, посѣянная тобою!.. Какъ тихо, вѣтеръ не колыхнетъ ни былинки, небо грозно—но молчитъ, птицы не поютъ, онѣ въ умиленіи внимаютъ гимну души моей, онѣ вмѣстѣ съ нею возсылаютъ тихую, но пламенную молитву.—Невыносимо быть дома съ этими чувствами!

1-е іюля.

Ты пишешь, что тебя оскорбляютъ ожидающія насъ непріятности.

Александръ, ты ли пишешь это? Говорю тебѣ, мой ангелъ, не будемъ жалѣть платы, истощимъ силы, терпѣніе! Будетъ время, снова запасемся. И для чего же заранѣе бояться, а *Онъ?*.. Нѣтъ, видя надъ собою столько Его милости, столько любви, я не боюсь людей, еще менѣе ихъ угрозъ, ихъ гнѣва,—развѣ они могутъ перевѣсить благость Его? Нѣтъ! Они сильны, могущественны, но развѣ могутъ долго бороться съ Богомъ? Нѣтъ! Итакъ, что жъ страшнаго? Со всей любовью навстрѣчу имъ!.. Зачѣмъ въ письмѣ твоемъ это *оскорбляютъ*, зачѣмъ оно въ твоемъ сердцѣ?

3-е.

Каждый день, восьмой и девятый часъ, я придумываю, гдѣ ты, что дѣлаешь, что думаешь? такъ ли ясно твое небо, какъ мое, смотришь, ли ты на золотой западъ со мною вмѣстѣ, иль, провожая взоромъ тучи думаешь: «когда-то онѣ пройдутъ?..» Но съ чего же я назначила этотъ часъ для свиданія и бесѣды душъ нашихъ—будто мы можемъ когда-нибудь думать другъ о другѣ болѣе или менѣе?.. Вся наша разлука—безпрерывная встрѣча, безпрерывное свиданіе, бесѣда! Часто, мой другъ, глядя на струйки рѣчки, я воображаю какъ *тогда, тамъ, съ тобою!*..

Посмотримъ, послушаемъ море; о, оно должно быть грозно; мы не увидимъ его тихимъ, спокойнымъ; нѣтъ, пространствомъ своимъ, глубиною оно будетъ спорить съ нашею любовью, и гордый великанъ, чудо людей, любимецъ природы—капля передъ нею! и тщетны его шумъ, волны, пѣна,—небо не меркнетъ, не колеблется, а благодатное ясно смотритъ на него, покрываетъ его, и другое море, и третье, и безчисленныя....

Я не могу вполнѣ обнять настоящаго; всѣ непріятности, которыя не имѣютъ на тебя вліянія, скользятъ мимо моего вниманія. Послѣднее время, мнѣ кажется, я выросла еще болѣе, мой Александръ. О, если бъ я *жила* на землѣ, среди людей, если бъ я была часть этой земли, этихъ людей — я бъ изныла, измучилась, давно бы превратилась въ прахъ; но твоя любовь, мой Александръ! столько даетъ мнѣ счастья и блаженства, столько силы, воли, что земля и люди не могутъ привлечь меня, я не вижу, не слышу ихъ, имъ земныя поля предѣлъ,— я высоко за лазурными полями; все Его величіе, весь свѣтъ открыты моему взору, будто кругомъ меня хоры ангеловъ, будто я на рукахъ у Бога! Спокойно смотрю я на смущеніе людей, ихъ труды, ихъ замыслы, ихъ громадныя стѣны между нами; въ высотѣ обнявшись съ тобою, покойно смотрю, какъ они разлучаютъ насъ, не догадавшись взглянуть вверхъ; да если бъ взглянули... Придетъ время, Онъ велитъ, и съ рукъ *Его* я сойду на твои руки!.. Душа моя, Александръ!..

---

* * *

Пробѣжалъ вѣтерокъ по листочкамъ оливъ,
Зарябилася влага зеркальная,
И заискрился въ лунномъ сіяньѣ заливъ,
И волна всколыхнулась хрустальная.

Потонули въ сіяньѣ луны небеса,
Засвѣтилися звѣзды лучистыя,
Забѣлѣли въ туманной дали паруса—
Кораблей паруса серебристые.

О. Кочеровъ.

ВИТАЛИЗМЪ [1]).

Первыя попытки объяснить явленія жизни.—Старый витализмъ и его пораженіе.—Современный витализмъ.—Механическій витализмъ Бунге.—Неовитализмъ Риндфлейша.—Психологія современнаго витализма.

Издавна мыслящіе люди находили особенную прелесть въ занятіяхъ основною задачей физіологіи, въ изслѣдованіи жизненныхъ явленій. Каждая эпоха пыталась, сообразно своимъ знаніямъ и воззрѣніямъ, создать представленіе о сущности жизни, преслѣдуя при этомъ то болѣе теоретическій интересъ—включить въ общую картину міровоззрѣнія еще послѣднее звено, пониманіе сложнѣйшаго явленія природы, то болѣе практическія цѣли — воспользоваться знаніемъ механизма жизни въ человѣческомъ тѣлѣ для медицины. Не безполезно бросить взглядъ на эти попытки объяснить своеобразнѣйшій комплексъ явленій, который мы называемъ жизнью, тѣмъ болѣе, что при этомъ можно найти различныя точки отправленія для обсужденія дальнѣйшихъ путей, по которымъ въ будущемъ придется двигаться физіологическимъ изысканіямъ.

Если оставить безъ вниманія миѳолого-теологическія міровоззрѣнія первобытныхъ народовъ, то первую попытку объяснить жизненныя явленія,—попытку, до извѣстной степени имѣющую естественно-научный характеръ, мы встрѣчаемъ въ первый разъ въ IV-мъ столѣтіи до нашего лѣтосчисленія. Это такъ называемое ученіе о «пнеймѣ» гиппократиковъ. Въ своей первоначальной простѣйшей формѣ, такъ, какъ оно возникло у преемниковъ *Гиппократа*, ученіе о пнеймѣ въ высшей степени интересное явленіе. Ядро ученія коренится въ слѣдующемъ представленіи. Въ атмосферномъ воздухѣ заключается, какъ его составная часть, нѣчто безусловно необходимое для поддержанія жизни и вызывающее жизненныя явленія въ человѣческомъ и животномъ тѣлѣ. Это—Πνεῦμα. Пнейма воспринимается при дыханіи изъ воздуха легкими, изъ которыхъ она переходитъ въ кровь и разносится ея потокомъ во всѣ органы тѣла для поддержанія въ нихъ жизненныхъ явленій. Съ точки зрѣ-

[1]) Статья «Витализмъ» написана для «Новаго Слова». Авторъ ея, докторъ философіи и медицины, профессоръ физіологіи Іенскаго университета, извѣстенъ какъ одинъ изъ піонеровъ целлулярнаго (клѣточнаго) направленія въ физіологіи. Одно изъ его произведеній: «Общая физіологія», переведено недавно на русскій языкъ.
Ред.

нія нашихъ современныхъ знаній это своеобразное ученіе не только интересно для насъ, какъ первое установленіе единаго принципа, на дѣйствіи котораго строится объясненіе всѣхъ проявленій жизни, но оно и поражаетъ насъ необычайнымъ сродствомъ пнеймы съ ролью, которую, по нашимъ современнымъ знаніямъ, играетъ кислородъ въ живомъ организмѣ. Въ ученіи о пнеймѣ можно прямо видѣть величественное предугадываніе современнаго ученія о кислородномъ дыханіи. Намъ теперь фактически извѣстно, что кислородъ является составною частью воздуха, безусловно необходимой для поддержанія жизни.

Кислородъ проникаетъ въ тѣло черезъ легкія, гдѣ онъ встрѣчается съ кровью, и, слабо связанный съ гемоглобиномъ красныхъ кровяныхъ шариковъ, онъ разносится кровянымъ потокомъ по всему тѣлу, проникая въ клѣтки различныхъ органовъ.

Кислородъ есть именно то, что сообщаетъ живой субстанціи различныхъ клѣтокъ такую подвижность химическаго состава, что въ ней безпрерывно происходитъ разложеніе, которое и обнаруживается въ жизненныхъ явленіяхъ. Удаленіе кислорода гаситъ жизнь.

Отсюда легко понять, какъ необыкновенно далеко идетъ сходство ролей древней пнеймы съ современнымъ кислородомъ.

Ученіе о пнеймѣ нашло себѣ вскорѣ широкое распространеніе, и въ различныхъ видоизмѣненіяхъ, пережитыхъ съ теченіемъ времени, оно господствовало какъ въ древніе, такъ и средніе вѣка.

Къ сожалѣнію, первоначальная простота и чистота стараго ученія о пнеймѣ скоро исчезли отъ преобразованій позднѣйшихъ пнейматиковъ, и къ нему примкнули фантастическія иден. Вскорѣ различали уже нѣсколько родовъ пнеймы, и каждому изъ нихъ приписывалась особая функція въ тѣлѣ. Къ этому представленію примкнулъ и *Галенъ*, основатель научной медицины во второмъ вѣкѣ нашего лѣтосчисленія, система физіологіи котораго создала цѣлую эпоху, въ первый разъ введя методическій и связный разборъ отдѣльныхъ явленій. Она служила всеобщимъ кодексомъ медицины до исхода среднихъ вѣковъ. Система Галена основана на ученіи о пнеймѣ. Для него существуютъ три рода пнеймы: πνεῦμα ψυχικόν (пнейма психическая), производящая психическія явленія въ мозгу и въ нервахъ, πνεῦμα φυσικὸν (пнейма физическая), вызывающая явленія обмѣна веществъ, и, наконецъ, πνεῦμα ζωτικὸν (пнейма жизненная), воспринимаемая изъ воздуха и циркулирующая вмѣстѣ съ кровью по всѣмъ органамъ, соотвѣтствующая, слѣдовательно, первоначальной пнеймѣ древнихъ пнейматиковъ. Эта послѣдняя необходима для регенераціи (возстановленія) всѣхъ частей тѣла. Но особенно интересно пророческое указаніе Галена на то, что въ будущемъ удастся изолировать изъ воздуха πνεῦμα ζωτικὸν (жизненную пнейму). Это пророчество, какъ извѣстно, вполнѣ исполнилось спустя полторы тысячи лѣтъ. Изъ выраженій Галена ясно вытекаетъ далѣе, что онъ подъ πνεῦμα подразумѣвалъ *матерію*, и мы видимъ отсюда, что также и въ

древнемъ ученіи о пнеймѣ слово πνεῦμα должно было употребляться въ смыслѣ необыкновенно тонкой матеріи, такой же легкой, какъ «дуновеніе».

Къ сожалѣнію, вслѣдствіе перевода πνεῦμα латинскимъ spiritus (духъ), это матерьяльное значеніе слова къ концу среднихъ вѣковъ все болѣе и болѣе утрачивалось. Правда, *Форнелій*, въ XVI-мъ столѣтіи, противоставляетъ еще «spiritus animalis», какъ тонкую матерьяльную субстанцію души («anima»), чему-то чисто динамическому; но вскорѣ понятіе «spiritus animalis» сдѣлалось чрезвычайно неяснымъ, и въ концѣ концовъ стали видѣть въ немъ лишь мистическія силы, которыя должны были какимъ-то таинственнымъ образомъ пробуждать и поддерживать жизнь.

Но, не смотря на всю теософію и весь оккультизмъ XVI-го столѣтія, дѣло не дошло до установленія единаго ученія о мистической жизненной силѣ, и это оттого, что здѣсь вмѣшалось вліяніе другого момента. Свѣжее вѣяніе самостоятельнаго, точнаго изслѣдованія, исходившее отъ такихъ людей, какъ Беконъ, Декартъ, Коперникъ, Галилей и др., философія, медицина и естествознаніе, освобожденныя отъ вѣковыхъ цѣпей аристотелевскихъ и галеновскихъ идей—все это не могло не повліять возбуждающимъ образомъ и на физіологію. *Гарвей* открытіемъ кровообращенія вызвалъ всесторонній и живой интересъ къ вопросамъ тѣлесной жизни. Множество изслѣдователей пламенно принялись за изученіе жизненныхъ явленій. Удачное приложеніе механики и математики къ движеніямъ человѣка и животныхъ со стороны геніальнаго *Борелли* вызвало къ жизни великую «іатромеханическую [1]) школу», приверженцы которой, ободренные первыми успѣхами, считали возможнымъ свести всѣ жизненныя явленія къ чисто физическимъ причинамъ. Дальнозоркіе ученые, въ родѣ *Сильвіуса*, видѣвшіе недостаточность одной физики, удачно призвали химію къ объясненію отдѣльныхъ жизненныхъ явленій и создали «іатрохимическую школу». Такимъ образомъ уже въ XVII столѣтіи не сомнѣвались болѣе въ возможности вполнѣ объяснить всѣ жизненныя явленія физикой и химіей. Однако надежды оказались преждевременными. Точныя изслѣдованія въ областяхъ физики и химіи были еще, къ сожалѣнію, слишкомъ юны и неполны, чтобы удовлетворить тому нетерпѣнію, съ которымъ отъ нихъ требовали разъясненія жизненныхъ явленій. Эта недостаточность выступала тѣмъ яснѣе, чѣмъ больше, вслѣдствіе собранія громаднаго, несвязаннаго между собою фактическаго матерьяла, заставляла чувствовать себя потребность обхватить замкнутой, единой системой всѣ отдѣльныя изслѣдованія, накопившіяся со времени разцвѣта физіологіи. При этомъ постоянно наталкивались на пробѣлы, ко-

[1]) Ἰατρός (іатросъ) значитъ врачъ; іатромеханическій — врачебномеханическій. *Прим. перев.*

торые не удавалось заполнить при тогдашнихъ знаніяхъ физики и химіи.

Поспѣшные умы при этомъ скоро совершенно отчаялись въ возможности объяснить явленія жизни физико-химически, другими словами, механически въ философскомъ смыслѣ.

Такимъ образомъ на поворотѣ XVII-го столѣтія уже были выдвинуты для объясненія проблемы жизни болѣе или менѣе мистическіе принципы. Системы *Гофмана* и *Сталя* служатъ тому примѣрами. Достаточно характерно для того времени и не менѣе интересно въ психологическомъ отношеніи, что эти ученія пользовались въ научныхъ кругахъ необыкновенною любовью и распространеніемъ. Система Гофмана уже глубоко уходила въ мистику, не смотря на то, что она называлась динамо-механической. Опираясь на философію Лейбница, спеціально на идею предустановленной гармоніи и ученія о монадахъ, она содержала телеологическое воззрѣніе, что послѣднюю причину всѣхъ жизненныхъ явленій слѣдуетъ искать въ движеніи эѳирныхъ монадъ. Это движеніе обусловливается живущимъ въ каждой эѳирной монадѣ сознаніемъ ея собственной цѣли бытія. Ясно, что въ основѣ этого представленія лежало полное отреченіе отъ механическаго объясненія явленій жизни, такъ какъ представленіе объ эѳирныхъ монадахъ съ ихъ волевыми или двигательными импульсами было вполнѣ трансцендентально.

Не менѣе мистики содержала и другая, быть можетъ, еще болѣе распространенная «анимистическая» система Сталя, въ которой неясная «anima» (душа), какъ causa movens, играетъ роль, сходную съ эѳирными монадами Гофмана. Только при посредствѣ «anima» тѣло способно къ обнаруженію жизни, и только «anima» охраняетъ его отъ разложенія.

XVIII-ое столѣтіе дало впервые величественную сводку физіологическаго знанія того времени въ «Elementa physiologiae corporis humani» *Галлера*. Однако и время Галлера не могло отвѣтить на нѣкоторыя важныя проблемы физіологіи съ помощью химическихъ и физическихъ знаній. Въ особенности это относится къ ученію о раздражительности живой субстанціи во всѣхъ ея разнообразныхъ формахъ. Это ученіе предварительными работами *Глиссона* и *Галлера* было выдвинуто на первый планъ и оживленно обсуждалось. На своеобразномъ явленіи раздражительности мускула, нерва и т. п. должны были, казалось, потерпѣть крушеніе всѣ попытки физико-химическихъ объясненій. Точно также и удивительное явленіе развитія наслѣдственности, тотъ простой фактъ, что изъ яйца курицы всегда развивается курица, а изъ яйца рыбы—всегда рыба,—не поддавались никакимъ механическимъ объясненіямъ.

Помимо этого, цѣлая масса явленій психической жизни стояла совершенно внѣ рамокъ чисто механическаго пониманія.

Исходя изъ первой непринужденной попытки механическаго объясненія въ ученіи о пнеймѣ гиппократиковъ, подпавъ въ средніе вѣка мистическимъ представленіямъ о «spiritus animalis», снова возвысившись, благодаря мощному естественно-научному подъему XVI-го и XVII-го столѣтія, до твердаго убѣжденія механической объяснимости жизни, но, разочаровавшись въ преждевременныхъ надеждахъ и снова заразившись мистикой системъ Гофмана и Сталя, физіологія убѣждается все болѣе и болѣе въ невозможности свести безъ остатка всѣ жизненныя явленія къ физикѣ и химіи. Таково было положеніе во второй половинѣ предыдущаго столѣтія, и такимъ образомъ была подготовлена почва и брошены сѣмена для развитія ученія о «жизненной силѣ».

II.

Отечество витализма—Франція. Въ медицинскихъ школахъ Франціи, въ особенности въ Монпелье, образовалось въ теченіе второй половины предыдущаго столѣтія ученіе, которое скоро нашло себѣ широкое распространеніе подъ названіемъ ученія о жизненной силѣ. Основателемъ его считается обыкновенно Борде, но основная идея этого ученія въ то время была уже повсюду совершенно подготовлена. Какъ слѣдствіе невозможности при тогдашнихъ научныхъ средствахъ объяснить механически нѣкоторыя жизненныя явленія, признавалась существующей особенная жизненная сила, которая противополагалась силамъ безжизненной природы, ограничивалась живой природой и представляла изъ себя причину жизненныхъ явленій въ организмѣ. Со смертью организма гаснетъ и жизненная сила. О родѣ и видѣ этой таинственной силы представленія были все еще очень неясны.

Въ наиболѣе рѣзкой и ясной формѣ витализмъ въ своемъ развитіи на французской почвѣ выразился у *Луи Дюма*, по мнѣнію котораго жизненная сила—сила сверхестественная, «une force hypermécha-nique», недосягаемая для физическаго и химическаго объясненія.

Въ этой формѣ витализма лежитъ центръ тяжести всего ученія, въ этой формѣ витализмъ провозглашаетъ рѣзкій и полный дуализмъ между мертвой и живой природой, въ этой формѣ витализмъ необходимымъ образомъ требуетъ фундаментально различныхъ методовъ изысканія и обсужденія проблемъ органическаго и неограническаго естествознанія. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этой строго виталистической точки зрѣнія было признаніе полной невозможности дать дѣйствительное *объясненіе* жизненнымъ явленіямъ вообще, такъ какъ если всѣ явленія жизни разсматривать какъ слѣдствіе неизвѣстной и недосягаемой силы, то напрасно и пытаться дать имъ какое-нибудь дальнѣйшее разъясненіе.

На практикѣ, физіологическое изслѣдованіе никогда, даже въ концѣ прошлаго столѣтія, когда ученіе о жизненной силѣ было въ

полномъ расцвѣтѣ, не слѣдовало этому выводу. Старались его обойти, формулируя понятіе жизненной силы менѣе рѣзко и менѣе ясно, чѣмъ это сдѣлалъ Дюма. Это особенно замѣтно на развитіи витализма въ Германіи. Здѣсь виталистическія идеи въ ученіе о жизни ввелъ *Рейль*. Рейль не противопоставлялъ жизненную силу физико-химическимъ силамъ мертвой природы, но переносилъ центръ тяжести на *условія*, при которыхъ дѣйствуетъ эта сила. Элементарныя вещества и силы въ живыхъ организмахъ, въ основѣ своей, не отличаются отъ веществъ и силъ, господствующихъ въ безжизненныхъ тѣлахъ, но законы ихъ дѣйствія совершенно иные, потому что условія, при которыхъ въ организмѣ дѣйствуетъ жизненная сила, совершенно иныя, болѣе сложныя, чѣмъ условія въ неорганическомъ мірѣ. Нельзя поэтому попросту отожествлять химическіе и физическіе законы мертвой природы съ законами, по которымъ организмомъ управляетъ жизненная сила. Само собой понятно, что такое пониманіе «жизненной силы», какъ бы оно все же не было невѣрно въ принципѣ, избѣгало, по крайней мѣрѣ, выводовъ, парализирующихъ изслѣдованіе. Поэтому къ этимъ смягченнымъ идеямъ примкнуло большинство изслѣдователей и, благодаря этому, мы встрѣчаемъ не мало важныхъ открытій въ физіологической области. Конечно, многія изъ нихъ, какъ, напр., открытіе животнаго электричества *Гальвани*, по тогдашнимъ понятіямъ, еще болѣе подтверждали ученіе о жизненной силѣ, и именно удивительныя явленія развитія электричества мышцы и нерва крайніе виталисты еще со средины нашего столѣтія разсматривали, какъ свою самую твердую опору. Но большинство открытій внесло все же свѣтъ во многія до тѣхъ поръ темныя области физіологіи. Стоитъ вспомнить только открытіе кислороднаго дыханія и его значенія *Гартіанеромъ*, за которымъ послѣдовало открытіе химическаго добыванія самого кислорода *Пристлеемъ* и *Лавуазье*. Что витализмъ, разъ онъ выступалъ въ умѣренномъ видѣ, могъ совершенно не препятствовать научнымъ изслѣдованіямъ, лучше всего показываетъ примѣръ *Іоханнеса Мюллера*. Іоханнесъ Мюллеръ, какъ большинство естествоиспытателей своего времени, былъ вполнѣ виталистъ. Онъ былъ убѣжденъ, что въ живыхъ организмахъ дѣйствуетъ особая жизненная сила, которая не тожественна съ силами физики и химіи. Но и Іоханнесъ Мюллеръ спасъ въ себѣ свободное развитіе физіологическаго изслѣдованія, предположивъ, что жизненная сила точно также дѣйствуетъ по опредѣленнымъ законамъ, какъ и силы мертвой природы и что эти законы должны быть точно также изслѣдуемы, какъ законы, управляющіе явленіями неорганической природы. Такимъ образомъ понятно, почему витализмъ не помѣшалъ Іоханнесу Мюллеру сдѣлаться величайшимъ физіологомъ всѣхъ временъ.

Однако, если разбирать вопросъ не о томъ, насколько витализмъ препятствовалъ на практикѣ прогрессу физіологическихъ изслѣдованій,

а о томъ, насколько онъ былъ обоснованъ теоретически, то мы должны сказать, что подобное ученіе необходимо должно было пасть вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ развитіемъ химіи и физики и съ прогрессирующимъ познаніемъ жизнедѣятельности организмовъ. Прежде всего нужно принять во вниманіе, что въ то время, когда возникло и достигло своего расцвѣта ученіе о жизненной силѣ, понятіе «силы» вообще было донельзя неясное. Всевозможнѣйшими «силами» пользовались какъ объяснительными средствами для явленій природы.

Ясно видно также, что различные изслѣдователи употребляли понятіе жизненной силы въ самомъ различномъ смыслѣ, что они даже не давали никакого опредѣленія этому неясному понятію.

И само собой разумѣется, что болѣе ясное и точное опредѣленіе понятія силы вообще должно было сильнѣйшимъ образомъ поколебать неясное понятіе жизненной силы. Дѣйствительно, окончательно преодолѣть витализмъ удалось, главнымъ образомъ, благодаря обоснованію «закона сохраненія силы» *Робертомъ Майеромъ* и *Гельмгольцомъ*. Въ то же время и даже уже нѣсколько раньше витализму было нанесено нѣсколько чувствительныхъ ударовъ, изъ которыхъ упомянемъ о первомъ и самомъ тяжеломъ.

Мощное развитіе химіи дало возможность познакомиться съ цѣлымъ рядомъ химическихъ соединеній чисто органическаго происхожденія, встрѣчающихся исключительно въ организмахъ, отсутствующихъ во всей остальной природѣ. Этотъ фактъ виталисты разсматривали какъ фундаментальную опору своего ученія; они говорили, что эти соединенія образуются исключительно подъ вліяніемъ жизненной силы въ живомъ тѣлѣ и что невозможно ихъ приготовить искусственно, между тѣмъ какъ неорганическія соединенія неоживленной природы могутъ быть химически приготовляемы самымъ различнымъ образомъ. Но геттингенскій химикъ *Вёлеръ* однимъ ударомъ разрушилъ это представленіе, приготовивъ въ 1828 году синтетически одинъ изъ наиболѣе характерныхъ продуктовъ всего животнаго и растительнаго царствъ. Изъ ціано-кислаго аммонія, приготовленнаго искусственнымъ путемъ, онъ добылъ *мочевину*, и за этимъ синтезомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ синтезовъ другихъ веществъ животнаго тѣла. И въ настоящее время постоянно добываются внѣ организма путемъ искусственнаго синтеза все новыя и новыя вещества органическаго происхожденія, и, какъ на самый послѣдній замѣчательный успѣхъ въ этомъ направленіи, слѣдуетъ указать на приготовленіе различныхъ видовъ сахара *Эмилемъ Фишеромъ*.

Итакъ, химическія соединенія, о которыхъ виталисты говорили, что они могутъ быть созданы только жизненной силой въ организмѣ, приготовляются искусственно на основаніи чисто химическихъ законовъ при помощи чисто химическихъ силъ и веществъ внѣ живого тѣла.

Но окончательное устраненіе стараго витализма послѣдовало,

какъ уже было упомянуто, благодаря открытію «закона сохраненія силы».

Послѣ того, какъ физическое понятіе силы пріобрѣло болѣе опредѣленную форму; послѣ того, какъ Гельмгольцъ самымъ тщательнымъ и убѣдительнымъ образомъ обосновалъ открытое Робертомъ Майеромъ положеніе, что количество всей силы, или, какъ теперь говорятъ, всей «энергіи» въ мірѣ постоянно, для жизненной силы не осталось болѣе мѣста во вселенной. Короткое размышленіе дѣлаетъ это яснымъ безъ дальнихъ разсужденій. Извѣстно, что всякій организмъ принимаетъ въ свое тѣло вмѣстѣ съ пищею значительный источникъ силы въ формѣ химической энергіи. Если отнять у него надолго этотъ источникъ силы, то жизнь постепенно остановится. Этотъ источникъ силы, слѣдовательно, необходимъ для поддержанія жизненныхъ явленій. Далѣе: если мы убиваемъ живой организмъ и сжигаемъ его, то опять-таки удается добыть большое количество энергіи. Но при этомъ получаемъ исключительно химическія и физическія формы энергіи, особенной формы силы, жизненной силы при этомъ не находится.

Если мы поэтому не желаемъ принять, что жизненная сила при смерти превращается въ ничто и что соотвѣтственно этому она въ развивающемся организмѣ происходитъ изъ ничего, то принуждены явленія жизни животнаго организма поставить не на счетъ дѣйствія незамѣтной жизненной силы, а на счетъ химическихъ источниковъ силы, вводимыхъ въ тѣло съ пищею. Эти количества силы или энергіи превращаются въ организмѣ, по закону сохраненія силы, лишь въ другія формы энергіи, которыя проявляются въ обнаруженіяхъ жизни организма и которыя при этомъ представляютъ изъ себя извѣстныя уже формы энергіи неорганической природы: механическую энергію движенія, теплоту, электричество и свѣтъ.

Если это разсужденіе правильно, то въ взрослomъ организмѣ при нормальныхъ условіяхъ должно господствовать полное равновѣсіе между количествомъ энергіи, вводимымъ въ него съ пищею, и количествомъ энергіи, покидающимъ его при различныхъ обнаруженіямъ жизни; и опытъ, дѣйствительно, блестящимъ образомъ подтверждаетъ это.

Если животному воспрепятствовать дѣлать тѣломъ какія бы то ни было движенія, то все количество энергіи отдается во внѣшнюю среду въ формѣ энергіи тепловой. Это количество теплоты удается точно опредѣлить при посредствѣ калориметрическаго метода. Если одновременно опредѣлить количество энергіи, введенное животному съ пищей, то, на основаніи совпадающихъ по результатамъ изслѣдованій *Дюлонга*, *Депрэ*, *Гельмгольца* и въ послѣднее время *Рубнера*, оказывается, что оба количества энергіи находятся въ полномъ равновѣсіи.

Вмѣстѣ съ установленіемъ этого факта у ученія о жизненной силѣ отнято его основаніе.

Одновременно съ этимъ была скинута мистическая одежда съ нѣ-

которыхъ спеціальныхъ явленій, особенно служившихъ опорою ученія о жизненной силѣ. Фактъ *раздражительности* живой субстанціи терялъ свой чудесный, таинственный характеръ тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше находили при изученіи неорганическаго міра преобразованіе энергіи, совершенно аналогичныхъ тѣмъ, которыя происходятъ въ мышцѣ при ея раздраженіи. Вся масса такъ называемыхъ «явленій разряженія» химической и физической природы въ принципѣ нисколько не отличается отъ реакціи мышцы на раздраженіе. Въ обоихъ случаяхъ дѣло лишь въ томъ, что извѣстное количество скрытой силы (потенціальной энергіи), вслѣдствіе незначительнаго толчка (раздраженія), переходитъ въ форму движущейся силы (кинетической энергіи); при этомъ, конечно, могутъ получаться всевозможныя соотношенія между величиной энергіи, дѣйствующей въ раздражающемъ толчкѣ съ одной стороны, и величиной энергіи, освобождающейся въ результатѣ раздраженія съ другой стороны. Возбужденіе энергіи, появляющееся, напр., въ мускулѣ вслѣдствіе электрическаго раздраженія и дающее огромное количество работы, выражающейся въ поднятіи тяжести, ничѣмъ въ принципѣ не отличается отъ преобразованія энергіи въ динамитныхъ молекулахъ при дѣйствіи на нихъ электрической искры. Такимъ образомъ, фактъ возбудимости или раздражительности теряетъ не только свой мистическій, но одновременно и свой специфически-виталистическій, жизненный характеръ. Точно также и съ удивительныхъ явленій *животнаго электричества*, выражающагося въ мускульныхъ и нервныхъ токахъ, *Дю-Буа-Реймону* удалось послѣ долгихъ методическихъ изслѣдованій окончательно сорвать сверхъестественный ореолъ, который ихъ окружалъ въ глазахъ виталистовъ. Этотъ недавно умершій изслѣдователь, отличавшійся твердымъ, непреклоннымъ характеромъ, считалъ задачей своей жизни разрушить эту опору виталистическаго ученія, и ему своими пролагающими путь работами вполнѣ удалось показать, что электрическія явленія въ мускулахъ и нервахъ сводятся къ физико-химическимъ законамъ развитія электричества вообще.

Наконецъ, и таинственные факты *развитія* нашли себѣ естественное объясненіе въ великихъ преобразовательныхъ идеяхъ *Ламарка*, *Дарвина*, *Геккеля* и другихъ. Уже Ламаркъ проложилъ путь къ естественному пониманію явленія *сходства* формъ «родственныхъ» группъ организмовъ идеей происхожденія ихъ отъ общихъ предковъ; Дарвинъ же показалъ, какъ принципомъ естественнаго подбора механически объясняется величайшая *цѣлесообразность*, выражающаяся въ приспособленіи разнороднѣйшихъ органическихъ формъ къ окружающей ихъ средѣ; онъ показалъ, какъ подобная цѣлесообразная приспособляемость организмовъ къ постоянно измѣняющимся условіямъ жизни на земной поверхности должна была привести къ необычайному *разнообразію* формъ растеній и животныхъ, населяющихъ въ настоящее время землю. И, наконецъ, Геккелю въ его «біогенетическомъ основномъ законѣ» уда-

лось сдѣлать понятнымъ тотъ удивительный фактъ, что изъ яйца опредѣленнаго животнаго въ его индивидуальномъ развитіи, послѣ ряда разнообразнѣйшихъ измѣненій формы, снова развивается животное, сходное съ родителями; онъ показалъ, что существуетъ механическая причинная зависимость между развитіемъ индивидуума и рядомъ формъ, которыя прошли его предки въ ихъ общемъ племенномъ развитіи. Понятно, что, вслѣдствіе этихъ блестящихъ завоеваній современнаго естествознанія, витализмъ во вторую половину нашего столѣтія окончательно исчезъ изъ науки, и живущему нынѣ поколѣнію естествоиспытателей онъ извѣстенъ только, какъ историческое явленіе въ развитіи біологическихъ наукъ.

III.

Послѣ столь рѣшительнаго пораженія витализма должно казаться въ высшей степени парадоксальнымъ, что въ самое послѣднее время какъ разъ на почвѣ просвѣщенной точной науки многимъ снова мерещится неожиданно поднявшійся старый призракъ витализма. Не просто ли это обманъ чувствъ? Безъ сомнѣнія, однако, въ различныхъ мѣстахъ изъ устъ видныхъ изслѣдователей слышатся слова: «жизненная сила», «витализмъ», «неовитализмъ».

Разсмотрѣть это явленіе нѣсколько ближе имѣетъ именно для меня тѣмъ больше основанія, что странная судьба судила мнѣ, хотя я энергично письменно и устно боролся съ современнымъ витализмомъ во всѣхъ его формахъ, быть съ двухъ различныхъ сторонъ невѣрно понятымъ и принятымъ за представителя новѣйшаго витализма. Если мы нѣсколько внимательнѣе присмотримся къ тому, что въ новѣйшее время нѣкоторыми естествоиспытателями называется «витализмомъ», то мы скоро увидимъ, что здѣсь дѣло идетъ о вещахъ, совершенно несходныхъ съ первоначальнымъ содержаніемъ стараго витализма.

Можетъ быть, въ головѣ того или другого стараго ученаго, умственная жизнь котораго вращается еще въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, старое понятіе жизненной силы играетъ еще свою роль, но изъ всего вышесказаннаго достаточно ясно, что въ современной наукѣ понятіе это должно имѣть совершенно иное содержаніе. Но содержаніе этого понятія нельзя выразить въ немногихъ словахъ, во-первыхъ, потому, что въ различныхъ мѣстахъ, гдѣ оно снова выступаетъ, оно различно, во-вторыхъ, потому, что въ отдѣльныхъ случаяхъ оно приняло чрезвычайно неясную, мало понятную форму.

Наичаще встрѣчающаяся форма современнаго витализма есть та, которую можно было бы назвать «*механическимъ витализмомъ*».

Представители его стоятъ, правда, вполнѣ на почвѣ современнаго естествознанія, они убѣждены, что явленія жизни вызываются тѣми же химическими и физическими силами, какъ и явленія безжизненной природы; они не вѣрятъ, что здѣсь дѣйствуютъ другія силы по дру-

гимъ законамъ, но они говорятъ: комбинація силъ, совокупность химическихъ и физическихъ силъ въ живомъ организмѣ до того своеобразна, до того характерна именно для органическаго міра въ противоположность ко всей неорганической природѣ, что оно, какъ нѣчто особенное, какъ нѣчто единое, можетъ получить названіе «жизненной силы».

Представленіе «механическаго витализма» вытекаетъ, такимъ образомъ, не смотря на его вполнѣ монистическое воззрѣніе на одушевленную и неодушевленную природу, главнымъ образомъ изъ той мысли, что органическій міръ, по отношенію комбинацій перемѣщающейся въ немъ энергіи, принципіально составляетъ рѣзкую противоположность ко всякой системѣ неорганическихъ тѣлъ.

Но эта мысль, по крайней мѣрѣ въ этой рѣзкой формѣ, не выдерживаетъ критики, если принять во вниманіе все достояніе современной науки. Не мало было споровъ о различіи организмовъ и неорганическихъ тѣлъ. Всего нѣсколько десятилѣтій тому назадъ обсуждались по этому поводу самыя наивныя идеи. Ошибка во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ о различіи и сходствѣ организмовъ и неорганическихъ тѣлъ заключалась въ томъ, что сложному организму по большей части противоставляли чрезвычайно простое неорганическое тѣло, находившееся, по возможности, въ постоянномъ равновѣсіи своихъ веществъ и силъ, чаще всего брали кристаллъ. Само собой понятно, что при этомъ должно было оказаться огромное различіе между обѣими группами. Находили и большую морфологическую и динамическую разницу. Но ясно и то, что при сравненіи органическихъ и неорганическихъ тѣлъ слѣдуетъ изъ обѣихъ группъ брать для сравненія не только объекты, наиболѣе отстоящіе другъ отъ друга, но и объекты, по возможности, сходные. Мы должны выбирать изъ организмовъ не самые сложные, а самые низшіе, именно *клѣтки*, которыя представляютъ изъ себя строительные элементы *всѣхъ организмовъ*, даже самыхъ высшихъ, и въ то же время являются очагами жизненнаго процесса. Изъ объектовъ неорганическихъ мы должны брать не твердыя, оцѣпенѣлыя тѣла съ неизмѣняющейся формой, но тѣла, по своей консистенціи сходныя съ живой субстанціей клѣтокъ, т.-е. кашеобразныя, жидкія смѣси, въ которыхъ происходятъ химическія превращенія, потому что клѣтка да и само человѣческое тѣло содержатъ въ своихъ существенныхъ частяхъ именно кашицу химическихъ веществъ, въ которой безпрерывно разыгрываются химическіе процессы, при чемъ даже самыя грубыя массовыя передвиженія являются ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ внутреннихъ химическихъ процессовъ. Принявъ во вниманіе всѣ эти моменты, мы увидимъ массу аналогій между отношеніями въ неорганическомъ и органическомъ мірѣ, такъ что не можетъ быть и рѣчи о *фундаментальной* и *принципіальной* противоположности между ними.

Всѣ эти безчисленныя различія, которыя желали найти въ формѣ, ростѣ, движеніи, обмѣнѣ веществъ и т. д., всѣ они не имѣютъ прин-

ципіальнаго характера. Существуетъ только *одно*, имѣющее общее значеніе, рѣзкое различіе, между организмами и неорганическими тѣлами, и оно лежитъ въ химическомъ строеніи. Но и это различіе непринципіально, потому что элементарныя вещества, изъ которыхъ состоятъ организмы, въ сущности тѣ же, которыя находятся и въ неорганическомъ мірѣ; различіе лежитъ скорѣе лишь въ *видѣ* химическихъ соединеній, составляющихъ живую субстанцію. Бѣлковыя тѣла, которыми обладаетъ каждый организмъ, не находятся въ неорганической природѣ; однако, это различіе не больше того, которое встрѣчается и между неорганическими тѣлами. Капля морской воды столь же отлична отъ капли жидкой лавы, какъ и отъ капли протоплазмы. Если мы, поэтому, откажемся отъ мысли о *принципіальной* противоположности между органическимъ міромъ и неорганической природой, то само собой падаетъ и право толковать объ особенной «жизненной силѣ».

Если мы все же будемъ продолжать это дѣлать, то мы придемъ, разъ мы захотимъ быть послѣдовательными, къ совершенно абсурднымъ выводамъ. Съ тѣмъ же правомъ и обязанностью, съ какими мы обозначаемъ дѣятельность энергіи въ живой бѣлковой молекулѣ «жизненной силой», мы должны бы и характерной дѣятельности энергіи въ взрывчатыхъ тѣлахъ, въ фонтанахъ, въ паровыхъ машинахъ и т. п. давать особыя названія — «эксплозіанизма», «фонтализма», «вапоризма» и т. п.

Это было бы послѣдовательно, излишне и абсурдно. Но и помимо того, говорить въ этомъ смыслѣ о витализмѣ имѣетъ еще свои въ высшей степени вредныя послѣдствія. Понятіе «витализмъ» получило изъ прежнихъ временъ совершенно опредѣленное значеніе и выражаетъ рѣзкій дуализмъ между одушевленной и неодушевленной природой, которому современный «механическій витализмъ» не желаетъ, однако, давать рѣзко опредѣленное выраженіе. Поэтому не только цѣлесообразно, но прямо необходимо отбросить старое имя, вносящее въ современное естествознаніе скрытый пережитокъ старыхъ виталистическихъ представленій, разъ не желательно, чтобъ снова затуманилось съ такимъ трудомъ завоеванное представленіе о причинномъ единствѣ одушевленной и неодушевленной природы.

Послѣднее замѣчаніе касается и той совокупности представленій, которую *Бунге* въ своемъ извѣстномъ учебникѣ физіологической химіи [1]) обозначаетъ «витализмомъ». Витализмъ Бунге настолько происходитъ отъ стараго витализма, насколько и «витализмъ механическій», и настолько же мало имѣетъ съ нимъ общаго.

Бунге видитъ характерную черту жизни въ психическихъ явленіяхъ. Въ то время наблюденіе при посредствѣ органовъ чувствъ по-

---

[1]) *Bunge.* «Lehrbuch der physiologischen und pathologischen chemie». II Aufl. Leipzig, 1889.

казываетъ намъ въ неодушевленной природѣ одни лишь механизмы; для изслѣдованія живой природы мы имѣемъ еще иное средство—самонаблюденіе, которое насъ учитъ, что въ живомъ организмѣ дѣйствуетъ нѣчто совсѣмъ особенное, именно его психика. Если мы желали дать жизни самое общее опредѣленіе, то мы должны были бы сказать: это самопроизвольная дѣятельность даже самой крошечной клѣтки.

«Въ активности скрывается загадка жизни. Но понятіе активности мы почерпнули не изъ чувственнаго воспріятія, а изъ самонаблюденія. Почерпнутое изъ собственнаго сознанія мы переносимъ на предметы нашего чувственнаго воспріятія, на органы, на тканевые элементы, на каждую маленькую клѣтку».

Только психическія проявленія, только то, что происходитъ въ душѣ (Psyche), и составляютъ настоящія жизненныя явленія. Поэтому Бунге и выставляетъ чрезвычайно смѣлый тезисъ: «Всѣ проявленія нашего организма, которыя можно объяснить механически, такъ же мало жизненныя явленія, какъ и движенія листьевъ и вѣтвей дерева, сотрясаемаго бурей, или движеніе цвѣточной пыли, которую вѣтеръ переноситъ съ мужского тополя на женскій». Но объясненіе жизненныхъ явленій не можетъ быть механическимъ; оно можетъ быть только психологическимъ. Вѣра матерьялистовъ, что всѣ жизненныя и даже психическія явленія могутъ быть сведены къ механикѣ атомовъ и ихъ свойствъ, совершенно фальшива. Скорѣе, наоборотъ, всѣ жизненныя явленія и даже такъ называемыя механическія должны быть объясняемы происходящимъ въ душѣ (Psyche).

«*Сущность витализма состоитъ поэтому въ томъ, что мы, пролагая единственно правильный путь познанія, исходимъ изъ извѣстнаго, изъ внутренняго міра, чтобы объяснить неизвѣстное, внѣшній міръ*».

Вотъ въ краткихъ чертахъ то, что Бунге называетъ «витализмомъ». Мы видимъ, что его разсужденія далеко выходятъ за границы естествознанія и переходятъ на почву философской теоріи познанія и психологіи: они достигаютъ въ концѣ-концовъ философскаго вѣроисповѣданія «субъективнаго идеализма». Насколько витализмъ Бунге совпадаетъ съ теоріей познанія, стремящейся освободиться отъ оковъ матерьялизма и, познавши его безсиліе, разрѣшить древнюю проблему о соотношеніи тѣлеснаго и психическаго міра, настолько онъ вполнѣ заслуживаетъ поддержки, хотя и въ этомъ отношеніи слово «витализмъ» выбрано крайне неудачно и должно быть отброшено; но, насколько онъ затрагиваетъ вопросъ о соотношеніи причинъ жизненныхъ явленій—съ одной стороны и явленій безжизненой природы—съ другой, онъ не выдерживаетъ самой поверхностной критики.

Если обойти молчаніемъ радикальное утвержденіе, что все, до сихъ поръ объясненное физіологіей, не представляетъ изъ себя жизненныхъ явленій, утвержденіе, которое, содержа въ себѣ зернышко истины, нигдѣ все же въ этой радикальной формѣ не нашло себѣ

поддержки, то мы должны по-просту отринуть ту противоположность, которую Бунге хочетъ найти между одушевленнымъ и неодушевленнымъ міромъ, а эта противоположность только и виталистична во всемъ его витализмѣ. Ничто въ мірѣ не даетъ намъ права утверждать, что психическая жизнь составляетъ безраздѣльную собственность живыхъ организмовъ. Разъ мы держимся представленія, что тѣло человѣка, что вообще какое-нибудь тѣло одушевлено, безжалостная послѣдовательность требуетъ распространенія этого представленія объ одушевленности на *всѣ* тѣла, будутъ ли это животныя, растенія, протисты или неорганическія тѣла. Конечно, видъ, сложность и ступень развитія психической жизни человѣка, животнаго, протисты и атома въ высшей степени различны, но ни въ какомъ случаѣ нельзя пріостановить представленія объ одушевленности на какомъ-нибудь одномъ мѣстѣ вещественнаго міра и сказать: здѣсь прекращается одушевленность. Это было бы чистымъ произволомъ. Въ естествознаніи Эрнстъ Геккель уже давно и неоднократно подробно обсуждалъ этотъ вопросъ и свойственнымъ ему яснымъ и убѣдительнымъ образомъ вывелъ послѣдовательность, по которой мы необходимо должны принять душу у атома, разъ мы исходимъ отъ души человѣка. Въ этомъ пунктѣ Бунге впадаетъ въ произвольную непослѣдовательность. Но такъ какъ единственно только этотъ пунктъ приводитъ Бунге къ признанію витализма, то само собой исчезаетъ и необходимость его логическаго разбора.

Неовитализмъ *Риндфлейша* опять-таки нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ «механическій витализмъ» или «психическій витализмъ» Бунге, да и съ старымъ витализмомъ онъ не имѣетъ ничего общаго. Трудно вообще понять, почему Риндфлейшъ свои воззрѣнія, которыя по неясности превосходятъ всѣ остальныя виталистическія ученія, называетъ именно витализмомъ.

Свой неовитализмъ въ связной формѣ Риндфлейшъ впервые развилъ въ Любекѣ на собраніи нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ 1895 году. Насколько мы могли, вообще, понять разсужденія Риндфлейша, онъ стремится разсмотрѣть вопросъ: *какъ нужно понимать связь между веществомъ и силой?* Онъ исходитъ при этомъ изъ того факта, что вещество и сила, разсмотрѣнныя и прослѣженныя въ отдѣльности, не ведутъ къ пониманію ихъ взаимной связи. Но дѣйствительно ли не существуетъ никакого явленія природы, которое перебрасывало бы для нашего наблюденія мостъ отъ вещества къ силѣ? Риндфлейшъ говоритъ: «Все же мыслимо, что какія-нибудь явленія природы передъ взоромъ наблюдателя не тотчасъ распадаются на движущую силу и движимое вещество, но признаки обоихъ такъ крѣпко внутренно связаны, что они нашему наблюденію кажутся единствомъ, господствующимъ надъ обоими». «Но вещество не должно быть толкаемо извнѣ, самое лучшее, если бы оно двигалось самопроизвольно. Само по себѣ двигаю-

щееся вещество—вотъ гдѣ было бы разрѣшеніе!» Такой именно объектъ Риндфлейшъ думаетъ найти въ организмахъ. Уже движеніе органическаго тѣла въ данномъ отношеніи значительно выше развито, чѣмъ движенія неорганическаго тѣла; но Риндфлейшъ не скрываетъ отъ себя, что движущая сила и въ организмахъ вводится въ сущности извнѣ вмѣстѣ съ потенціалами энергіи въ пищѣ и [т. п. Организмы производятъ на насъ *впечатлѣніе самопроизвольнаго движенія*, такъ какъ ихъ движеніе не есть совершенно прямолинейное продолженіе внѣшняго толчка, но является результатомъ сложнаго сплетенія нитей энергіи, преобразующейся изъ ея потенціала, введеннаго со стороны. Зато искомое единство вещества и силы наилучшимъ образомъ проявляется въ душевныхъ способностяхъ, въ мысли и волѣ, но «*самымъ высшимъ и неразрывнымъ образомъ соединены вещество и сила въ самосознаніи*».

Здѣсь вершина неовитализма, выливающагося въ заключеніе въ вдохновенный дифирамбъ свободѣ и любви къ ближнимъ, какъ всеобщимъ основнымъ свойствамъ живыхъ существъ.

Такъ какъ изъ разсужденій Риндфлейша не ясно ни то, почему онъ въ самосознаніи видитъ соединеніе веществъ и силы къ высшему единству, ни то, какъ слѣдуетъ понимать это соединеніе, то его неовитализмъ уже съ самаго начала не имѣетъ права требовать къ себѣ серьезнаго критическаго отношенія; вообще надо сознаться, что чрезвычайно трудно понять смыслъ мистическихъ положеній Риндфлейша. Кажется, что въ нихъ выражается результатъ не разсудочной дѣятельности, а душевнаго возбужденія. Подобныя выраженія чувствъ и поэтическія представленія, заслуживающія высокаго уваженія въ другой области, не имѣютъ ничего общаго съ трезвыми и строго разсудочными изысканіями науки, и потому неовитализмъ Риндфлейша, какъ бы онъ ни былъ поэтиченъ, для естествознанія теряетъ всякую цѣнность. Притомъ разсужденія Риндфлейша пока нигдѣ еще не нашли себѣ отклика. Насколько же названіе «неовитализмъ» должно выражать, что самосознаніе, какъ высшее соединеніе вещества и силы, отличаетъ одушевленный міръ отъ неодушевленнаго, настолько и по отношенію къ этому витализму имѣетъ силу все то, что́ уже сказано при обсужденіи витализма Бунге по поводу представленія объ одушевленности тѣлъ.

IV.

Всѣ чрезвычайно разнородныя представленія и идеи, выступившія подъ видомъ современнаго витализма почти не соприкасаются съ старымъ ученіемъ о жизненной силѣ, и тѣмъ удивительнѣе кажется на первый взглядъ, что всѣ эти различныя теоріи удержали названіе—«витализмъ». Однако, если вдуматься глубже, то именно въ этомъ названіи и высказывается особенно опредѣленно общая причина, изъ которой онѣ всѣ вытекаютъ. Это совершенно то же самое, что вы-

звало къ жизни витализмъ и въ XVIII вѣкѣ, *это—познаніе недостаточности нашихъ современныхъ методовъ изслѣдованія для объясненія жизненныхъ явленій.*

Подобно тому, какъ и въ прошломъ столѣтіи, стоимъ мы снова передъ предѣломъ, и это опять-таки проблемы психическихъ явленій и нѣкоторые спеціальные вопросы изъ области жизни тѣлесной. Первыя остались тѣми же, послѣдніе въ настоящее время совершенно иные. Проблема психической жизни и теперь точно также непреодолима, какъ тогда; спеціальныя же тѣлесныя жизненныя явленія, казавшіяся въ то время совершенно недоступными, отчасти вполнѣ объяснены, отчасти подготовлены къ разрѣшенію; другія новыя проблемы заняли ихъ мѣсто. Посмотримъ, не могутъ-ли и нынѣ, какъ тогда, новыя знанія, новыя методы преодолѣть этотъ предѣлъ и помѣшать возврату въ мистицизмъ. При этомъ необходимо разсмотрѣть вопросы психическіе отдѣльно отъ вопросовъ тѣлесныхъ.

Проблема психическихъ явленій. строго говоря, объектъ изслѣдованія философіи, но такъ какъ и для физіологіи интересно оріентироваться въ основныхъ философскихъ положеніяхъ естествознанія, то мы здѣсь коснемся слегка и этого вопроса. Коротко говоря, здѣсь дѣло идетъ о соотношеніи между тѣлеснымъ міромъ и душой (Psyche). Еще въ древности явилось представленіе о дуализмѣ тѣлеснаго и психическаго міра, и съ тѣхъ же поръ живетъ стремленіе преодолѣть этотъ дуализмъ.

Матерьялизмъ, господствовавшій въ теченіе послѣдняго великаго развитія естествознанія, матерьялизмъ, избѣжать который сумѣли лишь немногіе умы, въ родѣ Гельмгольца, Тиндаля и Вундта, старался устранить дуализмъ, объясняя психическія явленія свойствами матеріи. Это стремленіе имѣло, между прочимъ, *одну* полезную сторону: оно избѣжало старой непослѣдовательности представлять только человѣка или, въ крайнемъ случаѣ, только организмы одушевленными, неорганическій же міръ неодушевленнымъ. Современный естественно-научный матерьялизмъ въ своей изысканнѣйшей формѣ послѣдовательно признавалъ, что разъ считать человѣка и животныхъ одушевленными, слѣдуетъ считать одушевленными и всѣ тѣла, и всю матерію. И взглядъ объ атомной душѣ, съ особенною энергіей защищаемый Геккелемъ, сдѣлался общимъ достояніемъ мыслящихъ естествоиспытателей.

Но разрѣшеніе самой проблемы, но преодолѣніе дуализма тѣлеснаго и психическаго міровъ отъ этого нисколько не выиграли, потому что, какъ это лучше всего показала знаменитая рѣчь Дю-Буа-Реймона «о границахъ познанія природы» [1]), вопросъ былъ лишь передвинутъ изъ видимаго міра большихъ тѣлъ въ невидимый міръ атомовъ.

Какъ ощущаетъ атомъ, какимъ образомъ при посредствѣ меха-

[1]) E. Du Bois-Reymond. «Reden». I Folge. Leipzig, 1886.

ники атомовъ можно постичь хотя бы самое простѣйшее психическое явленіе,—все это до сихъ поръ не объяснено матерьялистами и никогда не будетъ объяснено.

Въ разъясненіи психическаго явленія матерьяльными причинами, другими словами, въ поясненіи души (Psyche) міромъ тѣлеснымъ, мы и понынѣ стоимъ все на томъ же мѣстѣ, какъ и столѣтія тому назадъ. *Этотъ неоспоримый фактъ и является психологическимъ мотивомъ происхожденія «психическаго витализма»*, какъ можно бы назвать витализмъ Бунге и Риндфлейша; и Бунге въ особенности очень хорошо предчувствуетъ то направленіе, въ которомъ только и можетъ послѣдовать разрѣшеніе этой старой проблемы.

Если невозможно объяснить психическія явленія свойствами матеріи, то мы должны спросить себя откровенно, правильно ли поставленъ вопросъ, и не слѣдуетъ ли скорѣе, наоборотъ, пытаться объяснить вещественный міръ психологически, чтобъ исчезъ дуализмъ между міромъ тѣлеснымъ и психическимъ. И на дѣлѣ каждому непредубѣжденному уму анализъ того, что́ мы называемъ тѣлами или матеріей, показываетъ, что въ дѣйствительности существуютъ лишь представленія или, лучше сказать, совокупность ощущеній, однимъ словомъ, психическіе элементы. Мы вообще не знаемъ ни объ одномъ тѣлѣ, напр., о камнѣ, ничего иного, кромѣ того, что онъ представляетъ сумму ощущеній, что онъ твердъ, тяжелъ, холоденъ, бѣлъ и т. п. Если мы выбросимъ изъ нашихъ мыслей всѣ эти ощущенія, которыми мы обозначаемъ свойство тѣла, то отъ него ничего не останется. Тѣло, такимъ образомъ, существуетъ только въ душѣ, и внѣ ея нѣтъ ничего ему противоположнаго. Но вслѣдствіе этого оно не менѣе реально. Оно точно такъ же реально, какъ всякая другая составная часть души, и мы даже не знаемъ ничего другого болѣе реальнаго, какъ ощущенія и ихъ комбинаціи. Точно также и законы, господствующіе въ мірѣ тѣлесномъ, отнюдь не низвергаются этимъ воззрѣніемъ.

Они продолжаютъ совершенно такъ же существовать, какъ и раньше,—только весь тѣлесный міръ съ его закономѣрностью, который мы считали міромъ внѣшнимъ, лежитъ теперь въ самой душѣ, какъ сумма ощущеній или представленій. Это единственный путь, на которомъ старый дуализмъ міровъ тѣлеснаго и психическаго можетъ быть преобразованъ въ истинный монизмъ, потому что на этомъ пути мы познаемъ, что существуетъ только *одно*, только душа, только міръ психическій, т.-е. элементарныя ощущенія и ихъ комбинаціи, которыя мы называемъ представленіями, понятіями, мыслями и т. д.

Однако для естествознанія, которое занимается исключительно *тѣлесными явленіями*, въ сущности безразлично, разсматривается ли тѣлесный міръ лежащимъ въ самой душѣ (Psyche) или внѣ ея, какъ міръ внѣшній. Область естествознанія рѣзко очерчена, у ней нѣтъ другой задачи, какъ изслѣдовать закономѣрность тѣлеснаго міра; все, что выходитъ

за эти предѣлы, лежитъ уже въ широкой области философіи, и вполнѣ цѣлесообразно поэтому, чтобы естествознаніе, оріентировавшись въ своихъ философскихъ основахъ и видоизмѣнивъ ихъ сообразно съ требованіями нашего времени, ясно бы сознало, гдѣ лежатъ предѣлы его области. Какъ часть естествознанія, физіологія не имѣетъ, такимъ образомъ, никакой иной задачи, кромѣ разъясненія *тѣлесныхъ жизненныхъ явленій*.

Здѣсь слѣдуетъ прежде всего крѣпко держаться желѣзной послѣдовательности, по которой организмъ, какъ тѣло, долженъ повиноваться законамъ всѣхъ тѣлъ, такъ что нельзя для явленій живыхъ организмовъ принимать иной объяснительный принципъ, чѣмъ для явленій мертвой природы. Всякій витализмъ поэтому заранѣе исключается для каждой критически мыслящей головы. И если въ новѣйшее время то здѣсь, то тамъ въ области тѣлесныхъ жизненныхъ явленій замѣчаются виталистическія ухаживанья, то ихъ слѣдуетъ приписать той же неясности мысли и близорукости, какъ и въ прошломъ столѣтіи. Изъ того факта, что для извѣстныхъ физико-химическихъ методовъ, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи жизненныхъ явленій становится предѣлъ, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы жизненныя явленія вообще не могли бы быть объяснены физико-химически.

Здѣсь дѣло идетъ лишь о приложеніи подходящихъ методовъ, и если мы оріентируемся, гдѣ лежитъ въ данную минуту предѣлъ изслѣдованію, то мы получимъ и указаніе, какъ его преодолѣть.

Предѣлъ, у котораго съ нѣкотораго времени остановилось физіологическое изслѣдованіе, съ необычайною ясностью можно уразумѣть изъ полученныхъ уже результатовъ физіологіи. То, что физіологія до сихъ поръ объяснила физико-химически, представляетъ грубыя проявленія тѣла позвоночнаго животнаго, именно механику дыханія, кровеобращенія, дѣятельность органовъ чувствъ, химію пищеваренія, продуктовъ выдѣленія и т. д. и т. д. Всѣ эти грубыя жизненныя явленія отчасти извѣстны до мельчайшихъ подробностей, но всѣ лишь до *одного* пункта, а именно до того, гдѣ настоящій жизненный процессъ скрывается въ *клѣткахъ* соотвѣтствующихъ органовъ. Какимъ образомъ мышечная клѣтка доходитъ до того, что она сжимается и растягивается, такъ что въ результатѣ получается движеніе мышцъ дыхательныхъ, сердечной, скелетныхъ и т. д., какъ клѣтка железъ кладетъ начала производству необходимыхъ для пищеваренія соковъ, что именно происходитъ въ клѣткахъ печеночной, желудочной и слизистой, что въ первомъ случаѣ образуется желчь, во второмъ—соляная кислота, въ третьемъ—слизь? Все и это еще не разъяснило физіологическое изслѣдованіе. Повсюду оно остановилось на клѣткѣ, а между тѣмъ эта послѣдняя и есть настоящій *очагъ* самого жизненнаго процесса, жизненныя же явленія лишь его *выраженіе*.

Но легко понять, почему именно здѣсь явился предѣлъ. Извѣстные физическіе и химическіе методы физіологіи были созданы для изслѣ-

дованія грубыхъ проявленій тѣла; для болѣе нѣжныхъ, миніатюрныхъ соотношеній въ клѣткѣ они по большей части слишкомъ незрѣлы и грубы. Итакъ, если физіологія не хочетъ стоять на мѣстѣ, она теперь должна устремиться къ изученію жизненныхъ явленій самой клѣтки, а это возможно только при методахъ клѣточной физіологіи.

До сихъ поръ изслѣдованіе клѣтки было, главнымъ образомъ, анатомическое, оно проложило путь къ изслѣдованію физіологическому, какъ и вообще въ теченіе всей исторіи развитія біологіи анатомія постоянно шла впереди и указывала путь физіологіи. И дѣйствительно, въ послѣдніе годы замѣчается полный расцвѣтъ клѣточной физіологіи, и можно уже отмѣтить прекрасные результаты.

Можно съ увѣренностью ожидать, что и виталистическія стремленія новаго времени, встрѣченныя уже общимъ протестомъ, будутъ окончательно устранены, благодаря болѣе точнымъ свѣдѣніямъ о химизмѣ и механизмѣ клѣточной жизни. *Не витализмъ, а механизмъ— девизъ современной физіологіи.*

Максъ Ферворнъ.

ВЪ ЧУЖОМЪ ГНѢЗДѢ.

Романъ.

XXIII.

Ночь была теплая и красивая. Въ саду сильно пахло черемухой и уже начинавшей распускаться сиренью. Мѣсяцъ бросалъ таинственный полусвѣтъ на бѣлые стволы деревьевъ, на дорожки и крыши службъ въ слабой борьбѣ съ зарею, съ длинными безпокойными сумерками весеннихъ ночей. Въ переулкѣ затихло движеніе, но садъ былъ полонъ смѣшанными звуками голосовъ, смѣха, гитарныхъ струнъ и цыганскихъ пѣсенъ.

На каменной террасѣ собралось большое общество. Былъ прощальный вечеръ, устроенный наканунѣ выступленія Володи на лѣтнюю стоянку и за два дня до переѣзда въ Ольховку. Въ полутьмѣ виднѣлась пестрая толпа людей, бѣлѣли студенческіе кителя и фуражки съ яркими околышами, блестѣли офицерскіе погоны и выдѣлялись свѣтлыя фигуры барышень въ лѣтнихъ платьяхъ. Княгиня Пронская сидѣла въ креслѣ-качалкѣ; Володя стоялъ около нея съ папироской въ зубахъ; Торжицкій, только что появившійся изъ настежь открытыхъ дверей столовой и встрѣченный шумными привѣтствіями и одобреніями молодыхъ людей, думавшихъ, что онъ не пріѣдетъ, сѣлъ на перила и молчалъ.

У самыхъ ступенекъ террасы на двухъ стульяхъ, поставленныхъ одинъ противъ другого, сидѣли два офицера. Одинъ изъ нихъ былъ Кротковъ въ сюртукѣ съ аксельбантами, безъ фуражки, съ строгимъ и серьезнымъ лицомъ; другой—корнетъ Барминскій, товарищъ и ровесникъ Володи, смуглый и тоненькій мальчикъ въ неимовѣрно узкихъ рейтузахъ, воспитанный и скромный, страстный, хотя почти безголосый, любитель цыганскихъ пѣсенъ. У обоихъ были гитары; оба играли отдѣльными, минорными аккордами аккомпаниментъ и оба, внимательно глядя другъ другу въ глаза и наклонясь, пѣли въ два голоса съ утрированными задержками и грубо-цыганскимъ произношеніемъ:

«Такъ взгляни жъ на меня
Хоть одинъ только разъ,
Лучше майскаго дня
Чудный блескъ твоихъ глазъ...»

А хоръ молодыхъ, увлеченныхъ голосовъ, если не безукоризненно-стройно, то съ крайнимъ воодушевленіемъ, по первому знаку Кроткова, чисто-цыганскимъ жестомъ вскидывавшаго гитарой, осторожно и тихо подхватывалъ:

«Ми-ла-я, ты услы-ы-шь меня...» и т. д.

У всѣхъ были возбужденныя лица. Кротковъ имѣлъ видъ человѣка, занятаго однимъ изъ самыхъ важныхъ дѣлъ своей жизни. Это всѣхъ одушевляло.

Минская вертѣла въ рукахъ длинныя перчатки и дѣлала видъ, что поетъ тоже; высокомѣрно сдержанное выраженіе давно сошло съ ея лица, и она, видимо, была удивлена и довольна, попавъ въ эту обстановку. Карсовъ въ третій разъ сбѣгалъ изъ своей комнаты внизъ по лѣстницѣ, бросая лекціи, и оказался неожиданнымъ обладателемъ довольно сильнаго и вѣрнаго баса.

Въ дверяхъ столовой, гдѣ играли въ винтъ, показалось нѣсколько фигуръ, вышедшихъ изъ-за карточнаго стола; острые глазки Аглаи Павловны смотрѣли съ снисходительнымъ любопытствомъ и одобреніемъ.

— Зинаида Николаевна, я что-то не слышу васъ,—подтягивая колки и улыбаясь, тономъ регента спрашивалъ Барминскій, когда хоръ кончилъ.—Какъ тутъ безъ васъ „Долю“ пѣли, графъ!—обратился онъ къ Торжицкому:—вотъ ужъ жаль, что опоздали. Отдай все, да и мало:

— Молодой человѣкъ! — сказалъ ему стоявшій въ дверяхъ штабной генералъ: — я вотъ смотрю все на васъ, да думаю: мало вы, должно быть, цыганъ-то на своемъ вѣку слыхали?

Раздался хохотъ.

— Я больше у любителей учусь, ваше превосходительство!— краснѣя, отвѣчалъ Барминскій.

На балконѣ опять смѣялись и слышался звукъ настраиваемыхъ гитаръ.

— Я вамъ свѣчей велю подать,—предлагала Лидія Васильевна.

— Не надо, мама!—возражалъ Володя.

— Нѣтъ, ужъ не надо, пожалуйста! — просила нерѣшительно Минская, и засмѣялась.

— Ну-ка, валяйте еще, господа, — неожиданно командовалъ Карсовъ.

И опять засмѣялись.

— Зинаида Николаевна, что прикажете?—спрашивалъ Кротковъ, настраивая.

— Мнѣ все равно.

— „Очи черныя".

— Ну, это надоѣло,—сказалъ кто-то.

— „Наклонишь ты свою головку!"

— Вотъ, пожалуйста!—просила Ольга Петровна.

— Начинайте, Борисъ Алексѣевичъ.

— Очень у васъ „путра" много, такъ за сердце и хватаетъ!—объяснялъ Кроткову Михаилъ Иванычъ.

Лицо адъютанта дѣлалось серьезно и строго, и снова въ саду звучали короткіе, но нѣвучіе аккорды гитары, и далеко и дружно, въ тактъ вальса, разносился возбужденно-смѣлый и меланхолическій вмѣстѣ припѣвъ. Кто-то изъ молодыхъ людей увлекся и взялъ теноромъ такую ноту, что остальные даже испугались.

— Забирай высоко—хорошо!—крикнулъ, взмахивая гитарой, Барминскій.

За этимъ романсомъ пѣли другой, потомъ третій. Карсовъ все просилъ что-нибудь „позабористѣй", какъ онъ выражался. Но просить оказывалось излишне. Все, что Кротковъ имѣлъ въ своемъ репертуарѣ наиболѣе подходящаго къ этому душистому вечеру, фантастически освѣщенному саду и общему настроенію, повторялось по нѣсколько разъ. Адъютантъ былъ въ восторгѣ отъ подбора голосовъ и давно пришелъ въ то состояніе, которое, по словамъ Торжицкаго, дѣлало его похожимъ на человѣка. Барминскій охрипъ совершенно, но такъ вторилъ, что голосъ его нельзя было отличить отъ голоса природнаго цыгана.

Въ перерывахъ, между романсами, наступала странная, неожиданная тишина, нарушаемая все тѣми же неопредѣленными и задумчивыми, стонущими звуками подтягиваемыхъ струнъ. Говорили не сразу и мало, — все больше о солисткахъ цыганскаго хора, неподражаемо пѣвшихъ тотъ или другой романсъ, о тенорахъ-цыганахъ, пропившихъ голосъ, а также о томъ, что очень мало теперь у людей настоящей удали, и жизнь такъ проходитъ, ни за что...

— Да ну, вы поймите,—толковалъ Карсовъ меньшему Милецкому, уже вполнѣ дружески держа его за пуговицу кителя:—куда къ чорту мнѣ зубрить теперь? Человѣкъ я, или нѣтъ?

Лицеистъ развязно и громко хохоталъ.

— Вотъ нашелъ!.. Я свой зачетъ давно бросилъ. Ужасно нужно!

Въ такую погоду римское право такъ и полѣзетъ въ голову... Мы вчера у Яра, я вамъ скажу, вотъ этого самаго „Тигренка“...

Но Кротковъ и Барминскій уже начинали „Вновь настала весна!“ и хоръ дружно и громко подхватывалъ.

Среди пѣнія раздался однако крикливо-рѣзкій, непріятный звукъ, имѣвшій въ себѣ что-то болѣзненное. Зина, которая сидѣла молча около перилъ, вздрогнула отъ неожиданности; Барминскій сдѣлалъ гримасу и покачалъ головой, а Володя, кончивъ, со смѣхомъ сказалъ ему:

— Я давно ждалъ. Ужъ черезчуръ увлекаешься, никакая струна не выдержитъ!...

Онъ побѣжалъ наверхъ, а когда вернулся съ гитарой, Зину начали просить пѣть дуэтомъ.

— Что съ тобой? Чего ты вдругъ замолчала!—съ негодованіемъ замѣтилъ Володя, подстраивая ея узкую, старинную гитару.

Зина, точно, молчала. Какъ только Торжицкій вошелъ на террасу, она не могла пѣть, смотрѣла въ темный сырой садъ и слушала. Подъ звуки пѣнія она думала о томъ, что началось для нея совсѣмъ что-то новое и неизъяснимо прекрасное; что любовь ея должна доставить ей много мученія и все измѣнить,—но это-то и хорошо. Въ эту ночь для нея уже не было сомнѣнія въ томъ, что нѣтъ въ жизни ничего страшнаго, даже никакая погибель не страшна, было бы за что погибать... Она чувствовала на себѣ все время взглядъ Торжицкаго, и знакомый ужасъ минутами ее охватывалъ.

Пѣть она вдругъ согласилась.

Барминскій уступилъ ей мѣсто и сталъ сзади. У Кроткова лицо чуть-чуть поблѣднѣло, и брови сдвинулись; онъ уже наигрывалъ отдѣльными нотами „Ночи безумныя“—романсъ, который особенно любилъ.

У Зины голосъ сдѣлался тише, и ей казалось, что не хватаетъ воздуха; Кротковъ внимательно, съ какою-то нѣжною осторожностью смотрѣлъ въ ея лицо и ловилъ каждый оттѣнокъ ноты, самое желаніе ея взять эту ноту. Голоса ихъ звучали ровно, сливаясь и не заглушая другъ друга. Зинѣ казалось, что никогда еще знакомыя терціи не дрожали съ такою красотою и страстью, какъ теперь, въ раздражающе-душистомъ вечернемъ воздухѣ. Она вспомнила, какъ часто они пѣли съ Володей, и подумала, что, кажется, все, чего она безсознательно хотѣла и искала, вдругъ приблизилось къ ней и заглянуло ей въ лицо. Должно быть, это былъ самый счастливый день ея жизни; оттого и эти знакомые звуки

были такъ хороши, и такъ ихъ слушали всѣ, оттого и Павелъ Петровичъ, на котораго ей непріятно и больно стало смотрѣть, былъ такъ сдержанъ и серьезенъ, и оттого Пронская какъ будто слѣдила за ней.

«Пусть даже время рукой безпощадною...»

„Какъ хорошо... Вотъ когда хорошо-то!“—думала Зина.

Она знала, что Торжицкій подошелъ и сталъ совсѣмъ близко, но боялась оглянуться, только голосъ ея началъ чуть-чуть дрожать.

Изъ-за карточнаго стола снова вышло нѣсколько человѣкъ и появилось въ дверяхъ.

Когда послѣдняя нота дуэта стихла, княгиня Пронская нагнулась къ Зинѣ, держась за спинку ея стула, и, улыбаясь одними глазами, поцѣловала ее.

Торжицкій видѣлъ и засмѣялся. Черезъ минуту онъ уже говорилъ Володѣ:

— Почему бы не пойти въ садъ? Смотри, какъ тамъ славно...

Стулья шумно отодвинули, и вся компанія безтолково направилась по блѣдно освѣщеннымъ дорожкамъ. Только Карсовъ, вдругъ повернувъ, побѣжалъ черезъ дворъ къ крыльцу дома.

— Послушайте, бросьте вы!—крикнулъ ему вслѣдъ Торжицкій.

— Нельзя, чортъ возьми, характеръ выдерживаю!—отозвался студентъ.

Барминскій наигрывалъ на ходу какой-то романсъ и бралъ съ Зины слово пріѣхать лѣтомъ къ Володѣ послушать солдатское пѣніе.

— Иногда лихо поютъ! Мы ужъ съ Володей давно мечтаемъ такой пикникъ устроить.

— Погибаетъ мальчикъ... ахъ, совсѣмъ погибаетъ, что жъ теперь дѣлать? — говорилъ кому-то Торжицкій, подмигивая на Володю, который велъ подъ руку княгиню и что-то тихо и долго говорилъ ей.

Въ концѣ сада, спускавшагося подъ гору, былъ маленькій прудъ, чернѣвшій холодною водою, отъ которой тянуло запахомъ плѣсени и сырости. Около него всѣ остановились, дамы заняли скамейку; Володя принесъ какой-то обрубокъ полѣна, и они, пересмѣиваясь и держа другъ друга, сидѣли на немъ вдвоемъ съ Торжицкимъ.

— „Тебя—съ побѣдой поздравляю, себя—съ оторванной рукой“,—блестя глазами и зубами, говорилъ Торжицкій, повторяя слова солдатской пѣсни:—никто, кажется, не хочетъ понять, что я отъ ревности изъ-за твоей побѣды болѣе, чѣмъ лишился обѣихъ рукъ... Постараюсь, однако, изъ любви къ тебѣ привести тебя въ

чувствіе, а то ты пропадешь окончательно. Увезу тебя и напою до полусмерти...

— Да, это правда,—говорила Зина Елизаветѣ Петровнѣ, не различая словъ, но слыша звукъ его голоса и все чувствуя его безпокойный взглядъ.—Мнѣ кажется, что этой весной я... что какой-то новый міръ мнѣ открылся. Я не умѣю выразить, въ чемъ онъ, но... все другое. А то, прежнее... Все, чѣмъ мы жили... Лили, хорошо это, но... одного этого мало,—дрожащимъ голосомъ, нерѣшительно прибавила Зина.

Зарубина съ безпокойствомъ смотрѣла на нее.

— Ужъ не знаю,—возражала она взволнованно: — я еще... особеннаго пока ничего не вижу. А вотъ жить скверно, это я часто чувствую.

Лили встряхивала головой, поднимала брови, и лицо ея дѣлалось спокойнѣе.

— Но нужно помнить, что мы просто устали,—говорила она:— т.-е. я, по крайней мѣрѣ. Да о тебѣ и говорить нечего. Я еще постомъ замѣтила, что ты расшатала себѣ всѣ нервы. Вотъ лѣто скоро, будемъ отдыхать. Я очень удивилась сначала, когда ты бросила экзамены, а теперь думаю, что это хорошо... Какъ они хорошо поютъ. Что это за пѣсня? А ты отчего молчишь?

— Будетъ,—отвѣчала Зина:—я не могу.

— Это что за статуя командора?—спросилъ графъ Торжицкій, глядя въ глубь темной дорожки, по которой въ тѣни точно двигалась какая-то фигура.

Ольга Петровна вдругъ испугалась.

— Что это? Я боюсь!—слышался ея слабый голосъ. Лицеисты надъ ней смѣялись.

— А-а, вотъ она ваша храбрость-то...

Оказался Андрей, принесшій Зинѣ кофточку.

— Барыня приказали сказать, что очень какъ сыро,—ухмыляясь, замѣтилъ онъ.

Когда всѣ пошли въ домъ, графъ Торжицкій приблизился къ Зинѣ и помогалъ ей одѣться.

— Ради Бога, не спѣшите... постойте минуточку!..—подъ говоръ и пѣніе просилъ онъ.

Зина слышала его ускоренное дыханіе, и ей было такъ страшно, что она не могла сказать ни слова; но то ощущеніе отсутствія воли, которое она испытывала такъ часто при немъ, охватывало ее съ необыкновенной силой; она чувствовала, что разсудокъ ея быстро

и незамѣтно уходитъ куда-то, какъ вода изъ-подъ пальцевъ загребающей ее руки.

Они шли медленно сзади всѣхъ. Около одной изъ скамеекъ онъ остановился.

— Погодите одну минутку,—повторилъ онъ, стоя передъ ней и смотря на нее съ странной улыбкой на лицѣ.—Я васъ не видалъ такъ давно... Что вамъ стоитъ?—Казалось, ему трудно было говорить, и онъ замолчалъ.

Она чувствовала, что ноги плохо держатъ ее отъ усталости, и сѣла. Она оглянулась кругомъ, на деревья, блестящіе росою кусты и блѣдныя дорожки, и смутно сообразила, что она не понимаетъ, гдѣ она, въ какомъ именно мѣстѣ этого знакомаго сада. „Въ лунную ночь всегда такъ, должно быть“, подумала она, вздрагивая отъ его осторожнаго прикосновенія.

Онъ взялъ ее за руку, и по ней точно пробѣжалъ чуть замѣтный холодъ.

— Вы мнѣ простили... то, что было вчера?—спросилъ Торжицкій, все улыбаясь и закусывая губу.

Она молчала.

— Барышня новыхъ взглядовъ... перестала бояться? Да?

Она опустила голову и тяжело дышала. Свободная рука его, занесенная за ея талію и опиравшаяся на край скамейки, осторожно поднялась, и онъ ласкалъ ее, касаясь ея головы и не прерывая молчанія.

Она подняла голову и взглянула на него. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но залюбовался ея лицомъ, которое все ему было видно въ свѣтлыхъ сумеркахъ, и, улыбаясь, продолжалъ смотрѣть на нее.

— Владиміръ Николаевичъ,—сказала она очень тихо и нетвердымъ голосомъ:—я васъ прошу, уѣзжайте, пожалуйста.

— Отъ васъ?—спросилъ онъ, все лаская ее.

Она заговорила торопливо и почти испуганно:

— Я боюсь этого. Я не могу. Мнѣ очень хорошо... такъ хорошо сегодня, какъ никогда не было. Ну, и хорошо... Слава Богу... Только уѣзжайте... Я ничего не боюсь, мнѣ все равно... Но это необходимо... вы знаете. Иначе нельзя...

Онъ улыбнулся и близко смотрѣлъ въ ея лицо. Она совсѣмъ поблѣднѣла.

— Я... вы знаете... Я васъ люблю,—сказала она, опустивъ глаза.

Лицо его стало совсѣмъ серьезно и строго.

— Что вы такъ дрожите?—сказалъ онъ, помолчавъ:—если вы

захотите этого, я, конечно, это сдѣлаю. Но обо мнѣ вы думаете? О моей жизни? Вы знаете, что меня ничего къ ней привязывать не можетъ. У меня—ничего нѣтъ! Зачѣмъ мы встрѣтились, я не знаю. Это, правда, страшно—для васъ и для меня. Зачѣмъ я увидѣлъ васъ? Узналъ, что... *такія* есть,—прибавилъ онъ тихо и нѣжно.

Она не поднимала глазъ, которые ему казались полузакрытыми. Онъ нагнулся близко къ ней и чувствовалъ на своемъ лицѣ ея ускоренное дыханіе.

— Что же ты не отвѣчаешь? Вѣдь тебѣ жалко меня... Да? Ты сама не...

Онъ не договорилъ и прежде, чѣмъ она успѣла отстраниться отъ него, нагнулся еще ближе и поцѣловалъ ее долгимъ, горячимъ поцѣлуемъ.

На террасѣ въ это время снова пѣли въ два голоса, съ чувствомъ и на цыганскій ладъ:

«Всегда и вездѣ за тобою,
Я призракомъ тихимъ...»

На Павла Петровича Зарубина нашло вдругъ сомнѣніе. Ему показалось страннымъ и неловкимъ, что Зина и Торжицкій отстали въ саду. Какъ онъ ни убѣждалъ себя, что подозрѣнія эти не имѣютъ никакого основанія, онъ не могъ остаться на террасѣ; рѣшивъ, что чаще всего случается какъ разъ то, чего совсѣмъ не ожидаешь, онъ медленно, запрятавъ руки въ карманы, шелъ въ глубь сада.

Онъ цѣлый вечеръ все рѣшалъ вопросъ, отчего произошла въ Зинѣ, въ ихъ отношеніяхъ и въ вечерахъ у Черновыхъ странная перемѣна, и уже который день надѣялся, что причиною всего были сплетни о нихъ, которыя должны были взволновать ее. Онъ самъ ужъ слышалъ ихъ и, хотя до сихъ поръ не имѣлъ никакого плана въ головѣ, мѣнять своего поведенія вовсе не былъ намѣренъ. А сегодня на террасѣ, вотъ сейчасъ, ему показалось даже, что онъ дѣлаетъ непростительную глупость, упуская, можетъ быть, самое важное время. „Если это нужно, я готовъ сейчасъ же сдѣлать рѣшительный шагъ... раскаяваться, я убѣжденъ, не буду“, думалъ онъ. Конечно, все это могло ему только казаться подъ впечатлѣніемъ этой ночи и совершенно исключительнаго настроенія. Онъ все бралъ въ расчетъ и нетерпѣливо дожидался минуты, когда они останутся вдвоемъ, и легче будетъ по ея тону понять, въ какомъ положеніи дѣло.

Ему было совѣстно и досадно на себя, но онъ все-таки не остановился и встрѣтилъ ихъ шагахъ въ десяти отъ террасы. Она

шла скоро и даже не взглянула на него. Торжицкій слѣдовалъ за ней, насвистывая что-то и, очевидно, давно замѣтивъ встрѣчнаго.

Зарубинъ посмотрѣлъ на его высокую фигуру въ небрежно застегнутомъ на нижнія пуговицы сюртукѣ и свѣтломъ галстухѣ на рѣзко бѣлѣвшей сорочкѣ и посторонился.

„Но рѣшительнаго, кажется, ничего?“—тотчасъ спросилъ онъ себя и тотчасъ отвѣтилъ: „да и что же можетъ быть, когда онъ женатъ!“

Онъ вернулся уже въ гостиную, куда перешло все общество, и глаза его тотчасъ нашли его. Опять она была съ нимъ, за отдѣльнымъ столикомъ. Они говорили о чемъ-то, и Павелъ Петровичъ разслышалъ имя ея отца. Прежде она никогда ни съ кѣмъ не говорила объ отцѣ; изъ чужихъ онъ одинъ, Зарубинъ, составлялъ исключеніе. У него заныло сердце какою-то настойчивою, несносною болью.

За ужиномъ графъ Торжицкій сидѣлъ рядомъ съ Зиной и все время говорилъ съ ней. Подъ конецъ онъ взялъ свой бокалъ и сказалъ, отпивая шампанское и глядя въ ея глаза:

— За ваше здоровье и счастье... И чтобъ всегда, всю жизнь, у васъ было *это* лицо.

Зарубинъ вскидывалъ на нихъ глазами и прислушивался. Но сквозь общій говоръ съ его мѣста ничего нельзя было разобрать. Онъ только видѣлъ ихъ усталыя и немного блѣдныя лица и какіе-то другіе, измѣнившіеся глаза. и ему было очень не по себѣ.

— Не правда ли, какъ цыганское пѣніе пошло?—сказалъ онъ Карсову, смотря въ его тарелку:—удивительно пріѣдается и дѣлается противно. Только такіе господа, какъ вотъ этотъ офицеръ, и могутъ увлекаться...

— Да... какъ вамъ сказать!—отвѣчалъ Карсовъ, работая и ножомъ, и вилкой надъ рыбой: — оно, если хотите... не то, что пошло, а мерзость порядочная все это,—ничего хорошаго въ душѣ не оставляетъ. Тоже въ родѣ водки... А ничего не подѣлаешь. Я ужъ два раза зарокъ давалъ, прорываетъ все, чортъ ее знаетъ. Еще хуже, какъ долго терпишь. Дорвешься—хуже свиньи налопаешься, извините за выраженіе. Съ лѣта вотъ опять, передъ четвертымъ курсомъ, начну себя выдерживать...

Но Павла это вовсе не интересовало, и онъ даже нѣсколько презрительно улыбался. Самъ онъ никогда не пилъ и не курилъ.

Разошлись всѣ очень поздно. На дворѣ совсѣмъ разсвѣло, окна съ опущенными шторами приняли зеленовато-бѣлый цвѣтъ и чернѣли обрисованными переплетами, свѣтъ лампъ покраснѣлъ. Въ

гостиной, среди отодвинутыхъ креселъ, краснѣвшихъ апельсинныхъ корокъ и валявшихся гитаръ, бросались въ глаза бѣлые и лиловые букеты, и тяжело и крѣпко благоухали черемуха и сирень.

Торжицкій такъ усталъ, что, какъ увѣрялъ самъ, еле держался на ногахъ, прощаясь съ Зиной.

— Я сейчасъ получилъ приглашеніе отъ вашей тетушки... въ Ольховку. Такъ я сказалъ?—улыбаясь и глядя въ ея глаза, говорилъ онъ и крѣпко пожалъ ея руку.

Она видѣла въ окно, какъ онъ молодою, легкою походкой, застегивая на ходу пальто, шелъ по свѣтлому и тихому двору.

— Что въ немъ такое? А жизнь мою, если онъ захочетъ, возьметъ... вотъ что главное.. —думала Зина, входя въ свою комнату.

Она заглянула въ зеркало, отразившее ея фигуру въ нарядномъ свѣтломъ платьѣ и блѣдное отъ усталости и счастья лицо, и въ первый разъ совершенно не удивилась тому, что онъ такъ смотрѣлъ на нее.

— Да, я счастлива,—подумала она.

Но было что-то еще, возбуждавшее мучительное и безпокойное чувство. Она тотчасъ вспомнила его лицо въ саду, осунувшееся и упрямое, не то, какое она видѣла всегда, и ощущеніе его долгаго поцѣлуя и закрыла лицо руками.

Она раздѣлась опять безъ свѣчи, какъ много разъ, съ перваго экзамена, приходилось дѣлать весной, не легла, а почти упала головой на подушку и, не смотря на промелькнувшую въ головѣ ея мысль, что она слишкомъ счастлива, чтобы спать, въ ту же секунду заснула, какъ убитая.

XXIV.

Ольховка находилась въ пятнадцати верстахъ отъ Москвы, и ѣздили туда изъ города на лошадяхъ. Около самаго проспекта, упиравшагося во дворъ усадьбы, пролегала широкая, мѣстами обсаженная рѣдкими ветлами, „большая дорога“, въ свое время очень людная, но совершенно опустѣвшая, когда ее замѣнило желѣзнодорожное полотно.

Лидія Васильевна получила это имѣніе отъ матери и по причинѣ его бездоходности, а также и той безхозяйственности, въ которой не безъ основанія упрекалъ отца Владиміръ Черновъ, была свидѣтельницей его постепеннаго упадка. Она все время хлопотала, жаловалась, любила говорить о томъ, какъ ей дорогъ этотъ уголокъ, но ничего не могла подѣлать. Большой, двухъэтажный домъ, выстроенный ея прадѣдомъ, любителемъ театральнаго искус-

ства и кутилой, большую часть жизни проведшимъ за границей, и ухитрившимся, стараніями крѣпостныхъ, воздвигнуть зданіе въ пятнадцать комнатъ въ полтора мѣсяца ко дню какого-то семейнаго торжества, давно требовалъ ремонта; но для него не оказывалось денегъ. Лѣсъ немилосердно рубили мужики, съ которыми по этому поводу происходили у генерала почти непрерывныя столкновенія; во избѣжаніе этихъ столкновеній онъ по частямъ продавалъ его. Оранжереи покривились, и пруды давно мѣстами пересыхали. Тѣмъ не менѣе, старый паркъ и березовый проспектъ, каменные обросшіе мхомъ и осѣвшіе столбы при въѣздѣ, большой цвѣтникъ среди двора передъ подъѣздомъ и около террасы, обиліе розъ, темныя липовыя аллеи, короткія и прямыя, каменная стѣна полукругомъ надъ обрывомъ, неопредѣленный остатокъ былого благоустройства,—все это вмѣстѣ производило впечатлѣніе стараго, полузаброшеннаго, но родовитаго гнѣзда и упрочивало за Ольховкой репутацію удивительно живописнаго мѣста.

Зина живала въ Ольховкѣ недолгими промежутками въ дѣтствѣ и сохранила о ней самое поэтическое воспоминаніе, къ которому присоединялись всегда и картины яркихъ сновъ, Богъ знаетъ почему переносившихъ ее такъ часто именно туда. Когда ихъ четырехмѣстная карета съ толстымъ Гаврилой и усталымъ и раздраженнымъ Архипычемъ на козлахъ, хрипя по свѣженасыпанному песку, остановилась передъ длинной галлереей, замѣнявшей подъѣздъ, и Зина, выйдя изъ душнаго экипажа, оглянулась кругомъ, словно оглушенная пахучею и влажною тишиною,—чувство весны, возрождающейся жизни и счастія съ особенной силой охватило ее. Оно не покидало ее и послѣ.

Ей казалось уже давно, что все вокругъ нея и въ ней самой, и она сама — новыя. Въ этомъ чувствѣ новизны, того, что ужъ все измѣнилось и пошло по другому, была страшная сила, которая не давала ей никакого покоя. Просторныя комнаты, носившія несомнѣнные признаки ветхости, съ прочною, краснаго дерева, украшенною мѣдными инкрустаціями, мебелью, съ фамильными, темными портретами и картинами, съ покрившимися дверями, обдали Зину какимъ-то спертымъ воздухомъ старины. И все-таки и эти знакомыя комнаты, и терраса съ осѣвшею дверью и скрипящими ступеньками, обставленная уже, въ ожиданіи господъ, цвѣтами и растеніями въ кадкахъ, и знакомыя мѣста парка,—все было новое, и Зина чувствовала, что здѣсь-то, въ этомъ мѣстѣ, и должно начаться и произойти что-то страшно важное и безко-

нечно хорошее въ ея жизни, чего она не понимала и не умѣла даже выразить словами, но всегда хотѣла и ждала.

Ее помѣстили внизу, въ просторной, очень свѣтлой комнатѣ съ огромнымъ итальянскимъ окномъ, выходившимъ во дворъ усадьбы.

Наступилъ цѣлый рядъ прелестныхъ, свѣтлыхъ и теплыхъ, почти жаркихъ дней. Весна стояла во всемъ разгарѣ и переходила уже въ лѣто. Цвѣло все: сирень, піоны, шиповникъ; за паркомъ, близъ оранжереи, словно сугробы снѣга, бѣлѣли вишни. Зина и въ то время, и послѣ часто спрашивала себя, представляла ли эта весна дѣйствительно что-то совершенно необыкновенное, или все было, какъ бывало и прежде, безчисленное множество лѣтъ? Ей все время казалось, что она никогда не видала ничего подобнаго. Солнце было гораздо ослѣпительнѣе обыкновеннаго, яркая зелень безпокоила свѣжестью, воздухъ опьянялъ. Утромъ, какъ только она открывала глаза, прыгающія пятна свѣта, проникавшія изъ-за опущенной сторы и ползавшія по крашеному полу и обоямъ, уже напоминали ей, какъ хорошо жить на свѣтѣ, и она вскакивала, боясь пропустить лишній часъ этой новой жизни. Весна, ея могущество и сила, поражала ее одинаково раннимъ утромъ, когда ей случалось проходить по косымъ, длиннымъ тѣнямъ аллей, мимо блестѣвшихъ росою скамеекъ; въ полдень, когда она безцѣльно бродила около оранжереи, въ пустынныхъ мѣстахъ усадьбы, охваченная теплымъ, распареннымъ и разогрѣтымъ воздухомъ, запахомъ ромашки и клевера, неподвижно-говорливымъ жужжаніемъ пчелъ и комаровъ и переливами птичьяго щебетанья; и вечеромъ, когда съ прудовъ поднимался туманъ, въ аллеяхъ дѣлалось пустынно и жутко, а въ кустахъ оврага, за паркомъ, совсѣмъ холодно, и ѣдко пахло березнякомъ и горькою осиной; когда всѣ звуки жизни затихали и въ усадьбѣ, и на деревнѣ, и водворявшуюся тишину не нарушало, а еще усиливало, дѣлало еще замѣтнѣе мѣрное кваканье лягушекъ и задумчиво-удалое щелканье всюду заливавшихся соловьевъ. Всегда, во всѣ минуты дня и ночи было необыкновенно хорошо, и природа представлялась ей какимъ-то жаднымъ, все поглощающимъ океаномъ, въ которомъ можно было утонуть или задохнуться...

У Зины въ комнатѣ появились въ шкафу и на старинныхъ висячихъ полкахъ ея лекціи и книги, привезенныя изъ Москвы; но она не дотрогивалась до нихъ. Взамѣнъ ихъ, она добыла изъ библіотеки, рядомъ съ кабинетомъ, уже не новое изданіе Фауста, принесла Байрона; учила стихи, восхищалась и заучивала наизусть прощальное письмо къ Донъ-Жуану: „They tell me'tis decided... you depart!“

Она ни о чемъ не могла думать, не отдавала ни въ чемъ себѣ

яснаго отчета; еще менѣе могла читать и заниматься лекціями. Но ей казалось, что цѣлый міръ, міръ не мыслей и разсужденій, не вопросовъ, измучившихъ ее за эти два года, преслѣдовавшихъ ее періодами день и ночь, съ этою вѣчною загадкою, честно ли она поступила, что бросила отца, то ли она дѣйствительно дѣлала, что должна была дѣлать,—а міръ чувствъ, новыхъ мученій и новаго счастья открылся ей. Она нѣсколько дней въ Ольховкѣ не видѣла Торжицкаго, но каждую секунду своей жизни была съ нимъ. Что бы она ни дѣлала, ей казалось, что онъ ее слышитъ и видитъ. И было что-то совсѣмъ особенное, никогда неиспытанное ею въ этомъ чувствѣ отвѣтственности передъ нимъ за себя, въ этомъ отсутствіи свободы, въ томъ, что жизнь ея и она сама уже не принадлежали ей. Послѣ встрѣчи съ нимъ въ саду и послѣ вечера, когда Кротковъ пѣлъ цыганскія пѣсни, она уже не спрашивала себя, что онъ за человѣкъ и что она любила въ немъ? Она вдругъ совершенно повѣрила ему, и вопросъ этотъ пересталъ интересовать ее. И ей не приходило въ голову, что въ чувствѣ довѣрія, явившагося къ нему, и вообще въ томъ, что она испытывала, играло важную роль то обычное въ этихъ случаяхъ разсужденіе, которое дѣйствуетъ такъ часто въ любви, въ которомъ рѣдко признаются себѣ, и которое можно опредѣлить словами: „стало быть, есть же въ немъ что-то очень хорошее, если онъ *меня* могъ оцѣнить и понять...“

Зинѣ было, точно, уже все равно, что она любила въ немъ. „Люблю потому, что не могу не любить“, думала она, лежа по вечерамъ у себя на подоконникѣ, смотря въ остывавшее, хрустальное небо и слушая соловьевъ, раззадоренныхъ балалайкою стараго повара, который всякій разъ передъ ужиномъ садился на крыльцо и „жалостнымъ“ мотивомъ вызывалъ слезы изъ глазъ Маѳы Андреевны. И Зинѣ тоже хотѣлось о чемъ-то плакать...— „Его люблю, а вотъ Павла, и милаго Михаила Иваныча, всѣхъ *ихъ*“,—разумѣя профессоровъ курсовъ, всѣхъ огуломъ, вспоминая тотчасъ и залу съ каѳедрой, и рядъ апатично-серьезныхъ лицъ въ очкахъ и безъ очковъ, съ бѣлокурыми и черными бородами, что-то безконечно сѣрое и безконечно скучное, думала она:—„всѣхъ *ихъ* любить не могу и не стану. А ему отдамъ жизнь, мнѣ теперь все равно. Онъ говоритъ, что все, что́ есть въ немъ святого и дѣйствительно хорошаго, я разбудила въ немъ... За это стоитъ даже умереть, потому что только это жизнь... „Ради этого стоитъ жить“,— вспоминала она его слова.

Воспоминанія его словъ, его поцѣлуя въ саду, его лица и чувства его близости минутами бывали особенно ярки. У нея сжи-

малось и ныло сердце, а голова дѣлалась пуста и способна только къ тому, чтобы думать о немъ.

Иногда, главнымъ образомъ съ наступленіемъ сумерокъ, ей дѣлалось, однако, очень страшно всего того, что происходило съ ней. Случалось, что, гуляя по темнымъ аллеямъ съ Колей, пугливо сторонившимся отъ беззвучныхъ тѣней летучихъ мышей, она вдругъ обрывала съ нимъ бесѣду и уходила въ домъ, къ людямъ, съ которыми, ей казалось, будетъ легче... Ее охватывалъ внезапный, болѣзненный ужасъ передъ тѣмъ, что ожидало ее, но чувство это было обыкновенно кратковременно и очень быстро уступало мѣсто сильному и страстному желанію его видѣть.

XXV.

Пріѣздъ графа Торжицкаго измѣнилъ все, хотя наружно жизнь шла постарому.

Онъ сначала пробылъ всего одинъ вечеръ и привезъ съ собой Володю. Потомъ уже появился одинъ, верхомъ на своемъ высокомъ и тонконогомъ Вандикѣ и поселился наверху, въ комнатѣ, которая имѣла цѣлый рядъ наименованій и назначеній, отъ классной до кабинета, и которая въ этомъ году была отдана въ распоряженіе гостей. Поселился онъ основательно; это было видно съ перваго дня, съ первыхъ, неопредѣленныхъ замѣчаній его о томъ, что въ Москвѣ у него дѣла, но что ужъ очень тамъ пыльно и душно, и что изъ Ольховки невозможно выбраться... И всѣ нашли это очень естественнымъ и совершенно примирились съ этимъ.

У него было удивительное умѣнье дѣлать свое общество не только очень пріятнымъ, но и почти необходимымъ, безъ малѣйшаго поползновенія оказывать кому-нибудь какія бы то ни было услуги, и съ видомъ человѣка, который совершенно случайно попалъ въ эту обстановку, къ этимъ, уже привыкшимъ къ нему людямъ, и очень быстро, какъ только ему захочется, уѣдетъ отъ нихъ...

На этотъ разъ способности его проявились особенно блистательно. Кончилось тѣмъ, что генералъ, обыкновенно скучавшій въ деревнѣ, не позволялъ ему заикнуться объ отъѣздѣ. Онъ рѣшительно не понималъ, какъ будетъ жить безъ гостя, которому показывалъ свое хозяйство, съ которымъ болталъ и гулялъ, а по вечерамъ игралъ въ карты. Лидія Васильевна, встрѣтившая его почти недоброжелательно, скоро уже благодарила его за уроки верховой ѣзды, къ которымъ онъ относился съ педантической серьезностью и основательностью и въ которыхъ Зина дѣлала огромные успѣхи. Сами эти уроки, очевидно, были ей полезны и здоровы.

*

Коля былъ совершенно подавленъ нравственнымъ и физическимъ превосходствомъ Торжицкаго передъ всѣми другими, ходилъ всюду за нимъ, искалъ его глазами и въ его присутствіи на прогулкахъ и во время катаній верхомъ дѣлался невыносимо храбръ и самостоятеленъ. Михаилъ Ивановичъ Карсовъ и тотъ привыкъ къ гостю, удилъ съ нимъ рыбу и иногда пускался развивать передъ нимъ свою философію о необходимости самоотреченія и непротивленія злу.

Всѣмъ было ясно, что съ этимъ гостемъ жить веселѣе и лучше, и всѣ привыкли къ нему.

Зина послѣ вспоминала съ нѣкоторымъ трудомъ эти двѣ недѣли или около того, которыя онъ прожилъ у нихъ. Послѣ захватывающей радости, которую она испытала, когда, вернувшись съ дядей съ катанья, выйдя изъ шарабана и поднимаясь на ступеньки галлереи, съ этимъ обычнымъ чувствомъ тоскливаго желанія встрѣчи съ нимъ, она вдругъ увидѣла его высокую фигуру, вырисовавшуюся на порогѣ двери, и его взволнованное лицо, — настала какая-то странная, напряженная, полная угара и нравственнаго утомленія жизнь. Она видѣла его все время, даже, давая уроки Колѣ наверху, слышала его характерное, сухое и рѣзкое покашливанье за стѣной и шорохъ книги, которую онъ перелистывалъ. И это дѣлало то, что она никогда, ни одной минуты, не была покойна и не могла отдать себѣ отчета въ томъ, что́ переживала и чувствовала. А переживала она очень много.

Она не сомнѣвалась въ этотъ періодъ времени въ томъ, что онъ ее любитъ, была все время съ нимъ и была счастлива. Но безчисленное множество причинъ отравляло это счастье.

Каждый день послѣ обѣда, къ которому звонили въ два часа, въ усадьбѣ, на дворѣ, подымался говоръ, бѣготня, окрикъ на лошадей, стучали колеса, и лаяли собаки. Каждый день Зина въ это время одѣвалась, задыхаясь отъ торопливости и волненія, въ свою суконную амазонку и, заглянувъ въ окно, всегда видѣла фигуру Торжицкаго, который въ курткѣ, картузѣ и толстыхъ перчаткахъ, съ хмурымъ и нетерпѣливымъ лицомъ, прохаживался передъ галлереей.

— Это удивительно, какъ вы долго, — почти всякій разъ говорилъ онъ ей, сильною рукою, на которую она становилась, по-берейторски поднимая ее на сѣдло. — Правую руку непремѣнно на луку,—строгимъ тономъ учителя добавлялъ онъ.

Генералъ имѣлъ правило никогда никого не ждать и уѣзжалъ впередъ, или отставалъ въ своемъ шарабанѣ, нисколько не за-

ботясь объ остальныхъ. Обыкновеннымъ спутникомъ его бывалъ Карсовъ, въ парусиной блузѣ и очень нескладной мягкой шляпѣ или бѣлой фуражкѣ, съ обычной тихой, но упрямой улыбкой на молодомъ, болѣзненномъ лицѣ. Пощипывая свою жиденькую, бѣлокурую бородку, студентъ всю дорогу самымъ серьезнымъ тономъ развивалъ свою теорію о жизни и наукѣ, ошибка и ложь которой только въ ея крайней односторонности и узкости, о любви къ женщинѣ и бракѣ. Послѣднюю тему генералъ особенно любилъ, отчаянно спорилъ съ своимъ спутникомъ, ни въ чемъ не соглашался съ нимъ и всѣ его воззрѣнія называлъ бреднями. Въ распоряженіе Коли была отдана молоденькая, рыжая лошадка съ подстриженной гривой и хвостомъ, на лѣто освобожденная отъ полевыхъ работъ. Онъ всегда ѣздилъ на ней, всѣми силами подражая Торжицкому, и къ концу всегда выбивался изъ силъ; лицо его дѣлалось ярко-краснымъ и покрывалось потомъ, панталоны то и дѣло выбивались изъ сапоговъ, показывая бѣлыя чулки; онъ держался позади и пріѣзжалъ послѣднимъ.

Было не мало часовъ, которые Зина проводила вдвоемъ съ Торжицкимъ, пробираясь сухими, голубовато-сѣрыми полевыми дорогами, между двумя стѣнами залитой послѣдними лучами солнца, пахучей до одуренія, незрѣлой ржи, среди звенящаго перелива жаворонковъ, но всякій разъ времени, для того, чтобъ говорить, было мало. Сказать надо было очень много. Зинѣ хотѣлось передать все, что когда-нибудь она чувствовала и думала, и хотѣлось этого не потому, что онъ долженъ былъ понять все или разрѣшить ея сомнѣнія, а потому, что онъ слушалъ ее такъ, какъ никто никогда не слушалъ, и видѣлъ и понималъ въ ней что-то, чего не понимала и не сознавала она сама. И то, что́ прежде оскорбило бы ее, что́ вообще должно бы было сдѣлать ихъ чуждыми другъ другу, странно мирило ее со всѣмъ, съ жизнью, и съ тѣмъ, что она переживала, что ей приходилось выстрадать.

— Вы вѣдь не можете этимъ жить! — спокойно сказалъ онъ ей однажды, возвращаясь, уже въ сумеркахъ, холодною и болотистою лощиной домой.

Она только что говорила ему о своей прежней жизни и о томъ, какъ встрѣча съ нимъ и это счастье измѣнили для нея все, какъ теперь ей была бы легче самая жизнь и всякая дѣятельность, какъ много она чувствуетъ въ себѣ силы и смѣлости.

— Отчего же? — спросила она.

Онъ взялъ ее за руку и, наклонясь, близко смотрѣлъ въ ея лицо.

— Не можете... Если бъ вы сейчасъ видѣли, какіе у васъ глаза и какая вы... Не можете, кто жъ виноватъ?—улыбаясь и закусывая вдругъ задрожавшія губы, сказалъ онъ.

Зина опустила глаза, избѣгая его взгляда, и какое-то острое и жуткое чувство не позволило ей говорить.

Съ наступленіемъ сумерокъ, передъ вечернимъ чаемъ и ужиномъ, въ Ольховкѣ дѣлалось особенно тихо и пустынно. Въ это время всѣ бывали заняты своимъ дѣломъ. Лидія Васильевна кончала хозяйственныя распоряженія, мужъ ея сводилъ счеты съ приказчикомъ изъ отставныхъ фельдфебелей, Карсовъ читалъ газеты, Коля клеилъ громаднаго змѣя или болтался по двору: онъ боялся темноты и парка избѣгалъ. Торжицкій послѣ прогулокъ всегда долго оставался въ конюшнѣ и толковалъ съ берейторомъ, который всѣми способами старался услужить ему. Послѣ онъ всегда шелъ въ паркъ, и Зина знала, что если пойдетъ въ аллею, встрѣтитъ его тамъ. Торжицкій всякій разъ во время прогулокъ, подъѣзжая къ каменнымъ столбамъ, просилъ ее придти туда хоть на нѣсколько минутъ, чтобы вознаградить его, по его собственному выраженію, за весь день... И бороться было очень трудно.

Трудность борьбы заключалась въ томъ, что въ самой преступности этой любви, въ томъ, что этого никто не зналъ, а если бъ узналъ, такъ ужаснулся бы за нихъ, была особенная прелесть. Зинѣ не разъ казалось, что если бы все, что она переживала, было законно и хорошо, если бъ Торжицкій могъ быть ея женихомъ, и всѣ бы это знали, счастье потеряло бы свою главную силу.

Прохаживаясь въ сумеркахъ по своей комнатѣ, въ открытое окно котораго проникалъ запахъ вечерней сырости и скошеннаго сѣна, она думала о томъ, что онъ ждетъ ее въ паркѣ, и ей казалось, что онъ и эта темная аллея, и ихъ встрѣча оторвутъ ее отъ всего міра. И ее страшно тянуло туда. Она принималась убѣждать себя, но доводовъ оказывалось чрезвычайно мало. Въ головѣ ея все время вертѣлись мысли, доказывавшія какъ разъ наоборотъ, что не было ничего дурного въ томъ, чего она хотѣла. Всѣ любятъ, и она любила; въ томъ, что она любила человѣка не свободнаго, было только одно хорошее; дурно это могло быть развѣ съ точки зрѣнія ея же выгоды, т. е. съ завѣдомо ложной точки зрѣнія; онъ и любилъ ее, главное, за ея смѣлость и за то, что она не была похожа на другихъ, и только этимъ она могла имѣть какое-нибудь вліяніе на него. Прежде сказали бы, и Марѳа Андреевна скажетъ это теперь, что это грѣхъ. Но и это вздоръ. Она ни передъ кѣмъ не виновата, что онъ любитъ ее, да и самое

слово грѣхъ утратило свой смыслъ. Человѣкъ не виноватъ въ томъ, что не имѣетъ воли, и руководятъ волею неизвѣстные и непонятные законы. Потомъ, обыкновенно, отъ запаха сѣна и розъ, входившаго въ окна, или отъ усталости, или отъ потребности его видѣть, но разсудокъ начиналъ совершенно покидать ее, и случалось очень часто, что она, не спѣша, сходила со ступенекъ балкона и подвигалась къ аллеѣ.

Но чувство, что дѣлать этого не надо, все время преслѣдовало ее, не смотря ни на какія разсужденія. Оно не покидало ее при встрѣчахъ съ нимъ, во время ихъ короткихъ разговоровъ и особенно, когда его измѣнившееся лицо и голосъ вдругъ пугали ее и заставляли уходить отъ него. Онъ ее удерживалъ и говорилъ ей вслѣдъ недовольнымъ тономъ:

— Нѣтъ, съ вами ужасно... Я не понимаю, зачѣмъ вамъ надо меня мучить?

Уходить заставлялъ не одинъ страхъ. Это было какое-то сложное, тяжелое чувство, въ которомъ преобладало опасеніе, что, уступая ему, она утратитъ его уваженіе, и онъ разлюбитъ ее. Страхъ потерять его, вмѣстѣ съ безсознательнымъ и безпокойнымъ стараніемъ поддержать его страсть, мучили ее все время. Понемногу свиданія эти и его пребываніе въ Ольховкѣ разстроило совершенно ея нервы. Онъ сталъ возбуждать въ ней то и дѣло незнакомое чувство раздраженія. Когда они встрѣчались утромъ, его свѣжее, только-что вымытое лицо съ мокрыми волосами, и вся освѣженная купаньемъ, здоровая фигура чѣмъ-то оскорбляли и мучили ее. На нее находила тоска, и ее охватывало вдругъ странное, неожиданное желаніе умереть, однимъ шагомъ раздѣлаться съ этою сложною, запутанною исторіей, для которой она не чувствовала въ себѣ достаточно силъ. Торжицкому стоило вскользь упомянуть о какой-нибудь привлекательной женщинѣ, только просто сказать свое мнѣніе о Пронской, похвалить ее, чтобы причинить ей страшную душевную боль. Зинѣ все время казалось, что Торжицкому очень легко мучить ее и выставить преимущество своего положенія, и что онъ пользуется этимъ. Преимущество же его положенія заключалось въ томъ, что онъ, по ея мнѣнію, лгалъ гораздо меньше, чѣмъ она. Онъ не скрывалъ своихъ требованій, съ которыми она боролась, все время боясь, что онъ перестанетъ предъявлять ихъ... Зина сама не помнила и, главное, не понимала ясно, какъ случилось, что наканунѣ его отъѣзда, тогда еще вовсе не предполагавшагося, она среди самаго обыкновеннаго разговора, вдругъ не выдержала и ушла, заплакавъ. Плакала она

о томъ, что онъ ее не любитъ даже и такъ, какъ любилъ другихъ женщинъ, а что она уже не можетъ безъ него жить, о томъ, что положеніе ея невыносимо, и нужно какъ-нибудь измѣнить его. Вѣроятно, и Торжицкій это понялъ. Вечеромъ въ тотъ же день между ними было объясненіе, совершенно разсѣявшее ея сомнѣнія. Онъ сталъ просить ее придти къ нему наверхъ вечеромъ, когда всѣ разойдутся, потому что онъ долженъ ее видѣть и говорить съ ней. Ее это ужаснуло. Тогда онъ сказалъ, что уѣдетъ, прибавивъ:

— Хорошо, что вы не слушаете меня. Простите меня и не слушайте впередъ. Если я очень страдаю, я самъ же и виноватъ...

Вышло такъ, что когда онъ уѣхалъ, Зина почувствовала странное, но несомнѣнное и значительное облегченіе.

XXVI.

Борисъ Алексѣевичъ Кротковъ только-что вернулся отъ княгини Пронской, у которой два дня провелъ на дачѣ подъ Москвою, разсчиталъ извозчика и вошелъ въ уютную, небольшую комнату, служившую ему гостиной и кабинетомъ вмѣстѣ.

— Что, графъ Торжицкій вернулся?—спросилъ онъ лакея, поспѣшно зажигавшаго лампу.

— Никакъ нѣтъ.

— Этими днями не былъ?—спрашивалъ Кротковъ, бросая фуражку и не безъ труда стаскивая бѣлыя перчатки.

— Никакъ нѣтъ, съ тѣхъ поръ не бывали,—вставляя стекло, сказалъ лакей.

— То-есть, какъ съ тѣхъ поръ? Я даже не помню, когда онъ уѣхалъ?—почти про себя замѣтилъ Кротковъ.

— Ужъ недѣли двѣ никакъ... Уѣхали верхомъ и бѣлья много взяли... въ чемоданчикѣ, такой, къ сѣдлу привязывается. Сорочку крахмальную также, одну ли, двѣ ли. Навѣрно, надолго-съ.

— Притвори немного окна,—сердито сказалъ Кротковъ, вытирая вспотѣвшій лобъ платкомъ: — хотя вонъ то... Сквознякъ вѣчно устраиваете...

Лицо Бориса Алексѣевича выражало крайнее неудовольствіе. Когда лакей ушелъ, онъ закурилъ папиросу, прошелся и вслухъ сказалъ: „чортъ знаетъ, что такое“,—фраза, которую онъ произносилъ очень часто для опредѣленія своего душевнаго настроенія, или взгляда на какое-нибудь обстоятельство. Потомъ онъ остановился, посмотрѣлъ на часы, послушалъ, идутъ ли они, положилъ

ихъ въ карманъ обратно и, не придумавъ, что дѣлать, оглядѣлъ гостиную.

Небольшая комната, освѣщенная лампой подъ китайскимъ колпакомъ, была убрана нѣсколько пестро, но со вкусомъ. Между криво поставленными столами и этажерками разбросаны были мягкія, низенькія кресла и табуретки, покрытыя восточными матеріями; въ углу виднѣлся письменный столъ съ дорогою чернильницей и нѣсколькими экземплярами журнала „Спортъ“, у стѣны стоялъ орѣховый, рѣзной, новаго фасона шкафъ съ рыцарскими принадлежностями на немъ,—латами, шлемомъ и забраломъ; надъ низенькой, покойной тахтой на дорогомъ, бухарскомъ коврѣ висѣло оружіе, блестѣвшее металлическимъ наборомъ.

Предметы этого оружія и бросились въ глаза Кроткову, который, подойдя къ стѣнѣ, снялъ небольшой револьверъ. Было всего одиннадцать часовъ, и онъ рѣшилъ, что займется чисткой, потому что спать рано.

Приказавъ подать масло и все необходимое, Кротковъ зажегъ свѣчи, сѣлъ къ письменному столу, вынулъ, не спѣша, револьверъ изъ чехла и обстоятельно предался своему занятію. Къ оружію онъ относился всегда очень осторожно и нѣсколько боялся его, не смотря на привычку, поэтому, занимаясь имъ, дѣлался особенно солиденъ.

На дворѣ было душно. Слабый вѣтерокъ, проникая черезъ полуоткрытое окно, колебалъ пламя свѣчей, но ничто, похожее на прохладу, не освѣжало комнаты. Кротковъ одѣтъ былъ въ китель; тѣмъ не менѣе, онъ былъ красенъ и въ поту, то и дѣло поднималъ голову и вытиралъ лицо платкомъ.

Въ самомъ началѣ его работы на дворѣ послышался перебой лошадиныхъ копытъ и хорошо знакомый ему голосъ закричалъ гдѣ-то подъ окномъ:

— Василій!

— Наконецъ-то,—сердито произнесъ Кротковъ, не отрываясь отъ работы.

— Васи-лій!—раздалось опять на дворѣ.

Отвѣта не было.

— Васи-лій, чортъ!—кричалъ голосъ.

— Василій, графъ пріѣхалъ! Пошли его, наконецъ, Семенъ!—морщась, крикнулъ въ свою очередь Кротковъ.

Но по коридору къ парадной двери уже бѣжалъ кто-то.

— Виноватъ, ваше сіятельство!—слышалось на дворѣ черезъ нѣсколько секундъ.—Соснулъ, признаться.

— Болванъ.

— Пожалуйте.

По паркету раздался частый звукъ собачьихъ лапъ, и въ комнату, отворивъ собою не плотно прикрытую дверь, вбѣжалъ Кракъ.

— Пошшелъ!..—издали крикнулъ на него Кротковъ.

Кракъ остановился, помахалъ хвостомъ и побѣжалъ въ другую дверь.

Торжицкій вошелъ скорыми шагами, слегка бряцая шпорами и снимая фуражку.

— Здравствуй! — своимъ рѣзкимъ голосомъ, коротко произнесъ онъ.

Кротковъ посмотрѣлъ изподлобья на его фигуру въ курткѣ, рейтузахъ и высокихъ сапогахъ и на его блѣдное, усталое и злое лицо и сказалъ тоже: „здравствуй“.

— Я не былъ увѣренъ, что найду тебя здѣсь,—проговорилъ Торжицкій.

— Я завтра дежурный... только что пріѣхалъ!

Торжицкій бросилъ хлыстъ на тахту и направился къ затворенному окну.

— Чортъ знаетъ, какая духота... Какъ ты выносишь?

— Оставь, пожалуйста!—сердито возразилъ Кротковъ, краснѣя:—и такъ не знаешь, куда отъ сквозняка дѣться!

Торжицкій, уже взявшись за раму, быстро обернулся къ нему, и глаза его, какъ у кошки, засвѣтились изъ полутьмы.

— Ну, чортъ съ тобой, задыхайся, если тебѣ нравится! — проговорилъ онъ и тѣми же быстрыми шагами прошелъ къ себѣ, въ комнату рядомъ.

Оттуда опять раздалось:

— Василій!

— Перестань, Володя,—отозвался Кротковъ.—Вѣдь ты самъ только что отдалъ ему лошадь. Ну, чего орать, не понимаю?

Минутъ черезъ пять Торжицкій вышелъ изъ комнаты, не спѣша, съ папиросой въ зубахъ.

На немъ была черная шелковая куртка, разстегнутая надъ бѣлой фуляровой рубашкой съ шелковыми шнурами, и вмѣсто сапогъ мягкія туфли съ загнутыми носками. Лицо его было благодушнѣе и спокойнѣе.

— Ты священнодѣйствуешь?—сквозь зубы спросилъ онъ, подходя къ столу и щурясь отъ дыма папиросы.

— Да,—тоже спокойнѣе отвѣтилъ Кротковъ: — терпѣть не могу этой мерзкой работы, всегда весь вымажешься.

— Давно не чищенъ?

— Очень.

— Скажи Василью, чтобъ Крака не забылъ накормить,—сказалъ Торжицкій лакею, принесшему полотенце, и пошелъ, повернувшись, къ полуоткрытому окну.

Онъ открылъ его немного больше и сѣлъ на табуретъ, всѣмъ корпусомъ облокотясь на подоконникъ.

— Поганый городъ,—куря и глядя въ окно на дворъ произнесъ онъ. — Есть ли хоть одинъ городъ въ Европѣ, гдѣ бы такія ночи были такъ отвратительны?

Кротковъ молчалъ.

— Варварская страна,—о чемъ-то думая, продолжалъ Торжицкій.

— Варварская, а лѣзете въ нее отовсюду,—отозвался Кротковъ.

Торжицкій засмѣялся.

— Сейчасъ въ тебѣ патріотъ заговоритъ!—произнесъ онъ.— Еще бы не лѣзть: у меня тутъ все состояніе!

— То-то и ругать-то неловко... Русскія деньги чортъ знаетъ на что швыряете за границей, цивилизованные господа... Ты бы сидѣлъ лучше у себя въ Западномъ краѣ... Просвѣщалъ бы варваровъ-то...

— Вотъ сказалъ!—засмѣялся Торжицкій:—я все время только отъ самого себя бѣгаю, чтобъ не повѣситься, и вдругъ засяду филантропіей заниматься!

— Скажите, пожалуйста, трагедія какая!..

— Безъ всякой трагедіи. Просто съ шестнадцати лѣтъ пью и безобразничаю. Пора приткнуться куда-нибудь. И до сихъ поръ нѣтъ ни одного болвана, который бы мнѣ догадался пустить пулю въ лобъ,—стало быть, дрянь люди стали!

Кротковъ нервно засмѣялся.

— Да, ужъ этому я, по правдѣ сказать, и самъ иной разъ удивляюсь. Всему тоже есть мѣра...

— Или война хоть бы, что ли?—зѣвая, сказалъ Торжицкій.

— Ну, ужъ это слуга покорный,—возразилъ Кротковъ, старательно вытирая одну изъ разобранныхъ частей револьвера:— это ужъ, извини меня, свинство: чтобъ вашему брату было гдѣ... съ жиру бѣситься, веди сотни тысячъ людей... подъ пули, отъ семьи...

Онъ былъ некраснорѣчивъ и, когда сердился, запинался и путался въ словахъ.

— Война тѣмъ хороша, что на время въ каждой скотинѣ

человѣкъ просыпается, отъ близости смерти, — не слушая его, говорилъ Торжицкій:—очень жалко, что теперь это забыли...

— А по моему, въ каждомъ человѣкѣ, прежде всего, скотина просыпается,—возразилъ Кротковъ.

Торжицкій засмѣялся.

— Ахъ ты, воинъ!—сказалъ онъ:—въ этомъ, братъ, недостатка-то никогда нѣтъ. Какъ понадобится, такъ и проснется...

Они помолчали.

— Право,—продолжалъ Торжицкій:—а то шататься еще по свѣту лѣтъ пятнадцать. Женщины, какъ разъ, и то опротивѣютъ. А тамъ еще одурѣешь, смерти, пожалуй, начнешь бояться,—еще лучше!

— Ты знаешь, братъ Аркадій пріѣхалъ, — сказалъ Кротковъ.

Торжицкій издалъ губами неопредѣленное междометіе удовольствія.

— Третьяго дня...

— Гдѣ жъ онъ остановился?

— У Макарова, съ нимъ и пріѣхалъ.

— Что это, изъ-за меня?

— Ну, вотъ вздоръ. Тамъ ему удобнѣй. Онъ нынче съ Макаровымъ у Ахматовыхъ, по смоленской желѣзной дорогѣ, а завтра ѣдетъ въ Подольскъ, къ Минскимъ. Я думаю, не зайдетъ ли съ поѣзда. Вотъ Вандика покажи,—онъ, кажется, мечтаетъ.

— Ну, не знаю,—сказалъ Торжицкій, думая и крутя усы:—да онъ что, Аркаша-то...—вскричалъ онъ вдругъ, что-то сообразивъ и оборачиваясь къ Кроткову:—женится, что ли?

Кротковъ засмѣялся.

— То-есть, не женится, а, кажется, дѣло пошло на ладъ. Для этого, конечно, и пріѣхалъ!

— На Минской?

— Да.

— Ну, наконецъ-то! — сказалъ Торжицкій и засмѣялся.—Я тогда въ Петербургѣ понялъ сразу, когда видѣлъ ее съ Аркадіемъ,—она вѣдь тамъ была. У меня глазъ вѣрный... Ея почтенные родители никакъ не хотѣли понять, что на Зырянскаго разсчитывать глупо. Ему ея триста тысячъ—ровно ничего; помилуй, у него долговъ больше... А какъ ты думаешь, „папаша-то“ не надуетъ его?—спросилъ Торжицкій.

— Ну, голубчикъ, Аркашу не скоро надуешь, не изъ такихъ.

Наступило молчаніе.

Торжицкій всталъ, закурилъ на лампѣ потухшую папиросу и пошелъ къ тахтѣ.

— Ужасно люблю на тебя смотрѣть,—съ папиросой въ зубахъ говорилъ онъ, укладываясь на тахту, поправляя подушку и глядя на плотную фигуру адъютанта, сидѣвшаго за столомъ, бокомъ къ нему: — точно, право, на крѣпостное орудіе смотришь... Чувство надежной опоры! Ты все толстѣешь, Борисъ!—прибавилъ онъ.

Кротковъ разсердился.

— Какъ я надѣну китель, такъ ты мнѣ это говоришь,—обиженно замѣтилъ онъ.

— Ну да, потому что въ кителѣ замѣтнѣе.

— Ну, и оставь это, пожалуйста, при себѣ.

— Ничего, Боря, это идетъ къ тебѣ.

— И главное, я знаю, что это вздоръ. Мнѣ послѣднее время всѣ говорятъ, что я похудѣлъ.

Торжицкій засмѣялся и долго молчалъ.

— Нѣтъ, въ полѣ я себя чувствовалъ молодцомъ, — сказалъ онъ, наконецъ, поворачиваясь на спину:—а здѣсь это чортъ знаетъ... пыль, духота и тоска, хоть на стѣну! Я двухъ дней тутъ не проживу.

Кротковъ ничего не отвѣтилъ.

— Сколько ей лѣтъ, не знаешь?—спросилъ Торжицкій.

— Кому?

— Этой барышнѣ, будущей невѣстѣ твоего брата?

— Девятнадцать, кажется. Она первый годъ выѣзжала.

— Чортъ знаетъ, что такое: Аркаша Кротковъ и девятнадцатилѣтняя дѣвушка,—смѣясь, сказалъ Торжицкій.—Какъ я радъ, что у меня сынъ, а не дочь!

Кротковъ вдругъ бросилъ работу и откинулся на спинку стула, схвативъ полотенце.

— Нѣтъ, это, наконецъ, просто... невыносимо,—почти задыхаясь и сильнымъ жестомъ вытирая свои бѣлыя, крупныя руки, произнесъ онъ:—ты мало того, что дѣлаешь одну изъ грандіознѣйшихъ своихъ... — Онъ запнулся: — гадостей... — выговорилъ онъ:—но еще принялъ какой-то менторскій тонъ. Тотъ безнравственъ, этотъ развратенъ... Хранитель женской чистоты и невинности... Нравственный человѣкъ.

— Что съ тобой?—съ покойнымъ удивленіемъ спросилъ Торжицкій, но голосъ его чуть-чуть дрожалъ.

Кротковъ всталъ.

— А то, что это гадость!.. Ѣздитъ... живетъ по недѣлямъ,

соблазняетъ дѣвушку изъ порядочной семьи и толкуетъ о честности!

— Полно врать, Борисъ, никого я не соблазнялъ!—почти строго остановилъ его Торжицкій.

Кротковъ запряталъ руки въ карманъ и прошелся.

— Я долженъ говорить съ тобой серьезно,—уже гораздо спокойнѣе сказалъ онъ.

— Сдѣлай одолженіе.

Кротковъ сѣлъ въ кресло, не вынимая рукъ изъ кармановъ.

— Ты все время былъ у Черновыхъ?

Торжицкій, помолчавъ, не сразу кивнулъ головой.

Кротковъ не могъ сердиться долго. Каждая вспышка его проходила очень скоро. Солдаты, когда онъ былъ еще въ полку, называли его бариномъ „отходчивымъ“ и добрымъ. И теперь лицо его, еще очень красное, но уже почти спокойное, приняло совсѣмъ особенное, грустное и обиженное выраженіе, которое оно принимало всегда, когда онъ принужденъ былъ читать кому-нибудь наставленіе.

Торжицкій зналъ это выраженіе, какъ хорошо знали его бывшій взводный и денщики, и, не смотря на замѣтное въ немъ волненіе, не могъ удержать улыбки.

— Я вѣдь не смѣюсь нисколько,—замѣтилъ Кротковъ.

— Да и я не смѣюсь,—смѣясь уже, возразилъ Торжицкій:—я только не могу безъ чувства удовольствія видѣть твое лицо.

— А я тебѣ только скажу одно: ты скверно кончишь.

— Такъ что жъ? Какъ будто не все равно, какъ кончить! Но не сердись. Чего ты ругаешься?.. Отчего, вдобавокъ, ты думаешь, что она меня любитъ?—помолчавъ, негромко и нерѣшительно спросилъ онъ.

— Ну, ты хоть дурака изъ меня не дѣлай, пожалуйста,—возразилъ Кротковъ: — я достаточно давно знаю тебя, чтобъ имѣть понятіе, въ какихъ ты случаяхъ ѣздишь наслаждаться природой.

Торжицкій засмѣялся.

— Да, братъ, природа тамъ... Только въ Россіи и можетъ быть и особенно, я думаю, подъ Москвой. Старая разоренная усадьба въ Тургеневскомъ вкусѣ, глушь и тишина, такъ что въ ушахъ звенитъ.

— Послушай,—снова начиная приходить въ нетерпѣніе, сказалъ Кротковъ: — ты знаешь, я не охотникъ путаться въ чужія дѣла, въ твои особенно...

— Да, ужъ, признаюсь, удовольствія мало: одна гадость!

— Да. И все-таки я долженъ предупредить тебя и въ послѣдній разъ тебя прошу перестать туда ѣздить и, лучше всего, уѣзжай ты изъ Москвы, пожалуйста!..

— Ну, вотъ! Я не понимаю, чего ты опасаешься? Она живетъ въ семьѣ, строгой и благочестивой.

— Я, голубчикъ, вѣдь уже знаю, какія ст. тобой исторіи бывали въ строгихъ-то семьяхъ.

Торжицкій засмѣялся.

— Тебѣ, вдобавокъ, давно пора въ Минскую губернію; вѣдь еще два мѣсяца назадъ говорилъ, что твое присутствіе тамъ необходимо. А управляющаго не вызвалъ до сихъ поръ. Небось, ухнетъ все, другое заговоришь. А у тебя сынъ... надо тебѣ помнить.

— На почвѣ практическихъ соображеній ты молодецъ, что говорить,—замѣтилъ Торжицкій.

Кротковъ серьезно посмотрѣлъ на него.

— Тутъ дѣло не въ практическихъ соображеніяхъ, Володя,— сказалъ онъ:—тутъ вопросъ чести. Бываютъ вещи, въ которыхъ, ты понимаешь, человѣкъ долженъ отвѣчать за свои поступки... Надо же, наконецъ, имѣть силу воли... Ты меня слышишь?

— Конечно. Я вотъ смотрю: славное у тебя это кабардинское ружьецо. И бьетъ здорово, должно быть?

Кротковъ всталъ и вновь зашагалъ по комнатѣ.

— Ты, конечно, можешь не хотѣть говорить со мной объ этомъ. Но я долженъ прямо сказать тебѣ, что если ты не прекратишь этой дурацкой исторіи, поѣздокъ и все... то ты попадешь въ непріятное и, вдобавокъ, глупое положеніе.

— Да? Какъ же?

— А такъ, что тебѣ откажутъ отъ дома.

Лицо Торжицкаго вдругъ стало совсѣмъ серьезно. Онъ, лежа на спинѣ, перевелъ на Кроткова глаза.

Кротковъ шагалъ, внимательно разглядывая собственные сапоги. Лицо его выражало почти мучительную нерѣшительность.

— Если тамъ такъ одурѣли, что никто ничего не видитъ,— сказалъ онъ, все не глядя на Торжицкаго:—такъ ты долженъ же помнить, что Наталья Алексѣевна знаетъ тебя вдоль и поперекъ и любитъ эту семью. Она этого не допуститъ, и никакая порядочная женщина не допуститъ.

Торжицкій молчалъ, но лицо его стало страшно блѣдно. Онъ медленно поднялся, спустилъ ноги, взялъ валявшійся тутъ же хлыстъ и, наклонясь, игралъ имъ, махая сильною рукою и со свистомъ разсѣкая воздухъ.

Кротковъ посмотрѣлъ на него осторожно, изподлобья, сѣлъ къ столу и, опустивъ голову и не возобновляя работы, перебиралъ разобранныя части револьвера.

— Да. Такъ вотъ оно что! — сказалъ тихо Торжицкій, все играя хлыстомъ. — То-то у тебя лицо такое несчастное. Я и не зналъ, что все это тебѣ велѣно было передать мнѣ.

— Извини, пожалуйста,—краснѣя, возразилъ Кротковъ:—ничего мнѣ не велѣно передавать, но нельзя смотрѣть спокойно...

— Хорошо. Но передай Натальѣ Алексѣевнѣ, что я, какъ ей извѣстно, считаю ее женщиной очень привлекательной, и мнѣ борьба съ такой женщиной представляетъ много интереснаго. Какъ бы только ей не проиграть... — И онъ рѣзко засмѣялся, глядя на Кроткова злыми, блестящими глазами.

— Послушай, смѣшно сердиться на Наталью Алексѣевну.

— Вы всѣ съ ума сошли! — крикнулъ Торжицкій голосомъ, въ которомъ особенно ясно зазвенѣли рѣзкіе, непріятные звуки, и, бросивъ хлыстъ, всталъ.—Что, ты не знаешь меня, я хотѣлъ бы знать? Тебѣ, кажется, извѣстно, что я держусь за свою свободу... Ну, да это ея дѣло. Увидимъ, что изъ этого будетъ... У тебя только плохой расчетъ.

Онъ подошелъ, слегка задыхаясь, къ низенькому столику, налилъ изъ небольшого, граненаго, чисто дамскаго графинчика воды въ стаканъ и выпилъ залпомъ...

XXVII.

Когда лакей все унесъ со стола, Кротковъ закурилъ и сѣлъ въ кресло.

— Очень жалѣю, во всякомъ случаѣ, что начиналъ этотъ разговоръ,—сказалъ онъ.

— Скверная натура,—помолчавъ и разглядывая потолокъ, замѣтилъ Торжицкій:—отъ отца. Я вѣдь иногда понимаю его безобразія съ крѣпостными, а вѣдь въ то время это и грязью не считалось. Но, убѣдись только въ одномъ,—продолжалъ онъ:—въ такіе годы мѣняться поздно. Ну, скажи мнѣ, можетъ полуспившійся человѣкъ бросить водку? Не бываетъ этого... Хотя знаешь, Борисъ,—сказалъ онъ вдругъ съ такою нотою серьезности въ голосѣ, что Кротковъ поднялъ на него глаза:—у меня съ весны... вмѣстѣ со всѣмъ, что я переживаю, престранное чувство, какого, кажется, никогда еще не было: что ужъ недолго и что-то такое случится, что все пойдетъ къ чорту!.. Что-то положительно должно случиться,—съ убѣжденіемъ повторилъ онъ:—мнѣ

все представляется, что ужъ все такъ запуталось... Сдѣлать ничего нельзя, поправить нельзя, но еще немножко—и разорвется!—сказалъ онъ, дѣлая сильный жестъ руками, точно разрывая въ самомъ дѣлѣ что-то и разсмѣявшись.—Я, вѣроятно, умру, и скоро, и это, кажется, самое время.

— Ну, перестань, пожалуйста, со своими... Терпѣть не могу, когда ты начнешь тоску наводить! — сказалъ Кротковъ:—я человѣкъ нервный, и на меня это дѣйствуетъ.

Торжицкій засмѣялся.

— Тебѣ-то что? Мертвые-то... какъ это говорится?—сраму не видятъ?

— Ну, и хорошо, а я объ этомъ разговоривать не люблю.

— Ты знаешь, я въ такомъ состояніи пріѣхалъ въ Москву, что серьезно опасался, что ужъ не выѣду,—продолжалъ Торжицкій и вдругъ поблѣднѣлъ:—спроси Василья, мой револьверъ до сихъ поръ запертъ, и ключъ у него. И чортъ его знаетъ, смерти не боюсь, а какъ влѣзетъ въ голову мысль, что всѣмъ такимъ господамъ, какъ я, одинъ... ну, да впрочемъ, конечно, все это — раздерганные первы,—перебилъ онъ себя, всталъ и началъ ходить.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, — сказалъ Кротковъ: — ты не умрешь, а вотъ жизнь тебѣ, точно, измѣнить слѣдуетъ. Вѣдь ужъ правду сказать, Володька, надо имѣть желѣзное здоровье, чтобъ такъ жить...

Торжицкій закурилъ и снова, не возражая и о чемъ-то думая, ходилъ по мягкому ковру.

— Кстати, — продолжалъ Кротковъ, разглядывая ногти: — я вотъ еще хотѣлъ спросить. Скажи, пожалуйста, зачѣмъ ты спаиваешь этого мальчишку, Володьку Чернова? Что это, въ твои виды входитъ, что ли?

— Что за вздоръ,—смѣясь, возразилъ Торжицкій:—какъ я могу его спаивать?

— Такъ, что, прежде всего, не зачѣмъ ему деньги взаймы давать.

— Напротивъ, непремѣнно надо,—спокойно возразилъ Торжицкій, подходя снова къ столику и наливая воду:—потому что, если бъ я не давалъ ему денегъ, впередъ зная, что ему нечѣмъ платить, онъ бы надавалъ векселей и давно весь запутался. Нельзя ли вина спросить?—прибавилъ онъ, отпивая воду.

— Да нѣтъ, голубчикъ, третьяго дня съ Аркашей послѣднюю бутылку за завтракомъ выпили.

— Какъ, моя мадера вся?

— Да вся. Я же говорилъ тебѣ недавно...

— Жадные черти! — сказалъ Торжицкій и покачалъ головой.—Ну, все равно. Это, мой милый, генеральшѣ Черновой позволительно думать,—продолжалъ онъ,—что сынъ ея можетъ жить въ полку на жалованье корнета и на то, что тамъ она ему дастъ, а тебѣ слѣдуетъ эти вещи понимать. Не ребенокъ,—говорилъ онъ, не слышно шагая по ковру.

Кроткова это было озадачило.

— Я знаю только одно, — продолжалъ онъ:—пока тебя не было, онъ и въ половину такъ не кутилъ. А теперь—только посмотрѣть на него. Вчера я съ Аркашей встрѣтилъ его въ скаковой бесѣдкѣ,—помилуй, въ часъ дня языкомъ не ворочаетъ, и коньякомъ разитъ за двадцать шаговъ! Наконецъ, мнѣ Ладыгинъ, ихъ эскадронный, говорилъ,—невозможно пьютъ съ Барминскимъ все время.

— Хорошо,—сказалъ, засмѣявшись, Торжицкій:—я его образумлю.

— Въ Наталью Алексѣевну ты же его влюбилъ. Я убѣжденъ, что безъ твоихъ продѣлокъ ему бы въ голову не пришло до этого дойти. Онъ ошалѣлъ совсѣмъ.

— Тебѣ она и на это жаловалась? — спросилъ Торжицкій, смѣющимися глазами смотря на пріятеля.

Въ это время раздался звонокъ.

— Кто бы ни жаловался, это рѣшительно все равно. Я только не понимаю, къ чему тебѣ все это? Вонъ, должно быть Аркаша,—сказалъ Кротковъ, прислушиваясь.

— Это, наконецъ, смѣшно, Кротковъ!—возразилъ Торжицкій:—ты меня отчитываешь, точно чернаго злодѣя въ мелодрамѣ. Зачѣмъ то, зачѣмъ другое? Можно подумать, что единственная цѣль моей жизни дѣлать гадости ближнимъ.

Въ передней, вслѣдъ за стукомъ двери, чей-то въ высшей степени мягкій, чисто дворянскій голосъ съ пріятнымъ грассированіемъ спросилъ:

— Борисъ Алексѣевичъ дома?

— Дома, господинъ поручикъ!—громко окликнулъ Торжицкій, поспѣшно идя въ переднюю, откуда сейчасъ же послышались смѣхъ, громкій стукъ опущенной сабли и звуки трехъ поцѣлуевъ.

— Я зналъ, что ты тутъ, и давно жажду тебя видѣть!—говорилъ голосъ гостя:—ну, что, какъ?

— А ты какъ?

— Боря дома?

— Дома, дома, входи!—изъ гостиной отозвался Кротковъ.

— Бога ради, господа, ѣдемъ ужинать! — входя, говорилъ Аркадій Алексѣевичъ Кротковъ.

Это былъ молодой человѣкъ съ виду цвѣтущаго здоровья. Его лицо, похожее на Бориса Алексѣевича, было и правильнѣе, и породистѣе. Мягкіе каріе глаза съ морщинками вокругъ нихъ, нѣжный цвѣтъ кожи съ румянцемъ на щекахъ, прямая линія невысокаго лба и мясистаго носа, русые, коротко подстриженные, но волнистые волосы дѣлали его въ высшей степени женственнымъ, не смотря на длинные, выхоленные, свѣтлые усы, не скрывавшіе выразительнаго склада свѣжихъ губъ. Этотъ же отпечатокъ женственности и какой-то избалованной изнѣженности былъ и во всей его фигурѣ, гибкой и, по-женски, граціозной. Лейбъ-гусарская куртка и гвардейскіе рейтузы плотно обтягивали его члены съ наклонностью къ полнотѣ. Во всѣхъ его движеніяхъ и манерѣ говорить видна была чрезвычайная порядочность и полная уравновѣшенность чувствъ и ума, а также сознаніе и этой порядочности, и этой уравновѣшенности.

— Ну, поручикъ!—сказалъ Торжицкій, ударяя его по плечу и осматривая:—ужъ скоро, пожалуй, эскадронъ получишь, а солдаты все еще барышней зовутъ? А?

Аркадій отвѣтилъ снисходительной и дружеской усмѣшкой.

— Ну, какъ же дѣла?—спрашивалъ Торжицкій.

— Да дѣла не дурны. Я пріѣхалъ звать васъ въ Эрмитажъ,— и Аркадій, снимая перчатку и смѣясь, началъ разсказывать, какъ онъ весь день и вечеръ на дачѣ состоялъ при двухъ барышняхъ, какъ было слишкомъ жарко, чтобъ отъ этого получить какое-нибудь удовольствіе, и какъ онъ усталъ и проголодался.

— А васъ за эту добродѣтель и не покормили?—спрашивалъ Торжицкій.

— Конечно, нѣтъ. Дворяне теперь всюду жалуются на оскудѣніе. Давали бульонъ и еще какую-то дрянь.

— Ничего, братъ, поголодаешь. Ты какъ же вырвался къ намъ? Гдѣ Макаровъ?

— Дима поѣхалъ ужинать. Какую-то тамъ у васъ заѣзжую знаменитость кормятъ. Развѣ ты не знаешь? Я былъ убѣжденъ, что ты тамъ. Его Бобриковъ повезъ. Поетъ, говорятъ, съ такимъ шикомъ, и все прочее, что не усидишь. Откровенно и безъ утри-

ровки, много вкуса,—серьезно и почти строго говорилъ Аркадій.—Любопытно бы взглянуть.

— А ты боялся скомпрометировать себя и удралъ, за это хвалю!—сказалъ Торжицкій.

Глаза Аркадія снова сощурились отъ спокойной улыбки.

— Ты все тотъ же, молодцомъ! Перемѣны въ тебѣ никогда никакой,—сказалъ онъ, внимательно глядя на пріятеля, и спросилъ:—скажи, пожалуйста, что ты тутъ дѣлаешь?

— Да, вотъ спроси его: что онъ тутъ дѣлаетъ?—вставилъ Борисъ Алексѣевичъ.

— Вотъ гостепріимство-то настоящее!—возразилъ Торжицкій, безпокойно подмигивая подвижными, блестящими глазами, и смѣясь:—вамъ, кажется, хочется, чтобъ я шатался, какъ вѣчный жидъ! А мнѣ это совсѣмъ не нравится! Это вотъ тебя, кажется, надо спросить, что ты тутъ намѣренъ дѣлать?

— У меня дѣла,—сказалъ Аркадій, тономъ и улыбкой показывая, что хотя онъ очень радъ, что Торжицкій все знаетъ, но говорить теперь объ этомъ не хочетъ.—Ну, что жъ, въ Эрмитажъ ѣдемъ?

Торжицкій отказался.

— Завтра, если хочешь, къ твоимъ услугамъ, а нынче усталъ. Вотъ Боря пусть ѣдетъ.

— У меня только ужина нѣтъ, я вѣдь не былъ тутъ,—замѣтилъ Борисъ.

— Я не хочу, лягу спать. Однако, Аркадій, мясо-то у тебя... по примѣру старшаго брата!—покачивая головой и разглядывая обтянутую гусарской формой фигуру поручика, сказалъ Торжицкій.

Аркадій засмѣялся и сѣлъ на тахту.

— Ну, знаешь, я тебѣ скажу: рѣшительно пришло время толстѣть,— сказалъ онъ, рукой проводя по своимъ мягкимъ волосамъ.

— А вотъ погоди, какъ *скоро* начнешь толстѣть,— сказалъ Торжицкій, куря папиросу, стоя передъ молодымъ офицеромъ и сверху внизъ глядя на него.

Аркадій тоже смотрѣлъ ему въ глаза и улыбался.

— Я о тебѣ слышалъ ужъ какіе-то сомнительные слухи,— сказалъ онъ:—ну, знаешь, такіе, какіе именно о тебѣ постоянно ходятъ.

— Да? Я люблю, когда мною заняты,—сдувая пепелъ папиросы, быстро проговорилъ Торжицкій.

— Я, конечно, не удивился,—продолжалъ Кротковъ: —это ста-

рая исторія. Разъ ты гдѣ-нибудь застрялъ, добру, конечно, не быть!

Торжицкій разсмѣялся какъ-то черезчуръ развязно.

— Нѣтъ, жаль, что ты опоздалъ на пять минутъ,—живо заговорилъ онъ съ проступившей краской въ лицѣ.—Твой братецъ, le gros Borіs, отчитывалъ тутъ меня и упрекалъ во всевозможныхъ замыслахъ и преступленіяхъ, — въ способности губить невинныя созданія, совращать съ пути истины юношей...

— Борисъ? — уже совсѣмъ по-женски спросилъ Аркадій.

— Да. Такъ завтра вмѣстѣ ужинаемъ? — съ безпокойствомъ въ глазахъ и въ голосѣ спросилъ Торжицкій, мѣняя разговоръ.

— Пожалуй. Меня всегда удивляетъ одно,—продолжалъ, тихо смѣясь, Аркадій:—это его изумительное упорство въ своихъ отчитываніяхъ.

— Да, ужъ признаюсь!—съ досадой согласился Борисъ Алексѣевичъ, слѣдя за Торжицкимъ глазами.

— Но жаль, что меня не было,—продолжалъ Аркадій:—ты его не слушай. Боря въ этихъ дѣлахъ большой педантъ, и потомъ вѣдь онъ все-же... въ облакахъ! —съ неопредѣленнымъ жестомъ красивой бѣлой руки прибавилъ онъ.

— Куда къ чорту... столько-то пудовъ! Всякія облака прорветъ!—съострилъ Торжицкій, идя за пепельницей съ страннымъ выраженіемъ звѣря, котораго травятъ, на лицѣ.

Аркадій весело засмѣялся.

— Послушай, графъ, ты рѣшительно любишь разнообразіе. Ужъ теперь, говорятъ, какая-то *курсистка*?—съ мягкимъ грассированіемъ, осторожно улыбнувшись, произнесъ онъ.

Торжицкій вдругъ обернулся, точно кто толкнулъ его.

— Что?!—коротко спросилъ онъ, уже поблѣднѣвъ, какъ смерть.

По лицу Аркадія что-то пробѣжало, но онъ прямо и спокойно смотрѣлъ въ лицо Торжицкому.

— Ничего. Я слышалъ какую-то болтовню о томъ, что ты за кѣмъ-то ухаживалъ,—серьезно и твердо сказалъ онъ:—про тебя такіе слухи такъ обыкновенны, что я не придаю, конечно, имъ никакого значенія.

Его нѣсколько удивленные глаза при этомъ добавляли: „Что ты, съ ума сошелъ? Не драться же мнѣ съ тобой изъ-за такого вздора; ты, вѣдь понимаешь, что я вовсе не хотѣлъ тебѣ сдѣлать непріятности. Кто же тебя зналъ, что ты это такъ примешь?“

— Ваша Москва дѣлается, кажется, хуже провинціальнаго города,—прибавилъ онъ:—сплетенъ не оберешься!

— Да, и петербуржцамъ это, кажется, нравится; но позволь тебѣ по-товарищески посовѣтовать осторожнѣе повторять эти сплетни...

Борисъ Алексѣевичъ всталъ.

— Ну, ѣдемъ, что ли, Аркадій!—сказалъ онъ.

— Я готовъ, ѣдемъ! — спокойно отозвался Аркадій и тоже всталъ.

— Значитъ, завтра, если тебѣ можно, ужинаемъ?—спросилъ его Торжицкій.

— Да, очень радъ; я думаю, что завтра еще не уѣду.—И Аркадій взялъ со стола фуражку.

— До свиданія, Боря!

Они пожали другъ другу руки и простились по-товарищески, но видно было, что всѣмъ вслѣдъ за послѣднимъ короткимъ разговоромъ хотѣлось скорѣе разойтись. Торжицкій постоялъ въ дверяхъ передней, пока лейбъ-гусаръ пристегивалъ саблю, и, круто повернувшись, не спѣша, увѣренной походкой прошелъ въ гостиную.

— Нѣтъ, чортъ ихъ возьми совсѣмъ, я съ этими дураками тутъ сидѣть не въ силахъ, уѣду туда завтра же!—говорилъ онъ себѣ, продолжая возбужденною походкой ходить по комнатѣ, крутя усы и все сокращая пространство, по которому шагалъ.

Но и эта перспектива не въ силахъ была его успокоить. Онъ уѣхалъ изъ Ольховки, гдѣ провелъ около двухъ недѣль, съ одной стороны, потому, что ему показалось мучительнымъ пробавляться однѣми верховыми прогулками съ дѣвушкой, которую онъ любилъ и которая была все время передъ его глазами, съ другой стороны, потому, что, вслѣдствіе этихъ прогулокъ, короткихъ свиданій, которыхъ онъ добивался, и того состоянія нервнаго раздраженія, которое все усиливалось въ немъ, онъ начиналъ бояться себя и неизбѣжнаго, рѣшительнаго и опаснаго шага. Но уже въ полѣ онъ почувствовалъ приступъ тоски и отвращенія ко всему, той болѣзненной хандры, на которую онъ намекалъ Кроткову. Столкновеніе съ Аркадіемъ не могло его взволновать на долго и возбуждало въ немъ смутное чувство гадливости. Когда онъ остался одинъ, хандра его дошла до высшихъ предѣловъ.

— Фу, мерзость какая, — повторялъ онъ, стараясь отогнать отъ себя воспоминаніе здоровой и граціозной фигуры лейбъ-гусара.—Отчего мнѣ это такъ противно? Это тоже болѣзненное...

Онъ сознавалъ все время, что причиною ихъ короткаго столкновенія было его собственное настроеніе, а главное, то, что онъ

пріѣхалъ *оттуда*, и что еще дорогой, въ полѣ и на московскихъ пустынныхъ и темныхъ улицамъ, онъ, сквозь перебой копытъ, все время слышалъ явственно звуки ея голоса и отрывки ихъ разговоровъ. Въ другое время, какъ много разъ и случалось, онъ, конечно, отшучивался бы, лежа на тахтѣ. Теперь это стало невозможно.

— Что, въ самомъ дѣлѣ, я къ ней чувствую?—думалъ онъ, съ ощущеніемъ ноющей, несносной боли въ сердцѣ, которою всегда сопровождалась его хандра: —если бъ я просто, какъ всегда, былъ влюбленъ, и только. Тогда не было бы хандры, и не былъ бы я тутъ. Все бы пошло своимъ порядкомъ, все равно, это будетъ... А тутъ что-то не то... что-то, чего я не понимаю какъ слѣдуетъ.

И онъ съ внезапно проступившими на глаза слезами боли и раздраженія вспомнилъ, какъ минутами, совсѣмъ противъ его воли, ему дѣлалось страшно за нее, за эту тоненькую, молодую дѣвочку, съ которой онъ проводилъ все время и которая была уже такъ страшно близка ему; вспомнилъ слова Кроткова „грандіознѣйшую изъ твоихъ гадостей“, и то, что „Пронская не допуститъ этого безобразія“.

— Да, не допуститъ! дурачье! — думалъ онъ:—если бъ они знали, что́ для нея теперь разлука со мною. Не допустятъ они! Точно можно помѣшать этому когда-нибудь.

Но его это нисколько не ободряло и не радовало. Ему было только гадко и скучно, такъ скучно, что отъ ощущенія тоски усиленно билось сердце, и онъ блѣднѣлъ.

Онъ потушилъ лампу и ушелъ въ свою комнату. Потрепавъ Крака, свернувшагося на своемъ матрасикѣ, на полу, и сквозь сонъ привѣтствовавшаго хозяина слабымъ постукиваніемъ хвостомъ, онъ сказалъ: „что, братъ, усталъ? И я тоже,“—и поспѣшно раздѣлся.

Торжицкій боялся безсонницы, но какъ только легъ, почувствовалъ пріятную ноющую боль усталости въ тѣлѣ, потянулся и закрылъ глаза.

— Я просто состарился, обрюзгъ и сталъ трусомъ! Не достаетъ, въ самомъ дѣлѣ, одной подагры. Мерзость!—думалъ онъ.

Послѣднія воспоминанія изъ Ольховки снова начали волновать его. Ему дѣлалось жутко за всю эту исторію. И тотчасъ вспомнилась княгиня Пронская, и планъ, который ему пришелъ въ голову во время разговора съ Кротковымъ. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы ѣхать завтра же къ княгинѣ Пронской, а тамъ... Тамъ

ужъ, онъ чувствовалъ, произойдетъ все, что бродитъ въ его головѣ. Онъ начнетъ за ней ухаживать. Что-нибудь да выйдетъ изъ этого, и, во всякомъ случаѣ, это отвлечетъ ее отъ вмѣшательства, которое такъ злило его. Поѣздка къ ней представлялась ему неожиданнымъ и единственнымъ выходомъ изъ того состоянія, въ которомъ онъ находился. Онъ видѣлъ передъ собой стройную и сильную фигуру этой женщины, которую всегда находилъ привлекательною, и ея милое лицо, и улыбался въ темнотѣ.

— Постой, еще я тебя встревожу, можетъ быть. При моей роли стараго друга и отверженнаго поклонника это ужъ не такъ трудно. Ну, тогда, точно, побѣда будетъ за мною, вспомнимъ всѣ старые счеты... Какъ я раньше не подумалъ объ этомъ?

На эту забавлявшую его борьбу онъ чувствовалъ въ себѣ огромный, неожиданный запасъ силъ, тоска его проходила, и чувство, за которое онъ такъ страстно любилъ скачки, уже охватывало его...

XXVIII.

Проснувшись, графъ Торжицкій вспомнилъ непріятный разговоръ съ Аркадіемъ и то, о чемъ онъ думалъ, засыпая, и рѣшилъ было, что ни за что не поѣдетъ къ Пронской, что все это вздоръ. Лежа въ постели, онъ нѣкоторое время говорилъ съ Кротковымъ черезъ полу-открытую дверь, пока тотъ не отправился на дежурство.

Торжицкій уже съ давнихъ поръ чувствовалъ себя по утрамъ въ самомъ дурномъ настроеніи. Оно явилось и теперь, какъ только онъ, окончивъ свой продолжительный туалетъ, вышелъ въ гостиную. Тамъ за холоднымъ завтракомъ и чтеніемъ дѣловыхъ писемъ онъ рѣшилъ, что самое лучшее все-таки поѣхать на дачу къ княгинѣ Пронской: ему вдругъ захотѣлось ее видѣть.

Было одиннадцать часовъ утра, когда онъ уже ѣхалъ въ щегольской извозчичьей пролеткѣ на резиновыхъ шинахъ по шоссе на дачу Хлоповой.

День выдался свѣжѣе предыдущаго. Торжицкій привыкъ ѣздить по утрамъ верхомъ, но далъ отдыхъ лошади, которая много работала наканунѣ. Отъ нарушенія обычнаго деннаго порядка ему зябло сь и было не по себѣ. За заставой солнце пріятно стало пригрѣвать его и вѣтеръ дулъ взадъ.

Шоссе въ началѣ было тоже, по которому Торжицкій весной ѣздилъ къ женѣ, и онъ задумался о ней. Еще вчерашняя встрѣча съ Аркадіемъ воскресила много прошлаго въ его памяти. Ему

отрывками вспоминались далекія событія, его свадьба, время, когда онъ былъ женихомъ, домъ его невѣсты, куда онъ ѣздилъ, ихъ небогатую, но строго изящную обстановку, цвѣты, которые онъ ей возилъ, и ее—молодую и милую, съ особеннымъ, непередаваемымъ выраженіемъ серьезности счастья въ глазахъ. Она была религіозна и все разсказывала ему, какъ ей хочется молиться, и какъ ей хорошо. Главное же, онъ помнилъ свое собственное, сильное и глубокое чувство, въ которомъ не сомнѣвался, и сознаніе чего-то хорошаго, всѣми одобряемаго и всѣмъ доступнаго, что онъ дѣлалъ и что должно было измѣнить всю его жизнь. Въ этомъ заключалась особенная прелесть. И какъ давно ничего подобнаго не испытывалъ онъ теперь.

— Развѣ я виноватъ, что все пошло не такъ, оказалось не *то*, что́ я думалъ? —разсуждалъ онъ, покачиваясь на рессорахъ и запрятавъ руки въ карманы:—что жъ было дѣлать? И самое гадкое то, что, измѣняя ей, я, въ сущности, не переставалъ любить и уважать ее. Чортъ знаетъ, что такое! Вообще съ *этимъ* бороться я не умѣю...

Отъ этой мысли, что онъ испортилъ все хорошее въ своей жизни, такъ что теперь, все равно, не поправишь, и что тотъ поворотъ въ его жизни, на который онъ такъ надѣялся, прошелъ даромъ и обманулъ его,—ему дѣлалось опять холодно. Онъ подумалъ: „Если теперь *тамъ* я ее встрѣчу... мнѣ будетъ совѣстно, и я растеряюсь...“ и вдругъ покраснѣлъ при одной мысли объ этомъ. Но тутъ же ему пришло въ голову, что встрѣча съ ней, одинъ этотъ день можетъ имѣть роковое значеніе для него, что вслѣдствіе какого-нибудь разговора, одной ея фразы, выраженія лица онъ легко можетъ съ ней сойтись, чтобъ никогда не разставаться.

— Отъ меня всего надо ждать...— думалъ онъ, волнуясь и боясь чего-то.

Княгиня Пронская жила съ матерью въ просторной и нарядной дачѣ, арендованной на нѣсколько лѣтъ въ одномъ изъ извѣстныхъ подмосковныхъ дачныхъ поселковъ. Хлопова считала эту мѣстность особенно для себя здоровою, а деревню не любила. Торжицкій только подошелъ по утрамбованнымъ, красивымъ дорожкамъ благоухающаго цвѣтами палисадника къ задрапированной парусиной и обвѣшанной зеленью террасѣ и, узнавъ отъ рыжаго лакея, что барыня отдыхаютъ послѣ ванны, а княгиня рисуетъ въ рощѣ, отдалъ пальто и пошелъ ее отыскивать.

Княгиня Наталья Алексѣевна Пронская сидѣла одна на краю

обрыва и масляными красками писала противоположный берегъ узенькой и извилистой рѣченки, весь обросшій ольхой и орѣшникомъ.

Торжицкій издали узналъ ея стройную и высокую фигуру, которую плотно облегали простое лѣтнее платье и парусинный фартукъ.

Въ рощѣ было тихо, тепло и необыкновенно душисто: пахло разогрѣтой сосновой смолой и земляникой. Птицы примолкли къ полудню; въ кустахъ, ближе къ водѣ, уныло посвистывала только иволга, а надъ головой глухо и коротко стучалъ дятелъ и что-то скрипѣло, должно быть, старое дерево, при ласковыхъ движеніяхъ слабаго, теплаго вѣтра. Торжицкій шелъ по мягкой и скользкой тропинкѣ, прорѣзывавшей темно-зеленый коверъ брусничной травы, и смотрѣлъ издали на Пронскую, на ея маленькій парусинный стулъ и сложенный за ненадобностью, лежавшій около зонтикъ, на то, какъ круглыя пятна свѣта и тѣни скользили по ея наклоненной головѣ и темнымъ волосамъ. Онъ думалъ о томъ, какъ здѣсь уютно и хорошо, и какъ, въ самомъ дѣлѣ, хорошо умѣетъ жить и живетъ эта милая женщина, которую онъ любилъ когда-то.

Хорошо было особенно то, что не надо было играть ни передъ кѣмъ никакой роли; а это уже немного утомило его въ Ольховкѣ; женщина эта знала его всего, всю его жизнь, прошлое и настоящее: она его когда-то любила, и это оставило навсегда особый слѣдъ въ ихъ отношеніяхъ; главное же, она продолжала относиться къ нему хорошо, не смотря на все, что ей было извѣстно,—онъ это чувствовалъ всегда и зналъ.

Подойдя сзади и бросивъ взглядъ на узкій кусокъ полотна, гдѣ, кромѣ линій контура, начата была красками упавшая въ воду сосна, онъ обошелъ и, снявъ шляпу, низко поклонился.

Пронская не ожидала его появленія, очень удивилась, засмѣялась и покраснѣла. Торжицкій поцѣловалъ ея руку и сейчасъ же рѣшилъ, что она давно не была такъ прелестна.

— Вотъ будетъ умно, если я отсюда съ такимъ же трудомъ уѣду, какъ изъ Ольховки,—подумалъ онъ, съ улыбкой вглядываясь въ ея живые, блестящіе глаза.

— Всякій разъ забываю, что и вы заражены этою маніею,—сказалъ онъ громко.

— Какъ вы нашли меня?—спросила княгиня, смѣясь, и прибавила:—вы совсѣмъ пропали... вотъ ужъ не ожидала васъ видѣть... Отойдите отсюда пожалуйста, я не люблю, когда на мою работу смотрятъ...

Она подняла на него глаза, поглядѣла въ его лицо и засмѣялась опять. Онъ засмѣялся тоже и отошелъ.

— Я очень радъ,—сказалъ онъ, отыскавъ пень и садясь напротивъ нея, саженяхъ въ двухъ отъ нея:—потому что то, что я вижу отсюда, гораздо интереснѣе какого-то бревна, которое у васъ намазано... простите ради Бога. Нѣтъ, кромѣ шутокъ, — сказалъ онъ и остановился: — я ужасно радъ, что нахожусь здѣсь...

— Я сейчасъ все убираю, и пойдемте завтракать,—я и забыла, что вы изъ города,—сказала Пронская, но Торжицкій перебилъ ее:

— Ради Бога, княгиня... умоляю васъ... Я готовъ два дня не ѣсть, чтобъ только остаться тутъ. Что вы смѣетесь? Такая гадость въ Москвѣ, силъ нѣтъ.

— А вы давно ли въ Москвѣ?—откидывая голову и щурясь на этюдъ, спросила Пронская.

— Нѣтъ, недавно. Оттого такъ и невыносимо.—Торжицкій закурилъ и продолжалъ: — Вздумалъ было я окончательно распроститься съ Москвою, ѣхать къ себѣ, т.-е. продолжать свое скитаніе... но, знаете, удивительный городъ... Столько онъ всякій разъ во мнѣ пробуждаетъ... столько... Отчего вы такъ удивились, когда я пришелъ?—спросилъ онъ вдругъ.

Пронская молча на него посмотрѣла.

— Я удивилась?—спросила она, намазывая кисть, и, помолчавъ, прибавила:—я всегда пугаюсь вашего неожиданнаго появленія у себя... Вчера у меня была Оля...

— А-а...

Торжицкій помолчалъ и спросилъ:

— Какъ ея здоровье?

— Нехорошо.

Торжицкій опять помолчалъ.

— А я думалъ, что, пожалуй, встрѣчу ее здѣсь...

— Нѣтъ, слава Богу.

— Отчего же, слава Богу? — улыбнувшись, спросилъ Торжицкій.

— Оттого, что это ее взволновало бы, а она нездорова, я вамъ сказала.

Торжицкій долго молчалъ и долго смотрѣлъ на княгиню. Ему казалось, что она чувствуетъ его взглядъ и что это ее немного безпокоитъ. Онъ вспомнилъ о своемъ намѣреніи ухаживать за ней

и подумалъ, что ему лѣнь дѣлать это, но что ему очень хорошо, и что пока самое лучшее—остаться здѣсь. Потомъ опять онъ подумалъ, какъ хорошо ея свѣжее, здоровое и милое лицо... „Она хорошая женщина, и какъ должна, въ самомъ дѣлѣ, возмущать ее эта исторія ольховская“,—разсуждалъ онъ и сказалъ, глядя на нее сквозь дымъ папиросы:

— Княгиня, я къ вамъ съ просьбой.

Она вскинула на него глазами.

— Что такое?

— Позволите вы мнѣ остаться у васъ здѣсь... Побыть нѣсколько дней, прежде чѣмъ выѣхать совсѣмъ изъ Москвы. Можно?

Она посмотрѣла на него, засмѣялась опять и опять слегка покраснѣла.

— Конечно. Что вамъ вздумалось объ этомъ спрашивать?

— Серьезно, княгиня,—вставая, сказалъ онъ:—хочется мнѣ... пожить хорошею жизнью, заразиться немножко отъ васъ. Буду ходить сюда, носить вамъ эту... аммуницію,—запнувшись проговорилъ онъ: — гулять, читать по вечерамъ вашей матушкѣ... а тогда и опять въ путь. Скучно всю жизнь болтаться, увѣряю васъ.

— Да, я думаю. Но вы умѣете дѣлать какъ-то, что вамъ не скучно,—замѣтила княгиня, и лицо ея оживилось.

— Да. Но и это не нужно. Я хочу пробыть у васъ немного времени и обо многомъ поговорить съ вами. Такъ позволяете?

— Пожалуйста.

— Ну, вотъ, благодарствуйте... Эхъ, кабы вы захотѣли взять меня въ руки... давно бы я сталъ другой человѣкъ,— произнесъ онъ, засмѣялся и пошелъ на прежнее мѣсто.

XXIX.

Въ Ольховкѣ было очень уныло. Ужъ нѣсколько дней сряду шелъ, почти не переставая, дождь, гноившій лучшее сѣно, клеверъ, скошенное за проспектомъ, и приводившій генерала въ крайне дурное настроеніе. Небо кругомъ обложило бѣловатыми и хмурыми, неправильной формы, тучами, которыя, казалось, нависли надъ самыми макушками деревьевъ и безпокойно бѣжали одна за другой. Однообразно говорливый шумъ дождя, нѣвуче барабанившаго по крышѣ и лишь изрѣдка переходившаго въ ожесточенный ливень, и злые порывы холоднаго, чисто осенняго вѣтра сливались вмѣстѣ въ стонущіе, печальные звуки. Зелень казалась потемнѣвшею, листья опустились подъ тяжестью дождевыхъ капель, и при взглядѣ въ

окно получалось неопредѣленное впечатлѣніе осени, а не іюня мѣсяца, какъ было на самомъ дѣлѣ. Наступила непогода, столь обыкновенная въ средней Россіи въ это время, но почему-то всегда неожиданная.

И всѣ были удивлены и недовольны.

Генералъ ничего не дѣлалъ, слѣдилъ съ утра за барометромъ и пожималъ плечами съ видомъ человѣка, совершенно неспособнаго смотрѣть равнодушно на вопіющій безпорядокъ, хотя и лишеннаго возможности ему воспрепятствовать. Изъ всѣхъ оконъ дуло. Берейторъ докладывалъ, что конюшня, поправленная только весной, протекала. Людская протекала также, и поваръ, человѣкъ очень мягкій и нервный, стоналъ отъ зубныя боли. Архипычъ пришелъ въ совершенно несносное настроеніе, поссорился за что-то съ Марѳой Андреевной, отличавшейся крайне миролюбивымъ характеромъ, и, дѣлая очевидные на нее намеки, кричалъ въ дѣвичьей, что съ тѣхъ поръ, какъ „эта язва завелась въ домѣ, никому житья не стало“. Нянюшка обидѣлась и плакала.

Кромѣ того, изъ харьковской деревни пришли весьма непріятныя извѣстія, и толки о хозяйственныхъ затрудненіяхъ не прекращались. Спокоенъ и благодушенъ былъ одинъ Карсовъ, почти не сходившій съ верху и весь занятый какими-то физическими опытами.

Въ одинъ изъ самыхъ хмурыхъ полдней Зина лежала у себя въ комнатѣ на кровати, одѣтая въ шерстяное платье и кофточку, и смотрѣла на большое итальянское окно, въ которое такъ скупо входилъ сегодня свѣтъ, на то, какъ широкіе, дробящіеся книзу ручьи дождя непрерывными потоками бѣжали по мелкимъ четыреугольникамъ стеколъ и, точно слезы, капали съ тонкихъ переплетовъ рамъ. Ей съ утра нездоровилось, и она никакъ не могла согрѣться. Замѣчаніе Лидіи Васильевны, что ничего нѣтъ мудренаго, если у всѣхъ въ такой атмосферѣ болятъ головы, что было бы, напротивъ, очень странно, если бъ онѣ не болѣли, вдругъ вывело ее изъ себя. Зала, темная отъ ненастья, съ несвѣжими обоями, старинный, краснаго дерева съ мѣдными инкрустаціями, круглый столъ, мокрыя георгины въ цвѣтникѣ, всѣ голоса и всѣ люди показались ей такъ невыносимо противны, что она ушла, боясь наговорить всѣмъ непріятностей.

Припадки неожиданнаго и безпричиннаго раздраженія, въ которомъ она совершенно переставала владѣть собой, стали безпрестанно проявляться въ ней. Марѳа Андреевна даже какъ-то сказала, внимательно посмотрѣвъ ей въ лицо и качая головой:

— Что такое значитъ, Господи Батюшка... Барышня-то наша— совсѣмъ другая стала.

Въ комнатѣ однако не было лучше. Она вообще въ послѣднее время не любила тамъ оставаться одна, и всякій разъ, когда она приходила, ее охватывало странное чувство жуткости. Сегодня же рядъ книгъ, выстроенныхъ на старинныхъ, висячихъ полкахъ, шкафъ со сложенными по курсамъ, давно нетронутыми лекціями и прибранный письменный столъ съ портретомъ Николая Григорьевича, смотрѣвшимъ сурово и строго изъ плюшевой рамки, подѣйствовали на нее особенно дурно. Начавшееся въ Москвѣ еще давно напряженное бездѣйствіе все продолжалось, дошло теперь до высшей степени и давно обратилось не въ отдыхъ, а въ болѣзненную невозможность что-нибудь дѣлать, въ возбужденное, ненормальное состояніе, при которомъ въ головѣ не держалась ни одна мысль и которое утомляло хуже всякой работы.

Зина нигдѣ не сознавала этого такъ ясно, какъ въ тишинѣ своей измѣнившейся, потерявшей прежній характеръ комнатѣ, и сегодня она бросилась на постель, намѣренно избѣгая смотрѣть по сторонамъ. Все ей было противно.

Дождь не переставалъ ни на минуту, и въ звонкомъ гулѣ и журчаньѣ его было что-то живое, повѣствующее и настойчивое. По стекламъ ползали и бились вялыя, изможденныя ненастьемъ мухи. Одна, огромная, то визгливо и назойливо жужжала, то наполняла комнату дикимъ и зловѣщимъ воемъ.

— Да, и будетъ мучить меня, пока это ему нравится, — думала Зина, и слезы подступали ей къ горлу.

Съ тѣхъ поръ, какъ она узнала отъ Володи, что Торжицкій живетъ на дачѣ Хлоповой ужъ вторую недѣлю и вовсе не собирается къ нимъ, состояніе тревоги и тоски, которое охватило ее, усиливалось съ каждымъ днемъ. Сегодня она думала о томъ, что жить такъ нельзя, надо что-нибудь выяснить, предпринять. Утромъ она нѣсколько разъ начинала писать ему, но рвала письма. Ей казалось, что только теперь она начинаетъ понимать всю неопредѣленность и безпомощность, все безсмысліе своего положенія. Происходило съ ней и вокругъ нея что-то очень серьезное, страшное, измѣнившее совершенно душевный строй ея жизни, выбившее ее изъ колеи; но что это было, къ чему это должно было привести ее, она не знала.

— Да, это чувство зависимости и собственнаго безсилія посерьезнѣе той „неравноправности“, на которую мы обижались на курсахъ,—съ усмѣшкой разсуждала она.—Странно, что я никогда

объ этомъ не думала. Я, какъ будто, не знала, что это бываетъ... Но Пронская вздоръ... Онъ ее не любитъ, этого не можетъ быть...

Когда она думала о веснѣ и обо всемъ, что было въ то самое время, какъ онъ каждый день ходилъ къ княгинѣ, подозрѣнія, приходившія ей въ голову, казались ей въ самомъ дѣлѣ вздорными, и ей дѣлалось легче.

Она старалась вспомнить всѣ подробности послѣдняго, коротkаго свиданія, такъ успокоившаго ее. Ей хотѣлось воскресить то чувство страха и опасности, которое, лучше всякихъ другихъ доказательствъ, давало ей увѣренность въ его любви. Но воображеніе ея устало. Впечатлѣнія сгладились и не волновали ее, и вмѣсто увѣренности было все то же чувство мучительной, тоскливой тревоги.

Узнавъ, какъ всегда, за дверью шаги нянюшки, она закрыла глаза. Сначала со стукомъ отворилась дверь, потомъ Марѳа Андреевна ахнула; но половицы заскрипѣли, и Зина по тѣни, промелькнувшей сквозь опущенныя вѣки, видѣла, что она не ушла, и открыла глаза.

Марѳа Андреевна осторожно, помощью гримасы стараясь быть какъ можно тише и оглянувшись на барышню, съ кипою бѣлья на рукѣ, пробиралась къ комоду.

— Разбудила я васъ, проклятая... вотъ разъ-то... Вѣдь какъ, кажется, тихо? Подите!..—качая головой, сказала она:—мнѣ бы подождать, послѣ войти, а я думала, вы въ залѣ. Экое горе.

— Ничего, я не сплю,—отозвалась Зина.

— Да все неловко...

И Марѳа Андреевна опять покачала головой.

Но движенія нянюшки, расположившейся, повидимому, основательно передъ ящикомъ комода на полу, раздражали Зину. Вдобавокъ, Марѳа Андреевна и тутъ слѣдовала своей привычкѣ бесѣдовать, ни къ кому не обращаясь, думать и разсуждать вслухъ.

— Бѣда,—говорила она, вздыхая:—льетъ и льетъ. Что ты будешь дѣлать? Прогнѣвали Бога-то, знать. Ужъ и правду сказать, другой разъ когда бы въ церковь пойтить, а мы норовимъ проспать, да только бранимся... Сѣно-то, сѣно-то... Генералъ теперь—бѣда. А фельдфебель тоже не виноватъ. Хорошій мужчина, повидимому. Намедни говоритъ: „Что жъ, я и радъ бы“, говоритъ, „да нешто противъ Бога пойдешь?“ Противъ Бога мы ничего не можемъ...

Она помолчала, считая бѣлье, и обернулась къ Зинѣ.

— Чтой-то, барышня, Владиміръ Александрычъ къ намъ рѣдко сталъ жаловать?—спросила она.

— Почемъ же я знаю?

— Все и вамъ-то весёлѣй бы...

— Ну, очень благодарна за такое веселье,—съ неожиданною дрожью въ голосѣ, поспѣшно возразила Зина.

Марѳа Андреевна поднялась и подошла къ кровати.

— Да что, барышня, хошь бы вы ему когда поговорили, — таинственно строгимъ голосомъ сказала она:—тоже онъ нехорошо дѣлаетъ... Генералъ узнаетъ, глядите какъ разстроится, особливо теперь.

— Что такое?—спросила Зина, открывъ широко глаза, не глядя на Марѳу Андреевну и хмурясь.

— Кутятъ напропалую, извѣстно что!

И Марѳа Андреевна,—со словъ лакея Андрюшки, который умѣлъ готовить кушанья и оттого былъ отосланъ въ полкъ къ молодому барину,—начала съ ужасомъ сообщать подробности ихъ жизни.

— Страмота. Пьютъ мертвую, барышня, — тономъ гадливаго сожалѣнья, наклоняясь къ Зинѣ и придерживая фартукъ, разсказывала она. — Андрюшка малый молодой, не набаловался еще, извѣстно, не видывалъ, какъ господа-то живутъ, такъ и дивится. „Я“, говоритъ, „нянюшка, ей-Богу не вѣрилъ, что у господъ этакое безобразіе можетъ быть“. Вѣрите, кажную ночь напролетъ. Пріѣзжаютъ ужъ утромъ. Владиміръ Александрычъ на ученье ѣдетъ, такъ глядѣть, говоритъ, жалости. Еле сидитъ. Намедни какъ-то съ лошади-то упалъ было. Командиръ, ишь, сказалъ ему: „неловко вы такъ дѣлаете“... И серди-итый. Деньги, какъ пришлютъ, или жалованье когда если получитъ, въ одну минуту ужъ у него ни копѣйки. И все у энтаго, у высокаго, графа-то занимаетъ. Что ему долженъ, говорятъ, такъ сила. Тоже вѣдь и отдавать надо. И всему онъ заводчикъ, графъ. Пьютъ, говоритъ, и безъ него, а когда если онъ пріѣдетъ, тутъ что дѣлается—ума непостижимая. Молодой баринъ, что съ нашимъ живетъ, вотъ на гитарѣ-то тоже играетъ, такъ какъ-то еще съ началу... просто вышелъ на улицу, о земь ударился и кричитъ: „караулъ!“ Не узналъ дома-то, думаетъ, его завезли куда! Что жъ это?! — И Марѳа Андреевна не могла удержаться отъ смѣху.—Положимъ, мужчины, да что жъ хорошаго? Нонче, поднте, мужики и то стыдъ-то знаютъ...

Зина упорно молчала. Марѳа Андреевна помолчала тоже, но уходить ей рѣшительно не хотѣлось.

— Да что онъ, барышня, графъ-то...—вдругъ оживленно заговорила она: — песъ его знаетъ, прости Господи, фамилья-то ему мудреная... кажется, убей,—не выговоришь... Служитъ, что ли, гдѣ?

— Нѣтъ.

— Богатый, стало быть. Извѣстно, богатый? Чаи какіе даетъ. Надъ лошадью дрожитъ, даже не хорошо,—хуже, чѣмъ надъ ребенкомъ.

Зина молчала.

— Женатый, барышня, сказываютъ?

— Женатый.

— Я вотъ тоже такъ думаю... къ кому онъ теперь къ намъ ѣздитъ? Никакой ему тутъ каппаніи нѣтъ, какъ хотите.

— Почему жъ не ѣздить?—спросила Зина, и глаза у нея безпокойно заблестѣли:—его тетя давно знаетъ.

— Такъ-то такъ, да не люблю я что-то его, барышня. Говорятъ, красивый, красивый; а по моему, и лицо-то какое-то непріятное. Точно вотъ норовитъ на зло сдѣлать, не то на смѣхъ поднять. Полякъ онъ, барышня, сейчасъ видно. Ужъ какой же баринъ: жену бросилъ, ребенка. Грѣхъ это большой. Барыня, говорятъ, хорошая. Что жъ озорничать-то? Андрей тоже съ его человѣкомъ говорилъ, письмо онъ приносилъ какъ-то, чай видѣли, такой страшный, глаза такъ и бѣгаютъ. Такъ онъ сказывалъ... что онъ, барышня, выдѣлывалъ, какъ съ женой-то ему разойтись...

Зина вдругъ вскочила, коротко вздохнувъ, точно ей было мало воздуху. Лицо ея сдѣлалось совсѣмъ блѣдно, глаза расширились и странно бѣгали и дрожали, а губы дергались. Неожиданное, неуловимое сходство съ Николаемъ Григорьевичемъ, на котораго она совсѣмъ не была похожа, какъ-то страшно измѣнило ея лицо. Марѳа Андреевна оторопѣла.

— Уйди!.. — задыхаясь и сжимая край подушки, съ выраженіемъ испуга и боли глядя на нянюшку, выговорила Зина съ видимымъ усиліемъ:—зачѣмъ ты...

Но она не могла говорить и остановилась.

— Ты видишь... голова болитъ... Ночь... я...—Но рѣзко звенѣвшій голосъ ея не повиновался ей, и губы тряслись. Она махнула рукой, повернулась къ стѣнкѣ, прижалась къ подушкѣ и замолчала.

— Матушка... виновата... Я и не знала. Не буду, не буду...—смущенно произнесла Марѳа Андреевна.

Однако она не пошла изъ комнаты. Отыскавъ старенькій пледъ, купленный много лѣтъ тому назадъ въ англійскомъ магазинѣ и служившій постоянно Николаю Григорьевичу, какъ и его старая шляпа, неопровержимымъ доказательствомъ того, какъ дорогія вещи прочны, она съ серьезнымъ и озабоченнымъ, невеселымъ лицомъ начала укрывать свою барышню.

— Я устала... Ты извини... я больна...—тихо, съ визгливыми нотами въ голосѣ, выговорила Зина. Марѳа Андреевна видѣла, какъ плечи ея дрожали, и продолжала укрывать ее.

— А я такъ,—говорила она серьезно и спокойно:—къ слову пришлось. Худого я ничего не сказала... А такъ-то.

Она нагнулась къ Зинѣ и, глядя на високъ ея спрятаннаго въ подушку лица, осторожно, сморщенною и жесткою отъ стирки, до которой была страстная охотница, рукой погладила ея мягкіе волосы.

— Подальше отъ нихъ, матушка, надо, — сказала она съ усмѣшкой.

Плечи Зины перестали вздрагивать, и она, немного погодя, спросила голосомъ, какимъ говорятъ въ сильномъ насморкѣ:

— Отъ кого подальше?

— Нѣтъ, отъ мужчинъ-то, я говорю, — спокойно повторила нянюшка.—Право. Грѣхъ одинъ.

Зина засмѣялась короткимъ и напряженнымъ смѣхомъ.

— Тоже мало изъ ихняго брата хорошихъ-то, — продолжала Марѳа Андреевна.—Конечно, хорошій человѣкъ присватается, на что лучше. А держать-то себя подальше надо, первая вещь. Небось, помните тетеньку-то вашу, Марью Аркадьевну. Бывало, скажетъ: „съ ними“, скажетъ, „няня, тоже съ остраткой надо, какъ сказать... поосторожнѣй, а то, чего добраго, всю жисть недолго испортить“. Что жъ, вѣдь истинная правда...

Наступило молчаніе, слышно было только, какъ шумѣлъ дождь. Плечи Зины опять поминутно принимались дрожать и все лицо ушло въ подушки. Марѳа Андреевна выпрямилась и, задумавшись, глядѣла своими старчески-выцвѣтшими, слабыми глазами въ тусклое, все облитое дождемъ окно. На черты ея стараго, увядшаго лица легло серьезное, почти строгое и одухотворенное выраженіе.

— Хорошая была барышня, царство небесное, — нѣсколько торжественно произнесла она.—Дѣвушка была, не замужняя,—помолчавъ, продолжала она и вдругъ, усмѣхнувшись, прибавила уже совсѣмъ другимъ тономъ, тѣмъ особеннымъ, добродушно-презрительнымъ тономъ, какимъ старые люди такъ часто говорятъ съ легкомысленною и неопытною молодежью. — Вы вѣдь извѣстно, барышня, ничего не понимаете, а вѣдь это—великое дѣло!

Когда Зина успокоилась, вытерла слезы и подняла голову, Марѳы Андреевны уже не было въ комнатѣ.

Она снова легла и снова начала плакать. Старая нянюшка чѣмъ-то окончательно разстроила ее, и она не могла унять слезъ. Она

уже думала не о томъ, почему Торжицкій не ѣдетъ, и что онъ дѣлаетъ на дачѣ у княгини Пронской. Что-то гораздо болѣе серьезное и горькое возмущало всю ея душу.

— Такъ больше нельзя, пусть это кончится,—думала она.

Она еще чувствовала всѣ движенія нянюшки около себя, прикосновеніе ея старыхъ рукъ и особенный, смѣшанный и слабый запахъ деревяннаго масла, кухни и стараго платья, который сильно напоминалъ ей дѣтство. Ей вспоминалось сегодня, какъ, бывало, она укрывала ее въ дѣтствѣ, приговаривая: „Вотъ такъ... славно... Теперь почивай себѣ, матушка, какъ у Христа за пазушкой“. Вспоминалось это чувство необыкновенной уютности и полной безопасности, которое испытывала она, ёжась и разглядывая знакомые предметы при слабомъ свѣтѣ лампадки, точно въ самомъ дѣлѣ она была не подъ своимъ жиденькимъ вязанымъ одѣяломъ, а подъ защитою рубища, одно прикосновеніе къ которому исцѣляло страшныя человѣческія язвы. Вспомнила тетю Машу, начало этой весны, съ голубымъ, тревожнымъ небомъ, и тоска забрала ее еще сильнѣе. То, что она испытывала, тотъ безотчетный страхъ, боязнь утратить все, чѣмъ она вотъ уже сколько времени жила, эти свиданія, которыхъ онъ требовалъ, чувство страсти, не дававшее ей покоя,—въ первый разъ сознательно ужаснули ее, и ей показалось, что надо освободиться отъ этого гнета и опомниться.

Она не спала уже нѣсколько ночей; голова ея отяжелѣла отъ слезъ и болѣла. Когда она закрыла глаза, набѣгавшая дремота, полная какихъ-то сонно-крикливыхъ образовъ и возгласовъ, начала путать ея мысли. Но, должно быть, ей не судьба была отдыхать.

Она не знала, что именно разбудило ее, но почувствовала, проснувшись, что домъ вдругъ наполнился движеніемъ, что что-то случилось, нарушилось теченіе каждодневной жизни. Потомъ сквозь закрытыя, но вздрагивающія отъ сквознаго вѣтра двери долетѣлъ до нея голосъ дяди:

— Господи! Въ этакую-то погоду! Ужъ вотъ не могли ждать!

Зина вскочила, задыхаясь отъ частаго біенія сердца, бросилась къ зеркалу и начала приводить въ порядокъ волосы. Зеркало отразило безкровное, перепуганное и почти безумное лицо, и въ комнатѣ слышно было, какъ она скоро и прерывисто дышала. Но и комната эта, и окно съ ручьями воды, и весь міръ уже казались ей другими. Неудержимая радость ожидаемой встрѣчи, которая всего минуту назадъ казалась ей совершенно невозможною, нахлынула на нее, какъ волна, и, какъ волна, смыла

въ душѣ ея все, что̀ ее наполняло до сихъ поръ. Безчисленное множество мыслей и представленій съ необыкновенной быстротой смѣнялись въ ея головѣ... Она не знала, что ему скажетъ, что будетъ дѣлать, что, вообще, ждетъ ее; но знала, что передъ свиданіемъ съ нимъ всѣ эти вопросы уже потеряли все свое значеніе.

За стѣною слышались приближающіеся шаги и голоса. Одинъ голосъ былъ женскій. Не давая себѣ времени разочароваться, Зина бросилась къ двери, открыла ее и очутилась въ объятіяхъ Ольги Петровны Зарубиной.

— У меня такое количество мыслей все это время... ужасъ! Я такъ рада, что можно было устроиться... ты не можешь себѣ представить!—говорила она, входя, вмѣстѣ съ Зиной, въ комнату и задыхаясь:—понимаешь... мы не видались съ тобой... сколько? Меньше мѣсяца, но я во многомъ такъ перемѣнилась... Я тебѣ все разскажу... я все время читала Достоевскаго... Братья Карамазовы... Ахъ, вѣдь это... Ну, да потомъ мы поговоримъ.. Батюшки, я вся мокрая!

Она, точно, была вся замочена дождемъ. Съ гуттаперчеваго плаща ея капали струи воды на ручной чемоданчикъ, который она держала. Поля черной соломенной шляпы намокли и опустились, мокрая прядь волосъ выбилась напередъ, а губы морщились отъ веселаго и задорнаго смѣха.

— Ужасъ! Въ пролетку все время заливало... Просто адъ. Чуть ось не сломалась у извозчика. Вѣтеръ!..—раздѣваясь, продолжала Ольга.—Мы съ Пашей, и пробудемъ у васъ нѣсколько дней. Онъ хочетъ посовѣтоваться о воинской повинности. Мама изъ себя выходитъ, зачѣмъ онъ поступаетъ въ солдаты, а по моему, такъ хорошо! Сближеніе съ народомъ, вѣдь это важнѣе всего на свѣтѣ. Какъ они этого не понимаютъ? Они насъ научатъ тому, чего нигдѣ не найдешь... И Лили за него, поэтому у насъ вѣчныя исторіи. Лили пріѣдетъ къ тебѣ, а я ужъ теперь. Надо причесаться... Господи, какая я растрепанная! Постой, тебѣ письмо. Гдѣ оно? Вотъ, нашла. У васъ дали, въ домѣ, мы заѣхали...

Зина все еще не могла придти въ себя. Она сидѣла у стола, поддерживая голову, и съ растерянной улыбкой на блѣдномъ лицѣ слушала Ольгу. Но того, что она говорила, не понимала.

Письмо оказалось отъ отца. Зина распечатала его дрожавшими руками и мелькомъ пробѣжала. Николай Григорьевичъ находился въ періодѣ сильной мнительности и жаловался, что не знаетъ, когда можно будетъ пріѣхать за ней, такъ какъ выхо-

дить затрудненіе съ отпускомъ; въ концѣ онъ разсуждалъ что-то о неоцѣненныхъ свойствахъ русскаго мужика, при всей его дикости, и сообщалъ, что на него обидѣлся предводитель дворянства за остроту, сказанную на офиціальномъ обѣдѣ. „Не виноватъ же я, матушка, что на ворѣ шапка горитъ!—писалъ онъ:—а впрочемъ, чортъ съ ними со всѣми, была бы ты у меня здорова!“

— Я вообще нахожу, что всякія путешествія очень полезны,—говорила, между тѣмъ, Ольга, сидя передъ зеркаломъ и наскоро расчесывая свои волосы: — ничего нѣтъ полезнѣе, какъ выдти на время изъ привычной обстановки, которая втягиваетъ. Вѣдь и вся наша жизнь, въ сущности, есть только обстановка, извѣстное условіе, проявленіе бытія, я увѣрена.

Но Зина не слушала ее.

Теперь, послѣ пережитаго ощущенія встрѣчи съ нимъ, испуга и радости, отъ которыхъ еще блѣдно было ея лицо, ее всю наполняло только одно опредѣленное чувство. Чувство это было—нѣжность къ нему, внезапно, съ необыкновенной силой охватившая ее, не требующая никакихъ логическихъ доводовъ, неожиданная, безсмысленная нѣжность. За то, чтобъ увидѣть теперь лицо, которое она уже готова была встрѣтить, почти видѣла, она бы отдала все на свѣтѣ. Все равно, отчего онъ не ѣхалъ, что дѣлалъ тамъ, и съ кѣмъ былъ, и хорошо это было, или дурно. Если даже онъ не любилъ ее, ей оттого не менѣе необходимо было видѣть черты лица, которыя имѣли за собой страшное преимущество и силу—то, что она почему-то не могла не любить ихъ. Слушая безконечные разсказы Ольги, глядя на нее и ничего не слыша, она съ усиліемъ соображала, что отецъ хочетъ увезти ее отсюда и говоритъ объ этомъ, какъ о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ, что никто, рѣшительно никто не подозрѣваетъ о томъ, чѣмъ все время она живетъ.

Въ сущности, въ самомъ дѣлѣ, не случилось еще ничего, что бы должно было измѣнить условія ея жизни, положить, наконецъ, предѣлъ всему прежнему, давно для нея оконченному, начать новое. И страстное желаніе развязаться, какъ можно скорѣе, съ этимъ тяжелымъ, ложнымъ положеніемъ, перейти какую-то черту, за которой, казалось ей, все было другое, и уже не было возврата, охватывало ее неопредѣленною, но необузданною рѣшимостью.

К. Ельцова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПО КОЧЕВЬЯМЪ ЗАБАЙКАЛЬСКИХЪ БУРЯТЪ.

II.

Какъ крещеные инородцы относятся къ бурятамъ-ламаитамъ.—Что представляетъ собою современное инородческое управленіе.—Любопытный эпизодъ.—Поземельный вопросъ у хоринскихъ бурятъ.—Почему «ноёны» бурятскіе такъ ратуютъ за свою старину.—Почему буряты такъ сильно возстаютъ противъ распространенія на нихъ всеобщей воинской повинности.—Міроѣдство бурятскихъ родоначальниковъ.—Поучительная иллюстрація.—Какъ содержится архивъ въ хоринской степной думѣ.—Бурятская свадьба. — Лама-аскетъ; его смерть и погребеніе. — Шапзаба — главный тайша хоринскихъ бурятъ.—Необыкновенный фактъ, объясняемый весьма просто.

Остановился я на земской квартирѣ. Квартира очень недурно обставлена, и я съ удовольствіемъ расхаживалъ по ея свѣтлому, просторному залу послѣ 10-ти-дневнаго шатанія по бурятскимъ юртамъ.

Степная дума населена преимущественно крещеными инородцами. Живутъ въ ней на окраинѣ также нѣсколько бурятскихъ семействъ, но все это бѣднота. Тонъ задаютъ «крещеные», среди которыхъ есть очень зажиточные люди, какъ, напр., содержатель земской квартиры К.

Какъ и селенгинскіе крещеные инородцы, они всѣ говорятъ прекрасно по-бурятски, очень близки къ бурятамъ по своимъ вкусамъ и привычкамъ, но какой-то затаенный антагонизмъ между этими отраслями однихъ и тѣхъ же родовъ чувствуется сразу. Молодежь крещеныхъ инородцевъ принимаетъ участіе въ бурятскихъ вечеркахъ, «дѣвки» вмѣстѣ съ бурятскими «бацаганами» ходятъ вокругъ костра, поютъ бурятскія пѣсни, знаютъ всѣ обычаи и пріемы. Состоятельный бурятъ на всякій выдающійся семейный праздникъ обязательно пригласитъ между прочими родными и родственниковъ изъ крещеныхъ инородцевъ; но все это не мѣшаетъ существованію между двумя различными по религіи группами инородцевъ затаенной вражды.

Я не ошибусь, кажется, если скажу, что крещеные инородцы смотрятъ на себя, какъ на покровительствуемыхъ, которымъ не должно быть отказа ни въ чемъ: вѣдь они православные, а не язычники; и это настроеніе «карымовъ» сказывается очень сильно во всѣхъ житейскихъ ихъ отношеніяхъ къ бурятамъ-ламаитамъ. Послѣдніе, въ свою очередь, чувствуютъ нутромъ, въ чемъ суть и въ общемъ смотрятъ довольно-таки косо на крещеныхъ. Они увѣрены, что крещеный уже не упуститъ случая напакостить имъ.

Признаюсь, я позволилъ себѣ извлечь нѣкоторую пользу изъ этой вражды «карымовъ» къ бурятамъ-ламаитамъ. Мнѣ казалось, что крещеные инородцы должны мнѣ сообщить много вещей, которыя почти всѣ буряты, по своему неразумію, скрываютъ тщательно, и я заранѣе рѣшилъ разспросить свѣдущихъ карымовъ о нѣкоторыхъ оставшихся для меня невыясненными обычаяхъ бурятъ, помня, конечно, твердо, что къ сообщеніямъ крещеныхъ инородцевъ слѣдуетъ относиться весьма критически.

— Скажите,—обратился я къ одному вліятельному «карыму»:—какъ у васъ инородческій судъ, все ли по-старому происходитъ — разбираютъ дѣла родоначальники съ почетными родовичами, или послѣдніе оставляются въ покоѣ?

— Какіе тамъ почетные старики! Теперешнее инородческое управленіе—это сплошной произволъ. Вмѣсто суда общественнаго, вы вездѣ встрѣтите самоличный судъ старосты или головы. Что они хотятъ, то и дѣлаютъ. Начальники все тянутъ за богатыхъ да за «ноёновъ». Это просто несчастіе, а не управленіе.

Такая рѣзкая характеристика инородческаго суда заставила меня усомниться въ справедливости словъ моего собесѣдника; но то же самое, даже не въ болѣе мягкой формѣ, слышалъ я впослѣдствіи отъ многихъ бурятъ, особенно бѣдняковъ, и у меня составилось общее впечатлѣніе самое безотрадное о современномъ степномъ управленіи бурятъ. Цугланъ и почетные старики выступаютъ все рѣже и рѣже на аренѣ правосудія, а головы и старосты попираютъ безнаказанно степные законы, внося въ свой судъ всѣ злоупотребленія, съ которыми неразрывно связана единоличная, никѣмъ не контролируемая власть. Подкупъ, кумовство и самое возмутительное пристрастіе характеризуютъ современное инородческое управленіе.

Неудивительно, что инородцы совершенно извѣрились въ свой степной судъ. Число жалобъ на низшія словесныя расправы и въ хоринскомъ вѣдомствѣ достигаетъ громадной цифры, а русская администрація, къ которой поступаютъ эти жалобы, бо́льшею частью рѣшаетъ ихъ по русскимъ законамъ. Такимъ образомъ инородческое управленіе, столь детально и разумно разработанное уставомъ 1822 года, переживаетъ свои послѣдніе дни и въ хоринскомъ вѣдомствѣ.

Какъ крещеный инородецъ, мой собесѣдникъ стоитъ горой за миссію. По его мнѣнію, успѣхи миссіи такъ невелики потому, что правительство недостаточно поощряетъ ее. Если бы всякому желающему креститься буряту правительство выдавало средства на обзаведеніе хозяйствомъ, домомъ, скотомъ и т. д., то крещеныхъ было бы гораздо болѣе, чѣмъ теперь. Эта теорія довольно-таки рѣзко расходится со взглядами Христа, который не только не платилъ людямъ за то, что они принимали его ученіе, но, какъ извѣстно, требовалъ, чтобы они сами отказались отъ своего богатства и роздали его бѣднымъ; зато

за моимъ собесѣдникомъ нельзя не признать нѣкоторой оригинальности.

Изъ устъ этого же интереснаго человѣка я узналъ прелюбопытный эпизодъ изъ исторіи хоринскихъ бурятъ.

Въ 1849 г. была подожжена хоринская степная дума. Послѣ тщательнаго дознанія подозрѣніе пало на бывшаго главнаго тайшу хоринскихъ бурятъ Дынбылова. Его арестовали. Отецъ разсказчика служилъ при думѣ и послѣ ареста Дынбылова тайно переносилъ письма послѣдняго къ священнику С. Поджогъ, оказывается, былъ сдѣланъ Дынбыловымъ по уговору съ С., въ расчетѣ захватить деньги, хранившіяся въ думѣ во время пожара, подбросить ихъ всѣмъ родовымъ головамъ, донести на нихъ, что они подожгли думу, сдѣлать у нихъ всѣхъ обыскъ, найти деньги и поставить имъ альтернативу: или пойти подъ судъ, или креститься. Въ послѣднемъ случаѣ С. и Дынбыловъ разсчитывали выхлопотать прощеніе ни въ чемъ не повиннымъ бурятамъ. Но этотъ планъ не удался. Арестованный Дынбыловъ все спрашивалъ у С. совѣта, какъ себя держать на допросѣ; на это С. неизмѣнно отвѣчалъ: «отпирайся отъ всего». Но Дынбыловъ во всемъ сознался, и слѣдователь, подозрѣвавшій участіе С. въ поджогѣ, продиктовалъ Дынбылову письмо къ С., желая поймать послѣдняго по отвѣту. Это письмо, какъ и всѣ прочія, доставилъ С. отецъ разсказчика. Но лишь только С. прочиталъ полученное письмо, онъ воскликнулъ: «Ишь, мерзавецъ, сознался! Это ему слѣдователь диктовалъ письмо. Дынбыловъ не можетъ такъ писать! Ну, меня не проведешь, я сжегъ семинарію съ семинаристами, и то меня не уличили». И сѣвъ, онъ написалъ отвѣтъ лѣвой рукой: «отпирайся отъ всего». Привлеченный къ допросу, С. отрекся отъ записки, показавъ, что она не его рукой писана. Все это есть точный пересказъ отца моего собесѣдника, бывшаго очевидцемъ послѣдней сцены и знавшаго всѣ подробности этого въ свое время надѣлавшаго шума дѣла.

Познакомился я съ родовымъ головой В. Это одинъ изъ вліятельнѣйшихъ и просвѣщенныхъ бурятъ хоринскаго вѣдомства. Онъ пользуется среди своихъ родовичей громаднымъ вѣсомъ, два раза ѣздилъ депутатомъ въ Петербургъ, много видалъ, не мало читалъ, говоритъ очень недурно по-русски. Поданное мною ему письмо отъ Н. насъ сразу вводитъ въ область самаго жгучаго и серьезнаго вопроса бурятской жизни—вопроса поземельнаго.

— Скажите, почему я вездѣ только и слышу, что о тяжбахъ вашихъ изъ-за земли?—спрашиваю я В., серьезно удивляясь слишкомъ одностороннему настроенію представителей бурятскихъ.—Точно бурятамъ ничего, кромѣ земли, не нужно! Точно у нихъ другихъ нуждъ нѣтъ!

В. сознается, что, понимая отлично, какъ нужно бурятамъ просвѣщеніе, какъ много у нихъ неурядицъ, они, лучшіе люди изъ бурятъ,

не могутъ пока ничего сдѣлать для своихъ собратьевъ: поземельный вопросъ поглотилъ все, всѣ средства, всю энергію ихъ, всѣ силы ума.

И это на самомъ дѣлѣ такъ. Споры изъ-за земли съ крестьянами и казенными учрежденіями начались у бурятъ чуть ли не со дня перехода ихъ въ русское подданство. Да иначе оно и не могло быть. Буряты себя считали собственниками всѣхъ занятыхъ ими земель; русское же правительство имѣло широкіе виды колонизаціи вновь завоеваннаго края. Такимъ образомъ каждая пядь земли, которая отрѣзывалась администраціей для русскихъ переселенцевъ, считалась бурятами насильственно у нихъ захваченной. Они тѣмъ болѣе имѣли право такъ думать, что цѣлымъ рядомъ указовъ и грамотъ высшее правительство укрѣпляло за ними *всѣ* занимаемыя имъ земли. Но жизнь не признавала намѣченныхъ на бумагѣ границъ. Крестьяне и казаки множились, и, нуждаясь въ землѣ, видя передъ собою необъятныя пространства ея, только изрѣдка посѣщаемыя кочевниками, они безцеремонно селились на инородческихъ земляхъ, давая этимъ поводъ къ безчисленнымъ спорамъ и тяжбамъ, которыми завалены архивы забайкальскихъ учрежденій. Инородцы, конечно, не жалѣли средствъ, чтобы отстоять свои права. Подъ предлогомъ веденія тяжебъ о земляхъ дѣлались безпрестанные поборы, собирались громадныя суммы, которыя на самомъ дѣлѣ уходили на умасливаніе разныхъ начальниковъ, землемѣровъ, ревизоровъ, дабы они не тормозили дѣла или не рѣшали его въ пользу противной стороны, тоже, конечно, за приличное вознагражденіе. Само собою разумѣется, что немалая часть собиравшихся денегъ оставалась въ карманахъ довѣренныхъ отъ бурятъ. Эти поборы такъ часто налагались и такъ долго практикуются, что простой народъ бурятскій сталъ серьезно роптать на своихъ довѣренныхъ, не видя конца этой своеобразной дани.

Исторія и формальный законъ несомнѣнно за бурятъ. Неоднократно ихъ права на земли съ точнымъ обозначеніемъ границъ утверждались высочайшею властью, признавались внѣ спора; но жизнь противъ нихъ, а нравственное право также не всегда за нихъ. Что жизнь противъ бурятъ, ясно доказываетъ тотъ фактъ, что, не смотря на высочайшія грамоты, крестьяне систематически захватывали большіе участки земли у бурятъ, селились на нихъ, обзаводились хозяйствомъ и въ концѣ-концовъ дѣлали всякое возстановленіе нарушеннаго права невозможнымъ, вслѣдствіе возникновенія цѣлой массы новыхъ правовыхъ отношеній на почвѣ незаконно занятыхъ у бурятъ земель.

А что нравственное право также не всегда на сторонѣ бурятъ, убѣждаетъ слѣдующее. Основной доводъ бурятъ, въ силу котораго они претендуютъ на дѣйствительно громадныя пространства земли, заключается въ томъ, что они, какъ кочевой народъ, нуждаются въ большихъ площадяхъ для перекочевокъ; что имъ нужны большіе участки земли для сѣнокошенія, заготовленія корма скоту, который составляетъ основу

ихъ хозяйства. Доводы эти весьма серьезные и ярко характеризуютъ всю разницу между культурой кочевой и земледѣльческой. Но что мы видимъ на самомъ дѣлѣ? Какъ распредѣляются земли между бурятами? Земля хоринскихъ бурятъ находится въ совмѣстномъ владѣніи всѣхъ 11-ти племенъ хоринскаго вѣдомства. Хлѣбопахатныя и сѣнокосныя площади дѣлятся на паи по ревизскимъ душамъ. Паи формально должны быть раздѣлены равномѣрно. Но не такъ оно бываетъ въ жизни. 34 года уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ была произведена 10-ая ревизія. Масса ревизскихъ душъ умерла. Ихъ паи обыкновенно отдавались тѣмъ, кто въ состояніи былъ уплачивать подати и повинности за умершихъ. На это, конечно, въ большинствѣ случаевъ были способны только болѣе состоятельные. Такимъ образомъ въ рукахъ небольшой кучки бурятъ постепенно концентрировались остававшіеся свободными паи. Но этого мало. Послѣ каждаго неурожайнаго года, падежа скота или частнаго разстройства болѣе потерпѣвшіе принуждены уступать на болѣе или менѣе продолжительное время свои земельные паи болѣе состоятельнымъ, отчасти затѣмъ, чтобы поправить свои дѣла на полученную арендную плату, а отчасти потому, что имъ не подъ силу вспахать свой участокъ или скосить свой покосъ. Словомъ, процессъ обезземеленія наибѣднѣйшихъ бурятъ и сосредоточенія многихъ земельныхъ участковъ въ рукахъ отдѣльныхъ богачей совершается безостановочно, и, незамѣтно пока для глазъ, на обширныхъ возбуждающихъ изумленіе путешественниковъ земляхъ бурятъ зарождается безземельный пролетаріатъ. Есть районы, въ которыхъ хлѣбопашество уже теперь представляетъ главную основу бурятскаго хозяйства вслѣдствіе тѣсноты, вслѣдствіе невозможности содержать много скота. Пройдутъ еще годы, районъ хлѣбопашества еще увеличится, станетъ еще тѣснѣе; тогда всѣ буряты, отдавшіе свои хлѣбопахатныя земли богачамъ въ надеждѣ прокормиться однимъ скотомъ, окажутся настоящими нищими, а богатые буряты станутъ обладателями, къ счастью только временными, громадныхъ площадей самой лучшей земли. Такова, по моему, перспектива, ожидающая бурятъ, если все будетъ идти теперешнимъ путемъ...

Но, стоя на почвѣ закона, буряты имѣютъ неоспоримое право требовать, чтобы сила ихъ указовъ и грамотъ поддерживалась подлежащими властями; стоя на почвѣ закона, нельзя допускать, чтобы *всякій*, у кого только хватаетъ духу на насильственное вторженіе въ право бурятъ, спокойно пользовался плодами своего насилія... Хоринскіе буряты, конечно, ошибаются, думая, что, разъ упрочивъ за собою права на землю, они сохранятъ старину. Они теперь съ трепетомъ ждутъ высочайшей грамоты, которая бы подтвердила снова все признанное за ними императоромъ Петромъ I, императрицей Елизаветой Петровной и императоромъ Александромъ I. Пока этой гарантіи у нихъ нѣтъ, они боятся всего. Они думаютъ, что имъ грозитъ опасность

только со стороны ревизоровъ и чиновниковъ, настроенныхъ враждебно противъ нихъ. Они глубоко ошибаются. Имъ грозитъ гораздо бо́льшая опасность со стороны безпрерывнаго движенія жизни, и грамота ихъ навряд ли предохранитъ отъ него, ибо при первой необходимости сила столь страстно желаемой ими гарантіи можетъ быть парализована новымъ закономъ той же высшей власти. Не остановилась она передъ уничтоженіемъ привилегій дворянства въ 1861 г. и не остановится передъ привилегіями бурятъ...

И диву только можно даться, за какую старину стоятъ бурятскіе «ноёны» горой! Патріархальной ихъ старины почти и помина нѣтъ, а отъ ихъ родовой организаціи остались одни обломки. Остался въ силѣ, и то въ нѣкоторыхъ лишь мѣстахъ, прежній экономическій бытъ—пастушеская кочевая культура. Къ этому экономическому строю бурятъ какъ администраторъ, такъ и законодатель должны относиться въ высшей степени серьезно; онъ нуждается въ самомъ пристальномъ наблюденіи и внимательномъ изученіи, ибо разъ кочевая культура существуетъ у многихъ бурятъ, разъ она представляетъ еще собой могущественный жизненный факторъ—она не можетъ быть внезапно передѣлана или упразднена безъ гибельныхъ послѣдствій для этихъ бурятъ. Она нуждается въ естественномъ, органическомъ и медленномъ приспособленіи къ новымъ экономическимъ формамъ, которыми она раньше или позже безусловно должна быть поглощена... Но та кучка привилегированныхъ бурятъ, которая ратуетъ за сохраненіе старины, вовсе не это имѣетъ въ виду. Степные обычаи они сами упраздняютъ, попирая ихъ на каждомъ шагу; подъ патріархальную культуру они сами подкапываются изо дня въ день,—нѣтъ, мотивы господъ «ноёновъ» совсѣмъ другіе. Знамя старины для нихъ только ширма, за которой довольно прозрачно виднѣются совершенно другія вожделѣнія. Психологія этихъ поборниковъ стараго порядка—страшно эгоистическая психологія. Имъ просто хочется подольше пользоваться льготами, дарованными бурятамъ при исключительныхъ обстоятельствахъ, льготами, которыя они, «ноёны», съумѣли повернуть чуть ли не всѣ въ свою пользу. Взять хоть льготу по отбыванію воинской повинности. Буряты просто не желаютъ отбывать ея. Нѣтъ сомнѣнія, что, какъ кочевники, буряты не привыкли къ скученной жизни, и казарменная обстановка можетъ оказаться для многихъ изъ нихъ гибельной; они не знаютъ русскаго языка, и служба для нихъ будетъ очень тяжела. Все это серьезныя основанія, чтобы чрезвычайно осторожно распространять на инородцевъ воинскую повинность. Такими же мотивами, очевидно, руководствовалась комиссія, составлявшая уставъ о воинской повинности 1874 г. Обсуждая вопросъ о распространеніи воинской повинности на инородцевъ, она нашла необходимымъ отложить окончательное рѣшеніе его впредь до выработки особеннаго положенія для инородцевъ. И надо полагать, что коммиссія имѣла именно въ виду изучить во всѣхъ подробностяхъ условія жизни

инородцевъ и способы, при помощи которыхъ можно было бы ихъ привлечь къ всеобщей воинской повинности, не нанося имъ чувствительнаго вреда. Но буряты просто спокойно не могутъ думать о томъ, что ихъ въ правѣ привлечь къ воинской повинности. Гордясь кичливо всякимъ знакомъ отличія, считая себя счастливыми, когда имъ выдаются кортики, медали для ношенія на шеѣ, похвальные листы, высочайшія награды, не упуская ни единаго случая выражать свои вѣрноподданническія чувства, эти самые буряты не хотятъ понять, что воинская повинность есть не только повинность, но и право, нравственный долгъ. Почему въ Россіи лица всѣхъ сословій, классовъ и званій посылаютъ своихъ дѣтей въ солдаты, а они, буряты, должны быть освобождены отъ рекрутской повинности — надъ этимъ они, вѣроятно, не задумывались. Что солдатчина явится очень сильнымъ факторомъ разложенія современныхъ устоевъ бурятской жизни, не подлежитъ сомнѣнію, но эти устои и такъ разлагаются; замѣчательно, что сильнѣе всѣхъ ратуютъ противъ воинской повинности не простые, бѣдные буряты, а тѣ немногіе, которые боятся, чтобы новая струя жизни не снесла всѣхъ условій, на которыхъ зиждется ихъ теперешнее благополучіе. А между тѣмъ эти условія настолько же гибельны для бѣдной массы бурятъ, насколько дороги привилегированнымъ «ноёнамъ».

Печальнѣе всего то, что самые вредные міроѣды и кулаки бурятскіе чаще всего стоятъ у власти, занимаютъ важныя выборныя должности. Такимъ образомъ въ рукахъ кулаковъ и ростовщиковъ сосредоточивается и формальная власть, и та всесокрушающая фактическая сила, которой обладаетъ всякій міроѣдъ.

Ростовщичество—это язва, которая довела, кажется, массу бурятскую до полнаго безсилія. Ростовщичество—универсальное средство эксплуатаціи. При помощи его отнимаются у бѣдняка и скотъ, и земли, при помощи его и сами люди поступаютъ часто въ кабалу, немногимъ уступающую рабству. 5—10% въ мѣсяцъ—это божескій процентъ; часто онъ доходитъ до 20, поднимается до 50 и достигаетъ иногда до 100% въ недѣлю. Деньги бѣднякъ рѣдко видитъ, ему все больше выдаютъ въ долгъ товаръ, часто гнилой, за который къ тому ставятъ безбожныя цѣны. Если онъ вовремя не уплатитъ долга, ему предлагаютъ отработать его, но на условіяхъ, которыя возмущаютъ своей безсердечностью. И этимъ постыднымъ ремесломъ занимаются не исключительныя какія-либо личности, а громадное большинство бурятскихъ головъ, старостъ и вообще «почетныхъ родовичей». Для нихъ не существуетъ ни обычнаго права, предписывающаго брать не больше 6% въ годъ, ни русскаго закона.

Передъ мысленнымъ моимъ взоромъ проходитъ цѣлая галлерея такихъ родоначальниковъ, но я остановлюсь на одномъ случаѣ, въ высшей степени ярко рисующемъ въ деталяхъ процессъ обезземеленія и обиранія бѣдныхъ бурятъ ихъ міроѣдами. Этотъ случай я извлекъ изъ

жалобы одного бурята, при чемъ справедливость жалобы подтвердили 5—6 его соулусниковъ.

Былъ голодный годъ, и инородецъ Б. обратился къ помощнику головы С. съ просьбой ссудить ему 7 п. хлѣба и кусокъ дабы. С. выдалъ ему хлѣбъ по 2 р. 40 коп. за пудъ, а кусокъ дабы оцѣнилъ въ 4 р.; всего онъ выдалъ Б. товара въ долгъ на 20 р. 80 к. на годъ. Но Б. не смогъ уплатить своего долга къ сроку. Отъ какой-то повальной болѣзни у него палъ почти весь скотъ, и онъ остался нищимъ. Тогда С. отсрочилъ долгъ еще на годъ, положивъ 50 к. процента на рубль. Дѣла Б. не поправились, и онъ не былъ въ состояніи уплатить за разъ С. весь долгъ въ 31 руб. 20 коп.; онъ отдалъ С. яловую корову и 1 дес. поливного покоса на 7 лѣтъ, обязавшись притомъ въ теченіе всего этого времени траву скашивать, ставить въ копны и свозить сѣно къ С. въ стойбище. Прошелъ еще годъ. Процентъ наростаетъ. Б. привозитъ С. 20 п. хлѣба, но послѣдній, по случаю урожайнаго года, принимаетъ отъ должника хлѣбъ по 15 к. за пудъ. Въ слѣдующемъ году С. насильно отнимаетъ у Б. его лѣтнюю юрту. С. нарушилъ прямой законъ, запрещающій забирать юрту и нѣкоторыя необходимыя принадлежности ея въ счетъ долга. Не обращая вниманія на вопли Б., С. велѣлъ людямъ снести юрту и увезти ее; буряты ему повиновались со страха, хотя знали, что онъ превышаетъ свою власть. Оставшись безъ юрты, Б. вынужденъ былъ провести лѣто въ какомъ-то дырявомъ балаганѣ. Но мѣра страданій его еще не переполнилась. Слѣдующей осенью С. получаетъ съ него 3-хъ барановъ и забираетъ на 10 лѣтъ послѣднія $2^1/_2$ дес. пахатной и покосной поливной земли его. И послѣ всего этого С. еще считаетъ за Б. 28 р. долга. Спрашивается, можетъ ли Б. когда-нибудь вылѣзть изъ неоплатнаго долга? Конечно, нѣтъ. Скота у него нѣтъ, земля у него отнята, самъ онъ закабаленъ на работу на покосѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ долгъ съ процентами будетъ увеличиваться, и Б. найдетъ покой отъ мученій С. только тогда, когда судьбѣ благоугодно станетъ переселить его душу въ другое существо.

Неудивительно, что бурятскіе ноёны такъ быстро богатѣютъ, что многіе изъ нихъ хранятъ въ банкахъ десятки тысячъ рублей и обладаютъ громадными стадами скота и массой десятинъ земли...

Явились ко мнѣ временно завѣдывающій архивомъ аниской степной думы Т. и помощникъ письмоводителя степной думы Д.

— Что, какъ у васъ въ архивѣ, можно найти что-нибудь интересное о прошломъ бурятъ?—спрашиваю я Т.

— Сомнѣваюсь.

— А описи есть?

— Въ томъ-то и дѣло, что описей нѣтъ.

— Какъ же вы разбираетесь въ дѣлахъ?

— Да я привыкъ къ этимъ дѣламъ, знаю, гдѣ какая папка стоитъ,— скромно заявляетъ Т.

— Безъ «нихъ» мы не знали бы, что и дѣлать съ архивомъ,— вмѣшался Д.:—«они» единственный человѣкъ, который можетъ еще что-нибудь розыскать среди кучи дѣлъ.

— Ну, такъ какъ же?—спрашиваю я Т., недоумѣвая.

— А вамъ какія дѣла нужны?

Я объясняю, какія приблизительно дѣла могли бы для меня представить интересъ.

— Хорошо, я поищу, — сказалъ Т., внимательно выслушавъ мое объясненіе.

Мнѣ показалась очень забавной такая манера работать надъ архивными дѣлами. Но Т. серьезно принялся за работу, и много дней подрядъ мы съ нимъ глотали пыль, онъ—добывая папки изъ архива, а я—перелистывая дѣла.

Напрасная трата времени! Дѣла до 1849 г. сгорѣли, а самые интересные документы за послѣдующіе годы расхищены: завѣдующаго архивомъ не было, и всякій, кто хотѣлъ, вырѣзывалъ изъ папокъ листы, которые казались ему почему-либо интересными.

Каждое утро Т. неизмѣнно является ко мнѣ съ кучею дѣлъ и вопросомъ: «Ну, какъ, нашли что-нибудь?»—и каждое утро я неизмѣнно вынужденъ ему отвѣчать съ грустью: «Нѣтъ, ничего не нашелъ». Зато самъ Т. буквально изображалъ собою живой ходячій архивъ: стоило только вспомнить о какомъ-нибудь событіи, происшедшемъ на его памяти, какъ онъ тотчасъ же воскрешалъ его во всѣхъ деталяхъ, чуть ли не называя всѣхъ участвующихъ, указывая ихъ возрастъ, чинъ и общественное положеніе. Онъ—органическій антикварій, любящій старину какой-то особенной любовью, и я не сомнѣваюсь, что Т. былъ бы весьма талантливымъ архиваріусомъ при хорошо устроенномъ архивѣ.

Побывалъ я, наконецъ, на бурятской свадьбѣ. Но прежде чѣмъ описывать свои впечатлѣнія, скажу нѣсколько словъ объ обычаяхъ, предшествующихъ свадьбѣ.

Сватовство обыкновенно начинается у бурятъ со стороны жениха отцомъ его или родственникомъ. Узнавъ предварительно, согласенъ ли отецъ невѣсты отдать ее предполагаемому жениху и подходятъ ли годы невѣсты къ годамъ жениха (это уже опредѣляетъ по книгамъ лама-астрологъ), родные жениха отправляются къ отцу невѣсты съ хадакомъ. Отецъ невѣсты ихъ угощаетъ и во время угощенія объ стороны условливаются о размѣрахъ калыма. Спустя нѣкоторое время, родные невѣсты ѣдутъ къ роднымъ жениха за калымомъ. Невѣста не можетъ участвовать въ этой поѣздкѣ, такъ какъ со дня просватанья обычай запрещаетъ ей встрѣчаться со старшими родными жениха и даже съ самимъ женихомъ. Уплативъ калымъ, родные жениха просятъ назначить время, когда должна состояться свадьба. Разъ время это приблизительно назначено, лама уже по книгамъ опредѣляетъ точно день и часъ увоза невѣсты къ жениху.

За нѣсколько дней до этого момента невѣста съ подругами и молодыми людьми «гуляетъ», т.-е. разъѣзжаетъ по улусамъ, гоститъ у родныхъ и хорошихъ знакомыхъ. Каждый вечеръ при этомъ устраиваются вечерки «наадонъ». Возвращается невѣста домой только наканунѣ того дня, когда ее должны увезти.

Къ этому моменту возвращенія невѣсты домой я торопился пріѣхать, получивъ приглашеніе посмотрѣть богатую свадьбу. Но я опоздалъ, и мнѣ не удалось увидѣть одного очень интереснаго обычая—«плача невѣсты», который происходитъ обыкновенно при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Поѣздъ «гулявшей» съ невѣстой молодежи возвращается домой веселый, возбужденный. Но какъ бы имъ весело ни было, невѣста неподалеку отъ родительской юрты должна поднять плачъ, ея примѣру обыкновенно слѣдуютъ всѣ подруги, и блестящая, веселая кавалькада мѣняетъ внезапно свой видъ и начинаетъ походить на похоронную процессію. Невѣсту снимаютъ съ сѣдла, и вслѣдъ за тѣмъ начинается закуска — угощеніе гостей мясомъ, аракой и чаемъ.

Я пріѣхалъ къ отцу невѣсту, когда начиналась уже закуска. Человѣкъ 150 бурятъ въ праздничныхъ костюмахъ составляли громадный кругъ на просторномъ дворѣ Д. Небольшія порціи мяса уничтожались съ жадностью, а затѣмъ наступила очередь для кирпичнаго чая. Чайники, кувшины, чаши съ чаемъ опорожнялись съ удивительною быстротой. Пока взрослые были заняты своимъ дѣломъ, молодежь тутъ же ихъ развлекала, то бѣганьемъ взапуски, то борьбой. Побѣдители съ гордостью получали свои гривенники или пятаки. Прибѣжавшія первыми лошади внимательно выслушивали похвальное слово, которое имъ читалъ по извѣстному образцу мѣстный чтецъ. Слушали кони патетическій разсказъ, какъ они паслись на чудныхъ, душистыхъ лугахъ, какъ ихъ холили и лелѣяли за ихъ большія достоинства, слушали и только удивлялись человѣческой странности. Никакихъ они душистыхъ луговъ въ жизни не видали, такъ какъ споконъ вѣка паслись на каменистой Шубугуйской степи, а если они иногда и заглядывали въ довольно недурной покосъ своихъ хозяевъ, то имъ за это очень больно доставалось. Зимою ихъ выгоняли изъ дома, и они съ трудомъ добывали себѣ копытами ветошь изъ-подъ снѣга, а на счетъ холи они что-то совсѣмъ мало освѣдомлены, что это за пища такая. Зато публика очень хвалила чтеца, и онъ, подводя послѣднюю лошадь, у которой бока совершенно ввалились, съ азартомъ произнесъ ей такое хвалебное слово, отъ котораго эта лошадь навѣрное краснѣла бы отъ стыда, если бы была только способна краснѣть.

Меня помѣстили въ новой войлочной юртѣ, поставленной для невѣсты. Эта юрта завтра будетъ увезена вмѣстѣ съ невѣстой къ жениху. Въ «шинегырѣ» было положительно все необходимое для молодой хозяйки. И изящный «ширэ» для бурхановъ, и сундуки для одежды.

раскрашенные въ монгольскомъ и китайскомъ вкусѣ, и кровать, и чаши, и таганъ, и ведра, и пр.

Кончилась закуска (шарусунъ) часа въ 4 пополудни, и до вечера молодежь развлекалась разными играми. Были въ числѣ приглашенныхъ родственниковъ Дж. нѣсколько человѣкъ крещеныхъ инородцевъ изъ Хоринской степной думы. Послѣдніе сохраняютъ свой «отокъ» (родъ) и по принятіи православія, подчиняясь по прежнему своимъ родовымъ старостамъ и головамъ, и буряты некрещеные, помня хорошо свое «ягунъ», поколѣніе, непремѣнно приглашаютъ къ себѣ на свѣтскія празднества и крещеныхъ родственниковъ. Инородческаго у послѣднихъ осталось немного; нѣсколько косой разрѣзъ глазъ и выдающіяся скулы. Свѣтло-сѣрые глаза, свѣтло-русые волосы показывали, что славянскій типъ начинаетъ брать верхъ надъ монгольскимъ. Достоенъ вниманія фактъ, что въ хоринскомъ вѣдомствѣ есть крещеные инородцы-раскольники. Въ расколъ они были вовлечены смежно жившими съ ними «семейскими», и мнѣ говорили, что у дѣтей такихъ крещеныхъ бурятъ не осталось почти слѣдовъ монгольскаго происхожденія. Мать семейская такъ сильна, что дѣти, прижитыя сю отъ крещеныхъ бурятъ, почти уже ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ семейскихъ дѣтей.

Я поднесъ невѣстѣ подарокъ и получилъ приглашеніе участвовать на другой день въ поѣздѣ невѣсты въ качествѣ свата. Я охотно принялъ приглашеніе, такъ какъ мнѣ давно хотѣлось увидѣть близко всѣ церемоніи и обычаи, сопровождающіе увозъ невѣсты изъ дома.

Когда стемнѣло, началась послѣдняя вечерка у отца невѣсты. За оградой былъ разложенъ громадный костеръ, и молодежь стала кружить вокругъ него; и всю короткую лѣтнюю ночь окрестныя горы и пади оглашались заунывными пѣснями бурятъ.

Невѣста—совершеннѣйшій ребенокъ. Ей всего лѣтъ 15, но на видъ ей нельзя дать больше 13. На мой вопросъ, предложенный отцу ея, зачѣмъ онъ ее такъ рано отдаетъ замужъ, я получилъ отвѣтъ, что родные жениха его торопятъ. Но другіе факты меня убѣждали, что онъ самъ не прочь поторопиться. Онъ уже успѣлъ просватать свою младшую дочь 14 лѣтъ и найти невѣсту для своего 12-ти-лѣтняго сына, который пока еще учится въ верхнеудинскомъ уѣздномъ училищѣ. Какъ я слышалъ, Дж. намѣренъ черезъ годъ выдать замужъ свою вторую дочь, а черезъ 2 — 3 года женить своего сына, такъ какъ семья останется безъ работницы.

Жена Дж. очень веселая и привѣтливая женщина, которая, при всей суетѣ и бѣготнѣ, умудрялась смѣшить гостей своими шутками до того, что тѣ покатывались со смѣху.

— Что же это ламы наши безъ чаю сидятъ?—восклицаетъ она, и всѣ обращаютъ свои взоры на двухъ пятилѣтнихъ мальчугановъ, добывшихъ откуда-то монгольскую тетрадку и голосящихъ по-ламски,

ничего, конечно, не разбирая въ писанномъ. Всѣ отъ души смѣются— и такъ она все время. Въ юртѣ тѣснота; приходятъ все новые гости; сѣсть имъ негдѣ, и имъ остается только занять мѣсто у дверей, но хозяйка, нисколько не теряясь, бросаетъ имъ радушное привѣтствіе и кричитъ: «садитесь, садитесь, пожалуйста, у дверей и вообразите, что тамъ самое почетное мѣсто».

Послѣ ужина обновляли юрту. По этому случаю въ новую войлочную юрту, гдѣ мы расположились, набралась масса народа. Но первое мѣсто отвели дѣвушкамъ — невѣстѣ и ея подругамъ. Напились онѣ чаю, и одинъ юноша сталъ обводить по конусу юрты двумя костями. «Торогъ! торогъ! торогъ!» — кричитъ онъ, и всѣ дѣвушки при этомъ бросаются изъ юрты; молодухи имъ загораживаютъ выходъ, нѣкоторыя дѣвушки успѣваютъ однако прорваться, но невѣсты уже не выпустятъ, пока юноша не кончитъ всей церемоніи. Таковъ обычай.

Вечерняя закуска прошла очень вяло. Пѣли за ужиномъ пѣсни и одну даже въ мою честь, пѣли также передъ невѣстой очень грустныя пѣсни, которыя ее, впрочемъ, нисколько не тронули. Очевидно, она принимала и гулянье, и «наадонъ», и предстоящій отъѣздъ, какъ развлеченіе.

Разбудили меня въ 5 часовъ утра. Надо было укладывать войлочную юрту. Сборы и укладка приданаго продолжались часа 3. Я досталъ себѣ верховаго коня, чтобы мнѣ удобнѣе было обозрѣвать поѣздъ по пути и сталъ ждать самой интересной минуты—обряда насильственнаго увоза невѣсты. Такъ какъ ожиданіе длилось довольно долго, то я пошелъ гулять въ степь и тутъ натолкнулся на кучу дѣдушекъ (9—10), которыя, сидя на землѣ, сплетались косами. Это была невѣста съ ея подругами. Онѣ убѣжали въ степь, рѣшивъ задать насильникамъ генеральное сраженіе въ открытомъ полѣ. Сбившись вмѣстѣ какъ цыплята, завидѣвшіе ястреба, онѣ выжидали. Сейчасъ же послышался топотъ многихъ людей, и изъ-за городьбы показалась масса парней и молодухъ. Они бѣжали бѣгомъ. Дѣвушки все тѣснѣй прижимались одна къ другой, но вотъ нападающіе уже около нихъ... и отчаянный вопль заставилъ меня вздрогнуть. Всю кучу дѣвушекъ подхватили и поволокли къ юртѣ. Рыданія похищаемыхъ, ревъ похищающихъ, борьба, настоящая, отчаянная борьба, съ рѣшимостью сопротивляться до послѣдней возможности, придавали всей картинѣ въ высшей степени реальный характеръ. Рѣдкій обрядъ можетъ воспроизвести такъ близко минувшую дѣйствительность, какъ это воспроизвела разыгравшаяся на моихъ глазахъ сцена. Слышался истерическій плачъ, всхлипыванья, бѣшеные крики нападавшихъ, и прошло добрыхъ 10 минутъ, пока всѣхъ дѣвушекъ затащили въ юрту. Тамъ ихъ уже по одной отрывали отъ невѣсты и за руки и за ноги выносили изъ юрты. Невѣсту вынесли послѣдней. На нее накинули плащъ, затѣмъ ее усадили на руки поджидавшему всаднику, и поѣздъ тронулся. Черезъ 2 — 3 ми-

нуты невѣста пересѣла въ бричку къ матери, все еще оставаясь покрытой, и народъ пустился въ путь. Многіе уже мчались по степи. Прекрасный видъ имѣлъ поѣздъ! На протяженіи нѣсколькихъ верстъ гарцовали всадники въ пышныхъ шелковыхъ костюмахъ. Разгоряченные кони буквально рвались впередъ, и нѣкоторые всадники должны были имъ дать волю и летѣть во весь духъ. Молодухи, разряженныя въ шелкъ и маржаны, держались рядомъ, образуя шеренгу человѣкъ въ 20—25. Онѣ ѣхали то легкой рысью, то шагомъ, въ тактъ побрякивая привѣсками своихъ сѣделъ. Степь пестрѣла и каждую минуту мѣняла свой видъ.

Отъѣхавъ версты 4, всѣ остановились; это было 1-ое «охтомжи» (встрѣча); насъ встрѣтилъ одинъ посолъ съ жениховой стороны. Черезъ 2 минуты всѣ уже снова мчались. Въ ближайшемъ улусѣ остановка была болѣе продолжительна; всѣ спѣшились и усѣлись въ готовый кругъ. Накрапывавшій дождикъ немного испортилъ видъ поѣзда. Большинство накинули на себя свои длинные, безобразные дождевые плащи и скорѣе походили на членовъ погребальнаго общества, чѣмъ на участниковъ свадьбы, но вотъ солнце снова выглянуло; «толей» [1]) былъ поданъ, чай выпитъ и публика, снявъ опять плащи, нарядная, веселая, пустилась въ путь, оставивъ невѣсту здѣсь, пока она не понадобится.

Вскорѣ показался улусъ Ханъ-Джаргаланъ, гдѣ жили родные жениха и самъ женихъ. Женскій кругъ, составляющійся обыкновенно около юго-восточной части юрты, былъ уже готовъ. Посреди круга былъ укрѣпленъ колъ, на которомъ висѣло стегно мяса; поѣздъ остановился въ 100 саж. отъ круга на 3-мъ «охтомжи». Тутъ уже поѣзжанъ встрѣтила большая компанія, высланная жениховой стороной впередъ. Но едва только прибывшіе стали слѣзать съ коней, какъ нѣсколько всадниковъ жениховой стороны бросились стремительно по тому направленію, гдѣ была оставлена невѣста, тогда и съ нашей стороны нѣсколько молодцовъ пустились имъ наперерѣзъ, и началась бѣшеная скачка. Не успѣла публика опомниться, какъ всадники перерѣзали трактъ и стали подниматься на каменистый, довольно крутой увалъ. Я поразился выносливостью бурятскихъ лошадей; не умѣряя почти быстроты своего бѣга, они взбирались все выше и выше. Невѣстина сторона одержала верхъ, она преградила путь дерзкимъ всадникамъ и согнала ихъ внизъ обратно къ улусу. Мнѣ пришла въ голову мысль, не имѣетъ ли эта погоня связи съ тѣмъ, что невѣста оставлена позади, не показываетъ ли это, что невѣстина сторона нарочно ее оставила, чтобы еще добиться какихъ-нибудь подарковъ и этимъ въ общемъ увеличить выкупъ за невѣсту? И вотъ товарищи жениха, предвидя возможность

[1]) Главѣ поѣзда въ знакъ особаго уваженія подается баранья голова (толей). Это считается самымъ почетнымъ угощеніемъ.

такого нахальнаго требованія, рѣшились силой взять невѣсту и бросились по направленію къ тому мѣсту, гдѣ, по ихъ предположенію, она была оставлена. Но невѣстины родные тоже стоятъ настороже и не даютъ имъ привести въ исполненіе задуманный планъ. На 3-мъ охтомжи опять былъ поданъ «толей» и чай; затѣмъ публика раздѣлилась на двѣ части; одна направилась къ кругу женщинъ затѣмъ, чтобы выгрузить приданое невѣсты и поставить войлочную юрту, а другая поѣхала, немного погодя, прямо къ юртѣ отца жениха. Мы всѣ входимъ въ юрту, привѣтствуемъ другъ друга и очень скоро выходимъ на дворъ и садимся, образуя громадный кругъ. Черезъ нѣкоторое время поѣхали за невѣстой. Въ ожиданіи послѣдней, родные ея дѣлаютъ послѣднюю попытку содрать что-нибудь съ родныхъ жениха. Одинъ изъ ея родственниковъ хватаетъ коня, принадлежащаго одному изъ родственниковъ жениха, снимаетъ съ него сѣдло и, взявъ коня за поводъ одной рукой и горящую головню въ другую, вводитъ коня въ кругъ гостей и восклицаетъ: «Ой цохинамъ!» (убиваю). Происходитъ нѣчто въ родѣ торга, который оканчивается тѣмъ, что убугунъ-туру [1]) съ жениховой стороны въ видѣ выкупа отдаетъ человѣку, овладѣвшему конемъ, приготовленное заранѣе стегно мяса. Зачинщикъ спора отпускаетъ коня и начинаетъ здороваться съ родными жениха. Тутъ же гостямъ раздаютъ куски варенаго мяса, какъ будто стегно уже сварено.

Такъ какъ свадьба была богатая, то съ обѣихъ сторонъ набралось гостей человѣкъ до 400, не считая дѣтей. По обыкновенію, всѣ разсѣлись въ кругъ, и дворъ Х. имѣлъ замѣчательно живописный видъ. Особенно красива была женская половина, блиставшая своими нарядами: шелковыми платьями голубого и синяго цвѣтовъ и самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Мужчинамъ прислуживали юноши, а женщинамъ молодухи; пили чай, болтали о всякой всячинѣ, пѣли пѣсни. На свадьбу также явилось много русскихъ крестьянъ, хорошихъ знакомыхъ Х., и русскіе образовали отдѣльный сегментъ въ кругѣ. Скоро раздались крики «Ио-рольчи нану» (благословитель, выходи!). Ио-рольчи, отецъ и мать жениха и еще кое-кто изъ публики отправились въ юрту отца жениха, Х. Тамъ долженъ былъ быть продѣланъ обрядъ благословенія съ жиромъ, т.-е. обрядъ принятія невѣсты въ чужой родъ. Но прежде чѣмъ невѣста проходитъ въ юрту свекра, чтобы поклониться огню, свекру, свекрови и старшимъ роднымъ жениха, у дверей этой юрты происходитъ мнимая свалка: родственники жениха не пускаютъ якобы невѣсту внутрь, а родные невѣсты насильно прорываются туда. Послѣ благословенія, на дворѣ снова состоялась закуска, вслѣдъ за которой началась раздача подарковъ съ невѣстиной стороны женихо-

[1]) Это званіе присвоивается самымъ почетнымъ двумъ представителямъ родовъ невѣсты и жениха.

вымъ роднымъ и обратно. Фигурировали больше хадаки и простые платки, хотя самымъ почетнымъ лицамъ доставались и болѣе цѣнныя вещи. Такъ, дѣду жениха подарили шелковый тэрлыкъ, при чемъ онъ надѣвъ «былыкъ» [1]), всталъ и раза два повернулся передъ публикой. По обычаю, онъ даже долженъ былъ выйти на средину круга и попрыгать въ своей обновѣ, въ знакъ громаднаго удовольствія, которое ему доставилъ подарокъ; но старческая дряхлость не позволяла ему это исполнить.

Напослѣдокъ всѣмъ гостямъ подали «цаганъ идэ» (бѣлую ѣду, т.-е. айрэкъ). Свадьба кончилась, и гости стали разъѣзжаться. Но часть изъ нихъ, въ томъ числѣ и я, осталась ночевать.

Интересно, что женихъ не родной сынъ Х., а пріемышъ. Высваталъ Х. невѣсту собственно для родного сына, но тотъ умеръ года 4 тому назадъ и, чтобы не брать обратно калыма и чтобы имѣть все-таки сына, Х. взялъ къ себѣ взрослаго мальчика въ пріемыши.

На другой день я оставилъ стойбище Х. Я могъ бы сказать, что провелъ въ хоринской степной думѣ 2 недѣли совершенно безплодно, если бы вся моя работа ограничивалась просмотромъ архивныхъ дѣлъ, но попутно собранныя свѣдѣнія и весьма интересныя наблюденія меня примиряютъ отчасти съ мыслью, что я провелъ 14 дней на одномъ почти мѣстѣ. Досаднѣе всего то, что розыскиваемыхъ мною старинныхъ документовъ нигдѣ не оказалось.

Живетъ недалеко отъ Анинскаго дацана нѣкій шанзаба (не шанзотба ли? нынѣ упраздненное званіе ламское). Потомокъ хоринскихъ тайшей, онъ обладаетъ большимъ наслѣдственнымъ архивомъ, и мнѣ посовѣтовали обратиться къ его содѣйствію; но мои надежды найти у него старинное степное положеніе или узнать что-нибудь новое о прошломъ хоринскихъ бурятъ не оправдались. Поѣхалъ я къ шанзабѣ въ сопровожденіи письмоводителя думы и В. Пригласилъ я съ собою ѣхать этихъ двухъ бурятъ потому, что, по разсказамъ, шанзаба живетъ очень неприступнымъ человѣкомъ, и мнѣ одному онъ навряд ли согласился бы показать свой архивъ.

Анинская степь, вся желтая, буквально трескалась отъ жары. Дождей все еще не было (а стояло уже 1-е іюля). Недалеко отъ Анинскаго дацана видны нѣсколько небольшихъ котловинъ—это слѣды недавно тутъ стоявшихъ большихъ озеръ. Двѣ лужи содержатъ еще немного воды, но ихъ, вѣроятно, ждетъ такая же участь, какая постигла другія озера. Въ сторонѣ нѣсколько отъ Анинскаго дацана, влѣво, бросается въ глаза большой огороженный дворъ, внутри котораго высятся 7 каменныхъ субургановъ (памятниковъ) и 2 красненькихъ бунхана (часовни). Тутъ была обитель извѣстнаго аскета, ламы Анин-

[1]) Подарки, подносимые родными невѣсты роднымъ жениха, называются «былыкъ».

скаго дацана Галдана-Аюшіева. Субурганы онъ построилъ себѣ самъ еще при жизни. Недавно онъ умеръ. Его набальзамировали, посадили въ предписанной для аскетовъ позѣ, обложили солью и надъ нимъ поставили временно деревянный бунханъ. Осенью покойника сожгутъ и надъ святымъ прахомъ его воздвигнутъ прочный субурганъ. Такимъ образомъ монгольскій обычай сжигать высокопоставленныхъ покойниковъ дѣйствуетъ и у бурятъ, но его примѣняютъ только къ особо почитаемымъ ламамъ.

Шанзаба оказался совсѣмъ не такимъ недоступнымъ человѣкомъ, какъ его рекомендовали, или на него подѣйствовалъ импонирующе пріѣздъ Ч. и В. Какъ бы то ни было, но лишь только шанзабѣ было сообщено, что я ищу старыхъ документовъ и интересуюсь его архивомъ, онъ немедленно притащилъ огромную связку бумагъ.

Цѣнныхъ для меня бумагъ въ этой связкѣ не оказалось, но любопытныхъ рукописей я нашелъ нѣсколько. Помимо цѣлой массы дѣлъ, знакомящихъ весьма подробно съ фамильной исторіей потомковъ перваго тайши, Шодоя Болторикова, въ домашнемъ архивѣ шанбазы хранятся тщательно: благодарственныя письма Саввы Владиславича, писанныя имъ собственноручно на французскомъ языкѣ, письмо Ланга, похвальный листъ, данный Иринцею Шодоеву вольно-экономическимъ обществомъ за усердное распространеніе хлѣбопашества среди хоринскихъ бурятъ и патентъ, въ силу котораго 13-лѣтнему сыну Иринцея даруется Елизаветой Петровной званіе зайсана (въ 1751 г.) «въ примѣръ другимъ» за то, что онъ научился русской грамотѣ.

Шанзаба, какъ лама, не устоялъ, конечно, противъ соблазна поговорить съ «номчи хуномъ» (ученымъ человѣкомъ) о буддизмѣ и выяснить, въ чемъ именно заключается существенная разница въ міровоззрѣніяхъ ламайскомъ и нашемъ.

— Какъ ваша наука смотритъ на начало міра?—спрашиваетъ онъ меня. И я ему излагаю міровую систему Лапласа.

— По-вашему, земля кругла. Почему же мы не падаемъ внизъ, когда, вслѣдствіе обращенія земли вокругъ оси, мы оказываемся внизу?

Я, по мѣрѣ силъ, отвѣчаю на всѣ вопросы любознательнаго старика и удивляюсь дару Ч. моментально переводить на бурятскій языкъ такія отвлеченныя бесѣды, какія я велъ съ ламой. 70-ти-лѣтній шанзаба слушалъ меня до 12 ч. ночи, и хотя подъ конецъ онъ сознался, что многаго изъ того, что я ему говорилъ, не понялъ, тѣмъ не менѣе, по его словамъ, разговоръ съ ученымъ человѣкомъ доставилъ ему большое удовольствіе. «Совѣтъ добраго человѣка—пища на цѣлый мѣсяцъ»,—заканчиваетъ старикъ нашу бесѣду монгольской сентенціей, и мы ложимся спать.

На другой день рано утромъ я съ Ч. оставили гостепріимный кровъ шанзабы. Хозяинъ поднесъ намъ по «хадаку» и по обычаю проводилъ

насъ до коновязи. Такъ кончился мой визитъ къ этому ламѣ, когда-то гремѣвшему на все хоринское вѣдомство.

Еще будучи шанзабой въ дацанѣ, онъ сдѣлался отцомъ одного сына и двухъ дочерей; потомъ, съ введеніемъ положеніи о ламайскомъ духовенствѣ 1853 г., онъ оставилъ дацанъ и былъ выбранъ головой; но когда братъ его, Торба Жигжитовъ, за темные поборы былъ отставленъ отъ должности тайши и надъ нимъ началось слѣдствіе, шанзаба тоже былъ устраненъ отъ своей должности. Съ тѣхъ поръ онъ ушелъ на покой. Все-таки, какъ братъ выдающагося тайши и потомокъ цѣлаго ряда тайшей, какъ ученый лама и умный человѣкъ, онъ по сію пору пользуется у бурятъ большимъ уваженіемъ.

Въ хоринской степной думѣ съѣздъ родоначальниковъ и бурятскихъ старостъ. Еще разъ послѣ множества всевозможныхъ разслѣдованій вопроса о правахъ хоринскихъ бурятъ на занимаемыя ими земли, приамурскій генералъ-губернаторъ командировалъ чиновника особыхъ порученій Ш. для выясненія на мѣстѣ, путемъ разспросовъ, личнаго осмотра земель и всѣхъ имѣющихся у бурятъ документовъ, въ какой мѣрѣ и степени права ихъ могутъ быть признаны дѣйствительными. И вотъ, въ думѣ нѣсколько человѣкъ изъ болѣе интеллигентныхъ родоначальниковъ занимаются по цѣлымъ днямъ составленіемъ частныхъ плановъ земель, владѣемыхъ каждымъ ихъ родомъ, а изъ всѣхъ этихъ частныхъ плановъ составляютъ одинъ общій планъ. По случаю съѣзда здѣсь теперь проживаетъ также главный тайша хоринскихъ бурятъ А. И ежедневно почти я принимаю 2—3 человѣкъ родоначальниковъ, приходящихъ ко мнѣ знакомиться. Наши бесѣды не очень продолжительны и не всегда интересны, но послѣ свиданія у каждаго изъ насъ остается сознаніе, что знакомство завязалось, и мы можемъ въ будущемъ встрѣчаться не совсѣмъ, какъ чужіе.

Тайша А. очень любезный и просвѣщенный бурятъ. Среди своихъ соплеменниковъ онъ считается однимъ изъ образованнѣйшихъ людей. Его жизнь тоже пошла не совсѣмъ такъ, какъ могла бы пойти. Еще мальчикомъ онъ былъ отданъ въ открывшійся лѣтъ 30 тому назадъ въ Читѣ пансіонъ съ гимназической программой. Въ этомъ пансіонѣ А., благодаря своимъ выдающимся способностямъ, скоро выдвинулся и шелъ все время первымъ ученикомъ. Но въ пансіонѣ было всего 4 класса; предполагавшееся открытіе остальныхъ 3-хъ классовъ не состоялось вслѣдствіе растраты ассигнованныхъ на это денегъ. Юноша А., однако, такъ увлекся ученіемъ, что рѣшилъ продолжать свое образованіе въ другомъ мѣстѣ; но тутъ на его дорогѣ стали традиціонный консерватизмъ и невѣжество бурятъ: отецъ его самымъ рѣшительнымъ образомъ воспротивился его желанію, и пытливый мальчикъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ мечтаній и стремленій. Но такъ какъ, въ сравненіи съ другими бурятами, А. все-таки обладалъ высокимъ умственнымъ цензомъ, то онъ вскорѣ затѣмъ занялъ видное

мѣсто въ инородческомъ управленіи. Теперь онъ уже 3-е трехлѣтіе служитъ тайшей, побывалъ нѣсколько разъ въ С.-Петербургѣ и производитъ впечатлѣніе очень неглупаго человѣка.

Узнавъ, что я разыскиваю затерявшіяся степныя положенія 1780 и 1808 гг., А. вызвался вступить со мною въ конкурренцію относительно того, кто изъ насъ скорѣе ихъ разыщетъ.

— Я увѣренъ, что скорѣе васъ найду ихъ,—смѣясь, подзадоривалъ меня А.

— Сдѣлайте одолженіе, я вамъ заранѣе уступаю честь открытія этихъ документовъ. Я ли найду ихъ, или вы, все же въ выигрышѣ останусь я.

Къ великому моему удовольствію, А. на другой же день заявилъ мнѣ, что степное положеніе 1808 г. имъ найдено, но что собственникъ рукописи желаетъ остаться неизвѣстнымъ.

— Я ни слова не спрошу васъ о немъ, только бы мнѣ получить копію.

— Копію вы получите, я ручаюсь за это,—успокоилъ меня А.

Понятно, я его отъ души поблагодарилъ за содѣйствіе.

Пришелъ ко мнѣ милѣйшій Т. подѣлиться со мной одной экстраординарной новостью.

— Представьте себѣ, на Худунѣ наши буряты снова возвращаются къ шаманству!

— Какъ?—спросилъ я, нѣсколько удивленный этимъ сообщеніемъ.

— Да такъ. Тамъ народъ очень грубый и суевѣрный. Настоящій годъ очень тяжелый годъ по лѣтосчисленію монголовъ—«могой» (змѣя). Прошлый мѣсяцъ носилъ тоже названіе «могой». И вотъ стеченіе двухъ такихъ дурныхъ обстоятельствъ взволновало худунскихъ и смежныхъ съ ними бурятъ. Чтобы предотвратить могущія произойти отъ такого несчастнаго сочетанія скверныя послѣдствія, они рѣшили отпраздновать якобы новый годъ. И по этому случаю стали «наиту мургуху» (молиться хозяину), колоть барановъ и шаманить.

— Кто вамъ это сообщилъ? Можетъ быть, это выдумка?

— Нѣтъ, не выдумка! Мнѣ разсказалъ объ этомъ напъ крещеный инородецъ К. Онъ былъ на Худунѣ и самъ присутствовалъ на праздникѣ.

Для меня сообщеніе Т. имѣло спеціальный интересъ: оно мнѣ доказало еще разъ, насколько неглубоко по существу понятъ ламаизмъ простой массой бурятской и насколько послѣдняя теперь еще по духу своему близка къ шаманству. На Кижингѣ, Бадѣ, верховьяхъ Хилка шаманство далеко не вырвано съ корнемъ. Я слышалъ изъ устъ бурята, что на Балягѣ, недалеко отъ Петровскаго завода, есть шаманъ, къ которому обращаются за совѣтами даже ламы, при чемъ послѣдніе страшно боятся его, шамана, такъ какъ они глубоко вѣрятъ, что онъ можетъ, при желаніи, на нихъ накликать всякую бѣду. А если ламы

такъ плохо усвоили буддизмъ, то нечего удивляться, что полудикіе худунскіе буряты до сихъ поръ по своимъ внутреннимъ вѣрованіямъ скорѣе шаманисты, нежели ламаиты.

III.

Зергелейскій улусъ.—Сангитъ Аюшіевъ.—Горе Булыкскаго крестьянина.—Эравнинскій край.—Харгинская степь.—Стойбище тайши.—Занятія харгинскихъ бурятъ и ихъ благосостояніе.—«Найджи».—Жизнь погроминскихъ крестьянъ.—Народное просвѣщеніе у хоринскихъ бурятъ.—Необыкновенная бурятка.—Ламы и хувараки.—Жизнь хувараковъ въ дацанѣ.

Въ началѣ іюля я двинулся дальше по читинскому тракту. Я рѣшилъ доѣхать до Харгинской степи, гдѣ стоитъ со своимъ стойбищемъ сынъ тайши А. Тамъ хранится наслѣдственный архивъ А., и я разсчитывалъ, что найду кое-что интересное въ грудѣ заброшенныхъ, полусгнившихъ дѣлъ тайшинскаго архива. Но, помимо этой весьма сомнительной надежды, меня побуждало ѣхать на Харгу желаніе посмотрѣть на миѳическій просторъ Эравнинскаго края, гдѣ, по разсказамъ многихъ, на обширныхъ равнинахъ пасутся десятки тысячъ барановъ, тысячи лошадей и рогатаго скота, гдѣ люди не сѣютъ, не жнутъ и не косятъ и гдѣ нужда все-таки чрезвычайно рѣдкая гостья.

На ночлегъ я свернулъ въ Зергелейскій улусъ. 79-ти-лѣтняго старика-бурята Сангита Аюшіева, съ помощью котораго я питалъ надежду воскресить далекое прошлое хоринцевъ, дома не оказалось, но онъ долженъ былъ съ минуты на минуту пріѣхать, тѣмъ болѣе, что надвигалась сильная гроза. Надъ Зергелейской степью нависли темныя тяжелыя тучи; далеко на горизонтѣ сверкали молніи; отъ времени до времени до насъ доносились раскаты грома; громъ грохоталъ все ближе и ближе, и мы чувствовали, что буря летитъ къ намъ съ необыкновенной быстротою. Скоро разразился ливень, а часъ спустя, явился старикъ Сангитъ весь мокрый.

Мы привѣтствовали другъ друга, и Маланычъ объяснилъ ему цѣль моего пріѣзда.

— Я охотно разсказалъ бы вамъ о нашемъ прошломъ,—добродушно обратился ко мнѣ старикъ.—Когда-то я кое-что помнилъ. Теперь же, боюсь, я все перезабылъ; мнѣ кажется, что у меня въ головѣ все перепуталось. Я недавно похоронилъ сына 17-ти лѣтъ. Эта смерть меня страшно потрясла, и я сталъ совсѣмъ не тотъ... Впрочемъ, попробую: что смогу—скажу.

Такъ какъ старикъ усталъ съ дороги, то я отложилъ нашу бесѣду до слѣдующаго утра.

— Менду-аморъ!—привѣтствуетъ меня хозяинъ утромъ.

— Менду-аморъ!

— Какъ изволили спать? Спокойно ли вамъ было?

— Мы отлично спали,—отвѣчалъ я:—а ваше здоровье какъ? Какъ вы себя чувствуете послѣ того, какъ васъ промочило?

— Ничего, слава Богу.

Мы всѣ занимаемъ мѣста поудобнѣе.

— Разскажите мнѣ, пожалуйста, какъ у васъ судили въ старину; такъ ли, какъ теперь, или иначе? — начинаю я свой обычный допросъ.

— Иначе, иначе. Раньше все было просто. Обидитъ ли кто кого, побьетъ ли, выругаетъ ли—сейчасъ соберется улусный цугланъ, виновника накажутъ лозами, и дѣлу конецъ. Стариковъ молодые сильно боялись. Если старикъ замѣчалъ что-нибудь нехорошее, онъ часто расправлялся и безъ цуглана, угоститъ 2—3 отеческими оплеухами, и дѣлу конецъ. Воровъ наказывали лозами и исключали изъ круга. Это бывало для нихъ самымъ худшимъ наказаніемъ. На свадьбѣ, обонахъ, всѣ сидятъ въ кругѣ, а воръ въ сторонѣ... «Это почему такой-то сидитъ у васъ отдѣльно?»—спросятъ, бывало, вновь пріѣзжіе.—«А потому, что онъ воръ». И хуже наказанія не было для воровъ. Впрочемъ, если они въ теченіе трехъ лѣтъ вторично не попадались, ихъ принимали обратно въ общій кругъ; въ противномъ же случаѣ ихъ выселяли въ другой улусъ. Совѣтъ почетныхъ стариковъ управлялъ всѣми дѣлами улуса. Теперь все перемѣнилось...

— А правда, что въ старину у хоринцевъ свекоръ могъ жениться на вдовѣ-невѣсткѣ и пасынокъ на мачихѣ?

— Было, было, помню; я отъ отца слышалъ, что такъ бывало. Умретъ сынъ, свекоръ и попроситъ невѣстку остаться у него, поднесутъ они другъ другу хадаки, устроятъ угощеніе для народа, и старики благословятъ ихъ сожительство. *Другихъ обрядовъ не бывало.* Зато, когда кто женился на дѣвушкѣ, церемоній разныхъ продѣлывали очень много; теперь и половины обрядовъ не осталось.

— А откуда брали себѣ буряты женъ?

— Обязательно изъ чужихъ родовъ. Это только теперь позволяютъ жениться на дѣвушкѣ своего же рода, если прошло 7 поколѣній отъ ихъ общаго родоначальника. Въ далекую старину брали женъ изъ Монголіи силою. Только когда хоринцамъ трудно стало добывать женъ «оружіемъ», когда они обезсилѣли, то «шестиродымъ» было разрѣшено жениться на дѣвушкахъ отъ 5 родовъ, т.-е. потомки Хоридоя, миѳическаго предка хоринскихъ бурятъ, отъ первой жены могли жениться только на женщинахъ, ведущихъ свое происхожденіе отъ сыновей его второй жены, и обратно. Когда же роды разрослись, то стали брать женъ безразлично изъ какого племени, лишь бы не изъ своего.

Сангитъ Аюшіевъ былъ первымъ и послѣднимъ старикомъ, знавшимъ и объяснившимъ мнѣ, что покупному браку у бурятъ предшествовалъ бракъ «насильственнымъ» похищеніемъ жены изъ чужого племени, чему живымъ доказательствомъ служитъ до сихъ поръ весьма ярко

сохранившійся и описанный мною выше обрядъ увоза невѣсты изъ юрты родителей.

Въ Зергелеѣ еще сохранились 4 кочевки, т.-е. у зергелейскихъ бурятъ имѣются лѣтнія, осеннія, зимнія и весеннія стойбища. Занимаются также здѣшніе инородцы немного хлѣбопашествомъ и звѣринымъ промысломъ.

Почти всѣ здѣшніе буряты умѣютъ подписываться по-монгольски, а 50% изъ нихъ хорошо читаетъ и пишетъ на этомъ языкѣ; грамотныхъ же по-русски нѣтъ ни одного, что нисколько неудивительно, такъ какъ у здѣшнихъ бурятъ нѣтъ почти никакихъ путей усвоить русскую грамоту.

Миновавъ Грядскую станцію и степь, носящую бурятское названіе «Нахала», мы въѣхали въ русское селеніе «Булыкъ». Это даже не селеніе, а жалкій поселокъ съ ветхими, старыми домами. Лежитъ онъ на низкомъ мѣстѣ, а воды хорошей поблизости нѣтъ. Окружающія Булыкъ озера содержатъ очень плохую застаивающуюся воду; попытки жителей обзавестись колодцами кончались ничѣмъ, такъ какъ почва камениста, и пробовавшіе копать колодцы не могли добраться до воды.

Разговоръ, завязавшійся у меня съ булыкскимъ крестьяниномъ, къ которому я заѣхалъ чаю напиться, произвелъ на меня просто удручающее впечатлѣніе. Рѣчь крестьянина была полна жалобъ, въ которыхъ слышалась какая-то невыразимая безпомощность. Передо мною сидѣлъ человѣкъ, который точно утратилъ всѣ свои силы, всякую вѣру въ себя и у котораго осталась только одна способность—хныкать.

— Объясните мнѣ, пожалуйста, — обратился я къ крестьянину:— какъ это случилось, что первые переселенцы стали строиться на такомъ неудобномъ мѣстѣ?

— Да мы, баринъ, потомки поселенцевъ. И вздумалось же имъ поселиться въ этой трущобѣ! Захотѣлось имъ близко у дороги построить селеніе, а здѣсь воды нѣтъ, хлѣбъ почти никогда не родится, земля плитнякъ, не то, что дресва. Ну, вотъ мы и маемся теперь!.. А буряты захватили что ни на есть лучшія мѣста. Надо бы отнять у нихъ землю и насъ немного надѣлить,—заканчиваетъ крестьянинъ, принимая меня, очевидно, за ревизора по бурятскимъ дѣламъ.

— Да развѣ буряты занимаются здѣсь земледѣліемъ? — спрашиваю я.

— Какое тутъ земледѣліе! Сказываю вамъ—земля плитнякъ.

— Какія же мѣста захватили буряты?

— Да по Культисону. Земли тамъ благодать, и вся она въ рукахъ бурятъ.

— Ну, земля у васъ плохая, а лѣсу-то, слава Богу, сколько угодно и подъ самымъ носомъ; отчего же у васъ дома такіе жалкіе и ветхіе?

— Да у насъ, баринъ, молодежи мало, некому работать. Совсѣмъ у насъ мало парней родится, все больше женскій полъ, ну, и думаешь

себѣ: вывезти лѣсъ, поставить домъ, все это вѣдь чего-нибудь да стоитъ, а кому достанется? Нѣтъ, ужъ мы, старики, въ старыхъ домахъ свой вѣкъ доживемъ. Будутъ молодые — они сами о себѣ подумаютъ.

Я оставилъ Булыкъ съ самымъ грустнымъ чувствомъ и долго не могъ забыть несчастнаго поселка, на которомъ лежитъ такая яркая печать вырожденія.

За булыкскимъ селеніемъ вскорѣ прекращается лѣсъ, и по обѣ стороны громадной Булыкской степи, имѣющей верстъ 20 въ длину и 6—8 въ ширину, возвышаются безлѣсные увалы. Обиліе скота на степи обращаетъ на себя вниманіе путешественника. Табуны лошадей, стада барановъ и рогатаго скота пестрятъ зеленоватый фонъ степи. Рогатый скотъ здѣсь довольно крупной породы, чѣмъ рѣзко отличается отъ обыкновеннаго, невзрачнаго и мелкаго бурятскаго скота. Долго мы ѣдемъ степью. Маякомъ намъ служитъ большой одинокій увалъ Голъ-Тологой, какъ бы насильно обрывающій просторъ этой громадной долины. По ней въ зимнее время не всегда безопасно пускаться въ путь. Поднимется пурга—метель, застелетъ она все кругомъ снѣжной мглой, занесетъ колею, и путешественникъ можетъ блуждать вдоль и поперекъ степи цѣлыя сутки, рискуя даже иногда жизнью. Ямщики съ большой опаской переѣзжаютъ ее, когда въ воздухѣ готовится метель, и съ радостью привѣтствуютъ Голъ-Тологой, за которымъ тотчасъ же открывается Поперечинское селеніе.

Дальше я продолжалъ путь почти безъ остановокъ и черезъ два дня прибылъ на Эравну и очутился въ области Витимскаго плоскогорія. Это плоскогорье составляетъ водораздѣлъ трехъ рѣкъ: Уды, Хилка и Витима и отличается чрезвычайно сырымъ климатомъ. Возвышенное мѣстоположеніе, наступающіе вслѣдствіе этого ранніе морозы дѣлаютъ здѣсь хлѣбопашество почти невозможнымъ. Зато скотоводческое хозяйство находитъ въ этихъ мѣстахъ всѣ условія для своего процвѣтанія, и буряты чувствуютъ себя прекрасно среди множества озеръ, раскинувшихся на Эравнѣ, среди сырости и холодовъ. Жители Эравны занимаются даже мало сѣнокошеніемъ, ибо ветошей такъ много, что ихъ хватаетъ съ избыткомъ на цѣлый годъ даже для массы здѣшняго скота. Ландшафтъ Эравнинскій иногда напоминаетъ низменный степной или лѣсной ландшафтъ. Степи часто перемежаются съ густымъ лѣсомъ, но кругомъ не видно угрюмой, нерѣдко даже становящейся въ тягость рамы забайкальскаго пейзажа—пирамидальныхъ, одинъ на другой громоздящихся уваловъ. Мѣстами лѣсъ такъ глухъ, кругомъ стоитъ такая мертвая тишина, что, не будь дорожной колеи и слѣдовъ скота около дороги, можно было бы счесть этотъ край совершенно необитаемымъ.

Проселочный трактъ почти все время вьется лѣсомъ. По обѣ стороны дороги сплошной стѣной тянется чаща изъ лиственницъ. Нѣсколько

подальше, точно искусственный фонъ, чернѣется темная зелень стараго лѣса, а поближе нѣжныя, какъ грёза, стоятъ свѣтло-зеленыя молодыя деревья, и такъ они красивы, такъ воздушно прозрачны, что скорѣе напоминаютъ очаровательный сонъ, чѣмъ дѣйствительность. Пропитанный водяными парами воздухъ окружаетъ лѣсъ едва уловимой мглой, и все кругомъ кажется чудеснымъ миражемъ, туманной картиной, воспроизведенной искусно волшебнымъ фонаремъ. Такъ и ждешь, что вотъ-вотъ весь пейзажъ мгновенно испарится. Деревья стоятъ словно заколдованныя, а трава не трава, а чудный, богатѣйшій коверъ изъ роскошныхъ цвѣтовъ... Ѣдешь и не можешь оторвать глазъ отъ этой удивительной игры природы; съ невыразимымъ сожалѣніемъ прощаешься съ убѣгающими отъ тебя видами, но прелесть новыхъ панорамъ скоро изглаживаетъ впечатлѣнія о прежнихъ...

Сдѣлавъ довольно большой переѣздъ отъ улуса Жибкеценъ, расположеннаго на краю Эравнинскаго озера, мы выѣхали на Харгинскую степь. Это очень большая, гладкая равнина, окруженная невысокими лѣсистыми увалами.

Скоро мы подъѣхали къ стойбищу тайши, выдѣлявшемуся среди другихъ своимъ наружнымъ видомъ.

Меня встрѣтилъ старшій сынъ тайши (пріемышъ) и повелъ въ парадную половину своей юрты.

Не знаю, какой видъ имѣла эта половина, когда жена тайши была еще жива и самъ тайша жилъ на Харгѣ, но теперь она содержится очень грязно. Два великолѣпныхъ «ширэ» со множествомъ бурхановъ, богатые аксессуары для «ширэ» и другіе предметы роскоши совершенно не гармонировали съ общей картиной юрты, съ грязными ящиками, столиками, войлоками. На стѣнѣ висѣли часы и барометръ, но, кажется, на нихъ давно уже никто не смотрѣлъ. Вообще замѣтно было, что въ тайшинскомъ стойбищѣ недоставало твердой хозяйской руки. Челяди было много, но всѣ безъ толку шатались взадъ и впередъ по двору, точно не зная, за какую работу раньше приняться.

Нѣкоторые здѣшніе богатые буряты ведутъ большія дѣла съ ближайшими пріисками: доставляютъ туда хлѣбъ, мясо, сѣно и многое другое. Понятно, что буряты поставщики все дѣлаютъ чужими руками, оставляя себѣ за посредничество львиную долю. Возьмутся они поставить столько-то сотъ пудовъ сѣна — и тотчасъ же нанимаютъ бурятъ косцевъ; тѣ, конечно, рады заработку. Расплачиваются поставщики съ косцами не деньгами, а товаромъ, при чемъ за пудъ хлѣба, который обошелся имъ въ 40 к., берутъ съ работника 80 к.; за кирпичъ чаю, стоящій въ Удинскѣ 50 коп., берутъ опять-таки 80 коп.: на пріискахъ же подрядчику платятъ за все наличными деньгами.

На Харгѣ у самаго богатаго бурята свыше 3.000 головъ скота, 1.500 лошадей, до 500 головъ рогатаго скота и больше 1.000 бара-

новъ. У средняго бурята около 500 лошадей, 200—300 головъ рогатаго скота и 700—800 барановъ.

Для своего употребленія богатые буряты бьютъ въ годъ около 50 головъ рогатаго скота и столько же барановъ; буряты средней зажиточности бьютъ въ годъ для своей семьи и работниковъ до 20 головъ рогатаго скота и 40 барановъ. Иначе говоря, мяса харгинскіе буряты уготребляютъ очень много, зато хлѣба пока ѣдятъ очень мало. Юрты у нихъ большія, просторныя, изъ толстыхъ бревенъ. Лѣтнія юрты крыты корьемъ, а въ зимнихъ имѣются печи.

Удивителенъ процентъ погибающихъ здѣсь въ степи ежегодно лошадей и вообще скота. Если выпустить въ степь или лѣсъ табунъ лошадей въ 1.500 головъ на зиму, то къ лѣту отъ волковъ, холода и другихъ причинъ погибнетъ 100—150 штукъ, но эта убыль съ избыткомъ пополняется плодовитостью скота. 9 лѣтъ тому назадъ, въ этихъ мѣстахъ была страшно снѣжная зима. Ветоши, единственный кормъ мѣстнаго скота, покрылись такимъ толстымъ слоемъ снѣга, что скотъ, не смотря на всѣ усилія, не могъ добраться до нихъ. Вслѣдствіе этого почти весь эравнинскій скотъ передохъ (запасовъ сѣна не водится здѣсь). У самыхъ богатыхъ бурятъ осталось въ живыхъ всего 30—50 головъ, а теперь тѣ же буряты опять считаютъ въ своихъ стадахъ тысячи головъ.

Названія мѣстностей, рѣчекъ, горъ на Харгѣ и Эравнѣ большею частью тунгусскія. Когда-то тунгусы считали эти мѣста своими природными землями; но буряты облюбовали просторъ здѣшнихъ степей, богатство кормовъ и стали понемногу вытѣснять настоящихъ хозяевъ этихъ мѣстъ. Нынѣ тунгусы держатся только въ лѣсистыхъ хребтахъ Витимскаго плоскогорья, а степи Эравнинская, Харгинская и прочія заняты исключительно бурятами.

Передъ самымъ отъѣздомъ изъ Харги, гдѣ я провелъ нѣсколько сутокъ, мнѣ пришлось выдержать весьма непріятную сцену. Въ юрту, гдѣ я писалъ, ввалился совершенно пьяный лама и сталъ мнѣ говорить дерзости. Его видъ внушалъ омерзѣніе: грязный, съ текущею изо рта слюной, онъ сталъ на меня наступать, настойчиво требуя отвѣта, зачѣмъ я пріѣхалъ въ ихъ улусъ. Свою пьяную рѣчь онъ приправлялъ при этомъ весьма крупной руганью. Сына тайши не было дома, а молодая его жена, блѣдная, дрожащая, тщетно умоляла ламу удалиться; онъ не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія и продолжалъ свое. Положеніе мое было довольно непріятное, но положеніе молодой женщины было гораздо хуже моего. Не зная, что предпринять, она въ отчаяньи стонала и съ умоляющими возгласами, точно прося у меня прощенія за образъ дѣйствія ламы, все повторяла: «энэ мини найджи!» Этотъ лама былъ ея «покровитель», по отношенію къ которому она обязана благоговѣйнымъ почтеніемъ. Стоявшіе здѣсь нѣсколько бурятъ дѣлали попытки вывести нахала, но принять рѣши-

тельныя мѣры боялись: «найджи» могъ ихъ проклясть, а проклятіе его страшно. Обычай отдавать своихъ дѣтей подъ покровительство «найджи», въ сущности, пережитокъ шаманскій. Когда у бурятъ-шаманистовъ родители хотятъ предохранить ребенка отъ навожденія, или злыхъ духовъ, они выбираютъ ему какого-либо шамана въ «найджи», т.-е. отдаютъ ребенка подъ защиту послѣдняго. Съ этого момента шаманъ дѣлается властнымъ членомъ семьи ребенка: ему то и дѣло подносятся подарки, его всячески ублажаютъ, и никто не осмѣлится его обидѣть. Такимъ образомъ «найджи» у бурятъ-шаманистовъ часто пріобрѣтаютъ неограниченную власть въ семьѣ, имъ покровительствуемой, и эксплуатируютъ ее всевозможными способами. У бурятъ ламаитовъ въ «найджи» выбираютъ ламъ. Мнѣ не хотѣлось довести дѣло до скандала, и, при всемъ желаніи вытолкать позорнаго жреца Будды изъ юрты, я сдержалъ себя и попросилъ Маланыча увести ламу. Съ большимъ трудомъ, подвергаясь многимъ оскорбленіямъ, Маланычъ вывелъ, наконецъ, ламу на дворъ. Въ общемъ вся эта сцена была очень характерна: цѣлая куча народа стояла передъ выжившимъ изъ ума пьяницей и не рѣшалась его обуздать, изъ суевѣрнаго страха подвергнуться его проклятію.

М. Кроль.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАДАТОКЪ ЖЕНИХА.

Повѣсть Эдуарда Вильдэ.

(Съ эстонскаго).

Полуденный жаръ едва только началъ спадать. Словно расплавленное жидкое золото льетъ на землю горячее лѣтнее солнце. Плавно движущійся воздухъ благоухаетъ ароматами полей и лѣсовъ... Кругомъ тишина, сладкая воскресная тишина и спокойствіе.

Окна хутора Трэгни растворены настежь. Мухи лѣпятся около стѣнъ и косяковъ,—жаркое солнце выманило ихъ изъ комнатъ, которыя обыкновенно ими переполнены. На окнахъ горшки съ цвѣтами. Двѣ, три пчелы жужжатъ около цвѣтовъ... На одномъ бутончикѣ качается солидная оса, выводя однообразныя трели своимъ трепещущимъ альтомъ. Подъ навѣсомъ щебечутъ ласточки: онѣ кормятъ своихъ птенцовъ. Однѣ прилетаютъ, другія улетаютъ, звонко разсѣкая воздухъ крыльями.

Въ комнатѣ хутора Трэгни сидѣли трое. Въ уголкѣ у печки сухая и желтая, какъ лимонъ, старуха въ яйцеобразной повязкѣ, мать хозяина Трэгни, качала въ люлькѣ свою внучку, въ тактъ люлькѣ покачивая головой.

Около же окна, за новымъ крашенымъ столомъ, сидѣли Яакъ Трэгни и Ева Катальпеа [1]), сводная сестра его покойницы жены, молодая дѣвушка лѣтъ двадцати. На столѣ лежала «радужная» кредитная бумажка.

— Такъ вотъ, Ева... все это, значитъ, я передумалъ... Значитъ... такъ бы все это мнѣ хотѣлось уладить... ты ужъ возьми, Ева!.. — проговорилъ Яакъ нервно, съ безпокойнымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, не возьму,—потупясь, но спокойно отвѣтила Ева.

— Почему жъ все-таки нѣтъ?—смущенно спросилъ Яакъ.

Ева не отвѣчала.

— Что говорить, давно знаю, что ты не очень-то за меня хочешь,— съ натянутымъ смѣхомъ началъ снова Яакъ.—Человѣкъ я вдовый... годковъ на плечахъ не мало!.. Не нынѣшній!.. Такая дѣвушка, какъ ты, молодая, гладкая, первая невѣста, смотритъ на тѣхъ, кто при

---

[1]) У эстовъ названіе хутора часто переносится какъ фамилія на его обитателей. Вѣрнѣе сказать: подразумѣвается *изъ*, т.-е. Яакъ изъ Трэгни, Ева изъ Катальпеа и т. п. *Переводч.*

манишкѣ ходитъ!.. брюки на выпускъ, шапку набекрень—вотъ чего ей надо!.. Ну, что жъ!.. А все жъ, подумай-ка, хорошенько!.. Авось, передумаешь! Можетъ, Яакъ Трэгни ужъ не совсѣмъ такой вахлакъ!..

— Зачѣмъ ты такъ говоришь?—укоризненно проговорила Ева.—Когда жъ я называла тебя вахлакомъ!..

— Ну, ну ладно!.. Подумай все жъ!.. Можетъ, размягчится твое сердце!.. Сама знаешь, я давно на тебя мѣтилъ!.. Еще ты дѣвчонкой была по семнадцатому году! Ну, тогда ты сказала: пускай Марья раньше выйдетъ, она старше, не хочу срамить ее! Ну, я и женился на Марьѣ! А знаешь, зачѣмъ я на Марьѣ женился? Думалъ, Ева не идетъ, женюсь хоть на сводной сестрѣ ея, все-таки она ей родня, близкая!.. Ну, вотъ!.. Прошло три года и опять я безъ жены! Марья родила мнѣ дочку и ушла въ могилу. Ну, протянулъ кой-какъ годъ, кончилъ трауръ, все какъ слѣдуетъ... А дальше не идетъ! Безъ хозяйки никакъ нельзя! Что жъ за диво, что опять я объ тебѣ задумалъ! Теперь можно!.. Можно, когда бъ Ева захотѣла, а Ева говоритъ: «не хочу!..»

Яакъ провелъ рукою по своимъ пепельнымъ, гладко причесаннымъ съ проборомъ посерединѣ, волосамъ, поправилъ бѣлый шейный платокъ, заколотый длинной мѣдной булавкой, и уставился на высокія голенища, только что смазанныя свѣжимъ дегтемъ. «Старомодный мужчина», Ева вполнѣ права... Въ скобку обрѣзанные волосы, безцвѣтная жиденькая бородка, тамъ и сямъ растущая на худощавомъ, загорѣломъ лицѣ; въ синемъ суконномъ кафтанѣ, неуклюже висѣвшемъ на его сутуловатой фигурѣ... Да едва ли онъ могъ равняться съ модными парнями!..

— Ну, а все-жъ не совсѣмъ ужъ я худой человѣкъ!..—заговорилъ опять Яакъ мягко.—И характеръ у меня не худой, и хозяйство... Не подумай, что я хочу хвастать, чтобъ сманить тебя! Нѣтъ. Хочу, чтобъ ты все знала, чтобъ могла подумать. Сама знаешь, я никогда пальцемъ не тронулъ твою сводную сестру, и ссоръ у насъ въ домѣ не было!.. Усадьбишка своя, купленная... И на черный день копѣйка есть. Жили,—слава Богу, въ чужіе люди за огнемъ не ходили!.. Ну, что жъ, Ева?.. Ну-ка, разодолжи—возьми «радужную»!..—какъ бы съ шутливой небрежностью закончилъ Яакъ.

Черные глаза Евы упорно смотрѣли въ окно. Ея нѣжное, румяное лицо, красоту котораго еще больше оттѣнялъ бѣлый шелковый платокъ, было холодно серьезно и рѣшительно. Видимо она не колебалась и твердо знала, чего хочетъ.

— Нѣтъ, не возьму,—еще разъ повторила она.

Но какая же порядочная дѣвушка сразу скажетъ «да»? И какого серьезнаго поклонника удержитъ даже двоекратное «нѣтъ» любимой дѣвушки? Правда, три года тому назадъ Ева настояла на своемъ «нѣтъ», но тогда ее поддерживала мать. Теперь дѣла измѣнились, и со стороны родителей Евы Яакъ давно получилъ согласіе.

— Ну, скажи, Ева, чего ты такъ долго упрямишься? — спросилъ Яакъ, первый разъ взглянувъ прямо на Еву.

— Такъ долго?!. Я всегда буду такъ...

— Та-акъ!..—Лицо Яака вытянулось.—И ты правду говоришь? Значитъ, я тебѣ совсѣмъ не гожусь? Совсѣмъ плохъ?

— Я этого не говорила, зять...

— Да ты ничего не говоришь, въ томъ-то и бѣда! Правда, ты всегда молчалива; ну да въ такомъ-то дѣлѣ можно бы и не молчать!.. Слышь, я тебя не обижу!.. Худого слова отъ меня не услышишь!.. Нужды не увидишь! Наряжайся себѣ, какъ хочешь!.. Мать, чего жъ ты не поможешь уговорить Еву!..—обратился онъ вдругъ къ старухѣ.—Не слышишь?! Поди и такъ знаешь о чемъ толкъ идетъ? Я Еву изъ церкви къ намъ привезъ... На дорогѣ посадилъ... Состарилась, мать, поди не поймешь, въ чемъ тутъ штука?..

Старуха была сильно глуховата, но, наконецъ, поняла въ чемъ дѣло. Она быстро закачала люльку и проговорила, тряся головой:

— Что жъ, столковались ли?

Яакъ всталъ и подошелъ къ ней.

— Никакъ не столкуемся! Ева не хочетъ!—громко сказалъ онъ.

Старуха приложила руку въ видѣ воронки къ уху и напряженно вслушивалась.

— Не хочетъ? Такъ я и думала! Она и повиднѣй тебя жениха найдетъ! Помоложе... Вонъ Локоти сынъ... Приказчикомъ въ городѣ... По-нѣмецки говоритъ... Совсѣмъ какъ баринъ... Изъ себя словно огурчикъ наливной!.. Тоже поглядываетъ на Еву!.. Вотъ оно дѣло-то!..—какъ бы въ раздумьѣ говорила старуха.

Румянецъ на щекахъ Евы вспыхнулъ еще ярче. Она тревожно повернулась къ старухѣ, точно желая ее остановить.

Яакъ снова подошелъ къ столу.

— Что жъ, Ева, правда это?—печально спросилъ онъ. — Да, да... Я и раньше слышалъ это! Куста Локоти... Августъ, по городскому... Ну, что жъ, парень видный, молодецъ... Настоящій купецъ!.. Что жъ... Правда, надѣешься на него? Только вотъ:.. На жалованье-то далеко не уѣдешь! Ни кола, ни двора... Послѣдняя копѣйка въ карманѣ остается!.. Такова ужъ должность: все въ разъѣздахъ за товаромъ... Что жъ, развѣ, правда, надѣешься? Быть не можетъ! Говорятъ, онъ и поведенья нехорошаго... балованный парень... Ну, что-жъ, не мое дѣло!.. Говорятъ, еще когда онъ въ мальчикахъ былъ въ лавкѣ, мать его жаловалась, что совсѣмъ отъ рукъ отбился...

— Такъ я пойду,—вдругъ проговорила Ева, стремительно поднимаясь со стула.

— Что-жъ такъ?!.. Ну, а какъ же... радужную... Не возьмешь?

— Нѣтъ, не возьму.

— Можетъ, подумаешь? Подумай... Торопиться некуда... Завтра, послѣзавтра, чрезъ недѣлю... Приди и скажи: «зять, я передумала»... Вотъ и хорошо будетъ!... Только не тяни долго, сама знаешь, безъ хозяйки мнѣ никакъ нельзя!..

Яакъ держалъ дѣвушку за руку и умоляюще смотрѣлъ на нее, ожидая ласковаго, ободряющаго слова. Но тонкія, алыя, какъ кровь, губы дѣвушки были плотно сжаты.

— Прощай, зять. Прощай, бабушка, — холодно проговорила она и вышла.

И во все время ни одного взгляда не бросила она на «радужную». Ни разу не покраснѣла она во время сватовства Яака.

Ровно и спокойно, какъ будто ничего не было, прошла Ева черезъ дворъ въ ворота и пошла вдоль улицы, внизъ къ селенію, разбросанному, какъ черныя пятна на зеленомъ коврѣ, по широкой равнинѣ.

Кругомъ неприглядные, полуразвалившіеся, крытые соломою хутора безъ трубъ. Такихъ еще много около Ревеля. Хуторъ Трэгни, хоть и крытый соломой, но новый, съ трубою «по бѣлому» печально смотрѣлъ на эти лачуги, закоптѣлыя, какъ дегтярныя печи. Не помогали впечатлѣнію виднѣвшіяся кое-гдѣ строенія поприглядиѣе, принадлежавшія собственникамъ. Черныя лачуги вызывали невеселыя думы, и красота пейзажа не покоила, не радовала глазъ.

Съ одной стороны равнины шелъ темнозеленый, еловый лѣсъ, съ другой — большое озеро съ бѣлыми песчаными берегами. Вдали виднѣлись разбросанныя поля,—одно темнѣе, другое свѣтлѣе,—выдѣляющіяся яркими полосами при вечернемъ солнцѣ.

Евѣ идти было неблизко. Хуторъ Катальпеа былъ въ концѣ равнины, за озеромъ, верстахъ въ двухъ отъ хутора Трэгни. Хуторъ Локоти былъ справа у опушки лѣса; Евѣ надо было пройти мимо него. Хоть Локоти и назывался хуторомъ, но это была просто маленькая избушка съ небольшимъ огородомъ, довольно приглядная, выстроенная барономъ-помѣщикомъ. Старикъ Локоти вотъ уже пять лѣтъ покоился подъ землею. Онъ сорокъ лѣтъ служилъ сторожемъ у помѣщика-барона, и баронъ, за его долголѣтнюю службу, далъ его вдовѣ эту избушку. Старуха Локоти живетъ въ ней съ своей четырнадцатилѣтней дочкой. Живутъ и питаются онѣ тоже баронскими милостями. У старухи Локоти есть еще сынъ Куста, приказчикъ у мясника. Его обязанность объѣзжать селенія и ярмарки для закупки скота.

Ева хорошо знала Локоти. Катальпеа единственный хуторъ, гдѣ старуха Локоти, жившая крайне уединенно, бывала въ гостяхъ. Ева была любимицей старухи Локоти. Она называла ее будущей невѣсткой, такъ же какъ Пётра изъ Вахтра называлъ Куста въ юношествѣ своимъ будущимъ зятемъ. Обыкновенная шутка стариковъ — ничего больше. Время шло, положенія мѣнялись. Куста и Ева разошлись въ разныя стороны. Куста сталъ городскимъ щеголемъ, Ева осталась

деревенской дѣвушкой. Слова «зять» и «невѣстка» исчезли изъ Локоти. Развѣ кто-нибудь, желая подтрунить надъ молодежью, вспомнитъ старину. Почему же нѣтъ?.. Куста и Ева остались друзьями и, встрѣчаясь, всегда разговаривали—это знали всѣ. Но было ли между ними еще какое-нибудь чувство—этого не зналъ никто.

Серьезныя, глубокія чувства эстонская молодежь держитъ долго въ тайнѣ.

Евѣ вздумалось зайти мимоходомъ въ Локоти, посмотрѣть на старуху, поболтать немножко съ Рози. Но, заглянувъ къ нимъ во дворъ, она нахмурила брови и прошла мимо. На дворѣ стояла легкая коричневая телѣжка, а выпряженная лошадь ѣла траву. Ева знала и эту лошадь, и эту телѣжку: Куста у матери. Теперь Евѣ не слѣдуетъ туда идти; могутъ подумать, что она хочетъ видѣть Кусту. Не хорошо, чтобъ такъ думали. Ева быстро прошла мимо Локоти, и румянецъ ярко разлился по ея лицу. Но едва она отошла отъ Локоти, какъ услышала, что ее окликнули. Она оглянулась и, какъ бы нехотя, остановилась, узнавъ Августа.

— Почему жъ ты, Ева, не зашла? Я какъ разъ тебя жду. Съ полчаса тому назадъ послалъ Рози за тобою. Какъ хорошо, что ты ужъ здѣсь! Здравствуй, Ева!..

Они подали другъ другу руку, оба серьезные. Обыкновенно у Августа всегда есть шутка наготовѣ. Но теперь, повидимому, ему не до шутокъ. Ева видитъ, что онъ чѣмъ-то встревоженъ, опечаленъ, точно угнетенъ. Онъ держитъ руку дѣвушки, сжимаетъ ее еще и еще и не находитъ словъ для разговора.

— Ты послалъ Рози за мной? Зачѣмъ я тебѣ такъ понадобилась?

— Ну, не говори такъ!.. Хотѣлъ тѣбя видѣть, что жъ еще!..—старался Августъ найти шутливый тонъ, но сейчасъ же тревожно прибавилъ:—Мнѣ еще нужно кое о чемъ поговорить съ тобой... Пройдемъ немного дальше. Когда Рози вернется, мать скажетъ, что я съ тобой встрѣтился... А потомъ зайдемъ къ намъ, если у тебя есть время!..

Онъ держалъ руку дѣвушки и повернулъ отъ дороги къ лѣсу. Ева молча шла рядомъ съ нимъ. По опушкѣ лѣса, чрезъ низкій кустарникъ, вилась узенькая тропинка къ озеру. По ней они и пошли. Слѣва высокій, шумящій лѣсъ, справа зеленый, ольховый кустарникъ, переполненный комарами и мошками.

Августъ шелъ въ тревожномъ раздумьи, видимо никакъ не рѣшаясь заговорить.

Ева удивленно смотрѣла на него.

— Ева,—началъ, наконецъ, Августъ какъ-то разсѣянно, точно не о томъ, о чемъ хотѣлось: — ты съ нѣкоторыхъ поръ измѣнилась ко мнѣ. Можно узнать почему?

— Почему жъ нельзя! Ты ко мнѣ перемѣнился, въ томъ все и дѣло! —твердо отвѣтила Ева.

— Я? Это неправда! Я не перемѣнился, ты ошибаешься...—проговорилъ онъ неувѣренно.

Ева смотрѣла внизъ.

— Не стоитъ объ этомъ разговаривать,—начала она:—свѣтъ великъ... Въ городѣ жизнь веселѣе, тамъ всего есть... Тамъ и дѣвушки приглядчѣе, и уборъ у нихъ не тотъ!.. Гдѣ ужъ намъ за ними поспѣть!.. Пускай ужъ мы живемъ, какъ сердце привыкло, какъ мысли велятъ!..

— Я понимаю, понимаю, Ева, о чемъ ты говоришь... Но право же, ты ошибаешься! Въ городѣ ничего у меня нѣтъ. А что мы рѣдко видѣлись все это время, такъ не моя въ томъ вина: не попалъ въ эту сторону. Я вѣдь долженъ ѣхать, куда пошлетъ хозяинъ!.. Ну, не упрекай же меня, Ева!..

Ева взглянула на него и покраснѣла.

— Августъ, зачѣмъ ты скрываешь? Скажи лучше правду, сознайся! Такъ мы скорѣе помиримся!.. Иногда кое-что слышно и въ деревнѣ о городскомъ... Ты и тамъ гуляешь съ дѣвушкой, какъ здѣсь со мной... Только тамъ каждое воскресенье, а со мной черезъ два мѣсяца разъ. Развѣ не такъ?

На красивомъ лицѣ Августа пробѣжала тѣнь смущенья, онъ пробормоталъ что-то въ родѣ «бабья болтовня», но увѣрять и оправдываться больше не сталъ. Онъ прижалъ руку Евы къ своей груди и остановился.

— Не надо теперь заниматься этимъ! Теперь не время!..—началъ онъ, и въ его глазахъ появилось какое-то странное, небывалое донынѣ выраженіе.— Я бывалъ легкомысленъ, — не буду этого скрывать, но тебя, Ева, я не забуду, вѣрь мнѣ! Я тебя никогда не забуду!.. Не будь же ко мнѣ жестока, Ева, въ такую минуту!.. У тебя въ сердцѣ все что-то лежитъ противъ меня!..

— Куста, что ты? Что съ тобой?.. Я тебя никогда такимъ не видала!..

Ева со страхомъ смотрѣла на смущенное лицо молодого человѣка. Онъ пытливо смотрѣлъ въ глаза дѣвушки, будто стараясь что-то рѣшить, предугадать.

— Я скажу тебѣ все коротко... безъ лишнихъ словъ... — началъ онъ неровнымъ, прерывающимся голосомъ.

Рука Евы дрожала въ его рукѣ.

— Пойдемъ, Ева, сядемъ вотъ тутъ... на камнѣ...

Когда они сѣли на покрытомъ мхомъ камнѣ, въ тѣни ольховыхъ кустарниковъ, Августъ прижался лицомъ къ щекѣ Евы и почти шепотомъ проговорилъ:

— Ты должна исполнить мою просьбу... А не то... Онъ остановился.

Ева дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Я въ большомъ горѣ, — продолжалъ онъ: — вчера вечеромъ въ корчмѣ собралось много народа: кучера, повара, садовники... Все изъ

имѣнія... Стали играть въ карты. Я тоже игралъ... Понимаешь, когда въ головѣ шумитъ—все ни по чемъ!.. Пьяному—море по колѣно!.. Я былъ какъ сумасшедшій... Пропалъ я теперь, пропалъ!.. Знаешь ли, что я сдѣлалъ!?.. Я проигралъ 85 р. изъ хозяйскихъ денегъ! Теперь ты знаешь, Ева!.. Подумай и рѣши, что дѣлать!..

Молодой человѣкъ схватился обѣими руками за голову и боязливо смотрѣлъ на шумѣвшій лѣсъ. Точно ждалъ, что оттуда вотъ-вотъ бросится на него дикій звѣрь.

Ева была до того испугана, что въ первую минуту не могла вымолвить ни слова.

— Деньги хозяина... 85 рублей!..—повторила она наконецъ и безпомощно опустила руки.

— Ты долженъ отдать ихъ завтра?

— Сегодня вечеромъ, Ева.

— И ты нигдѣ не можешь достать?

— Откуда мнѣ достать!..

Странно, первая мысль Евы была какъ бы помочь, гдѣ бы найти спасеніе. Ее не поразило это непозволительное легкомысліе Августа, его наклонность къ порочности. Удивительно, что она даже не отдалилась отъ него, не бросила на него ни одного укоризненнаго, осуждающаго взгляда. На лицѣ ея выразилось только участіе, тревога и желаніе спасти. Исчезли раздраженіе, такъ ясно выражавшаяся ревность, горечь и напускная холодность.

— Господи, что же теперь дѣлать!..—тревожно повторяла она.

— Не знаю... не знаю я, что дѣлать!..—говорилъ Куста. Но ужъ прямо и смѣло онъ глядѣлъ на Еву, и въ его глазахъ выражалась надежда. За горячее участіе Евы онъ ухватился, какъ утопающій за мелькнувшую надежду спасенія. — Я не знаю... Но я думалъ... Ты могла бы помочь, Ева... Вѣдь послѣ отца у тебя осталось сто рублей наличными деньгами... Я думалъ поэтому, что ты...

Ева отрицательно покачала головой.

— Эти деньги я не могу взять. Я давно отдала ихъ въ долгъ брату, когда онъ покупалъ хуторъ въ Лифляндіи. Ихъ долго не получишь. Дай Богъ черезъ нѣсколько лѣтъ, а не то что сегодня вечеромъ!.. Ты знаешь, какъ мой братъ бѣденъ!.. Мнѣ жаль тебя, Куста, ты такъ ошибся!..

— Какъ, у тебя нѣтъ этихъ денегъ?—вскричалъ Куста, вскакивая.— И ты нигдѣ не можешь взять подъ нихъ въ долгъ?

— Господи, кто жъ мнѣ дастъ въ долгъ! Куда я пойду просить? Кто повѣритъ деревенской дѣвушкѣ такую кучу денегъ!.. 85 рублей!.. Подумаютъ, что я съ ума сошла!.. Сейчасъ спросятъ: «Зачѣмъ тебѣ?» Что жъ тогда мнѣ отвѣтить!?.

— Да, да. Я совсѣмъ одурѣлъ,—проговорилъ Куста, вытирая холодный потъ со лба:—мои мысли крутятся какъ въ вихрѣ. Я долженъ

найти выходъ!..—прибавилъ онъ въ отчаяніи.—Не то меня ждетъ судъ и наказаніе—тюрьма!..

При этихъ словахъ Ева вскочила съ камня. Въ ея черныхъ глазахъ выразился ужасъ.

— Развѣ твой хозяинъ такъ строгъ?—чуть слышно сказала она.—А самъ ты... развѣ не можешь достать въ долгъ у своихъ знакомыхъ? Ты вѣдь мужчина! Что жъ ты думалъ, когда столько денегъ...

Августъ опустилъ голову и болѣзненно усмѣхнулся.

— Что думалъ!.. Игрокъ, когда онъ въ азартѣ, ни о чемъ не думаетъ!.. Только играетъ и бросаетъ деньги. Чѣмъ больше проигрываетъ, тѣмъ больше бросаетъ. А когда въ карманѣ ни копѣйки—тогда открываются глаза. Только когда подъ утро я пріѣхалъ въ Локоти, у меня поднялась боль въ сердцѣ... Но я... я разсчитывалъ на тебя!.. Я бы терпѣлъ голодъ, нужду и возвратилъ бы тебѣ эти деньги въ полгода! Теперь надежды нѣтъ. Взять въ долгъ негдѣ въ такое короткое время. Хозяинъ меня ждетъ сегодня вечеромъ, такъ какъ завтра утромъ я долженъ ѣхать на ярмарку въ Л. Купленный здѣсь скотъ уже прибылъ въ городъ. Что меня ждетъ, сама можешь понять!.. Мой хозяинъ въ такихъ дѣлахъ не знаетъ милости!..

Августъ говорилъ глухимъ голосомъ. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, какъ будто хотѣлъ уйти, потомъ остановился, потомъ опять пошелъ, опустивъ голову. Его руки безсильно висѣли по бокамъ. Ева дотронулась до его плеча.

— Куста...

Онъ обернулся. Голосъ молодой дѣвушки заставилъ его прислушаться. Въ ея голосѣ было слышно что-то подающее надежду. Точно она рѣшилась что-то предпринять.

— Я знаю одинъ выходъ,—сказала она:—мнѣ давали сегодня сто рублей... Если хочешь, я пойду и принесу тебѣ ихъ.

Изъ красныхъ губъ точно вытекла вся кровь. Ея лицо было блѣдно, но холодно-рѣшительно.

— Какія деньги? Кто давалъ?—вскричалъ Куста; по его тѣлу пробѣжала дрожь.

— Женихъ... задатокъ давалъ... 100 рублей. Я не взяла... Мнѣ не нужно ни жениха, ни его денегъ. Но, если ты желаешь...—голосъ Евы прервался, слова остановились въ горлѣ:—если ты желаешь... Я пойду за ними... Эти деньги я получу... Идти?

— Дорогая моя... Евочка!.. Безцѣнная!.. Ты еще спрашиваешь?!—вскричалъ Куста радостно. — Теперь некогда раздумывать. Вѣдь это мое спасеніе!.. Ева, Ева, я никогда не забылъ бы твое доброе дѣло!..

— Возьмешь деньги—надо взять и жениха!..—тихо сказала Ева.

— А, та-акъ!—протянулъ молодой человѣкъ:—Этого я не подумалъ! —Онъ плотно сжалъ губы и на минуту задумался. — Но почему жъ

надо?—заговорилъ онъ снова.—Я возвращу деньги, ты отдашь ихъ ему и освободишься отъ него!..

— Куста, развѣ это не обманъ?

— Обманъ? Господи, такія вещи случаются ежедневно! Задатокъ жениха еще не ведетъ тебя подъ вѣнецъ! Отдашь деньги и скажешь, что передумала. Не могу, молъ, не хочу, сердце не позволяетъ!.. И конецъ! Господи, не отдавать же самому себя въ плѣнъ! А заставить силой выйти замужъ никто не можетъ, если такого мужа ты не хочешь!..

— Когда ты можешь отдать деньги?—спросила Ева, немного помолчавъ.

— Скоро, какъ только возможно!..—былъ необдуманный отвѣтъ.—Я буду стараться... Скоплю .. заработаю... Только бы теперь достать, а тамъ время дастъ совѣтъ! [1]) Не бойся, Ева, я не оставлю тебя долго въ такомъ положеніи. Не бойся, ничего не бойся! Спаси меня только этотъ разъ, и я душу за тебя отдамъ!..

Онъ обнялъ дѣвушку и прижалъ ее къ своей груди. Его горячее дыханіе коснулось ея щеки, а губы—ея блѣдныхъ губъ. Ева дрожала въ его рукахъ.

— Я пойду...—сказала она сдавленнымъ голосомъ.—Подожди здѣсь. Черезъ часъ я приду... Я ни о чемъ не могу сейчасъ думать... Только... подожди... подожди...

Она пошла. Скоро пропала ея стройная фигура между зелеными кустарниками, точно затканными золотою сѣтью, вечерними лучами солнца. Ева шла скоро. Капли пота выступали на ея лицѣ. Ея сердце билось такъ сильно. Въ груди кололо, въ головѣ шумѣло. Она не могла и не хотѣла думать ни о чемъ. Одна мысль была въ головѣ: «надо помочь, спасти Кусту», и эта мысль заставляла ее идти быстрѣе и быстрѣе. Ее не останавливала странная цѣль ея путешествія. Она не думала, хорошо ли она дѣлаетъ. Два часа тому назадъ она отказала жениху, сказала ему въ лицо «нѣтъ», и теперь она идетъ сказать «да» и взять деньги. Она идетъ обмануть человѣка, который никогда не дѣлалъ ей зла, напротивъ, всегда старался сдѣлать ей пріятное. Ева шла украсть, потому что развѣ была у нея увѣренность, что деньги будутъ отданы. Куста обѣщалъ вернуть, Куста хочетъ вернуть. Но желаніе отдать не достаточный залогъ для займа. Но здѣсь еще обманъ, ложь... Да, да, это настоящая кража! И для кого Ева пошла на такую дорогу? Для человѣка, который по своей собственной винѣ попалъ въ такое положеніе. Нѣтъ извиняющей причины его легкомыслію и безшабашности.

Но Ева шла, шла, и никакая сила не заставила бы ее вернуться. «Его спасти» —только этотъ голосъ звучалъ въ ея груди, или, вѣрнѣе, только этотъ голосъ она слушала.

---

[1]) Эстонская поговорка. *Переводч.*

Что онъ ни на минуту не задумался о томъ, что будетъ съ Евой, если деньги не будутъ отданы во-время; что онъ ни разу не спросилъ, кто этотъ женихъ, котораго изъ-за него надо обмануть, что онъ только думалъ о себѣ и радовался, что спасенъ, не думая о ней,—все это для Евы какъ бы не существовало.

Она пришла въ Трэгни. Здѣсь все было по старому. Старуха сидѣла у люльки все въ той же высокой повязкѣ на сѣдой головѣ. Яакъ за столомъ на томъ же стулѣ, только теперь онъ читалъ библію. Около окна жужжали мухи, но ужъ тише, благодаря приближавшемуся вечеру.

— А... а?!. Неужели Ева!..—воскликнулъ Яакъ и повернулся на стулѣ.—Ты вернулась? Забыла что-нибудь?

— Не забыла... Я пришла поговорить...—съ трудомъ проговорила дѣвушка.

— Поговорить? — глаза Яака стали какъ будто больше и привѣтливѣе.—Или по прежнему дѣлу?

— Да. По дорогѣ начала...

— По дорогѣ начала думать? Что? И рѣшила иначе? Можетъ ли быть!..

— Да,—отвѣтила она коротко.

— Такъ ты согласна? Сердце и голова поговорили другъ съ другомъ и повернулись къ старомодному Яаку? Такъ ли?

— Да. Ты, зять, не удивляйся и не сердись... Человѣкъ не воленъ... У него разныя бываютъ думы, разныя мысли... Если ты не сердишься и хочешь... Я согласна теперь...

Доброе лицо Яака сіяло радостью. Онъ быстро всталъ, подалъ Евѣ руку и сказалъ:

— Сердиться! Ну!.. Мнѣ сердиться! Нѣтъ, я радъ, такъ радъ!.. Я помолодѣлъ на десять лѣтъ... Да!.. Я благодаренъ... Я не сержусь!.. Я тебѣ такъ благодаренъ, Ева, за твое доброе рѣшеніе!.. Ты разсудительная, хорошая дѣвушка! Такой я тебя всегда считалъ!.. Правда, я такъ радъ, такъ радъ, что...—Онъ поспѣшно подошелъ къ шкафу и возвратился съ самой новой, огненной «радужной».—На. Возьми ее! Не противься больше!.. Это обычай старыхъ людей. Онъ даетъ увѣренность жениху, что невѣста твердо рѣшилась и ужъ не передумаетъ. Можетъ ли быть!.. Такое ясное солнце, послѣ прежняго хмураго неба! Какъ я былъ огорченъ!.. Я вотъ... въ святыхъ книгахъ искалъ утѣшенія!.. Вѣрь, Ева, я буду хорошимъ тебѣ мужемъ!..

— Что вы тамъ?—спросила вдругъ хриплымъ голосомъ старуха.—Невѣстка Ева вернулась? Беретъ деньги?

— Ева умница, пожалѣла стараго Яака и обѣщаетъ быть его женой!..—сказалъ хозяинъ въ ухо старухѣ.

— Только что гордилась и ушла!.. О... ой, ой!..—проговорила старуха и еще сильнѣе закачала головой.

— Она передумала по дорогѣ, и сердце заставило ее вернуться. Поздоровайся съ невѣсткой, матушка, и будь ей хорошей свекровью!..

Старуха окинула Еву взглядомъ съ головы до ногъ и потомъ протянула ей свою желтую, сухую руку.

— Я-то буду хорошей свекровью, пусть только Ева не будетъ очень скупа!..—сказала она и заржавѣвшимъ, старымъ голосомъ затянула народную пѣсню про невѣстку.

— Ты, конечно, посидишь?—сказалъ Яакъ Евѣ.—Вмѣстѣ поужинаемъ, поговоримъ...

— Нѣтъ, я пойду...—будто испугавшись, перебила его Ева:—дома ждутъ... Нельзя...

— Дома? Пусть подождутъ!—махнулъ рукой Яакъ.—Думается, сегодняшній вечеръ намъ по порядку надо бы пробыть вмѣстѣ... Ну, а если непремѣнно надо—иди! Дѣлай какъ знаешь, какъ хочется!.. Я доволенъ и тѣмъ, что получилъ! Очень доволенъ, Ева!..

— Правда, надо!..—тихо и тревожно отвѣтила Ева.—Прощай, Яакъ, прощай, матушка!..—она подала обоимъ руку и поспѣшно вышла.

— Чудна немножко моя будущая насѣдка!.. — усмѣхнулся Яакъ, смотря ей вслѣдъ въ окно.—А все жъ разумная, хорошая дѣвушка!.. Есть чѣмъ похвастать!..

Ева неслась, какъ вѣтеръ, по выбоинамъ, кочкамъ, черезъ поля ближайшею дорогою къ Локоти. Около Локоти она сдѣлала большой кругъ, чтобы не пройти мимо него, и наконецъ, въ поту и задыхаясь, дошла до опушки лѣса. Еще немного, и она у камня, гдѣ остался Куста. Онъ сидѣлъ, облокотившись на камень и поддерживая руками голову. Увидя Еву, онъ вскочилъ и вопросительно смотрѣлъ на нее.

— Получила?

— На.

Ева прислонилась къ камню и тяжело дышала.

Августъ схватилъ бумажку и то смотрѣлъ на нее съ нѣмымъ восхищеніемъ, то шуршалъ ею, перебирая пальцами. Наконецъ, сложилъ и спряталъ въ карманъ. Его радость была такъ велика, что онъ не находилъ словъ. Онъ порывисто обнялъ Еву и цѣловалъ ее въ губы, щеки, глаза, потомъ схватилъ ея руки и покрылъ ихъ поцѣлуями.

— Я этого никогда не забуду!—повторялъ онъ.—Никогда! Вѣрь, Ева, я съумѣю отблагодарить тебя! Какая ты, правда, славная дѣвушка! Добрая, хорошая! Ишь, какая вострушка!.. Я не повѣрилъ бы, что ты можешь такъ ловко устроить такое дѣло! О, моя милая!.. Ты такъ добра, такъ добра!..—говорилъ онъ, цѣлуя ее.

Ева стояла потупясь. Она напряженно слушала Кусту. Она, повидимому, чего-то ожидала, и ожиданіе не исполнилось. Когда молодой человѣкъ умолкъ, она подняла глаза и печально смотрѣла на него. Казалось, Куста понялъ ея взглядъ.

— Не бойся, Бога ради, не бойся, что оставлю тебя въ бѣдѣ,— сказалъ онъ.— Я буду откладывать изъ своего жалованья столько, сколько возможно!.. Можетъ быть, подзайму гдѣ-нибудь!.. Все это по-

стараюсь сдѣлать какъ можно скорѣе, чтобъ избавить тебя отъ заботы!.. Да, кстати, я хотѣлъ спросить, кто это твой женихъ? Я забылъ тебя спросить. Что онъ, опасный?

— Мой зять, Яакъ Трэгни,—отвѣтила Ева.

— А, этотъ! Да, да, твоя сводная сестра вѣдь умерла. Яакъ теперь вдовецъ. Вотъ!.. Такъ это онъ за тебя сватается! Ну, его нечего особенно бояться! Это человѣкъ хорошій, да и родственникъ. Онъ не будетъ торопить тебя!.. Значитъ, Ева, мы съ тобой останемся по старому?!. Ты мнѣ не измѣнишь?.. Съ сегодняшняго дня ты мнѣ стала во сто разъ дороже!.. Если возможно, я какъ-нибудь зайду къ вамъ... Ну, будь же веселѣй, я тебя никогда, никогда не оставлю!..

Только этихъ объясненій и ждала Ева. Ея блѣдное лицо просіяло, на глазахъ выступили слезы. Она дрожала всѣмъ тѣломъ. Куста притянулъ ее къ себѣ. Она склонила голову на его плечо, закрыла руками лицо и заплакала такъ искренно, такъ горько, что молодой человѣкъ испугался.

— Ну, не безпокойся же!..—старался онъ утѣшить ее: — ты можешь вполнѣ на меня разсчитывать!.. Или боишься, что я въ городѣ съ другими дѣвушками гуляю? Чепуха! Я останусь твоимъ навсегда! Теперь это ужъ вѣрнѣе вѣрнаго! Ну, повѣрь же мнѣ!.. Брось плакать, ну, развеселись!..

Ева тряхнула головой, будто сердясь на себя. Утирая слезы, она протянула Кустѣ руку.

— Иди... И мнѣ домой надо... Прощай!.. Я тебѣ вѣрю... Надѣюсь на тебя!.. Не буду скучать, если съ сердцемъ слажу!.. Прощай, Куста!.. Не забывай меня... Если сердце велитъ, думай обо мнѣ!..

Она пристально въ раздумьѣ посмотрѣла на молодого человѣка и быстро скрылась въ кустахъ. Оторопѣлый Куста не успѣлъ поцѣловать ее на прощанье.

Въ Катальпеа радость: Ева выходитъ замужъ, да еще за Яака Трэгни! Яакъ человѣкъ хорошій и, кромѣ того, зажиточный. Онъ въ волости изъ первыхъ. Лучшаго зятя родителямъ и желать нечего. Вѣдь Яакъ ужъ зять старика Катальпеа, они знаютъ его вдоль и поперекъ. Бѣдная Марья умерла. Теперь онъ женится на сводной сестрѣ. Все въ порядкѣ вещей. Да и Евѣ пора подъ вѣнецъ: въ Катальпеа еще двѣ невѣсты ждутъ очереди. Работницъ и безъ нея хватитъ. Ева отъ второго брака Яна Катальпеа. Отъ первой жены у него осталось три дочери. Да вторая жена—вдовая—привела съ собой сына. Ева одна отъ ихъ второго брака. Дочь Марья умерла, двѣ—еще дѣвушки, сынъ въ Лифляндіи — собственникъ, ужъ тоже женатъ. Правда, сводныя сестры Юли и Лизи старше Евы, имъ надо бы раньше выйти замужъ, какъ это водится; но Ева ужъ разъ, изъ-за покойной Марьи, отказала жениху. Еще разъ требовать этого было бы неспра-

ведливо. Яакъ сватается, Ева согласна, и дѣлу конецъ. Пускай только готовятъ приданое. Яакъ самъ передалъ старикамъ Катальпеа о рѣшеномъ сватовствѣ. Это очень удивило ихъ. Когда въ то воскресенье Ева пришла домой, она никому не сказала ни слова. Она молчалива, какъ могила. Мать нѣсколько разъ принималась бранить ее за скрытный поступокъ.

— Пусть!.. Вѣдь знаешь ее!—сказалъ наконецъ Яакъ.—Болтливости и хвастовства у ней нѣтъ! Вотъ зашлю сватовъ въ пятницу и узнаютъ всѣ!.. Она говорить не любитъ. Ну, была бы она злое, худое дитя, можно бъ называть ее скрытной!.. Этого въ ней нѣтъ. Идетъ своей дорогой прямо. Пусть!.. Люди разные на Божьемъ свѣтѣ!..

Что жъ долго матери раздумывать. Она должна вѣдь согласиться съ Яакомъ, что Ева шла своей дорогой прямо—«худого за ней» никогда не было. Благо сватовство рѣшено, для матери больше ничего и не надо. Теперь у нихъ наступитъ хорошее время, правда, полное заботъ и хлопотъ, но такія хлопоты переносятся охотно. Странно только, что со сватовствомъ тянутъ такъ долго. Даже пятница сватовства еще не была. Извѣстно, Яакъ хорошій человѣкъ,—дѣлаетъ все, что невѣста хочетъ. Ева ужъ нѣсколько разъ просила подождать со сватовствомъ. Въ первый разъ женихъ даже не спросилъ о причинѣ. Желаніе невѣсты для него законъ. Второй разъ онъ, правда, спросилъ покорно и боязливо, но Ева не отвѣтила. Она только просила, и Яакъ исполнилъ. Богъ знаетъ, чего бы онъ не исполнилъ по просьбѣ красивой Евы, такъ она была ему дорога! Ужъ и родители начали выражать неудовольствіе. Почему все это тянутъ и тянутъ. Неудовольствіе росло съ каждымъ днемъ. Бѣдная Ева, кому она могла открыть свою тайну? Кому она могла сказать, что въ ея сердцѣ этой пятницы—когда Яакъ будетъ ее сватать—нѣтъ. Она ждала денегъ, чтобы отдать ихъ Яаку и сказать:

— Ты хорошій, добрый человѣкъ, не сердись, я не хочу тебя имѣть ни женихомъ, ни мужемъ и никогда не хотѣла. Не сердись, что я врала тебѣ въ глаза. Я тебя обманула, чтобъ выманить у тебя изъ кармана деньги, чтобъ спасти отъ тюрьмы любимаго человѣка. Не сердись, какъ никогда не сердился на меня!..

Разъ мать спросила ее о деньгахъ Яака, хорошо ли онѣ спрятаны. Ева, блѣдная, отвѣтила, что деньги спрятаны хорошо. Теперь она должна была лгать, лгать на каждомъ третьемъ словѣ, одною ложью покрывать другую! Лгать и обманывать, хоть бы сердце разорвалось на куски! Сердце ея въ самомъ дѣлѣ рвалось на части, но уста были сомкнуты и молчали. Ея поведеніе было ровное. Только около рта появились у нея складки, да иногда взглядъ устремлялся къ городу, будто зовя на помощь. Но помощи изъ города не было. Человѣкъ, изъ-за котораго Ева должна лгать и обманывать, котораго Ева, не спросясь съ своею совѣстью, вырвала изъ бѣды, не появлялся, чтобы

избавить своего избавителя. Черезъ двѣ недѣли послѣ полученія денегъ онъ былъ у матери въ Локоти и тайкомъ прислалъ за Евой.

— Пока еще у меня денегъ нѣтъ... Ничего не собралъ... Но подожди!.. Не бойся ничего!..—сообщилъ онъ ей. И это все.

Бѣдная дѣвушка и безъ подтвержденій знала это. Она и такъ ждала и надѣялась. Она успокаивала себя, что хоть не скоро, но, наконецъ, онъ придетъ и спасетъ. Время шло, шло. Много приходило народа, но Кусты Арникъ не было.

Что жъ это значитъ? Приказчикъ, которому хозяинъ довѣряетъ, посылаетъ закупать скотъ, долженъ получать порядочное жалованье; 2 мѣсяца прошло; ужъ онъ могъ отложить хоть рублей 40. Развѣ онъ не можетъ занять остальное, развѣ приказчику не повѣрятъ? 15 р., что было лишку отъ сотни, и тѣхъ онъ не отдалъ, значитъ, они у него...

День и ночь перебирала и передумывала все это Ева. Она смотрѣла то въ одно окно—къ городу, то въ другое—на желтую крышу хутора Локоти. Но все напрасно.

Старуха Локоти ничего не знала. Куста упросилъ Еву скрыть его дѣла отъ матери. Старуха могла бы и посовѣтовать, и утѣшить Еву. Но даже въ несчастіи Ева не измѣняла слову, данному Кустѣ.

Стороной, отъ сестеръ Ева слышала, что отецъ совѣтовалъ Яаку не ждать со сватовствомъ, не смотрѣть на капризы дѣвушки. Онъ, какъ отецъ, совѣтуетъ и даже требуетъ, чтобъ въ слѣдующую пятницу вечеромъ дѣло вывели начисто. Яакъ обѣщалъ исполнить требованіе отца, такъ какъ дальше оттягивать и ему ужъ непріятно. Ему вѣдь очень нужна хозяйка. Рабочая пора—ждать некогда. Въ пятницу сватовство, скорѣе передать пастору оглашеніе, черезъ три недѣли свадьба. Какъ разъ въ день св. Якова молодуха въ домѣ. Такъ было рѣшено. Ева видѣла, что больше откладывать нельзя. Она писала въ городъ къ Кустѣ, коротко объясняя ему суть дѣла. Теперь ужъ онъ долженъ придти. «Куста придетъ и спасетъ!» была у Евушки одна мысль въ головѣ, одна надежда. Съ ней она ложилась вечеромъ, съ ней она вставала утромъ, съ ней и въ полночь она молилась и обливала слезами свою подушку. Эта мысль наполняла ея душу такъ сильно и могущественно, что ею овладѣло холодное спокойствіе и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе подходила пятница сватовства, а за нею свадьба. Однакожъ, пятница наступила, но Кусты не было, и никакого слуха не было о немъ. Еще до вечерней зари Евушка сбѣгала потихоньку въ Локоти — не было ли тамъ чего слышно объ Августѣ. Ничего. Ни мать, ни Роза ничего не знали, когда онъ пріѣдетъ.

Пришелъ Яакъ съ дружкой и съ виномъ. Они говорили, что ищутъ пропавшую тетерьку, которую Яакъ подстрѣлилъ на охотѣ и потерялъ изъ виду. Дружка былъ остроумный малый и мастеръ устраивать сватовства. Смѣхъ раздался въ Катальпеа. Веселье было всеобщее.

Особенно веселъ и радостенъ былъ женихъ. Онъ такъ расхваливалъ свою подстрѣленную тетерьку, какъ купецъ-еврей хвалитъ свой товаръ, и такъ хулилъ другихъ птицъ, которыхъ ему показывали, какъ барышникъ чужихъ лошадей. Въ комнатѣ, куда всѣхъ птицъ-дѣвушекъ стащили на показъ жениху, среди смѣха и шутокъ, дрожала бѣдная, раненая птичка—Ева. О, она была такъ ранена и больна, такъ слаба и подавлена, что охотно забилась бы въ самый дальній уголокъ, въ самое неприступное мѣсто. Она схоронила бы себя, чтобъ никто не нашелъ ея. Скоро очередь дошла до нея. Съ радостнымъ крикомъ дружки и родители тащили ее къ жениху. Женихъ призналъ ее своею, другіе подтвердили это. Наша птичка не смѣла противорѣчить. Она стояла съ опущенными крылышками. Но какъ боязливо и испуганно смотрѣли ея глаза! Точно настоящая подстрѣленная птичка, которая все еще надѣется спастись, не смотря на перебитыя крылышки, и которую охотникъ хочетъ имѣть живую или мертвую!..

Въ слѣдующіе дни Ева бродила, какъ сонная. Она ничего не могла дѣлать, хотя усиленно заставляла себя. Первый разъ въ жизни она чувствовала себя больной и какъ въ бреду вставала утромъ съ постели. Она ничего не думала, ничего не чувствовала. Въ такомъ положеніи она черезъ недѣлю поѣхала съ женихомъ въ городъ, чтобы купить себѣ свадебный уборъ. Одна только мысль въ это время, какъ будто ясная и живая, шевельнулась у нея въ головѣ: «что, если Яакъ спроситъ о своихъ деньгахъ?» Но Яакъ не спросилъ. Яакъ деликатенъ въ отношеніи своей невѣсты, у него хватитъ денегъ на покупки. Онъ ни разу, ни одного слова не сказалъ про 100 р., которые далъ невѣстѣ въ задатокъ.

Кольцо, чепчикъ, матерія на платья—все уже куплено. Лошадь Трэгни стоитъ передъ магазиномъ колоніальныхъ товаровъ. Здѣсь Яакъ тоже закупаетъ. Въ телѣгѣ сидитъ невѣста одна и мрачно смотритъ вдоль улицы, черезъ головы прохожихъ, которые снуютъ туда и сюда. У каждаго свои дѣла, свои мысли свои чувства... Всѣ они проходятъ мимо Евушки, и никто не смотритъ на нее, никто не спроситъ, что съ ней, почему она такъ печальна, такъ разбита? Въ мысляхъ всѣхъ этихъ прохожихъ не существуетъ бѣдной деревенской дѣвушки. Кому до нея дѣло! Но, что это?!.. Въ груди Евы кольнуло такъ, что она тихо вскрикнула и соскочила съ сидѣнья. Тамъ, на правой сторонѣ, по панели идетъ Куста Арникъ. Идетъ, какъ всегда, легкими, веселыми шагами, съ улыбкой на лицѣ, тихо насвистывая. Шапка набекрень, галстухъ развѣвается... беззаботенъ, веселъ, совсѣмъ въ хорошемъ настроеніи. При ходьбѣ онъ смотритъ внизъ, но иногда поднимаетъ голову, посматривая направо и налѣво.

Вдругъ онъ посмотрѣлъ въ сторону телѣги Трэгни и остановился. Кровь ударила въ лицо Евы. Онъ мелькомъ взглянулъ еще разъ, потомъ сдѣлалъ видъ, будто ничего не видѣлъ, и, какъ бы вспомнивъ о

чемъ-то, повернулся на каблукахъ и пошелъ назадъ. Въ ближайшемъ переулкѣ онъ скрылся за уголъ.

Ева не вѣритъ себѣ, что видѣла Августа. Онъ стоялъ тамъ, видѣлъ ее, навѣрное видѣлъ—но повернулся и ушелъ. Этого не можетъ быть. Это былъ призракъ. Бредъ и тяжелыя думы вызвали такое привидѣніе, больше ничего. А если это былъ Куста, то онъ навѣрное не видѣлъ ея, иначе онъ подошелъ бы къ ней. Всю дорогу Ева думала объ этомъ. Она была въ такомъ раздумьи, что не слыхала ничего, о чемъ говорилъ Яакъ, и невпопадъ отвѣчала ему. Мысли вихремъ кружились у нея въ головѣ, а въ груди чувства.

«Что жъ это съ Кустой? Неужели онъ умышленно бросилъ меня? Или непреодолимыя препятствія задерживаютъ его!...»

Еще разъ передъ свадьбой она написала ему и послала письмо съ его матерью, которая поѣхала въ городъ. Ева знала, что письмо было отдано ему въ руки, и онъ читалъ его. Мать сказала, что онъ обѣщалъ дать полный отвѣтъ, а по какому дѣлу—старуха не знала, и Ева не сказала ей ничего. Къ чему? Развѣ это помогло бы? Теперь, конечно, Куста самъ подастъ голосъ. Онъ и подалъ голосъ, но только вечеромъ передъ свадьбой. Евѣ принесли изъ волостного правленія письмо. Письмо простое, ничего не значащее. Куста въ пустыхъ, пошлыхъ фразахъ просилъ извиненія, что не можетъ уплатить долгъ, и едва ли скоро уплатитъ его. Даже не было ни одного трогательнаго, горячаго слова, не смотря на всѣ признанія и увѣренія. Вмѣсто денегъ, онъ совѣтовалъ продолжать лгать и оттягивать, притвориться больной, чтобъ не состоялась свадьба. А тамъ—время покажетъ, что дѣлать. Онъ писалъ, будто съ нимъ были всевозможныя несчастія, и поэтому отложить изъ жалованья онъ ничего не могъ. Взять въ долгъ негдѣ. Но впередъ, съ Божьей помощью... и т. д. Изъ всего письма было видно, что оно составлено, лишь бы успокоить. Всѣ слова были точно деревья съ дуплами. Всѣ совѣты и обѣщанія не имѣли основанія.

Теперь ужъ Ева знала, что ее ожидало, и это было хорошо. Она больше не мучила себя думами и надеждой. Холодное и жестокое спокойствіе наполнило все ея существо. Ея лицо застыло и краска, казалось, навсегда сбѣжала съ него. Но это блѣдное лицо было рѣшительно и смѣло. Если человѣкъ знаетъ, что спасенія ему нѣтъ, то душою овладѣваетъ безчувственность, какъ бы безшабашность. Такъ и Ева чувствовала, что всѣ ея горячія чувства остыли. Смертельное, отчаянное спокойствіе, но все-таки спокойствіе.

Развѣ Ева ни разу не подумала подойти къ родителямъ, признаться имъ въ своей тайнѣ и просить милости и помощи? Любовь и всепрощеніе родителей такъ велики! Дитя всегда можетъ опереться на помощь родителей. Нѣтъ, Ева не думала объ этомъ. Въ ея груди съ дѣтства билось гордое, упрямое сердце. Она хотѣла до конца перенести свою бѣду, какъ отмщеніе за свой обманъ, не прося ни у кого участія и

милости. Можетъ быть, у нея были и другія причины, но къ родителямъ она не подошла и шла дальше.

Настала свадьба. Проворныя руки сестеръ убрали невѣсту пышно и красиво. Въ церкви всѣ восхищались ею и говорили, что давно ужъ не бывало такой красавицы. А Ева еще много утратила своей красоты, лишившись молодого, здороваго румянца. Она была блѣдна, какъ подснѣжникъ. Она была такъ слаба, что, приближаясь къ алтарю, чуть не упала. Дружки поддерживали ее и соединили ея руку съ рукою Яака, который отъ испуга совсѣмъ растерялся. Пасторъ, ожидавшій ихъ у алтаря, съ недоумѣніемъ и удивленіемъ смотрѣлъ на невѣсту...

— Свадьба!.. Свадьба!.. Ура!..

У невѣсты это дикое ликованіе, это необузданное веселье вызывало противное, горькое чувство. А сколько разъ на другихъ свадьбахъ она сама также веселилась и шумѣла!.. Вообще Ева была неинтересная, непріятная молодуха, въ этомъ должны были признаться всѣ поѣзжаные. Замѣчалъ ли это Яакъ? Можетъ быть, но только онъ никому не показалъ вида. «Яакъ ухаживаетъ и бережетъ свою молодуху, какъ зеницу ока!..» говорили здѣсь и тамъ. Онъ былъ полонъ умиленія и нѣжности, онъ предупреждалъ малѣйшее желаніе молодухи и молча, безъ словъ, выраженіемъ лица, глазами, выражалъ ей свою любовь и преданность. Молодуха особенно была благодарна ему за это молчаніе.

Свадьба была ужъ у жениха [1]), когда Яакушка, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ свадебныхъ возліяній, осмѣлился болѣе нѣжно подойти къ своей молодухѣ. Онъ обнялъ ее и хотѣлъ прижать къ своей груди.

Взглядъ Евы загорѣлся.

— Уйди!..—И она такъ оттолкнула его, что онъ въ испугѣ отступилъ на шагъ.

— Ева, что это значитъ?

— Я не хочу... Мнѣ не нравится!..—съ гнѣвомъ вырвалось у молодухи.

— Ты не хочешь? Не нравится?

— Не хочу... не хочу!..

— Какъ же такъ... Ты вѣдь моя жена?!.

По всему тѣлу Евы пробѣжала дрожь. Она потупилась.

— Отъ тебя водкой пахнетъ... Я этого терпѣть не могу!.. — сказала она тише и уступчивѣе.

Гости качаютъ головой, слышатся неодобрительные отзывы о молодухѣ.

— Пусть со мной такъ бы жена сдѣлала!

---

[1]) Послѣ вѣнца всѣ пріѣзжаютъ въ домъ невѣсты, а потомъ (иногда въ тотъ же, иногда на другой день) всѣ переходятъ въ домъ жениха и тамъ уже оканчиваютъ празднество. *Переводч.*

— Развѣ такъ можно!.. Кто это допуститъ!..

— Молодуха не должна такъ поступать!..

Другіе поддакивали, подуськивали говорившихъ.

А Яакъ пошелъ, выпилъ полштофъ воды, чашки двѣ чернаго кофе, съѣлъ кусокъ хлѣба, чтобы пропалъ скверный запахъ, котораго не переноситъ его молодуха. Только послѣ всего этого онъ набрался смѣлости снова приблизиться къ ней. При этомъ посыпались совѣты «держать ее покрѣпче», «не давать потачки».

— Ишь какая нѣжная, точно мызная барышня! Запаха вина терпѣть не можетъ!.. Наказать слѣдуетъ!.. Смотри-ка, кошечка-то въ день свадьбы коготки показываетъ!.. Ишь, барышня! Будто нѣмецкая кровь!.. Яакъ, держи ее крѣпче!.. Вотъ она тутъ!.. Не давай себя дурачить, будь мужчиной!..—Яакъ старается быть мужчиной и не быть простакомъ. Онъ шутитъ и думаетъ, что молодуха понимаетъ это. Онъ ловитъ Еву и крѣпко обхватываетъ ее за талію. Гости смѣются. Но глаза Евы загорѣлись еще сильнѣе, чѣмъ въ первый разъ, и она такъ толкнула Яака, что онъ пошатнулся. Теперь ропотъ поднялся всеобщій, сердитые голоса слились въ одинъ гулъ. Всѣ угрожающе столпились около молодухи. И самъ Яакъ поблѣднѣлъ. Его руки безсильно упали. Ева стояла, упрямо потупясь, съ горькой досадой на лицѣ.

Всѣ съ любопытствомъ ждали, что теперь сдѣлаетъ Яакъ. А Яакъ взглянулъ на сильно поблѣднѣвшую Еву и сказалъ:

— Оставьте ее. Это наше съ ней дѣло. Я самъ справлюсь съ женой!.. У всякаго своя воля. Не слушай ихъ, Ева!.. Я самъ понимаю, что подобныя штуки сердятъ человѣка! Убирайтесь!.. Танцуйте, играйте!.. Ну, чего вы тутъ столпились!.. Экіе головорѣзы!..

Онъ взялъ молодуху за руку учтиво и осторожно и вывелъ ее изъ круга любопытныхъ. Цѣлый вечеръ онъ старался ласкою добиться ея хорошаго расположенія духа и заслужить ея благосклонность...

Уже три недѣли Ева Катальпеа—хозяйка Трэгни. Наслажденіе любоваться ею: ловкая, молодая, красивая! Яакъ не нарадуется на нее. «Яакъ бережетъ свою молодуху, какъ зеницу ока!..» говорили кругомъ. Должна бы, наконецъ, и Ева понять, какой у нея хорошій, добрый мужъ. Особенно это выказалось однажды въ субботу, вечеромъ.

— Евушка,—сказалъ Яакъ:—что я хотѣлъ у тебя спросить... Ты ужъ много израсходовала изъ тѣхъ ста рублей... изъ того задатка... радужной?.. А?

Ева стояла посреди комнаты и держала на рукахъ свою маленькую падчерицу. При этомъ вопросѣ она разомъ откинула назадъ голову, точно кто-нибудь ударилъ ее въ лобъ. Все время она ждала этого вопроса, она знала, что когда-нибудь онъ будетъ поставленъ. Но когда онъ пришелъ, она точно не ожидала его. Только странно, каждый, чувствовавшій за собою вину, которая такъ сильно давитъ грудь,

отвѣтилъ бы покорно, тихо. Въ сердцѣ же Евы при первыхъ словахъ Якова разомъ поднялись горечь и озлобленіе. Она была какъ плѣнница, которая грызетъ веревки, которыми она связана.

— У меня нѣтъ этихъ денегъ!—отвѣтила она упрямо, съ сверкнувшими глазами.

— Нѣтъ?—повторилъ Яковъ.—Ты шутишь?

— Нѣтъ, не шучу. У меня ихъ нѣтъ.

— Куда жъ онѣ дѣлись?

— Потерялись.

— Потерялись?

— Да.

Яковъ въ изумленіи подошелъ къ Евѣ.

— Я не понимаю, что ты говоришь. Гдѣ жъ ты могла ихъ потерять?

— На дорогѣ. Въ тотъ же вечеръ, когда получила ихъ отъ тебя. Вѣрь. Дѣлай со мной что хочешь, но сто рублей потеряны!..

— И ты только теперь говоришь мнѣ объ этомъ?!..—воскликнулъ Яковъ, и на его лицѣ выразились изумленіе и недовѣріе, но не досада.

— Мнѣ не хотѣлось никому говорить объ этомъ... Искала, искала, но не нашла!..—отвѣтила молодуха тише, съ меньшимъ упорствомъ.

— Это, однакожъ, странная исторія!... Сто рублей на полу не подымешь, ихъ надо заработать! Если бъ ты сказала во время, можно бъ поискать, справиться, не нашелъ ли кто. Чудно, право, потеряла такія большія деньги и никому ни слова!..

— Ну, это ужъ прошло!..—отрѣзала Ева и потомъ, положивъ ребенка въ люльку, вызывающе прибавила:

— Теперь дѣлай со мной что хочешь!

— Что жъ мнѣ съ тобой дѣлать?..

— Ругай меня!.. Бей меня!.. Ну, бей, бей!..

Въ душѣ Евы въ самомъ дѣлѣ появилось дикое желаніе, чтобы Яковъ ее ударилъ или, по крайней мѣрѣ, сильно изругалъ, наказалъ. Но этого не случилось. Добрый муженекъ печально посмотрѣлъ на нее, потомъ смущенный взглядъ перевелъ въ землю и только покачалъ головой.

— Зачѣмъ ты это говоришь?—сказалъ онъ тихо, съ упрекомъ.—Зачѣмъ мнѣ тебя бить? Я никого никогда не билъ, ни одного человѣка, не то что свою жену!.. И деньги отъ этого не вернутся!... Меня только вотъ огорчаетъ, чего ты такъ загорѣлась, когда я спросилъ о деньгахъ? Точно я виноватъ въ чемъ!.. Развѣ мы не можемъ лучше ладить?

Молодуха смотрѣла на него, широко раскрывъ глаза. Она слушала и не хотѣла вѣрить тому, что слышитъ. Ни малѣйшаго упрека, ни брани; только жалуется, что жена разсердилась! Странно. Другая смягчилась бы отъ этой доброты, почувствовала бы раскаяніе, но въ сердцѣ Евы поднялось новое озлобленіе, именно на эту доброту и мягкость.

И она дала волю этому чувству, стала раздражительно насмѣхаться надъ Яакомъ. Она разсчитывала, что хоть теперь онъ разсердится и скажетъ ей что-нибудь жесткое.

— Можетъ быть, пойдешь, поищешь потерянныя деньги? Кажется, у тебя и такъ ихъ довольно!.. Отъ этихъ ста рублей, поди, голова не заболитъ!..

— Что ты говоришь!..—сказалъ Яакъ.

— Что говорю? То и говорю. Или, можетъ, пойдешь къ сосѣдямъ хвастаться: Ева, молъ, потеряла сто рублей, а я ни одного слова худого не сказалъ ей за это! Вотъ какой хорошій мужъ! Всѣ сосѣди заохаютъ и начнутъ звонить про твою доброту и хорошее сердце!

Яакъ задумчиво, искоса смотрѣлъ на молодуху. Онъ, повидимому, не понималъ, что съ ней. Потомъ онъ быстро подошелъ къ ней и схватилъ ее за руку.

— Ну, брось!.. Будь попрежнему доброй... Чего тутъ толковать о потерянномъ! Это не должно намъ жизнь портить; помилуй Господь насъ отъ этого! Я хочу жить въ согласіи, живи и ты такъ же... Спросить-то, думалось мнѣ, нужно вѣдь. Ну, а теперь больше не ругайся! Брось! Больше я тебѣ никогда объ этомъ не напомню— слова не скажу!...

Ева дала пожать свою руку и потомъ быстро отошла въ сторону. Она опять взяла изъ люльки ребенка и съ усиленнымъ вниманіемъ занялась имъ, какъ будто ни о чемъ другомъ не думала въ эту минуту. Яакъ долго ласково слѣдилъ за нею и потомъ тихо вышелъ изъ комнаты.

На другой день они поѣхали въ церковь, какъ будто ничего и не было между ними. Яакъ былъ веселъ и все время разговаривалъ, по обыкновенію, не обращая вниманія на молчаливость молодухи. Послѣ богослуженія хозяинъ Трэгни встрѣтился съ знакомымъ и пошелъ въ корчму. Онъ звалъ съ собою и хозяйку, но она не пошла, сказавъ, что въ корчмѣ отъ табаку у нея разболится голова. Она осталась стоять у телѣги и смотрѣть на прохожихъ. Яакъ пообѣщалъ вынести ей пива съ медомъ. Вскорѣ послѣ ухода Яака вдали показался Куста Арникъ. Онъ по своимъ дѣламъ опять былъ въ этой сторонѣ. Въ короткомъ черномъ пальто, съ краснымъ кушакомъ, въ длинныхъ щегольскихъ сапогахъ, шапка, по обыкновенію, набекрень... Красивый, веселый, молодцоватый мужчина! У Августа замѣчательно красивые кудрявые волосы, что очень нравится дѣвушкамъ; на его щекахъ, какъ огонь, пылаетъ румянецъ, какой можно замѣтить у мясниковъ и пивоваровъ. При этомъ у него видный ростъ, сила, складная рѣчь, умѣнье держать себя... Всегда онъ живой, ласковый... Во всѣхъ отношеніяхъ такой мужчина, на какихъ съ тайнымъ увлеченіемъ и завистью поглядываютъ дѣвушки.

Онъ подходитъ къ телѣгѣ Трэгни, не замѣчая Евы. Но Ева его ви-

дитъ издали. У женщинъ зоркіе глаза. Но вотъ и Куста замѣтилъ молодуху. На мгновеніе онъ какъ бы замедлилъ шаги, но сейчасъ же быстро подошелъ къ хозяйкѣ Трэгни. Они молча смотрѣли другъ на друга. Ева тоже красива. Нарядъ молодухи придаетъ ей особенную прелесть. Вмѣсто высокой деревенской повязки, у нея надѣтъ модный розовый чепчикъ, который такъ красиво сидитъ на ея золотистыхъ волосахъ. Бѣлый шелковый платокъ придаетъ нѣжный оттѣнокъ ея лицу. Стройный станъ красиво обрисовывается въ туго стянутомъ лифѣ. Красивая молодуха и совсѣмъ точно городская. Все ей къ лицу, и во всемъ виденъ даже какъ будто тонкій вкусъ. Августъ полуудивленно разсматриваетъ ее. Краска на его лицѣ какъ будто усилилась. Потомъ онъ смущенно опустилъ глаза и стоялъ покорно и виновно, не осмѣливаясь даже протянуть руки.

— Не знаю... смѣю ли я подойти?.. — проговорилъ онъ тихо, и въ его фигурѣ были замѣтны стыдъ и неловкость. Онъ взглянулъ еще разъ на Еву и встрѣтилъ ея серьезный взглядъ. Холодная дрожь пробѣжала по его тѣлу.—Если хочешь, Ева, я уйду, какъ подбитая собака!—заикаясь началъ онъ черезъ нѣсколько времени.—Я чувствую свою вину, вижу очень хорошо... Знаю, что ты считаешь меня негодяемъ... Но я ничего не могу тутъ подѣлать!.. Я согласенъ на всякое наказаніе, какое ты возложишь на меня!..

Ева не отвѣчала ни слова.

— Значитъ, ты молодуха? Жена Яака Трэгни? Ай!.. Лучше бъ провалился я сквозь землю!.. Лучше бъ убила меня молнія!.. Неужели ни одного слова ты больше не хочешь со мной сказать?!.

— Мнѣ нечего тебѣ сказать,—холодно отвѣтила молодуха.

— Тогда я уйду,—печально сказалъ Августъ, и на его лицѣ была замѣтна серьезная боль.—Я не стараюсь оправдываться. Моя вина велика... Я не смѣю надѣяться на прощенье... Но я тебѣ скажу, Ева, я вполнѣ наказанъ... Что чувствуетъ сейчасъ мое сердце, это сильнѣе всякаго упрека!.. Я легкомысленъ, я негодяй по своимъ наклонностямъ и поступкамъ, но сердце у меня не скверное!.. Обмануть, наврать я могу, но эта ложь немилосердно давитъ мое сердце!.. Я не мошенникъ. Я искренно желалъ избавить тебя отъ горя, какъ избавила меня ты, но я не могъ! Можетъ быть, моя легкомысленность тутъ виновата... Можетъ быть, я не все сдѣлалъ, что возможно... Но я наказанъ... Я такую терплю теперь боль!.. Эти деньги я вамъ возвращу!..—прибавилъ онъ шопотомъ, озираясь кругомъ:—до сихъ поръ я не могъ и, когда заплачу, не знаю...

— Этого не надо. Я не хочу отъ тебя ни копѣйки,—сказала коротко Ева.

Лицо Кусты стало горько.

— Ты мной пренебрегаешь и изъ гордости не требуешь денегъ? Это меня больно оскорбляетъ!.. Но я долженъ заплатить свой долгъ,

чтобъ не слишкомъ презирать себя! Скажи, Ева, твой мужъ спрашивалъ о деньгахъ?

— Это мое дѣло,—отвѣтила молодуха и отвернулась.

— Я вижу, ты хочешь избавиться отъ меня. Я ухожу... Я не смѣю ничего больше сказать... только... Прощай, Ева!..

Это «прощай» было такъ печально, съ такой мольбой, что Ева противъ воли взглянула на него. Лицо Кусты было глубоко печально, онъ повернулся и медленно пошелъ, понуря голову.

— Куста...

— Ты меня звала, Ева?—спросилъ онъ, оглянувшись.

— Я хотѣла проститься съ тобой,— сказала молодуха прерывающимся голосомъ.

Лицо Кусты просіяло. Онъ быстро вернулся и подалъ ей руку.

— Такъ ты меня не прокляла еще?..

— Нѣтъ... Прощай...

— Такъ мы можемъ остаться знакомыми?

— У меня гнѣва нѣтъ,—отвѣтила Ева, и краска бросилась ей въ лицо.—Я справилась со всѣмъ, справлюсь и съ этимъ... Если нельзя помочь, надо быть довольнымъ тѣмъ, что есть!..

— Ты такъ добра, что мнѣ стыдно стоять передъ тобой!..

Куста съ увлеченіемъ сжалъ руку молодухи.

— Такъ мнѣ можно когда-нибудь зайти къ вамъ?

— Мы никого не выгоняемъ!..—старалась усмѣхнуться Ева.

— Такъ я зайду когда-нибудь!—сказалъ Куста съ жаромъ, еще разъ горячимъ взглядомъ посмотрѣлъ на красивую молодуху и ушелъ.

Ева увидѣла идущаго къ ней Яака. Въ рукахъ у него были бутылки съ пивомъ и медомъ и стаканъ. Онъ улыбался и шутливо подмигивалъ, указывая на удалявшагося мясника.

— Ага, ты любезничала съ прежнимъ женихомъ! Онъ пришелъ вѣрно узнать, какъ ты поживаешь по новому?..

— Да,—отвѣтила коротко Ева.

— Небось жалѣетъ, что Трэгни Яакъ изъ-подъ носа у него взялъ красавицу?

— Онъ никогда меня не сваталъ,—отвѣтила молодуха, видимо не желая распространяться.

— Ну, ну, сейчасъ и надулась! Я вѣдь просто пошутилъ! Я самъ, шутъ знаетъ, какъ радъ, что нашелъ такую важную хозяйку! Человѣкъ я не нонѣшній, въ порѣ—есть чему радоваться! Думаю, щеголи-то наши, небось, мнѣ завидуютъ! А моя гордость еще больше растетъ!.. На-ка, пей! Не сердись, что долго тамъ пробылъ, никакъ нельзя было уйти отъ другихъ!..

Въ голову Яака въ корчмѣ немного попало, и потому онъ былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа. По дорогѣ домой онъ безъ умолку говорилъ, такъ что отвѣтить ему или вставить что-нибудь свое

было бы невозможно. Онъ хвалилъ свою жену, постоянно повторяя, какъ онъ радъ, что изъ подъ-носа у другихъ отбилъ такую красивую, молодую, добрую, кроткую хозяйку! Яакъ былъ счастливъ, это могъ видѣть каждый. А что думала молодуха? Точно тѣнь спустилась на ея лицо, не давая ни малѣйшей возможности угадать ея настроеніе.

Куста Арникъ заѣзжалъ въ Трэгни, когда ѣздилъ въ ту сторону' спросить, нѣтъ ли продажнаго быка, коровы или теленка, а то такъ просто побесѣдовать съ Яакомъ или съ хозяйкой. Иногда онъ оставался отобѣдать. Почему же нѣтъ? Его приглашали, какъ хорошаго знакомаго, да и онъ, если случалась покупка въ Трэгни, платилъ лучше, чѣмъ другимъ. Про извѣстныя деньги онъ долгое время и не вспоминалъ Евѣ. Не вспоминала и молодуха; она еще тогда заявила, что отдачи не желаетъ. Да и куда бы она ихъ дѣла? Показать Яаку нельзя, употребить на себя тѣмъ болѣе. Однажды, ужъ прошло болѣе четверти года, Куста туманно и неопредѣленно просилъ Еву, чтобы она подождала еще, что онъ долгъ свой помнитъ. Конечно, это было въ отсутствіе Яака. Яаку и во снѣ не снилось, что между женою и молодымъ мясникомъ существовала дружба и какая-нибудь тайна. Сердце Яака было слишкомъ чисто и честно для подозрѣній. Полуглухая старуха-мать и то разъ чисто по-женски подуськивала его.

— Яакъ, что-то сынъ Локоти больно часто къ намъ лѣзетъ? Смотри въ оба, тутъ что-нибудь неспроста! Развѣ ты не замѣчаешь, у него постоянно находятся разговоры съ Евой? Я ужъ раза два замѣчала, когда ты уйдешь изъ комнаты, они шепчутся другъ съ дружкой!..

Но Яакушка совсѣмъ разсердился. Наговорилъ матери кучу непріятностей про вѣчную вражду свекрови къ снохѣ и окончилъ словами:

— Оставь, матушка, мою жену! Ева сама знаетъ свои обязанности. Ева за спиной мужа ничего не заведетъ такого!.. Да и что тутъ можетъ быть? Воровать она у меня не станетъ, скотины мяснику не подаритъ и не продастъ безъ меня! Чего же мнѣ еще бояться, что могла бы принести худого дружба съ Кустой Локоти?.. Не сѣй, мать, между нами раздора!..

Даже такой разговоръ не могъ лишить спокойнаго сна хозяина Трэгни. Онъ вѣрилъ и уважалъ честность своей Евы слишкомъ сильно. Онъ никогда не замѣчалъ въ ней ничего дурного, никогда не слыхалъ про нее ничего подобнаго, когда она была дѣвушкой. Нѣтъ, въ этомъ отношеніи онъ всякаго станетъ оспаривать, кто бы вздумалъ поколебать его. Но есть кое-что другое, что колетъ сердце Яака, чего онъ не можетъ рѣшить, чему онъ не знаетъ какъ помочь. Относительно этого онъ разъ жаловался своему тестю.

Спустя нѣсколько времени послѣ свадьбы, тесть шутя спросилъ его, доволенъ ли онъ своей молодухой?

— Хорошая ли жена Евушка? Умѣетъ ли она хозяйничать? У Яака что-то грустное лицо, ужъ не попалъ ли онъ подъ башмакъ къ женѣ? Не отъ этого ли такъ печаленъ?—поддразнивалъ тесть.

Яакъ коротко усмѣхнулся и покачалъ головой. Слова старика Катальпеа какъ будто поставили его въ неловкое положеніе.

— Я Евою вполнѣ доволенъ,—началъ онъ потомъ, собравшись съ духомъ:—она совсѣмъ такая жена, какую я хотѣлъ. Трудолюбивая, ловкая, съ твердой рукой и свѣтлой головой. Одно вотъ... Ужъ очень она молчалива! Все про себя что-то думаетъ. Это меня немножко огорчаетъ. Вотъ что, тесть! Можно подумать, что нелюбо ей въ домѣ Трэгни, не нравится ей новая родня! Такъ не нравится, что не можетъ она веселиться и радоваться!.. Одно вотъ это меня огорчаетъ!..

Отецъ Катальпеа засмѣялся и махнулъ рукой.

— Пустая болтовня, больше ничего! Не любо, эко диво! Не нравится, по своимъ скучаетъ! Надо, чтобъ нравилось, должна уступить! Пусть скучаетъ, какой мужъ станетъ спрашивать объ этомъ! Время унесетъ дѣвичьи мысли!.. Послушайте, пожалуйста!.. Гм... не хочетъ! Не будь дуракомъ, Яакъ, не ломай голову надъ пустяками!..

— Право, тесть...—смущенно отвѣтилъ Яакъ.—У меня ужъ сердце такое... Жаль какъ будто, когда жена невесела!.. Что скрывать, ужъ очень мнѣ мила моя Евушка!.. Не хотѣлъ бы я никогда видѣть ее печальной!.. Въ груди какъ будто колоть начинаетъ отъ этого!.. И моя надежда въ томъ, что не всегда такъ будетъ!.. Вотъ только боюсь, нѣтъ ли у ней чего-нибудь противъ меня!..

— Противъ тебя? Часъ отъ часу не легче! Ты ужъ совсѣмъ заврался!..—И старикъ громко разсмѣялся.—Въ жизни не видалъ такого мужчины, — съ сердцемъ, какъ каша! Такъ ты боишься, что молодуха тобой недовольна? У тебя такой видъ, будто ты и мысли, и голову подчинилъ капризамъ жены!

— Ты, тесть, пойми, какъ слѣдуетъ!—сказалъ Яакъ, глядя прямо въ глаза тестю.—Она должна бы быть мной довольна! Я все для нея дѣлаю, что могу!.. Думаю, вѣрно еще не привыкла ко мнѣ, да и къ хутору Трэгни тоже! Молода еще, выросла подъ крылышкомъ матери!.. Ну, да, быть можетъ, время пріучитъ!..

— Да что жъ она такое сдѣлала, что ты такъ задумался?—продолжалъ подтрунивать весельчакъ-тесть.—Можетъ, съ постели столкнула? Аль когтями маленько поцарапала? А?

— Сохрани Богъ!.. Ничего такого, о чемъ стоило бы говорить!.. Ровно ничего! У насъ ссоръ не было. Ева не любитъ ссориться, вѣдь ты знаешь!..

— Такъ что жъ такое?

— Ну, вотъ... Поведенье иногда... Говоритъ такъ мало... Все задумчива... Отвѣтитъ отрывисто, будто кнутомъ хлыстнетъ! Ну, я ужъ, кажется, совсѣмъ заврался! Бросимъ-ка лучше болтать пустяки! —

оборвалъ сразу Яакъ: ему сильно были не понутру подтруниванія тестя.—Чего толковать!.. Все у насъ хорошо и спокойно и пожаловаться мнѣ ни на волосъ не на что! А кто скажетъ что другое, тотъ совретъ!..

— Ну, вотъ и важно!—сказалъ тесть и подалъ Яаку руку.—Ничего другого я и слышать не хотѣлъ отъ тебя! Только будь мужчиной, Яакъ, и помни, что въ домѣ твое слово должно быть выше женинаго!.. Прощай!..

Поздняя осень. Начались обильные дожди, бури. Все обливая и ломая, что еще напоминало хорошее, теплое время, около хутора Трэгни завывала буря. Дождь барабанилъ въ окна. Двери хлопали. Въ трубѣ свистѣло и стонало. Въ комнатѣ свѣтилась маленькая лампа, точно волчій глазъ въ вечерней темнотѣ. Было еще не особенно поздно, только 5 часовъ, а снаружи было «темно, какъ въ мѣшкѣ» [1]).

Въ комнатѣ сидѣла одна хозяйка и чинила на зиму шерстяные чулки. Ребенокъ спалъ въ люлькѣ. Старуха ужъ легла, жалуясь на головную боль. Въ комнатѣ было такъ тепло, такъ пріятно, лампа распространяла вокругъ себя мягкій свѣтъ. Въ родномъ углу такъ хорошо во время бури, когда снаружи мокро, холодно и мрачно. Чувствуетъ ли молодуха Трэгни эту пріятность родного угла? Кто ее знаетъ. Только быстро перебираетъ питки, голова опущена, глаза устремлены въ работу. Ни разу она не подняла головы, чтобы можно было увидѣть выраженіе ея лица. Молодуха была одна. Всѣ ушли на ярмарку, такъ какъ ярмарка близко. Хозяинъ тоже тамъ,—ему нужно продать лошадь. Не смотря на дурную погоду, которая, правда, съ обѣда, была немного лучше, Лиза, Кай и Михкель, едва получивъ позволеніе, стрѣлой помчались на ярмарку. Страсть къ веселью у молодежи извѣстна всѣмъ.

Снаружи какъ будто скрипнула калитка. Ева приподняла голову. Скрипнула дверь. Потомъ слышны шаги. Развѣ ужъ вернулся кто-нибудь съ ярмарки? Вотъ кто-то толкнулся объ стѣну... Вотъ шаритъ дверь... щеколда щелкнула, дверь отворилась, и входитъ Куста Арникъ.

— Добрый вечеръ, Евушка! Экая темь вездѣ, едва разыщешь двери! Но развѣ я къ своей красавицѣ не прорублю дорожку! Никакія препятствія не помѣшаютъ!..

Языкъ говорившаго слегка заплетался, походка была не тверда, красивое лицо красно, оно будто набухло и потолстѣло. Куста былъ замѣтно выпивши. Шапка и платье его были мокры и въ грязи. Мокрые волосы взъерошены, глаза мутны. Такой гость, войдя въ комнату, могъ не на шутку перепугать.

Ева выпрямилась на стулѣ и, откинувшись назадъ, смотрѣла на вошедшаго. Руки ея упали на колѣни.

---

[1]) Эстонское выраженіе. *Переводч.*

— Что тебѣ надо, Куста?—спросила она немного спустя.

Куста, спотыкаясь, подошелъ ближе къ ней и подалъ руку, здороваясь. На губахъ у него была непріятная усмѣшка.

— Что мнѣ надо? Тебя повидать! Зналъ, что ты одна сидишь дома,—всѣ ваши на ярмаркѣ. Пришелъ, какъ видишь, пѣшкомъ... На лошади было бы замѣтно... хотѣлъ тайкомъ прійти, чтобъ по сосѣдству и на ярмаркѣ никто не замѣтилъ!.. Развѣ ты не хочешь дать мнѣ руки?

Ева концами пальцевъ дотронулась до горячей руки гостя. Но когда Куста протянулъ руки, желая обнять ее, она быстро встала и отступила назадъ.

— Ну... ну!..—сказалъ мясникъ съ нахальнымъ, неестественнымъ смѣхомъ.—Ты могла бы быть со мной немножко поласковѣе!.. Старика вѣдь нѣтъ дома!.. Маленькій поцѣлуй не заставилъ бы насъ кашлять [1])... Какъ ты думаешь?—Онъ хотѣлъ подойти ближе, споткнулся и опять протянулъ руки.

Глаза Евы блеснули такъ угрожающе, что онъ въ мигъ остановился и опустилъ руки.

— Ого, съ какимъ норовомъ моя прежняя невѣста!..—пробормоталъ онъ:—Я этого не понимаю... Прежде ты была ко мнѣ поласковѣе!.. Иль ты думаешь, Яакъ намъ помѣха?.. Что ты смотришь на растрепувахлака!.. Такую кислятину не грѣхъ женѣ и надуть... Иль ты думаешь, я не замѣчалъ, что твое сердце и теперь ко мнѣ бьется, не смотря на всѣ непріятности, которыя я причинилъ тебѣ!.. Такъ-то, красавица, не притворяйся-ка!.. И мое сердце тебя не забыло!.. Нѣтъ, ты дороже мнѣ стала, когда я потерялъ тебя!.. Чортъ возьми!.. Это колетъ мое сердце!.. Ну, если помочь нельзя, надо вознаградить себя чѣмъ-нибудь!.. Дай мнѣ маленькій поцѣлуй, Ева, это поправитъ сердце!.. Ну, скорѣй... Не будь дурою!..

— Убирайся вонъ!..—проговорила молодуха сдавленнымъ голосомъ, съ угрозой и такъ сильно толкнула Кусту въ грудь, что онъ отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ.

— Ну, ну!..—заворчалъ Куста.—Ишь ощетинилась... и пошутить нельзя!.. Ну... Не съѣмъ тебя!.. Можно и не дурачиться, если злишься!.. Видишь, я немножко веселъ!.. Да не за шутками я и пришелъ. У меня дѣло понужнѣе!..

Куста грузно опустился на стулъ, снялъ мокрую шапку и, облокотившись на колѣни, закрылъ лицо руками, тяжело вздыхая.

— Скажешь ли ты, зачѣмъ пришелъ?—спросила молодуха немного боязливо.—Что значатъ эти твои выходки? И какое такое дѣло можетъ быть у тебя ко мнѣ?

— Ева, знаешь, какъ ты мнѣ мила?—спросилъ Куста, вмѣсто отвѣта.

---

[1]) Эстонское выраженіе. *Переводч.*

— Я не хочу этого слышать!..—сухо отвѣтила Ева.

— Ты должна слышать, потому что я не могу не говорить... Сердце такъ требуетъ!.. Сейчасъ намъ надо поговорить... Надо узнать, какъ наши дѣла другъ съ другомъ!.. Ева, я очень виноватъ передъ тобой... Знаешь, у меня ужъ скоплено 50 рублей!.. Видишь мое исправленіе!... Когда сумма будетъ полна,—я тебѣ отдамъ!..

— Я просила тебя, никогда ни слова не говорить объ этихъ деньгахъ! Мнѣ ихъ не надо! Можешь дѣлать съ ними, что хочешь!..

— Хорошо... Но надо свалить вину съ моего сердца!..—говорилъ Куста, совсѣмъ какъ пьяный.—Что подѣлать... Я не могу поправить ужъ... что ты стала женой Якова!.. Не могу!.. А, должно быть, велико было твое горе!.. Ну, что жъ! Твоя жизнь не худая... Ты хозяйка... Всего у тебя много!.. Можетъ быть, когда-нибудь забудешь свое горе!.. А подумай обо мнѣ... Я несчастнѣе тебя!.. Вѣрь, Ева, мнѣ ужасно тяжело!.. Это мнѣ за наказаніе!..—И онъ застоналъ.

— Скажи, наконецъ, зачѣмъ ты пришелъ?—отвернувшись, умоляющимъ голосомъ проговорила Ева.

— Это я тебѣ сейчасъ скажу!.. Ты теперь знаешь, что дѣлается съ моимъ бѣднымъ сердцемъ... Ты мнѣ разъ помогла... Помоги еще разъ!.. Бѣда такая же, какъ и раньше! Но не по легкомыслію попалъ я въ этотъ разъ въ бѣду!.. Моя сердечная печаль причиной тому!.. Изъ-за тебя, Ева!.. Я не могу быть въ одиночествѣ!.. Такъ тяжело мучается моя душа!.. Искалъ утѣшенія въ рюмкѣ... Попалъ въ такую компанію... Я растратилъ часть хозяйскихъ денегъ...

— Куста, ты требуешь отъ меня денегъ?—испуганно проговорила молодуха.

— Немного, Евушка, немного... только двадцать рублей!.. Я тебѣ ихъ скоро отдамъ... Помоги еще разъ, вѣдь я совсѣмъ погибаю!.. Отдамъ скоро... Черезъ нѣсколько дней... Будь спокойна... Я сказалъ, у меня въ городѣ есть деньги, но я не могу ихъ такъ скоро достать... А хозяину я долженъ отправить скотъ и отдать отчетъ... Понимаешь... Надо достать двадцать рублей, не то меня ждетъ то же, что и тогда!..

— Уйди, Куста, у меня нѣтъ денегъ!—твердо проговорила Ева, и глаза ея сверкнули гнѣвомъ.—Ты знаешь, у меня ничего нѣтъ, все мужнино!.. Или ты хочешь, чтобъ я украла?.. Нѣтъ, никогда!.. Иди, Куста, иди!.. Иди!.. Иди!.. Яковъ и работники сейчасъ могутъ вернуться!..

— Я не тронусь съ мѣста, пока ты мнѣ не поможешь!..—сказалъ Куста низкимъ, хрипящимъ голосомъ.—Развѣ ты не жена его? Все, что его, то и твое!.. Я знаю, у васъ дома лежачихъ денегъ много!.. Яковъ, поди, не каждый день ихъ пересчитываетъ!.. Черезъ три дня я тебѣ верну долгъ, ты положишь деньги въ шкафъ, никто и не узнаетъ!.. Ева, слышишь!.. Умоляю тебя!.. Не оставь меня!.. На колѣняхъ прошу тебя, дай мнѣ эти деньги!..—Онъ опустился на колѣни, схватилъ руку

молодухи и смотрѣлъ на нее, стеная и охая. Лицо его было красно, руки горячи, какъ огонь. Ева вырвала свою руку.

— Я не могу помочь тебѣ! Второй разъ я красть не буду! Я не стану обманывать изъ-за твоихъ гадостей!.. больше намъ нечего говорить. Я не перемѣню своего рѣшенія. Слышишь, уходи!—Ева говорила гнѣвно и быстро.—Я въ жизни не повѣрила бы, что ты еще разъ посмѣешь обратиться ко мнѣ по такому дѣлу!..

Куста дрожалъ, какъ въ ознобѣ. Онъ сразу всталъ, и въ глазахъ у него появился зловѣщій огонекъ. Ева испуганно отшатнулась и, точно защищаясь, протянула руки.

— Ты сама виновата въ томъ, что случится!..—началъ Куста, и голосъ его звучалъ твердо и рѣшительно.—Я въ бѣдѣ и долженъ помочь себѣ! Въ такомъ положеніи человѣкъ не разсуждаетъ, хорошо или худо онъ дѣлаетъ! Ты не хочешь помочь мнѣ?.. Я потеряю мѣсто, и меня ждетъ наказаніе. Но сначала я отомщу тебѣ!.. Я могу быть и злымъ!.. Я скажу твоему мужу, что жилъ съ тобою, когда ты была дѣвушкой, и теперь, когда ты замужемъ. Я скажу Яаку, что ты сто рублей не потеряла, а подарила мнѣ. Я скажу, что ты съ намѣреніемъ и взяла ихъ, чтобы отдать ихъ мнѣ! Да и не одному Яаку, я всѣмъ буду говорить это!.. Дѣлай теперь, какъ хочешь. Я сдержу слово!..

— Куста, ты хочешь это сдѣлать?

Они съ минуту глядѣли въ глаза другъ другу. По лицу Кусты пробѣжала судорога, и взоръ сталъ безумнымъ.

— Сдѣлаю!..—пробормоталъ онъ съ угрозой и топнулъ ногой.

Ева стояла какъ вкопанная. Только дрожаніе губъ показывало, что въ ней есть еще жизнь. Ея подбородокъ упирался въ грудь, глаза были опущены. Повидимому, она думала и рѣшилась.

— Я тебѣ дамъ деньги.

— Дашь?

— Да. Но не думай, что я боюсь за себя. Ни капли. Я никогда за себя не боялась! Напрасно грозишь. Если бъ ты хотѣлъ меня убить, я бы глазомъ не моргнула. Я безчувственна стала, и жалѣть мнѣ нечего. Но человѣка, котораго изъ-за тебя я такъ обманула, обижала и печалила,—его мнѣ жаль. Это рѣдкій, золотой человѣкъ! Его мнѣ кровно жаль. Его счастье я не дамъ такъ нарушить!.. Никогда!.. Я въ сравненіи съ нимъ такъ ничтожна, зла и неблагодарна, что должна жизнь отдать для его спокойствія! Потомъ... Я такая хорошая у него жена, что хуже сдѣлаться не могу, если прибавлю еще одно злодѣяніе!.. Я тебѣ деньги дамъ, Куста!.. Легче потерять двадцать рублей, чѣмъ спокойствіе!..

Она твердо подошла къ шкафу и открыла его. То же сонливое спокойствіе, въ которомъ она находилась большею частью послѣ своего несчастія, вернулось опять, какъ только прошелъ первый испугъ. Она вернулась съ двумя десятирублевыми бумажками и сунула ихъ въ руку мяснику.

— Уходи, Куста, и никогда не приходи!—сказала она ему спокойно, но внушительно.—Этихъ денегъ я тоже не требую. Иди, иди... Я не могу переносить тебя!

Куста разомъ перемѣнился. Его сильное тѣло какъ будто опустилось. Сразу пропало въ немъ все, что было угрожающаго, насильственнаго, запугивающаго. Въ его глазахъ показался стыдъ. Съ опущенной головой онъ стоялъ передъ Евой.

— Какъ ты добра!..—сказалъ онъ почти шопотомъ.—Я недостоинъ стоять около тебя! Ева, Ева!..

Онъ схватилъ руки молодой женщины и съ восторгомъ цѣловалъ ихъ. Онъ хотѣлъ говорить, но слезы душили его. Куста Арникъ плакалъ, и эти слезы не были слезами пьянаго человѣка, у котораго онѣ всегда наготовѣ. Тонъ его рѣчи показывалъ, что онъ отрезвился въ это короткое время. Онъ ясными глазами смотрѣлъ на молодую женщину.

— Я ухожу, Ева. Мнѣ стыдно тебя благодарить. Что стоитъ въ твоихъ глазахъ благодарность такого человѣка!.. Въ другое время... Тогда я поговорю съ тобой!.. Не поминай меня лихомъ!.. Не всегда тотъ золъ, кто зло дѣлаетъ!.. Прощай!..—Онъ еще разъ сильно пожалъ ея руку и ушелъ.

А на дворѣ завывала буря. Она шаталась около хутора, ломая ставни и двери. Шумъ барабанившаго дождя смѣшивался съ ея стономъ. Было такъ темно, такъ жутко кругомъ. Но Ева чувствовала, что ея душевное состояніе было такое же, какъ эта погода. Она стояла у окна, прижавшись головой къ косяку и безучастно смотрѣла на бурю. Въ ея туманной, больной головѣ кружились мысли, но ни на одной она не останавливалась. Что теперь дѣлать? Надо было отвѣтить на этотъ вопросъ. Яакъ скоро вернется. Не сегодня, такъ завтра онъ пойдетъ въ шкафъ. Если онъ продалъ лошадь, то пойдетъ положить деньги въ шкафъ. А тогда почему ему не пересчитать ихъ!.. Да, онъ сразу увидитъ, что недостаетъ двухъ десятирублевокъ. Пачка не такъ велика! Что жъ теперь дѣлать? Единственное спасеніе сегодня же доложить деньги. Евѣ пришла въ голову мысль... Она вспомнила про отца и мать. 20 рублей не Богъ вѣсть какія деньги, столько-то у нихъ есть, и они дадутъ... Только надо выдумать какую-нибудь причину... «Яакъ на ярмаркѣ... Надо кому-нибудь уплатить... Ключи у него»... Такъ. Они вѣдь не станутъ разспрашивать. Отдавать можно не торопиться. А тамъ дальше видно будетъ... Ева надѣется найти какой-нибудь выходъ. Да почему бы тогда, если иначе нельзя будетъ, не открыться матери? Не сказать, куда она дѣвала деньги? Да, да, она знаетъ доброе сердце матери. Мать не выдастъ своей дочери. Да, да, такъ можно спастись. Сейчасъ, сію минуту, раньше чѣмъ Яакъ вернулся, Ева побѣжитъ въ Катальпеа. Если хозяинъ вернется, старуха можетъ сказать, что ей надо было сходить къ сосѣдямъ. А если безъ нея Яакъ узнаетъ, что

денегъ нѣтъ,—можно найти предлогъ и отдать ихъ изъ кармана. Сдѣлать немножко сердитое лицо, и онъ не станетъ разспрашивать.

Онъ такой добрый мужикъ, онъ не любитъ хмурой жены. Ева закуталась въ большой платокъ и пошла въ другую комнату разбудить старуху. Но старуха ужъ встала. Она стояла посреди комнаты съ сальной свѣчкой въ рукѣ и особенно злобно смотрѣла на молодуху. Ева не обратила на это вниманія. Она сказала ей въ ухо, что ей надо ненадолго уйти и чтобъ она смотрѣла за ребенкомъ. Вернувшись въ первую комнату, она вдругъ остановилась. Черезъ вой бури послышалось ржанье лошадей, сейчасъ же подъ окномъ стукъ колесъ, потомъ голоса, брякнула щеколда, и ярмарочане дома. Ева съ минуту стояла въ полузабытьѣ, потомъ сняла платокъ и бросила его на стулъ. Вошелъ хозяинъ въ мокромъ платьѣ, въ грязныхъ сапогахъ, но съ веселымъ лицомъ, привѣтливо пожелавъ хозяйкѣ добраго вечера.

— Уже пріѣхали!—проговорила Ева сдавленнымъ голосомъ. Больше она ничего не могла сказать.

— Уже?..—засмѣялся Яакъ.—Я давно хотѣлъ быть дома, да торговля съ гнѣдкой плохо шла! Тянули, тянули! Ну, слава Богу, наконецъ покончили!.. Погода!.. Грязь!..—Яакъ положилъ на столъ платокъ съ булками и бутылку винограднаго вина.

— Не хочешь ли, женушка?..—видимо въ хорошемъ настроеніи угощалъ Яакъ.—Ну, какъ ты думаешь, за сколько я гнѣдку продалъ?

— Не знаю,—отвѣтила Ева, все еще стоя посреди комнаты.

— Я торгуюсь хорошо!—сказалъ Яакъ, посмѣиваясь. Онъ грѣлъ руки, потирая и дуя на нихъ.—Погода была скверная, и покупателей мало. Ну, а все-таки я не продешевилъ!.. 75 рублей, ни копѣйки меньше!.. Свое взялъ!..

Онъ вынулъ изъ глубокаго кармана брюкъ кошелекъ, бросилъ его на столъ, потомъ снялъ мокрое платье и только тутъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что жена стоитъ все на томъ же мѣстѣ, посреди комнаты.

— Ну... Ужинать что-нибудь есть?..—спросилъ онъ попрежнему мягкій и веселый:—День деньской такъ протаскаешься... Желудокъ, небось, ѣсть запроситъ! Скажи-ка дѣвушкамъ, чтобы поскорѣй приготовили. Онѣ вѣдь не за дѣломъ были на ярмаркѣ, ихъ жалѣть нечего.

Ева вышла въ кухню, гдѣ работницы ужъ развели огонь въ очагѣ. У хозяйки кружилась голова, она съ трудомъ отдала приказанія и отвѣтила на какіе-то хозяйственные вопросы. Она быстро вернулась въ свою комнату. Боязнь, что Яакъ пойдетъ въ шкафъ, не давала ей покоя. Яакъ надѣлъ сухой пиджакъ, усѣлся передъ печкой и закурилъ люльку. Кошелекъ лежалъ еще на столѣ рядомъ съ бутылкой вина и сайками въ платкѣ.

Ева облегченно вздохнула и вышла опять помочь работницамъ. Но когда минутъ черезъ десять она снова возвратилась, то на порогѣ чуть

не вскрикнула. Яакъ сидѣлъ за столомъ у лампы, передъ нимъ стояла коробочка съ деньгами... Дверцы шкафа настежь открыты. Тутъ же на столѣ лежали деньги изъ кошелька... Яакъ считалъ деньги... Онъ усиленно теръ между пальцевъ каждую бумажку, качалъ головой и пожималъ плечами.

— Не понимаю, тутъ не хватаетъ 20 рублей!..

Съ лица Евы сбѣжала послѣдняя краска. Она прижала руки къ груди и прислонилась къ стѣнѣ, чтобы не упасть. Яакъ сидѣлъ къ ней спиной и не видѣлъ, что съ ней дѣлается. Онъ еще разъ пересчиталъ деньги и въ полуоборотъ повернулся къ ней.

— Ева, тутъ не хватаетъ денегъ. Можетъ быть, ты взяла?

Два голоса боролись въ эту минуту въ груди Евы.—Скажи правду... Скажи на этотъ разъ правду!.. Это ты можешь... Сердце твое свободно отъ всякой вины!.. Сознайся... сознайся мужу, и тогда ты будешь свободна!..—говорилъ одинъ голосъ.—Не сознавайся... Скажи, что не знаешь гдѣ деньги... Узнаетъ твой мужъ, что ты отдала деньги мяснику... точно крадучись... за спиной... — въ его груди появится сомнѣнье, и спокойствію его конецъ!.. Не сознавайся!.. Лги, лги... и сомнѣній у него не будетъ!..—шепталъ другой голосъ.

Но первый голосъ становился громче: — Во лжи нѣтъ защиты... У лжи короткіе слѣды... Подумай, какой стыдъ, если все узнается!.. Вотъ тогда въ груди мужа появится мучительное сомнѣніе. Скажи правду!.. Правда еще никому не вредила!..

— Я взяла 20 рублей!—сдавленнымъ голосомъ сказала молодуха и съ напряженіемъ ждала, что скажетъ Яакъ.

— А! такъ!.. Ну, да... То-то считаю, считаю... Чего нѣтъ, того и не хватаетъ!.. Думаю, сегодня утромъ самъ уложилъ въ коробочку!.. Куда жъ ты тратила? Развѣ у тебя мелкихъ нѣтъ на расходы?

— Мелкихъ... Я всѣ 20 рублей истратила.

— Ну-у?.. Что жъ ты купила телку или корову?

— Нѣтъ.

— Ну, что жъ тогда?

— Дала въ долгъ.

— Въ долгъ?—удивился Яакъ.—Кто жъ тутъ былъ безъ меня и просилъ въ долгъ?..

— Скажи, что отецъ!..—шепталъ ложный голосъ.

— Я дала въ долгъ Кустѣ Арникъ!—сказала Ева скоро, съ удареніемъ.

Въ ушахъ у нея зазвенѣло, сердце забилось...—Что теперь скажетъ Яакъ!?..

Яакъ повернулся на стулѣ и смотрѣлъ на молодуху, широко раскрывъ глаза отъ удивленія.

— Кустѣ Локоти? Что жъ, онъ былъ здѣсь просить въ долгъ? Я

видѣлъ его на ярмаркѣ... Онъ былъ изрядно выпивши!.. Когда онъ былъ здѣсь?

— За полчаса до твоего пріѣзда.

— Зачѣмъ же ему понадобилось-то?

— Говорилъ, будто, изъ хозяйскихъ денегъ истратилъ двадцать рублей... Будто, онъ въ большой бѣдѣ...

— Ну, этому можно повѣрить!—засмѣялся Яакъ.—Онъ вѣдь такой!.. Отчаянный этотъ Куста!.. Ну, а какъ же ты рѣшилась дать-то? Думаешь, отдастъ онъ?

— Не знаю,—прошептала Ева...

— А все-таки дала! Да, да, знаю я твое доброе сердце! И Куста вѣрно зналъ... То-то и пришелъ тайкомъ отъ меня! Ужъ, поди, очень жалостливо просилъ!.. А Евушка и разжалобилась!.. Размякла, какъ пареный картофель!.. Ну, что сдѣлано, то сдѣлано!.. Поговоримъ какъ-нибудь съ его матерью, можетъ быть, она позаботится отдать намъ!..

Ева подошла ближе къ мужу. Она все смотрѣла ему въ глаза, какъ будто не вѣрила тому, что слышитъ, какъ будто ей хотѣлось поближе поглядѣть, какое у него лицо: смѣется онъ или говоритъ правду.

— И ты не сердишься?—вскричала она почти испуганнымъ голосомъ:—Ты даже не сердишься на меня!..

— За что?—спросилъ Яакъ совершенно спокойно.—Что жъ съ тобой сдѣлать? Ругать? Ну, ну... Ты вѣдь сама должна знать!.. Дала, значитъ, дала! Что жъ, тутъ... Можетъ, и получимъ свое назадъ!..

— Но такъ... тайкомъ точно... у тебя за спиной... точно украла...

— Ну!.. Ты вѣдь хозяйка Трэгпи!.. Со мной въ законѣ!.. Развѣ у тебя не такая же воля, какъ у меня! Другой бы женѣ я такой бы воли не далъ, ну, а тебѣ!.. Ну, а какъ же ужинъ? скоро?

Ева дрожала всѣмъ тѣломъ. Она старалась что-то сказать, но съ помертвѣлыхъ губъ не выходило ничего, кромѣ непонятнаго шопота. Она вдругъ обхватила руками шею мужа и прижала свое лицо къ его плечу. Это объятіе было такъ неожиданно, что Яакъ испугался.

— Что съ тобой, женушка? Что ты?—спрашивалъ онъ, обнявъ ее за талію и сажая къ себѣ на колѣни.

— Ты мнѣ такъ вѣришь!..—прошептала Ева, и слезы потекли по ея лицу.—Ты считаешь меня честной...—продолжала она, плача.—Я не заслужила такой доброты!.. Ты говоришь, я права!.. Позволяешь мнѣ красть и не говоришь худого слова!.. Все прощаешь... И упрямство, и грубости!.. кротко... молчаливо сносишь!.. Яакъ, это слишкомъ большая доброта!.. Я не могу вознаградить тебя!..

Яакъ держалъ въ объятіяхъ свою плачущую подругу, и его лицо сіяло, какъ солнечный лучъ. Счастіе, глубокое счастіе свѣтилось въ его сѣрыхъ глазахъ. Долгое время онъ не могъ ничего сказать и только гладилъ блестящіе волосы своей Евушки.

— Добрая моя... хорошая... безцѣнная моя женка!.. — заговорилъ

онъ, наконецъ.—Что это такъ?! Что такъ вдругъ ты ко мнѣ!.. Прощенья просишь... И вины-то нѣтъ!.. Ахъ, ты моя чудачка!.. Ну, ну, перестань плакать!.. Мы поладимъ съ тобой!.. Ну, не надо... Какъ маленькая!.. Ужъ не такая ты дурная, какъ жалуешься на себя!.. Я не замѣчалъ твоего упорства, что ты!.. Успокойся жъ, Ева, брось плакать!.. Мнѣ такъ весело, словно расцвѣло мое сердце!.. Ты со мной!.. Значитъ, старый Яакъ не совсѣмъ постылъ тебѣ... Значитъ, хочешь жить съ нимъ въ ладу!.. Ну, не плачь же!.. Онъ вытиралъ ей, какъ ребенку, слезы и, не переставая, гладилъ ее по головѣ.

Наконецъ, Ева утихла, но все-таки крѣпко обнимала мужа за шею. Онъ былъ въ смущеніи, смотрѣлъ внизъ, на лицѣ играла растерянно счастливая улыбка.

— Ева, ты вѣдь не разсердишься, если я... Ну!.. Нѣтъ... Это глупость!—махнулъ онъ рукой.

— Говори, говори!.. Я хочу знать, что ты скажешь!..

— Ну... только не сердись и не смѣйся!.. У тебя съ Кустой Локоти... Ну, какъ сказать... Ничего такого... Ни прежде, ни теперь?.. То-есть, я думаю... Ты вѣдь понимаешь меня!.. Такъ какъ бываетъ между молодежью!.. Прежнее-то, правда, меня не касается... Ну, а теперь?..

— Ты хочешь спросить, нѣтъ ли у меня съ Кустой тайной дружбы, за твоей спиной? Грѣха? Нѣтъ, Яакъ, этого у меня нѣтъ!..—Ева смотрѣла ему въ глаза увѣренно и спокойно.

— Ну, значитъ, все въ порядкѣ!—сказалъ хозяинъ Трэгни, пожимая руку жены.—Больше, значитъ, объ этомъ ни слова! Теперь между нами все хорошо! У меня въ жилахъ кровь словно свѣжѣй, моложе стала!.. Будь мнѣ доброй женой, а я ужъ постараюсь для тебя!.. На этомъ и конецъ нашимъ разговорамъ! А теперь я опять объ ужинѣ?!. Скоро тамъ?..

Развѣ Еву не тянуло и въ прежней винѣ сознаться Яаку? Она вѣдь знала, что Яакъ проститъ и ту вину... съ «задаткомъ». Нѣтъ, это раскаяніе не сходило съ языка. Какая польза въ томъ для Яака? Никакой. Ева знала, какъ бы ни было чисто и дѣтски довѣрчиво сердце хозяина Трэгни, но тогда заползъ бы въ него червь сомнѣнія и недовѣрія. А Ева рѣшила устранить отъ него всякое безпокойство. Они подали другъ другу руки, и этимъ кончилось все, чего такъ сильно боялась Ева. Доброта Яака сдѣлала чудо.

Недѣлю спустя послѣ ярмарки изъ Трэгни возили картофель въ имѣніе, на винокуренный заводъ. При послѣдней поѣздкѣ солнце уже было низко. Около Локоти хозяинъ Трэгни встрѣтился съ Кустой Арникъ.

— Добрый вечеръ, Куста! Опять въ наши края?—спросилъ Яакъ привѣтливо.

— Здравствуй, хозяинъ Трэгни! Попалъ опять сюда!

— Ну что жъ, не подуетъ ли къ намъ вѣтеръ? Я черезъ часъ буду дома!

— Ужъ не знаю... Маловато времени!

— Ну?.. Такъ въ другой разъ заходи! Прощай!

Они радушно подали другъ другу руки и разошлись.

— Не говоритъ о деньгахъ! Видно, еще нечѣмъ заплатить!..—подумалъ Яакъ.

— Ишь какой онъ привѣтливый! Къ себѣ зоветъ!.. Видно и нюхомъ не слышитъ о деньгахъ!.. Ева умѣетъ устраивать свои дѣла!..—думалъ Куста.

Когда возы Трэгни исчезли изъ виду, Куста привязалъ лошадь у воротъ Локоти и подошелъ къ окну, откуда выглядывало старое лицо матери. Онъ указалъ на лошадь, чтобъ смотрѣли за ней, и сдѣлалъ знакъ, что ему нужно уйти. Куста пошелъ прямо въ Трэгни. Еще въ корчмѣ онъ узналъ, что хозяева возятъ картофель и между ними хозяинъ Трэгни, и потому разсчитывалъ наединѣ повидаться съ хозяйкой. Ему везло.

Ева была совсѣмъ одна. Дѣвушки пошли покрыть оставшійся картофель, чтобы ночной морозъ не пощипалъ его. Старуха съ ребенкомъ была въ кухнѣ, такъ какъ въ комнатѣ было холодновато.

При видѣ Кусты Ева широко открыла глаза.

— Ты опять пришелъ пугать и мучить меня!..—говорилъ ея взглядъ. Но Куста по виду былъ покоренъ, почти стыдливъ. Онъ тихо поздоровался, молча оглядѣлся кругомъ и потомъ, безъ приглашенія, присѣлъ въ темнотѣ, около печки.

— Ты запретила мнѣ переступать порогъ твоего дома, а я, какъ видишь, опять пришелъ... Набрался смѣлости... По дѣлу пришелъ...

Онъ вынулъ что-то изъ боковаго кармана и подошелъ къ молодухѣ.

— На, хозяйка! Тутъ мой послѣдній долгъ!.. Больше сейчасъ не могу отдать!.. Я совралъ тогда, будто у меня есть кое-что скоплено!..

Онъ вложилъ въ руку Евы двѣ десятирублевыя бумажки, такія же новыя, шуршащія, какія получилъ отъ нея недѣлю тому назадъ.

Молодуха смотрѣла то на него, то на деньги. На лицѣ ея выразилось не то радость, не то удивленіе. Она не говорила ни слова. Куста стоялъ печальный и приниженный.

— Навѣрно ты послѣ того вечера презираешь меня!.. — сказалъ онъ тихо и горько.—Я напалъ на тебя, какъ разбойникъ въ темную ночь!.. Какъ я обижалъ тебя!.. Сколько грубостей надѣлалъ!.. Я помню, только сквозь сонъ!.. Грозилъ тебѣ, какъ настоящій мошенникъ!.. Скажи ты мнѣ откровенно, если твое доброе сердце позволитъ, повѣрила ты тогда всѣмъ этимъ угрозамъ.

Ева смотрѣла недовѣрчиво и молчала.

— Я хотѣлъ только спросить, повѣрила ли ты, что мое сердце такъ черно и я могу такъ оклеветать тебя?..

— Я должна была вѣрить... Ты былъ такъ... такъ... Я никогда тебя не видала такимъ раньше!..

Куста горько засмѣялся.

— Когда человѣкъ погибаетъ, да еще голова разгорячена — не чудо, если слова его грубы и поведеніе гадко!.. Я самъ не вѣрилъ угрозамъ, которыя говорилъ!.. Злоба на безвыходность заставила меня буйствовать. А когда ты исполнила мое требованіе, дала мнѣ деньги, тогда раскрылись мои глаза!.. Я показался себѣ такимъ негодяемъ, что стыдъ переполнилъ мое сердце!.. Слезы душили меня, ты сама видѣла!..

Ева съ сочувствіемъ смотрѣла на Кусту. Онъ раскаивался чистосердечно, это могъ замѣтить и менѣе умный человѣкъ, чѣмъ Ева. Когда женщина начинаетъ сочувствовать, прощеніе недалеко.

— Правда, у тебя не злое сердце, это я знаю. Теперь деньги ты вернулъ, значитъ все въ порядкѣ.

— И ты опять могла бы смотрѣть на меня привѣтливо?.. Не знаю, что бы я далъ, чтобъ узнать, что ты не считаешь меня мошенникомъ!.. Чортъ знаетъ, откуда нападаетъ на меня иногда духъ мотовства!.. Точно совсѣмъ потеряю голову!.. Сдѣлаешь глупость, кажется, съѣлъ бы себя со злости!.. А явится опять искушеніе и опять конецъ!.. Точно проклятіе какое на мнѣ!..

— А ты не поддавайся, уходи подальше отъ искушеній, пока не поздно! Будь сильнѣе! У человѣка желѣзная воля!.. Попробуй!—участливо сказала Ева.

— Да, если бъ такъ! — вздохнулъ Куста. — Тутъ вѣрно моя бродяжническая жизнь виновата! Лучше, если бъ я остался крестьяниномъ!.. И теперь еще тянетъ устроить гдѣ-нибудь въ деревнѣ себѣ гнѣздо, если бъ было возможно. Да вотъ въ томъ и дѣло!..

— Женись, Куста!.,—убѣдительно протяжно сказала Ева.—Арендуй себѣ землю или открой лавку гдѣ-нибудь около дороги! Вотъ и будетъ спокойный уголъ! Жена изгладить твои холостыя замашки!

Онъ улыбнулся стыдливо и виновато.

— Женись! Хорошо тебѣ говорить!.. Ты думаешь, я забылъ, что случилось по моей винѣ! Только теперь чувствую я во всей силѣ, только теперь жжетъ это мою грудь! Ты не жалуешься, а это еще хуже!.. Ты будто спокойна!.. Мерещится мнѣ, что я солнце, драгоцѣнное сокровище продалъ за водку!.. Тебя погубилъ и себя вмѣстѣ съ тобой!..

Ева отвернулась и мягко сказала:

— Не надо, Куста. Не говори больше объ этотъ. Стараго не вернешь!.. Пусть оно поростетъ мохомъ!.. Я тебя простила... Я справи-

лась съ своей жизнью, справься и ты съ своей!.. Видно, такъ Богу угодно!.. Надо смириться!..

— И ты опять простила меня?—сказалъ съ любовью Куста.

— Да.

— Спасибо. Это большое утѣшеніе!.. Мы можемъ остаться друзьями!.. Больше никогда ты не увидишь отъ меня огорченія. Пусть это послѣднее твое прощенье!.. Прощай, молодуха!..

Ева дружелюбно подала ему руку. Долго смотрѣла она вслѣдъ его мужественной, стройной фигурѣ, пока онъ не скрылся въ вечернихъ сумеркахъ. Ея лицо было розовѣе обыкновеннаго. Она глубоко вздохнула, встряхнулась отъ задумчивости и спѣшно принялась за прежнее дѣло, спрятавъ деньги въ шкафъ.

Когда вечеромъ Ева сказала хозяину, что Куста Локоти возвратилъ деньги, Яакъ съ усмѣшкой сказалъ:

— Ишь ты! Видно, меня-то ему стыдно!.. Я вѣдь его встрѣтилъ... Спросилъ, не придетъ ли къ намъ. Ничего парень толково не сказалъ! А самъ пришелъ безъ меня!.. Ну, да хорошо, что деньги отдалъ!.. Не посмѣлъ, значитъ, надуть тебя!..

Теперь значитъ въ Трэгни все было въ порядкѣ. Яакъ при каждой встрѣчѣ хвасталъ тестю, какъ у нихъ все хорошо. «Время и привычка, будто, взяли свое. Молодуха довольна своей жизнью и даже иногда смѣется!» Яакъ, говоря это, думалъ о послѣднихъ объятіяхъ жены. Онъ объ этомъ думалъ постоянно и даже раза два видѣлъ во снѣ.

Пришла зима. Прошло Рождество. Послышались новости: «сынъ Локоти, что у мясника приказчикомъ, потерялъ мѣсто и пришелъ къ матери, такъ какъ другого мѣста не нашелъ. И мудренаго нѣтъ: какой хозяинъ возьметъ кутилу-приказчика!..» Поговаривали, что Куста тронулъ хозяйскія деньги. До суда дѣло не дошло, а отъ службы сейчасъ же уволили. Теперь онъ на шеѣ у старухи матери. Молва переходила изъ устъ въ уста, дошла и до Трэгни. Самъ Куста туда не показывался. Онъ ужъ съ мѣсяцъ жилъ въ Локоти и никуда ни ногой. Это и понятно,—ему было стыдно. Ева узнала про несчастіе Кусты отъ Яака; онъ искренно сожалѣлъ молодого человѣка. У Евы сжалось сердце. Она неизвѣстно чего испугалась. Нѣсколько дней она пробыла въ безпокойномъ, угнетенномъ состояніи духа. Она все ждала, что онъ придетъ и самъ все разскажетъ. Но онъ не приходилъ и не приходилъ. Слышно было, что онъ ищетъ денегъ въ займы, чтобы открыть въ городѣ или деревнѣ свою маленькую лавку. Но развѣ легко достать денегъ! Кто дастъ голяку, про котораго еще извѣстно, что онъ кутила. Время шло. Вѣтеръ сталъ болѣе мягкій, солнце болѣе теплое. Началъ таять снѣгъ, стали лопаться ледяные покровы. Весна извѣщала о своемъ приближеніи. Рѣки и рѣчки понемногу расходились. Озера потрескались. Дороги превратились въ моря грязи.

— Яакъ, не ѣзди въ такое время, въ такую даль!.. — просила хозяйка Трэгни своего мужа.—Какъ-нибудь можно подождать. Погоди, пока пройдетъ распутица!..

— Нельзя, нельзя!..—качалъ головой Яакъ. — Двѣсти рублей не малый кусокъ! . Потерять жалко!.. Погода, правда, грязная... Ну, что жъ!.. Лучше рѣшиться, чѣмъ потомъ сожалѣть!.. Я это все разузналъ... Вчера, говорятъ, началась продажа. Ну, если сегодня покончатъ, завтра сядетъ на машину, и тогда возьми его на днѣ Россіи.

Хозяину Трэгни надо было получить давнишній долгъ отъ крестьянина другого прихода. Должникъ умышленно тянулъ уплату нѣсколько лѣтъ. Вчера Яакъ слышалъ въ церкви, что его должникъ продаетъ свое имущество съ аукціона и уѣзжаетъ въ южную Россію. Медлить, значитъ, было некогда.

— Когда жъ ты думаешь вернуться по такимъ дорогамъ?—заботливо спросила Ева.

— Ну, это, пожалуй, не скоро! 25 верстъ въ такое время не шутка! Раньше сердца ночи не жди! А можетъ, придется и на другой день остаться. Ты лучше не жди!..

Спустя нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда хозяина,—это было рано утромъ,—въ Трэгни случилось маленькое чудо: пришелъ Куста Арникъ.

— Здравствуй, Куста!—привѣтствовала Ева, между тѣмъ какъ дѣвушки на кухнѣ стали перешептываться и подсмѣиваться.— Наконецъто ты явился! Почему жъ ты ни разу не былъ у насъ? Живешь вѣдь теперь близко!..

Ева посмотрѣла пристальнѣе на гостя и всплеснула руками.

— Ой, какъ ты измѣнился! Ты былъ боленъ? Совсѣмъ и не Куста! Господи, точно мертвецъ!..

Она была права. Это ужъ больше не былъ красивый приказчикъ мясника, съ розовыми щеками, съ двойнымъ подбородкомъ, крѣпкій, какъ дубъ. Только мелкія, красныя крапинки, будто уколы иголки, на осунувшихся блѣдныхъ щекахъ, остались отъ прежняго румянца. Глаза ввалились и смотрѣли устало и вяло. Вся фигура безсильная, разслабленная. На синеватыхъ губахъ мелькала, какъ тѣнь, горькая усмѣшка пренебреженія. Не отъ скудной ли пищи матери Локоти? Можетъ быть. Вѣдь мясники привыкли покушать, да и пиво съ водкой съ своей стороны раздуваютъ. Всего этого теперь не было. Но могло ли это такъ скоро подѣйствовать? Въ три мѣсяца? Только тяжелая болѣзнь измѣняетъ человѣка такъ сильно. Но про болѣзнь ничего не было слышно. Можетъ быть, горе? Душевная болѣзнь?

Куста сказалъ что-то, чего Ева не разобрала.

— Куда жъ отправился Яакъ въ такую погоду? Онъ ѣхалъ мимо насъ,—прибавилъ онъ яснѣе усталымъ голосомъ.

— Онъ поѣхалъ въ волость Т. по дѣлу,—отвѣтила молодуха, все съ большимъ участіемъ разглядывая лицо гостя. — Но скажи же,

Куста, что случилось съ тобой? Ты не боленъ? Совсѣмъ, совсѣмъ какъ больной!

Куста усмѣхнулся, точно сердито.

— Непріятности!..—процѣдилъ онъ сквозь зубы.—Непріятности, что жъ еще! А можетъ быть, и боленъ!.. Не чувствую самъ. Да... что я хотѣлъ сказать... Яакъ разсчитывалъ къ вечеру вернуться?

— У тебя къ нему развѣ есть дѣло?—спросила Ева.

— Дѣло? Какое дѣло?.. Такъ спросилъ. Какое у меня съ нимъ дѣло!..—Онъ какъ будто испуганно окинулъ взглядомъ комнату. Потомъ опять появилась прежняя усмѣшка вокругъ рта.—Да, непріятности... непріятности!..—пробормоталъ онъ, какъ бы про себя.—Развѣ ты не слыхала, я ужъ четверть года безъ дѣла! Развѣ это не изнуряетъ человѣка! И матери обуза... У ней самой перекусить нечего. Трудно жить... Да... да!..

— Присядь,—сказала Ева. Ей казалось, что гость изнемогаетъ отъ усталости:—Да, тяжело тебѣ!.. Только все-таки такъ отчаяваться не надо!.. Что же, мѣста ищешь или хочешь другимъ дѣломъ заняться? Да садись же!..

— Нѣтъ, я пойду сейчасъ. Такъ зашелъ... Посмотрѣть, что подѣлываютъ здѣсь... Яакъ навѣрное вернется черезъ С.?

— Какъ же иначе! Правда, немного дальше, а все же тутъ лучше по такому времени. А ты почему спросилъ?

— Да такъ. Удивляюсь, что хозяинъ поѣхалъ въ такую пору!.. Дай Богъ, чтобъ къ ночи вернулся!.. Да!.. Ну, я пойду. Спокойной ночи, молодуха!..

— Развѣ совсѣмъ некогда?—удивилась Ева.—Я думала ты побольше о себѣ разскажешь!..

— Другой разъ... Идти надо!.. Прощай!..

Онъ ушелъ такимъ же страннымъ, какъ и пришелъ: покашливая, пожимая плечами, посмѣиваясь.

Такимъ его Ева никогда не видала. Не хмельной, это видно по лицу. Молодуха смотрѣла ему вслѣдъ, качая головой.

Весь день Ева чувствовала себя какъ-то странно. Она сама не понимала, что это такое. То ей представлялось изнуренное лицо Кусты, то она думала о Яакѣ, то ей припоминались совсѣмъ постороннія вещи, не касающіяся до нея. Она забывала, что сейчасъ дѣлала, о чемъ сейчасъ думала. Такое состояніе, разъ овладѣвъ человѣкомъ, держитъ его въ разсѣянномъ, возбужденномъ состояніи безъ всякой видимой причины.

Насталъ вечеръ. Ева стала ждать мужа. Еще рано у нея появилось нетерпѣливое желаніе, чтобъ онъ скорѣе вернулся. Желаніе становилось тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ниже опускались сумерки, чѣмъ сильнѣе бушевала погода. На сердцѣ у нея было такъ тяжело, такъ тревожно. Сидѣть она не могла. Она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ и по-

минутно смотрѣла на часы. Приближалась полночь. Всѣ спали. За печкой пѣлъ сверчокъ, въ углу скреблась мышь, снаружи завывала буря, часы тикали однообразно, печально... Евѣ стало жутко... Ей хотѣлось какого-нибудь другого звука, шума... Дрожь пробѣгала по тѣлу... Хоть бы ребенокъ заплакалъ... Ева бросилась къ кровати и закрылась съ головой одѣяломъ. Она дрожала отъ паническаго ужаса. Только подъ утро, когда въ окно заглянула утренняя заря, заснула хозяйка Трэгни тяжелымъ, мучительнымъ сномъ. Но заснула ненадолго. Часа черезъ два она, вскрикнувъ, вскочила. Холодный потъ покрывалъ ея тѣло. Она посмотрѣла кругомъ — хозяина еще не было. Прошло утро, обѣдъ—Яакъ не возвращался. Странно, вѣдь онъ же просилъ Еву не ждать его, говоря, что не можетъ опредѣлить времени; но молодуха ждала и боялась за него. Сколько разъ прежде бывало, что Яакъ опаздывалъ на сутки, но Ева никогда не боялась за него. Почему же теперь? Она сама не знала, почему. Она старалась успокоиться, и не могла. «Что жъ, это предчувствіе? Но что жъ могло съ нимъ случиться... Онъ былъ не пьяница, всегда очень остороженъ»... Протянулся день, насталъ опять вечеръ. Затихли буря и дождь. Ясное, звѣздное небо и лунный свѣтъ смѣнили ихъ. Хозяйка на всѣхъ навела страхъ въ Трэгни. Всѣ тревожно ждали хозяина. Ева сидѣла безъ работы и смотрѣла въ окно. Заборъ и деревья бросали на землю черныя тѣни, точно призраки выростали и исчезали на ней, когда облачко, пролетая мимо луны, заслоняло ея серебристый блескъ. Ева слѣдила за этой игрой, и сердце ея билось все тревожнѣе, все болѣзненнѣе, мучительнѣе становился страхъ. Но вотъ вдали показалась черная точка. Вотъ она ближе, увеличивается... Это лошадь и телѣга и въ ней народъ... Вотъ она останавливается у воротъ Трэгни... Ворота скрипятъ... Слышны шаги... Ева вскакиваетъ и бѣжитъ навстрѣчу пріѣхавшимъ. Въ передней здоровается грубый мужской голосъ и спрашиваетъ хозяйку. Въ комнату входитъ чужой мужчина. Ева узнаетъ его, это Гиндрикъ изъ Окаспу, староста сосѣдней волости.

— Добрый вечеръ, хозяйка!

Ева не можетъ вымолвить ни слова. Она смотритъ на гостя широко открытыми глазами.

— Навѣрно ждешь хозяина?—заговорилъ староста, избѣгая глядѣть на Еву. — Я пришелъ тебя извѣстить, что Яакъ вдругъ заболѣлъ... Не пугайся... Ничего!..

— Заболѣлъ?!. Гдѣ онъ?!.

— Въ телѣгѣ... На дворѣ... Сейчасъ принесутъ... Съ нимъ, бѣднымъ, случилось несчастіе!.. Вчера ночью... въ темнотѣ... погода-то была ужъ больно страшная!.. Онъ, видишь, попалъ въ рѣку... Такъ... съ лошадью и съ телѣгой... На рѣкѣ вѣдь ледоходъ... вода высокая... Мостъ испорченъ, видно... Еще и темно... навѣрняка лошадь споткнулась, онъ и бацъ!.. съ телѣгой въ рѣку!.. Люди изъ другой волости

нашли его сегодня въ полдень!.. Лошадь, конечно, утонула!.. Несчастіе, что дѣлать!..

— Гдѣ онъ?—вскрикнула Ева, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Сейчасъ принесутъ... Не бойся!.. Мало ли что бываетъ!.. Сейчасъ принесутъ... подожди... У меня люди съ собой... Сейчасъ принесутъ!.. Онъ разбилъ голову... вѣрно объ камень или объ льдину... Крѣпись, хозяйка!.. Нельзя такъ пугаться!..

Гиндрикъ Окаспу говорилъ тихо и несмѣло. Онъ медленно вышелъ изъ комнаты. Но когда Ева хотѣла идти за нимъ, онъ сурово закричалъ:

— Останься здѣсь!.. Мы безъ тебя справимся!..

Люди внесли на рукахъ и положили на койку работника безжизненное тѣло Яака. Ева вышла изъ своей комнаты съ зажженной, ярко горѣвшей лампой. Ея руки дрожали, и она уронила бы лампу, если бъ Гиндрикъ Окаспу не взялъ ее у нея изъ рукъ.

Яакъ лежалъ на койкѣ. Голова и лицо его были обернуты платками, насквозь промоченными кровью. Онъ былъ одѣтъ частью въ свое мокрое платье, частью въ чужое. Сюртукъ и вязаная шерстяная фуфайка были чужіе.

— Онъ умеръ!..—вырвался у Евы крикъ.

Староста опустилъ глаза и покачалъ головой.

— Чего ужъ скрывать!..—тихо пробормоталъ онъ. — Съ Яакомъ случилось тяжелое несчастіе! — продолжалъ онъ. — Отецъ Небесный призвалъ его къ себѣ!.. Неизвѣстно, въѣхалъ ли онъ ночью въ рѣку или упалъ съ худого моста!.. Сегодня, въ полдень, нашли въ рѣкѣ лошадь съ телѣгой, а потомъ, между льдинами, и самого Яака. Принесли бѣднаго ко мнѣ... Ужъ всяко старались оживить его... напрасно все!.. А вотъ тутъ, что я нашелъ у него въ карманѣ. Вотъ кошелекъ... тутъ пятирублевка, да сторублевка... Все было промокши, да я высушилъ. Пойдутъ въ дѣло!.. Расписка тоже тутъ... Чернила-то расплылись, да разобрать можно... Тутъ написано, что Мартъ Мазикъ остается ему долженъ еще сто рублей... Ну, такъ оно и есть!.. Деньги, значитъ, всѣ. Вотъ тутъ еще мелочь серебромъ... Здѣсь вотъ трубка и кисетъ... Тамъ въ узелкѣ мокрое платье... Кажется, все?.. Мы надѣли на него сухія тряпки... Думали, оживимъ... Ну, да откуда ушла жизнь, новой не вложишь!..

Староста положилъ всѣ вещи на столъ; кто-то тутъ же положилъ узелокъ съ платьемъ. Больше никто не сказалъ ни слова. Тяжелая, мертвая тишина царила въ комнатѣ. Ева, съ сложенными на груди руками, смотрѣла на безжизненное тѣло мужа. Она не двинулась съ мѣста ни впередъ, ни назадъ. Она шевелила губами, какъ будто молясь. Всѣ чужіе потихоньку, точно крадучись, вышли. Староста шепотомъ сказалъ рабочимъ Трэгни, чтобъ пріѣхали за лошадью и телѣгой.

Хозяинъ Трэгни покоится подъ землей: Ева—молодая, красивая, богатая вдова. Черезъ двѣ недѣли послѣ смерти мужа она родила сына. Слѣдовательно, она полноправная наслѣдница хутора Трэгни и всего имущества покойнаго мужа. Наслѣдникъ Яака, ужъ сирота съ рожденія, дѣлаетъ Еву самой богатой собственницей изъ всей волости. Нехорошо быть такой вдовой. Время траура кончается, у молодежи начинаются надежды и ожиданія: кого-то выберетъ молодая, богатая вдова!.. На каждый палецъ полдюжины желающихъ!.. Пусть выбираетъ, кого сердце захочетъ! И не надо денежнаго, былъ бы онъ только человѣкъ какъ слѣдуетъ — честный, трудолюбивый, здоровый парень. Что жъ, если она и выйдетъ за Кусту Локоти! Онъ вѣдь еще раньше былъ ея женихомъ, это многіе говорили. Старая любовь не ржавѣетъ! — говоритъ пословица. Яакъ отбилъ Евушку отъ Кусты. Теперь Яакъ успокоился. Куста можетъ получить свою невѣсту. Что Куста былъ легкомысленъ—эко диво! Куста ловокъ, трудолюбивъ. Что онъ потерялъ мѣсто, такъ что жъ изъ этого, мало ли что бываетъ! Притомъ онъ все-таки пообтесанъ, не совсѣмъ мужикъ, былъ въ школѣ. У него и манеры, и разговоръ другой. Женщины такихъ любятъ. Да и Ева Трэгни сама, какъ барыня, изъ новыхъ. Итакъ, Куста Локоти? Кто знаетъ! Еще рано говорить объ этомъ. Всего только четыре недѣли прошло съ похоронъ Яака. Ева не шутя носитъ трауръ по мужѣ, она дѣйствительно опечалена. Какъ она плакала, когда опустили гробъ Яака въ могилу и засыпали землей! Какъ она искренно молилась! Она никакъ не хотѣла разстаться съ могилой и, уходя, все оглядывалась. И долго, долго не могла она удержать слезъ. Кто такъ тоскуетъ, у того печаль искренняя. Тутъ не время говорить о женихахъ и свадьбахъ. Притомъ Ева очень занята своимъ ребенкомъ. Пройдетъ трауръ, тогда еще будетъ время подумать о новомъ хозяинѣ.

Куста Арникъ не былъ ни разу въ Трэгни послѣ печальнаго событія. Послѣдній разъ онъ былъ въ день отъѣзда Яака. Его мать говорила кому-то, что онъ былъ сильно боленъ двѣ недѣли и теперь такъ слабъ, что скоро выпустить его изъ дома нельзя. Не смотря на это, онъ пришелъ въ Трэгни. Онъ спросилъ у работника, дома ли хозяйка, и вошелъ. Ева сидѣла передъ топившейся печкой, съ спеленутымъ ребенкомъ на колѣняхъ.

— Здравствуй, Куста, наконецъ-то ты къ намъ,—сказала Ева печальнымъ голосомъ. Гость не подходилъ ближе, Ева не повертывалась къ нему.—Я слышала, ты былъ боленъ? Поправляешься?

Куста сухо покашливалъ и, наконецъ, у него точно вырвалось:—хожу!—какимъ-то глухимъ, дикимъ голосомъ. И опять тишина.

— Садись, Куста,—сказала Ева.

Но гость оставался неподвиженъ, точно прячась за спиною Евы. Ева оглянулась. Свѣтъ отъ топившейся печки упалъ прямо на лицо Кусты.

— О, Господи!.. Какой ты страшный!.. Тебя едва можно узнать!.. Ты вѣрно тяжело хворалъ?.. Не рано ли ты всталъ съ постели?

Лицо Кусты землистаго цвѣта, около рта глубокая борозда, подъ глазами темные круги. Глаза горятъ сухимъ, лихорадочнымъ блескомъ.

— Рано или нѣтъ—для меня все равно!..—отвѣтилъ онъ нетерпѣливо.—Мнѣ надо поговорить съ тобой... Сама понимаешь, такъ бы не пришелъ!..

— О чемъ?

Молодуха вопросительно смотрѣла на него своимъ печальнымъ взглядомъ.

— Какъ будто не знаешь? — засмѣялся Куста. Онъ оглядѣлся вокругъ, поглядывая, гдѣ бы сѣсть. Потомъ досталъ изъ-подъ кровати маленькую скамеечку и сѣлъ подлѣ хозяйки, но такъ, что она не могла посмотрѣть ему прямо въ лицо.

— По какому же дѣлу?—спросила Ева черезъ нѣсколько времени.

— Яакъ вѣдь теперь умеръ..—началъ Куста своимъ глухимъ голосомъ, запинаясь на каждомъ словѣ.—Ты вдова... свободна... Я хотѣлъ тебя просить сократить время траура... Мнѣ не хотѣлось бы такъ долго ждать... Можно бы ускорить... Наши отношенія вѣдь совсѣмъ ясны...

— Наши отношенія?

— Что жъ ты удивилась!.. Сказать короче, я хочу жениться на тебѣ!.. Это, кажется, понятно... Яакъ умеръ... Я прежде былъ твоимъ женихомъ... Ты меня не забыла, я знаю... Я тебя тоже... Я буду тебѣ хорошимъ мужемъ, ты сама знаешь это! Я только хотѣлъ просить не оттягивать свадьбу... Такъ... Около Пасхи бы... это было бы какъ разъ... Тебѣ надо помощника, мнѣ надо жену... Не могу больше ждать, когда ты будешь моя!..

На лицѣ молодой вдовы выразилось холодное изумленіе. Она съ удивленіемъ смотрѣла на Кусту. Ей казалось, что онъ бредитъ. Онъ говорилъ, какъ помолвленный женихъ, и только спрашивалъ, когда свадьба. Между тѣмъ, послѣ смерти Яака она видѣла его первый разъ.

— Куста, что съ тобой?—спросила она боязливо.

Но Куста, въ свою очередь, былъ изумленъ.

— Почему ты не отвѣчаешь?—нетерпѣливо, почти сердито проговорилъ онъ:—Развѣ случилось что-нибудь, что́ можетъ помѣшать намъ?

— Куста, мы не женимся,—сказала Ева медленно, но рѣшительно.

— Что ты сказала?—переспросилъ Куста, не вѣря своимъ ушамъ.

— Мы не женимся,—повторила молодуха.

— Я не шутить сюда пришелъ!—съ сердцемъ началъ Куста.—Я хочу рѣшительнаго отвѣта. Когда прійти свататъ... Когда огласить можно въ церкви? Не упрямься! Мы не такъ мало знакомы другъ съ другомъ!..

Ева положила въ люльку спящаго ребенка и сѣла опять къ печкѣ рядомъ съ Кустой.

— Чудны твои рѣчи, Куста!—начала она взволнованно:—Если бъ ты лежалъ въ постели, я бы думала, что ты бредишь въ лихорадкѣ!.. Что ты хочешь меня сватать, это не Богъ вѣсть какая новость, а вотъ, что ты такъ говоришь, будто это дѣло рѣшенное!.. Рано бы еще мнѣ говорить про такія вещи, я себѣ самой противна... Но нехорошо тебя оставить въ сомнѣніи... Я тебѣ дамъ рѣшительный отвѣтъ!.. Не буду я твоей женой. Это мое рѣшеніе, и я не измѣню его!..

Ева сказала это тихимъ, яснымъ голосомъ, дѣлаясь съ каждымъ словомъ спокойнѣе и рѣшительнѣе. Ни малѣйшаго раздраженія, ни малѣйшей горечи не было въ ея словахъ. Мягко и спокойно продолжала она свое объясненіе, не глядя на Кусту.

— Я хочу тебѣ разсказать, какъ это вышло. Ты не долженъ сердиться на меня. Я тебѣ сказала, помнишь, давно, когда Яакъ еще былъ живъ: «я справилась съ своей жизнью; попробуй, справься и ты!..» То же говорю и сейчасъ. Когда гробъ Яака былъ здѣсь въ комнатѣ, я передумала свою жизнь. Какъ я сдѣлалась его женой? Онъ меня сваталъ, я его гнала! Ему было это очень горько!.. Но тутъ мнѣ нужна стала помощь... Я пошла къ нему и взяла... Пошла съ намѣреніемъ его обмануть... Сначала его огорчила, а потомъ посмѣялась надъ нимъ!.. Я сдѣлалась его женой, а настоящей женой не была... нѣтъ. У меня была ложь и обманъ въ сердцѣ!.. Я была зла, придирчива... Показывала видъ, что только изъ милости терплю его около себя!.. Я не только не созналась въ своей винѣ, но сдѣлала новую кражу!.. Правда, я въ ней призналась мужу, но только потому, что не смогла вывернуться!.. И этотъ мужъ, слышишь, Куста, не сказалъ мнѣ никогда ни одного непріятнаго слова! Этотъ мужъ терпѣлъ мою злость, мою гадость!.. Этотъ мужъ простилъ мнѣ мою кражу самъ, я не просила его объ этомъ! Этотъ мужъ былъ счастливъ, что я была его женой... Этотъ мужъ простилъ бы мнѣ, если бъ замѣтилъ, что я хотѣла убить его!..

Куста такъ вздрогнулъ, что скамейка подъ нимъ стукнула. Ева посмотрѣла на него. Онъ закрылъ лицо руками.

— Обо всемъ этомъ я передумала у гроба Яака. Я сказала себѣ: «онъ столько сдѣлалъ для тебя, и ты не успѣла вознаградить его за это!.. Съ какимъ камнемъ на груди осталась ты теперь!.. Ты должна хоть немного искупить свою вину!.. Ты должна цѣнить память своего мужа... У тебя есть соучастникъ... Изъ-за него ты стала женой Яака... Злой, лживый... Онъ тебѣ дорогъ съ дѣтства... Для него ты не пожалѣла бы жизни... Откажись отъ него совсѣмъ... Не будь его женой, если онъ потребуетъ!.. Умертви свое сердце въ память умершаго!.. Ты этимъ хоть немного искупишь свою вину!..» И я дала это обѣщаніе, Куста!.. Я подтвердила его клятвой, когда опускали гробъ Яака въ землю!.. Мы не можемъ жениться, Куста!.. Да и жить въ домѣ Яака, на его деньги? Въ домѣ Яака, котораго мы такъ обманули!.. Нѣтъ, у насъ не было бы радости и счастія!.. Тѣнь покойника стояла бы между нами!..

Куста громко разсмѣялся.

— Я такой болтовни никогда еще не слыхалъ!..—Онъ такъ смѣялся, что кругомъ все дрожало. Смѣхъ былъ такой странный, что молодуха испугалась.—Шутишь... шутишь!..—смѣялся онъ.—Но пора кончить шутки!.. Я не пастухъ, чтобъ меня высмѣивать! Я хочу знать, когда мнѣ прійти тебя сватать? Ты будешь моей женой!.. Не возражай!.. Ты должна!.. Слышишь?..

— Твои слова совсѣмъ непонятны!—боязливо сказала Ева.

— Мои слова ясны!—сердито воскликнулъ Куста.—Твое упорство не поможетъ!.. Меня не устрашишь!.. Не добромъ, такъ силой!.. Ты должна, должна!.. Я не хочу быть дуракомъ!.. Слышишь, баба!..

Куста вскочилъ. Взглядъ его былъ яростный. Какъ желѣзными клещами, онъ сжалъ руку Евы и тряхнулъ ее.

— Не болтай вздора!..—сказалъ онъ, задыхаясь отъ гнѣва.—Я мужчина... Я не дамъ водить себя за носъ!.. Я не отдамъ свою жизнь такъ легко!.. Не возражай!.. У меня право... У меня такое право требовать, какого ты и не воображаешь!.. Сейчасъ, сію минуту скажи: «да»!..

У Евы вырвался испуганный крикъ. Она въ ужасѣ смотрѣла на бѣшеное лицо Кусты. Это лицо было страшно. Землисто-сѣрое, высохшее, кожа точно натянута щипцами, синія, трясущіяся губы... Онъ весь трясся. Глаза дико сверкали.

— Куста... Что ты... Что ты сдѣлалъ?—вскрикнула Ева:—Что ты сдѣлалъ?..

Этотъ вопросъ вырвался у нея безсознательно.

По тѣлу Кусты точно пробѣжала молнія. Его лицо стало еще ужаснѣе. Онъ упалъ передъ молодухой на колѣни.

— Ева, я отдамъ за тебя свою жизнь... Будь моей женой!..—шепталъ онъ дрожащими губами, протягивая дрожащія руки. — Ева, спаси меня, несчастнаго!.. Какъ рабъ, буду служить тебѣ... Хочу терпѣть... Я приму всякое наказаніе... Отъ Бога хочу наказанія... Ева, услышь мольбу моей души!.. Злодѣй не можетъ жить одинъ!.. Иначе я пропалъ... Я сойду съ ума... Я тебѣ все разскажу... сознаюсь... Ты увидишь... Ты должна быть моей женой... потому что у тебя есть любовь ко мнѣ... Пусть будетъ и помилованіе!.. Потому что... Потому...—Онъ припалъ къ полу лицомъ и хрипящимъ голосомъ продолжалъ:—Я—убійца Яака!..

Въ комнатѣ стало тихо, такъ тихо, что было бы слышно паденіе булавки. Ева медленно, шагъ за шагомъ отступала къ дальней стѣнѣ и уперлась въ нее спиной. Ея руки безсильно свѣсились. Въ лицѣ ни кровинки. Широко открытыми глазами она смотрѣла на распростертаго на полу Кусту. Куста не шевелился. Свѣтъ отъ печки игралъ на его растрепанныхъ волосахъ. Наконецъ, онъ поднялъ голову и посмотрѣлъ на Еву.

«О, какъ ты далеко отступила!..» О, какъ далеко!.. точно говорилъ его взглядъ съ отчаяніемъ.

Но Ева отступила бы еще дальше, если бъ стѣна не остановила ея. Куста, прикрывая глаза точно отъ солнца, все смотрѣлъ на Еву. Въ его взглядѣ были сотни вопросовъ. Ева, повидимому, поняла ихъ и покачала головой. Она приблизилась къ нему шага на два.

— Куста, что ты сдѣлалъ!.. Что ты сдѣлалъ!..

Въ горлѣ Кусты хрипитъ... Долго изъ горла не можетъ выйти яснаго слова. Онъ обхватилъ руками голову.

— Ты... твои деньги...—бормочетъ онъ.—На шеѣ у матери... Занятій нѣтъ... Искуситель пришелъ... Все думалъ... выжидалъ... искалъ... Въ ту ночь... Какъ сумасшедшій... Темная ночь... Точно въ бреду... На разломанномъ мосту... Ничего не помню... Точно звѣрь лютый!..

Онъ замолчалъ, напрасно стараясь подняться на ноги. Его члены были точно парализованы.

— Ты мнѣ такъ дорога... Я надѣялся... Теперь... Теперь все кончено... Не могу терпѣть эту жизнь!..

— Почему ты не взялъ его деньги и не оставилъ жизнь?—прошептала Ева.

— Я тебя хотѣлъ!.. И тебя, и все...

— Куста, что жъ теперь дѣлать?—спросила Ева. Въ ея голосѣ не было ни ужаса, ни страха. Она придвинулась на шагъ ближе.—Что жъ теперь, Куста?

— Ничего...—отвѣтилъ Куста едва слышно.

Она подошла совсѣмъ близко и положила руку къ нему на плечо. Почувствовавъ это, Куста испугался. На него смотрѣли глаза, полные человѣческаго милосердія и прощенія. Его грудь наполнило горячее чувство благодарности и облегченія. Онъ припалъ головою къ груди Евы и зарыдалъ.

— Бѣги, несчастный!.. бѣги!.. бѣги такъ далеко, какъ можешь! Отъ меня никто ничего не услышитъ!.. Иди!.. Кайся и молись!.. Начни новую жизнь... Въ другой землѣ... На краю свѣта!—шептала Ева.

Невыразимо печальная улыбка показалась на лицѣ молодого человѣка.

— Думаешь, такъ можно жить? Я сказалъ тебѣ: «Не всякій убійца злой человѣкъ!..» Я не золъ... Я хочу искупить...—Онъ твердо пошелъ къ двери.

— Куда ты... Куста?..

— Предать себя суду.

— Куста!..

Молодой человѣкъ быстро вернулся... Онъ схватилъ зашатавшуюся женщину и посадилъ на стулъ. Лицо ея было мертвенно-блѣдно. Губы Кусты коснулись ея лба.

— Прощай, Ева!..

Куста Арникъ шагалъ безъ отдыха къ мѣстному старостѣ. Вечеръ былъ холодный, небо ясное. Луна сіяла; вдали былъ слышенъ шумъ озера. У воротъ старосты Куста остановился. Онъ прислушивался, думалъ и озирался. Въ окнѣ виденъ былъ огонь. Стала лаять собака... Слышалось ржаніе лошадей. Куста вошелъ въ ворота, медленно прошелъ дворъ и, не раздумывая, открылъ дверь. Хозяинъ былъ дома. Всѣ сидѣли за ужиномъ. Куста сѣлъ у дверей.

— Что новаго?—спросилъ хозяинъ.

— Ничего...—отвѣтилъ Куста и вдругъ, совершенно для всѣхъ неожиданно, спросилъ: — А какъ ты думаешь, хозяинъ Токси, что Яакъ Трэгни умеръ по несчастью или убитъ?

Староста съ удивленіемъ смотрѣлъ на гостя.

— Ну, ну!.. Что ты говоришь!..

— Ничего нѣтъ удивительнаго,—отвѣтилъ Куста спокойно.—Подумай самъ, почему онъ не можетъ быть убитъ?..

— Почему жъ убитъ! Деньги всѣ были при немъ!..

— Это правда, а все-таки это ничего не доказываетъ!.. Не всякій убійца—разбойникъ!.. У него могли быть другіе замыслы!.. Вы говорите, онъ въѣхалъ впотьмахъ въ рѣку: попалъ въ половодье... въ ледоходъ. Или онъ упалъ съ моста... Лошадь споткнулась... А вы осмотрѣли его раны? Вы говорите, онъ упалъ на льдины или какъ-нибудь о телѣгу или о камень расшибся... Это ужъ очень неточно!.. Вы не позвали врача... Говорили: «такъ мы думаемъ!..» Тѣмъ и кончили. Подумай, хозяинъ Токси, должна быть разница: разобьетъ ли кто голову или ему разобьютъ!.. Раны должны быть разныя...

— Почемъ ты знаешь, что у Яака была рана отъ удара?

— Я этого не знаю... Я и не говорилъ, что знаю!..

— Почему же ты такъ думаешь?

— Почему?.. Просто такъ пришла мысль!..

— Что жъ тебя это такъ сильно занимаетъ?

— Убійцы всегда должны быть наказаны!..—немного живѣе отвѣтилъ Куста. До этого онъ говорилъ вяло и апатично.

— Я вижу, Куста, ты еще боленъ!.. Твои рѣчи очень странныя!.. Не знаю, что и сказать тебѣ!..

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты, хозяинъ, подумалъ объ этомъ!.. Поговори съ волостными судьями. Дѣло крючковатое!.. Поговори съ городскими судьями... Ну, а мы... Другой разъ поговоримъ побольше.

Куста простился и ушелъ. Онъ пошелъ въ Локоти. У воротъ Локоти онъ остановился въ раздумьи и потомъ, опустивъ голову, пошелъ вокругъ дома къ лѣсу. Онъ дошелъ до большого камня, гдѣ Ева отдала ему сто рублей, легъ на мохъ, вытянулся на спинѣ и закрылъ глаза. Луна свѣтила прямо на него черезъ вѣтви кустарниковъ. Въ ея блѣдномъ сіяніи его лицо было еще мертвеннѣе. Онъ повернулся на бокъ, потомъ на животъ, навзничь, но скоро вскочилъ на ноги и ушелъ

въ глубь лѣса. Онъ бродилъ по лѣсу до разсвѣта. Утромъ онъ пришелъ домой.

— Господи, гдѣ ты былъ всю ночь?—озабоченно спросила мать:— Господь помилуй, что случилось? Ты настоящій мертвецъ!..

— Мнѣ надо сейчасъ ѣхать въ городъ... Пришелъ проститься... Рози спитъ?

Онъ подошелъ къ постели, гдѣ спала дѣвушка, взялъ ея теплую руку изъ подъ одѣяла и поцѣловалъ ее. Потомъ онъ протянулъ руку матери, но тутъ зашатался и упалъ на полъ. Ни малѣйшаго звука не вылетѣло изъ его рта. Мать испуганно вскрикнула, наклонилась къ нему и прислушалась. Куста былъ въ обморокѣ. Рози проснулась отъ шума и плакала. Пока старуха бѣгала за водой на колодезь, Куста пришелъ въ себя. Онъ водилъ вокругъ глазами и что-то говорилъ. Мать звала, трясла его. Наконецъ кое-какъ удалось его поднять и довести до постели. Онъ былъ весь въ жару, губы горѣли, въ глазахъ особенный лихорадочный блескъ. Горячка вернулась. Три недѣли онъ былъ безъ памяти, изрѣдка, на нѣсколько минутъ приходя въ себя. Онъ бредилъ. Сибирь, каторга, Яакъ Трэгни, кровь, рѣка—не сходили у него съ языка. Мать, Рози и хозяйка Трэгни ухаживали за нимъ. Ева каждый день на нѣсколько часовъ приходила въ Локоти. Изъ города привезли врача, но помочь было нельзя.

Въ хорошее, весеннее утро скончался Куста Арникъ. Передъ смертью онъ былъ въ сознаніи. Онъ съ мольбой и благодарностью мягко смотрѣлъ на мать, Рози и Еву. Куста скончался. Ева поцѣловала его въ губы, въ красивую, кудрявую голову, и горячія слезы упали на лицо мертвеца.

Пять лѣтъ спустя послѣ смерти Кусты Арникъ хозяйка Трэгни была еще не замужемъ. Сводный братъ ея въ Лифляндіи овдовѣлъ и все его имущество продали за долги. Ева взяла его къ себѣ какъ управляющаго. Молодая, красивая, богатая женщина—пять лѣтъ безъ мужа, безъ друга! Это немножко странно. Или Ева дала еще обѣтъ у могилы Кусты Арникъ? Этого я не знаю, хоть отъ нея можно было этого ожидать. Она была не совсѣмъ похожа на другихъ. Не могу поручиться, что на шестой годъ Ева не перемѣнитъ своихъ мыслей и не выйдетъ замужъ. Человѣкъ мѣняется. Я думаю, трудно исполнить обѣтъ, когда есть причины для нарушенія...

ОБѢТОВАННАЯ ЗЕМЛЯ.

Генриха Понтопидана. (Съ датскаго).

КНИГА III.

I.

Однажды послѣ обѣда, въ серединѣ іюля, Эммануилъ и Ганзенэ возвращались по скиберупской дорогѣ съ кладбища, куда они носили свѣжій вѣнокъ на могилу Ледди. Они шли молча по сторонамъ дороги, которая круто поднималась въ гору—Эммануилъ въ своемъ длинномъ сѣромъ пальто, Ганзенэ въ капорѣ и черномъ платкѣ, который придерживала на груди своей загорѣвшей, худощавой рукой. Солнце палило, ни облачка на небѣ, толстый слой мельчайшей пыли поднимался клубомъ при каждомъ шагѣ.

Когда они достигли вершины горы, Эммануилъ остановился подъ одинокой рябиной, которая слегка оттѣняла дорогу. Онъ долго стоялъ, снявъ шляпу и заложивъ руки назадъ, погруженный въ думы, смотря на широкій, плодоносный ландшафтъ. Со всѣхъ сторонъ виднѣлись зрѣлыя или дозрѣвающія поля. Весь околотокъ превратился въ безконечное море хлѣбовъ, отражавшихъ солнечные лучи на своихъ золотыхъ волнахъ.

— Чудное зрѣлище! не правда ли?—сказалъ онъ, наконецъ, тихимъ голосомъ:—кажется, чувствуешь богатство почвы въ самомъ воздухѣ!.. Послушай, какъ жаворонки разливаются надъ рожью Нильса Іенсена! Каждый разъ, когда жатва подходитъ, я чувствую себя въ какомъ-то торжественномъ настроеніи духа. Не странно ли это? Такъ поразительно видѣть, какъ вдругъ, на глазахъ поспѣваютъ почти сразу плоды цѣлаго года работы и борьбы. Еще удивительнѣе видѣть силу природы, которая развертывается здѣсь передъ нашими глазами. Была ли зима холодная или теплая, лѣто сухое или дождливое, изъ года въ годъ хлѣбъ поспѣваетъ въ одно и то же время, даже въ одинъ и тотъ же день! Не чудо ли это? — И Эммануилъ снова погрузился въ свои думы.

— Да,—заговорилъ онъ снова,—въ этомъ есть глубокій смыслъ... Я думаю, я возьму это, какъ сюжетъ моей воскресной проповѣди. Можно многое сказать по этому поводу, и въ особенности при настоящихъ обстоятельствахъ это будетъ полезно всѣмъ намъ.

Онъ продолжалъ свой путь, останавливаясь иногда передъ разными

полями, и громко выражалъ свой восторгъ. Онъ снова надѣлъ свою бѣлую соломенную шляпу и надвинулъ ее на глаза, которые за послѣднее время были очень слабы. Его усталый видъ ясно показывалъ, что нелегко достались ему пережитыя испытанія.

Ганзенэ терпѣливо слѣдовала за нимъ по другой сторонѣ дороги; не смотря на его частыя остановки, она внимательно слушала и вопросительно смотрѣла на него, когда онъ говорилъ... Сама она не прерывала молчанія, пока Эммануилъ вдругъ не заговорилъ о своихъ собственныхъ поляхъ, сравнивая свой плохой урожай съ окружающимъ плодородіемъ.

— Нѣтъ, у насъ ужъ не такъ плохо, какъ ты думаешь,—сказала она ободряющимъ тономъ, казавшимся страннымъ въ ея устахъ:—рожь довольно хороша. Только овесъ немного захирѣлъ.

— А клеверъ? Нынче у насъ накосили всего пять возовъ, вмѣсто двѣнадцати прошлаго года и четырнадцати въ позапрошломъ. Это очень плохо.

— Да, но у тебя было такъ много другого дѣла на рукахъ, Эммануилъ... Общественныя дѣла и все прочее. Нынѣ, вѣроятно, это все перемѣнится; когда у тебя будетъ больше времени для своего дѣла, ты увидишь, что урожай у тебя будетъ не хуже другихъ. Мнѣ кажется, мы теперь установились здѣсь... это и хорошо; не правда ли, Эммануилъ?

Какъ это часто съ нимъ случалось, онъ не слыхалъ послѣднихъ ея словъ и продолжалъ свою собственную нить мыслей.

— Я попробую другой сѣвооборотъ въ будущемъ году. Помнишь, я тебѣ говорилъ о новой системѣ удобренія. Не попробовать ли ея въ серьезъ? Нельзя продолжать по старому,—сказалъ онъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ:—мы должны встряхнуться. Я очень излѣнился за послѣднее время. Теперь хочу опять приняться какъ слѣдуетъ.

Они шли между двумя стѣнами ржи выше роста человѣка; надъ рожью кружились желтыя и пестрыя бабочки и на яркомъ солнцѣ казались летающими цвѣтами. Дальше видъ открывался на долину по направленію къ Скиберупу; его бѣлые домики, зеленые сады и большой домъ собранія отражались въ большомъ прудѣ.

У подошвы горы, гдѣ дорога развѣтвлялась—одна шла къ деревнѣ, а другая къ западной границѣ, Эммануилъ снова остановился.

— Кстати, кажется, ты говорила, что зайдешь къ родителямъ?

— Да, а ты развѣ не зайдешь? Они ждутъ насъ обоихъ.

— Нѣтъ, мнѣ сегодня некогда: надо подумать обо многомъ. Хочу обдумать свою проповѣдь, чтобы она имѣла сильное вліяніе и чтобы ее поняли какъ слѣдуетъ... А я еще не подготовился. Кланяйся имъ отъ меня и скажи, что зайду на недѣлѣ.—Послушай!—закричалъ онъ ей вдогонку:—скажи отцу, что я не забылъ его сѣмена ржи, которыя онъ мнѣ ссудилъ весной. Какъ только соберемъ жатву, пошлю ему первый возъ.

II.

Ганзенэ продолжала свой путь къ Скиберупу и не обернулась на его слова.

Минуя деревню, она пошла по узкой тропкѣ по лугамъ за садами. Она знала по опыту, что въ такой часъ всѣ женщины обыкновенно сидятъ у дверей съ дѣтьми или вязаньемъ въ рукахъ, переговариваясь черезъ улицу, а ей было непріятно встрѣчаться съ прежними подругами.

Дома она нашла одного отца.

Старикъ сидѣлъ въ полутемной комнатѣ и дремалъ въ своемъ креслѣ. Онъ былъ въ жилеткѣ и вязаныхъ панталонахъ; мѣховая шапка покрывала густые сѣдые волосы; куча мухъ летала и гудѣла вокругъ него.

— Это ты, Ганзенэ?—спросилъ онъ, поднимая брови надъ слѣпыми глазами:—ты одна? А гдѣ же Эммануилъ?

— Ему сегодня некогда, тятя. Онъ тебѣ кланяется и зайдетъ въ теченіе недѣли.

— Вотъ какъ! Ну, мама сейчасъ вернется. Она пошла къ Сёрену за газетой. Кажется, тамъ есть рѣчь Барре. Эммануилъ не говорилъ ли о ней что-нибудь?

— Нѣтъ, онъ, кажется, не читалъ сегодня газеты.

— Онъ имъ задалъ трезвона, этотъ Барре, какъ я слышалъ. Но это такъ и должно быть. Этого еще мало имъ, разбойникамъ! Что они такое, какъ не воры и грабители? Что я говорилъ... ты помнишь, Ганзенэ? Неужели у насъ опять будетъ застѣнокъ? сказалъ я, и мы, крестьяне, будемъ вьючными скотами баръ?

Онъ всталъ съ нѣкоторымъ трудомъ и едва передвигалъ ноги въ грамадныхъ туфляхъ. Его маленькая, согбенная фигура дрожала отъ гнѣва; онъ запинался, слова какъ будто застревали въ его беззубомъ ртѣ. Заложивъ одну руку на спину, онъ двигался по комнатѣ, непрерывно разговаривая и повторяя длинныя тирады изъ рѣчей различныхъ ораторовъ, которыя запомнилъ наизусть. Ганзенэ сняла платокъ и капоръ и сѣла къ окну.

Отецъ безпокоилъ ее послѣднее время; на ея глаза онъ сильно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ не могъ работать по слѣпотѣ, и съ тѣхъ поръ, какъ вдругъ сталъ ораторомъ на памятномъ собраніи.

Она смотрѣла въ тѣнистый, маленькій садъ, гдѣ яйцеобразныя, солнечныя пятна блуждали по травѣ и дорожкамъ, и куры копались подъ кустами крыжовника, точь-въ-точь, какъ бывало прежде, когда она сидѣла у того же окна, думая о своемъ будущемъ. Теперь она думала о первыхъ годахъ замужества, когда они съ Эммануиломъ жили еще одни, другъ для друга, и каждый день жизни былъ откровеніемъ роскошнаго и новаго счастья. Она снова переживала тѣ мирные вечера первой зимы, когда они сидѣли у лампы вмѣстѣ, и Эммануилъ

или читалъ ей вслухъ, или разсказывалъ о своемъ дѣтствѣ. Она вспоминала тихіе часы заката перваго лѣта въ пасторатѣ, воскресныя посѣщенія родителей, всю ту жизнь, которая казалась теперь, какъ бы волшебной сказкой и которая, она надѣялась, снова вернется. Иногда, въ особенности послѣ смерти Ледди, ей казалось, что въ Эммануилѣ проснулось стремленіе къ тихому счастью прежнихъ дней. Но теперь она убѣдилась, что его мысли идутъ своей собственной дорогой. Она не знала этого пути; сознавая свою безпомощность отвратить его возрастающее уныніе, она была въ постоянной тревогѣ, что онъ что-то скрываетъ отъ нея, какое-то зарождающееся стремленіе, въ которомъ онъ боялся признаться, какое-то пробивающееся стремленіе къ жизни и людямъ, которыхъ онъ оставилъ главнымъ образомъ ради нея.

Дверь кухни пріотворилась, и большая голова Эльзы выглянула изъ нея.

— Это ты, Ганзенэ? Мы тебя ждали, ждали! А гдѣ же Эммануилъ?

— Ему сегодня некогда, мама! Онъ зайдетъ на недѣлѣ. Велѣлъ кланяться!

Лицо Эльзы вдругъ стало очень строго и исчезло за дверью. Черезъ нѣсколько минутъ послышался ея голосъ изъ кухни, гдѣ она хлопотала съ посудой.

— Странно, какъ занятъ нынче Эммануилъ! Некогда придти провѣдать насъ, стариковъ! Это что-то неладно, мнѣ думается.

Ганзенэ не отвѣчала. Она знала, что между мужемъ и матерью произошло нѣкоторое неудовольствіе изъ-за того, что Эммануилу непріятно было ея отношеніе къ смерти Ледди, какъ къ совершившемуся факту. Конечно, онъ и самъ смотрѣлъ на смерть сына, какъ на неизбѣжное проявленіе непроницаемой воли Божьей; но въ то же время ему казалось, что она должна бы быть поражена, такъ какъ всегда поддерживала его въ надеждѣ, что болѣзнь неопасна.

— А газета, мать? гдѣ газета?—вскричалъ Андерсъ Іёргенъ, который снова ощупью нашелъ кресло и сѣлъ въ ожиданіи удовольствія услышать новости дня.

— Иду, иду, тятя! Мнѣ только поставить молоко телятамъ... Видѣлъ ты Оле?

— И не думалъ! Онъ, должно быть, поѣхалъ на мельницу. Ты не забыла покормить свиней?

— Нѣтъ, какъ можно забыть! — сказала Эльза, входя и завязывая фартукъ вокругъ своей обширной таліи.

— Ну, теперь послушаемъ,—вскричалъ старикъ весело, услышавъ шелестъ газеты въ рукахъ Эльзы:—задалъ онъ имъ ходу, я ручаюсь! Да, да, Барре славный малый! Онъ говоритъ то же, что и я. Помнишь? Застѣнокъ?

— Ну, ну, хорошо, отецъ, теперь посиди спокойно,—прервала его

Эльза, тяжело опускаясь въ кресло у печки, съ своимъ обычнымъ: «о Господи Іисусе!»

Она развернула газету съ важностью, которую почувствовала съ тѣхъ поръ, какъ Ганзенэ сдѣлалась женой священника, и которая еще усилилась со дня митинга, въ которомъ Андерсъ Іёргенъ сталъ ораторомъ и имя его появилось въ газетѣ; она бережно разостлала газету на колѣняхъ, надѣла мѣдныя очки на носъ и стала читать протяжно статью въ шесть столбцовъ: «Рѣчь нашего лидера въ Вемеловѣ».

III.

Тѣмъ временемъ Эммануилъ свернулъ на полевую тропинку, чтобы никто не помѣшалъ ему обдумать воскресную проповѣдь. Послѣднее время, онъ частенько шелъ въ церковь неприготовленный и самъ находилъ, что рѣчь не имѣла прежней силы и вдохновенія.

И сегодня ему не удалось сосредоточиться. Его мысли шли въ разбродъ, и онъ поминутно ловилъ себя на созерцаніи чего-нибудь, совершенно не относившагося къ проповѣди. Вначалѣ онъ отвлекался разными мелочами: бабочкой, за которой слѣдилъ, любуясь ея цвѣтомъ то на фонѣ голубого неба, то среди колосьевъ. Потомъ ему попалась на глаза красная крыша народнаго собранія и погрузила его въ глубокія думы о равнодушіи, съ которымъ относились его друзья, да и друзья партіи по всей странѣ къ политическому униженію, которому ихъ подвергли, и нарушенію всѣхъ самыхъ священныхъ правъ.

Онъ не понималъ ихъ въ этомъ отношеніи. Хотя смерть дорогого ребенка случилась какъ разъ въ минуту переворота, онъ сейчасъ же почувствовалъ своею обязанностью понудить друзей къ сопротивленію всѣми мѣрами законности и христіанства. Но избранный комитетъ явился къ нему въ одинъ прекрасный день съ просьбой не начинать волненія. Они письменно снеслись съ другими кружками, говорили они, и пришли къ заключенію, что наилучшее, что можно теперь сдѣлать, это—подчиниться. Даже Нильсенъ-плотникъ, отъ котораго онъ скорѣе ждалъ бурнаго негодованія, согласился съ рѣшеніемъ остальныхъ, хотя и съ довольно мрачнымъ видомъ. Его посѣтилъ и ткачъ Ганзенъ. Съ обычной своей таинственностью и разными околичностями онъ объявилъ «перемѣну тактики». Въ то же время высказалъ нѣсколько намековъ, касающихся предсѣдателя, который показалъ себя съ недостойной стороны. Наконецъ, ткачъ намекнулъ на частную жизнь Іенсена, которая, по его словамъ, не выдерживала критики, въ виду его положенія, какъ политическаго вождя; но Эммануилъ не понялъ его намековъ и не интересовался ими. Онъ рѣшилъ не имѣть болѣе ничего общаго съ политикой, которая никогда не занимала его всецѣло и въ недостойности которой онъ теперь вполнѣ убѣдился. То дѣло, которому онъ посвятилъ всю свою

жизнь, вырастетъ и созрѣетъ независимо отъ всѣхъ законодателей и закононарушителей, точно такъ же, какъ сѣмя въ землѣ вырастаетъ и созрѣваетъ, не смотря на зимніе морозы или лѣтнія засухи.

Эти мѣсяцы научили его многому. Онъ зналъ теперь, что прежде, чѣмъ займется заря новой жизни, надо вызвать въ народѣ дремлющую волю, довѣріе и уваженіе къ своей собственной личности. Можетъ быть, онъ и доживетъ до этого. Но не надо ни отчаяваться, ни терять терпѣнія. Можно находить счастье и въ томъ сознаніи, что ему дано приготовлять дорогу для правды и справедливости на землѣ. Радость и награда заключаются въ томъ, что царство мира приближается.

Не прошелъ онъ и четверти пути, какъ, къ великому своему удивленію, увидалъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дороги веселую компанію изъ пяти-шести человѣкъ вокругъ скатерти, разостланной на лугу.

Одна изъ дамъ или, лучше сказать, очень молоденькая дѣвушка только что поднялась и говорила рѣчь. Въ рукахъ у ней была рюмка, а на головѣ мужская сѣрая шляпа, которую она надѣвала и снимала съ головы съ торжественнымъ поклономъ среди смѣха и апплодисментовъ остального общества—двухъ дамъ и двухъ кавалеровъ. На травѣ лежалъ красный, шелковый зонтикъ; въ землю была воткнута трость, а на ней голубая дамская шляпа. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, въ тѣни ивы, стоялъ охотничій щегольской экипажъ съ парой саврасыхъ пони, подъ присмотромъ кучера въ плюшевыхъ панталонахъ и драповыхъ гамашахъ.

Какая-то робость напала на Эммануила при видѣ этихъ горожанъ среди его собственныхъ владѣній. Онъ повернулся и хотѣлъ пройти незамѣченнымъ.

— Позвольте же мнѣ, благородные друзья,—говорила дѣвушка, и слова ея ясно донеслись до слуха Эммануила:—осушить и выпить за здоровье нашего дорогого и любезнаго хозяина.

Она вдругъ остановилась; смѣхъ прекратился, и наступило мертвое молчаніе.

Эммануилъ понялъ, что его замѣтили, но, заложивъ руки за спину, шелъ, не прибавляя и не убавляя шага.

Вдругъ ему почудилось, что его звали по имени.

Онъ не оглядывался. Онъ былъ увѣренъ въ ошибкѣ. Онъ не имѣлъ ничего общаго съ этими горожанами.

Вскорѣ онъ снова услышалъ тотъ же голосъ, и на этотъ разъ совершенно ясно, и, что показалось ему очень страннымъ, это былъ знакомый голосъ.

— Г-нъ Ганстедъ!.. Пасторъ Ганстедъ!

Онъ обернулся и узналъ доктора Гассинга.

— Здравствуйте, пасторъ Ганстедъ. Какъ живете, можете? Давно не имѣлъ удовольствія васъ видѣть!

Эммануилъ былъ такъ пораженъ встрѣчей и въ особенности не-

обыкновеннымъ радушіемъ доктора, что даже не собрался вдругъ отвѣтить.

— Я къ вамъ, какъ посланникъ,—продолжалъ онъ, сверкая зубами.—У насъ тутъ семейный пикникъ, и дамы желали бы поговорить съ вами... Удостойте выпить съ нами стаканъ вина! Вы найдете старую знакомую среди насъ.

Эммануилу очень хотѣлось отказаться. Его нисколько не прельщала мысль встрѣтить старую знакомую въ этомъ обществѣ. Но, такъ какъ у него не было ни малѣйшаго предлога и не хотѣлось разсердить доктора, который во время болѣзни Ледди выказалъ столько вниманія и ему, и Ганзенэ, ему ничего больше не оставалось, какъ принять любезное предложеніе.

Общество на лугу внимательно наблюдало издали за ходомъ переговоровъ, и когда докторъ и Эммануилъ направились къ нимъ, дамы взяли свои зонтики, а молодой человѣкъ въ лѣтнемъ костюмѣ цвѣта резеды, поднялся на ноги и, поправивъ манжетки, сталъ за молодой дѣвушкой, опираясь на трость, какъ бы готовый на выручку, если понадобится.

— Если вы будете меня смѣшить, Альфредъ, я васъ побью,—прошептала она.

— Хорошо! Но, Боже праведный!.. это настоящее допотопное животное, — шепталъ онъ себѣ подъ руку, которой закручивалъ свои свѣтлые усы.

— Посмотрите!.. Голосъ отъ теологическаго института!

— Замолчите, пожалуйста!

— Тише!

Въ эту минуту докторъ и Эммануилъ подошли. Одна изъ дамъ, маленькая брюнетка въ коричневомъ, шелковомъ платьѣ, съ милымъ, симпатичнымъ лицомъ и мягкой женственностью во всей фигурѣ, подошла къ Эммануилу и пожала ему руку.

— Моя жена,—представилъ докторъ.

— Мнѣ очень пріятно познакомиться съ вами,—сказала она мягко:— мы живемъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ вотъ уже нѣсколько лѣтъ и, къ удивленію моему, еще никогда не встрѣчались. Это рѣдко случается въ деревнѣ.

Эммануилъ приподнялъ шляпу, не измѣнивъ серьезнаго и отчасти удивленнаго выраженія глазъ, которыми онъ старался скрыть неловкость этой непривычной для него церемонности и любезности.

Докторъ Гассингъ продолжалъ представленіе.

— Позвольте мнѣ, пасторъ Ганстедъ, познакомить васъ съ нашимъ младшимъ членомъ общества—кузиной жены, фрёкенъ Гердою Цоффъ, которую вы прервали нѣсколько минутъ тому назадъ среди очень удачной рѣчи. Жаль, что вы не пришли ранѣе, вы бы услышали превосходный образецъ ораторскаго искусства. А вотъ и кузенъ кузины, мой многообѣщающій племянникъ Альфредъ Гассингъ. Если

вы когда-либо читаете газеты спортсменовъ, вы, конечно, встрѣчали его имя среди велосипедистовъ.

Эммануилъ посмотрѣлъ на эту парочку нѣсколько презрительно; ихъ обращеніе изобличало больше любопытства, чѣмъ уваженія.—Боже милосердый! — думалъ онъ, смотря на мѣшковатый костюмъ цвѣта резеды, остроносые ботинки и громадныя запонки,— вотъ каковы моды для героевъ дня!

— И наконецъ...—повернулся докторъ къ высокой, тонкой и элегантно одѣтой дамѣ, которая все это время стояла позади Эммануила, какъ бы намѣренно уклоняясь отъ представленія,—впрочемъ, мнѣ не зачѣмъ называть васъ другъ другу.

Эммануилъ взглянулъ на нее, и окаменѣлъ. Докторъ былъ правъ. Излишне было называть ихъ другъ другу. Высокая дама стояла передъ нимъ, улыбаясь, вся въ бѣломъ съ кое-гдѣ разбросанными большими фіолетовыми звѣздами, подъ краснымъ зонтикомъ, въ бѣлой кружевной шляпѣ на каштановыхъ волосахъ, полная достоинства и самообладанія, начиная съ твердаго взгляда ея прекрасныхъ сѣро-голубыхъ глазъ до оборки на подолѣ ея платья, скромнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлаго по покрою и комбинаціи цвѣтовъ, разсчитанныхъ на тонкую фигуру и матовую блѣдность лица. Она такъ мало измѣнилась, что Эммануилъ сразу узналъ въ ней Рагнгильду Тённесенъ.

— Вы, конечно, не можете себѣ представить, какъ я попала сюда,— сказала она прежнимъ товарищескимъ тономъ, подавая ему тонкую руку, гладко обтянутую перчаткой:—пожалуй, готовы смотрѣть на меня, какъ на шпіона или... Я вамъ скажу сейчасъ, какъ это вышло. Весной я имѣла удовольствіе познакомиться съ докторомъ Гассингъ и его женой; они меня пригласили къ себѣ, и я не могла отказаться отъ этого соблазна. Я всего два дня здѣсь.

Ея легкій, шутливый тонъ и видимая увѣренность въ производимомъ ею впечатлѣніи сразу разсердили Эммануила и усилили въ немъ сознаніе собственнаго достоинства, вызванное насмѣшливымъ видомъ молодежи.

Онъ сдержалъ свое удивленіе и отвѣтилъ съ хорошо сыгранным равнодушіемъ:

— Я не понимаю, какъ могъ бы я подозрѣвать васъ въ какомъ бы то ни было шпіонствѣ. Едва ли нужно объяснять, какъ естественно, что вамъ пріятно побывать на вашей родинѣ.

Эти слова были холоднѣе и жестче, чѣмъ онъ разсчитывалъ. Замѣтивъ принужденное стѣсненіе, которое они произвели на всѣхъ, Эммануилъ собирался сказать что-нибудь болѣе мягкое, какъ вдругъ случайно подмѣтилъ, какъ молодой щеголь слегка толкнулъ кузину и сказалъ ей что-то такое, что заставило дѣвушку кусать носовой платокъ.

Вся кровь бросилась Эммануилу въ лицо. Неудержимый гнѣвъ, ка-

кого онъ не испытывалъ съ юности, овладѣлъ имъ и заставилъ сердце биться лихорадочно.

— Не сядемъ ли мы,—сказалъ докторъ,—желая направить общій тонъ къ болѣе легкому настроенію:—вы выпьете стаканъ вина, не правда ли, пасторъ Ганстедъ?.. Эй, Іоганъ!—закричалъ онъ кучеру:—принеси еще стаканъ и...

— Благодарю васъ, я не пью вина,—прервалъ его Эммануилъ коротко.

— Неужели?

Послѣдовало тягостное молчаніе; никто не зналъ, куда смотрѣть. Докторъ, смущенный, стоялъ молча, подергивая свою бороду, украдкой посматривая на фрёкенъ Тённесенъ комическимъ, недоумѣвающимъ взглядомъ, какъ бы говоря: сыграли дурака! Вѣдь я говорилъ!

Эммануилъ стоялъ молча, смотря передъ собой, не замѣчая всеобщаго затрудненія. Его гнѣвъ быстро перешелъ на самого себя.—Зачѣмъ я здѣсь? — думалъ онъ.—Что мнѣ надо среди людей, съ которыми у него нѣтъ ни единой общей мысли? Больше того: языкъ которыхъ сдѣлался для него такъ чуждъ, что звучалъ въ его ушахъ почти какъ иностранный?

Фрёкенъ Рагнильда вывела ихъ изъ затрудненія. Выступивъ впередъ на шагъ, она проговорила:

— Я того мнѣнія, что пасторъ Ганстедъ сказалъ свое слово кстати: мы достаточно пили. Предлагаю воспользоваться чуднымъ вечеромъ и пройтись пѣшкомъ. Мы можемъ послать экипажъ впередъ и убѣдить пастора Ганстеда пройти съ нами часть дороги. Не правда ли, вы пойдете съ нами? Вамъ по пути, если не ошибаюсь?

Предложеніе было принято; докторъ снова украдкой взглянулъ на фрёкенъ Рагнильду, на этотъ разъ съ благодарностью. Слова фрёкенъ Тённесенъ пришлись кстати и Эммануилу. Такимъ образомъ ему всего легче было оставить эту компанію. Если онъ проведетъ ихъ до того мѣста, гдѣ дорога въ Кипдлёзе пересѣкаетъ его границу, требованія вѣжливости будутъ удовлетворены, и онъ можетъ еще поспѣть домой во-время, чтобы задать кормъ скоту и поужинать съ семьей.

Позвали кучера, сдѣлали распоряженіе и отправились.

Молодой щеголь немедленно предложилъ свою руку теткѣ и отправился впередъ. Ему необходимо было высказаться.

— Что это за птица?.. Это его вы называли оригинальнымъ и интереснымъ человѣкомъ? Что вы, да онъ просто идіотъ!

— Милый Альфредъ, ты всегда употребляешь такія сильныя выраженія,—упрекнула его г-жа Гассингъ.—Онъ, быть можетъ, не такъ талантливъ и своеобразенъ. Я мало понимаю въ этомъ. Но во всякомъ случаѣ надо признать за нимъ, что онъ принесъ всего себя въ жертву своимъ убѣжденіямъ... Ты долженъ съ этимъ согласиться, Альфредъ.

— По чести, мнѣ кажется, вы неравнодушны къ нему, тетя. Не правда ли? Можетъ быть, вы пригласите его къ ужину?

— Намъ придется пригласить его, если онъ проводитъ насъ далеко. Но приметъ ли онъ наше приглашеніе, еще вопросъ. Я буду очень рада ему. Есть много вещей, о которыхъ бы я желала знать мнѣніе пастора Ганстеда.

— А! вы сильно-таки задѣты имъ! Да, да, тетя, у васъ нѣжное снисходительное сердце. Вы, кажется, забыли о дядѣ Іохимѣ!

— Дядя Іохимъ! Ты правъ, Альфредъ, я не думала о немъ.

IV.

Вскорѣ фрёкенъ Рагнгильда и Эммануилъ отстали отъ другихъ. Бесѣдовавшаго о жатвѣ и погодѣ доктора, Герда вскорѣ позвала къ себѣ любоваться на собранные ею цвѣты.

Пока докторъ былъ съ ними, фрёкенъ Рагнгильда молчала и задумчиво смотрѣла на дорогу. Даже, когда онъ удалился, она продолжала молчать; легкая улыбка изрѣдка пробѣгала по ея лицу.

Вдругъ она подняла голову и сказала, смѣясь:

— Вы странный человѣкъ, пасторъ Ганстедъ! Семь лѣтъ я ожидала того дня, когда я внезапно появлюсь къ вамъ, а вы встрѣчаете меня такъ, какъ будто мы видѣлись три дня тому назадъ. Вы меня поставили въ неловкое положеніе, скажу вамъ; я, конечно, приготовила моихъ спутниковъ къ великолѣпной сценѣ встрѣчи!.. Ну, что же! это моя собственная глупость,—продолжала она, такъ какъ Эммануилъ все молчалъ.—Я должна бы помнить, что вы не похожи на другихъ. Но вы остались такимъ же неблагонадежнымъ, какимъ были и прежде.

Эммануилъ не замѣтилъ усилія, съ какимъ она принуждала себя говорить въ томъ же легкомъ, дружескомъ тонѣ, съ какимъ говорила съ нимъ прежде. Онъ слишкомъ былъ поглощенъ сознаніемъ того, что шелъ съ нею одинъ на одинъ, послѣ столькихъ лѣтъ, снова слышалъ ея смѣлый голосъ съ своеобразнымъ металлическимъ тембромъ. Не позволяя себѣ поддаваться ея вкрадчивымъ словамъ, онъ отвѣчалъ холодно:

— Мнѣ кажется, впечатлѣніе это обоюдно. Я нахожу, что вы совершенно та же, что были семь-восемь лѣтъ тому назадъ.

— По всей вѣроятности!—бросила она небрежно, пожимая плечами:—да и что бы могло меня измѣнить? Я и теперь фрёкенъ Тённесенъ, какъ была тогда; вся моя жизнь могла бы помѣститься на оборотной сторонѣ визитной карточки. Такова жизнь для насъ—незамужнихъ женщинъ!... Но вы — другое дѣло! Я больше знаю о васъ, чѣмъ вы думаете. Годъ тому назадъ я познакомилась съ вашей сестрой, женой генеральнаго консула Торнъ, съ вашимъ братомъ камеръ-юнкеромъ. Мы очень подружились съ вашей сестрой. Она очаровательна, не правда ли? Я просто влюблена въ ея тонкую, женственную натуру

Вы можете себѣ легко представить, что мы часто о васъ говорили... Она очень жалѣетъ, что такъ рѣдко имѣетъ вѣсти о васъ.

Эммануилъ насторожилъ уши. Ему вдругъ представилось, что, не смотря на свои насмѣшки, барышня явилась сюда пошпіонить за нимъ. Неужели возможно, чтобы его семья въ этомъ участвовала?

— Прежде чѣмъ я пріѣхала сюда, я уже знала, какимъ вліятельнымъ человѣкомъ вы стали, какія перемѣны вы совершили въ этомъ околоткѣ послѣ отца, и какъ обожаютъ васъ всѣ прихожане... Короче, сказать, вы осуществили свои мечты—даже съ излишкомъ. Они зовутъ васъ «апостоломъ», какъ я слышала.

Эммануилъ вздрогнулъ.

— Я думалъ, что и вы достигли своихъ желаній,—сказалъ онъ:—вы были такъ рады уйти изъ этой ненавистной вамъ мѣстности въ городъ, въ центръ дамской культуры, съ обществомъ, модами и театрами. У васъ подъ рукой нашъ знаменитый Тиволи, и я не понимаю...

— Да, да,—прервала она его нетерпѣливо,—я говорила вѣдь вамъ, что для меня все это безразлично. Къ тому же я не жаловалась и не знаю, на что вы намекаете. Вообще говоря, мнѣ недурно живется. Я сдѣлалась философомъ на старости лѣтъ, скажу вамъ... Стоикомъ это, кажется, зовется. Т.-е. я мало-по-малу привыкла къ обидамъ, которыми и меня, и всѣхъ мнѣ подобныхъ дарятъ наши милые современники... да, я почти горжусь, что принадлежу къ тѣмъ, которые пророчатъ неминуемое паденіе Вавилона!

Эммануилъ хотѣлъ что-то возразить. Но его мысли потеряли привычку слагаться быстро, и прежде, чѣмъ онъ успѣлъ выразить ихъ, фрёкенъ Рагнильда уже снова продолжала говорить.

— Не будемъ говорить обо мнѣ. Это очень неинтересный сюжетъ, увѣряю васъ. Скажите мнѣ что-нибудь о себѣ. Вы такъ перемѣнились, что я едва узнала васъ. Вы загорѣли, какъ индѣецъ. И борода—какъ у дикаго человѣка въ лѣсахъ!.. Такъ это правда, что вы въ продолженіе восьми лѣтъ были счастливы въ этой пустынѣ, въ которой я едва не исчахла отъ... отъ многихъ вещей? Какъ различна человѣческая природа! И вы никогда не жаждали столь злоупотребляемыхъ нынѣ плодовъ цивилизаціи, какъ общественность, искусство, хорошая музыка? Хоть бы, напримѣръ, моего Жаворонка—маленькаго этюда Шуберта? Вы когда-то очень любили его, и я часто играла его для васъ.

Она смотрѣла на него изъ-за ручки зонтика слоновой кости и снова въ глазахъ и улыбкѣ выразилось все ея очарованіе.

Эммануилъ, сохраняя свою прежнюю серьезность, отвѣчалъ сдержанно:

— Какъ могу я жаждать того, что́ имѣю уже? Если вы возьмете на себя трудъ открыть ваши уши, фрёкенъ Тённесенъ, то услышите жаворонковъ, поющихъ надъ вашей головой въ эту самую минуту гораздо лучше, чѣмъ любой виртуозъ въ состояніи подражать имъ въ

любомъ этюдѣ: у меня настоящій оркестръ все лѣто, который играетъ у моихъ оконъ. Скворцы на вершинахъ деревьевъ, дрозды въ кустахъ, синицы...

— Да, и вороны! Пожалуйста, не забывайте воронъ; а пѣтухи! Боже, пѣтухи!—И она приложила пальцы къ ушамъ съ комическимъ отчаяніемъ:—у насъ теперь какъ разъ каждое утро является такая тварь, какъ разъ когда я сплю самымъ сладкимъ сномъ, кричитъ, оретъ и каркаетъ!.. О, Боже мой, это все равно, что лежать на раскаленной сковородѣ.

На этотъ разъ Эммануилъ не могъ удержаться отъ улыбки.

Онъ пріостановился и, покачивая головой, въ первый разъ смотря прямо на нее, сказалъ:

— Поистинѣ, вы не измѣнились фрёкенъ Тённесенъ! Вы сохранили всю вашу ненависть къ нашему славному вѣстнику наступающаго дня!

— Да, въ этомъ я такой же еретикъ, какъ и прежде. Что жъ! оставьте себѣ пѣвчихъ птицъ, зеленые лѣса и такъ называемый свѣжій морской вѣтерокъ съ его отвратительнымъ запахомъ водорослей, луга, пестрѣющіе цвѣтами—все, что вы хотите, лишь бы мнѣ позволено было остаться въ четырехъ стѣнахъ, гдѣ я могу уютно собрать вокругъ себя все, что нравится моему вкусу и темпераменту... Вы думаете я неисправима, не правда ли?

Эммануилъ хотѣлъ отвѣчать, но она снова предупредила его.

— Я могла бы вамъ еще больше досадить, если бъ хотѣла... Почему нѣтъ?.. По моему мнѣнію, всѣ эти понятія о красотѣ природы, навязанныя намъ художниками, ужасное лицемѣріе со стороны большинства. Что касается меня, то, выѣхавъ за городъ и смотря на голыя поля, монотонныя дороги, глупую громадность безотраднаго неба, я всегда вспоминаю холодную комнату, въ которой катали бѣлье и въ которой я въ дѣтствѣ брала ванну, какъ бы ни свѣтило солнце, какъ бы ни были зелены поля; все это кажется такъ голо, уныло и такъ грустно, что приводитъ меня въ нервную дрожь. Допускаю, что и города ужасны, пыльны, грязны, дымны. Но вы тамъ, по крайней мѣрѣ, не въ рабскомъ подчиненіи солнцу и лунѣ. Тамъ вы можете получить хоть нѣкоторое понятіе о человѣкѣ и о значеніи его, какъ властелина міра, что, конечно—идеалъ будущаго, по крайней мѣрѣ, мой идеалъ свободы.

Она договорилась, наконецъ, до неподдѣльной страсти и произвела самое непріятное впечатлѣніе на Эммануила. Ея слова напоминали ему его собственную слабость, когда видъ побитаго градомъ поля, деревьевъ, вырванныхъ съ корнемъ бурей, или наводненія вызывали въ немъ подобныя же несправедливыя сужденія о суровыхъ законахъ природы. Онъ въ особенности вспомнилъ ту ночь во время болѣзни Ледди, когда онъ стоялъ на валу своего сада, прислушиваясь и ожи-

дая пріѣзда доктора. Почти такія же мысли бродили тогда въ его головѣ, полной отчаянія и замѣшательства, и теперь ему казалось, что онъ вдвойнѣ обязанъ выступить въ полной силѣ своихъ убѣжденій.

Они дошли до вершины холма, откуда открывался одинъ изъ тѣхъ обширныхъ видовъ, которыми изобиловала эта мѣстность. Они давно прошли границы прихода и могли теперь видѣть весь Вельби и полуостровъ Скиберунъ съ его округленными холмами, церковными башнями, вѣтреными мельницами и болотистые луга, которые соединяли его съ остальнымъ свѣтомъ. На западѣ виднѣлся болѣе разнообразный и привѣтливый ландшафтъ: полноводная рѣчка среди зеленыхъ луговъ и разбросанные тамъ и сямъ домики, рощи и большая деревня Киндлёзе съ своимъ ярко-краснымъ миссіонерствомъ и любопытной круглой церковью, золоченый флюгеръ которой блестѣлъ на солнцѣ, какъ звѣзда. Къ сѣверу и сѣверо-западу тянулись лѣса, исчезавшіе на горизонтѣ, какъ темныя облака. За ними садилось солнце, освѣщая горизонтъ пылающими цвѣтами.

— И вы рѣшаетесь говорить такъ здѣсь? — сказалъ Эммануилъ, широкимъ жестомъ указывая на великолѣпный видъ заката. Вечерняя мгла начала уже собираться по лугамъ и распространялась, какъ гигантская паутина, по багрово-красной пылающей рѣкѣ.—И вы въ самомъ дѣлѣ не въ состояніи найти ничего, что бы удовлетворило васъ въ такой природѣ? Она не вызываетъ въ васъ ничего, кромѣ непріятныхъ воспоминаній дѣтства?

Рагнгильда посмотрѣла на ландшафтъ, прищуривъ глаза, потомъ, улыбаясь ясно, какъ она всегда улыбалась, когда хотѣла сказать что-нибудь особенно смѣлое, проговорила:

— Я, конечно, не постигаю, почему закатъ солнца обязанъ повергать насъ съ колыбели до могилы въ вѣчный экстазъ восторга каждый разъ, какъ мы его видимъ. На меня онъ нисколько не дѣйствуетъ. Комбинація цвѣтовъ даже оскорбляетъ мой глазъ. Это голубое небо, этотъ кричащій, красный горизонтъ, апельсинно-желтое поле и луга тамъ вдали въ родѣ шпината... голубое, красное, зеленое и желтое! Это какъ разъ тѣ цвѣта, которые вы видите на такъ называемыхъ готтентотскихъ носовыхъ платкахъ!.. Вы знаете тѣ ослѣпительныя матеріи, которыя посылаютъ англичане въ дикую Африку и приводятъ нашихъ ближнихъ въ такое блаженное состояніе? Я убѣждена, что такіе феномены природы, какъ, напримѣръ, этотъ закатъ солнца, не имѣютъ другого значенія, какъ служить развлеченіемъ высшаго порядка для получеловѣческихъ существъ, бѣлыхъ и черныхъ, и, можетъ быть, также для животныхъ? Такое яркое небо, я увѣрена, удовлетворяетъ понятіе такихъ существъ о великолѣпіи; оно, вѣроятно, возбуждаетъ въ нихъ и болѣе нѣжныя чувства... Соловьи начинаютъ пѣть... лягушки квакаютъ...

— Вы правы, фрёкенъ Тённесенъ,—прервалъ ее Эммануилъ, отвѣ-

сивъ иронический поклонъ, и продолжалъ идти, видя, что невозможно говорить съ ней серьезно. — Жаль только, что Всемогущій Богъ не имѣлъ возможности посовѣтываться съ вами, когда съ такими промахами онъ творилъ этотъ свѣтъ для какихъ-то кабилловъ и готтентотовъ. Но мнѣ вдругъ вспомнилось: когда я встрѣтилъ васъ сейчасъ, вы снизошли до сидѣнья на простомъ лугу и, насколько я припоминаю, и вы, и ваши собесѣдники были въ очень хорошемъ расположеніи духа. Поэтому можно заключить, что пребываніе среди природы и васъ оживляетъ?

— Не знаю, что́ сказать вамъ на это, Я думаю, что въ насъ всегда останется кое-что животное: порою мы и пожелаемъ быть на лугу и грѣться на солнцѣ или побѣгать въ лѣсу. Но что это доказываетъ? Я знаю, напримѣръ, какъ влюбленные обожаютъ лунныя ночи. Я же—не влюблена, думаю, что ничего не можетъ быть непріятнѣе лунной ночи; мнѣ она всегда напоминаетъ комнату мертвеца.

Она вдругъ остановилась и засмѣялась.

— Право, это смѣшно? Мы споримъ точь-въ-точь, какъ, бывало, восемь или девять лѣтъ тому назадъ, и съ тѣмъ же результатомъ. Помните, какъ мы, бывало, спорили, краснѣли, оборачивались другъ къ другу спиной и не говорили потомъ по цѣлымъ днямъ? Не хотите ли вы помириться теперь? У насъ обоихъ то, что мы любимъ: у васъ—деревня, а у меня—городъ, и намъ не о чемъ спорить.

— Совершенно согласенъ съ вами,—отвѣтилъ Эммануилъ сухо.

— Тѣмъ лучше, слѣдовательно, мы согласились хоть въ одномъ пунктѣ. Но я слишкомъ много говорила... вы знаете, это привычка старыхъ дѣвъ. Теперь ваша очередь, пасторъ Ганстедъ. Ну, разскажите мнѣ, пожалуйста, о себѣ. Я слышала отъ вашей сестры, да и отъ всѣхъ здѣсь, какая у васъ счастливая, семейная жизнь, что у васъ двое милыхъ дѣтей и что ваша жена сохраняетъ репутацію красивой женщины... короче, вы счастливецъ!

Эммануилъ не собирался разсуждать съ ней на эту тему. Но инстинктъ спорщика уже заговорилъ въ немъ, и онъ не могъ удержаться.

— По вашему голосу слышу, что вы удивлены,—замѣтилъ онъ.

— Да, не скрою, я очень этимъ поражена.

— Я понимаю это. Я знаю ваши понятія о семейномъ счастьи и бракѣ, какъ о какой-то эротической игрѣ или забавѣ—понятія, которыя и я раздѣлялъ когда-то, но, по счастью, я открылъ во́-время ихъ ложь!..

— Извините меня, пасторъ Ганстедъ, гдѣ это вы научились приписывать людямъ понятія, которыхъ они никогда не высказывали? Вы дѣлали это прежде, продолжаете дѣлать и теперь. Что вы знаете о моихъ понятіяхъ о бракѣ?

— Я былъ-бы очень радъ узнать ихъ. Они несомнѣнно въ высшей степени оригинальны.

Она шла, улыбаясь.

— Вамъ они интересны. Хорошо, я не заставлю себя просить. Начну съ того, что вы не услышите ничего новаго... Вы знаете, что я во всемъ консервативна, и въ этомъ вопросѣ больше, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ. Мое мнѣніе о томъ, что составляетъ супружеское счастье, есть то, что наши дѣдушки называли «гармоніей душъ». Въ наши дни, по всей вѣроятности, это должно называться чѣмъ-нибудь въ родѣ «симпатіей нервовъ».

— Симпатіей нервовъ! Поистинѣ восхитительное, современное выраженіе! Если бъ только понять, что оно означаетъ. Не можете ли дать маленькое разъясненіе?

— Могу, конечно,—засмѣялась она:—но я вамъ говорила уже, что сдѣлалась философомъ. Если я не очень ясно выражусь, то это по причинѣ глубины моихъ мыслей. И такъ...

Она остановилась, прислонила щеку къ костяной ручкѣ зонтика и, задумчиво улыбаясь, смотрѣла прямо передъ собой.

— Симпатіей нервовъ,—заговорила она, снова продолжая свой путь:— я называю, если все, что́ два человѣка видятъ, слышатъ, испытываютъ, читаютъ и т. д., имѣетъ на обоихъ одинаковое дѣйствіе. Напримѣръ, видъ подобнаго ландшафта, или исполненіе музыкальной пьесы вызываетъ въ нихъ одинаковое настроеніе духа. Ясно ли я выражаюсь? Всѣ разнообразныя житейскія дѣла, начиная съ самаго ничтожнаго, какъ, напримѣръ, разбитая тарелка, до самаго важнаго, грустнаго или счастливаго, должны дѣйствовать на обоихъ, должны вліять на ихъ нервы въ одинаковой степени. Продолжаю: итакъ, чтобы получить то состояніе между двумя лицами, которое называлось когда-то гармоніей душъ, требуется, чтобы ихъ нервы имѣли одну и ту же степень воспріимчивости. Вы признаете мою неотразимую логику?.. Но степень этой отзывчивости, — продолжала она, такъ какъ Эммануилъ не отвѣчалъ,—есть результатъ нашего воспитанія, знакомствъ, занятій, чтеній и т. д. и не только нашихъ, но и вашихъ отцовъ и дѣдушекъ, восходя до самыхъ отдаленныхъ предковъ, не правда ли? Вы видите теперь...

— Великолѣпно! — вскричалъ Эммануилъ, поднимая голову и широко улыбаясь.—Я вижу, что для того, чтобы человѣкъ былъ вполнѣ счастливъ съ другимъ, нужно, чтобы этотъ другой былъ во всемъ похожъ на перваго, т.-е. долженъ имѣть за собой то же воспитаніе, тѣхъ же друзей и, чтобы довершить полное сходство, тѣхъ же отца, мать предковъ, другими словами: это долженъ быть онъ самъ! Да, вы правы, фрёкенъ Тённесенъ. Самолюбіе, эгоизмъ, по современнымъ понятіямъ, несомнѣнно, единственная и надежная любовь. Въ этомъ я съ вами согласенъ!

Брови ея шевельнулись капризно, но она ничего не сказала.

— Позвольте мнѣ разобрать нравственную сторону этого вопроса,—

продолжалъ Эммануилъ съ возрастающимъ оживленіемъ: — смѣю думать, что, даже съ вашей точки зрѣнія, вы согласитесь съ тѣмъ, что высшая цѣль человѣка, и въ то же время въ этомъ его радость и счастье, состоитъ въ саморазвитіи и въ сознаніи роста своей нравственной силы и взглядовъ... т.-е. сдѣлать наивысшее употребленіе своихъ способностей. Не правда ли?

— Да, пожалуй.

— Чья дружба—не произнося уже такого старомоднаго слова, какъ любовь, чье тѣсное сообщество даетъ наибольшую жатву въ развитіи духовнаго «Едо» и потому самому наибольшую радость и счастье? Того ли, кто видитъ, слышитъ, думаетъ и чувствуетъ, какъ онъ самъ, или того, кто, вслѣдствіе различнаго воспитанія, можетъ дать новыя мысли и чувства, обогатить знанія, расширитъ всѣ границы и какъ бы удвоитъ для него весь свѣтъ? Я думаю, что этотъ послѣдній! Нѣтъ, я это знаю! Я говорю по своему собственному опыту.

— Но вы совершенно перевернули вопросъ,—сказала фрёкенъ Рагнгильда, не слушая, что онъ говоритъ.

Въ эту минуту они подошли къ доктору и его женѣ, которыя поджидали ихъ на дорогѣ.

— Теперь мы ужъ никакъ не можемъ позволить вамъ оставить насъ. пасторъ Ганстэдъ,—сказалъ докторъ съ своей неопредѣленной улыбкой, показывавшей цѣлый рядъ бѣлыхъ зубовъ:—всего нѣсколько шаговъ до нашего дома; вы все равно опоздаете къ вашему ужину.

Эммануилъ оглянулся съ удивленіемъ. Онъ незамѣтно дошелъ до самой деревни Киндлёзе; золоченый куполъ блестѣлъ какъ разъ передъ нимъ, почти какъ мѣсяцъ.

— Не отказывайтесь, прошу васъ, — прибавила фру Гассингъ, со всѣмъ радушіемъ, какое она могла вложить въ свой кроткій голосъ:— если вы боитесь, что жена ваша будетъ безпокоиться, мы пошлемъ къ ней верхового.

Эммануилъ нѣсколько затруднялся принять приглашеніе. Онъ предпочелъ бы отказаться. Вотъ уже семь лѣтъ, какъ онъ заперся въ своемъ собственномъ кружкѣ «друзей», гдѣ единственно чувствовалъ себя дома, и ему не хотѣлось заводить продолжительное знакомство съ семействомъ Гассинга. Съ другой стороны, онъ боялся, что они припишутъ отказъ страху и застѣнчивости. Онъ былъ увѣренъ, что фрёкенъ Рагнгильда именно такъ посмотритъ на это и доведетъ это до свѣдѣнія его сестры и другихъ родныхъ. Кромѣ того, онъ не могъ не сознаться, что любопытство и стремленіе къ развлеченію побуждали его принять приглашеніе. Ему хотѣлось взглянуть на домъ доктора Гассинга со всей его артистической обстановкой, о которой говорили такъ много. Да и разговоръ съ фрёкенъ Рагнгильдой какъ разъ прервался на томъ самомъ вопросѣ, который былъ ему особенно интересенъ. Онъ былъ не прочь продолжать его дальше.

V.

Часъ спустя Эммануилъ сидѣлъ за изящно накрытымъ столомъ въ прекрасно освѣщенной столовой доктора Гассинга.

Въ немъ не улеглось еще чувство стѣсненія и неловкости, которое невольно овладѣло имъ при входѣ въ этотъ домъ, отдѣланный въ столь замѣчательномъ стилѣ и напоминавшій ему во многомъ домъ его отца. Снова ступалъ онъ по мягкимъ коврамъ между рѣзной мебелью и громадными зеркалами, отражавшими его фигуру по всѣмъ направленіямъ, окруженный картинками и статуями обнаженныхъ мужчинъ и женщинъ, снова утопалъ въ подушкахъ бархатнаго кресла. Сначала видъ этой роскоши такъ безпокоилъ его, что онъ не могъ простить себѣ, что позволилъ себя уговорить. Въ особенности смутила его горничная въ туго накрахмаленномъ крошечномъ чепчикѣ, которая, встрѣтивъ его у дверей, присѣдая и улыбаясь, взяла его шляпу и трость. Затѣмъ она щеткой заботливо счистила пыль съ его пальто, обращаясь къ нему не иначе, какъ «ваше преподобіе». Ему такъ и хотѣлось взять у нея щетку изъ рукъ и сказать ей просто:

— Оставимъ эти церемоніи, голубушка. Я самъ чищу себѣ сапоги, вѣроятно, сумѣю стряхнуть и пыль съ своихъ собственныхъ панталонъ.

Такой же протестъ возбуждала въ немъ роскошь стола, накрытаго для ужина со всѣми соблазнительными деликатессами, венеціанскими графинами и дорогимъ фарфоромъ. Онъ почувствовалъ отвѣтственность передъ своими принципами и друзьями, принявъ гостепріимство во враждебномъ лагерѣ. Онъ вѣжливо и подробно отвѣчалъ на всѣ вопросы фру Гассингъ о его прихожанахъ, но держался на-сторожѣ все время и ни на минуту не покидалъ серьезнаго, почти мрачнаго выраженія лица, какъ молчаливый протестъ противъ всего окружающаго.

Столовая доктора была убрана довольно своеобразно въ полу-помпейскомъ, полу-современномъ вкусѣ. На маленькихъ столикахъ поставлены были стройныя, длинно-шейныя вазы и кувшины на фонѣ стѣны цвѣта терракотты; противоположная стѣна была обита темнозеленымъ сукномъ, на которомъ развѣшана была драгоцѣнная коллекція старинныхъ фаянсовъ и майоликъ и античное оружіе. На одномъ концѣ стола докторъ и фрёкенъ Рагнильда затѣяли оживленный споръ о современной музыкѣ; двое молодыхъ людей на другомъ концѣ говорили о чемъ-то вполголоса. Судя по выраженію ихъ лицъ, не трудно было догадаться, что кузены не прочь были породниться поближе. Противъ Эммануила и фру Гассингъ помѣщалась молчаливая, маленькая дама въ черномъ, а около нея старикъ весьма своеобразнаго вида. Это былъ высокій, полный старикъ, лѣтъ семидесяти, съ такой большой лысиной, что всѣ огни отражались въ ней, какъ въ зеркалѣ.

Его багровое лицо раздѣлялось посрединѣ большимъ ртомъ, который поминутно открывался и обнаруживалъ большой мясистый языкъ, мѣшавшій ему говорить ясно; глаза маленькіе съ легкой косиной и носъ какъ у попугая; кожа на шеѣ висѣла багровымъ кошелемъ, какъ у пеликана. Въ довершеніе всего у него была маленькая сѣдая бородка-имперіаль и бакенбарды, которые въ видѣ полумѣсяца доходили до средины щеки, какъ носили когда-то при дворѣ въ дни его молодости. Жесткій, черный атласный галстухъ съ брилліантовой булавкой, цѣпочкой и овальной брошкой, прикрѣпленной къ манишкѣ, большой разноцвѣтный, шелковый носовой платокъ, которымъ онъ поминутно вытиралъ затылокъ—гармонировали съ аристократическими бакенбардами. И руки и бѣлье не дѣлали впечатлѣнія особенной чистоты.

Это и былъ «дядя Іохимъ», тотъ самый, о которомъ говорила фру Гассингъ съ племянникомъ. Онъ былъ когда-то помѣщикомъ съ званіемъ егермейстера; за послѣднее время, благодаря дворянской страсти къ рысакамъ, экипажамъ, большому количеству прислуги, тонкимъ винамъ, непозволительнымъ сердечнымъ дѣламъ, долженъ былъ продать свое имѣніе и жилъ на счетъ своихъ родныхъ. Теперь онъ «гостилъ» вмѣстѣ съ сестрой—маленькой дамой въ черномъ—у Гассинговъ уже нѣсколько мѣсяцевъ.

Дядя Іохимъ всегда хвастался тѣмъ, что принадлежитъ къ тѣмъ «немногимъ», которые оставались вѣрными самымъ крайнимъ реакціоннымъ взглядамъ на что бы то ни было. Хлопая себя по широкой груди, онъ называлъ себя «представителемъ идей, царствовавшихъ до несчастнаго 48 года»; его образъ мыслей нисколько не смягчился тѣмъ обстоятельствомъ, что богатый крестьянинъ купилъ его бывшее имѣніе. Домъ доктора Гассинга, въ которомъ до сихъ поръ никогда не толковали о политикѣ, теперь съ утра до ночи оглашался яростными возгласами противъ крестьянъ, парламента, высшихъ школъ и даже правительства. Хотя и вѣрноподданный короля и правительства, онъ находилъ, что они обращали слишкомъ много вниманія на «агитаторовъ»; по его мнѣнію, ихъ слѣдовало бы посадить на военные корабли и перевести въ Христіанзе. Пусть кололи бы тамъ камень, пока не исправили бы свой образъ мыслей. Никакое другое средство не могло помочь дѣлу, говорилъ онъ.

Зная все это, не мудрено было понять, почему фру Гассингъ тревожилась за встрѣчу такого человѣка съ Эммануиломъ, и дѣйствительно, ея опасенія скоро оправдались. Когда егермейстеръ услышалъ фамилію Эммануила, вся голова покраснѣла и, не отвѣчая на вѣжливое, хотя холодное привѣтствіе послѣдняго, онъ бросился въ столовую къ фру Гассингъ, которая хлопотала по хозяйству.

— Что это значитъ?—прохрипѣлъ онъ съ гнѣвомъ.—Ужъ не сумасшедшій ли это агитаторъ изъ Вельби? Вы знакомы съ людьми та-

кого сорта? Вы требуете, чтобы я встрѣчался съ такимъ молодцомъ? Что это все значитъ, Людовика?

— Послушай, дядя,—отвѣтила фру Гассингъ съ необычной твердостью, которая подѣйствовала на дядю Іохима моментально: — ты знаешь, что ни я, ни мужъ въ политику не мѣшаемся. Но пасторъ Ганстэдъ замѣчательно образованный и интересный человѣкъ, съ которымъ пріятно и поучительно побесѣдовать, хотя бы мы и не раздѣляли его убѣжденій. Поэтому прошу тебя убѣдительно никоимъ образомъ не оскорблять его и помнить, что онъ сегодня нашъ гость.

Послѣдствія этого предупрежденія были совершенно очевидны въ началѣ обѣда: онъ сидѣлъ какъ будто аршинъ проглотилъ и отказывался отъ всѣхъ кушаній съ высокомѣрнымъ и оскорбленнымъ видомъ. Но когда замѣтилъ, что его молчаливый протестъ остается никѣмъ незамѣченнымъ—или, можетъ быть, жертва эта оказалась слишкомъ тяжелой—онъ внезапно измѣнилъ тактику, сталъ жадно накладывать громадныя порціи себѣ на тарелку, стучалъ ножомъ и вилкой и прерывалъ поминутно общій разговоръ громкими требованіями хлѣба, масла «еще немного foie gras, Людовика», стараясь всѣмъ показать, что ему нѣтъ дѣла до фантазера.

Черезъ нѣсколько времени разговоръ оживился; умныя, своеобразныя замѣчанія Эммануила слышались чаще и чаще среди другихъ голосовъ. Его разговоръ съ фру Гассингъ вскорѣ перешелъ на жгучую злобу дня—высшее образованіе народа, въ особенности крестьянскаго сословія. Эммануилъ свободно высказывалъ свои взгляды на этотъ предметъ и ярко выдвинулъ важное вліяніе высшихъ школъ въ этомъ направленіи. Фру Гассингъ была вся—вниманіе. Ея впечатлительная натура проникалась энтузіазмомъ, какъ только она встрѣчала его въ другихъ. Въ такихъ случаяхъ на ея правильномъ, красивомъ, не очень умномъ лицѣ, съ мягко закругленными щечками и улыбкой Мадонны, появлялась глубокая задумчивость, какъ будто слова эти уясняли ей что-то, давно таившееся въ ней. И теперь, слушая Эммануила, она сидѣла, задумчиво облокотясь одной рукой и подпершись ею щеку, и возражала своимъ тихимъ, музыкальнымъ голосомъ не столько для того, чтобы спорить, но для того, чтобы дать возможность оппоненту еще болѣе высказаться.

Разговоръ сдѣлался общимъ. Непоколебимая твердость и увѣренность въ свои силы, въ связи съ грубой одеждой Эммануила и его большой бородой, казавшіяся олицетвореніемъ мужества и власти, даже его дидактическая манера говорить, усвоенная въ постоянныхъ поученіяхъ крестьянъ, дѣлали его все болѣе и болѣе интереснымъ для собесѣдниковъ. Къ тому же темы его разговоровъ были такъ новы для нихъ, его выраженія такъ свѣжи и неожиданны, что онъ невольно внушалъ уваженіе.

Даже молодые люди перестали перешептываться, и велосипедистъ нѣсколько разъ взглянулъ на тетку, какъ бы говоря:

— Ты была права, тетя, въ этомъ человѣкѣ кое-что есть...

Рагнгильда, напротивъ того, казалась не въ духѣ. Она откинулась на спинку стула и нервно расщипывала хлѣбъ своими тонкими пальцами.

Эммануилъ былъ самъ возбужденъ впечатлѣніемъ, производимымъ на всѣхъ его разговоромъ. Забывъ свой прежній отказъ, онъ теперь выпилъ двѣ-три рюмки вина. Тонъ его сдѣлался свободнѣе, его рѣчь полилась плавно, и выраженія были особенно ясны и удачны.

Въ то же время духъ протеста поднимался въ немъ, какое-то чувство, тлѣвшее въ немъ съ первой минуты въ этомъ домѣ, подсказывало ему, какъ обязанность—высказать этимъ людямъ всю правду. «Почему не указать смѣло на зіяющую рану, — думалъ онъ:—какое право имѣетъ онъ сидѣть среди этой роскоши и суетности, не возвышая голоса противъ нихъ? Развѣ не обязанъ онъ сдѣлать все возможное, чтобы пробудить этихъ людей отъ ихъ самоувѣренности и высокомѣрнаго незнанія всего того, что заставляетъ сердца наполняться радостью и надеждой».

Нѣкоторая неловкость воцарилась за столомъ, когда Эммануилъ внезапно перешелъ отъ довольно смѣлаго одобренія высшихъ школъ и вліянія ихъ среди крестьянъ къ великому вопросу дня.

Всѣ невольно оглядывались на дядю Іохима. Голова послѣдняго снова побагровѣла и походила на надувающійся воздушный шаръ, и не успѣлъ Эммануилъ пріостановиться, какъ онъ перегнулся черезъ столъ.

— Извините меня, милостивый государь,— сказалъ онъ, закладывая руку за ухо, какъ это дѣлаютъ глухіе:—я слышу, что вы горячій поклонникъ этой, такъ называемой, эмансипаціи и... общей подачи голосовъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія,—отвѣчалъ Эммануилъ, непріятно пораженный обращеніемъ съ этой стороны.

— Позвольте мнѣ обратить ваше вниманіе на одинъ примѣръ, который совершенно измѣнитъ ваши взгляды. Мнѣ достаточно привести одинъ только фактъ, чтобы доказать ясно, что эта всеобщая подача голосовъ гибельна, лучше сказать, разрушительна для будущаго благосостоянія страны.

Фру Гассингъ взглянула на мужа, какъ бы прося его остановить дядю. Но докторъ, который, не смотря на корректную внѣшность, сохранилъ много юношеской игривости, казалось, не замѣчалъ ея взглядовъ. Онъ не прочь былъ позабавиться сраженіемъ этихъ двухъ господъ, которые оба рвались къ битвѣ.

— Позволяю себѣ въ короткихъ словахъ привести слѣдующій фактъ,—продолжалъ егермейстеръ:—однажды у меня былъ... гм!.. пастухъ... пастухъ, понимаете? Человѣкъ, быть можетъ, очень достойный и трезвый... но совершенно невѣжественный... безъ всякихъ знаній. Что

касается юридическихъ свѣдѣній, онъ зналъ о нашихъ законахъ столько же, сколько о турецкихъ и китайскихъ! Спрашивается теперь,—продолжалъ дядя Іохимъ съ возрастающимъ самодовольствомъ, такъ какъ по общему молчанію онъ чувствовалъ, что заинтересовалъ слушателей:—неужели вы того мнѣнія, что такой человѣкъ можетъ быть допущенъ къ вліянію на дѣла государственныя наравнѣ... скажемъ, наравнѣ съ нашимъ почтеннымъ хозяиномъ, докторомъ Гассингъ? Я васъ спрашиваю?

Онъ откинулся на спинку стула, скрестилъ руки и, увѣренный въ побѣдѣ, ждалъ отвѣта.

Эммануилъ предпочелъ бы отвѣчать съ снисхожденіемъ къ отжившему старику, но, замѣтивъ общее ожиданіе, онъ, послѣ минутнаго колебанія и выпивъ глотокъ вина, сказалъ:

— Я полагаю, что пастухъ, не смотря на свое невѣдѣніе, долженъ пользоваться не только одинаковыми правами съ докторомъ, но, по всей справедливости, вдвое большими.

Это было сказано съ такимъ убѣжденіемъ и звучало такъ парадоксально, что всѣ запротестовали.

— Не можетъ быть, чтобы вы дѣйствительно такъ думали,—сказала даже фру Гассингъ, а дядя Іохимъ, заложивъ руку за ухо, наклонился къ сестрѣ и, думая, что говоритъ неслышнымъ шепотомъ, спрашивалъ: что онъ сказалъ? Что это онъ говоритъ?

— Это для меня совершенно просто и очевидно,—продолжалъ Эммануилъ, снова возбужденный оппозиціей:—я не понимаю, какое значеніе можетъ имѣть рожденіе въ отношеніяхъ человѣка къ государству. Если человѣкъ родился въ бѣдности, это можетъ быть его злополучіемъ, тѣмъ болѣе причинъ поднять его, а не принижать еще больше. Что же касается его невѣжественности, т.-е. недостатка книжной науки—это только доказываетъ, что государство не желало потратить достаточно средствъ на его образованіе... Но это еще не можетъ служить основаніемъ поступать съ нимъ, какъ съ пасынкомъ; совершенно напротивъ... Въ тяжелыя годины больше всего страдаютъ бѣдные и слабые, поэтому естественно дать имъ рѣшающій голосъ. По справедливости, бо́льшимъ вліяніемъ въ управленіи страной должны пользоваться не тѣ, которые знаютъ больше, и не тѣ, которые расходуютъ больше, а тѣ, которые рискуютъ бо́льшимъ. По крайней мѣрѣ такова моя политическая наука!

— Но если такъ... вы въ сущности почти соціалистъ!—сказала фру Гассингъ, задумчиво глядя въ уголъ потолка.

— Не могу опредѣлить въ точности, соціалистъ я или нѣтъ. Если взгляды, которые я только что высказалъ, соціалистичны, я—соціалистъ. Я не боюсь названій.

— Что онъ говоритъ?.. Соціализмъ?—бормоталъ егермейстеръ, на-

клоняясь снова къ сестрѣ, участь которой, казалось, заключалась въ служеніи брату въ видѣ слуховой трубы.

— Но вы должны допустить, пасторъ Ганстэдъ,—заговорилъ докторъ:—что народъ, вообще говоря, не въ состояніи судить о томъ, что для него лучше. Такъ какъ такое сужденіе предполагаетъ знаніе, опытъ и т. д., а ихъ-то и не хватаетъ въ большинствѣ случаевъ. Конечно, всегда есть исключенія—это я никакъ не отвергаю—но наше крестьянское сословіе похоже на большое, неопытное и порой непокорное дитя, которое, предоставленное самому себѣ, готово броситься во всевозможныя бѣдствія. Не правда ли?

— Не знаю, какимъ образомъ установилось такое недовѣріе къ крестьянамъ,—отвѣчалъ Эммануилъ.—Оно ни въ какомъ случаѣ не взято изъ исторіи. Напротивъ того, исторія доказываетъ своими примѣрами, какъ невѣрно это установившееся мнѣніе. Вы не можете указать ни на одинъ случай, когда удовлетвореніе желаній низшихъ классовъ и принятіе ихъ совѣта причинило бы странѣ самомалѣйшій вредъ. Съ другой стороны, можно указать примѣръ за примѣромъ, когда страна наша подвергалась несчастью за несчастьемъ, если на предостереженіе народа не обращали вниманія. Но это еще не все! Я беру на себя смѣлость утверждать, что всѣ наши таланты, духъ предпріимчивости и промышленности, всякое пониманіе и выносливость идутъ изъ среды крестьянъ. Это можно доказать исторически, что ни въ старомъ, ни въ новомъ времени не было такой выдающейся личности, не было великаго ума, который не имѣлъ бы въ себѣ крестьянской крови не далѣе одного или двухъ поколѣній назадъ. Но мы едва ли найдемъ какую-либо замѣчательную личность среди тѣхъ, которыя коренились въ высшемъ сословіи въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній. Всѣ наши выдающіеся способные люди унаслѣдовали отъ крестьянства трудолюбіе, умѣренность, упорную выносливость; такъ было прежде, такъ остается и до сихъ поръ. Изъ года въ годъ деревня посылаетъ въ городъ молодую, свѣжую, дѣятельную жизнь... и каждый годъ городъ возвращаетъ въ деревню коллекцію болѣзненныхъ, жалкихъ созданій, искалѣченныхъ физически и нравственно, чтобы снова набрать силы и свѣжести въ деревенской жизни и воздухѣ. Это то же, что наша кормилица, терпѣливая датская земля, посылающая изъ года въ годъ свое питательное, золотое зерно... которое возвращается ей въ видѣ удобренія.

Онъ говорилъ съ возрастающей страстью. Быть можетъ, его восторгъ былъ нѣсколько разсчитанный, но онъ былъ ему очень къ лицу, когда онъ сидѣлъ среди гостей съ развѣвающимися темными волосами и свѣтлой бородой, возбужденный рѣчами, виномъ и серьезностью своихъ убѣжденій. Что-то въ родѣ пророческаго выраженія показалось на его лицѣ, а глаза горѣли, какъ свѣтящіяся звѣзды.

*

Минутное молчаніе воцарилось послѣ его рѣчи. Оно было прервано докторомъ.

— Что вы на это скажете, фрёкенъ Тённесенъ? Интересно знать ваше мнѣніе на этотъ предметъ.

Она медленно поднялась изъ своей лѣнивой позы и проговорила твердо:

— Я держу сторону пастора Ганстэда.

— Какъ?... и вы также?—заговорили всѣ разомъ, а дядя Іохимъ, когда ему передали отвѣтъ, воскликнулъ, поднимая руки надъ головой: Боже милосердый!

— Да, я признаю это,—сказала она спокойно: — я также думаю, что такая страна, какъ наша, съ ея безконечно-длинной, темной зимой и другими суровыми условіями жизни, быть можетъ, не должна бы подвергаться цивилизаціи, а могла бы оставаться чѣмъ-нибудь въ родѣ огромной Гренландія, куда бы лѣтомъ пріѣзжали охотиться... Что я хотѣла сказать еще?

Она оглянулась, усиливаясь улыбнуться.

— Да, помню! только это... что въ такой странѣ самое важное значеніе имѣютъ, конечно, крѣпкія плечи и широкіе лбы. И, какъ указалъ пасторъ Ганстэдъ и на что указываетъ исторія, здѣсь, въ Даніи, все, что̀ не имѣетъ сорока дюймовъ вокругъ груди или двадцати отъ уха до уха, быстро погибаетъ, замерзаетъ или уносится вѣтромъ. Я вполнѣ согласна съ г. Ганстэдъ, что мы, бѣдныя созданія, живемъ только благодаря крестьянскому сословію. Я всегда это понимала.

Снова наступило молчаніе. Никто не зналъ, насколько ея слова были серьезны и насколько въ нихъ заключалось иронiи.

Однако докторъ, предвидя грозу, счелъ за лучшее прервать разговоръ, пока онъ не зашелъ слишкомъ далеко.

— Не перейдемъ ли мы въ другую комнату, предложилъ онъ.

Всѣ встали и пожелали другъ другу «Velbekomme». Рагнильда и Эммануилъ пожали другъ другу руки.

— Примите мои искреннѣйшія поздравленія, пасторъ Ганстэдъ,— сказала она.—Я должна сознаться, что.... вы сдѣлались отличнымъ спорщикомъ.

VI.

Большая гостиная освѣщалась семью-восемью лампами съ темными абажурами, поставленными по разнымъ уголкамъ на столикахъ. Въ ней царствовалъ пріятный полумракъ, способствующій отдыху въ бархатныхъ креслахъ, которыми щедро была обставлена гостиная.

Дверь между двумя окнами вела на веранду, защищенную со всѣхъ сторонъ стекломъ и представлявшую настоящій зимній садъ, полный пальмъ и папоротниковъ; красный фонарь, спускаясь съ потолка, давалъ мягкій свѣтъ, точно восходящій мѣсяцъ среди цвѣтущихъ ку-

стовъ и блестящей листвы. Съ веранды можно было спуститься еще ниже въ садъ. Изъ гостиной виденъ былъ лугъ съ каменной вазой, кустами розъ, бесѣдкой изъ жимолости и нѣсколькими высокими тополями, облитыми блѣднымъ, почти торжественнымъ свѣтомъ лѣтней ночи.

— Надѣюсь, вы будете такъ любезны, фрёкенъ Тённесенъ, и сыграете намъ что-нибудь,—сказалъ докторъ.—Смѣю предположить, мы всѣ нуждаемся въ нѣкоторомъ успокоеніи.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтила Рагнильда:—если бъ я только могла вспомнить что-нибудь,—прибавила она, стоя у фортепіано и перегибая пальцы, какъ это дѣлаютъ піанисты, чтобы размягчить руки.

Эммануилъ помѣстился въ креслѣ около веранды. Ему не особенно нравилась мысль о музыкѣ. Онъ все еще былъ подъ вліяніемъ разговора за столомъ и предпочелъ бы продолжать разговоръ. Тѣмъ временемъ остальные гости размѣстились поудобнѣе въ креслахъ. Одинъ только дядя Іохимъ остался въ столовой; слышно было, какъ онъ облегчалъ свой гнѣвъ разговоромъ съ сестрой; но, когда Рагнильда взяла первые аккорды, фру Гассингъ отворила дверь и водворила молчаніе и въ столовой.

Рагнильда начала съ нѣсколькихъ громкихъ руладъ, какъ бы для того, чтобы очистить воздухъ. Потомъ она сложила руки на колѣняхъ въ молчаніи, и музыка какъ будто отозвалась издалека.

Герда забралась въ самый дальній уголокъ.

Съ ней совершилась какая-то странная перемѣна; она стихла и казалась необыкновенно степенной. Во время обѣда она все меньше и меньше обращала вниманія на своего кузена; она непрестанно слѣдила за Эммануиломъ и жадно прислушивалась къ каждому его слову. Между нею и г-жей Гассингъ было замѣчательное семейное сходство: тотъ же овалъ лица, то же выраженіе Мадонны, мягкія очертанія губъ и подбородка указывали на ту же тенденцію къ сентиментальности; но ея носъ былъ больше, овалъ щекъ опредѣленнѣе; огонь дремлющей страсти горѣлъ въ темныхъ бархатныхъ глазахъ, надъ которыми, какъ распущенныя крылья, готовыя къ отлету, обрисовывались темныя брови.

По окончаніи первой пьесы, пока Рагнильда и докторъ обмѣнивались замѣчаніями относительно композитора, она пробралась къ фру Гассингъ на другой конецъ комнаты.

— Тетя,—шепнула она, наклоняясь надъ ней,—правда ли, что онъ женатъ на крестьянской дѣвушкѣ?

— Да, правда, дитя мое.

— На настоящей крестьянкѣ?

— Да, да,—повторила фру Гассингъ, трепля ее по щекѣ.

Герда постояла минуту, облокотясь на стулъ тетки и опустивъ глаза. Когда Рагнильда снова заиграла, она вернулась на свое прежнее мѣсто и продолжала смотрѣть на Эммануила.

Кузенъ пытался обратить на себя ея вниманіе, но она, повидимому, не замѣчала его. Когда онъ попробовалъ дотронуться до нея длинной метелкой изъ перьевъ, которую нашелъ по сосѣдству, она бросила на него такой молніеносный взглядъ, что онъ чуть не свалился со стула отъ неожиданности.

Сначала Эммануилъ мало обращалъ вниманія на музыку. Первая пьеса отличалась современностью, сложна для пониманія и для него походила на кошачій концертъ. Онъ откинулся на спинку кресла и задумался. Его взглядъ скользилъ по картинамъ, статуэткамъ на пьедесталахъ по угламъ комнаты... и его стало сильно клонить ко сну. Часъ, въ который онъ обыкновенно ложился спать, давно прошелъ; полумракъ, обиліе новыхъ впечатлѣній, реакція послѣ сильнаго напряженія, а можетъ быть, и вліяніе вина дѣлали его такимъ усталымъ и сонным, что приходилось дѣлать большое усиліе, чтобы не заснуть.

Но чрезъ нѣсколько времени онъ началъ прислушиваться къ музыкѣ. Знакомые звуки коснулись его слуха... торжественная гармонія какъ бы изъ другого міра. Вначалѣ онъ не могъ назвать ихъ, не могъ опредѣлить даже, какого сорта были его впечатлѣнія—что-то грустное и радостное, что-то такое, что заставляло его сердце усиленно биться. Потомъ онъ узналъ похоронный маршъ Шопена, который онъ такъ часто слыхалъ отъ сестры въ дни юности... и все окружающее внезапно видоизмѣнилось. Это не была гостиная доктора Гассинга, а его собственный, старый очагъ; это его сестра Бетти играетъ, сидя на табуретѣ у фортепіано между двумя свѣчами... да, даже запахъ геліотропа, доносившійся съ веранды, казалось, принадлежитъ его дѣтству и родительскому дому. Очарованіе сковывало его такъ сильно, что не было силъ противиться.

Какъ только музыка прекратилась, онъ всталъ. Пора домой!

Онъ простился довольно поспѣшно, поблагодарилъ хозяевъ и черезъ нѣсколько минутъ очутился уже на дорогѣ.

Даже теперь онъ еще не могъ овладѣть своимъ волненіемъ, хотя, шагая, онъ такъ твердо постукивалъ своей дубовой тростью съ желѣзнымъ наконечникомъ, что выбивалъ искры изъ камня. Заснувшая окрестность въ блѣдномъ свѣтѣ лѣтней ночи, перистыя облачка на небѣ и темные тополи у дороги еще усиливали впечатлѣніе музыки Рагнгильды, какъ бы снова вызывая ея звуки къ жизни. Эти звуки преслѣдовали его по извилистой дорогѣ и смущали его душу, пока онъ не перешелъ границы своего прихода и не увидѣлъ знакомыхъ холмовъ, толпившихся темной массой на свѣтломъ горизонтѣ.

Тѣмъ временемъ въ гостиной доктора Эммануилъ сдѣлался темой оживленныхъ толковъ. Дядя Іохимъ появился на сцену и далъ волю своимъ чувствамъ. Г-жа Гассингъ расточала громкія похвалы, и даже самъ докторъ долженъ былъ согласиться, «что онъ дѣйствительно замѣчательный человѣкъ, не безъ остроумія».

Сейчасъ же послѣ ухода Эммануила Герда простилась и ушла къ себѣ.

Рагнгильда молчала; но у ней не было особеннаго повода быть довольной своимъ вечеромъ. То, что она сказала Эммануилу, была правда: семь лѣтъ она ждала того дня, когда увидитъ его здѣсь... и мысль объ этомъ свиданіи не мало способствовала ея рѣшимости преодолѣть страхъ деревенской жизни и принять приглашеніе фру Гассингъ.

Не одно любопытство побуждало ее къ этому. Съ тѣхъ поръ, какъ она разсталась съ Эммануиломъ—тогда еще викаріемъ—она не могла отдѣлаться отъ чувства стыда. Вскорѣ послѣ его отъѣзда она поняла, что интересъ, который онъ возбуждалъ въ ней, основанъ не на чувствѣ простой дружбы, какъ она воображала. Холодное, сѣверное дыханіе любви коснулось ея духа, и она чувствовала себя порабощенной и униженной ею. Было что-то безконечно обидное въ той мысли, что она могла дать хотя бы самомалѣйшую частичку сердца человѣку, который женился на крестьянкѣ. Ея душа не могла успокоиться до тѣхъ поръ, пока она снова не почувствуетъ своего превосходства надъ нимъ... Увы! въ этомъ отношеніи встрѣча съ Эммануиломъ не дала ей желаннаго удовлетворенія.

VII.

Въ пасторатѣ никто не удивился, когда Эммануилъ не вернулся къ ужину; по его возвращеніи, Ганзенэ даже не спросила, гдѣ онъ былъ. Она привыкла къ тому, что Эммануилъ забывалъ и время, и мѣсто и часто засиживался у друзей. Утромъ онъ сообщилъ ей, гдѣ былъ и кого встрѣтилъ... и послѣ того желалъ забыть обо всемъ этомъ. На совѣсти его лежало что-то нехорошее; чѣмъ больше онъ вспоминалъ всѣ впечатлѣнія вечера, тѣмъ больше сердился на себя за свою, какъ онъ называлъ, глупую самонадѣянность.

— Вотъ какая отрава среди этихъ людей,—думалъ онъ: — даже черезъ восемь лѣтъ нельзя показаться между ними, чтобы не потерять воли и не впасть въ грѣхъ.

Это послужило ему предостереженіемъ на будущее время; вечеръ у доктора подѣйствовалъ на него во многихъ отношеніяхъ. Онъ вызвалъ его изъ апатіи, въ которую ввергла его смерть Ледди. Онъ снова почувствовалъ себя совершенно счастливымъ въ своемъ домѣ и каждое утро уходилъ въ конюшню, весело напѣвая и не переставалъ разсказывать Ганзенэ въ комическомъ тонѣ о домѣ и семьѣ доктора, въ особенности о дядѣ Іохимѣ. Онъ разсказалъ ей объ отдѣлкѣ комнатъ и подробно описалъ сервировку ужина и разныя блюда. Хотя Ганзенэ никогда не спрашивала его объ этомъ посѣщеніи и зорко наблюдала, когда онъ говорилъ о немъ, Эммануилъ постоянно возвращался къ этому сюжету и передавалъ подробно разговоры за столомъ.

Въ воскресенье онъ сказалъ проповѣдь, почти не приготовляясь,

съ прежнимъ пыломъ и яркостью. Текстъ на этотъ день былъ изъ св. Марка: насыщеніе множества народа пятью хлѣбами и нѣсколькими рыбами. Эммануилъ сначала вызвалъ всю картину передъ глазами слушателей, описалъ поэтически торжественную тишину пустыни, безграничное голубое небо и зубчатыя скалы, на которыхъ съ утра до ночи горѣли лучи палящаго солнца.

Потомъ онъ заговорилъ въ другомъ тонѣ.

— Мы знаемъ и понимаемъ голодъ и жажду духа; намъ эта притча такъ понятна. Мы всѣ испытывали минуты слабости, мы представляемъ себѣ, что все вокругъ насъ—каменистая пустыня, и, не видя источника, думаемъ, что всѣ сокровища земли и неба не въ состояніи удовлетворить нашъ душевный голодъ. Потомъ, въ одинъ прекрасный день случается что-нибудь, или мы слышимъ какое-нибудь слово, въ которомъ заключается благословеніе Божіе, и вдругъ, о чудо! все расцвѣтаетъ передъ нашими глазами, а сердце... оно переполняется радостью и надеждой настолько, что мы можемъ дѣлиться ими обѣими руками! Да, друзья мои, мы всѣ испытали эти минуты слабости, не правда ли? Единственное, что мы можемъ сдѣлать—это крѣпко держаться вѣры и надежды. По моему мнѣнію, мы всѣ въ Даніи переживаемъ такой періодъ апатіи. Мы повсюду слышимъ унылые голоса: «Къ чему все это?» Мы боремся за правду и справедливость здѣсь на землѣ, но видимъ лишь ложь и произволъ, которые процвѣтаютъ вокругъ насъ. Мы заблудились въ безвыходной пустынѣ, которую мы не можемъ превратить въ плодоносную долину и изъ которой намъ не выбраться. Оставимъ эту непосильную задачу, вернемся къ игу египетскому. А соблазнитель, который идетъ по слѣдамъ сомнѣнія, отвѣчаетъ ласкающимъ, змѣинымъ шепотомъ: Поклонись мнѣ, и дамъ тебѣ всѣ сокровища земныя!.. Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнулъ онъ громкимъ голосомъ, и щеки его зардѣлись яркимъ румянцемъ,—мы не поддадимся слабости. Мы вѣримъ въ Бога, пославшаго манну израильтянамъ и насытившаго пять тысячъ народа въ пустынѣ своимъ благословеніемъ. Къ тому же мы избранный Богомъ народъ, который Онъ удостоилъ быть своимъ орудіемъ; мы будемъ благодарить и прославлять Его имя во вѣки вѣковъ. Прочь всѣ сомнѣнія и слабости!

Послѣ службы люди столпились, по обыкновенію, у церковной двери, чтобы пожать ему руку и поблагодарить за проповѣдь. Нѣкоторые ушли разсерженные, думая, что послѣднія слова намекали на ткача и другихъ лидеровъ политической тактики... Въ послѣднее время многіе обижались при малѣйшемъ намекѣ на эти дѣла.

Эммануилъ не замѣтилъ этого недовольства и давно уже не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ и довольнымъ, какъ въ это воскресенье.

Послѣ обѣда онъ предложилъ домашнимъ, включая Абелону, Нильса и Сёрена, поѣхать пить чай въ лѣсу. Большая рессорная повозка была

выкачена на дворъ, корзина наполнена провизіей, а Ганзенэ и дѣти одѣты въ лучшія платья. Это послѣднее по особенному желанію Эммануила, «чтобы хоть разъ показать, что у насъ есть хорошая одежда»; когда онъ увидалъ Ганзенэ въ черномъ шелковомъ фартукѣ и маленькой вышитой шапочкѣ, въ которой она вѣнчалась, онъ обнялъ ее и сказалъ: «Ручаюсь чѣмъ угодно, что во всей Даніи нѣтъ болѣе красивой пасторши». Въ четыре часа онъ пошелъ самъ запрягать лошадей. Но не успѣлъ онъ снять повода съ лошадей, какъ влетѣла запыхавшаяся Зигрида.

— Папа,—кричала она,—двѣ нарядныя, пренарядныя дамы пріѣхали... Ахъ, посмотрѣлъ бы ты на нихъ! Онѣ только что прошли въ комнату!

Эммануилъ чуть не выбранился. Онъ сейчасъ же догадался, что это была Рагнгильда и кто-нибудь изъ ея пріятельницъ.

— Мать тамъ?—спросилъ онъ.

— Да, она съ ними. Ахъ, папа, если бъ ты видѣлъ... если бъ ты видѣлъ!

— Ну, не корчи изъ себя дуру!—оборвалъ онъ ее сердито, и дѣвочка, только что радостно бившая въ ладоши и прыгавшая около него въ полномъ восторгѣ, покраснѣла и ушла сконфуженная.

Эммануилъ не торопился и возился около лошадей, но сердце его безпокойно забилось. Онъ думалъ однако больше о Ганзенэ, чѣмъ о двухъ дамахъ. Что подумаетъ она объ этомъ посѣщеніи? И какъ встрѣтитъ гостей?

Теперь по двору застучали деревянные башмаки Абелоны, которая просунула голову и плечо въ полурастворенную дверь.

— Эммануилъ здѣсь?.. Идите домой поскорѣе; пріѣхали двѣ дамы...

— Боже милостивый! сколько разъ еще мнѣ объ этомъ слышать?—остановилъ онъ ее съ нетерпѣніемъ.—Знаю прекрасно. Зигрида мнѣ сказала.

Абелона взглянула на него съ удивленіемъ: она не привыкла слышать отъ него такой тонъ.

— Почемъ же я могу знать? Меня послала Ганзенэ.

Она отвернулась обиженно и быстро побѣжала къ дому.

VIII.

Тѣмъ временемъ Рагнгильда сидѣла въ большой комнатѣ на одномъ изъ камышевыхъ стульевъ и старалась поддержать разговоръ съ Ганзенэ, которая помѣстилась, по обыкновенію, въ своемъ креслѣ у печки. Она не привыкла быть любезной съ чужими и не скрывала удивленія по поводу неожиданаго посѣщенія. Старикъ Сёренъ сидѣлъ согнувшись у окна, въ своемъ воскресномъ, не особенно изящномъ костюмѣ,—въ старой синей фризовой курткѣ съ бѣлыми кантами и ярко-желтомъ платкѣ вокругъ шеи, уставившись на гостей и не спуская съ нихъ глазъ.

На фрёкенъ Рагнильдѣ была вышитая бисеромъ мантилья сверхъ клѣтчатаго зеленаго шелковаго платья и черная шляпа съ высоко торчащими бантами. Герда была въ томъ же бѣломъ платьѣ и блѣдно-голубой шляпѣ, въ которыхъ была въ день посѣщенія Эммануила.

Она сидѣла на кончикѣ стула; ея поза, горящія щеки и взглядъ, которымъ она обводила большую, пустую комнату и Ганзенэ въ ея крестьянскомъ нарядѣ,—все изобличало сильное возбужденіе. Но, когда дверь отворилась и вошелъ Эммануилъ, ея возбужденное настроеніе вдругъ исчезло. Она слышала отъ доктора Гассинга о фантастичной, рабочей блузѣ, которую Эммануилъ носилъ дома, и была сильно разочарована длиннымъ, сѣрымъ сюртукомъ и плотно застегнутымъ жилетомъ, въ которомъ видѣла его и раньше.

— Пасторъ Ганстэдъ,—заговорила Рагнильда,—мы явились къ вамъ очень безцеремонно, но ваша жена любезно сообщила намъ, что вы къ этому привыкли, и я надѣюсь, что мы васъ не обезпокоили... Вы помните мою маленькую пріятельницу, г-нъ Ганстэдъ? — прибавила она, поворачиваясь къ Гердѣ.

Эммануилъ молча поклонился обѣимъ и пригласилъ ихъ сѣсть у стола.

— Вамъ пришлось очень долго идти,—проговорилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Не такъ долго, какъ вы думаете,—засмѣялась Рагнильда,—мнѣ бы не придти пѣшкомъ отъ Киндлёзе. Но докторъ Гассингъ навѣщалъ больного здѣсь въ сосѣдствѣ, и я не могла отказаться отъ удовольствія повидать васъ,—и она слегка поклонилась Эммануилу и Ганзенэ,—и нашъ старый домъ. Мы доѣхали съ докторомъ до «Кряжа» —если память не измѣняетъ мнѣ—и условились снова тамъ встрѣтиться. Оттуда вѣрныхъ полчаса ходьбы; я горжусь тѣмъ, что могла пройти пѣшкомъ такъ много въ такую жару.

— Да, сегодня дѣйствительно жарко.

Она начала говорить о томъ, что видѣла новаго въ давно знакомой ей окрестности; казалось, что все измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ она здѣсь жила; въ особенности видъ деревни ее поразилъ. «Она выглядитъ теперь такой уютной», сказала она. Эммануилъ объяснилъ, что сады, сгорѣвшіе когда-то, теперь снова заполнились, а деревья выросли.

Ганзенэ не принимала участія въ разговорѣ, и Эммануилъ не старался втянуть ее. Напротивъ того, онъ избѣгалъ смотрѣть въ ея сторону и сидѣлъ, отвернувшись къ окнамъ и саду. Онъ самъ не отдавалъ себѣ отчета, что̀ именно въ этомъ посѣщеніи такъ угнетало его, или почему онъ все время чувствовалъ взглядъ Ганзенэ, который переходилъ съ него на обѣихъ дамъ и обратно. Онъ ничего не скрывалъ отъ нея; онъ разсказалъ ей все, что произошло въ тотъ вечеръ. И что въ немъ было такого, что надо было бы скрывать?

— Здѣсь въ пасторатѣ тоже не мало перемѣнъ,—сказалъ онъ, замѣчая, что Рагнильда осматривала все окружающее;—я не думаю, чтобы

перемѣны эти были въ вашемъ вкусѣ... но каждый человѣкъ устраивается по своему.

— Вы ко мнѣ несправедливы, пасторъ Ганстэдъ, мнѣ нравится эта комната, напримѣръ, очень нравится. Она своеобразна, въ ней есть спокойная индивидуальность... Я только что любовалась ею. Вы въ совершенствѣ владѣете искусствомъ сдѣлать многое изъ малаго.

Хотя Эммануилъ понималъ, что слова ея были обычной вѣжливостью, онъ былъ благодаренъ ей за нихъ. Тѣмъ не менѣе поторопился измѣнить направленіе разговора.

Иллюзіи Герды быстро разсѣевались. Вокругъ Эммануила не было той пророческой сіяющей атмосферы, которая окружала его вечеромъ у доктора. Большая, пустая комната внушала ей почти ужасъ и напоминала сарай; отъ присутствія пастуха Сёрена ей дѣлалось жутко; ей также было неловко подъ внимательнымъ взглядомъ Ганзенэ.

Вскорѣ ее заинтересовала маленькая Зигрида, которая стояла около матери въ розовомъ ситцевомъ платьѣ и черной лентой вокругъ золотистыхъ напомаженныхъ волосъ и по временамъ прятала голову въ колѣни матери. Какъ только дѣвочка замѣчала на себѣ взглядъ Герды, она снова прятала лицо; однако, черезъ минуту большой темносиній глазъ снова выглядывалъ изъ-подъ загорѣлой руки, и какъ только считала себя внѣ наблюденій, дѣвочка принималась шептать матери.

Ганзенэ ласково гладила ея волосы, съ материнской нѣжностью, которую рѣдко выказывала, но отвѣчала разсѣянно.

Разговоръ то и дѣло угрожалъ оборваться, хотя Рагнгильда изощрялась въ поддержаніи его. Эммануилъ никакъ не могъ собраться съ мыслями. Молчаніе Ганзенэ смущало его все больше и больше. Онъ чувствовалъ, что она какъ будто упрекаетъ его въ чемъ-то, хотя не зналъ въ чемъ. Присутствіе Сёрена также не мало смущало его. У Сёрена были дурныя привычки, которыя ему прощались въ виду его другихъ хорошихъ качествъ; но Эммануилу казалось, что онъ сегодня особенно невыносимъ.

— Не пойдемъ ли мы въ садъ, фрёкенъ Рагнгильда,—предложилъ онъ, вставая, и добавилъ съ смущенной улыбкой:—мы не можемъ похвастаться такимъ образцовымъ порядкомъ, какой былъ здѣсь во времена вашего отца... но въ саду прохладнѣе.

— Пойдемте, я очень рада побывать въ саду.

Всѣ встали. Эммануилъ позвалъ и Ганзенэ. Одинъ только Сёренъ остался, не спуская глазъ съ обѣихъ дамъ, пока послѣдняя складка ихъ платья не исчезла за дверями.

Въ то же время Абелона выставила голову изъ-за другихъ дверей, гдѣ она все время подсматривала.

— Ушли?

Сёренъ молча кивнулъ по направленію къ саду, послѣ чего Абелона вошла и стала наблюдать изъ окна.

— Вотъ онѣ? Удивляюсь, чего Эммануилу нужно отъ такихъ шлюхъ. Право, онѣ выглядятъ ничѣмъ не лучше потерянныхъ женщинъ?

Ея негодованіе звучало не совсѣмъ искренно. Абелона за послѣднее время была «сама не своя», и Сёренъ съ участіемъ посмотрѣлъ на нее. Ни для кого не было секретомъ, что Абелона страдала отъ любви къ Нильсу, который по какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ пересталъ интересоваться ею.

IX.

Садъ пастората дѣйствительно не походилъ на тотъ пышный паркъ, который оставилъ архидіаконъ Тённесенъ. Живая изгородь, такъ тщательно подстригавшаяся въ тѣ времена, теперь разрослась во всѣ стороны, трава покрыла дорожки, одуванчики и песчанка смѣло красовались по лугамъ; кусты сдѣлались непроходимой чащей, въ которыхъ птицы вили свои гнѣзда; земля подъ большими деревьями была покрыта сучьями и старыми разсыпанными скворешниками. Китайскій мостикъ — гордость «священника-милліонера» — теперь былъ не что иное, какъ груда гнилыхъ досокъ. Три-четыре каменныя вазы однѣ только устояли противъ всеобщаго разрушенія.

Рагнгильда и Эммануилъ шли впереди остальныхъ; они повернули по орѣховой дорожкѣ въ широкую каштановую аллею, которая служила границей между садомъ и полями.

На этомъ мѣстѣ они когда-то ежедневно гуляли и дебатировали. Когда Эммануилъ почувствовалъ себя снова вдвоемъ въ этой аллеѣ, снова ощущалъ таинственный шелестъ женскаго платья и легкій ароматъ фіалки, знакомый ему съ давнихъ дней,—онъ испытывалъ непреодолимое волненіе. Онъ шелъ—какъ и тогда—согнувшись и заложивъ руки за спину, тогда какъ Рагнгильда держалась прямо и гордо, лѣвой рукой приподнявъ платье настолько, что сзади виднѣлась оборка бѣлой юбки и каблучки ея ботинокъ.

Сегодня она олицетворяла собой любезность и самое улыбающееся настроеніе духа. Одного взгляда на домашнюю жизнь въ пасторатѣ было достаточно, чтобы вернуть ей обычное самоуваженіе, и она даже стала ощущать сестринскую симпатію и желаніе внушить ему полное довѣріе, чтобы имѣть возможность развлечь и утѣшить его.

Между тѣмъ остальные остались на лугу; Ганзенэ пыталась завязать разговоръ съ Гердой, но, обмѣнявшись нѣсколькими фразами, обѣ пришли къ тому заключенію, что не могутъ понять другъ друга, и Герда стала играть съ Зигридой.

Онѣ стали бѣгать взапуски по солнцу, а Ганзенэ сѣла на скамью, издали наблюдая молодую дѣвушку, ея костюмъ, счастливую улыбку, легкія движенія и хорошенькіе, бѣлые зубки.

Черезъ нѣсколько времени ея размышленія были прерваны прибли-

жающимися голосами. Эммануилъ и Рагнильда возвращались по орѣховой аллеѣ, какъ разъ за ея спиной.

— Мы видимся два раза въ мѣсяцъ,—слышался голосъ Рагнильды:—мы часто играемъ въ четыре руки. Конечно, и болтаемъ кое о чемъ... иногда о васъ. Ваша сестра очень привязана къ вамъ. Она часто говоритъ, какъ она скучаетъ безъ васъ и какъ бы желала снова увидѣться.

— Вотъ какъ! Такъ Бетти вспоминаетъ обо мнѣ?

— Это очень естественно; она не видала васъ уже нѣсколько лѣтъ. Вамъ бы слѣдовало съѣздить къ ней. Она, бѣдная, нуждается въ утѣшеніи. Она такъ одинока, съ тѣхъ поръ какъ — вѣдь вы знаете, вѣроятно, объ этомъ—она потеряла единственнаго ребенка. Это былъ тяжелый ударъ для нея! Она еще молода и сильно нуждается въ чемъ-нибудь такомъ, что наполнило бы ея жизнь... Нельзя не сознаться, что генеральный консулъ имѣетъ свои слабости; къ тому же онъ старъ и почти калѣка...

Голоса удалились, и Ганзенэ снова обратила вниманіе на двухъ дѣвицъ, сидѣвшихъ теперь въ густой травѣ. Черезъ минуту Зигрида бросилась къ ней съ блистающими глазами и краснѣя отъ волненія.

— Мама,—торопилась она,—знаешь, что она говорила? У ней есть большая кукла, которая можетъ спать, какъ настоящій человѣкъ, и куклинъ домъ съ настоящими столами и стульями и съ кухней! И знаешь, что она говоритъ? У дома есть прудъ съ утками и съ лодкой. Какъ ты думаешь, это правда, мама?

— Зигрида, иди ко мнѣ скорѣе,—позвала Герда.

Не дожидаясь отвѣта матери, дѣвочка побѣжала назадъ и въ дикой радости бросилась на колѣни Герды.

Голоса въ орѣховой аллеѣ снова приблизились. На этотъ разъ говорилъ Эммануилъ.

— Не говоря уже о томъ, что такой образъ жизни самъ по себѣ хорошъ, вы должны согласиться, что люди обязаны воздерживаться отъ такой роскоши, какъ, напримѣръ, домъ моего зятя, хотя бы въ виду нашихъ менѣе богатыхъ ближнихъ. Лицезрѣніе такой расточительности дѣлаетъ бѣдность неизмѣримо тягостнѣе тѣмъ, кто изо дня въ день бьется изъ-за куска сухого хлѣба; оно порождаетъ горечь, зависть и всякія дурныя чувства.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не вѣрю ни одному слову изъ того, что вы говорите. Мнѣ приходитъ въ голову одна сцена; это было въ громадномъ рабочемъ дворѣ, гдѣ подъ палящими лучами солнца люди, въ запыленныхъ рваныхъ, одеждахъ, нагружали тяжелыя каменныя плиты, и т. д. Какъ разъ, когда я проходила, по двору прошли двѣ молоденькія, нарядно одѣтыя дѣвушки, по всей вѣроятности, дочери владѣльца. Онѣ болтали и смѣялись и были, вѣроятно, такія же «безполезныя созданія», какъ Герда. Я видѣла, какъ всѣ изможденныя работой лица обер-

нулись къ нимъ; но, увѣряю васъ, ни на одномъ изъ нихъ не было зависти. Напротивъ, было очевидно, что присутствіе этихъ хорошенькихъ, веселыхъ, счастливыхъ созданій развеселило и ихъ среди тяжелой работы; они смотрѣли имъ вслѣдъ съ той доброй улыбкой, съ какой мы слѣдимъ за ласточкой, пролетающей мимо насъ. Такіе люди знаютъ очень хорошо, какая разница между ними, и если только ихъ спеціально не возстановили противъ этой разницы, они также мало возмущаются ею, какъ мы, видя, что ласточкѣ даны два ловкія крыла, а намъ лишь двѣ неповоротливыя ноги, какъ единственное средство передвиженія.

Эммануилъ очень оживленно возражалъ, но Ганзенэ уже не могла разслышать словъ.

Вскорѣ они показались на лугу и, завидя ее, подошли по травѣ.

— А, вотъ вы гдѣ, фру Ганстедъ. Мы страшно спорили съ вашимъ мужемъ. Мы съ нимъ никогда ни въ чемъ не соглашаемся.

Она сѣла на скамью около Ганзенэ и, не дожидаясь отвѣта, быстро заговорила о садѣ, о его тѣни и примитивномъ характерѣ.

— Пора намъ и уходить,—сказала она, вставая:—мы не должны заставлять доктора Гассинга ждать такъ долго. Герда, — позвала она,—пора собираться домой.

Она начала прощаться.

— Я провожу васъ, — сказалъ Эммануилъ, когда она хотѣла пожать его руку на прощанье: — Я покажу вамъ тропинку, которая сократитъ вамъ путь на половину.

— О! это превосходно!

Черезъ минуту они ушли. Ганзенэ повернула къ дому и остановилась у садовой изгороди.

— Мама,—позвала Зигрида:—мама!—и теребила ее за юбку.—Знаешь, что она сказала? Она говоритъ, чтобы я пріѣзжала къ ней въ Копенгагенъ, и она отдастъ мнѣ большую куклу!

Ганзенэ не слыхала. Она слѣдила глазами за Эммануиломъ; онъ шелъ между двумя дамами, разговаривая съ юношескимъ оживленіемъ, часто останавливаясь на пути и указывая на окружающіе ландшафты.

(Окончаніе слѣдуетъ).

31-й г. изд.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДАМСКІЙ И СЕМЕЙНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1897 г.

НОВЫЙ 31 годъ изданія.

Русскій Базаръ,

дающій въ своихъ модныхъ нумерахъ полный переводъ французскаго журнала «La mode de Paris».

НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ РУКОВОДИТЕЛЬ МОДЫ ВЪ РОССІИ.

Въ теченіе года: болѣе 3000, исполненныхъ по моделямъ извѣстнѣйшихъ модистокъ Парижа, рисунковъ модъ

Нарядовъ дамскихъ.
Нарядовъ дѣтскихъ.
Нарядовъ маскарадныхъ.
Нарядовъ для верховой ѣзды.
Нарядовъ для гулянья.
Нарядовъ для катанья на конькахъ.
Нарядовъ для баловъ.
Нарядовъ домашнихъ.

Рисунки разнаго БѢЛЬЯ:
Бѣлья дамскаго.
Бѣлья мужскаго.
Бѣлья дѣтскаго.

Разнообразнѣйшія *рукодѣлія и работы.*
Рисунки разныхъ вещей и аксессуаровъ дамскаго туалета.

Зонтики.
Вѣера.
Шляпы.
Обувь.
Цвѣты.
Уборы и пр.
Выкройки.
Вышивки.

НОВЫЙ РУССКІЙ БАЗАРЪ ЛУЧШІЙ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССІИ.

Беллетристика оригинальная и переводная.
Романы.
Повѣсти.
Разсказы.
Стихотворенія.
Мозаика.

Общедоступныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія.
Біографіи женщинъ.
Хроника женскаго дѣла.
Хозяйство и домоводство.
Модная хроника.

Почтовый ящикъ съ разнообразными совѣтами и отвѣтами.
Гравюры извѣстныхъ художниковъ.
Жанръ. Пейзажи.
Портреты. Типы и проч.

До 2000 выкроекъ въ натуральную величину на 24 отдѣльныхъ листахъ.

Изящно раскрашенныя парижскія модныя картинки работы извѣстнѣйшихъ французскихъ художниковъ (для II и III изд.).

24 экстренныхъ приложенія съ модной хроникой и рисунками самыхъ послѣднихъ парижскихъ модъ (hautes nouveautés).

Безплатныя преміи для годовыхъ подписчиковъ всѣхъ трехъ изданій:

1) Альбомъ новыхъ оригинальныхъ русскихъ монограммъ.
2) 12 картинокъ съ рисунками дамскаго верхняго платья.
3) Два приложенія спеціально дѣтскихъ модъ: 1) весенняго и лѣтняго и 2) осенняго и зимняго сезоновъ.
4) Стѣнной календарь на 1898 годъ.

Годовые подписчики на II и III изданія получатъ кромѣ вышеназванныхъ 4 премій еще и книгу

5) Живопись по фарфору, стеклу, атласу, шелку и разнымъ матеріаламъ со многими рисунками.

Годовая цѣна „Новаго Русскаго Базара“ на 1897 г.:

Первое изданіе: Безъ доставки—**5** р., съ доставкою—**6** р., съ пересылкою—**7** р. Второе изданіе: Безъ доставки—**7** р., съ доставкою—**8** р., съ пересылкою—**9** р. Третье изданіе: Безъ доставки—**10** р., съ доставкою—**11** р., съ пересылкою—**12** р.

При подпискѣ безъ доставки въ Москвѣ, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, Кузнецкій мостъ, 2) въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ, цѣна 1-му изданію **6** р., 2-му изданію **8** руб., 3-му изданію **11** руб.

Въ Одессѣ, въ отдѣленіи конторы, при редакціи журнала «Вѣстникъ Винодѣлія» В. Е. Таирова, Канатная ул., 13.

Допускается разсрочка, но исключительно при подпискѣ въ конторѣ редакціи: при подпискѣ изъ провинціи на I-е изданіе **4** р., на II-е изданіе **5** р., на III-е изданіе **7** р., а къ 1-му мая остальную сумму, т. е. **3** р., **4** р. и **5** р. Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала «Новый Русскій Базаръ»:
С.-Петербургъ, Садовая, 22.

Каталогъ всѣхъ изданій *фирмы „Книгоиздательство Германъ Гоппе“ высылается по требованію* безплатно.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 годъ.

ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ

29-й годъ изданія.

БОЛЬШОЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ иллюстрированныхъ изданій Россіи и одно изъ первыхъ мѣстъ среди иллюстрированныхъ журналовъ всей Европы.

НИ ОДИНЪ ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССІИ НЕ МОЖЕТЪ СРАВНИТЬСЯ СО «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРЕЦІЕЙ» ни по изяществу, ни по полнотѣ, ни по объему.

Въ будущемъ, 1897, году «ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ» останется вѣрна своему высокому призванію—быть строго художественнымъ изданіемъ и живымъ вѣрнымъ отраженіемъ жизни всего міра—и будетъ издаваться по прежней программѣ, на прежнихъ основаніяхъ, въ томъ же направленіи и при прежнемъ стремленіи къ постоянному улучшенію во всѣхъ отношеніяхъ, при участіи лучшихъ литературныхъ и художественныхъ силъ.

«ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ» обратитъ особенное вниманіе на иллюстрированныя описанія болѣе или менѣе выдающихся мѣстъ нашего отечества и постарается по возможности расширить этотъ отдѣлъ. Отъ времени до времени она будетъ давать страницы, посвященныя «Живописному Петербургу», изъ которыхъ впослѣдствіи составится цѣлый альбомъ. Точно также она будетъ отводить больше мѣста воспроизведенію художественныхъ сокровищъ обѣихъ столицъ. Литературный отдѣлъ ея будетъ заключать въ себѣ, кромѣ пояснительнаго текста къ рисункамъ, картинамъ и портретамъ, романы, повѣсти, разсказы, очерки, драматическія произведенія, стихотворенія наиболѣе выдающихся писателей русскихъ и иностранныхъ, статьи по этнографіи, исторіи, естествовѣдѣнію, археологіи, сельскому хозяйству, искусствамъ и проч., рядъ фельетоновъ, посвященныхъ обозрѣніямъ общественной жизни, науки и литературы какъ въ отечествѣ, такъ и за границей. Беллетристическія произведенія, даваемыя въ прибавленіяхъ къ нумерамъ журнала, попрежнему будутъ помѣщаться большей частью съ иллюстраціями. Какъ и прежде, отдѣлу «Спорта», богатому и разнообразному, будутъ отводиться отдѣльныя страницы въ журналѣ.

Превзошедшій всякія ожиданія, успѣхъ экстренныхъ приложеній ко «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ» прошлыхъ лѣтъ—«Сочиненій Кольцова», «Книги пѣсенъ Гейне» и «Пѣсенъ Беранже»—побуждаютъ ее предложить подписчикамъ на будущій, 1897, г. два изящныхъ подарка, какъ бы въ pendant къ прежнимъ художественно-литературнымъ изданіямъ. Чтобы угодить разомъ любителямъ и серьезнаго, и веселаго чтенія, «ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ» дастъ двѣ отдѣльныя книги двухъ корифеевъ западной литературы:

«НАТАНЪ МУДРЕЦЪ», драматическую поэму Готгольда-Эфраима Лессинга въ новомъ переводѣ В. С. Лихачева, извѣстнаго переводчика произведеній Мольера и Корнеля, переводыкотораго были неоднократно премированы.

«ДЕКАМЕРОНЪ-БОККАЧІО» избранныя новеллы въ переводѣ русскихъ писателей. Обѣ книги съ великолѣпными иллюстраціями знаменитыхъ европейскихъ художниковъ.

«Натанъ-Мудрецъ» представляетъ собою источникъ эстетическаго наслажденія, источникъ мудрости, изъ котораго могутъ черпать и люди преклоннаго возраста, и юноши, начинающіе жить осмысленной жизнью.

Избранныя новеллы изъ «Декамерона» Боккачіо блещутъ свѣжимъ, совершенно своеобразнымъ юморомъ, брызжутъ веселостью, сособной расшевелить самаго серьезнаго человѣка. Кромѣ того будутъ даны

ОТДѢЛЬНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ РАЗНООБРАЗНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

Такимъ образомъ «Всемірная Иллюстрація» за 1897 г. будетъ драгоцѣннымъ и вполнѣ современнымъ изданіемъ для каждой русской семьи, интересъ котораго будетъ прогрессивно увеличиваться.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА журнала «Всемірная Иллюстрація» на 1897 г. **СО ВСѢМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ И ПРЕМІЕЙ:** безъ доставки **15** руб., съ доставкою въ С.-Петербургѣ **17** р. и съ пересылкою **18** руб.

При подпискѣ безъ доставки въ Москвѣ, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ А. Ланга, Кузнецкій мостъ, № 15, 2) въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ. Въ Одессѣ, въ отдѣленіи конторы при редакціи журнала «Вѣстникъ Винодѣлія» В. Е. Таирова, Канатная, 13.

ЦѢНА РОСКОШНОМУ ИЗДАНІЮ (на веленевой бумагѣ) безъ дост. 20 р., съ дост. и перес. 25 р.; въ Москвѣ безъ дост. 22 р.; за границу 30 р. Допускается разсрочка при подпискѣ 7 руб., затѣмъ къ 1 мая 6 руб. и къ 1 сентября остальные 5 руб. Подписка принимается въ конторѣ редакціи «Всемірной Иллюстраціи»: С.-Петербургъ, Садовая, 22.

Каталогъ всѣхъ изданій фирмы «Книгоиздательство Германъ Гоппе» высылается по требованію безплатно. 3—2

НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ.

I. Наши утописты.

Ihr scheltet uns verdammte Geister
Und seid die wahren Hexenmeister.

Въ настоящее время русская публика очень живо интересуется экономическими вопросами. Я написалъ слово «вопросы» и тотчасъ же подумалъ, что оно на нашемъ языкѣ имѣетъ особенный смыслъ или, точнѣе, оттѣнокъ смысла, который мы напрасно стали бы искать въ какомъ-нибудь западно-европейскомъ языкѣ. Вопросы—это то, о чемъ пишется въ книжкахъ и журналахъ, которые «читатель почитываетъ», а «писатель пописываетъ». И то, и другое, и почитываніе, и пописываніе, большею частью, представляетъ изъ себя для упражняющихся въ этихъ занятіяхъ въ нѣкоторомъ родѣ умственный «бѣгъ на мѣстѣ». Но—и въ этомъ «но» заключается утѣшеніе, повидимому, достаточно сильное и для писателя и для читателя, ибо и тотъ, и другой упорно продолжаютъ исполнять свои роли—но утомительный бѣгъ на мѣстѣ sub specie aeternitatis оказывается все-таки движеніемъ впередъ. Для отдѣльнаго писателя и читателя, въ особенности съ темпераментомъ, это утѣшеніе очень плохое, но литература въ цѣломъ способна на героическую работу осуществленія историческаго прогресса указаннымъ путемъ. Она достаточно выносliва, живуча и сильна для этого.

«Вопросы» нѣчто среднее между жизнью и «разговорами». Забота о томъ, чтобы они не слишкомъ приближались къ жизни, не лежитъ на литературѣ и не въ ея интересахъ. Но литературѣ не мѣшаетъ зорко смотрѣть за тѣмъ, какъ бы не опуститься до «разговоровъ». Конечно, есть нѣчто еще худшее, чѣмъ разговоры. Это «наглость, доведенная до разврата», которую Салтыковъ когда-то противопоставлялъ другой крайности нашей литературы (см. Похороны) «недоконченности, невысказанности, боязни». Но «наглость» въ сущности уже вовсе не литература, а приспособленіе литературы къ цѣлямъ, враждебнымъ и ей самой, и вообще человѣческому духу.

Экономическіе вопросы нынче занимаютъ не только публику, но и писателей разныхъ званій и сортовъ, т.-е. попросту разныхъ талантовъ, знаній и спеціальностей. Не слѣдуетъ ли это расширеніе интереса къ экономическимъ вопросамъ приписать тому обстоятельству, что въ нашей литературѣ появилось теченіе, которое пытается философски связать

экономическія явленія съ прочими сторонами общественной жизни? Не по этому ли случаю всполошились наши философы-метафизики? Интересы публики не ждутъ, они въ одно и то же время и заражаютъ писателя, и являются для него вызовомъ. На нихъ необходимо, въ той или другой формѣ, реагировать, скорѣе, какъ можно скорѣе реагировать. Приходится спѣшить. Метафизики не успѣваютъ овладѣть предметомъ даже настолько, чтобы соблюсти приличія, т.-е., говоря прямо, не обнаружить невѣжества. Такъ случилось съ г. Влад. Соловьевымъ. Даже г. Гротъ, преподнесшій въ послѣдней книжкѣ «Вопросовъ философіи и психологіи» автору «Оправданія добра» торжественный титулъ первенствующаго философа Россіи, замѣчаетъ: «менѣе компентентнымъ авторъ является несомнѣнно, когда обсуждаетъ «экономическій вопросъ съ нравственной точки зрѣнія». «Менѣе компетентнымъ»—мы съ благодарностью отмѣчаемъ трогательный эвфемизмъ г. Грота.

Еще болѣе вредныя дѣйствія новыя литературныя явленія произвели на другого метафизика, г. Чичерина: реагируя на нихъ, этотъ талантливый и свѣдущій писатель проявилъ легкомысліе, которое не столько возмущаетъ, сколько поражаетъ [1]).

Имѣя въ виду позже вернуться къ послѣднимъ писательскимъ подвигамъ гг. Соловьева и Чичерина для настоящаго разбора, мы пока оставляемъ ихъ и переходимъ къ литературному факту совсѣмъ другого порядка.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ русскіе читатели были пріятно поражены появленіемъ въ свѣтъ русскаго перевода III тома «Капитала». Благодаря этому переводу, и для лицъ, не владѣющихъ нѣмецкимъ языкомъ, явилась возможность познакомиться съ трудомъ, которымъ завершена—правда, вчернѣ—экономическая система К. Маркса.

Какого мнѣнія ни держаться о философскихъ и научныхъ достоинствахъ этой системы, но одно намъ кажется неоспоримымъ: во второй половинѣ нашего столѣтія нѣтъ экономиста, который могъ бы соперничать съ Марксомъ по вліянію на экономическую науку и на общественное мнѣніе. Не даромъ бывшій австрійскій министръ, извѣстный экономистъ Бемъ-Баверкъ, одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ критиковъ Маркса, признаетъ его геніальнымъ мыслителемъ, «оказавшимъ огромное вліяніе на мышленіе и чувства цѣлыхъ поколѣній», и въ этомъ отношеніи сравниваетъ Маркса съ Гегелемъ [2]). Не даромъ клерикальный экономистъ, если не ошибаемся, членъ іезуитскаго ордена Гогофъ (Hohoff), указывая съ прямо поразительнымъ по своей искренности сожалѣніемъ на философскія «заблужденія» Маркса, объ его экономическихъ заслугахъ отзывается такъ: «Марксъ не только «geri-

[1]) Ср. его статью о Грановскомъ въ той же книжкѣ «Вопросовъ философіи и психологіи».

[2]) Zum Abschluss d. Marx'schen Systems въ «Festgaben an Karl Knies». Берлинъ, 1896.

tus in arte sua», человѣкъ, свѣдущій въ своемъ искусствѣ», мастеръ своего дѣла, онъ совершенно безспорно гроссмейстеръ въ экономикѣ, какъ Аристотель въ философіи и Ѳома Аквинатъ въ теологіи; онъ «peritorum in sua arte omnium longe peritissimus» (онъ изъ всѣхъ свѣдущихъ въ его искусствѣ лицъ самый свѣдущій). Къ этому взгляду мы пришли уже болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, при первомъ чтеніи «Капитала», и съ тѣхъ поръ непрерывно продолжавшіяся занятія теологіей, философіей, экономіей, исторіей, римскимъ, германскимъ и каноническимъ правомъ все болѣе и болѣе укрѣпляли насъ въ этомъ убѣжденіи» [1]).

«Марксъ, даже независимо отъ стройности его системы, долженъ быть безъ колебаній признанъ самымъ ученымъ и глубокомысленнымъ экономистомъ современности»,—говоритъ авторъ «Исторіи матеріализма» и «Рабочаго вопроса» Фр. Альб. Ланге [2]).

Число такихъ отзывовъ можно было бы увеличить во много разъ. Но къ чему? Приведенные достаточно иллюстрируютъ высказанную нами мысль.

Правда, вотъ уже второй годъ въ извѣстномъ своей солидностью «Вѣстникѣ Европы» печатаются статьи, thema probandum — предметъ доказыванія—которыхъ сводится къ тому, что Марксъ былъ экономистомъ съ узкимъ кругозоромъ, злобнымъ и недобросовѣстнымъ софистомъ-скептикомъ, что онъ самъ не вѣрилъ въ то, что̀ говорилъ, что труды его не имѣютъ серьезнаго значенія, а его соціальный идеалъ есть вульгарная мѣщанская утопія. Мы не думаемъ, чтобы статьи г. Слонимскаго служили къ украшенію почтеннаго журнала. Мы не увлекаемся девизомъ «умѣренность», который является руководящимъ началомъ публицистической дѣятельности «Вѣстника Европы», но полагаемъ, что даже съ точки зрѣнія этого не слишкомъ возвышеннаго и строгаго начала г. Слонимскій заслуживаетъ порицанія. Онъ невольно напомнилъ намъ замѣчаніе, сдѣланное его сотоварищемъ по журналу, г. Арсеньевымъ, о реакціонномъ беллетристѣ Болеславѣ Маркевичѣ: послѣдній «не щадитъ черныхъ красокъ для представителей антипатичныхъ ему направленій. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ тѣхъ первобытныхъ художниковъ кисти и слова (только безъ ихъ наивности), у которыхъ злодѣй выходитъ непремѣнно рыжимъ уродомъ» (К. К. Арсеньевъ. Критическіе этюды по русской литературѣ, т. II, Спб. 1888, стр. 177).

Между лубочнымъ художникомъ и лубочнымъ критикомъ есть, однако, одно существенное различіе: первый въ извѣстномъ смыслѣ самъ

---

[1]) W. Hohoff. Die wissenschaftliche u. kulturhistorische Bedeutung d. Marx'schen Kritik des Kapitalismus» въ Monatschrift für christliche Sozialreform (Ежемѣсячникъ соціальной реформы въ христіанскомъ духѣ), herausgegeben von Professor D-r J. Scheicher, 1895. H. 6, S. 257.

[2]) Die Arbeiterfrage etc. 5-te Aufl. Winterthur, 1894. S. 248.

*

создаетъ свою лубочную картину, онъ можетъ сказать: своя рука владыка, тогда какъ второй продѣлываетъ свои операціи надъ существующимъ въ дѣйствительности объектомъ, онъ—безсознательно или сознательно—искажаетъ нѣчто *данное*.

Мы не намѣрены здѣсь разбирать тѣ пріемы, при помощи которыхъ г. Слонимскій превращаетъ Маркса въ «рыжаго урода». Пусть г. Слонимскій окончитъ свои длинныя критическія упражненія и пока утѣшается похвалой, полученной имъ въ компаніи съ г. К. Ѳ. Головинымъ отъ г. Владиміра Соловьева. Мы обѣщаемъ, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, со временемъ воздать должное его познаніямъ, глубокомыслію и справедливости.

Теперь же достаточно установить, что европейская экономическая наука—въ лицѣ ея самыхъ различныхъ по направленію представителей—не раздѣляетъ развязности присяжнаго экономиста «Вѣстника Европы».

Да иначе и быть не можетъ. Для всякаго свѣдущаго, добросовѣстнаго и вдумчиваго изслѣдователя теперь должно все яснѣе и яснѣе обрисовываться историческое мѣсто, занимаемое Марксомъ въ развитіи европейской мысли. Даже если не вскрывать сложной и глубокой связи между общественными идеями и тѣми реальными отношеніями, на почвѣ которыхъ онѣ вырастаютъ, даже если имѣть дѣло лишь съ идеологіею эпохи, то не трудно вполнѣ отчетливо увидѣть, какія великія умственныя теченія сливаются въ одинъ мощный потокъ въ духовномъ творчествѣ автора «Капитала». Во-первыхъ, идеалистическая нѣмецкая философія плюсъ ея позитивистическое отрицаніе въ лицѣ Фейербаха, во-вторыхъ, французскій соціализмъ и, въ-третьихъ, англійская политическая экономія. На средняго человѣка — хотя бы на г. Слонимскаго—съ избыткомъ хватило бы основательнаго изученія чего-нибудь одного, и то, навѣрное, ничего крупнаго и своеобразнаго не вышло бы. А тутъ получилось, какъ синтезъ, нѣчто очень крупное и вполнѣ новое.

Одна черта въ этомъ *новомъ* до послѣдняго времени упорно не давалась русскимъ, знакомившимся съ произведеніями Маркса и даже изучавшимъ ихъ. Черта эта, говоря кратко,—отрицаніе утопизма, строгій до неумолимости реализмъ въ общественной наукѣ и основанной на ней практической дѣятельности.

Утопизмъ—слово производное отъ «утопіи». А утопіей, по примѣру Томаса Мора, зовутъ картину идеальнаго общественнаго строя, въ которой авторъ не стѣснялся, т.-е. сознательно не считался съ тѣмъ, что существуетъ, которую онъ рисовалъ независимо отъ дѣйствительности и наперекоръ ей. Но слова «утопія» и «утопизмъ» со времени Маркса пріобрѣли новый смыслъ, въ одно и то же время и шире и глубже прежняго. Въ этомъ смыслѣ утопіей называется такое построеніе общественнаго идеала и всей системы средствъ, направленныхъ на его осуществленіе, въ которомъ главную роль играютъ не реальныя общественныя силы,

общественные классы и классовые интересы, а субъективныя пожеланія и умствованія автора построенія. Съ этой точки зрѣнія можно идти дальше и называть утопическими цѣли и идеалы, за которыми, хотя и стоятъ извѣстныя общественныя силы, но такія, которыя обречены по ходу общественнаго развитія, т.-е. развитія производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній, слабѣть и чахнуть. Наконецъ, утопично ожидать и требовать осуществленія извѣстныхъ задачъ и цѣлей отъ хотя бы и очень реальныхъ, весьма внушительныхъ растущихъ общественныхъ силъ, разъ данныя задачи противорѣчатъ интересамъ, т.-е., другими словами, общественной природѣ этихъ силъ. Типичный примѣръ такого утопизма представляютъ приставанія Фурье съ фаланстерами къ Луи-Филиппу. Къ нему, т.-е., точнѣе, къ его правительству, издавшему лозунгъ: enrichessez vous, конечно, можно было съ большимъ расчетомъ на успѣхъ обратиться съ ходатайствомъ о повышеніи покровительственной пошлины, о какихъ-нибудь концессіяхъ и т. п. Но отъ фаланстера никакой здравомыслящій и практичный политикъ ни на какое «обогащеніе» въ серьезъ разсчитывать не могъ.

Такое представленіе объ утопіи и утопическомъ съ отдаленныхъ идеаловъ и конечныхъ цѣлей можетъ быть переносимо и на болѣе близкія и непосредственно осуществимыя задачи.

Утопія въ смыслѣ построенія идеальной картины будущаго строя и утопія въ томъ смыслѣ, о которомъ мы только что говорили, существенно отличаются одна отъ другой по своему практическому смыслу, при чемъ преимущество на нашъ взглядъ оказывается безусловно на сторонѣ первой. Мы позволимъ себѣ прибѣгнуть для освѣщенія этой мысли къ слѣдующему сравненію нѣсколько тривіальнаго свойства. Извѣстно, что есть много обывателей и, быть можетъ, еще больше обывательницъ, любящихъ помечтать о томъ, какъ они устроятъ свою жизнь, выигравъ 200 тыс. или получивъ изрядное наслѣдство. Такія мечты совершенно безопасны и даже, можно сказать, составляютъ пріятное развлеченіе въ монотонной и сѣрой обывательской жизни. Утопія перваго рода нѣчто въ родѣ этихъ предположеній о новой жизни послѣ выигрыша 200 тыс. и вообще послѣ нѣкотораго экстраординарнаго или чудеснаго событія съ обывателемъ. Но представьте себѣ, что найдутся люди, которые въ основу своихъ ежедневныхъ обывательскихъ дѣлъ будутъ класть расчеты на фантастическіе даже не 200 тысячъ, а болѣе скромныя суммы или вообще будутъ разсчитывать на презенты, утѣшенія и вспоможенія, которыхъ въ дѣйствительности не только можетъ не оказаться, но и, навѣрное, не окажется. Вѣдь этакимъ манеромъ обывательскія дѣла можно въ концъ разстроить, а огорченій и разочарованій просто не оберешься. И дѣйствительно, утопизмъ второго рода неизбѣжно связанъ съ путаницей во всѣхъ расчетахъ, съ непрестанными разочарованіями и способенъ создавать

почву для самаго губительнаго пессимизма, изъ котораго подчасъ возможны только два выхода, одинъ хуже другого: непротивленіе злу или служеніе ему.

Объ утопіи перваго рода Щедринъ писалъ: «Литература провидитъ законы будущаго, воспроизводитъ образъ будущаго человѣка. Утопизмъ не пугаетъ ея, потому что онъ можетъ запугать и поставить въ тупикъ только улицу». *Такая* утопія тожественна съ общественнымъ идеаломъ.

Но идеалъ для того, чтобы подчинить себѣ дѣятельность, долженъ доказать свою осуществимость; онъ долженъ быть реалистически обоснованъ. А реалистическое, научное обоснованіе не мирится съ утопизмомъ второго рода.

Объ этомъ утопизмѣ Щедринъ не высказывался просто потому, что такое понятіе утопизма, какъ теоретическое понятіе, было ему неизвѣстно. И онъ не зналъ его по очень простой причинѣ: онъ самъ, какъ публицистъ, былъ не чуждъ соціологическаго утопизма. Раскрытіе утопическихъ элементовъ въ соціальной философіи великаго сатирика не входитъ теперь въ нашу задачу. Это большая тема, на которой мы со временемъ надѣемся подробно остановиться. Скажемъ только, что художникъ Щедринъ даетъ въ изобиліи оружіе, которымъ можно побить Щедрина-утописта. Но, конечно, въ грубыхъ формахъ соціологическаго утопизма онъ никогда не былъ повиненъ. Такъ, лучше всякаго другого онъ понималъ, что организація труда, предпринятая Угрюмъ-Бурчеевымъ, ни къ чему, кромѣ членовредительства, привести не можетъ, и что на откровеніи Ѳеденьки Козелкова («почти уже администратора»): «Вѣдь, по правдѣ-то сказать, мы всѣ немножко того... Вѣдь это, такъ сказать, наша національная подоплека. Le socialisme, la commune—c'est tout un! Разумѣется, съ разныхъ точекъ»—что на этомъ откровеніи никакого, даже самаго скромнаго плана общественныхъ реформъ нельзя построить.

Но наши утописты par profession нерѣдко обнаруживали поистинѣ дѣтскую вѣру и въ «національную подоплеку», и въ помпадурскіе методы справедливаго распредѣленія. Такъ, г. Южаковъ въ 1885 г. напечаталъ на страницахъ «Русской Мысли» трактатъ [1]), въ которомъ встрѣчается настоящее соціологическое изслѣдованіе той «національной подоплеки», на которую намекалъ Ѳеденька Козелковъ, а недавно («Русское Бог.» 1895, № 5) опубликовалъ «Просвѣтительную утопію», въ которой много чисто помпадурскаго фантазерства. Мы рекомендуемъ и названный трактатъ, и новѣйшую утопію почтеннаго журналиста вниманію читателей, а теперь остановимся на болѣе свѣжемъ (по времени) произведеніи того же автора.

«Народное хозяйство,—читаемъ мы въ «Дневникѣ журналиста» («Русское Бо-

[1]) Вопросы гегемоніи въ концѣ XIX в.

гатство» 1896 г., № 12),—приходитъ постепенно въ упадокъ, капиталистическій процессъ, вторгшись въ русскую экономическую жизнь, накладываетъ свою тяжелую руку и на деревню; передъ этимъ властнымъ наступленіемъ мало-по-малу отступаютъ прежнія формы экономическаго быта; община, большая семья, артель, кустарные и домашніе промыслы, натуральное хозяйство, все медленно готовится къ вымиранію, и все рано или поздно обречено на вымираніе, *если мы не сумѣемъ найти въ своей умственной и нравственной культурѣ, въ своихъ организованныхъ общественныхъ силахъ, въ своихъ руководящихъ классахъ достаточно разума и совѣсти, знанія и патріотизма, чтобы спасти наше отечество и нашъ народъ отъ горестныхъ путей западно-европейскаго экономическаго развитія.* Только въ строкахъ, отмѣченныхъ курсивомъ, гг. Струве, Гурвичъ, Санинъ и другіе ихъ единомышленники, могутъ быть несогласны и съ тѣмъ, учениками кого они себя величаютъ. Ибо въ его извѣстномъ, вышеупомянутомъ письмѣ въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» онъ высказывается именно въ смыслѣ идей, высказанныхъ въ вышеотмѣченныхъ курсивомъ строкахъ» (стр. 106—107).

Впервые изъ изложенія идей «учителя» г. Южаковымъ мы узнали, что этотъ писатель въ общественной эволюціи удѣлялъ такую огромную роль «разуму и совѣсти, знанію и патріотизму руководящихъ классовъ», Смѣю завѣрить г. Южакова и моихъ читателей, что я и раньше былъ нѣсколько знакомъ съ Марксомъ. Но авторитетный тонъ г. Южакова обезкуражилъ меня, и я обратился вновь къ подлиннымъ сочиненіямъ автора «Капитала» и къ немаленькой литературѣ, иностранной и русской, о немъ. Нигдѣ однако, даже въ недавно найденныхъ неизвѣстныхъ статьяхъ Маркса я не могъ отыскать подтвержденія словамъ г. Южакова. Большинство изъ критиковъ автора «Капитала» такъ или иначе ставитъ ему въ укоръ, что онъ той роли, о которой говоритъ г. Южаковъ, руководящимъ классамъ никогда не приписывалъ и даже положительно ее отрицалъ. Быть можетъ, это дурно, но это такъ. Для объясненія удивительнаго превращенія Маркса подъ перомъ г. Южакова остается предположить, что рядомъ съ экзотерическимъ, всѣмъ извѣстнымъ ученіемъ Маркса у него было ученіе эзотерическое, изложенное въ письмахъ и документахъ, извѣстныхъ до сихъ поръ одному г. Южакову. Но, конечно, читатель, г. Южаковъ просто увлекся и по реакціи противъ г. Слонимскаго изобразилъ автора «Капитала» не «рыжимъ уродомъ», а наоборотъ свѣтлорусымъ красавцемъ съ ангельски-кроткимъ выраженіемъ лица. Это дѣлаетъ честь доброму сердцу почтеннаго соціолога; но, право, пусть ужъ лучше историческія фигуры являются передъ глазами потомства съ своими настоящими физіономіями, хотя бы и не для всѣхъ пріятными. Впрочемъ, если бы даже Марксъ—чего никогда не было—когда-нибудь и написалъ нѣчто подобное «строкамъ» г. Южакова, то это значило бы только, что Марксъ однажды высказалъ взглядъ, съ которымъ абсолютно не мирится все, весьма стройное и законченное соціологическое міровоззрѣніе этого писателя. Тогда «ученикамъ» пришлось бы положить на вѣсы это міровоззрѣніе и противорѣчащее ему заявленіе. Но въ такой операціи взвѣшиванія гг. ученикамъ нѣтъ никакой

надобности. Ибо, сказать по правдѣ, ссылка г. Южакова на такъ называемое «письмо» представляетъ сплошное недоразумѣніе. Въ немъ, конечно, отчасти повиненъ самъ авторъ «Капитала», вложившій въ свое, написанное въ концѣ 70-хъ гг. «письмо», весьма изрядную дозу добродушной и благожелательной дипломатіи и таковой же ироніи. Фразу: «Если Россія будетъ продолжать идти путемъ, избраннымъ ею послѣ 1861 года, она потеряетъ одинъ изъ самыхъ удобныхъ случаевъ, который когда-либо историческій ходъ давалъ народу для минованія всѣхъ перипетій капиталистическаго развитія», нельзя не признать въ устахъ автора «Капитала» нѣсколько странной, и я прямо склоненъ видѣть въ ней настоящую иронію съ его стороны, ибо, насколько мнѣ извѣстно, этотъ писатель вообще избѣгалъ на мѣсто системы общественныхъ силъ подставлять географическіе или этнографическіе термины, сами нуждающіеся въ ближайшемъ соціологическомъ опредѣленіи.

Когда «Новое Время» говоритъ, напр., что «Россія будетъ охранять цѣлость Оттоманскій имперіи» или что-нибудь подобное, то оно, конечно, подъ Россіей разумѣетъ правительство. Но авторъ «Капитала» врядъ ли въ цитированной фразѣ могъ имѣть въ виду правительство, ибо онъ, насколько изъ всѣхъ доступныхъ источниковъ мнѣ извѣстно, никогда не придерживался взгляда, приписывающаго современному государству и его мѣропріятіямъ экономическое всемогущество. Этого взгляда, впрочемъ, не раздѣляютъ ни огромное большинство экономистовъ, ни практическіе и въ частности правительственные дѣятели культурныхъ странъ. Кромѣ того, мнѣ ничего неизвѣстно о томъ, чтобы наше правительство когда-либо на практикѣ подавало поводъ думать, что оно раздѣляетъ народническое отвращеніе къ капитализму. Вся правительственная политика съ Петра Великаго и по наше время свидѣтельствуетъ объ обратномъ, а за самое послѣднее время мы читали даже авторитетныя заявленія министра финансовъ о томъ, что капиталистическое развитіе есть единственный нормальный путь хозяйственнаго прогресса страны. «Можно, конечно, относиться критически къ порядку хозяйственнаго развитія культурныхъ странъ, однако до сего времени еще не указано практическихъ способовъ разрѣшенія задачи равномѣрнаго хозяйственнаго развитія всѣхъ классовъ населенія». (Слова «всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1897 годъ»).

Слово «народъ» въ устахъ нашего автора звучитъ тоже непонятно и загадочно. Во-первыхъ, онъ не былъ «народникомъ», а во-вторыхъ, очень осторожно обращался съ широкимъ по смыслу и доступнымъ самымъ различнымъ толкованіямъ обозначеніемъ «народъ», въ противоположность жонглерамъ мысли и печати, которые при помощи этого слова выдѣлываютъ самые удивительные фокусы. Послѣдняго замѣчанія, читатель, прошу не относить къ г. Южакову.

Не ясно ли, что приведенная фраза изъ «письма» имѣетъ ироническій смыслъ?

Но даже если и брать ее въ серьезъ, то все-таки она утратила въ настоящее время все свое утѣшительное для народниковъ значеніе. Ибо въ томъ же «письмѣ» находится слѣдующій условный періодъ: «Если Россія стремится стать націей капиталистической, по образцу западно-европейскихъ націй, а въ теченіе послѣднихъ лѣтъ она надѣлала себѣ въ этомъ смыслѣ много вреда—она не достигнетъ этого, не преобразовавъ доброй доли своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ; а послѣ этого, приведенная на лоно капиталистическаго строя, она подпадетъ подъ власть безжалостныхъ законовъ, какъ и всякая другая, не посвященная (profane) нація». («Юридическій Вѣстникъ» 1888, № 10, стр. 272—273). Г. Южаковъ самъ согласенъ, что условіе этого періода уже выполнено, а потому онъ самымъ ходомъ вещей превращается изъ условнаго въ винословный: не «если», а «такъ какъ Россія стремится» и т. д., то она уже подпала подъ власть «безжалостныхъ законовъ».

Въ журналѣ, въ которомъ пишетъ г. Южаковъ, неоднократно порицались «ученики» за ихъ яко бы чрезмѣрное пристрастіе къ идеямъ и словамъ учителя. Я не знаю, правильны ли были эти упреки или нѣтъ, но въ извѣстномъ смыслѣ г. Южаковъ оказывается еще болѣе ярымъ «ученикомъ»: онъ даже свои собственныя мысли считаетъ нужнымъ освятить именемъ «учителя», точь-въ-точь какъ прежде на русскихъ ножевыхъ издѣліяхъ ставилось непремѣнно шеффильдское клеймо. Неужели и столь авторитетный писатель, какъ авторъ «Соціологическихъ этюдовъ», нуждается въ чужомъ клеймѣ для сбыта своихъ издѣлій, то бишь, для распространенія своихъ идей? Вовсе не пристало такому писателю проникать въ безславный литературный цехъ «учениковъ», слывущихъ литературными баши-бузуками или курдами.

Last not least—авторъ «Капитала» вовсе не раздѣлялъ слезливаго отношенія гг. Южакова и пр. къ капитализму. Не идеализируя, а, наоборотъ, сурово обличая послѣдній, онъ никогда однако не проливалъ слезъ надъ «горестными путями» экономическаго развитія. Въ 40-хъ гг., когда его отечество было въ экономическомъ и культурномъ отношеніяхъ отсталой страной, нуждавшейся въ развитіи производительныхъ силъ, и нашему автору, какъ выразителю интересовъ опредѣленной общественной группы, необходимо было высказаться по вопросу о свободѣ торговли и протекціонизмѣ *въ Германіи*, онъ безъ колебаній подалъ свой голосъ за *протекціонизмъ*—какъ рычагъ развитія капитализма и буржуазіи [1]). Онъ высмѣивалъ Грюна, который нападалъ

[1]) «Dem Proletarier, dem besitzlosen Könnte es (also) dem Anscheine nach sehr gleichgültig sein, ob die Schutz-oder Freihandelsmänner das entscheidende Wort führen. Da aber, wie oben gesagt, die Bourgeoisie in Deutschland des Schutzes gegen das Ausland bedarf um mit den mittelalterlichen Ueberresten einer Feudalaristo-

на «таможенный союзъ» за то, что его охранительныя пошлины насчетъ «нагихъ» и «зябнущихъ» удорожаютъ одежду къ выгодѣ либеральныхъ плутократовъ. «Нагіе и зябнущіе», писалъ Марксъ, «какъ извѣстно, всюду выдвигаются въ Германіи мелкими буржуа (Spiessbürger) въ тѣхъ случаяхъ, когда эти послѣдніе борются противъ какой-либо прогрессивной буржуазной мѣры» [1]). Я чувствую, что безповоротно компрометирую знаменитаго экономиста въ глазахъ многочисленныхъ добрыхъ душъ народничества. Стало быть, и онъ самъ «прислуживался» къ капитализму и буржуазіи. Но я скажу еще больше: ему самому и его нѣмецкимъ «ученикамъ» въ то время приходилось уже считаться съ этими упреками въ «буржуазности». Одинъ изъ нихъ, разбирая вопросъ объ охранительныхъ пошлинахъ, такъ и писалъ: «Промышленность есть единственный дѣйствительный рычагъ прогресса... Поэтому мы не выступаемъ противъ «благодѣяній» промышленности и не боимся упрека въ томъ, что мы «буржуа» [2]). Не правда ли, читатель, какая выразительная цитата, а ей ровно 50 лѣтъ?

Утопія г. Южакова, на которой стоитъ клеймо Маркса, преподносится въ столь обнаженномъ видѣ, что вскрывать ея утопическій характеръ, конечно, не приходится. Здѣсь передъ нами маниловщина en toutes lettres; признаюсь, она меня прямо трогаетъ своей святою простотою. Вотъ ужъ поистинѣ:

Das Unzulängliche hier wird's Ereigniss,
Das Unbeschreibliche hier est es gethan.

Но та же утопія и та же маниловщина могутъ надѣть на себя тяжелое облаченіе научности и заговорить абстрактнымъ языкомъ Утопистъ такого типа не выпалитъ вамъ прямо своей сокровенной мысли, онъ возведетъ сперва цѣлую фортецію силлогизмовъ и методически и «научно» будетъ пробивать брешь, черезъ которую вы попадете въ утопію, сами того не замѣтивши. Утопическаго вывода вамъ иногда вовсе не скажутъ, но вы будете чувствовать себя въ его «пріятной» близости, куда вы—и какъ это важно и лестно для профана!—попали «научнымъ» путемъ.

---

cratie... aufzuräumen und ihr eigenstes innerstes Wesen rein und lauter zur Entfaltung zu bringen—so hat auch die arbeitende Klasse ein Interesse an Dem, was die Bourgeoisie zur ungeschmälerten Herrschaft verhilft». (Передовая статья «Schutzzoll- oder Freihandelssystem?» въ «Deutsche Brüsseler Zeitung» за 1847 г., № 47). Для экономически развитыхъ странъ Марксъ, какъ извѣстно изъ его «рѣчи о свободной торговлѣ», высказался за послѣднюю.

[1]) Тамъ же ст. «Deutscher Sozialismus in Versen und Prosa II. Karl Grün: Ueber Goethe vom menschlichen Standpuncte (№№ 93—98).

[2]) Die Industrie... ist der einzige wirkliche Hebel alles Fortschrittes, das einzige Mittel die Massen zu bewegen... Aus diesen Gründen sind wir nicht gegen die «Segnungen» der Industrie und fürchten den Vorwurf nicht, dass wir «*Bourgeois*» seien. (F. Schnake, статья «Industrie und Schutzzölle» въ «Westphälisches Dampfboot» за 1847, стр. 68).

Эти мысли невольно пришли намъ въ голову, когда мы прочли замѣтку г. Николая —она въ январскомъ № «Русскаго Богатства» за текущій годъ: «Нѣсколько словъ объ основныхъ положеніяхъ теоріи К. Маркса» (по поводу третьяго тома «Капитала»).

Въ этой замѣткѣ, между прочимъ, изображено слѣдующее:

«Когда въ основаніи всего общественнаго зданія авторъ «Капитала» ставитъ условія хозяйственной дѣятельности, опредѣляющія политическія, юридическія и др. отношенія главнѣйшихъ агентовъ производства, не трудно видѣть, что вліяніе этого основного фактора должно претерпѣть извѣстныя органическія видоизмѣненія, вслѣдствіе все большаго и большаго дальнѣйшаго осложненія общественныхъ явленій, взятыхъ во всемъ ихъ цѣломъ, новыми факторами.

«Этотъ выводъ, вытекающій изъ изученія всего труда Маркса, указанія на который можно, впрочемъ, найти въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій, устраняетъ упреки, которые дѣлаются ему съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія.

«Во-первыхъ, Маркса упрекаютъ въ томъ, что при рѣшеніи вопросовъ, подлежавшихъ изслѣдованію въ третьемъ томѣ, онъ отклонился отъ основного закона, опредѣляющаго величину стоимости товара, изслѣдованнаго въ первомъ томѣ. Стало быть, его упрекаютъ въ томъ, что въ объясненіи конкретныхъ хозяйственныхъ явленій, къ изученію которыхъ онъ переходитъ въ третьемъ томѣ, онъ не поставилъ одну причину.

«Во-вторыхъ, при критикѣ историко-философскаго міросозерцанія Маркса, его упрекаютъ въ томъ, что, для объясненія комплекса общественныхъ явленій, въ основу ихъ онъ поставилъ только одни явленія хозяйственнаго порядка.

«Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что первый упрекъ основанъ на недостаточно ясномъ представленіи характера истинно научныхъ изслѣдованій, и что самый способъ изслѣдованія, переходъ отъ общихъ законовъ, лежащихъ въ основаніи явленій опредѣленнаго порядка, въ данномъ случаѣ явленій хозяйственныхъ, къ тѣмъ, которые видоизмѣняютъ чистое проявленіе ихъ, есть несомнѣнная научная заслуга Маркса...

«Этимъ самымъ рушится и второй, противуположный упрекъ, такъ какъ авторъ своимъ трудомъ, положивъ основаніе научной соціологіи, не подвергалъ систематическому изслѣдованію тѣхъ видоизмѣненій, которыми факторы высшаго общественнаго порядка, политическіе, правовые, нравственные и пр., и пр., воздѣйствуютъ на проявленіе факторовъ общественно-хозяйственныхъ, съ такою глубиною изслѣдованныхъ имъ въ чистомъ видѣ въ его классическомъ трудѣ.

«Изъ всего этого и выходитъ, что методъ, которому слѣдовалъ Марксъ, сохраняетъ чисто научный характеръ при анализѣ вопросовъ, подлежавшихъ изслѣдованію въ третьемъ томѣ «Капитала»; и что если, съ одной стороны, не имѣютъ основанія упреки, о которыхъ только что шла рѣчь, то и, съ другой стороны, при рѣшеніи чисто практическихъ вопросовъ, которые постоянно ставятся дѣйствительной жизнью, нельзя придерживаться шаблонныхъ рѣшеній, годныхъ для всѣхъ народовъ, безъ детальнаго анализа цѣлаго ряда воздѣйствующихъ на нихъ факторовъ, какъ болѣе общаго, такъ и подчиненнаго имъ порядка и ихъ взаимной зависимости.

«Притомъ самъ Марксъ постоянно настаиваетъ на томъ, что экономическіе законы нельзя отожествлять съ законами природы, такъ какъ ими выражается сосуществованіе и послѣдовательность явленій лишь даннаго хозяйственнаго строя, который самъ подвергается измѣненіямъ. Точно также нельзя отожествлять съ законами природы законы хозяйственно-историческаго развитія. Формы проявленія ихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и различныя фазы такого развитія вполнѣ зависятъ отъ безконечнаго ряда условій, при которыхъ совершаются хозяйственныя

явленія у даннаго народа въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Словомъ, законы эти имѣютъ силу лишь при наличности цѣлаго ряда условій и въ предѣлахъ этихъ условій.

«Предполагать, что каждый народъ долженъ неизбѣжно пережить всѣ тѣ формы хозяйственнаго развитія, которыя пережиты экономически болѣе развитымъ народомъ, значило бы, съ одной стороны, придавать законамъ историческаго развитія значеніе законовъ природы, а съ другой—не принимать въ соображеніе воздѣйствія факторовъ еще болѣе общаго порядка, чѣмъ хозяйственные—поддержаніе существованія, поддержаніе вида—во-первыхъ, во-вторыхъ—факторовъ высшаго порядка, основывающихся на хозяйственныхъ: политическихъ, правовыхъ, нравственныхъ и пр. и пр., и, наконецъ, въ-третьихъ, ту историко-хозяйственную обстановку, среди которой приходится жить данному народу» (стр. 26—28).

Разсужденія о теоріи трудовой цѣнности насъ здѣсь не занимаютъ, а потому мы обратимся къ соціологической части приведеннаго отрывка.

Эта послѣдняя, не смотря на чрезвычайно абстрактную форму и научную видимость, не отличается ни ясностью мысли, ни точностью изложенія. И всего менѣе она передаетъ точку зрѣнія того, отъ имени котораго говоритъ г. Ник. —онъ. Никому, кажется, до сихъ поръ не приходило въ голову отрицать, что авторъ, о которомъ идетъ рѣчь, «для объясненія комплекса (?) общественныхъ явленій въ основу ихъ поставилъ только одни явленія хозяйственнаго порядка». Непозволительная въ стилистическомъ отношеніи фраза г. Ник. —она, въ противность его собственному мнѣнію, совершенно вѣрно передаетъ соціологическое ученіе, разбираемое авторомъ. Быть можетъ, это ученіе «односторонне» и «несостоятельно», но съ его точки зрѣнія общественное развитіе опредѣляется *въ конечномъ счетѣ* факторомъ экономическимъ. Въ каждый данный моментъ вся совокупность общественныхъ явленій слагается изъ факторовъ экономическихъ и изъ «факторовъ высшаго общественнаго порядка, политическихъ, правовыхъ, нравственныхъ и пр., и пр.» и сводится къ ихъ взаимодѣйствію, но съ точки зрѣнія развитія основнымъ, т.-е. въ конечномъ счетѣ единымъ опредѣляющимъ факторомъ, по Марксу, являются производительныя силы и производственныя отношенія общества. Указанное взаимодѣйствіе нельзя упускать изъ виду при изслѣдованіи и оцѣнкѣ отдѣльнаго историческаго періода, и эту мысль очень хорошо развиваетъ Энгельсъ въ напечатанномъ послѣ его смерти частномъ письмѣ къ Конраду Шмидту [1]). Но указанное взаимодѣйствіе нисколько не устраняетъ, съ точки зрѣнія Маркса, «конечнаго верховенства экономическаго развитія» (какъ выражается Энгельсъ въ упомянутомъ письмѣ—«schliessliche Suprematie der ökonomischen Entwicklung»). Наиболѣе ясная и законченная формулировка экономическаго пониманія исторіи дана была Марксомъ *въ эпоху его полной научной зрѣлости* въ предисловіи въ «Zur Kritik». Хотя книга эта недавно выдержала два изданія въ русскомъ переводѣ и навѣрное находится въ рукахъ у многихъ моихъ чи-

[1]) G. Beilage zu № 250 der Leipziger Volkszeitung, d. 26 Oktober 1895. Русскій переводъ его недавно былъ напечатанъ въ журналѣ «Міръ Божій».

тателей, я все-таки считаю нужнымъ привести изъ нея выписку, чтобы такимъ способомъ поставить г. Ник. —она на очную ставку съ авторомъ «Капитала».

«Въ общественномъ производствѣ, служащемъ для поддержанія жизни, люди вступаютъ въ опредѣленныя, необходимыя, независящія отъ ихъ воли отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія матерьяльныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ производственныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, надъ которымъ возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія. Способомъ производства матерьяльной жизни обусловливается соціальный, политическій и духовный процессъ жизни. Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, а, наоборотъ, ихъ общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе. На извѣстной ступени своего развитія матерьяльныя производительныя силы общества приходятъ въ столкновеніе съ существующими производственными отношеніями... Никакая общественная формація не погибнетъ, не развивъ всѣхъ производительныхъ силъ, для которыхъ она даетъ достаточный просторъ; новыя производственныя отношенія никогда не возникаютъ прежде, чѣмъ въ нѣдрахъ стараго общества не будутъ подготовлены матерьяльныя условія ихъ существованія». (Мы заимствуемъ переводъ этихъ мѣстъ не изъ русскаго изданія «Критики», гдѣ онъ неудовлетворителенъ, а изъ статьи о Марксѣ въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Арсеньева и Петрушевскаго).

Далѣе, то противоположеніе экономическихъ законовъ законамъ природы, которое мы находимъ у г. —она, совершенно чуждо Марксу. Конечно, онъ смѣялся надъ «вѣчными» и «естественными» законами буржуазной политической экономіи, конечно, онъ подчеркивалъ историческій характеръ экономическихъ явленій и выражающихъ эти явленія «категорій», но онъ никогда не изымалъ экономическихъ фактовъ и законовъ изъ общей закономѣрности всего эмпирически-реальнаго міра. Противоположеніе, которое дѣлаетъ г. —онъ, опирается на несостоятельное и отжившее представленіе о законахъ природы: они *также* не вѣчны, они также дѣйствуютъ лишь въ данномъ, исторически-опредѣленномъ, комплексѣ явленій. Законы природы *также* «имѣютъ силу лишь при наличности цѣлаго ряда условій и въ предѣлахъ этихъ условій». Или, быть можетъ, г. —онъ держится другого мнѣнія? Какъ законы всякаго исторически даннаго порядка явленій природы (и въ томъ числѣ всего «человѣческаго»), такъ и строгая причинность въ послѣдовательномъ историческомъ ходѣ этихъ явленій объемлется однимъ общимъ понятіемъ закономѣрности.

И, конечно, авторъ «Капитала» съ его острымъ философскимъ умомъ и богатымъ философскимъ образованіемъ прекрасно понималъ это. Въ идеалистической нѣмецкой философіи, ученикомъ которой былъ Марксъ, признаніе единой закономѣрности было прочной философской традиціей, заложенной съ одной стороны Кантовской теоріей опыта, съ другой—спинозизмомъ. И Марксъ не только не противопоставлялъ «законы природы» «законамъ экономическимъ» и «законамъ хозяйственно-историческаго развитія», а наоборотъ, вопреки утвержденіямъ г. —она, подчеркивалъ *тожество* этихъ законовъ.

Въ предисловіи къ 1-ому изданію своего крупнѣйшаго труда онъ говоритъ, что его книга занимается «*естественными* законами капиталистическаго производства», которые «дѣйствуютъ... съ желѣзной необходимостью» [1]). Тамъ же, говоря объ экономическомъ развитіи Англіи, онъ замѣчаетъ: «И въ томъ случаѣ, если общество откроетъ *естественный* законъ своего движенія..., оно не можетъ ни перепрыгнуть черезъ *естественные* фазисы развитія, ни устранить ихъ декретомъ» [1]). «Естественный законъ движенія общества», «естественные фазисы развитія»— какъ это не похоже на передачу г. —она!

Какая разница между яснымъ, опредѣленнымъ до рѣзкости языкомъ Маркса и оговорками и отвлеченностями г. Ник. —она! Откуда эта разница?

На это мы не затруднимся отвѣтить.

Авторъ «Капитала» боролся за реализмъ и противъ утопизма; вскрывая дѣйствіе реальныхъ общественныхъ силъ, онъ и самъ нуждался въ ясной и рѣзкой постановкѣ вопроса и былъ прямо обязанъ представить своей аудиторіи такую постановку. Г. Ник. —онъ, нашъ единственный «истинный марксистъ», защищаетъ безнадежную утопію, которая тотчасъ же испаряется, какъ ясная и рѣзкая постановка вопроса врывается въ туманъ его оговорокъ и отвлеченностей. Экономическое развитіе отнимаетъ почву у его утопіи. Не бѣда, ученый авторъ покажетъ вамъ въ нѣкоторомъ отдаленіи «факторы высшаго общественнаго порядка», «которые воздѣйствуютъ на проявленіе факторовъ общественно-хозяйственныхъ», и вы «научнымъ» путемъ попадете все-таки въ утопію, скучную и безплодную именно своей научностью. Въ подкрѣпленіе «факторамъ высшаго порядка» посылаются «факторы еще болѣе общаго порядка». Они играютъ роль грозныхъ указующихъ перстовъ, которые, съ одной стороны, предназначены пугать, съ другой—вселять вѣру въ утопію. А тутъ еще «законы хозяйственно-историческаго развитія не тожественны съ законами природы» и «имѣютъ силу лишь при наличности цѣлаго ряда условій». Въ «цѣлый рядъ условій» не трудно—необходимо лишь подходящее научное облаченіе и какъ можно болѣе абстрактный способъ выраженія—ввести какое-нибудь чудо, и дѣло готово: вы въ плѣну у утопіи.

Для того, чтобы читатель вполнѣ понялъ меня, онъ долженъ обратиться, во-первыхъ, къ «Очеркамъ нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства» и, во-вторыхъ, къ статьѣ «Что же значитъ экономическая необходимости?» [2]). А я охотно сыграю роль чичероне.

Снова приходится дѣлать длинную выписку.

«Задача заключается въ томъ, чтобы общество изъ пассивнаго зрителя проявленія даннаго закона, тормозящаго развитіе его производительныхъ силъ, при

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) «Русское Богатство», 1895 г. № 3.

помощи наличныхъ матерьяльно-хозяйственныхъ условій отыскало бы средство подчинить этотъ законъ своей власти, обставивъ проявленія его такими условіями, которыя бы не только не тормозили, но способствовали бы развитію производительныхъ силъ труда всего общества, взятаго въ цѣломъ. А это возможно только послѣ детальнаго изученія связи общественно-хозяйственныхъ явленій.

«Въ этомъ смыслѣ, конечно, надо понимать тѣхъ, кто, указывая на упомянутое явленіе, говоритъ, что общественно-хозяйственныя условія должны быть направлены къ тому, чтобы законъ общественнаго раздѣленія труда не парализовалъ при своемъ проявленіи общественныя прозводительныя силы.

«Это совершенно равносильно тому, когда общество, видя разрушительное вліяніе обезлѣсенія, образованія сыпучихъ песковъ, овраговъ и пр. и пр., не можетъ оставаться равнодушнымъ и относиться «объективно» къ разрушающему проявленію стихійныхъ силъ, дѣйствующихъ также по опредѣленнымъ законамъ, а стремится урегулировать проявленіе ихъ настолько, чтобы они не оказывали разрушительнаго вліянія». (Указ. статья, стр. 51—52).

Нечего и говорить, что въ подобныхъ разсужденіяхъ Марксъ совершенно неповиненъ. Онъ никогда не останавливался передъ абстракціей «общество», или ничего не говорящей или же таящей въ себѣ совершенно утопическое пониманіе общественнаго развитія. Онъ смотрѣлъ на современное общество, какъ на систему реальныхъ и антагонистическихъ силъ, и внимательно изучалъ ихъ соотношеніе. Утопія г. —она кончается какъ разъ тамъ, гдѣ или, вѣрнѣе, съ чего начинаются анализъ и реалистическое построеніе автора «Капитала». Но выраженныя въ цитированномъ отрывкѣ воззрѣнія представляютъ изъ себя нѣчто, совершенно несогласимое не только съ соціологическимъ ученіемъ автора «Капитала», но и со всѣмъ вообще историческимъ міровоззрѣніемъ XIX вѣка. Они огромный шагъ назадъ по сравненію и съ консервативно-реакціонной исторической школой въ правѣ, и съ официальной исторической школой въ политической экономіи (Рошера и Книса). Они возвращаютъ насъ—фразеологія лишь иная—къ раціоналистически-утопическому міровоззрѣнію просвѣтителей XVIII в., которое одинаково лежало въ основѣ и революціонной идеологіи и теоріи просвѣщеннаго абсолютизма. Гельвецій говорилъ: l'education peut tout и предлагалъ bon plan de legislation; г. Николай —онъ говоритъ почти то же самое, примѣрно: la science peut tout и «предлагаетъ» (o sancta simplicitas!) «обмірщеніе» труда; первый строитъ свои расчеты на принятіи его принциповъ «par un prince eclairé et bienfaisant», второй апеллируетъ къ обществу, тоже, конечно, «eclairée et bienfaisante». Откровенно говоря, я думаю, что Гельвецій былъ бо̀льшимъ реалистомъ или, точнѣе, меньшимъ утопистомъ, чѣмъ г. Ник. —онъ. Но и тотъ, и другой общественное преобразованіе сводятъ къ чему-то въ родѣ рѣшенія математической или научно-технической задачи, и ссылка г. —она на закрѣпленіе сыпучихъ песковъ и на облѣсеніе поистинѣ заслуживаетъ названія классической. Будущій историкъ русской общественной мысли отмѣтитъ ее вмѣстѣ съ «Просвѣтительной утопіей» г. Южаковка, какъ одинъ изъ характерныхъ симптомовъ бюрократическаго вырожденія народничества.

Механически-раціоналистическій взглядъ на общественныя реформы у Гельвеція и др. идеологовъ революціонной французской буржуазіи имѣлъ свою глубокую жизненную подкладку. Въ этомъ взглядѣ—независимо отъ его чисто философскихъ формальныхъ элементовъ — новыя требованія жизни переплетались съ привычками мысли, источникъ которыхъ лежалъ въ общественномъ строѣ и государственной практикѣ національно-полицейскаго государства, по всей линіи одержавшаго побѣду надъ феодальными порядками и своей меркантилистической хозяйственной политикой могущественно работавшаго на встрѣчу новымъ экономическимъ и общественнымъ теченіямъ.

Историческая школа въ правѣ, сама являясь идеологическимъ отраженіемъ реакціи консервативныхъ элементовъ общества противъ общественныхъ преобразованій XVIII и начала XIX в., въ *теоретическомъ* отношеніи представляла однако большой шагъ впередъ, поскольку она устранила механическій раціонализмъ предшествующаго времени. Но и ея точка зрѣнія оказалась несостоятельной: ученіе объ «естественномъ ростѣ права» должно было уступить мѣсто теоріи «борьбы за право» Іеринга. Болѣе глубокое соціологическое ученіе автора «Капитала» еще основательнѣе, чѣмъ теорія Іеринга, покончило съ реакціонно-историческимъ взглядомъ на правообразованіе и вообще на измѣненіе общественныхъ формъ. Но если и Іерингу, и Марксу вполнѣ чуждъ *квіетизмъ* исторической романтики, то не менѣе далеки они и отъ механическаго раціонализма XVIII в. [1]).

Было бы въ высшей степени интересной и благодарной задачей историческимъ анализомъ вскрыть общественные корни и источники на первый взглядъ совершенно противоестественнаго и даже просто нелѣпаго сожительства въ головѣ г. Николая —она обрывковъ ученія Маркса съ раціоналистическимъ утопизмомъ. Это сожительство не просто несообразное сплетеніе несоединимыхъ вещей, интересное съ точки зрѣнія логики и индивидуальной психологіи, а чрезвычайно поучительный фактъ въ исторіи русской общественной мысли, тѣсно связанный съ реальными общественными отношеніями и культурными условіями страны.

«Société eclairée et bienfaisante» это одна лишь ободряющая сторона утопіи. Другая же страшная—«факторы болѣе общаго порядка», предназначеніе которыхъ пугать. Это — упадокъ производительныхъ силъ и вырожденіе.

Г. Ник. —онъ хвалится тѣмъ, что онъ доказалъ эти ужасы, и, говорятъ, многіе вѣрятъ въ нихъ. Но я позволю себѣ не вѣрить; я думаю, что г. —онъ, въ нѣкоторомъ родѣ, Кассандра наизнанку нашего

[1]) Воззрѣнія Іеринга и Маркса мѣтко, но, къ сожалѣнію, слишкомъ бѣгло, сопоставляются въ интересной юридической диссертаціи г. Новгородцева «Историческая школа юристовъ, ея происхожденіе и судьба. Опытъ характеристики основъ школы Савиньи въ ихъ послѣдовательномъ развитіи». (Москва, 1896).

капиталистическаго хозяйства. Кассандра настоящая прорицала истинные ужасы и ей не вѣрили, прорицанія же г. —она очень далеки отъ истины, жизнь надъ ними уже насмѣялась вдосталь и впредь не перестанетъ смѣяться, а въ то же время очень многіе вѣрятъ ужасамъ г. —она.

Г. —онъ доказываетъ, что производительныя силы страны падаютъ и ея хозяйство и населеніе вырождается. Этотъ ходъ вещей заставитъ société bienfaisante et eclairée стать на другой путь экономическаго развитія, онъ для нея изображаетъ «экономическую необходимость».

Но даже если бы фактъ упадка національнаго богатства—которое г. —ономъ удивительно наивно смѣшивается съ народнымъ благосостояніемъ—былъ доказанъ, то предстояло бы *еще* доказать, что въ наличности имѣются общественныя силы, которыя способны перевести народное хозяйство на иные пути.

Откровенно говоря, если бы я вѣрилъ въ фактъ упадка производительныхъ силъ Россіи подъ дѣйствіемъ процесса капиталистическаго развитія, то я бы или махнулъ на все рукой и сталъ бы жить въ свое удовольствіе, «пить кипрское вино и цѣловать красивыхъ женщинъ», или же... удавился бы. Ибо для того, чтобы вѣрить въ Société bienfaisante, просвѣщенное свѣтомъ Science qui fait tout, я долженъ былъ бы—по-бурбоновски—все забыть и ничему не научиться. Но, вопреки г. —ону, я думаю, что производительныя силы Россіи и ея національное богатство растутъ. При другихъ международно-хозяйственныхъ и культурно-общественныхъ условіяхъ они бы росли еще скорѣе—только и всего.

Вообще такія надежды на преобразованіе народнаго хозяйства, одной изъ необходимыхъ предпосылокъ которыхъ является «упадокъ» или «вырожденіе» его, не имѣютъ ничего общаго съ истиннымъ духомъ ученія автора «Капитала». Если въ его сочиненіяхъ, и въ особенности раннихъ, тамъ и сямъ звучитъ нота о «вырожденіи», какъ объ одномъ изъ условій экономическаго преобразованія, то это частью еще слабое переживаніе утопизма, маленькій осколокъ утопической скорлупы, изъ которой въ 1843 — 1846 г. вылупилось реалистическое построеніе Маркса, частью же объясняется условіями времени. Многія стороны и условія капиталистическаго хозяйства и его развитія выяснились лишь постепенно. Много новыхъ фактовъ и чертъ всплыло за послѣднее 25-ти-лѣтіе. Энгельсъ незадолго до своей смерти самъ указалъ, что Марксъ и онъ въ 40-хъ гг. слишкомъ низко оцѣнивали способность мірового рынка къ расширенію. «Исторія уяснила», писалъ онъ въ 1895 г., «что европейскій континентъ тогда (въ 1848 г.) вовсе не достигъ еще той степени экономическаго развитія, на которой возможно устраненіе капиталистическаго производства; она доказала это экономическимъ переворотомъ, который съ 1848 г. охватилъ весь кон-

тинентъ и дѣйствительно насадилъ крупную промышленность во Франціи, Австріи, Венгріи, Польшѣ и за послѣднее время въ Россіи, а изъ Германіи сдѣлалъ прямо-таки первоклассную промышленную страну».

Въ 1845 г. тотъ же самый Энгельсъ произнесъ въ Эльберфельдѣ рѣчь, въ которой, точь-въ-точь какъ гг. Николай —онъ и В. В., доказывалъ невозможность развитія капитализма въ Германіи. Протекціонистскимъ планамъ Листа Энгельсъ противопоставлялъ слѣдующую аргументацію: «Допустимъ, на минуту, что эти планы будутъ приведены въ исполненіе. Промышленность подымется... спросъ на трудъ и заработная плата повысятся... наступитъ, по всей видимости, цвѣтущее состояніе. Это продолжится до тѣхъ поръ, пока наша промышленность можетъ расширяться на счетъ удовлетворенія внутренняго рынка. Дальше она не можетъ расширяться, ибо, не будучи въ силахъ безъ таможенной охраны отстаивать за собой *внутренній рынокъ*, она еще менѣе будетъ способна бороться съ иностранной конкурренціей на рынкахъ нейтральныхъ» [1]).

Когда Энгельсъ развивалъ такіе взгляды, онъ еще одной ногой стоялъ на почвѣ соціологическаго утопизма, онъ исповѣдывалъ тогда еще своего рода «естественное право». А съ другой стороны, самая хозяйственная жизнь и ея доминирующее явленіе—капитализмъ—обрисовались еще недостаточно ясно. Теорія развитія капитализма выходила поэтому слишкомъ простой; неясность жизненныхъ явленій восполнялась простотой теоріи, а эта простота сама навязывалась тѣмъ, что нѣкоторыя стороны новыхъ отношеній поражали своей рѣзкостью и полной недвусмысленностью.

Теорія экономическаго развитія Россіи г. —она воспроизводитъ на русской почвѣ этотъ полуутопическій фазисъ западно-европейской мысли опредѣленнаго направленія. Но—какъ бываетъ всегда въ такихъ случаяхъ—то, что было 50 лѣтъ тому назадъ полуутопическимъ и въ смыслѣ пониманія дѣйствительнаго хода развитія представляло огромный *шагъ впередъ*, теперь является чистѣйшимъ утопизмомъ и никакой научной цѣны, кромѣ отрицательной, не имѣетъ.

Въ приведенныхъ выше словахъ Энгельсъ слишкомъ низко оцѣнивалъ способность къ расширенію, конечно, не только мірового, но и внутренняго нѣмецкаго рынка. Не надо забывать, что въ ту пору Германія была страной съ довольно рѣзкимъ преобладаніемъ земледѣлія, вывозившей хлѣбъ въ ея сельскихъ мѣстностяхъ еще широко господствовало натуральное хозяйство.

Весьма характерно, что черезъ всю эльберфельдскую рѣчь Энгельса, *по существу*, проходятъ тѣ же двѣ основныя ноты, которыя мы слы-

---

[1]) Эта рѣчь напечатана въ т. I издававшагося Н. Püttmann'омъ сборника «Rheinische Jahrbücher fur gesellschaftliche Reform» (Darmstadt, 1845). Цит. мѣсто находится на стр. 74.

шимъ у г. —она: угроза гибелью народнаго хозяйства и призывъ ко всему «обществу». Мы знаемъ теперь, что угроза не сбылась, а призывъ оказался недоразумѣніемъ, въ которое авторъ его, отрѣшившись отъ утопизма, никогда больше не впадалъ и о которомъ онъ потомъ, почти 50 лѣтъ спустя, по другому поводу, высказался, что онъ «на практикѣ по большей части хуже, чѣмъ безполезенъ» (meist schimmer als nutzlos).

Г. —онъ убѣжденъ въ непогрѣшимости своего анализа русскаго народнаго хозяйства и въ истинности своихъ прорицаній. Для него послѣднія статистически-неопровержимо обоснованы первымъ. Но такъ ли ужъ неопровержимъ этотъ статистическій анализъ? Напомнимъ читателю, что въ немъ огромную роль играетъ паденіе цѣнъ на хлѣбъ. Устраните изъ построенія г. —она этотъ фактъ или, точнѣе, *преувеличенную* оцѣнку этого факта, и капитализмъ станетъ возможенъ въ Россіи (т.-е. отъ его развитія никакихъ ужасовъ въ родѣ упадка производительныхъ силъ и вырожденія не произойдетъ), а отъ «общества» никакихъ героическихъ подвиговъ не потребуется. Въ анализѣ г. —она прогрессивное паденіе хлѣбныхъ цѣнъ и ихъ низкій уровень — гвоздь, а что въ анализѣ гвоздь, то для прорицаній — основной устой. Но вотъ передъ нами двухтомная книга, недавно изданная съ разрѣшенія департамента торговли и мануфактуръ: «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства. Статьи Н. Ѳ. Анненскаго, В. Н. Григорьева, Н. А. Каблукова, Н. А. Карышева, Л. Н. Маресса, Н. О. Осипова, М. А. Плотникова, В. И. Покровскаго, Д. И. Рихтера, А. Ѳ. Фортунатова, А. И. Чупрова, Ф. А. Щербина подъ ред. А. И. Чупрова и А. С. Посникова». Статьи эти—цѣлыя статистическія изслѣдованія. Резюмируются онѣ въ выводѣ, что для крестьянскаго населенія вообще (?) «наиболѣе выгодною комбинаціей оказываются высокіе урожаи и низкія цѣны на хлѣбъ». Я не стану вдаваться въ подробную критику этого положенія и вообще всей книги. Для меня важно лишь отмѣтить выводъ, что одинъ изъ устоевъ грозныхъ прорицаній г. —она—и притомъ, на мой взглядъ, основной устой—въ дѣйствительности вовсе не представляетъ такой страшной угрозы, какой онъ является въ построеніи автора. *И этого совершенно достаточно для того, чтобы признать анализъ несостоятельнымъ, а прорицанія фантастическими.* И спѣшу оговориться: низкій уровень цѣнъ я тоже считаю явленіемъ отрицательнымъ. Онъ замедляетъ общій темпъ экономическаго развитія страны, способствуя сохраненію отсталыхъ, прямо враждебныхъ всякой и технической и общественной культурѣ натурально-хозяйственныхъ формъ (испольщина, отработки и пр.) и тѣмъ задерживая все хозяйство на низшей ступени. Повышеніе цѣнъ и земельной ренты смело бы очень быстро отсталыя экономическія формы и отношенія въ земледѣліи и тѣмъ явилось бы могущественнымъ факторомъ экономическаго и обще-

культурнаго прогресса страны, оно увеличило бы потребленіе промышленныхъ продуктовъ и ускорило бы развитіе промышленности въ ея наиболѣе прогрессивной формѣ (фабричной).

Точка зрѣнія г. —она логически не допускаетъ никакой практической программы. На вѣрѣ въ чудеса, которыя спасутъ страну отъ экономическаго и культурнаго вырожденія ничего построить нельзя. Но такая безплодная въ практическомъ отношеніи «точка зрѣнія» въ своемъ чистомъ видѣ никому ненужна.

Къ счастью или несчастью для г. —она, у него есть «практическій» двойникъ и истолкователь. Это—г. В. В. Когда я думаю о немъ, мнѣ всегда приходятъ въ голову слова: So klein du bist, so gross bist du Phantast. А въ вольномъ переложеніи на русскій языкъ и въ ближайшемъ примѣненіи къ г. В. В. это значитъ: ты большой фантазеръ, но фантазія у тебя небольшая. Такъ примѣрно: хозяйственный мужичекъ и прогрессивныя теченія да немножко артелей изъ благонадежныхъ въ экономическомъ и прочихъ отношеніяхъ кустарей. Нѣтъ сомнѣнія, что исторія, если не полностью, то во всякомъ случаѣ въ весьма значительной мѣрѣ удовлетворитъ г. В. В. И капитализмъ, при этомъ, процвѣтетъ.

Небольшая фантазія г. В. В. есть историческая немезида или, если хотите, историческая насмѣшка надъ утопизмомъ г. —она. Но это не единственная историческая насмѣшка надъ нимъ. Другая, быть можетъ, еще болѣе обидная для г. —она, состоитъ въ томъ, что его статистически-утопическое построеніе перешло также въ руки тѣхъ представителей опредѣленной общественной группы съ весьма реальными поползновеніями, которые свои вполнѣ конкретные классовые интересы очень ловко превращаютъ въ интересы нѣкоего весьма абстрактнаго существа средняго рода: земледѣлія или сельскаго хозяйства.

Но это длинная повѣсть, которую можно озаглавить: сказъ о русскихъ аграріяхъ. Аграрное перерожденіе утопіи мы затронемъ какънибудь другой разъ.

Novus.

ФИНЛЯНДСКІЙ СЕЙМЪ.

Письмо изъ Гельсингфорса.

Съ 8 января ст. стиля засѣдаетъ здѣсь сеймъ. Городъ оживился; на улицахъ появились новыя фигуры, людно̀е стало въ многочисленныхъ ресторанахъ, гдѣ теперь до поздней ночи засиживаются члены сейма и журналисты. Газеты посвящаютъ ряды столбцовъ содержанію петицій и предварительнымъ дебатамъ по нимъ; почти каждый день появляются передовыя статьи по вопросамъ, поднятымъ въ сеймѣ. За его работой слѣдятъ и не въ одной столицѣ. Широко распространенная грамотность, а главное, хорошая народная школа и, въ послѣднее время, крестьянскіе университеты дали возможность и народу живо интересоваться тѣмъ, что дѣлается на сеймѣ. Въ этой небольшой странѣ (около $2^1/_2$ милл. жителей)—съ населеніемъ одной нашей губерніи—выходитъ теперь 172 газеты и журнала. (Въ 1846 г.—15, въ 1856—24, въ 1886—95). Нѣтъ ни одного городка, у котораго не было бы своей газеты; напр., въ Выборгѣ, гдѣ около 25.000 жителей, выходятъ 2 финскія и 2 шведскія газеты.

Эти газеты далеко проникаютъ въ глубь страны, до засыпанныхъ снѣгомъ одинокихъ «тупъ» (избъ) въ глуши лѣсовъ: почтовыя сношенія устроены удобно, да и всякій частный человѣкъ съ готовностью и аккуратностью доставитъ письмо или газету, если ему по пути.

Сеймы имѣютъ громадное значеніе для края съ тѣхъ поръ, какъ съ начала 50-хъ годовъ онъ проснулся къ промышленной и общественной жизни. Теперь, какъ мы увидимъ далѣе, въ этой странѣ возникаетъ множество серьезныхъ вопросовъ, правильно разрѣшить которые немыслимо безъ представительства (хотя бы такого, которое теперь существуетъ и которому не вполнѣ можетъ быть дано названіе *народнаго*).

Какъ извѣстно, сеймовъ не созывалось за долгое время съ 1809 по 1863 г. Страна тогда сперва отдыхала отъ только что перенесенной борьбы. Ею управляли чиновники, говорившіе по-шведски. Народъ оставался народомъ, т.-е. со страшнымъ напряженіемъ силъ боролся съ суровымъ климатомъ и съ каменистой и болотистой почвой, платилъ подати (payait d'impots muet et patient», говоритъ про него Е. Г. Палменъ, историкъ финскаго литературнаго общества). Въ сношеніяхъ съ властями народъ прибѣгалъ къ переводчикамъ. (Присутствуя на судѣ, гдѣ

разбиралось его дѣло, финскій крестьянинъ,—говоритъ феноманъ Мёрманъ,—какъ будто смотрѣлъ пантомиму). Почти во всей странѣ народъ говорилъ нарѣчіемъ, которое изъ образованныхъ людей понимало одно духовенство; онъ распѣвалъ на востокѣ Финляндіи, самъ того не зная, высоко поэтическія былины, сложенныя за 7—8 вѣковъ. Но спѣшу оговориться (мнѣ часто придется дѣлать оговорки), здѣсь не было гнета крѣпостнаго права (исключая, впрочемъ, Выборгской губ., гдѣ оно было введено, хотя и въ смягченной формѣ, по присоединеніи ея къ Россіи въ 1741—1743 гг.); шведы все-таки принесли сюда свое уваженіе къ закону, свое признаніе правъ отдѣльныхъ лицъ; поэтому было бы величайшей ошибкой сравнивать здѣшніе бывшіе порядки съ остзейскими; ничего подобнаго здѣсь никогда не было, хотя и впослѣдствіи высшіе классы, говорившіе по-шведски, смотрѣли на финскаго (да и шведскаго) крестьянина, какъ на опекаемаго несовершеннолѣтняго. Не нужно забывать, кромѣ того, что самыя природныя условія страны мало благопріятствовали насажденію крупнаго дворянскаго землевладѣнія, предполагавшаго закрѣпощеніе населенія: развѣ только южная и юго-западная Финляндія могла манить шведскихъ господъ, въ суровыхъ дебряхъ средней и сѣверной Финляндіи воевалъ съ природой мужикъ, съ трудомъ добывая необходимое на удовлетвореніе потребностей того несложнаго быта, который съ неподражаемой прелестью воспѣтъ Рунебергомъ въ его «Elgskyttarre» (Охотники за лосями). Жилъ мужикъ въ черной, но просторной избѣ; тутъ же стояли зимой лошади и скотъ; освѣщалась изба лучиной; на печи спали бобыли и нищіе, которыхъ никто не презиралъ, ибо довольно было нѣсколькихъ неурожаевъ, чтобы вчерашній хозяинъ пошелъ «въ кусочки». Съ 50 годовъ эта картина быстро начинаетъ измѣняться: во многихъ финскихъ беллетристическихъ произведеніяхъ мы встрѣчаемъ описаніе того перелома, который наступаетъ въ жизни деревни, когда въ нее пріѣзжаютъ городскіе господа, начинаютъ скупать лѣса, строить при водопадахъ лѣсопильни и фабрики. Дѣло было въ томъ, что лѣса въ Скандинавіи были значительно истреблены, и Европа сразу предъявила къ Финляндіи громадный спросъ на лѣсной матерьялъ; лѣсъ можно было сплавлять по безчисленнымъ озерамъ и ихъ протокамъ, а съ двухъ сторонъ страну окружало море, омывавшее глубоко изрѣзанный берегъ. Страна вошла, такимъ образомъ, въ сношеніе со всемірнымъ рынкомъ, и въ ней появились *деньги*; нельзя отрицать огромной важности этого момента. Быстро стало увеличиваться городское населеніе: стали строиться каналы, желѣзныя дороги; шагнуло впередъ земледѣліе и скотоводство, теперь средняя урожайность самъ-10—12; теперь финское масло прямо идетъ въ Лондонъ, гдѣ есть даже спеціальный финскій агентъ, слѣдящій за цѣнами. Развитію земледѣлія не мало способствовали низкія ввозныя пошлины. Въ то же время появились въ Финляндіи люди, которые стали проводить въ жизнь требованіе равноправ-

ности для финской національности, для финскаго языка. Объ этомъ заговаривали еще въ 20-хъ гг. Но съ конца 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ гг. это требованіе становится все настойчивѣе; его основаніе лежало отчасти (какъ и у нашего ранняго славянофильства) въ гегелевской философіи, въ ея признаніи историческаго значенія принципа національности. Развивать національныя черты значило вообще служить прогрессу, такъ какъ каждый народъ выражаетъ одну изъ сторонъ общечеловѣческаго духа.

Поэтому финны могли стать чѣмъ-либо, лишь развивая свои основныя національныя черты; иначе имъ грозила судьба вотяковъ, вогуловъ и прочаго «этнографическаго матерьяла». Главнымъ же признакомъ національности является языкъ; былъ кликнутъ кличъ «Yksi mieli, yksi kieli» (строфа изъ поэта Альквиста)—«Одинъ умъ, одинъ языкъ», и началась борьба со сторонниками шведскаго языка, богатая послѣдствіями и осложненіями; о ней скажемъ ниже, теперь же вернемся къ возобновленію созыва сейма. Многочисленные и своеобразные интересы Финляндіи требовали къ началу 60-хъ гг. многихъ серьезныхъ, новыхъ законодательныхъ мѣръ, которыя, согласно ея основнымъ законамъ могли быть изданы лишь съ согласія сословій страны, собранныхъ на сеймъ. Общее положеніе дѣлъ въ Россіи около 1863 г. было благопріятно созыву—и въ 1865 г. собирается сеймъ; оставляется мысль о замѣнѣ его особымъ комитетомъ делегатовъ. Съ тѣхъ поръ сеймъ регулярно созывается каждыя 5 лѣтъ, а съ 1885 г. каждые 3 года.

Нынѣшнему сейму предстоитъ обсудить много серьезныхъ вопросовъ: введеніе всеобщаго обученія, направленіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ и другія предложенія, исходящія отъ верховной власти. Но всеобщій интересъ возбуждаютъ не только эти вопросы, но и петиціи, принесенныя членами сейма, въ которыхъ высказываются насущныя потребности страны. Онѣ обыкновенно передаются въ комиссіи, но по нѣкоторымъ изъ нихъ происходятъ интересные дебаты, въ которыхъ представители каждой партіи даютъ напутствіе петиціи, удаляющейся въ комитетъ—если только не требуютъ ея приложенія «ad acta», къ дѣламъ, т.-е. оставленія безъ дальнѣйшаго движенія. Петиціи, принятыя, по крайней мѣрѣ, тремя сословіями изъ четырехъ, представляются,—по обработкѣ ихъ въ сенатѣ, на благоусмотрѣніе верховной власти, отъ которой зависитъ возвратить ихъ въ сеймъ въ формѣ правительственнаго предложенія или оставить безъ послѣдствій. Кромѣ петицій, члены сейма могутъ вносить моціи, т.-е. формулированныя въ видѣ закона предложенія; моціи, одобренныя сеймомъ, также поступаютъ на благоусмотрѣніе верховной власти, но становятся закономъ по утвержденіи ихъ этой властью, безъ вторичнаго разсмотрѣнія въ сеймѣ. Петицій и моцій представляется много—310 петицій и 26 моцій въ этомъ году—но лишь ничтожное количество ихъ возвращается обратно въ формѣ предложеній или законовъ.

О главнѣйшихъ петиціяхъ сообщалось въ русскихъ газетахъ. Вотъ перечень важнѣйшихъ: допущеніе женщинъ къ выборамъ; предоставленіе имъ права быть избираемыми въ общественное управленіе; правительственная помощь крестьянскимъ университетамъ (объ этомъ не разъ ходатайствовали, но безуспѣшно); облегченіе положенія печати; равноправность евреевъ (они здѣсь едва терпимы; объ облегченіи ихъ участи, какъ и ранѣе, просятъ свекоманы); сохраненіе нынѣ дѣйствующаго таможеннаго тарифа (предстоящее объединеніе его съ имперскимъ тарифомъ грозитъ экономическими бѣдами странѣ, развившейся при господствѣ сравнительно низкихъ ввозныхъ пошлинъ); увеличеніе жалованья школьнымъ учителямъ; усиленіе преподаванія естественныхъ наукъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ; введеніе нотаріата (до сихъ поръ обязанности нотаріусовъ отправляются судебными учрежденіями); увеличеніе числа земледѣльческихъ школъ; введеніе гражданскихъ актовыхъ записей для дѣтей, которыя, по волѣ родителей, не были крещены и уничтоженіе стѣсненій при вступленіи ихъ въ бракъ; борьба съ чахоткой и съ сифилисомъ (объ болѣзни усиливаются съ увеличеніемъ городского населенія); введеніе 10 часового рабочаго дня (теперь, по крайней мѣрѣ, въ г. Гельсингфорсѣ, работаютъ по 14—12 ч. въ день); урегулированіе рабочаго времени для пекарей; ограниченіе часовъ работы для малолѣтнихъ 8 часами и 10 часами для несовершенно-лѣтнихъ; участіе государства въ постройкѣ домовъ для рабочихъ (теперь они ихъ строятъ иногда сами, соединяясь въ союзы); помощь безземельнымъ для пріобрѣтенія мелкихъ участковъ.

Наибольшій интересъ привлекала «петиція о языкахъ» (språkpetition), принесенная свекоманами, и петиціи феномановъ объ измѣненіи существующей системы выборовъ въ городское и сельское сословіе сейма. Привлекаютъ вниманіе и другія только что упомянутыя петиціи. О нихъ, а также о правительственныхъ предложеніяхъ я подробнѣе надѣюсь поговорить въ слѣдующихъ письмахъ; теперь же я остановлюсь на петиціяхъ объ языкахъ и о реформѣ избирательнаго права, потому что онѣ насъ сразу вводятъ in medias res, касаясь самыхъ существенныхъ сторонъ здѣшней жизни. Впрочемъ, вопросъ объ языкахъ представлялъ, а можетъ быть, и представляетъ интересъ скорѣе для здѣшнихъ «командующихъ классовъ»; второй же вопросъ имѣетъ громадное значеніе для всего народа.

Въ форму борьбы двухъ языковъ воплотилась здѣсь борьба свекомановъ и феномановъ, о которой здѣсь говоритъ все общество, всѣ газеты. Крайне трудно бываетъ пріѣзжему человѣку, особенно первое время, понять сущность этой борьбы, тѣмъ болѣе, что сторонники той и другой партіи, съ которыми онъ говоритъ о вопросѣ, возводятъ другъ на друга сильно преувеличенныя обвиненія; но, насколько я понимаю, дѣло касается во всякомъ случаѣ борьбы не только двухъ культуръ, не только двухъ національностей. Въ Финляндіи, по бере-

гамъ моря, есть мѣстности, гдѣ всѣ говорятъ по-шведски; въ нихъ живетъ около $^1/_7$ или $^1/_8$ всего населенія. Но борьбу до послѣдняго времени вели не они, а городское населеніе (чиновники и купцы) и помѣщики. Среди этихъ классовъ, безъ сомнѣнія, есть потомки

«... тѣхъ вождей,
Чей въ древни вѣки парусъ дерзкій
Поработилъ брега морей».

Это видно не только по именамъ, но и по стройному росту, волнистымъ волосамъ, нѣжному цвѣту кожи. Но зато множество коренныхъ финновъ, выходя въ люди, считали въ былое время долгомъ мѣнять свою фамилію на болѣе благозвучную шведскую,—въ родѣ того, какъ у насъ монахи при постриженіи мѣняютъ имена. Ихъ потомки теперь нерѣдко завзятые свекоманы. И, наоборотъ, многія лица, носившія издавна шведскія фамиліи, ставъ феноманами, передѣлали свои фамиліи на финскій ладъ или изобрѣли себѣ совсѣмъ новыя; Бергъ сталъ, напр. Люллю, Форсманъ—Юрьо-Коскиненъ и т. п. Не въ одной этнографіи, значитъ, дѣло, тѣмъ болѣе, что въ городахъ въ рядахъ свекомановъ стоятъ лица нѣмецкаго происхожденія и почти всѣ наши соотчичи, принявшіе финляндское подданство и прекрасно ведущіе здѣсь свои торговыя дѣла. Но въ послѣднее время борьба какъ будто пріобрѣтаетъ характеръ болѣе національный, такъ какъ въ ней начинаютъ принимать участіе и низшіе классы, говорящіе по-шведски. Это явленіе вызвано тѣмъ, что свекоманская интеллигенція, подражая феноманамъ, стала искать опоры въ народѣ, устраивая для него школы и союзы.

Свекоманы, защищая себя, обыкновенно говорятъ, что они представители старой шведской культуры, представители европеизма. Они цивилизовали страну, мудро управляли ей; финская же культура слишкомъ молода, чтобы теперь же получить преимущество; восторжествуй одинъ финскій языкъ—и финны будутъ отрѣзаны отъ прочихъ народовъ; наступитъ полная изоляція. Достанься власть феноманамъ и они не только начнутъ гнать все шведское, но и надѣлаютъ рядъ политическихъ ошибокъ.

Феноманы возражаютъ имъ, указывая на полное право народа требовать, чтобы языкъ $^6/_7$ или $^7/_8$ жителей страны сталъ офиціальнымъ языкомъ всей страны. Историческихъ заслугъ шведовъ въ прошломъ они не отрицаютъ, но не хотятъ продолжать платить за нихъ такъ дорого въ настоящемъ; они желаютъ, чтобы эти $^6/_7$ имѣли тѣ же права на блага культуры, какъ и $^1/_7$. Наконецъ, теперь есть только общечеловѣческая, а не шведская культура, которой могутъ быть причастны и финны, зная иностранные языки, напр. нѣмецкій (здѣсь очень распространенный). Поэтому, по мнѣнію нѣкоторыхъ феномановъ, сущность борьбы заключается въ протестѣ менѣе обезпеченныхъ классовъ населенія, по большей части сельскихъ жителей, противъ зажиточныхъ классовъ, живущихъ главнымъ образомъ въ городахъ и крѣпко державшихъ и

еще держащихъ, хотя и слабѣе, въ своихъ рукахъ выборы въ сеймъ, чиновничьи мѣста и коммерцію. Финну было обидно, что, оставаясь вѣрнымъ своему имени, своему языку, онъ далеко пойти не могъ. Мнѣ лично это объясненіе кажется довольно правдоподобнымъ, но думается только, что сознательно-классовый оттѣнокъ въ борьбѣ только начинаетъ появляться и что такая борьба здѣсь еще дѣло будущаго (можетъ даже измѣниться группировка партій и ихъ названія). Начата была борьба финской интеллигенціей во имя національности, а затѣмъ и изъ-за власти, но, конечно, эта интеллигенція опиралась на потребности массъ, тогда еще (до начала 60-хъ гг.), безмолвныхъ. Пробужденіе національности пошло здѣсь обычнымъ путемъ: стали возстановлять памятники народной старины (Калевала, открытая Лепротомъ, выходитъ впервые въ 1835 г.). Очищается затѣмъ языкъ, что вызываетъ обширные филологическіе труды, прославившіе не одно финское имя,—точно такъ же, какъ и этнографическія изслѣдованія. Въ лицѣ Рунеберга (писавшаго, впрочемъ, по-шведски) финны нашли пѣвца разныхъ сторонъ жизни родной страны. Наконецъ однимъ изъ важныхъ средствъ поднятія національности всегда является народное образованіе: въ этой области заслуги финновъ громадны. Реформаторъ народной школы Сигнеусъ засталъ народное образованіе въ концѣ 50-хъ гг. далеко не въ блестящемъ состояніи. Народъ, правда, былъ или, вѣрнѣе, значился грамотнымъ, т.-е. всякій умѣлъ кое-какъ читать молитвенникъ; этого пасторы добились, ставя такую грамотность условіемъ для конфирмаціи и для вступленія въ бракъ. Но далѣе этого чисто механическаго чтенія, безъ усвоенія прочитаннаго, не шло. Школы, состоявшія въ завѣдываніи духовенства, имѣли узкую цѣль научить грамотѣ, и этой цѣли соотвѣтствовали методы обученія, въ нихъ примѣнявшіеся: они были прямо варварскіе. Съ той поры народное образованіе быстро шагнуло впередъ: была введена начальная школа съ широкимъ курсомъ, изъятая изъ вѣдѣнія духовенства: правительство дѣятельно помогало общинамъ, выдавая на льготныхъ условіяхъ ссуды на постройку школъ и беря на себя часть расходовъ по уплатѣ учителямъ жалованья. Теперь во всей странѣ болѣе 1.030 сельскихъ начальныхъ школъ съ болѣе 40.000 учащихся. Сейму предстоитъ обсудить предложеніе о введеніи всеобщаго обученія (въ видѣ обязанности учреждать достаточное количество школъ). Наконецъ, въ послѣднее время были учреждены крестьянскіе университеты, называющіеся вѣрнѣе народными учебными заведеніями Kansan-opistot. На ряду съ этимъ развились народныя читальни, народныя чтенія, разумныя развлеченія, которыя устраиваются, между прочимъ, и такъ называемыми союзами молодежи, разсѣянными по всей странѣ.

Всѣ эти средства имѣли цѣлью сдѣлать изъ племени народъ. Это удалось. Но въ то же время народъ, пройдя черезъ школу, начинаетъ понемногу понимать, что онъ почти не принимаетъ участія въ законо-

дательной дѣятельности страны, да и вообще стоитъ въ сторонѣ... Теперь низшіе классы начинаютъ заговаривать объ измѣненіи избирательной системы. Но объ этомъ я скажу далѣе; здѣсь же я только хочу отмѣтить то обстоятельство, что мѣры, имѣвшія въ виду поднятіе національности, привели и приведутъ въ результатѣ къ появленію въ населеніи общекультурныхъ требованій,—уже потому, что пріемы для созданія національности не могли не покоиться на общекультурныхъ, прогрессивныхъ основахъ. Своихъ представителей это новое направленіе до извѣстной степени находитъ теперь въ партіи младофеномановъ; они во второй половинѣ 80-хъ годовъ откололись отъ партіи старофеноманской, ядро которой состоитъ изъ высокопоставленныхъ чиновниковъ, но откололись первоначально изъ-за вопроса о введеніи финскаго языка (младофеноманы хотѣли болѣе радикальныхъ мѣръ). Сдѣлавъ многое для введенія въ странѣ финскаго языка, для поддержки школы, упорядоченія финансовъ, представители старофеноманской партіи теперь нѣсколько недовольны быстрымъ прогрессомъ страны и хотѣли бы многое попридержать; это имъ нерѣдко и удается, такъ какъ они имѣютъ преобладающее значеніе въ сенатѣ и въ духовномъ и крестьянскомъ сословіи. Партія же младофеномановъ не только малочисленнѣе, но и не такъ сплочена и не стоитъ у власти. Свекоманы также фактически теперь нѣсколько склоняются къ консерватизму, такъ какъ отстаиваютъ status quo въ вопросѣ о выборахъ въ городское сословіе.

Но и здѣсь нужно поясненіе, иначе русскій читатель легко можетъ считать свекомановъ исключительно убѣжденными консерваторами, а младофеномановъ—какими-то младотурками. Между тѣмъ здѣсь пока не имѣетъ важнаго значенія дѣленіе партій по отношенію ихъ къ прогрессу. На первомъ мѣстѣ все-таки стоятъ интересы той или другой національной культуры. Поэтому въ сословіяхъ сейма, независимо отъ ихъ національнаго направленія, встрѣчали одобреніе или неодобреніе расширеніе программы народныхъ школъ, смѣшанныя гимназіи для двухъ половъ (опытъ сдѣланъ съ громаднымъ успѣхомъ), крестьянскіе университеты и т. п. Поэтому и младофеноманы прежде всего феноманы, а потомъ люди прогрессивныхъ стремленій, достиженіе которыхъ почти во всѣхъ пунктахъ совпадаетъ, однако, съ успѣхами ихъ партіи. Нельзя смѣшивать ихъ съ представителями какихъ-либо передовыхъ группъ Запада. Точно также и свекоманы, чтобы продолжать быть чѣмъ-нибудь, должны противиться прогрессивнымъ теченіямъ въ области избирательнаго права и призывать на помощь всяческіе аргументы, чтобы доказывать разумность порядка, при которомъ бѣднякъ не имѣетъ ни одного голоса, а богачъ можетъ накопить ихъ до 25 (см. далѣе). Но во всякомъ случаѣ здѣсь совершенно нѣтъ обскурантовъ, открыто высказывающихъ свои взгляды, тормозящихъ всякій прогрессъ за то только, что онъ прогрессъ. Объ партіи

боролись и борются чисто культурными средствами, главнымъ образомъ учрежденіемъ школъ и союзовъ. Въ результатѣ борьбы получаются зачастую чисто культурныя завоеванія, выгодныя для народа. Не существуетъ и сословной жизни, такъ какъ дворянство, какъ таковое, никогда не требовало себѣ особыхъ льготъ; оно не сильно и въ имущественномъ отношеніи. Никакихъ почти привилегій у него нѣтъ, кромѣ права посылать безъ выбора представителей на сеймъ. Тѣмъ не менѣе на этомъ сеймѣ большинство прогрессивныхъ предложеній исходятъ отъ феномановъ, а свекоманы въ рядѣ вопросовъ начинаютъ «склоняться направо». При этомъ я ограничиваюсь констатированіемъ этого факта и еще разъ предостерегаю отъ примѣненія къ этой своеобразной странѣ русскаго или западно-европейскаго масштаба. Скажу нѣсколько словъ объ ея отличіяхъ отъ Россіи и отъ Запада. Главное ея отличіе отъ Россіи есть то, что она не знала крѣпостного права, а у насъ еще все не вывести «крѣпостныхъ блохъ», которыя по временамъ очень больно кусаются... Поэтому здѣсь развита равноправность въ отношеніяхъ, нѣтъ низкопоклонства и въ то же время нахальства. Честность пока баснословная. Сельское населеніе живетъ очень не дурно, хотя извѣстная часть его (торпари), арендуетъ чужую землю, а другая часть состоитъ изъ батраковъ и бобылей (itselliset); эта послѣдняя категорія иногда имѣетъ хижину, клочокъ земли и даже корову, иногда же ничего не имѣетъ, кромѣ рукъ, и живетъ случайной работой. Здѣсь затѣмъ не происходитъ той быстрой дифференціаціи деревни, какъ у насъ. Она имѣла мѣсто въ прошломъ. Земледѣліе и скотоводство уже давно привлекаютъ заботы правительства, и для поддержанія ихъ сдѣлано многое (есть, напр., правительственные агрономы, есть спеціалисты по молочному дѣлу; за небольшое вознагражденіе они пріѣзжаютъ въ имѣніе и даютъ нужныя наставленія). Низкія ввозныя пошлины дали возможность имѣть хорошія сельско-хозяйственныя машины за небольшую цѣну; дешево и желѣзо, которое въ деревнѣ не представляетъ такой рѣдкости, какъ у насъ. Народное образованіе стоитъ высоко. Чиновничество, очень многочисленное и хорошо обставленное, отличалось и отличается честностью и порядочностью; нравы «Ревизора» здѣсь кажутся непонятными. Существованіе представительства и общій правовый строй объясняютъ нелицемѣрную преданность всѣхъ слоевъ финскаго народа верховной власти. Здѣсь есть обширный средній классъ; поэтому города дѣйствительно города, а не слободы, окружающіе соборъ, присутственныя мѣста и гостиный дворъ, какъ у насъ. Средній классъ, какъ вездѣ, завелъ всякія нужныя ему удобства — разумно устроенные дома, частыя почтовыя сношенія, дешевые телефоны, легкій кредитъ, чистыя гостиницы, удобные пути сообщенія и пр. Но мелкая буржуазія (а она здѣсь преимущественно мелкая) наложила свою печать на интеллигенцію. Напрасно стали бы мы здѣсь искать нашего «интеллигента» съ его міро-

выми вопросами, съ ненавистью ко всякой условности, къ узости, съ жаждой высокаго идеала — однимъ словомъ, Бѣлинскихъ, которымъ истина была дороже всего, здѣсь не бывало и нѣтъ. Зато есть здѣсь средній человѣкъ, не герой, но человѣкъ порядочный, честный, преданный своему народу, исполненный уваженія къ закону, упорный въ трудѣ.

Велико отличіе и отъ западно-европейскихъ странъ. Главнѣйшіе пункты различія сводятся къ слѣдующимъ. Финляндія, во-первыхъ, страна съ рѣдкимъ населеніемъ (7,3 жителя на кв. километръ, тогда какъ даже въ Россіи ихъ болѣе 20, а въ Бельгіи 213); это населеніе живетъ, главнымъ образомъ, въ мѣстностяхъ сельскихъ; городское населеніе составляетъ всего около 10%; въ странѣ до сихъ поръ существуетъ ограниченное число крупныхъ состояній, обладатели которыхъ позволяли бы себѣ безумныя прихоти на глазахъ у голодной толпы; поднятіе одной національности и защита другой повели, по необходимости, къ ряду культурныхъ мѣръ для облегченія положенія народа; были мѣры, принятыя, впрочемъ, и внѣ партійныхъ соображеній; фабрики и заводы (устраиваемые обыкновенно Bolag'ами, родомъ акціонерныхъ компаній, въ которыхъ участвуютъ мелкіе капиталисты) не расположены въ городахъ; они устроены при водопадахъ, естественныхъ источникахъ двигательной силы въ этой странѣ. Поэтому рабочее населеніе не концентрируется въ нѣсколькихъ крупныхъ фабричныхъ городахъ. Отсюда—какъ послѣдствіе—коренное отличіе Финляндіи отъ Запада: въ ней нѣтъ пока рабочаго вопроса въ той именно формѣ, въ которой онъ существуетъ въ западной Европѣ. Отношенія пока болѣе патріархальныя. Это, конечно, не помѣшало надняхъ здѣшнимъ «столпамъ» (увы, тремъ профессорамъ!) видѣть въ предложеніи пастора Блумберга надѣлить землей при помощи государства безземельныхъ проведеніе въ жизнь коммунистическихъ тенденцій, хотя мѣра, имъ предложенная, направлена какъ разъ противъ пробужденія классоваго сознанія. Не помѣшало это и дирекціи здѣшней народной библіотеки изъять изъ читальнаго зала невинный журналъ для рабочихъ «Työmies», выходящій (какъ и всѣ здѣшніе періодическіе органы) съ разрѣшенія предварительной цензуры!.. Въ общемъ, здѣсь замѣчается значительная разобщенность съ важнѣйшими сторонами духовной жизни Запада, откуда пока перенимаются матерьяльныя, техническія улучшенія и даже, впрочемъ, новѣйшіе пріемы живописи. Обычаи общества, напр., манера говорить въ третьемъ лицѣ, съ упоминаніемъ титула или званія—все это отзываетъ Швеціей; да и многое въ здѣшней жизни не наше и не западно-европейское, а, вѣроятно, скандинавское, нѣчто sui generis. По крайней мѣрѣ, Ибсенъ здѣсь очень понятенъ.

Одну изъ главнѣйшихъ, конечно, особенностей Финляндіи составляетъ ея сеймъ и связанная съ нимъ система представительства, объ измѣненіи которой теперь такъ много говорятъ. На этомъ вопросѣ мы

остановимся подольше, сказавъ лишь нѣсколько словъ о вопросѣ о языкахъ, которому здѣсь придаютъ однако очень важное значеніе.

Одинъ шведъ, присутствовавшій на открытіи сейма, нашелъ, что процессія сословій возбудила въ немъ историческія воспоминанія, на половину забытыя. Дѣйствительно старыя наружныя формы здѣсь уцѣлѣли, хотя сущность значительно измѣнилась. Какъ и Etats Généraux, сеймъ состоитъ изъ сословій, засѣдающихъ отдѣльно; но сословій не три, а четыре—Швеція удѣлила мѣста и крестьянству, а Россія въ 1809 г. санкціонировала старые порядки, заложивъ этимъ одну изъ важныхъ основъ будущаго благоденствія страны. Характерной чертой сейма является отсутствіе у сословій ярко выраженныхъ сословныхъ тенденцій. Они группируются по другому признаку—по принадлежности къ той или другой національной партіи: большинство дворянъ и горожанъ—свекоманы; большинство духовныхъ и крестьянъ—феноманы. Самымъ общимъ образомъ можно сказать, что дворяне и горожане болѣе прогрессивны, а крестьяне и въ особенности духовенство болѣе консервативны. Но такое отношеніе можетъ иногда измѣняться въ зависимости отъ обсуждаемаго вопроса. Такъ прогрессивные горожане становятся очень консервативными каждый разъ, какъ рѣчь заходитъ о расширеніи избирательнаго права для выборовъ въ это сословіе: свекоманы, составляющіе большинство въ городскомъ сословіи, хорошо знаютъ, что прогрессивное законодательство, допустивъ къ выборамъ большую часть народа, отдастъ сеймъ въ руки фенoмановъ. Почему это такъ, мы увидимъ немедленно, но предварительно обратимся къ составу сейма. Въ дворянскомъ сословіи «мѣсто и голосъ» имѣютъ главы «всѣхъ благородныхъ фамилій страны» (ихъ около 270); выборы не имѣютъ здѣсь мѣста, такъ какъ право участія на сеймѣ является наслѣдственнымъ. Число его представителей колеблется между 40—150. Въ духовномъ сословіи безъ выбора участвуютъ архіепископъ и три епископа. Каждая епархія присылаетъ затѣмъ своихъ выборныхъ представителей; ими могутъ быть и лица свѣтскія. Вмѣстѣ съ духовными засѣдаютъ и представители науки—два профессора Гельсингфорскаго университета (Даніельсонъ и Рунебергъ) и 6 учителей средне-учебныхъ заведеній. (Всѣхъ представителей теперь 51). Народная школа въ этомъ сословіи не представлена.

Крестьянское сословіе (62 депутата) избирается двухстепенными выборами, по одному представителю отъ каждаго судебнаго округа.

Города посылаютъ на сеймъ по одному депутату отъ каждаго города, населеніе котораго не превышаетъ 6.000 ч.; при населеніи въ 6.000 присылаются 2 депутата, а затѣмъ по одному на каждые 6.000. (Представителей теперь 64).

Доступъ къ выборамъ значительно затрудненъ для цѣлыхъ группъ городского и въ особенности сельскаго населенія. Въ городахъ, кромѣ того, царитъ полное разнообразіе какъ по вопросу, кого допускать или

не допускать къ выборамъ, такъ и по числу голосовъ, которое каждый отдѣльный выборщикъ можетъ накоплять за собой. Въ выборахъ въ крестьянское сословіе принимаютъ участіе лишь земельные собственники или арендаторы казенныхъ земель; такимъ образомъ отъ выборовъ устранены многочисленные «торпари» (арендующіе землю частныхъ владѣльцевъ), бобыли, сельскіе рабочіе, сельскіе ремесленники и сельскіе торговцы, даже фабриканты. Нѣсколько лучше обстоитъ дѣло въ городахъ, хотя и тамъ существующая система выборовъ вызываетъ горькія нареканія со стороны малоимущихъ классовъ. Отъ участія въ выборахъ здѣсь устранены женщины, солдаты, матросы коммерческихъ судовъ и состоящіе въ услуженіи. Послѣдній терминъ отличается неопредѣленностью, давая просторъ всевозможнымъ толкованіямъ: въ одномъ городѣ къ выборамъ допускаются рабочіе, приказчики, конторщики; въ другомъ они не допускаются, при чемъ бывали случаи устраненія домовладѣльцевъ, разъ они, напримѣръ, занимаютъ мѣста управляющихъ, или бывшіе моряки (въ г. Бьорнеборгѣ). Но этого мало. Въ городахъ существуетъ еще такъ называемая «*röstskala*—скала голосовъ: установливается цензъ, обладаніе которымъ даетъ одинъ голосъ (иногда два); затѣмъ, сообразно величинѣ платимыхъ налоговъ, считается и число голосовъ, такъ что человѣкъ зажиточный можетъ ихъ накоплять за собой по нѣскольку. Еще сравнительно недавно максимума не было установлено; но затѣмъ феноманамъ (въ частности рабочимъ) удалось добиться максимума въ 25 и иногда въ 10 голосовъ для большинства городовъ. Установленіе же максимума зависитъ отъ самихъ городовъ, точно также какъ и опредѣленіе размѣра ценза, дающаго доступъ къ выборамъ. Кромѣ того, этотъ цензъ одинаковъ и для выборовъ въ городское управленіе, и для выборовъ въ сеймъ.

Хотя деревенскіе выборные порядки еще болѣе стѣснительны, чѣмъ городскіе—въ городахъ нужно только имѣть извѣстный доходъ, чтобы стать выборщикомъ, а въ деревнѣ нужно обязательно владѣть землей или ее арендовать, но партійная борьба выдвинула здѣсь на первое мѣсто вопросъ о расширеніи избирательнаго права въ городахъ. Крестьянское сословіе имѣло уже феноманское большинство; въ городскомъ же было наоборотъ, такъ какъ свекоманы въ общемъ и до сихъ поръ считаютъ въ своихъ рядахъ гораздо больше богатыхъ людей, чѣмъ феноманы, а богатымъ легко побѣждать на городскихъ выборахъ, выступая съ 25 голосами противъ лицъ съ 1 или 2 голосами. Поэтому феноманы стали главнымъ образомъ нападать на городскіе выборы, требуя ихъ измѣненія въ смыслѣ расширенія круга лицъ, принимающихъ въ нихъ участіе, и пониженія максимума голосовъ за однимъ лицомъ или даже уничтоженія права накоплять голоса. Свекоманы же понимаютъ, что пойти въ этой области на серьезныя уступки, значитъ, совершить самоубійство.

Независимо, впрочемъ, отъ партійныхъ соображеній о реформѣ вы-

боровъ въ городахъ говорили раньше и потому, что городское населеніе вездѣ болѣе интересуется общественными вопросами, чѣмъ сельское.

Обратимся къ петиціямъ, принесеннымъ по вопросу о выборахъ въ городахъ, и посмотримъ, какіе аргументы приводятъ представители той и другой партіи. Въ трехъ сословіяхъ было принесено нѣсколько петицій по этому вопросу; одинъ изъ нихъ касались только расширенія выборнаго права, т.-е. ограниченія числа лицъ, отстраняемыхъ отъ выборовъ; въ двухъ другихъ говорилось объ отмѣнѣ голосовой скалы. Петиціи перваго рода встрѣчались не особенно милостиво; послѣднія же были встрѣчены въ дворянскомъ и городскомъ сословіи comme un chien dans un jeu de quilles. Небезъинтересно привести, въ видѣ образчиковъ, нѣкоторые доводы, высказывавшіеся во время преній по поводу этихъ петицій. По поводу отмѣны голосовой скалы членъ дворянской палаты Фуруельмъ (свекоманъ) утверждалъ, что петиція стремится ввести всеобщую подачу голосовъ. Она хочетъ передать власть другому классу общества, чѣмъ тотъ, который теперь стоитъ у дѣлъ. Ораторъ же противъ всякихъ политическихъ опытовъ надъ своей страной. Л. Мехелинъ (умѣренный свекоманъ, лицо, извѣстное за предѣлами Финляндіи) находилъ, что сами рабочіе мало выиграютъ отъ установленія максимума въ одинъ голосъ: вѣдь петиція требуетъ этой реформы для выборовъ въ одно городское сословіе, а рабочіе живутъ главнымъ образомъ въ мѣстностяхъ сельскихъ, гдѣ отъ выборовъ устранена еще большая часть населенія. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ городскіе рабочіе очень стоятъ за эту реформу, такъ какъ съ ея проведеніемъ совершенно преобразовалась бы физіономія городскихъ избирательныхъ собраній. Подавшій петицію членъ сословія ее слабо защищалъ. Ее приложили къ дѣлу—ad acta. Такая же участь постигла аналогичную петицію и младофеномана Эркко, редактора «Päivälenti», представителя рабочихъ г. Таммерфорса. Ее положили покоиться «до радостнаго утра» въ городскомъ сословіи. Напрасно требовалъ Эркко, чтобы его петицію передали для обсужденій въ одинъ изъ комитетовъ сейма, куда обыкновенно поступаютъ прочія петиціи. Напрасно выяснялъ онъ важность вопроса, который въ будущемъ будетъ стучаться въ дверь, требуя разрѣшенія. Синклитъ охотнѣе внималъ голосамъ свекоманскихъ ораторовъ, изъ которыхъ Оманъ доказывалъ несовмѣстимость отмѣны скалы съ существующей системой четырехъ палатъ; прежде всего нужно бы отмѣнить эту систему. При голосованіи за оставленіе петиціи безъ дальнѣйшаго движенія высказалось 45 голосовъ противъ 17; изъ этого ясно, что часть старофеномановъ голосовала по этому вопросу вмѣстѣ со свекоманами: иначе голоса совпали бы съ числомъ представителей той и другой партіи въ сословіи (свекомановъ 41 и феномановъ 23). Старофеноманы въ общемъ сторонники максимума въ 10 голосовъ.

Еще болѣе оживленный обмѣнъ мнѣній вызвала петиція учителя

Вестерлунда въ духовномъ сословіи. Вестерлундъ просилъ лишь о расширеніи избирательнаго права. Первымъ возражалъ извѣстный докторъ медицины Рунебергъ, сынъ поэта (умѣренный свекоманъ). Онъ началъ съ того, что выразилъ удивленіе, что такъ хлопочутъ о реформѣ выборовъ именно въ городское сословіе и что хлопочутъ именно тѣ, кто обыкновенно выступалъ противникомъ всякихъ новшествъ, а противятся элементы обыкновенно прогрессивные. Очевидно, у реформаторовъ есть свои цѣли, состоящія въ томъ, чтобы измѣнить внѣшній видъ и составъ палаты горожанъ. Если бы петиція имѣла успѣхъ, то политическое вліяніе отошло бы отъ тѣхъ классовъ, которые обладаютъ наибольшими политическими дарованіями, къ тѣмъ, у которыхъ этихъ способностей нѣтъ или мало. Это путь невѣрный. Не слѣдуетъ покидать той точки зрѣнія, что политическаго смысла и интереса больше у тѣхъ, кому въ удѣлъ достались матерьяльныя блага. (Такъ говоритъ человѣкъ, глубоко убѣжденный, что онъ членъ прогрессивной партіи, а не редакціи «St. James Gazette» начала этого столѣтія). Въ результатѣ Рунебергъ, какъ и вообще всѣ свекоманы, предлагаетъ феноменамъ данайскій подарокъ расширенія круга лицъ, имѣющихъ доступъ къ выборамъ, но съ введеніемъ закономъ опредѣленнаго имущественнаго ценза и сохраненіемъ максимума въ 10 голосовъ, при чемъ максимумъ долженъ соотвѣтствовать доходу въ 5.000—10.000 марокъ; а при такихъ условіяхъ одинъ именно зажиточный человѣкъ будетъ на выборахъ все-таки равенъ десяти менѣе зажиточнымъ. Учитель Хермансонъ (свекоманъ) указывалъ, что предложенія, заключающіяся въ петиціи, ведутъ ни болѣе, ни менѣе, какъ къ suffrage universel, отъ котораго глубоко страдаютъ страны Запада. Профессору Форману и петиціонеру Вестерлунду досталась болѣе легкая задача доказывать неумѣстность страховъ предлагаемой реформы, не грозящей какими-либо переворотами. Пришлось доказывать, что люди малоимущіе, хотя они и не прирожденные законодатели, но умѣютъ не хуже другихъ находить лицъ, которымъ поручать защиту своихъ интересовъ. Почему, спрашивалъ петиціонеръ, наши противники въ принципѣ и не имѣли бы ничего противъ реформы, а на каждое реальное предложеніе отвѣчаютъ «non possumus»? Между тѣмъ всякій знаетъ, что наши города представлены главнымъ образомъ чиновниками. Насъ спрашиваютъ, почему мы именно хотимъ реформы. Пусть спрашивающіе подумаютъ о томъ настроеніи, въ которомъ находятся люди, когда они видятъ, что ихъ, представляющихъ большинство въ городахъ, на выборахъ постоянно побиваетъ, въ силу дѣйствующаго закона, меньшинство населенія. При такихъ условіяхъ естественно желать реформы. Профессоръ Даніельсонъ напомнилъ, что Финляндія оставалась чужда той тяжкой работѣ расширенія избирательнаго права, которую продѣлала западная Европа;

все вниманіе было здѣсь поглощено борьбой изъ-за языковъ. Жупелы противной партіи въ видѣ намековъ на suffrage universel ему не страшны: въ Финляндіи есть твердая правительственная власть, есть невыборное дворянское представительство, есть духовное сословіе, какъ часть сейма. Поэтому существующій государственный порядокъ покоится на твердомъ основаніи.

Еще болѣе странные аргументы слышались со стороны свекомановъ, когда въ одной петиціи феноманы заговорили было о пропорціональномъ представительствѣ, о представительствѣ и для меньшинства. Была пущена въ ходъ старинная фраза одного предсѣдателя городскаго сословія о томъ, что гласъ народный не всегда бываетъ гласомъ Божьимъ, что та же толпа, которая привѣтствовала крикомъ: «Осанна!», потомъ ревѣла: «распни Его!».

Феноманы подчеркиваютъ то обстоятельство, что искони прогрессивные свекоманы теперь силой вещей все болѣе и болѣе становятся консервативными. Существованіе ихъ партіи, разсуждаютъ феноманы, связано съ сохраненіемъ устарѣвшаго и несправедливаго порядка выборовъ, съ признаніемъ правъ за одними зажиточными классами; невольно является консервативное отношеніе и къ другимъ вопросамъ, является привычка отстаивать всякія монополіи. Феноманы, быть можетъ, и реу величиваютъ, но въ вопросѣ, напр., объ открытіи для женщинъ доступа къ должностямъ въ общественномъ управленіи феноманы прочли свекоману Шюбергсону мѣсто изъ протоколовъ сейма 1894 г., гдѣ онъ отстаивалъ это право; теперь же онъ его отвергалъ. Шюбергсону пришлось признаться, что въ этомъ вопросѣ, какъ и въ другихъ, онъ за послѣднее время «склонился направо». Свекоману Хейкелю (директору банка изъ Выборга), метавшему громы противъ расширенія избирательнаго права, напомнили, какъ онъ когда-то печатно восторгался правомъ всеобщей подачи голосовъ въ Сѣв. Америкѣ; онъ отвѣтилъ, что опытность растетъ съ годами и что ему безразлично, будутъ ли его считать членомъ правой или лѣвой стороны. Газета «Päivälehti» даже сомнѣвалась, чтобы свекоманы могли отнынѣ дружно держаться вмѣстѣ, такъ какъ среди нихъ есть не мало старыхъ прогрессивныхъ элементовъ, которымъ тягостенъ такой упорный консерватизмъ. Какъ бы въ отвѣтъ на эту статью, свекоманскій органъ «Hufvudstadbladet» (Столичная газета) помѣстилъ передовую, гдѣ рядомъ весьма вѣскихъ аргументовъ доказывалась неразумность отстраненія отъ выборовъ людей, состоящихъ въ услуженіи: бояться, что въ выборахъ примутъ участіе люди, зависящіе отъ другихъ, и потому устранять мелкихъ служащихъ, матросовъ, рабочихъ не имѣетъ смысла, ибо гораздо зависимѣе люди, получающіе хорошіе оклады—директоры, агенты, техники и т. п., а ихъ рѣдко устраняютъ. Бояться бѣдняковъ тоже нечего: имъ просто некогда заниматься политикой, да и цензикъ хорошій можно установить. Поэтому газета отстаиваетъ то, что вер-

ховная власть уже однажды предлагала сейму (въ 1885 г.)—устранять отъ выборовъ только солдатъ на дѣйствительной службѣ и служащихъ, «столующихся у хозяина» (som är i husboudens kast).

Впрочемъ, въ слѣдующихъ №№ газеты пришлось заявить, что статья исходила не отъ редакціи, а отъ одного юриста; редакція лишь дала ей мѣсто.

До послѣдняго времени свекоманы не безъ извѣстной доли основательности упрекали феномановъ въ томъ, что они изъ партійныхъ цѣлей заботятся о расширеніи избирательнаго права лишь для горожанъ, а не для сельскихъ жителей. Теперь это обвиненіе падаетъ: тотъ же Эркко «съ товарищи» подалъ петицію о такомъ расширеніи именно для сельскаго населенія. Петиція хочетъ предоставленія голоса на политическихъ выборахъ всѣмъ тѣмъ, кто участвуетъ на общинныхъ; исключены должны быть лишь тѣ, кто «служитъ и ѣстъ у хозяина», и солдаты на дѣйствительной службѣ. Цензъ долженъ быть возможно низкій, право нѣсколькихъ голосовъ за однимъ лицомъ должно быть отмѣнено. Петицію отправили въ комитетъ, при чемъ Хейкель (свек.) напутствовалъ ее своимъ «coeterum censeo»—пожеланіемъ, чтобы въ законѣ было проведено устраненіе отъ выборовъ тѣхъ, кто имѣетъ лишь нужное для жизни, съ допущеніемъ, однако, болѣе обезпеченныхъ рабочихъ.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ по вопросу о языкахъ. До настоящаго времени оба языка примѣняются при составленіи протоколовъ лишь въ уѣздныхъ судахъ: протоколъ пишется на томъ языкѣ, который является наиболѣе распространеннымъ въ данной мѣстности; о томъ, чтобы его составили на другомъ языкѣ, нужно каждый разъ спеціально просить. Въ остальныхъ судебныхъ мѣстахъ все дѣлопроизводство ведется по-шведски, и просителю можетъ быть выданъ лишь финскій переводъ. Отдѣльныя центральныя управленія находятся въ рукахъ свекомановъ и стараются вести всю переписку по-шведски, даже когда они сносятся непосредственно съ финскими общинами. Теперь свекоманы подали петицію объ изданіи, при содѣйствіи сейма, а не административнымъ путемъ, закона о равноправности обоихъ языковъ во всѣхъ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ: языкъ просителя или большинства просителей опредѣляетъ и языкъ дѣлопроизводства.

Въ общемъ феноманы считаютъ порядокъ, о введеніи котораго проситъ петиція, шагомъ впередъ. По ихъ мнѣнію, свекоманы пошли на эту уступку, чтобы путемъ ея упрочить на будущее время положеніе шведскаго языка: ихъ партія можетъ ослабѣть, потерять большинство на сеймѣ, а шведскій языкъ все-таки будетъ закрѣпленъ закономъ, изданнымъ сеймомъ.

Р—нъ.

---

*

ИВАНЪ ФРАНКО.

(Галицкій писатель).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ каждый, желавшій что-нибудь сказать о Галиціи, долженъ былъ начинать чуть не съ реформъ Іосифа II, подробно изображать русинское возрожденіе 40-хъ годовъ въ связи съ панславизмомъ, характеризовать такъ называемыя «москвофильскую» и «народовскую» партіи и отмѣчать успѣхи народнаго образованія и начало демократическаго движенія. Мало кто, кромѣ опредѣленной кучки малорусскихъ интеллигентовъ, вспоминалъ появлявшіяся въ 70-хъ годахъ въ «Вѣстникѣ Европы» статьи о Галиціи, и напр., Вс. Крестовскій, проѣхавшись чрезъ Львовъ и Черновцы и по душѣ поговоривши съ однимъ швейцаромъ гостиницы, могъ писать въ «Русскомъ Вѣстникѣ» такія небылицы, которыя напоминаютъ фантастическія повѣствованія старинныхъ французскихъ путешественниковъ о Россіи. Начиная однако съ 1890 г., въ русской литературѣ появилось нѣсколько статей [1]), послѣ которыхъ мы можемъ допустить, что основные факты, галицкаго общественнаго движенія достаточно извѣстны русскому читателю, такъ что повторять ихъ значило бы злоупотреблять его вниманіемъ. Но при томъ традиціонномъ недоброжелательствѣ и недовѣріи, съ какимъ нѣкоторые представители «общерусской» интеллигенціи всегда относились къ мѣстнымъ движеніямъ и литературамъ нарѣчій, неудивительно, что *непосредственное знакомство* съ жизнью галицкаго общества, поскольку она отразилась въ публицистикѣ и въ изящной литературѣ, у насъ часто отсутствуетъ.

Поучительная сторона исторіи галицкой общественности заключается въ осязательности результатовъ работы демократической интеллигенціи. У насъ необъятность поля дѣятельности дѣлаетъ невозможнымъ учетъ достигнутаго, отсюда столько сомнѣній въ плодотворности какой бы то ни было общественной работы. Въ галицкомъ же обществѣ, гдѣ просвѣщенныхъ и прогрессивныхъ дѣятелей въ буквальномъ смыслѣ слова можно пересчитать по пальцамъ, гдѣ завербованіе каждаго новаго человѣка составляетъ побѣду, а измѣна

[1]) Особенно цѣнны двѣ статьи г-на Р. Я. въ «Вѣстн. Евр.» 1892 и 1894 гг. Кромѣ того слѣдуетъ указать статьи г. К. Арабажина въ «Энц. Словарѣ Брокгауза и Эфрона» 1892 г. т. VII[A], г. Л. Василевскаго въ «Русск. Бог.» 1893 г. и г. А. Кониссаго въ «Русск. Мысли» 1890 г.

какого-нибудь одного борца, не выдержавшаго соблазна филистерскаго благополучія, является ударомъ чуть не для цѣлаго народа, тамъ высокая роль интеллигентной демократіи становится очевидной.

На вопросъ, кто изъ этой кучки русинскихъ интеллигентовъ играетъ наибольшую роль въ галицкомъ демократическомъ движеніи, не можетъ быть двухъ различныхъ отвѣтовъ: первыми всегда называютъ два имени — Михаила Павлика и Ивана Франка. Литературная дѣятельность перваго почти ограничивается публицистикой и поэтому не подлежитъ здѣсь нашему разсмотрѣнію. Что касается Франка, то трудно найти тотъ родъ писательства, въ которомъ бы онъ не достигъ выдающагося успѣха: какъ журналистъ, онъ проявилъ въ высокой степени чутье живыхъ вопросовъ, острый анализъ явленій окружающей жизни и блестящій полемическій талантъ; въ исторіи литературы, старой и новой, онъ овладѣлъ вполнѣ новѣйшимъ сравнительнымъ историческимъ методомъ; его лирика достигаетъ иногда удивительной силы впечатлѣнія, наконецъ его беллетристическія повѣсти и очерки могли бы занять почетное мѣсто въ любой европейской литературѣ и не требуютъ къ себѣ того обиднаго снисхожденія ради благихъ намѣреній автора, которое часто приходится примѣнять при оцѣнкѣ произведеній молодыхъ литературъ мелкихъ возрождающихся народностей. Нѣтъ ни одного сколько-нибудь прогрессивнаго малорусскаго и, кажется, польскаго изданія въ Австріи и въ Россіи, гдѣ бы Франко не помѣщалъ своихъ корреспонденцій, рецензій, програмныхъ статей, беллетристическихъ фельетоновъ или стиховъ. Въ настоящій моментъ ему ровно сорокъ лѣтъ; это возрастъ, въ которомъ часто писатели только начинаютъ выяснять свою физіономію предъ читающей публикой и называются *молодымъ поколѣніемъ*, тогда какъ литературная дѣятельность Франка давно уже стала историческимъ факторомъ на его родинѣ. При этомъ необходимо принять во вниманіе, при какихъ тяжелыхъ нравственныхъ и матерьяльныхъ условіяхъ протекала, да еще и до сихъ поръ протекаетъ дѣятельность Франка и его товарищей. Польскія власти считаютъ ихъ подозрительными агитаторами; сюртучное русинское общество чурается ихъ изъ боязни скомпрометироваться черезъ нихъ; націоналисты-народовцы, пользующіеся въ настоящій моментъ въ Австріи наибольшею благосклонностью офиціальныхъ сферъ, предаютъ ихъ анаѳемѣ за то, что тѣ видятъ національный вопросъ прежде всего въ поднятіи политическаго значенія и экономическаго благосостоянія массы народа и не придаютъ особенной важности, на какомъ языкѣ сдѣланы надписи на почтовыхъ ящикахъ [1]). Издаваемые ими журналы производятъ сенсацію въ народ-

[1]) Извѣстно, что при происшедшемъ въ 1890 г. соглашеніи (*угода*) русинскихъ народовскихъ политиковъ съ поляками, важное значеніе придавалось тому, что отнынѣ надписи на почтовыхъ ящикахъ должны были писаться на польскомъ и малорусскомъ языкѣ.

ныхъ читальняхъ, но имѣютъ очень мало платныхъ подписчиковъ, такъ что вопросъ о кускѣ хлѣба для галицкихъ демократовъ часто принимаетъ весьма острую форму и временами выбиваетъ изъ строя лучшія силы. Казалось бы, эта страна обладаетъ необходимыми условіями свободнаго развитія. Австрійское государственное устройство, при всей своей отсталости, формально гарантируетъ равноправіе національностей, извѣстную свободу личности и печати, но въ дѣйствительности эти гарантіи оказываются, по крайней мѣрѣ, для галицкихъ русиновъ пустымъ звукомъ. Дѣло въ томъ, что въ то время, какъ другія народности Австріи дѣятельно участвовали въ борьбѣ за тѣ правовыя формы жизни, которыя съ грѣхомъ пополамъ утвердились въ габсбургской монархіи, русины, едва освобожденные отъ панщины, представляли сплошную невѣжественную и забитую массу, которая вполнѣ пассивно восприняла политическія реформы конца 40-хъ годовъ. Пользуясь этимъ, мѣстные господствующіе классы сумѣли эксплоатировать въ свою пользу всѣ недостатки австрійскаго государственнаго режима и установили такую практику общественной жизни, при которой низшіе слои народа фактически оказались совершенно безправными. Легко понять, что всякая попытка измѣнить этотъ ходъ вещей или даже только констатировать его несправедливость вызываетъ ожесточенное противодѣйствіе [со стороны привилегированныхъ. Малочисленная, политически безсильная русинская интеллигенція, состоявшая нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ исключительно изъ духовенства, естественно направляла свою дѣятельность по линіи наименьшаго сопротивленія. Пробудивши въ массѣ народа національное самосознаніе и поднявши до извѣстной, довольно скромной ступени народное образованіе, она исполнила свое предназначеніе. Ближайшую матерьяльную пользу эта дѣятельность однако принесла главнымъ образомъ самой интеллигенціи: въ настоящее время русинскій народъ представляетъ среду, въ которой находитъ приложеніе своимъ силамъ уже значительное число русинскихъ адвокатовъ, учителей, низшихъ должностныхъ лицъ, писателей, [актеровъ и пр. Прежде въ нихъ или совсѣмъ не ощущалась надобность, или ихъ легко побивала конкурренція поляковъ. Классовый характеръ русинской интеллигенціи обнаруживается лучше всего въ томъ, что теперь, когда низшіе классы народа начинаютъ показывать признаки самостоятельной жизни и требовать и для себя нѣкотораго участія въ благахъ матерьяльной и духовной цивилизаціи, эта самая интеллигенція готова соединиться со своими врагами — польскими панами и даже съ польскими жандармами, чтобы наложить узду на молодую демократію и ея умственныхъ вождей. Съ необходимыми варіаціями и другимъ языкомъ повторяютъ они мысль стараго москвофила и книжника Дениса Зубрицкаго (1777—1862): «Есть врачные изступленники,—говорилъ тотъ,—или, скорѣе, низкіе невѣжды, въ лѣни доселѣ проживавшіе, пренебрегавшіе всякую науку собственнаго языка,

употреблявшіе чуждое нарѣчіе, прислушивавшіеся только къ простонародному разговору собственныхъ слугъ и работниковъ и желавшіе теперь, чтобы мы писали свою исторію на областномъ нарѣчіи галицкой черни. Странное требованіе! Исторіи пишутся для образованнаго и образующагося класса народа. Для простолюдина довольно молитвенника, катехизиса и псалтыря». Не объ языкѣ, конечно, теперь идетъ рѣчь, но вѣдь въ сущности и Зубрицкій говоритъ не объ языкѣ, а о необходимости рѣзко разграничить то, что полезно для «простолюдина», а что для «образованнаго и образующагося класса». Въ минуты откровенности, которыя случаются нерѣдко у народовцевъ такого типа, какъ Ол. Барвинскій (издатель «Діла» и депутатъ рейхсрата), они и теперь проговариваются, что «для простолюдина довольно молитвенника, катехизиса и псалтыря», а кто хочетъ дать ему и другую умственную пищу, а также научить его бороться за свои интересы, тотъ въ ихъ глазахъ такой же «мрачный изступленникъ», какъ любители народной рѣчи въ глазахъ Зубрицкаго, тотъ отрекся отъ великихъ идеальныхъ цѣлей и сталъ служителемъ «желудковыхъ» идей, какъ характерно выразился одинъ изъ видныхъ народовцевъ Вахнянинъ (депутатъ рейхсрата) на одномъ торжественномъ собраніи въ память Шевченка.

Односторонность и ограниченность идеаловъ, воодушевлявшихъ русинскую интеллигенцію, въ связи съ не особенно богатой одаренностью этой вѣтви малорусскаго племени, имѣли слѣдствіемъ крайне жалкое состояніе русинской литературы до самаго послѣдняго времени. Первыя десятилѣтія своей жизни (отъ 30-хъ до 60-хъ годовъ) все идейное содержаніе ея исчерпывалось исповѣданіемъ своей національной особности: «я русинъ!»—вотъ боевой кличъ наиболѣе отважныхъ представителей зарождающагося національнаго движенія. Впервые въ 60-хъ годахъ въ австрійской Руси ощущаются нѣкоторые слабые отголоски демократическихъ идей, шедшихъ съ востока. Значительное распространеніе среди русинскаго общества получили произведенія лучшихъ украинскихъ писателей, Квитки, Марка Вовчка и особенно Шевченка. Русинская литература въ лицѣ буковинца Осипа Федьковича пріобрѣтаетъ перваго достойнаго упоминанія писателя. Весьма мало развитой, но близкій къ народной массѣ, съ живымъ чутьемъ народной рѣчи и поэзіи, Федьковичъ въ своихъ пѣсняхъ и повѣстяхъ [1]) далъ живыя изображенія народнаго быта и настроенія. Насколько однако литературная дѣятельность Федьковича была мало сознательна, доказываетъ хотя бы тотъ фактъ, что онъ долго писалъ нѣмецкіе стихи и лишь подъ постороннимъ вліяніемъ принялся за свой родной языкъ, а впослѣдствіи лучшія свои произведенія, простые разсказы

[1]) *Повісті Осипа Федьковича*, Кіевъ, 1876 г., съ предисловіемъ М. П. Драгоманова. Изъ нихъ двѣ переведены Н. Н. Златовратскимъ на русскій языкъ въ «Русск. Вѣд.» 1890 года.

изъ сельской и солдатской жизни, считалъ за грѣхи молодости и сталъ замышлять полуисторическія, полуаллегорическія драмы и поэмы.

Со временъ Федьковича русинская литература мало ушла впередъ, такъ же какъ и украинская литература, питавшая ее до тѣхъ поръ. Здѣсь не мѣсто разсматривать вопросъ, почему малорусская литература въ Россіи падаетъ все ниже и ниже. Внѣшнія неблагопріятныя условія играютъ здѣсь, конечно, важную, но, по нашему мнѣнію, не исключительную роль. Во всякомъ случаѣ фактъ остается тотъ, что мертвящій шаблонъ царитъ за самыми рѣдкими исключеніями во всѣхъ произведеніяхъ украинскихъ писателей, появившихся за послѣднія 20 лѣтъ какъ въ Россіи, такъ и въ Австріи. Романъ и повѣсть послѣ проявившагося было въ этой области здороваго реальнаго направленія въ произведеніяхъ Мирнаго, отчасти и у г. Ивана Левицкаго, подъ перомъ г. Чапченка возвратились опять къ сентиментализму при полномъ убожествѣ тенденцій. Поэзія, за исключеніемъ, можетъ быть, только одной писательницы г-жи Леси Украинки, обладающей дѣйствительнымъ художественнымъ темпераментомъ и даромъ выражать увлекательно продуманныя ею мысли, не выходитъ изъ самыхъ посредственныхъ перепѣвовъ Шевченка. Драма держится исключительно правдивымъ изображеніемъ бытовыхъ чертъ, имѣя, впрочемъ, въ этомъ преимущество предъ общерусской драмой, которая совершенно безсильна въ созданіи характеровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ высокомѣрно отворачивается отъ бытописанія.

Въ галицкой литературѣ дѣло, повидимому, шло еще хуже. А. Н. Пыпинъ въ своей *Исторіи славянскихъ литературъ* въ 1879 году едва можетъ назвать три-четыре имени современныхъ русинскихъ писателей, изъ которыхъ однако ни одинъ не вырвался изъ узкой сферы заимствованія и сентиментальнаго отношенія къ народности. На этомъ-то бѣлесоватомъ фонѣ выдѣляется вдругъ такой многосторонній и сильный талантъ, какъ Франко. Этотъ кажущійся скачокъ въ русинской литературѣ въ сущности представляетъ въ высшей степени закономѣрное явленіе: одновременно съ выступленіемъ Франка на литературное поприще замѣчаются въ Галиціи первыя попытки со стороны интеллигентной молодежи объединить свои интересы съ реальными интересами народной массы, и развитіе его таланта идетъ параллельно съ ростомъ демократическихъ идей въ галицкомъ обществѣ, пока эти идеи, наконецъ не перешли въ дѣятельное стремленіе объединенныхъ силъ понявшаго свои нужды демоса и передовой части интеллигенціи.

При какихъ условіяхъ однако осуществляется это объединеніе, какія мытарства приходится претерпѣвать всякому прогрессивному общественному дѣятелю въ Галиціи, ярче всего доказываетъ біографія самого Франка [1]). Онъ родился въ семьѣ зажиточнаго крестьянина и

[1]) См. автобіографію въ предисловіи къ сборнику повѣстей его *В поті чола*. Львовъ, 1890.

на шестомъ году былъ отданъ въ сельскую школу, гдѣ за два года выучился читать и писать по-малорусски (извѣстно, что галичане свой языкъ называютъ «руськимъ»), по-польски и по-нѣмецки. Затѣмъ онъ перешелъ въ нѣмецкую, такъ называемую нормальную школу при Васильянскомъ монастырѣ, гдѣ его мужицкое обличье долго служило поводомъ насмѣшекъ для товарищей и преслѣдованій со стороны нѣкоторыхъ изъ учителей, пока онъ неожиданно для всѣхъ и для себя не занялъ перваго мѣста въ классѣ по своимъ успѣхамъ. Потерявши въ этотъ періодъ отца, маленькій Франко имѣлъ счастье пріобрѣсти вотчима, который далъ ему возможность продолжать образованіе въ гимназіи и университетѣ и долго затѣмъ поддерживалъ его во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Школьное образованіе не отрывало однако Франка отъ родной деревни и отъ крестьянскаго быта: каникулы между седьмымъ и восьмымъ классами гимназіи были первыми, проведенными имъ не дома на полевой работѣ, а въ пѣшеходной экскурсіи по ближайшимъ городамъ и селамъ (такого рода экскурсіи въ большомъ обычаѣ у галицкой учащейся молодежи). Эта органическая связь съ крестьянской массой оказала ему впослѣдствіи величайшую услугу, какъ писателю: мужицкая психологія есть почти его собственная психологія; ему не пришлось изучать ее со стороны, этнографически, какъ приходилось, напр., дѣлать многимъ русскимъ писателямъ-народникамъ. Поэтому-то фигуры крестьянъ въ его изображеніи почти всегда гораздо удачнѣе, чѣмъ персонажи, взятые изъ другихъ слоевъ общества. Поэтому же, конечно, его писательство такъ понятно этой массѣ и производитъ на нее такое сильное дѣйствіе.

Литературныя наклонности проявились у Франка очень рано, еще въ гимназіи. Древніе и новые классики, лучшіе польскіе писатели, а въ особенности Шевченко были прочитаны имъ съ увлеченіемъ. Его первые литературные опыты прозой и стихами относятся еще къ низшимъ классамъ гимназіи; восемнадцати лѣтъ отъ роду онъ помѣстилъ первую свою повѣсть въ одномъ изъ львовскихъ малорусскихъ журналовъ, а въ двадцать лѣтъ, черезъ годъ по вступленіи въ Львовскій университетъ, онъ выступаетъ съ двумя очерками изъ народной жизни, обнаруживающими уже въ авторѣ того художника-натуралиста, который нынѣ занимаетъ безспорное мѣсто среди галицкихъ и украинскихъ беллетристовъ. Молодые авторы обыкновенно стараются заинтересовать читателя фабулой; у Франка въ его первомъ очеркѣ *Лесишина челядь*, какъ и во многихъ послѣдующихъ, нѣтъ никакой фабулы; это просто характеристика крестьянской семьи подъ крѣпкою державою строгой хозяйки, Лесихи. Въ этой характеристикѣ нѣтъ ни тѣни сентиментальнаго прикрашиванія и преклоненія предъ патріархальнымъ бытомъ крестьянства, которыми, за самыми рѣдкими исключеніями, полна малорусская литература послѣ-шевченковскаго періода. Чувствуется какое-то родство съ манерой Гл. Успенскаго, хотя важно замѣтить, что въ

то время (1876) Франко еще не зналъ его совсѣмъ и лишь гораздо позднѣе испыталъ на себѣ, по собственному признанію, громадное впечатлѣніе отъ его произведеній. Описываемая Франкомъ семья принадлежитъ къ тому типу, который извѣстенъ названіемъ «хозяйственныхъ мужичковъ»,—сами работаютъ, не покладаючи рукъ, да и другихъ заставляютъ на себя работать: скупая Лесиха не изъ филантропіи приняла въ свое хозяйство стараго нищаго дѣда да сироту Васыля; дѣдъ за пасѣкой смотритъ и по домашнему хозяйству помогаетъ, Васыль скотъ пасетъ,—а много ли они оба съѣдятъ? Увѣренной, мастерской рукой очерчены всѣ лица: старая, ворчливая хозяйка, гордая своимъ образцовымъ хозяйствомъ, грубый сынъ ея Игнатъ, забитая невѣстка, незамужняя дочка Горпина и въ особенности сирота Васыль. У этого въ головѣ, повидимому, нѣтъ ничего, кромѣ обрывковъ пѣсенъ, которыя онъ весь день выкрикиваетъ въ самомъ дикомъ безпорядкѣ; погонитъ скотъ на опушку лѣса пастись, коровы заберутся въ чужіе овсы, а онъ лежитъ себѣ въ холодкѣ подъ деревомъ и выводитъ на всю округу:

— Ой, тамъ на горбочку
Сидівъ дідко въ черепочку,
А ми іого не пізнали...

...Го-о-о-а-усподи, воззвахъ тебі, услиши мя!.. Господи, помило-о-ой!.. Ой туду, ду, ду, ду, ду, за волами я іду... [1]).

Между тѣмъ умственное развитіе молодого писателя шло быстрымъ ходомъ. Нельзя сказать, чтобы тому сильно способствовала окружавшая его среда. Вступивши въ университетъ, онъ сразу окунулся въ безконечные споры о языкѣ и національности, которыми и теперь пробавляется затхлая литература народовскаго и москвофильскаго оттѣнка и примыкающіе къ нимъ кружки молодежи. Франко старался добросовѣстно оріентироваться въ этихъ вопросахъ, долгое время склонялся то на одну, то на другую сторону и въ концѣ концовъ пришелъ къ тому убѣжденію, что, независимо отъ теоретической стороны этихъ споровъ, которая должна быть разрѣшена наукой, писатель долженъ быть понятенъ тому народу, для котораго онъ пишетъ, а поэтому нелѣпо выдумывать себѣ какой-то небывалый языкъ, quasi-общерусскій, неосновательно также стремиться и къ общемалорусскому языку, ограничиваясь лексикономъ Шевченка, а надо, не мудрствуя лукаво, говорить и писать тѣмъ языкомъ, которымъ говоритъ кругомъ народъ, не отрекаясь отъ заимствованій и нововведеній, вызываемыхъ насущною потребностью.

Львовскій университетъ также не могъ дать цѣнной пищи уму пытливаго юноши. Научный уровень этого учебнаго заведенія и вообще не особенно высокъ, что же касается тѣхъ нѣсколькихъ каѳедръ, гдѣ преподаваніе ведется на малорусскомъ языкѣ, то при замѣщеніи ихъ

[1]) Въ цитатахъ мы сохраняемъ правописаніе подлинника, гдѣ *і* имѣетъ значеніе русскаго *и*, а *и* произносится близко къ *ы*.

принимаются въ расчетъ не столько научныя заслуги и таланты кандидатовъ, сколько смиреніе и безопасность для польскихъ руководящихъ сферъ. На счастье, какъ разъ около середины 70-хъ годовъ въ Галиціи пахнулъ свѣжій вѣтеръ, шедшій изъ Украины. Нѣсколько человѣкъ изъ галицкой молодежи, въ томъ числѣ Франко, оставивши безплодныя пререканія этнографическія и филологическія, замѣнили отвлеченный принципъ—торжество національности, реальнымъ благомъ народа и первою своею цѣлью поставили пробужденіе сознанія массъ путемъ просвѣщенія. Студенческій журнальчикъ «Другъ», издававшійся москвофильскимъ «академическимъ кружкомъ», получилъ сильную демократическую окраску. Здѣсь стали появляться очерки Франка изъ жизни львовскихъ рабочихъ, приводившіе въ ужасъ благонравныхъ галичанъ своимъ реализмомъ и направленіемъ. Но эти начинанія скоро были прерваны самымъ неожиданнымъ образомъ. Въ 1877 г. вся редакція «Друга» была арестована, и начался одинъ изъ тѣхъ нелѣпыхъ процессовъ, къ которымъ галицкія власти частенько прибѣгаютъ, чтобы устранить хоть на время нежелательные имъ элементы оппозиціи. Этотъ процессъ, который упалъ на Франка и его товарищей, «какъ среди улицы кирпичъ на голову», окончился для него девятимѣсячнымъ осужденіемъ. Впослѣдствіи такіе кирпичи еще не разъ падали на него, но первый съ непривычки показался ему особенно тяжелымъ. Дѣйствительно, кто имѣетъ хоть отдаленное понятіе о томъ, что такое представляетъ изъ себя австрійская тюрьма, тотъ пойметъ, что нужно много духовныхъ силъ, чтобы послѣ девяти мѣсяцевъ пребыванія въ ней рисковать снова попасть туда. «Но не столько тюрьма, осужденіе уголовнаго суда,—говоритъ Франко,—было для меня самымъ тяжкимъ испытаніемъ, а главнымъ образомъ то, что́ я засталъ послѣ на свѣтѣ—сто разъ болѣе тяжелый и несправедливый судъ всего общества...» Его избѣгали, какъ прокаженнаго, исключили изъ всѣхъ обществъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, ему запрещали приходить читать газеты въ читальни; люди, которые хотѣли съ нимъ имѣть какое-нибудь дѣло, видались съ нимъ тайкомъ. Зато опыта и наблюденій у него прибавилось столько, сколько онъ въ другихъ условіяхъ никогда бы не пріобрѣлъ. Франко этой цѣною купилъ себѣ правильное представленіе о той средѣ, которая его окружаетъ, а тюремныя наблюденія и впечатлѣнія не разъ служили ему темой для яркихъ литературныхъ изображеній, имѣющихъ громадный общественно-психологическій интересъ. О нихъ мы будемъ еще имѣть поводъ говорить.

Послѣ этой первой грозной перипетіи Франко сразу обстрѣлялся и изъ пробующаго свои силы новичка въ одинъ годъ сдѣлался центральной фигурой новаго въ Галиціи литературнаго и общественнаго теченія. Вмѣстѣ съ своимъ отнынѣ неизмѣннымъ товарищемъ М. Павликомъ основываютъ они одинъ журналъ за другимъ, гдѣ впервые въ русинской печати открыто выдвигаются на первый планъ экономиче-

скіе и политическіе вопросы. Всѣ эти изданія, лишенныя поддержки общества, не проникшія еще и въ народную массу, также быстро падаютъ, какъ и возникаютъ; но для историка галицкаго общественнаго развитія они навсегда останутся первыми проблесками появленія на аренѣ новыхъ силъ, которыя черезъ десятокъ лѣтъ спаяли разрозненные элементы забитаго народа и открыли имъ широкія перспективы. Рядомъ съ журнальною дѣятельностью Франко развиваетъ въ это время изумительную продуктивность на всѣхъ поприщахъ литературы. Онъ продолжаетъ свои мелкія повѣсти изъ жизни рабочихъ, завязываетъ сношенія съ польскими періодическими изданіями, переводитъ на малорусскій языкъ *Германію* Гейне, *Фауста*, *Каина* Байрона, *Queen Mab* Шелли, составляетъ популярныя книжечки по политической экономіи по Миллю, Чернышевскому и Марксу и т. д. Тутъ небо послало Франку новый кирпичъ на голову. Его продержали три мѣсяца подъ слѣдствіемъ, послѣ чего, какъ невиннаго, его отправили этапнымъ порядкомъ пѣшкомъ на родину. Тогда-то онъ и познакомился съ этапами мелкихъ городишекъ и селъ и ихъ обитателями, которые описаны имъ съ такимъ мрачнымъ реализмомъ въ одной изъ самыхъ крупныхъ новеллъ, подъ заголовкомъ *На днѣ*. Любопытна прежде всего обстановка, въ которой написана эта вещь. Только что выпущенный на свободу, изнуренный физически и морально, не зная, куда дѣваться, Франко отправился разыскивать одного изъ своихъ товарищей по заключенію въ г. Коломію; «тамъ,—говорилъ онъ,—прожилъ я ужасную недѣлю въ гостиницѣ, написалъ разсказъ *На днѣ* и на послѣднія деньги выслалъ его въ Львовъ, послѣ того жилъ три дня тремя центами, найденными надъ Прутомъ на пескѣ, а когда и ихъ не стало, я заперся въ своей комнаткѣ въ гостиницѣ и лежалъ полтора дня въ горячкѣ и въ голодѣ, ожидая смерти, безъ силъ и охоты къ жизни. Одинъ изъ моихъ соузниковъ... спасъ меня отъ голодной смерти». Не правда ли, какъ это похоже на страничку изъ извѣстнаго романа Хамсуна *Голодъ?* Не правда ли, дѣйствительная жизнь есть самый смѣлый художникъ? Она создаетъ такія положенія, рисуетъ такія картины, предъ которыми блѣднѣетъ человѣческая фантазія.

Теперь взглянемъ поближе на вышеупомянутый разсказъ Франка, въ которомъ ярко отразились и лучшія стороны его таланта, и кое-какіе характерные недостатки. Пересказать его своими словами очень трудно, потому что и здѣсь завязка крайне элементарная. Молодой студентъ, имѣющій самыя возвышенныя стремленія и идеалы, по дорогѣ къ своимъ знакомымъ въ деревню, попадаетъ случайно подъ арестъ, какъ безпаспортный; его приводятъ въ ближайшій городишко Дрогобычъ и сажаютъ, до прибытія документовъ, въ мѣстную арестантскую, гдѣ онъ оказывается девятымъ. Описаніе камеры, гдѣ въ темнотѣ, въ грязи, задыхаются эти девять несчастныхъ, не имѣя возможности даже размѣститься на нарахъ, не поддается передачѣ крат-

кими словами. Четырнадцать крейцеровъ, выдаваемые на человѣка, хватаютъ только на хлѣбъ; безчеловѣчное обращеніе полицейскихъ съ арестованными дополняетъ ужасныя условія этого кромѣшнаго ада. Плотное населеніе камеры представляетъ изъ себя цѣлую гамму человѣческихъ лицъ, доходящихъ по нисходящей степени почти до звѣринаго образа. Въ рельефной обрисовкѣ большинства этой невольной компаніи опять сказался крупный изобразительный талантъ автора. Изъ обитателей каземата дидъ Панько образуетъ центръ, около котораго группируются остальные. Проживши тяжелую жизнь, сначала солдатомъ, потомъ чернорабочимъ, а подъ конецъ нищимъ, онъ научился спокойно относиться ко всякой невзгодѣ; ни холодъ, ни голодъ, ни дурное обращеніе его не удивятъ. Зато онъ принесъ съ воли здравый смыслъ и не хочетъ поступиться ни на шагъ обыденными принципами немудрой ходячей морали, которые при всей своей элементарности препятствуютъ тому, чтобы въ этомъ мѣстѣ плача и скрежета зубовъ восторжествовала полная анархія, чтобы люди не перегрызлись между собою, какъ дикіе звѣри, посаженные въ узкую клѣтку. Онъ одинъ между всѣми сохранилъ даже малорусскій юморъ, который хоть минутами скрашиваетъ удрученное настроеніе соузниковъ. Другой любопытный экземпляръ—это доморощенный философъ Стебельскій. Онъ кончилъ гимназію, любитъ показать свое умственное превосходство и охотно вставляетъ въ разговоръ латинскія фразы. Онъ былъ писаремъ при старостѣ, а потомъ у какого-то адвоката, но жажда праведной жизни заставила его покинуть прежній путь.

— Что это я дѣлаю!—сталъ онъ спрашивать себя.—Пишу здѣсь, а на что это писанье нужно? Только люди отъ него плачутъ и проклинаютъ. А я еще съ нихъ же за это деньги беру.... Человѣкъ, который во всемъ не можетъ самъ себя обезпечить,—развиваетъ онъ свою философію,—задолживается у другихъ. А кто задолживается, тотъ должникъ... долженъ отдавать. А если онъ не имѣетъ чѣмъ отдать и не знаетъ, какъ отдать? А тутъ, вѣрите ли, хлопы, бабы.... плачутъ и клянутъ! Спать нельзя ночью... страшно... все слышишь плачъ и проклятья! А хуже всего эти дѣти—такія жалкія, голыя, голодныя... и не клянутъ, только плачутъ и умираютъ. Какъ мухи гибнутъ. Я два года не могъ ни на волосъ заснуть, все этотъ плачъ ночью слышалъ. И долженъ былъ покинуть все... «Съ тѣхъ поръ онъ живетъ трудами своихъ рукъ: ѣстъ то, что заработаетъ, одѣвается въ то, что самъ сладитъ, спитъ на землѣ. А главное дѣло,—добавляетъ онъ,—мяса не ѣсть и пера въ руки не брать. Потому что мясо доводитъ человѣка до дикости, а перо въ людскихъ рукахъ становится страшнѣй, нежели львиные когти, тигровые зубы и змѣиный ядъ». Замѣтимъ здѣсь опять, что ученіе гр. Толстого на этотъ типъ не могло оказать никакого вліянія, потому что въ 1880 г., когда написана разбираемая нами повѣсть, не появлялась еще даже и *Исповѣдь*.

Стебельскій, несомнѣнно написанный съ натуры, очень близокъ къ тѣмъ народнымъ элементамъ съ преобладающимъ чувствомъ нравственности, изъ которыхъ выходятъ иногда штундисты, а иногда блаженные и юродивые.

Противоположный типъ представляетъ изъ себя Бовдуръ. Благодаря условіямъ его жизни, въ немъ до возможной степени атрофировались всѣ альтруистическія чувства. Брошенный въ свѣтъ неизвѣстными ему родителями, всѣми отталкиваемый и презираемый, въ вѣчной погонѣ за жалкимъ кускомъ хлѣба, этотъ человѣкъ какъ бы самою судьбою былъ предназначенъ на жизнь бродяги. Не испытавши на себѣ никакого цивилизующаго вліянія ни семьи, ни школы, ни организованнаго сожитія, онъ сохранилъ о добрѣ и злѣ первобытныя понятія дикаря: когда я съѣмъ врага,—это добро; когда онъ меня съѣстъ,—зло. А врагами онъ считаетъ всѣхъ. Чувствуя себя паріей, отверженнымъ, занимая послѣднюю ступеньку общественной лѣстницы, онъ платитъ этому обществу стихійной непримиримой ненавистью хищнаго звѣря, не знающаго компромиссовъ. Взятый за бродяжество, онъ наотрѣзъ отказался дать какія бы то ни было свѣдѣнія о своей личности.

«— Хотятъ меня вести «цюпасомъ» (этапомъ) въ то село, гдѣ я родился, — разсказываетъ онъ своимъ сожителямъ по камерѣ, — а я говорю: я не родился ни въ какомъ селѣ. — А гдѣ же ты родился? — Я родился въ дорогѣ. — Ну, а на чьей-же землѣ та дорога? — Та дорога ни на чьей землѣ, потому что и сама не имѣетъ земли: я родился на водѣ, когда моя мать на паромѣ черезъ Днѣстръ переправлялась. — А гдѣ жъ тотъ паромъ? — Навѣрное по водѣ поплылъ; у меня за пазухой его, конечно, нѣтъ. — Ну, а гдѣ жъ ты крестился? — Я этого не помню,—идите, спросите тѣхъ, что меня на крестинахъ держали, счастье-долю отобрали. — Ну, а гдѣ жъ ты проживалъ?— Между лихими людьми. — Да въ какомъ селѣ? — А они въ каждомъ, лихи! — Вотъ какой былъ мой протоколъ. Больше не спрашивали ничего, а только сказали сюда привести, и тутъ, слава Богу, заперли, какъ запечатали, и уже больше не докучаютъ никакими такими глупыми вопросами».

Въ самомъ темномъ углу этапной ямы провелъ онъ годъ, ни разу не выйдя на воздухъ, не моясь и питаясь однимъ хлѣбомъ, покупаемымъ за казенные 14 крейцеровъ. Отъ голода и неподвижной жизни онъ опухъ, почернѣлъ и съ трудомъ можетъ держаться на ногахъ. Неизвѣстно, сколько бы онъ еще прожилъ въ этихъ условіяхъ, если бы вслѣдствіе совершеннаго имъ въ камерѣ же убійства, его не отвели въ кандалахъ въ общую уголовную тюрьму.

Слабѣе всѣхъ, по нашему мнѣнію, очерченъ молодой паничъ, студентъ, на чувствахъ и впечатлѣніяхъ котораго формально построенъ весь разсказъ. На этомъ не стоило бы останавливаться, если бы и въ другихъ

произведеніяхъ Франко не обнаруживалъ подобное же неумѣніе создать живой типъ изъ интеллигентнаго класса, особенно если онъ относится къ этому типу съ симпатіей. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ несомнѣннымъ фаворитомъ автора. Андрій Темера (такъ зовутъ его) преисполненъ лучшими намѣреніями. Слова «общественная работа», «стремленія», «общее дѣло», «наука», «свобода» не выходятъ у него изъ головы, но все это именно тѣ пустыя, громкія слова, которыя, сами по себѣ ничего не означая, могутъ своимъ звономъ наполнить цѣлую жизнь человѣка, если онъ не сможетъ добраться до реальнаго ихъ содержанія, и оставить его до конца дней въ убѣжденіи, что онъ остался вѣренъ «идеаламъ истины, добра и справедливости», какъ говаривали у насъ въ старину. А Темера такъ лишенъ темперамента, необходимаго для всякаго общественнаго дѣятеля, такъ сентименталенъ и плаксивъ, какимъ самъ Франко, вѣроятно, никогда не былъ, и поэтому разсчитывать на критическое отношеніе его къ самому себѣ и къ своимъ «идеямъ» нѣтъ никакого основанія. При указанномъ недостаткѣ, однако, повѣсть *На днѣ* остается одною изъ самыхъ яркихъ картинъ человѣческихъ страданій, которыя зависятъ отъ дурной организаціи общества; многія страницы этого разсказа смѣло могутъ занять мѣсто рядомъ съ *Записками изъ мертваго дома* и оставляютъ въ каждомъ читателѣ тяжелое сознаніе, что и онъ несетъ свою долю вины за тѣ общественныя несовершенства, которыя уродуютъ и гнетутъ столько человѣческихъ жизней.

Послѣ описанной выше передряги съ тюрьмами и этапами Франко является опять въ Львовъ, опять записывается въ университетъ, но, не имѣя средствъ къ существованію, возвращается въ родное село, гдѣ цѣлое лѣто работаетъ надъ полемъ. Между тѣмъ его яркій литературный талантъ привлекаетъ къ нему вниманіе народовской партіи, которая дѣлаетъ неоднократныя попытки залучить его къ себѣ. Его приглашаютъ въ сотрудники въ народовскіе журналы, два раза поручаютъ даже редакторство «Зори»; Франку предстояло, подчинившись трусливой цензурѣ своихъ хозяевъ, совершенно подавить живыя стороны своего дарованія; онъ не могъ не разсчитать, что не стоитъ продавать свою будущность за чечевичную похлебку, и эти неестественные конкордаты очень быстро распадались. Въ 1889 году Франко въ числѣ другихъ снова попалъ подъ замокъ и просидѣлъ семьдесятъ дней подъ слѣдствіемъ, до конца не узнавши, что собственно ему вмѣняется въ вину. Къ этому же времени относится полное дифференцированіе галицкихъ партій: окончательно сложилась народная партія, а народовцы, которые до тѣхъ поръ не переставали величать себя друзьями и заступниками «простого люду», открыто вступили въ союзъ съ польскими панами. Франко и Павликъ стали во главѣ органа молодой народной партіи «Народъ», перваго въ Галиціи прочнаго и серьезнаго демократическаго журнала, въ которомъ Франку принад-

лежитъ цѣлый рядъ блестящихъ программныхъ и полемическихъ статей и этюдовъ по политическимъ и экономическимъ вопросамъ. Чрезъ нѣкоторое время однако Франко оставилъ публицистику и уѣхалъ въ Вѣну, гдѣ, наконецъ, добился докторскаго диплома (по нашему кандидатской степени), которой ему до тѣхъ поръ, по всевозможнымъ причинамъ, не удавалось получить въ Львовѣ. Надѣясь занять въ Львовѣ каѳедру русской (т.-е. малорусской) литературы и имѣя къ этому всѣ данныя, научную подготовку и блестящій даръ устнаго изложенія, Франко попробовалъ было даже на время присмирѣть, но онъ ошибся въ расчетѣ на наивность польскихъ руководящихъ сферъ. Намѣстникъ Галиціи, нынѣ первый министръ, Бадени, очень рѣшительно «отклонилъ» его кандидатуру и тѣмъ открылъ ему вновь путь къ широкой литературно-публицистической дѣятельности. Въ настоящее время Франко снова редактируетъ органъ галицкой демократіи «Житте и Слово» и собирается ставить свою кандидатуру на ближайшихъ выборахъ.

Франко говоритъ, что всѣ повѣсти его составляютъ частички его автобіографіи, что во всѣхъ нихъ выведены дѣйствительные люди, которыхъ онъ зналъ, дѣйствительные факты, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ или про которые слышалъ отъ свидѣтелей. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ почти его произведенія поражаютъ отсутствіемъ искусственной композиціи, всѣ они просты и свѣжи, и если общее впечатлѣніе отъ нихъ получается печальное, иногда удручающее, то это вызывается не мрачнымъ характеромъ таланта автора, не пессимистическимъ міросозерцаніемъ его,— ни того, ни другого на самомъ дѣлѣ не существуетъ,—а условіями жизни той среды, которая даетъ больше всего матерьяла его перу. Забытый, голодный, невѣжественный крестьянинъ или рабочій проходитъ предъ читателемъ въ различныхъ обстоятельствахъ своего горевого житья отъ колыбели до могилы. Цѣлый рядъ очерковъ посвященъ деревенскимъ дѣтямъ и школьнымъ нравамъ, правда, уже отошедшимъ въ область преданія. Мы знакомимся съ самыми обыкновенными дѣтскими типами: одни любознательные и пытливые, другіе мало способные къ школьной премудрости, всѣ склонные къ шалостямъ, не лишенные ни дурныхъ инстинктовъ, ни добрыхъ чувствъ, и всѣ изнемогающіе подъ гнетомъ схоластической, никому ненужной науки и педагогическихъ пріемовъ, которые мало уступаютъ пріемамъ нашей старой бурсы. Смертный бой за потерянный карандашъ, смертный бой за написанную не съ того конца цифру, за всякую ошибку и оплошность, побои, ругань и издѣвательство надъ человѣческимъ достоинствомъ. Неудивительно, что за годъ такого ученья малоспособный Грицко вынесъ изъ школы нисколько не больше, чѣмъ его старый пріятель-гусакъ зналъ отъ природы *(Грицева шкільна наука)*.

Въ старыя времена беллетристика «изъ народнаго быта», а малорусская беллетристика и до послѣдняго времени съ особенной про-

странностью останавливается на романическихъ перипетіяхъ, переживаемыхъ ихъ героями. Любовь между бѣднякомъ-паробкомъ и дѣвушкою изъ богатаго крестьянскаго дома, жестокость родителей, устраивающихъ бракъ своей дочери съ богатымъ нелюбомъ, и всѣ вытекающія отсюда психологическія послѣдствія тысячи разъ служили содержаніемъ болѣе или менѣе удачныхъ или банальныхъ повѣствованій. Въ произведеніяхъ Франка эта сторона занимаетъ какъ разъ такое же скромное, почти незамѣтное мѣсто, какъ и въ дѣйствительной жизни. Тема о свободѣ чувства, съ такою неподражаемою красотой развитая въ народной, особенно въ малорусской пѣснѣ, въ послѣднее время уступила мѣсто другимъ темамъ, не столь поэтическимъ съ точки зрѣнія образованнаго общества, но не менѣе животрепещущимъ для деревни. Дѣтскій возрастъ тутъ такъ часто непосредственно сливается съ періодомъ тяжелыхъ заботъ о кускѣ хлѣба для себя и для своихъ близкихъ, что для романтическихъ порывовъ почти не остается мѣста.

Эти всепоглощающія заботы о кускѣ хлѣба, тревожное ожиданіе завтрашняго дня, чувство безпомощности предъ надвигающимися отовсюду враждебными силами изображены у Франка съ совершенно исключительной силой. Онъ для этого никогда не прибѣгаетъ ни къ какимъ искусственнымъ средствамъ, онъ не сгущаетъ красокъ, не вставляетъ своихъ разсужденій или восклицаній, а только этически пересказываетъ факты, самые обыкновенные и правдоподобные. Что, напр., можетъ быть проще исторіи нѣкоего Миколы Проця съ его семействомъ *(Самъ соби виненъ)*. Задолжали они еврею. Долгъ возросъ до 40 гульденовъ. Еврей предлагалъ Миколѣ отдать ему за долгъ половину его грунта. Микола заупрямился. Еврей обратился въ судъ, и весь грунтъ Миколы вмѣстѣ съ хатой съ публичныхъ торговъ остался за кредиторомъ. Микола хотѣлъ было утопиться, да жена отговорила. Оставивъ жену съ дѣтьми на селѣ жить Христа ради у родственниковъ, Микола нанялся на ближайшую лѣсопилку съ надеждой заработать эти 40 гульденовъ и откупить у еврея свою хату и свое поле. Упорнымъ, изнуряющимъ трудомъ добился онъ своей цѣли, накопилъ 50 гульденовъ и отправился въ свое село заводить наново свое хозяйство. Надежды его, однако, разбились въ прахъ: еврей объявилъ, что ему за этотъ грунтъ давали 300 гульд., а Миколѣ онъ продастъ его, такъ и быть, за 250. Ничего больше не оставалось дѣлать, какъ идти опять на лѣсопилку. Здѣсь, соблазнившись высокой платой, по 2 гульд. въ день, Микола нанялся на опасную работу—переправлять деревья по особо устроенному жолобу черезъ каменный оврагъ. На этой работѣ при первомъ же бревнѣ онъ сорвался съ высоты и расшибъ себѣ голову.

Не менѣе обыденна другая исторія цѣлаго сельскаго общества

(*Ліси і пасовиска*). При происходившей въ 1859 г. переписи (конскрипціи) общество, по наущенію пана, съ которымъ у нихъ были въ общемъ владѣніи лѣса и пастбища, отреклись отъ правъ на нихъ, боясь, что на нихъ падутъ большіе налоги. На слѣдующій день, понявши, какую они сдѣлали ошибку и въ чью пользу она обратилась, крестьяне попробовали было протестовать, но, конечно, безполезно. Пришлось обратиться къ суду, а пока распродать половину скота, потому что негдѣ было его пасти. Процессъ тянулся семь лѣтъ, высасывая послѣдніе соки жалкаго крестьянскаго хозяйства. Адвокатъ бралъ съ нихъ исправно деньги, довелъ дѣло до послѣдней инстанціи и въ критическій моментъ, подкупленный паномъ, подвелъ своихъ кліентовъ, и они проиграли дѣло по чисто формальнымъ причинамъ. А между тѣмъ панъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и «громадскимъ начальникомъ», такъ прикрутилъ всю громаду, не давая никому паспорта для подыскакія себѣ промысла на сторонѣ, съ цѣлью обезпечить себѣ дешевыя рабочія руки, что для крестьянъ фактически вернулись дни крѣпостной зависимости. Надо читать самыя произведенія Франка, чтобы увидѣть, сколько настоящаго, а не ходульнаго трагизма можно вложить въ такія скромныя рамки.

Но иногда Франко не довольствуется такими будничными этюдами и выбираетъ для своихъ повѣствованій крупные моменты народной жизни. Единственная его большая поэма въ стихахъ *Панскі жарти* переноситъ читателя къ послѣднимъ днямъ панщины въ Галиціи, въ концѣ 40-хъ годовъ. Героемъ поэмы является скромный сельскій священникъ. Онъ во имя человѣколюбія и справедливости протестуетъ противъ неистовствъ пана, чувствующаго, что дни его власти сосчитаны. Отмѣна панщины уже объявлена, но панъ ничего не хочетъ знать и выгоняетъ всѣхъ людей на рубку лѣса. Панъ, чуя въ священникѣ своего противника и желая показать всѣмъ, что его воля не признаетъ никакого закона, отдаетъ приказъ, чтобы и старикъ-священникъ вышелъ съ крестьянами вмѣстѣ на работу. Крестьяне готовы взбунтоваться, но священникъ уговариваетъ ихъ потерпѣть еще немного и не защищать праваго дѣла насиліемъ. Какъ бы ни относиться къ такой теоріи,—Франко самъ далеко не поклонникъ ея,—но картина смерти надорвавшагося на работѣ священника въ лѣсу, на снѣгу, безъ единаго слова ропота, съ одною мыслью о благѣ крестьянъ, за судьбу которыхъ онъ считаетъ себя отвѣтственнымъ передъ Промысломъ и собственною совѣстью, производитъ глубокое впечатлѣніе. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ рѣдкихъ случаевъ въ литературѣ, когда положительный характеръ героя не кажется фальшивымъ, можетъ быть, потому, что въ немъ чувствуется нѣкоторый звукъ народнаго творчества.

Въ другомъ, по нашему мнѣнію, лучшемъ произведеніи Франка (*Миссія*) главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является опять священникъ,

но уже совершенно иного склада: это фанатикъ-католикъ, готовый на муки и смерть ради славы римскаго престола. Онъ родился въ бѣдной крестьянской семьѣ въ мазурской деревнѣ. Въ дѣтствѣ, во время извѣстнаго голода въ Галиціи, ему приходится быть свидѣтелемъ, какъ отецъ его, доведенный до звѣрства, перерѣзалъ своихъ младшихъ дѣтей, чтобы поѣсть ихъ [1]). Изображеніе этой рѣзни, взятое авторомъ изъ дѣйствительнаго происшествія, при всей своей потрясающей реальности, производитъ, однако, не то впечатлѣніе, на какое оно разсчитано. Оно должно служить объясненіемъ, почему въ этомъ человѣкѣ съ дѣтства было убито и вытравлено все человѣческое. Но самое происшествіе такъ ужасно, что оно не можетъ служить одною изъ второстепенныхъ деталей картины: оно нарушаетъ перспективу и затмеваетъ дальнѣйшія главныя событія разсказа. Это, впрочемъ, и единственный упрекъ, который мы могли бы сдѣлать автору относительно разбираемаго произведенія.

Попавъ затѣмъ въ монастырь, нашъ герой получаетъ полную дрессировку католическаго миссіонера, которая парализуетъ личную волю, личныя чувства и подчиняетъ человѣка цѣликомъ велѣніямъ свыше Вскорѣ открывается поле для его миссіонерскаго рвенія: въ Россіи совершается возсоединеніе уніи къ православію, и за границу проникаютъ слухи, что крестьяне, бывшіе уніаты, далеко неохотно мѣняютъ свое исповѣданіе. Католическое духовенство не можетъ пропустить такого удобнаго случая для пропаганды, и вотъ епископъ благословляетъ нашего миссіонера на опасный подвигъ: онъ долженъ пробраться черезъ границу въ Люблинскую губернію и здѣсь поддержать бодрость и укрѣпить вѣру въ унывающихъ сынахъ католицизма. Крадучись чрезъ лѣсныя дебри, рискуя жизнью, попадаетъ миссіонеръ въ глухую деревушку. Здѣсь онъ встрѣчаетъ пріемъ, превосходящій всѣ его ожиданія. На него смотрятъ, какъ на избавителя, ему жалуются на всѣ невзгоды, всѣ утѣсненія, которыя тяготѣютъ надъ краемъ; но, увы! въ этихъ жалобахъ занимаютъ больше мѣста реальныя, хозяйственныя нужды, чѣмъ религіозные вопросы. Въ уніатскомъ обрядѣ они видятъ лишь знамя, символъ единенія, и дѣйствительно, совершаемое миссіонеромъ уніатское богослуженіе такъ наэлектризовываетъ толпу, что она готова хоть сейчасъ идти и дѣйствовать, какъ онъ прикажетъ. Миссіонеръ всѣми силами старается утилизировать это настроеніе: онъ въ горячей рѣчи убѣждаетъ ихъ претерпѣть за вѣру, онъ утѣшаетъ ихъ тѣмъ, что папа помнитъ о нихъ и шлетъ имъ свое благословеніе. Но тутъ-то и обнаруживается, что между обѣими сторонами произошло недоразумѣніе: когда на вопросъ, что же папа намѣренъ предпринять, чтобы помочь своимъ послѣдователямъ, миссіонеръ не находитъ ничего отвѣ-

[1]) Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками самой повѣсти, появившейся въ альманахѣ «Ватра», и принуждены передавать содержаніе ея на память.

тить, настроеніе слушателей быстро мѣняется и переходитъ почти въ враждебность. Благословеніе, молитвы, проповѣдь терпѣнія! Что имъ отъ этого! Они готовы на жертвы и рискъ, оставаясь въ лонѣ католичества, но за это они ожидаютъ простой, дѣятельной помощи ихъ нуждамъ, а не заоблачныхъ утѣшеній. Уничтоженный, разочарованный, спѣшитъ миссіонеръ оставить ужасное мѣсто, куда онъ гордо стремился, какъ на поле битвы, и напутствующія его пули пограничной стражи кажутся ему еще страшнѣе отъ сознанія безполезности совершеннаго подвига.

Мы бы не скоро кончили, если бы взялись пересказать всѣ лучшія произведенія Франка. Мы надѣемся, что и приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы показать читателю характеръ творчества этого писателя. При той боевой позиціи, какую онъ занимаетъ въ литературѣ и общественной жизни своей родины, надо удивляться, какъ мало въ его беллетристикѣ чертъ партійнаго памфлета. Люди для него не дѣлятся на своихъ и враговъ; въ его портретахъ нѣтъ розовыхъ бликовъ и черныхъ тѣней, какъ бываетъ часто у наивныхъ живописцевъ, желающихъ украсить свой предметъ и придать ему силу. Его произведенія можно назвать тенденціозными лишь въ томъ лучшемъ значеніи этого слова, какое примѣнимо ко всѣмъ выдающимся художникамъ, имѣющимъ опредѣленное міросозерцаніе и сложившіяся убѣжденія. За что бы они ни брались, они не могутъ отрѣшиться отъ своихъ установившихся взглядовъ на вещи, которые сказываются въ ихъ созданіяхъ помимо ихъ воли. Такое отношеніе къ предмету въ концѣ концовъ оказывается всегда выгоднѣе, какъ съ эстетической, такъ и съ партійной точки зрѣнія.

Безпристрастіе и объективность Франка нисколько не приводятъ къ безстрастію. Какъ сильно воспринимаетъ онъ извѣстныя явленія, лучше всего показываетъ его лирика. И въ этой области Франко является такимъ же новаторомъ въ малорусской литературѣ, какъ и въ прозаической беллетристикѣ. Современные русскіе поэты ищутъ выхода въ полной разнузданности фантазіи и жаждутъ изобразить то, «чего не было никогда, никогда», какъ удачно выразилась г-жа Гиппіусъ. Малорусскіе стихотворцы, правда, не имѣютъ такой неутолимой жажды, но зато у нихъ за послѣднія 30 лѣтъ почти не слышно ни одной новой ноты. Стоны неизвѣстно о чемъ, похвальба неизвѣстно чѣмъ, стремленія къ неизвѣстнымъ цѣлямъ, неизмѣнное кислосладкое «коханне», вотъ лирическіе мотивы подавляющаго большинства ихъ стихотвореній. Какой контрастъ съ этой неопредѣленной, туманной поэзіей представляетъ поэзія Франка! Онъ умѣетъ по достоинству цѣнить этотъ традиціонный, карманный идеализмъ, который не можетъ выдержать столкновенія съ дѣйствительностью и годенъ только для элегическихъ воздыханій и для заговариванья зубовъ. Не всякій, восклицающій: Господи, Господи! войдетъ въ

царствіе небесное. Не всякій, болтающій про благо человѣчества, про свѣтъ науки и общественный прогрессъ, дѣйствительно стремится къ осуществленію болѣе справедливыхъ формъ общежитія и способенъ ихъ «вмѣстить». Вотъ какую притчу про подобныхъ идеалистовъ разсказываетъ Франко:

«Подъ перегнившимъ пнемъ въ гниломъ болотѣ вертятся, клубятся мелкіе черви. Здѣсь они родились, выросли и умираютъ, и другіе черви въ свою очередь питаются ихъ тѣломъ. И снится имъ, бѣднымъ, въ кромѣшной тьмѣ, будто гдѣ-то горитъ солнце во всей красѣ весны, и въ лучахъ этого солнца они сами гуляютъ, сіяя въ радости и въ золотѣ... Но вотъ люди отвалили этотъ пень, и настоящее солнце показалось изъ-за мглы:

На сонце те глипнули черви и вмерли,
И, мручи, убійчее світло кляли.

Франко не принадлежитъ къ этимъ идеалистамъ, онъ не утѣшается своими снами, а во всѣ глаза смотритъ на то, что происходитъ кругомъ. Поэтому-то избитыя темы у него иногда принимаютъ совершенно необычный видъ. Сколько тысячъ разъ на всѣхъ языкахъ поэты воспѣвали весну. Въ частности наши русскіе поэты, наблюдавшіе пробужденіе весны изъ окна помѣщичьей усадьбы, выработали особую формулу элегіи въ честь пробужденія природы: старинный паркъ, первые цвѣты, благоуханье распускающихся деревьевъ... и въ усталой душѣ, послѣ всѣхъ старыхъ разочарованій и огорченій, просыпается опять жажда жизни, жажда любви и счастья. Такъ ощущаетъ приближеніе весны кающійся дворянинъ, у котораго земля раздана исполу крестьянамъ, самое Монрепо давно заложено гдѣ только можно, а ссуды употреблены на пріобрѣтеніе разочарованій и огорченій въ Петербургѣ или за границей. Поодаль отъ усадьбы, сквозь жидкія еще деревья сада виднѣются черныя, какъ грибы, крыши хатъ; туда подъ гору ведетъ топкая, скользкая глинистая дорога, поэтому помѣщикъ не ходитъ гулять въ томъ направленіи ранней весной и не знаетъ, какъ тамъ встрѣчаютъ этотъ сезонъ. А Франко жилъ круглый годъ въ такой хатѣ и можетъ подробно разсказать про крестьянскія весеннія чувства.

«Долго приходится ждать тебя, весна! Что же ты не идешь? Зачѣмъ ты вмѣсто себя въ убогую хату шлешь въ гости голодъ и холодъ, разореніе и убытки? Вотъ уже май начинается. О май, отчего ты мертвецомъ приходишь на свѣтъ? Пусто и мертво въ полѣ и въ лѣсу, лишь свинцовыя тучи покрываютъ весь небосклонъ. Стонъ идетъ по убогимъ селамъ, дѣти толпами мрутъ, сѣна нѣтъ ни стебля въ стогахъ, падаетъ скотина, по долинамъ пологимъ воды ревутъ»...

Какъ видитъ читатель, никакихъ поэтическихъ украшеній, ни смѣлыхъ сравненій, ни неожиданныхъ оборотовъ мысли, а между тѣмъ сколько милліоновъ людей во всей силѣ могутъ понять мрачную поэзію этихъ немногихъ строкъ.

Франку не чужда и субъективная поэзія. Въ тѣхъ суровыхъ условіяхъ ежедневной борьбы, въ которыхъ онъ вѣчно находится, при неизбѣжныхъ во всякой широкой общественной дѣятельности неудачахъ, неудивительно, что на поэта нападаетъ иногда тяжелое раздумье: онъ чувствуетъ себя разбитымъ, раненымъ, безсильнымъ. Прекрасно выражено это минутное уныніе въ его сонетѣ *Журавли:* надъ степью и полемъ, надъ лѣсомъ, покрытымъ завялымъ листомъ, надъ жнивьемъ, прибитымъ холоднымъ вихремъ, надъ бѣдными, жалкими селеньями надъ темнымъ и печальнымъ людомъ мчатся журавли вдаль по мглистому небосклону съ печальнымъ стономъ, похожимъ на плачъ по лучшей долѣ.

Куди? Куди? Чи в крашчій край, зелений,
Залитий світлом, зіллем умаений?..
. . . . . .
О ждіть! Ось в мглистій і вохкій ярузі
З крилом підтятим брат ваш сохне в тузі!
Возьміть мене въ путь, братя! Де ви? Де ви?

Какъ бы продолженіемъ этого стихотворенія является другой сонетъ подъ тѣмъ же общимъ заглавіемъ:

Посланцы сѣвера, — обращается поэтъ къ пролетающимъ журавлямъ,—въ далекомъ югѣ, въ прекрасной странѣ яркихъ красокъ, изобилія и пѣсенъ, разскажите про сѣрый, безутѣшный туманъ, который стоитъ надъ нашимъ горизонтомъ. Разскажите про бѣдность, вѣчныя слезы, про безсонный трудъ съ болью и напряженіемъ, про черный твердый хлѣбъ, про пѣсни, жалобныя, какъ свистъ вѣтра...

Но сли й там бідні схнуть, терплять, ридають,
Сли й там земля пье кров йіх, сльози й піт,
А хліб дає не пім,—мовчіть! мовчіть!

Какъ бы ни было однако печально современное положеніе народной массы, какъ бы тяжела ни была борьба за лучшее будущее, пессимизмъ ненадолго овладѣваетъ поэтомъ: онъ убѣжденъ, что нависшія теперь со всѣхъ сторонъ тучи—это «тѣни плодородной будущности, которая, какъ прекрасная весна, обновитъ человѣчество». Во имя этой будущности онъ кличетъ на работу всѣхъ, у кого «сердце чистое, руки сильныя, честная мысль». На родинѣ Франка такой зовъ не есть гласъ вопіющаго въ пустынѣ писателя. Франко, какъ дѣятель слова, находится въ томъ счастливомъ положеніи, о которомъ съ такою горечью мечталъ великій русскій сатирикъ. «До тѣхъ поръ,—говоритъ онъ,—пока не выяснится читатель, литература не пріобрѣтетъ рѣшающаго вліянія на жизнь. А послѣднее условіе именно и составляетъ главную задачу ея существованія». «Убѣжденность писателя питается исключительно увѣренностью въ воспріимчивости читателей». «До тѣхъ поръ, пока не установилось прямого общенія между читателемъ и писателемъ, послѣдній не можетъ считать себя исполнившимъ свое призваніе». Но «ежели въ странѣ уже образовалась воспріимчивая читательская среда,

способная не только прислушиваться къ трепетаніямъ человѣческой мысли, но и свободно выражать свою воспріимчивость,—писатель чувствуетъ себя бодрымъ и сильнымъ».

Франко можетъ сказать, что онъ исполнилъ свое призваніе писателя. Онъ, въ союзѣ съ нѣсколькими своими товарищами по знамени, установилъ прямое общеніе между читателемъ и литературой, которая поэтому уже можетъ оказывать и оказываетъ вліяніе на жизнь. Вліяніе это въ настоящій моментъ далеко еще нельзя назвать рѣшающимъ: нищета, безправіе все еще тяготятъ надъ массой народа. Но если изъ этой массы выдѣлились уже тысячи людей, которые знаютъ, гдѣ искать выхода, если они находятъ высокое нравственное облегченіе въ томъ, чтобы, собравшись на «вічє», громко заявить передъ цѣлымъ свѣтомъ о своихъ нуждахъ и желаніяхъ и настойчиво требовать ихъ удовлетворенія; если эти тысячи не представляютъ уже разрозненнаго, безпомощнаго стада, которое подъ ударами бури готово броситься въ море безъ сопротивленія, а сознаютъ уже значеніе солидарности въ борьбѣ за свои интересы, то этотъ важный результатъ навсегда будетъ связанъ съ именами литераторовъ, въ числѣ которыхъ Иванъ Франко занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Правда, сами эти литераторы не всегда чувствуютъ себя бодрыми и сильными. Ихъ личная жизнь представляетъ обыкновенно одинъ сплошной рядъ тяжелыхъ ударовъ судьбы, неудачъ и разочарованій. Натуры, менѣе выносливыя чѣмъ Франко, выбываютъ изъ строя, зачастую разбитыя физически и нравственно. Но *pereat homo, crescat humanitas!* какъ говоритъ одинъ изъ героевъ Франка.

Евгеній Дегенъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

I. Беллетристика и поэзія.

А. Коринфскій. **Тѣни жизни.** Стихотворенія 1895—1896 г. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

А. Коринфскій. **Вольная птица и другіе разсказы.** Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

«Моихъ много есть сочиненій... Ужъ и названій даже не помню. И все случаемъ: я не хотѣлъ писать, но театральная дирекція говоритъ: «Пожалуйста, братецъ, напиши что-нибудь». Думаю себѣ: «Пожалуй, изволь, братецъ». И тутъ же въ одинъ вечеръ, кажется, все написалъ, всѣхъ изумилъ. У меня легкость необыкновенная въ мысляхъ... Я, признаюсь, литературой существую...» Эти слова Хлестакова могутъ повторять многіе изъ современныхъ сочинителей и повторять не смущаясь, ибо въ ихъ устахъ это будетъ не ложь, а истинная правда. Много теперь пишутъ гг. сочинители. И все случаемъ: то театральная дирекція попроситъ водевиль или трагедію, то знакомый редакторъ десятокъ стишковъ, разсказъ къ рисунку или романчикъ. Потребность въ водевиляхъ, трагедіяхъ и романчикахъ растетъ, «случаи», значитъ, нерѣдки, остается только умѣть пользоваться ими. И сочинители пользуются, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ въ совершенствѣ награждены «легкостью въ мысляхъ» и другими хорошими качествами.

Помнитъ ли г. Коринфскій названія своихъ сочиненій? Признаемся, до послѣдняго времени мы были мало освѣдомлены о его дѣятельности, но теперь мы «изумлены»! Оказывается, что съ 1889 по 1896 г. имъ написано *однихъ стихотвореній болѣе 1.000 печатныхъ страницъ*—четыре тома подъ занимательнѣйшими заглавіями: «Пѣсни сердца», «Черныя розы», «На ранней зорькѣ» и «Тѣни жизни». При этомъ производительность г. Коринфскаго съ каждымъ годомъ увеличивается въ возрастающей прогрессіи: такъ, съ 1889 по 1893 г. имъ написано 388 стр. стиховъ, т.-е. по 97 стр. въ годъ, съ 1893 по 1895 г.—294 стр. или по 147 стр. въ годъ, а за послѣдній годъ—уже 263 стр. (Очевидно, что гигантскіе успѣхи производительности труда замѣчаются въ наше время не только въ сферѣ промышленности, но и въ области творчества). Что же будетъ, если Господь продлитъ Коринфскому вѣка?.. Вѣдь дѣятельность г. Коринфскаго не ограничивается однимъ стихотворствомъ: передъ нами лежитъ еще книга его разсказовъ въ 327 стр. Кромѣ того, г. Коринфскій возстановляетъ тексты русскихъ былинъ, пишетъ біографіи русскихъ писателей (напр., Кольцова), состоитъ редакторомъ журнала «Сѣверъ», однимъ изъ помощниковъ редактора «Правит. Вѣстника» и плодовитымъ рецензентомъ

во многихъ газетахъ и иллюстрированныхъ журналахъ. Наконецъ, нѣкоторыя изъ сочиненій г. Коринфскаго *предполагаются:* напр., на каждой его книгѣ пропечатано, что скоро выйдетъ въ свѣтъ его новый трудъ: «Современая русская поэзія»... А какъ переводчикъ г. Коринфскій еще болѣе неутомимъ: мы просмотрѣли четыре тома его стиховъ и встрѣтили тамъ переводъ съ *латинскаго, англійскаго, датскаго, нѣмецкаго, старо-нѣмецкаго, франиузскаго* (въ томъ числѣ и съ бретонскаго нарѣчія), *итальянскаго, польскаго, сербскаго, хорватскаго* и *грузинскаго* языковъ!! Очевидно, что г. Коринфскій всѣ эти языки знаетъ прекрасно, иначе какъ же переводить съ нихъ? А сколько языковъ онъ еще «предполагаетъ» изучить! А сколько онъ знаетъ русскихъ старинныхъ и мѣстныхъ словъ и словъ никому неизвѣстныхъ: «жарникъ», «шалашка», «скуснѣ», «неуемный», «понизью», «не впустѣ», «разгарчивый», «начупахтаться», «рыбака», «пожни», «пазари», «зерпь», «гусли—рѣзмысли», «празелень», «докука» и т. п. слова попадаются на каждомъ шагу въ его произведеніяхъ... А какой любвеобильный г. Коринфскій! Какъ обширенъ и разнообразенъ кругъ его друзей и пріятелей! Мы насчитали 51 лицо, которымъ посвящены его стихи и разсказы! Въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ Мамина-Сибиряка, Златовратскаго, Засодимскаго, Немировича-Данченко съ одной стороны и Случевскаго, Н. Аксакова, Н. Александрова—съ другой стороны; затѣмъ—Лизу и Колю Клюкиныхъ, Надю и Вѣрочку Егоровыхъ, Леночку Мал—кую, Ванюшу Бѣлоусова, Сашу Ковалеву, Шурочку Случевскаго, Вадю Быкова, и т. д., и т. д. Не забыты и покойники: есть стихотворенія, посвященныя памяти Щербины, Ядринцева, Садовникова, а также какого-то г. Мандрыкина...

О чемъ же пишетъ г. Коринфскій? Прочитавши «Пѣсни сердца» и «Черныя розы», мы замѣтили, что г. Коринфскій воспѣваетъ, главнымъ образомъ, русалокъ, Поволжье, свято-русскихъ богатырей на борзыхъ коняхъ или съ гуслями-самогудами, приходъ «Весны-Чаровницы» (иначе «солнечные заигрыши»), «грезы» и «слезы» и «роковую страсть безумную»: «Не вино опьяняетъ меня, а твои огневые глаза—двѣ гремучихъ (?) змѣи»... восклицаетъ онъ при этомъ. А когда вздумаетъ пофилософствовать, то разсказываетъ, что «не вычерпать моря бездоннаго чашей», что «жизнь—пучина многоводная», что «жизнь—поэма многотомная» или что

Безъ вѣры нѣтъ жизни,
Безъ мысли нѣтъ чувства,
Безъ жизни нѣтъ вѣры,
Безъ чувства нѣтъ мысли!..

На тѣ же самыя темы написаны стихотворенія и новаго сборника г. Коринфскаго «Тѣни жизни». Только тонъ его лиры сталъ грустнѣе за послѣднее время:

Нѣтъ и не видно зари ниоткуда,
Тѣни, что камни, за грудою груда,
Падаютъ съ неба, растутъ предо мной...

жалуется онъ читателю. «Тѣни, что камни»... Каково сказано-то?

Беллетристика г. Коринфскаго доказываетъ еще большую «легкость» въ его мысляхъ. Въ одномъ изъ его разсказовъ мы узнаемъ о нѣкоей Зинандѣ Павловнѣ, утомленной любовными похожденіями (это-то и есть «вольная птица»), и о

бѣдномъ молодомъ человѣкѣ, который, выпивши бутылку водки, пытается склонить ее на новую любовь. Въ другомъ — о томъ, какъ пьяницу и ловеласа чиновника избили ревнивые мужья, такъ что «отъ его густыхъ, какъ дремучій лѣсъ, и черныхъ, какъ вороново крыло, усовъ не осталось и слѣда». Въ третьемъ—о томъ, какъ пьяные сапожники (г. Коринфскій увѣряетъ, что это были интеллигентные люди, которые перепились послѣ разговора о народничествѣ) отправились въ публичный домъ... да, въ этомъ состоитъ и весь разсказъ!.. Въ четвертомъ—подъ гуслярный звонъ г. Коринфскій воспѣваетъ грусть покореннаго хана сибирскаго Кучума. Въ пятомъ—рисуетъ шалунью Любочку, великосвѣтскую барышню, при чемъ эта барышня почему-то разговариваетъ на жаргонѣ арфянокъ. Въ шестомъ—передаетъ повѣствованіе деревенскаго «парня» о «зазнобушкѣ»: «*И полюбись мнѣ*, говоритъ этотъ парень, *полюбись, ни на-что глядя, дочка маво хозяина,—Пѣтрой Ларивонычемъ его звали,—дочка, молъ, евоная... Изъ господовъ былъ онъ... И полюбись, молъ, мнѣ Петры Ларивонычева дочка, Лизавета Петровна, стало быть,—да такъ—хошь помирай и то въ пору... Парень-то, молъ, я былъ изъ себя ничаво... За голосъ, за ейный она и полюбись мнѣ всего больше*»...

Но на этомъ дивномъ воспроизведеніи народнаго языка можно и кончить. Если читатель будетъ недоволенъ, что мы такъ долго утруждали его вниманіе характеристикой г. Коринфскаго, то пусть онъ вспомнитъ, что г. Коринфскій не одинъ въ своемъ родѣ, что вѣдь онъ считается «литераторомъ» и что пора серьезно подумать: какъ быть съ подобными господами «литераторами»?

Кружнымъ путемъ. Романъ въ 5 частяхъ *М. Зинина* (*С. Шарапова*). Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Прочелъ. Прочелъ всѣ пять частей! Правда, одолѣть эти пять частей не менѣе трудно, чѣмъ объѣздить пять частей свѣта... кружнымъ путемъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, вы хоть, дѣйствительно, куда-то ѣдете и передъ вашими глазами одна за другой смѣняются картины, а здѣсь весь «кружный путь» не больше площадки каруселей, и авторъ кружитъ читателя по этой крошечной площадкѣ до головокруженія, такъ что романъ справедливѣе было бы назвать не «кружнымъ путемъ», а «головокружительнымъ путемъ».

Въ самомъ дѣлѣ, не безчеловѣчно ли въ пяти частяхъ терзать читателя описаніемъ любовныхъ шашней нѣкоего господина Свѣтлицына. «Наслѣдье богатыхъ отцовъ освободило отъ лишнихъ трудовъ» этого героя романа г. Шарапова, и онъ только и дѣлаетъ, что побѣждаетъ женщинъ и побѣждается ими самъ. Занятіе, конечно, весьма пріятное, а главное, не требующее, помимо пылкаго сердца и способности пѣть сомнительнымъ голосомъ, подъ аккомпаниментъ рояля, своего собственнаго сочиненія аріи, никакихъ иныхъ дарованій. Впрочемъ, и эти аріи-то на дѣлѣ оказываются наполовину ворованными, слѣдовательно, даже этой способности нѣтъ у г. Свѣтлицына, но «не по хорошу милъ, а по милу хорошъ», не родись кудрявымъ, а родись героемъ г. Шарапова и будешь витать въ эмпиреяхъ блаженнаго бездѣлья и бездѣльнаго блаженства.

Романъ начинается... нѣтъ, pardon,—роману предшествуетъ въ видѣ эпи-

графа полстраницы текстовъ изъ святыхъ отцовъ, повѣствующихъ о святости и нерушимости брака. Прочитавъ ихъ, вы невольно приготовляетесь къ вкушенію нравоучительной духовной пищи, а вмѣсто этого васъ все время кормятъ такими пикантностями, что когда на поверхность ихъ совершенно неожиданнымъ образомъ, можно сказать,—какъ лиса изъ яйца,—выскакиваетъ это нравоученіе, вы съ скептической улыбкой мигаете въ сторону автора: «шутникъ, молъ, г. Зининъ, Шараповъ то жъ: стоило ли въ пяти частяхъ книги для доказательства справедливости текстовъ такой прозрачный огородъ городить и такую пикантную капусту садить?»

Но перейдемъ къ роману.

Романъ начинается довольно шаблоннымъ описаніемъ метели надъ Москвой. Въ такую-то метель названный герой романа, г. Свѣтлицынъ, попрощавшись на вокзалѣ съ провожавшимъ его какимъ-то княземъ, опустошивъ двѣ бутылки шампанскаго и поговоривъ по-французски, выпиваетъ третью «за комическій элементъ въ жизни» и ѣдетъ къ женѣ, дамѣ необыкновенно красивой, но, по мнѣнію мужа, черезчуръ ужъ добродѣтельной.

Авторъ, вѣроятно, умышленно началъ свой романъ съ метели, потому что, хотя дальше метель прекращается, не разъ приходится вспомнить стихи Пушкина:

«Хоть убей—слѣда не видно.
Сбились мы.—Что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
Да кружитъ по сторонамъ».

Часа за три до остановки на станціи, откуда Свѣтлицыну нужно ѣхать въ имѣніе добродѣтельной жены, онъ встрѣчается въ вагонѣ съ обольстительной и тоже добродѣтельной особой, женой своего бывшаго товарища по университету—Мятлевой. Встрѣча, конечно, необыкновенно счастливая и, можно сказать, роковая для обоихъ. Впрочемъ, о томъ, что встрѣча добромъ не кончится, читателю нетрудно догадаться, какъ только авторъ открываетъ ему, что мужъ Мятлевой занимается египетскими древностями. Такимъ мужьямъ, даже если судить по плохимъ водевилямъ, суждено носить на челѣ украшенія, и Мятлевъ не миновалъ ихъ.

Но это случилось не сразу. Быстро познакомивъ Свѣтлицына съ Мятлевой, авторъ начинаетъ съ мѣста въ карьеръ ускореннымъ аллюромъ. Черезъ нѣсколько часовъ, не смотря на всю свою добродѣтель, Мятлева уже говоритъ своему спутнику ты, а онъ вмѣсто своей деревни ѣдетъ въ Минскъ, за нею, хотя ей тоже нужно не въ Минскъ, а въ Варшаву.

Тутъ авторъ дѣлаетъ перерывъ на самомъ интересномъ мѣстѣ и знакомитъ съ біографіей героя отъ пеленъ до зрѣлаго возраста. Оказывается, что герой вплоть до женитьбы только и дѣлалъ, что распѣвалъ романсы да игралъ на роялн и струнахъ женскихъ сердецъ. Послѣднее ему обходилось не всегда дешево. Въ концѣ концовъ онъ, такъ сказать, пролюбилъ порядочныя денежки и, почти разоренный до тла, женился на богатой вышеупомянутой добродѣтели, однако, по любви, а не по деньгамъ, прижилъ нѣсколько штукъ дѣтей и скоро убѣдился, что добродѣтель жены противна ему, о чемъ онъ откровенно изъясняется ей: «Около тебя моя душа похожа на стоячій зеленый прудъ. Ни вѣтерка (?) не шелохнетъ, и поэтому квакаютъ однѣ лягушки (?). А мнѣ Ніагару

подай! Какую хочешь Ніагару! Пусть меня Господь-Саваоѳъ громомъ опалитъ, я ему «осанну» воспою, пусть надо мною сатана хохочетъ, я ему изъ своей собственной преисподней аккорды достану, не полѣзу къ Бетховену воровать! Но пусть моя душа трепещетъ, рвется, мятется...»

Словомъ, вы видите, герой Свѣтлицынъ находится какъ разъ въ томъ положеніи, о которомъ простонародье выражается очень просто: «съ жиру бѣсится», и такого бѣснованія проходитъ шесть лѣтъ. Если онъ въ это время и измѣнялъ женѣ, то только съ крестьянками. Одну такую измѣну она сама видѣла, но на подобныхъ пустякахъ авторъ, конечно, не останавливается, и въ тотъ самый моментъ, когда Свѣтлицынъ думаетъ ужъ, не повѣситься ли ему отъ такого житья, авторъ сталкиваетъ его съ Мятлевой.

Слѣдуетъ опять возвращеніе къ интересному моменту. Свѣтлицынъ и Мятлева останавливаются въ Минскѣ въ сосѣднихъ номерахъ, и авторъ рисуетъ тутъ такія бѣсовскія картины соблазна, что самъ индійскій аскетъ-факиръ лопнулъ бы отъ страсти, но героиня и герой, поигравъ съ бѣсомъ соблазна, остаются однакоже на прежнемъ положеніи и оба, недовольные собою, разъѣзжаются: она—къ египетской муміи-мужу, онъ—къ невыносимо добродѣтельной и картинной женѣ, которой онъ, въ концѣ-концовъ, признается въ этомъ приключеніи, описывая это признаніе въ письмѣ къ Мятлевой слѣдующими строками:

«Да-съ, Елена Александровна (имя жены Свѣтлицына), сердцу не закажешь. Встрѣтилъ нѣкоторую злокозненную женщину, поговорилъ съ нею, а она у меня въ сердцѣ и водворилась. Вотъ я, молъ, теперь лежу и размышляю: что изо всей этой исторіи выйдетъ? А если вы непремѣнно хотите знать: quand, qui, où,—какъ въ водевилѣ, такъ я вамъ разскажу: такая-то и такая-то. Ночь съ нею вмѣстѣ провелъ, въ рукахъ ее держалъ въ одной рубашенкѣ и... ни-ни!..»

«Я ей говорю: зачѣмъ вы, Е. А., слова тратите, когда вы не можете меня понять вовсе...»

Супруга, конечно, не особенно довольна такимъ признаніемъ. Тогда онъ снова ей преподноситъ изысканныя «закуски».

«Ты, душа моя, не ехидничай и хвостомъ не верти, а...» и т. д.

Каковъ языкъ!.. Но до языка ли, когда чувства такъ овладѣли. Египтологъ не миновалъ-таки рогъ и въ одно непрекрасное для Свѣтлицыной и Мятлева время—ихъ половины бѣгутъ... Куда? Ну, натурально, въ Италію, «подъ сѣнь струй», какъ выражался Хлестаковъ. Тамъ Свѣтлицынъ неудачно дебютируетъ, проваливается, затѣмъ оканчиваетъ свое старое твореніе—оперу, которой такъ-таки и не суждено было увидѣть свѣтъ, и даетъ начало новому творенію, которое, благодаря Мятлевой, увидѣло свѣтъ—ребенку. Однако, тутъ начинается нѣчто несообразное. Бѣглецы начинаютъ тяготиться другъ другомъ. Ихъ покинутыя половины тоже страдаютъ о нихъ. И Мятлевъ, и Свѣтлицына, по желанію автора, сходятся вмѣстѣ, и Мятлевъ, умирающій въ чахоткѣ, чувствуя себя виновнымъ передъ женою за то, что она измѣнила ему, искупляетъ свою вину тѣмъ, что даетъ ребенку свое имя и такъ убѣдительно доказываетъ Свѣтлицыной, что она виновна передъ мужемъ, что Свѣтлицына ѣдетъ просить къ мужу прощеніе, чтобы онъ возвратился къ своимъ пенатамъ.

Тому больше ничего не остается, такъ какъ неспособный ни къ какому труду, безъ денегъ и опоры, онъ не въ состояніи шага ступить. Мятлева тоже возвращается къ умирающему мужу. И въ этомъ-то возвращеніи къ брачному алтарю г. Зининъ и видитъ прямое доказательство непреложной справедливости текстовъ, къ осуществленію которыхъ, хоть и кружнымъ путемъ, пришли заблудшія овцы. Хороши доказательства, нечего сказать! Но, оставивъ въ сторонѣ мораль романа, надо признаться, что и написанъ онъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, не важно, хотя чувствуется много потуг на философскія умствованія, психологію и опытъ. Видно, что авторъ человѣкъ не глупый, но безъ достаточнаго для созданія романа дарованія, даже безъ настоящаго знакомства съ техникой беллетристическихъ произведеній. Всѣ эти отклоненія и ознакомленія съ героями сдѣланы по старому шаблону, неумѣло, неуклюже, хотя мѣстами попадаются довольно живые штрихи и правдивыя картинки. Думая, что онъ заставляетъ Свѣтлицына и прочихъ идти «кружнымъ путемъ» къ истинѣ, авторъ, въ сущности говоря, принуждаетъ ихъ ѣздить на деревянныхъ конькахъ по крошечной окружности карусели и говоритъ, говоритъ безъ конца на разный ладъ одни и тѣ же слова, однимъ и тѣмъ же для всѣхъ героевъ языкомъ. Нѣтъ, ужъ любоваться въ калейдоскопъ измѣненіемъ фигуръ, состоящихъ изъ однихъ и тѣхъ же стеклышекъ все же интереснѣе, чѣмъ читать такой романъ. Калейдоскопъ взялъ и бросилъ, когда онъ надоѣстъ, а бросить романъ, хотя бы и неизвѣстнаго автора, рецензентъ не вправѣ. Съ добросовѣстностью, достойною лучшей участи, приходится читать его до конца, досадуя не столько за потраченное на чтеніе время, сколько за г. Шарапова, потратившаго, очевидно, не мало времени и труда на сочиненіе и обработку матерьяла, въ которомъ мѣстами чувствуется лиризмъ, заставляющій еще болѣе жалѣть его автора.

Ив. Шмелевъ. **На скалахъ Валаама.** (Путевые очерки). М. 1897 г. Ц. 80 к.

Если вы, читатель, ѣздили на Валаамъ, то не читайте этой книги, такъ какъ ровно ничего не найдете въ ней для себя новаго. Если же не ѣздили, то... тоже не читайте, ибо вы все равно не будете имѣть настоящаго понятія и представленія о Валаамѣ.

Самъ авторъ въ концѣ своей книги говоритъ:

«Трудно выразить словами всю прелесть, неожиданное очарованіе» и проч.... «Лучше самимъ ѣхать и посмотрѣть, испытать (?) всю непзъяснимую прелесть дикой природы Валаама».

Не совсѣмъ грамотно, но искренне. Къ чему же, спрашивается, авторъ заставилъ читателя 260 страницъ-то отхватать, чтобы въ концѣ-концовъ онъ наткнулся на эти строки и поблагодарилъ его за потерянное время. Нѣтъ, ужъ такія искреннія признанія лучше въ началѣ книги помѣщать! А то читатель до послѣдней страницы все ждетъ и ждетъ чего-то. Я, конечно, говорю о читателѣ неопытномъ, потому что опытный по первымъ же 5—6 страницамъ увидитъ, что прока онъ вынесетъ отъ чтенія этой книжки мало.

Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ авторъ разсказъ купца о своемъ первомъ путешествіи на Валаамъ.

— Ну-съ... такъ вотъ-съ.—Пауза, и глаза его смыкаются.—Пріѣзжаемъ... Семенъ Иванычъ сичасъ къ капитану...—Пауза.

Молодой парень свертываетъ умасленную голову на сторону и засматриваетъ въ мясистую физіономію купца, точно *желая провидѣть—не заснулъ-ли* (?).

— Хорошо-съ... къ капитаану.—Пауза.—Ну, и жара же!..—рявкаетъ купецъ. Дремавшая барыня вздрогнула и въ волненіи поправила очки, а молодой парень нервно въ сторону откачнулся.

— Спрашиваетъ... Семенъ Иванычъ-то, тятенька-то... хорошо-съ... да...—Молчаніе.—Вы, говоритъ, капитанъ?—почти гнѣвно вскрикиваетъ купецъ.—Я, говоритъ... Это капитанъ что говоритъ. Ну-съ, хорошо-съ... да-съ... Быть, говоритъ, бурѣ али нѣтъ?.. Это Семенъ Иванычъ-то... Потому ее мой характеръ не терпитъ... затрясетъ...—Пауза и проч., и проч. въ этомъ родѣ.

Въ этой каплѣ отражается вся описательная манера автора. Что-то поверхностное, банальное и дешевое. Авторъ все время прыгаетъ и скачетъ отъ одного предмета къ другому. Гдѣ что услышитъ, то и запишетъ. Точно башкирскіе пѣвцы: «Вода видимъ—поемъ, лошадкамъ видимъ—поемъ». Въ общемъ получается нѣчто безпорядочное, аляповатое и разбросанное. Точно отраженіе какихъ-то мимолетныхъ картиночекъ въ зеркалѣ, составленномъ изъ мелкихъ осколковъ. И все это написано тѣмъ бойкимъ и такъ называемымъ въ обиходѣ легкимъ языкомъ, въ которомъ не встрѣтите ни одного оригинальнаго образа, ни одного мѣткаго слова. Такъ плохіе провинціальные журналисты увѣренно и развязно пописываютъ «путевыя картинки». Я не знаю, печаталъ ли гдѣ-нибудь г. Шмелевъ свои писанія подъ рубрикой «путевыя картинки», но характеръ ихъ мнѣ кажется таковымъ.

Въ плохихъ газетахъ, какъ извѣстно, стиль замѣняется пошибомъ. «На скалахъ Валаама» именно написаны въ газетномъ пошибѣ. Если еще прочесть одинъ фельетонъ г. Шмелева, описывающаго путь на Валаамъ, или самый Валаамъ,—это куда ни шло. Такая фельетонная болтовня въ 300 строкахъ—пустая и поверхностная, какъ пузырь дождевой, вскочилъ и лопнулъ, не оставивъ въ вашемъ вниманіи никакого слѣда; но когда передъ читателемъ добрая сотня такихъ фельетоновъ-пузырей съ продолженіями, вздуваются и лопаются, читательское терпѣніе тоже готово лопнуть.

«Ну, если мнѣ вы, г. авторъ, ничего не сумѣли интереснаго сообщить о Валаамѣ, по крайней мѣрѣ, скажите, что вы сами-то вынесли изъ этого путешествія?»—съ досадой вопрошаетъ, наконецъ, читатель и тутъ натыкается на такія строки.

«Дѣйствительно, Валаамъ далъ мнѣ возможность увидѣть двѣ непохожія одна на другую картины... На одной—лѣса, скалы, дичь и глушь и въ этой дичи и глуши, во мракѣ лѣсовъ человѣкъ ищетъ истину, человѣкъ идетъ по пути евангельскому, хотя очень и очень односторонне...»

Ну, какъ вамъ нравится эта первая картина дичи, среди которой «человѣкъ ищетъ истину и идетъ по евангельскому пути, хотя очень и очень односторонне».

«Односторонній человѣкъ подобенъ флюсу,—говоритъ мудрецъ Кузьма Прут-

ковъ, и—идя среди дичи, да еще при этомъ очень и «очень односторонне» по евангельскому пути, врядъ-ли можетъ найти истину. Католическіе монахи, тоже «подобные флюсу», какъ разъ при такомъ образѣ хожденія нашли *инквизицію*, у которой съ *истиной* только первая буква *и* общая. Очевидно, кромѣ дичи, авторъ ничего не увидѣлъ достойнѣйшаго на Валаамѣ.

Но перейдемъ къ второй картинѣ... Можетъ быть, въ ней-то и вся соль. Вотъ что пишетъ авторъ.

«На другой картинѣ я вижу города, кипучую жизнь въ нихъ, слышу крики о благѣ, о братствѣ, рѣчи съ каѳедръ и церковныхъ амвоновъ и не вижу людей... Люди пропали изъ міра. Тамъ, на этой картинѣ, есть еще темные контуры селъ и деревень въ лѣсахъ... (?!) Тамъ *тоже* не видно людей. Нужда закрыла ихъ; темень и мракъ окутали ихъ непроницаемыми пеленами!»

Дѣйствительно, «ничего въ волнахъ не видно... Только видно, только слышно—одна»... и та же дичь, что въ первой картинѣ. Право, для увиданія второй-то дичи не надо было и на Валаамъ ѣздить г. Шмелеву.

Собственно говоря, объ этой книжкѣ не стоило бы и говорить, если бы авторъ не былъ такъ молодъ. (Два-три раза онъ упоминаетъ о томъ, что онъ студентъ). Но одной молодости тоже было бы недостаточно, если бы у автора не проскальзывало кое-гдѣ нѣкоторой наблюдательности, впечатлительности и искренности. Съ этими достоинствами, правда, далеко не глубокими, онъ все же могъ бы гораздо лучше описать свою поѣздку на Валаамъ, если бы отнесся къ этому подобросовѣстнѣе и повнимательнѣе и повдумчивѣе. Словами, «таперча», «въ емъ», «велосапитетъ»—вмѣсто велосипедъ и проч., въ этомъ родѣ, нельзя рисовать жанровыя картинки, равно какъ нельзя рисовать картинъ природы словами: «Прелестно», «дивно», «обворожительно», «поэтично» и т. д. Пусть ужъ это самъ читатель скажетъ, прочитавъ описаніе.

Больше объ авторѣ и о его книжкѣ ничего сказать нельзя.

II. Географія и этнографія.

Влад. Птицынъ. **Селенгинская Даурія.** Очерки Забайкальскаго края, въ 2-хъ част., съ 10 рис. и геогр. картою Забайкалья. 306 стр. Спб., 1896 г. Ц. 2 руб.

Присяжный повѣренный г. Птицынъ выпустилъ въ свѣтъ сборникъ своихъ статей о Забайкальѣ, изъ которыхъ нѣкоторыя уже ранѣе появлялись въ различныхъ журналахъ и газетахъ. Статьи здѣсь самаго разнообразнаго характера: публицистическіе очерки о буддизмѣ, объ экономическомъ положеніи Забайкальскаго края, археологія, беллетристика, сатиры и карикатуры на кяхтинскихъ и иркутскихъ обывателей. «Русскіе монастыри и буддійское духовенство», «Буддизмъ въ Забайкальѣ», «Гусино-озерскій дацанъ», «Современная Кяхта», «Кяхтинская акциденція», «Лукичъ»—все это статьи, представляющія значительный интересъ. Въ одной изъ своихъ статей, написанной въ началѣ 1895 года, г. Птицынъ ссылается, какъ на авторитетъ, на г. Потанина (стр. 35); въ другой статьѣ, написанной еще ранѣе, онъ упрекаетъ бывшаго мис-

сіонера г. Я. Дуброву въ необъективности; но вотъ къ концѣ 96 года, когда было состряпано предисловіе къ разбираемой нами книгѣ, авторъ, по неизвѣстной намъ причинѣ, перемѣняетъ фронтъ: онъ неожиданно набрасывается на г. Потанина за его монгольскія экспедиціи и опирается, какъ на авторитетъ, на статьи г. Дубровы. На пути онъ задѣваетъ также и покойнаго Н. М. Ядринцева за его экскурсію въ Каракорумъ. Начинается дѣло съ упоминанія о горѣ Сохондо, о необходимости изслѣдованія которой авторъ такъ краснорѣчиво толкуетъ... Но Сохондо находится въ предѣлахъ Сибири—при чемъ же тутъ Монголія и монгольскія экспедиціи?! Или г. Птицыну безразлично было—съ чего начинать, лишь бы побраниться... Ученая репутація Г. Н. Потанина ужъ настолько прочно установилась, что авторъ въ своихъ нападкамъ только лишній разъ напомнилъ намъ басню «о слонѣ и москѣ». Онъ покойнаго Пржевальскаго, какъ путешественника, высказывавшаго «справедливые и дальновидные взгляды на Китай», оцѣниваетъ гораздо выше, чѣмъ Потанина, но этой оцѣнкѣ мы можемъ противопоставить противоположный отзывъ такого объективнаго историка этнографіи—какъ А. Н. Пыпинъ (Истор. Р. Этногр., т. IV). На нашъ взглядъ, ихъ и сравнивать-то не зачѣмъ: оба путешественника въ своемъ родѣ хороши. Пржевальскій шелъ впередъ и впередъ, стараясь охватить возможно большее пространство, дѣлалъ маршрутныя съемки, опредѣлялъ высоты, астрономическіе пункты, собиралъ естественно-историческія коллекціи, но сравнительно мало обращалъ вниманія на населеніе; вообще, говоря образно, насколько Пржевальскій старался охватить предметъ своего изслѣдованія—въ длину, настолько Потанинъ—въ глубину. По своему методу сношенія съ населеніемъ и по способу путешествія Пржевальскій очень напоминаетъ извѣстнаго Стэнли, зачастую пролагавшаго себѣ путь огнемъ и мечомъ. Экспедиція г. Потанина шла безъ всякаго вооруженія, не ставила себѣ никакихъ политическихъ цѣлей и вообще заботилась о внесеніи гуманности и мира въ свои отношенія къ инородцамъ. Главнѣйшія работы г. Потанина относятся до Монголіи. Вотъ пусть-ка г. Птицынъ познакомится съ этими, какъ онъ выражается, «исполинскими томами»; онъ увидитъ, сколько тамъ свѣдѣній этнографическихъ, сколько тамъ параллелей, свидѣтельствующихъ объ изумительномъ знакомствѣ Потанина съ литературой и о его громадной наблюдательности. Мы не упоминаемъ уже о многочисленныхъ указаніяхъ географическихъ, геологическихъ, спискахъ представителей туземной флоры и фауны, и проч., и проч. Конечно, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что образцы тюркской и монгольской словесной литературы, записанные въ большинствѣ со словъ переводчика, много теряютъ въ своей цѣнности, а впредь желательно для изслѣдователей предварительное знакомство съ языкомъ туземцевъ. Но если первобытная культура день ото дня исчезаетъ подъ напоромъ иноземныхъ вліяній и если находится предпріимчивый человѣкъ, съ общимъ образованіемъ, рѣшившійся посвятить себя такому трудному и опасному дѣлу, какъ путешествіе, то это можно только привѣтствовать. Относительно же покойнаго Н. М. Ядринцева слѣдуетъ сказать, что значеніе его было не въ научныхъ трудахъ, а въ его публицистическомъ дарованіи, въ его неутомимой энергіи, въ его всегдашней го-

товности поддерживать интересы отдѣльныхъ областей. Имя Ядринцева, безъ сомнѣнія, останется навсегда памятнымъ въ исторіи просвѣщенія Сибири.

III. Политическая экономія.

Промышленность. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenchaften. Перев. съ нѣмецкаго. Изд. *М. и Н. Водовозовыхъ.* Москва. 1896. Ц. 1 р. 50 к.

Статьи, вошедшія въ этотъ сборникъ, принадлежатъ различнымъ авторамъ и имѣютъ различныя достоинства. Лучшей мы считаемъ статью Зомбарта «Домашняя промышленность», которая, какъ и все, выходящее изъ-подъ пера этого автора, отличается ясностью и легкостью изложенія и стройностью группировки матерьяла. Зомбартъ вовсе не раздѣляетъ распространеннаго взгляда, что домашняя промышленность (къ которой онъ съ полнымъ основаніемъ относитъ и наше кустарное производство) имѣетъ какія-то специфическія преимущества передъ фабрикой. Обычная ошибка сторонниковъ этого взгляда—сравниваніе съ фабрикой не дѣйствительно существующей домашней промышленности, а домашней промышленности идеальной, какой она можетъ или должна быть. Но если мы обратимся къ фактамъ, то увидимъ, что недостатки фабричной системы въ еще большей степени наблюдаются въ домашней промышленности—чрезмѣрная продолжительность труда, плохія гигіеническія условія работы, привлеченіе къ работѣ дѣтей и пр. и пр. Зато домашняя система имѣетъ свои специфическіе недостатки, которые дѣлаютъ ее наиболѣе пригодной формой эксплуатаціи труда: какъ справедливо замѣчаетъ Зомбартъ, домашній рабочій поставленъ въ менѣе благопріятныя условія въ борьбѣ за увеличеніе своей доли въ производимомъ продуктѣ, чѣмъ рабочій фабричный, а, кромѣ того, и охрана рабочихъ со стороны государства (фабричное законодательство) встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія для своего распространенія на домашнюю промышленность. Говоря точнѣе, распространеніе фабричнаго законодательства на домашнюю промышленность ведетъ къ превращенію этой технически отсталой формы промышленности въ фабрику, что является весьма желательнымъ, какъ съ чисто-технической, такъ и съ экономической и общественной точки зрѣнія. Мы вполнѣ согласны съ заключеніемъ Зомбарта, что, «взятая въ цѣломъ, домашняя промышленность является по сравненію съ фабричной или мануфактурной системой низшей формой частнокапиталистическаго предпріятія, почему ея гибель и переходъ въ высшія формы представляются неизбѣжными».

Перечисляя различныя формы домашней промышленности, Зомбартъ говоритъ о своеобразной организаціи ліонской шелковой индустріи, въ которой онъ видитъ особый ліонскій типъ домашней промышленности. Своеобразность заключается, по мнѣнію Зомбарта, въ томъ, что въ данномъ случаѣ мастера, получающіе заказы отъ предпринимателей-торговцевъ, имѣютъ свои собственныя мастерскія, въ которыхъ работа исполняется при помощи наемныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ, мастеръ является одновременно и работодателемъ, и наемнымъ рабочимъ. Если бы Зомбартъ былъ болѣе знакомъ съ нашей кустар

ной промышленностью, то онъ увидѣлъ бы, что «ліонскій типъ» съ большимъ основаніемъ можетъ быть названъ московскимъ, владимірскимъ, костромскимъ, вообще русскимъ типомъ. Наши свѣтелочники, мастерки, заглоды (хозяева свѣтелокъ) вполнѣ соотвѣтствуютъ ліонскимъ мастерамъ по своему отношенію къ торговцамъ или фабрикантамъ-заказчикамъ съ одной стороны и ткачамъ—съ другой. Поэтому Зомбартъ совершенно неправъ, говоря, что «ліонскій типъ» *изрѣдка* встрѣчается въ другихъ странахъ, кромѣ Франціи. Не изрѣдка, а какъ общее правило, этотъ типъ встрѣчается во многихъ мѣстностяхъ Россіи, въ особенности въ ткацкомъ промыслѣ.

Точно также невѣрно утвержденіе Зомбарта, что наша кустарная промышленность возникла непосредственно изъ домашняго производства. Исторія нашихъ кустарныхъ промысловъ вообще еще мало изслѣдована, но очевидно, что такіе промыслы, какъ, напр., бумаготкацкій, шелкоткацкій и т. п., не могли возникнуть въ центральной Россіи изъ домашняго производства, ибо ни ситцы, ни шелковыя матеріи въ концѣ XVIII вѣка (когда эти промыслы стали распространяться въ крестьянской средѣ) не были въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ предметомъ крестьянскаго потребленія. Впрочемъ, Зомбартъ въ данномъ случаѣ только повторяетъ общую ошибку нашихъ изслѣдователей кустарной промышленности.

Статья Зомбарта, какъ мы сказали, является лучшей въ сборникѣ. Статья В. Лексиса «Машины» грѣшитъ излишнимъ оптимизмомъ. Говоря о вліяніи машинъ на положеніе рабочаго класса, Лексисъ повторяетъ старые аргументы Сея и Бастіа. По его словамъ, если введеніе новыхъ машинъ и сокращаетъ спросъ на рабочія руки, то лишь временно, но затѣмъ рабочіе снова находятъ себѣ занятія.

На это былъ данъ отвѣтъ еще въ 1846 г. Прудономъ: временное ухудшеніе рабочаго рынка становится хроническимъ, если новыя машины вводятся постоянно. Кромѣ того, замѣщеніе ручного труда машиннымъ нерѣдко достигается только послѣ упорной и продолжительной борьбы, растягивающейся на цѣлыя десятилѣтія; пока продолжается эта борьба, положеніе рабочаго ухудшается. Извѣстно, какой тяжелый кризисъ былъ вызванъ въ англійской промышленности введеніемъ механическаго ткацкаго станка. Но мы, разумѣется, не будемъ спорить съ Лексисомъ, что техническій прогрессъ является основаніемъ всякаго общественнаго прогреса, почему и машины должны быть признаваемы однимъ изъ самыхъ могучихъ орудій прогресса и цивилизаціи.

Само собою разумѣется, что Лексисъ сторонникъ крупнаго производства. Онъ не считаетъ, что сокращеніе мелкихъ производствъ является фактомъ прискорбнымъ съ соціально-политической точки зрѣнія. «Въ интересахъ общественнаго блага должны примѣняться исключительно наиболѣе совершенныя и дѣйствительныя средства производства», и странѣ, удерживающей производительность своего труда на низкой ступени развитія, Лексисъ грозитъ участью Китая (статья «Крупное и мелкое производство»).

Нѣсколько статей разсматриваемаго сборника (Производительныя товарищества, Промышленныя и хозяйственныя товарищества, Сырьевыя товарищества) посвящены кооперативнымъ обществамъ. Не смотря на интересъ темы, статьи эти

являются наименѣе удачными въ сборникѣ. Приводимая статистика очень неполна, и изложеніе спутано. Авторъ ихъ, Крюгеръ, вѣрный послѣдователь Шульце-Делича, не покидаетъ надежды, что новыя механическія изобрѣтенія опять откроютъ просторъ для мелкаго производства. Онъ относится очень сочувственно къ кооперативному движенію среди рабочихъ и ремесленниковъ, но отнюдь не закрываетъ глаза на встрѣчаемыя этимъ движеніемъ препятствія. Производительныя ассоціаціи, возникшія благодаря даровымъ средствамъ, предоставленнымъ государствомъ или сочувствующими посторонними лицами, почти всегда оказываются нежизнеспособными. Вообще исторія почти всѣхъ производительныхъ ассоціацій показываетъ слѣдующее: или дѣла ассоціаціи идутъ дурно, она распадается, и члены ея опять принимаются работать по найму; или же ея дѣла идутъ хорошо—и въ такомъ случаѣ она быстро утрачиваетъ свой первоначальный товарищескій характеръ и становится компаніей капиталистовъ (первоначальныхъ основателей ассоціаціи), также пользующейся наемнымъ трудомъ, какъ и всѣ прочія капиталистическія предпріятія. Примѣромъ послѣдняго можетъ служить знаменитая ассоціація парижскихъ очечниковъ, въ которой 58 товарищей и 1.200 наемныхъ рабочихъ. Чѣмъ отличается такая ассоціація отъ акціонерной компаніи?

Между этой Сциллой и Харибдой приходится лавировать производительной ассоціаціи. Правда, нашимъ производительнымъ ассоціаціямъ, возникающимъ за послѣднее время въ такомъ изобиліи (земледѣльческія артели г. Левицкаго), не грозитъ опасность сдѣлаться капиталистическими предпріятіями, но зато тѣмъ неизбѣжнѣе имъ предстоитъ второе—распаденіе.

Кромѣ названныхъ статей, въ разбираемомъ сборникѣ есть статьи Штида (Фабрика), Геркнера (Кризисы), Клейнвехтера (Союзы предпринимателей), Кольмана (Промышленная статистика), Р. Мейера (Доходъ). При каждой статьѣ прилагается подробная библіографія вопроса. Само собою разумѣется, что статьи эти не всегда согласованы другъ съ другомъ—встрѣчаются повторенія, а иногда и противорѣчія. Но, такъ какъ главное значеніе изданій такого рода заключается въ ознакомленіи читателя въ сжатой формѣ съ огромнымъ и обыкновенно малодоступнымъ фактическимъ матерьяломъ, то читатель можетъ и не смущаться противорѣчіями, касающимися взглядовъ, мнѣній, а не фактовъ.

С. Сергѣевъ. **Вопросы русской промышленности.** Библіотека общественныхъ знаній. Одесса, 1897 г. Ц. 40 к.

Книга г. Сергѣева принадлежитъ къ числу тѣхъ, къ которымъ нельзя относиться серьезно. Г. Сергѣевъ фритредеръ и притомъ очень рѣшительный фритредеръ (хотя онъ это и отрицаетъ). По его мнѣнію, съ нашей фабричной промышленностью «происходитъ что-то весьма ненормальное», а именно наша крупная промышленность насчитываетъ уже болѣе 100 лѣтъ жизни и все еще нуждается въ покровительствѣ. «Развѣ это не странно?»—восклицаетъ г. Сергѣевъ и ссылается на примѣръ другихъ странъ, между прочимъ на Соединенные Штаты, которые, по его словамъ, «за срокъ вдвое меньшій подняли свою промышленность на такую высоту, что теперь она не только вполнѣ успѣшно конкуррируетъ на всемірномъ рынкѣ съ прежней своей метрополіей, но все болѣе ее вытѣсняетъ»

*

(промышленность вытѣсняетъ метрополію!!). Г. Сергѣеву остается только прибавить, что Соединенные Штаты не нуждаются болѣе въ покровительственной системѣ и давно отъ нея отказались—и это будетъ такъ же вѣрно, какъ и то, что Америка вытѣсняетъ Англію на всемірномъ рынкѣ.

Повторяя старые фритредерскіе аргументы (при чемъ дѣлается длинная выписка изъ Бастіа), г. Сергѣевъ особенно настаиваетъ на «законѣ», что для «нормальнаго развитія промышленности» требуется близость сырого матерьяла, поступающаго въ обработку. Прилагая этотъ критерій къ русской промышленности, г. Сергѣевъ приходитъ къ неутѣшительнымъ выводамъ; оказывается, что «ни въ столичныхъ, ни въ промышленныхъ губерніяхъ хлопокъ не добывается и, по чисто климатическимъ условіямъ, никогда добываться не будетъ... Положеніе дѣлается еще болѣе серьезнымъ,—прибавляетъ г. Сергѣевъ,—если сказать, что хлопокъ вовсе не продуктъ Россіи вообще». А между тѣмъ у насъ существуетъ хлопчатобумажная промышленность; пусть она существуетъ ненормально, временно, искусственно, но все же существуетъ. И вотъ г. Сергѣевъ безжалостно предрекаетъ: «промышленность эта, несомнѣнно, пропадетъ», и чтобы ускорить ея гибель, совѣтуетъ отказаться отъ всякой «искусственной» поддержки ея, путемъ покровительственныхъ пошлинъ.

Итакъ, всякая промышленность, перерабатывающая чужое сырье, обречена на гибель. Всѣ такія отрасли промышленности «развились ненормально». Ну, а англійское хлопчато-бумажное производство? Положимъ, теперь его ростъ и замедлился, но не рано ли предсказывать ему конецъ? Конечно, будущее неизвѣстно, и все на этомъ свѣтѣ временно, но вотъ въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія: именно англійская хлопчато-бумажная промышленность развилась наиболѣе «естественно», безъ поддержки правительства, прямо противодѣйствовавшаго въ XVIII вѣкѣ росту бумаготкацкаго производства, для огражденія старинной суконной и шелковой промышленности. И, не взирая на всѣ правительственныя стѣсненія, доходившія иногда до прямого запрещенія употребленія въ Англіи ситцевыхъ тканей для одежды, промышленность эта поразительно быстро развилась и до настоящаго времени остается господствующей отраслью англійскаго производства. Неужели этотъ примѣръ не колеблетъ вѣру г. Сергѣева въ его законъ?

Впрочемъ, г. Сергѣева смутить трудно. Онъ угрожаетъ гибелью не только русской промышленности, но и всей Европѣ (sic!), «если она во-время не исправитъ своей ошибки и не отведетъ сельскому хозяйству того мѣста, которое ему надлежитъ». Но какое мѣсто «надлежитъ» сельскому хозяйству—этого г. Сергѣевъ, къ сожалѣнію, не объясняетъ. Въ концѣ книги онъ довольно туманно говоритъ о преимуществахъ Россіи передъ «западной Европой» и о «народномъ видѣ» нашего земледѣлія. Повидимому, западной Европѣ именно и не хватаетъ нашего «народнаго земледѣлія» (общины, что ли?).

Впрочемъ, и Россіи «народное земледѣліе» не помѣшало идти тѣмъ же ложнымъ путемъ, какимъ идетъ и остальная Европа—развивать у себя фабричную промышленность. Успѣхи нашего фабричнаго производства кажутся г. Сергѣеву призрачными. Покровительственная система вызвала у насъ хлопчато-бумажную промышленность, но какъ это отозвалось на нашемъ старинномъ льняномъ про-

изводствѣ, перерабатывающемъ мѣстное сырье? Бумажная ткань вытѣснила льняную, и наше льноткацкое производство сократилось. Отсюда ясенъ вредъ протекціонизма. И г. Сергѣевъ думаетъ помочь полотняной промышленности уничтоженіемъ пошлинъ на бумажныя ткани. Но если бы г. Сергѣевъ чуточку подумалъ, то онъ увидѣлъ бы, что открытіе иностранному ситцу и коленкору свободнаго доступа на русскій рынокъ привело бы къ совершенно обратному—не къ развитію, а къ еще большему сокращенію нашего полотнянаго ткачества, такъ какъ, если наше полотно не можетъ конкуррировать съ дорогимъ русскимъ миткалемъ, то тѣмъ непосильнѣе для него конкурренція съ дешевымъ англійскимъ.

Вообще г. Сергѣевъ шутить не любитъ и на полдорогѣ не останавливается. Не довольствуясь утвержденіемъ, что «наша фабрично-заводская промышленность построена на пескѣ», онъ высчитываетъ убытки, приносимые намъ фабричнымъ производствомъ, и приходитъ къ удивительному выводу: оказывается, что съ «народной точки зрѣнія» наши фабрики не только не даютъ дохода, но за удовольствіе ихъ имѣть русскій народъ ежегодно приплачиваетъ изъ другихъ доходовъ 119 мил. рублей и, кромѣ того, теряетъ трудъ $1^1/_2$ мил. людей. Иными словами, если бы всѣ фабрики, по выраженію г. Сергѣева, немедленно «пропали», то мы не только ничего бы не потеряли, но даже очень много пріобрѣли.

Къ этому безподобному расчету прибавлять нечего. Г. Сергѣевъ, повидимому, полагаетъ, что достаточно умѣть болѣе или менѣе грамотно излагать свои мысли, чтобы писать объ экономическихъ вопросахъ. Но для послѣдняго требуется еще нѣкоторое знакомство съ дѣломъ, котораго не хватаетъ г. Сергѣеву, и потому его книга вышла въ научномъ отношеніи совершенно безграмотной.

IV. Народныя книги.

«Новая серія изданій» т-ва И. Д. Сытина. М. 1897 г.

Имя г. Сытина въ области нашей такъ называемой народной литературы невольно ассоціируется съ именемъ той не очень чистой силы, которая смущала даже Коробочку. Однако лежащіе передъ нами томики послѣднихъ изданій лубочнаго предпринимателя показываютъ своимъ содержаніемъ, что для настоящаго времени онъ созналъ выгодность сбыта иного литературнаго матерьяла, существенно отличающагося отъ хлама съ чертовщиной, такъ долго и свободно просвѣщавшаго темныя головы. Подобное стремленіе намъ кажется немаловажнымъ: если самъ король Никольскаго рынка намѣренъ бороться съ интеллигентно-народными фирмами ихъ собственнымъ орудіемъ, значитъ, въ самомъ дѣлѣ снизу идетъ—не смотря ни на что—серьезный запросъ на «хорошую книжку»... Безусловно сочувствуя начинаніямъ издателя, изъ какихъ бы побужденій они ни исходили, попробуемъ опредѣлить, насколько удался его первый дебютъ.

Вышедшія книжки «новой серіи изданій» носятъ характеръ сборниковъ и состоятъ изъ ряда мелкихъ повѣстей и стихотвореній различныхъ авторовъ. Одна изъ нихъ, «Деревенскіе разсказы», заключаетъ въ себѣ слѣдующія вещи: «Горе»—*Чехова*, «Орлиное гнѣздо»—*Б.-Бьернсона*, «Провѣрка общественныхъ денегъ»—*Прошьянца*, «Хуторокъ»—*Юхани-Ахо*, «Торперъ»—*его же*, «Учи-

тель»—*Быстренина*, «Старый звонарь»—*Короленко*, «Мать»—*Андерсена*, и проч.... Первый разсказъ для спеціальной цѣли выбранъ не совсѣмъ удачно: не всегда и не всякое изображеніе анормальностей въ смѣхотворной формѣ проявляетъ горькій трагизмъ... Приведемъ изъ разсказа нѣсколько словъ разговора съ земскимъ докторомъ, рисующагося въ воображеніи «непутеваго мужика» Григорія Петрова, когда онъ везъ свою забитую старуху на излѣченіе въ городъ:

— Павелъ Иванычъ! Ваше высокоблагородіе! Благодаримъ васъ всепокорно! Простите насъ, дураковъ, анаѳемовъ! Не обезсудьте насъ, мужиковъ! Насъ бы въ три шеи надо, а вы изволите безпокоиться, ножки свои въ снѣгъ марать!

— Чѣмъ въ ноги-то бухать, ты бы лучше, дуракъ, водки не лопалъ да старуху жалѣлъ. Пороть тебя надо!

— Истинно, пороть, Павелъ Иванычъ, побей меня Богъ—пороть! А какъ же намъ въ ноги не кланяться, ежели благодѣтели вы наши, отцы родные!..(7—8 с. с.).

Намъ припоминается здѣсь своеобразная оцѣнка произведеній Гоголя со стороны крестьянина, «большого любителя чтенія» въ селѣ [1]). Прочитавъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», «О томъ, какъ поссорился И. И. съ И. Н.» и «Мертвыя души», онъ воскликнулъ: «Вотъ такъ писатель! Какъ грустенъ ни будь, а прочтешь его—и повеселѣешь». Если ужъ *такія* произведенія иногда вызываютъ слезы... отъ смѣху, то что же сказать про значеніе другихъ, гдѣ шаржъ беретъ верхъ надъ талантомъ?

«*Орлиное гнѣздо*» проводитъ идею, крайне безъидейную... Надъ горнымъ селеніемъ, на недоступной вершинѣ скалы, орлы свили гнѣздо и съ тѣхъ поръ много зла причиняли поселянамъ, похищая ягнятъ и козлятъ, даже дѣтей. Нашелся однажды смѣльчакъ, который взялся разорить гнѣздо; но попытка его увѣнчалась роковымъ неуспѣхомъ: онъ сорвался со скалы и расшибся... И вотъ тенденція автора: «*Все же* хорошо, когда что-нибудь стоптъ такъ высоко, что не всѣ могутъ достигнуть его» (21 с.).

«*Учитель*» написанъ съ цѣлью показать, «до чего темнота-то доводитъ, неразуміе-то наше» (81 с.). Зашелъ въ заброшенную деревушку старецъ и задумалъ онъ, видите ли, народъ просвѣщать.

«Ну, и пошло ученье. Утромъ съ малышами возится учитель, а вечеромъ съ большими. И такъ, я вамъ, дружки, скажу, что въ скорости почесть всѣ грамотными стали. Къ новому году уговорилъ онъ насъ газету выписать. Тутъ еще лучше пошло. Какъ кто идетъ въ воскресенье къ обѣднѣ, приказываемъ зайти въ волость за газетой, а вечеромъ соберемся къ учителю и слушаемъ, что гдѣ дѣлается. Просто свѣтъ увидѣли. Даромъ, что въ глухомъ лѣсу живемъ, а все, что ни дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, все до тонкости знаемъ. Вотъ вѣдь какъ!» (74 с.).

Вдругъ прошла сплетня, что просвѣтитель—бѣглый каторжникъ, и просвѣщенные рѣшили отъ него отдѣлаться, да отдѣлались такъ, что «отъ суда не отвертѣлись...» Вотъ вѣдь какъ иные народные писатели фабрикуютъ положенія! Вотъ вѣдь какъ они утрируютъ языкъ!

Содержаніе *Сказки* Андерсена таково. Мать сидитъ у изголовья больного ребенка и томится страшнымъ предчувствіемъ. Вдругъ является Смерть,—въ человѣческомъ обликѣ,—и исчезаетъ вмѣстѣ съ ребенкомъ. Убитая мать идетъ на поиски. Послѣ нѣкоторыхъ чудесныхъ столкновеній, она очутилась въ диковинномъ домѣ, гдѣ росли цвѣты и деревья, представляя прежнія жизни. Тутъ она

[1]) «С.-хоз. обзоръ Твер. губ. за 1895 г.», Приложенія, стр. 14, Т. 1896.

встрѣтилась со Смертью, которая дала ей понять, что дитя потому взято такъ преждевременно, что въ будущемъ, на землѣ, его ожидало бы непрерывное горе. И бѣдная мать убѣдилась, что *все* въ мірѣ ниспосылается къ лучшему. Выводъ этотъ противорѣчитъ міросозерцанію современнаго человѣка, и выборъ сказки представляется намъ неудачнымъ и неумѣстнымъ въ такомъ сборникѣ, какъ разбираемый.

Глубоко правдивый, идейный и художественный «*Старый звонарь*» Короленко насильственно втиснутъ не въ свою среду.

«Никогда еще такъ не звонилъ старый Михеичъ... И старое сердце забыло про жизнь, полную заботъ и обиды... Забылъ старый звонарь, что жизнь для него сомкнулась въ угрюмую и тѣсную вышку, что онъ въ мірѣ одинъ, какъ степной пень, разбитый злою непогодой... Онъ слушаетъ эти звуки, поющіе и плачущіе, летящіе къ горнему небу и припадающіе къ бѣдной землѣ, и кажется ему, что онъ окруженъ сыновьями и внуками, что это ихъ радостные голоса, голоса большихъ и малыхъ, сливаются въ одинъ хоръ и поютъ ему про счастье и радость, которыхъ онъ не видалъ въ своей жизни... И дергаетъ веревки старый звонарь, а слезы бѣгутъ по лицу, и сердце усиленно бьется иллюзіей счастья...

— Эй, посылайте на смѣну!.. Старый звонарь отзвонилъ...»

Мозгъ «деревенскаго» читателя скорѣе всего затронется свѣтомъ и теплотою подобныхъ словъ. И напрасно думаютъ иные мудрецы, что это читатель—совсѣмъ особой породы, что передъ нимъ необходимо кривляться...

Про остальные три «деревенскіе разсказа» можно только сказать, что они производятъ впечатлѣніе какихъ-то обрывковъ.

Гораздо болѣе удаченъ другой сборникъ г. Сытина, озаглавленный «**Рождественскіе разсказы**» («Сердце заговорило» — *Весткирха*, «Рождественская ночь»—*Станюковича*, «Поздняя вечеря»—*Потапенко*, «Христова ночь»—*Мачтета*, «Праздникъ бабушки Ульяны»—*Бострома*). Однако, не всѣ части и этого сборника имѣютъ цѣну. Въ повѣсти «*Сердце заговорило*» бросается въ глаза сентиментальность и натянутость... Пресыщенный, черствый сынъ ростовщика милліонера случайно увидѣлъ ничѣмъ неприкрытую картину нищеты и... мигомъ преобразился. «Давать радость другимъ, облегчать чужія страданія—вотъ какая будетъ отнынѣ цѣль его жизни! Онъ чувствовалъ, что будетъ жить, будетъ страдать за ближнихъ, потому что въ немъ проснулась сила—живая сила—любви къ людямъ.»

«*Поздняя вечеря*»—изъ «легкихъ» вещей, не задающихся какою-либо тенденціей. Сюжетъ несложенъ: дядя Якимъ не отдавалъ за Миколу своей Мотри, не смотря на взаимность молодыхъ людей, и согласился на свадьбу только тогда, когда парень спасъ дѣвушку отъ случайной смерти.

«*Христова ночь*» изображаетъ скорбную исторію одного ссыльнаго поляка, который, по освобожденіи, вернулся на родину, но, найдя въ жизни близкихъ ему людей рѣзкій поворотъ къ худшему и встрѣтивъ перемѣну ихъ отношеній къ нему самому, снова возвратился въ глухую сибирскую тайгу, въ ожиданіи неизвѣстнаго лучшаго.

«*Рождественская ночь*»—совершенно дѣтская повѣсть о томъ, какъ матросы на берегу моря нашли малютку. А «*Праздникъ бабушки Ульяны*»—ничего не стоющій разсказъ, какъ къ нищей-бобылкѣ ребенка подкинули и какъ ей пришлось примириться съ этимъ «Богомъ посланнымъ гостемъ...»

Будучи болѣе стилистиченъ, сравнительно съ предыдущимъ, настоящій сборникъ страдаетъ, какъ и тотъ, главнымъ недостаткомъ—отсутствіемъ руководящей нити, которая бы связывала воедино отдѣльные его элементы, давая болѣе или менѣе цѣльное понятіе объ извѣстномъ явленіи или фактѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что общаго между «бабушкой Ульяной» и «ссыльнымъ полякомъ», между «матерью» и удивительнымъ «учителемъ», кромѣ развѣ того, что ихъ поселили за общей обложкой съ какимъ-то ярлыкомъ?

Третій сборникъ носитъ названіе «Житейскія невзгоды» и состоитъ также изъ мелкихъ статей («Мечты» — *Чехова*, «Звѣрство» — *Мамина*, «На вдовицѣ»—*Потапенко*, «Степа»—*Станюковича*, «Вымершій типъ»—*Астырева*, «Исторія чернаго сюртука»—*Кретцера*, «Хасъ-пуши»—*Раффи*).

«*Мечты*»—задушевный и умный разсказъ... Двое сотскихъ конвоируютъ бродягу. Это—бродяга по недоразумѣнію и въ высшей степени жалкій. «Я—человѣкъ нѣжный, болѣзненный, люблю въ чистотѣ и поспать и покушать», рекомендуется онъ своему сѣрому начальству (начальству—тоже по недоразумѣнію). Присѣли отдохнуть путники, и разболтался тутъ добрый, наивный бродяга, обнажая передъ простодушными людьми всѣ безотрадныя детали своего прошлаго и настоящаго, фантазируя—вмѣстѣ—о будущемъ, о вольготной жизни въ Сибири. Его мечтанія увлекаютъ и сотскихъ: они задумались, стараясь представить себѣ «картины *вольной* жизни, какою они никогда не жили». «—Не доберешься ты до привольныхъ мѣстовъ... Вишь, ты какой дохлый...» И этотъ суровый приговоръ, неожиданно произнесенный однимъ изъ мужиковъ надъ бродягой, въ конецъ разрушилъ розово-мечтательное настроеніе всѣхъ троихъ. Теперь уже

«сотскіе напрягаютъ умъ, чтобы обнять воображеніемъ то, что можетъ вообразить себѣ развѣ одинъ только Богъ, а именно то страшное пространство, которое отдѣляетъ ихъ отъ вольнаго края. (А передъ бродягой) живо выростаютъ судебная волокита, пересыльныя и каторжныя тюрьмы, арестантскія барки, томительныя остановки на пути, студеныя зимы, болѣзни, смерти товарищей...

«— Ну. пора итти. Отдохнули!..» (19—20 с.).

«*Вымершій типъ*» касается вопроса о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ, оставляя открытымъ разрѣшеніе его въ ту или другую сторону,

«Послѣдніе остатки старины рухаются на нашихъ глазахъ... Когда же было лучше: прежде, когда мужикъ былъ богатъ, но ходилъ до пятидесяти годовъ въ «мальчикахъ», и когда старшій въ семьѣ могъ его высѣчь на глазахъ у внуковъ,—или теперь, когда всякъ себѣ хозяинъ, но нѣтъ у многихъ такихъ хозяевъ ни кола, ни двора, ни лошади, ни скотины?» (97 с.).

«*Хасъ-пуши*»—наиболѣе содержательная повѣсть въ сборникѣ. Ея фабула относится къ эпохѣ голода въ Персіи... Доведенная бѣдствіемъ до крайнихъ предѣловъ, тегеранская чернь возмутилась, при чемъ счастливое обстоятельство столкнуло ее непосредственно съ шахомъ,—и шахъ узналъ тогда правду, отъ которой тщательно его оберегала система.

Остальное содержаніе «Житейскихъ невзгодъ» не вызываетъ особыхъ возраженій по существу, и заслуживаетъ полнаго вниманія. Будучи проникнуто симпатіей къ «малымъ» и «низшимъ», оно не даетъ, впрочемъ, ничего, кромѣ отрицанія... Tamen est laudanda voluntas!

Къ вопросу о вліяніи низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ.

По поводу книги «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства» [1]).

(Статьи Н. Ѳ. Анненскаго, В. Н. Григорьева, проф. Н. А. Каблукова, проф. Н. А. Карышева, Л. Н. Маресса, Н. О. Осипова, М. А. Плотникова, В. И. Покровскаго, Д. И. Рихтера, проф. А. Ѳ. Фортунатова, проф. А. И. Чупрова, Ф. А. Щербины, подъ редакціей проф. А. И. Чупрова и А. С. Посникова. С.-Петербургъ, 1897).

Коллективная работа нашихъ извѣстныхъ экономистовъ и статистиковъ должна рѣшить два вопроса — какимъ образомъ вліяютъ на русское народное хозяйство урожаи съ одной стороны и хлѣбныя цѣны—съ другой. Работа имѣетъ статистическій характеръ — авторы хотятъ разрѣшить поставленные ими вопросы не общими соображеніями, а точными цифровыми данными, очевидно, въ тѣхъ видахъ, чтобы полученныя заключенія были обоснованы вполнѣ научно и не отражали на себѣ субъективныхъ взглядовъ, симпатій и пожеланій авторовъ.

Но уже съ перваго взгляда бросается въ глаза трудность статистически изолировать вліяніе такихъ факторовъ, какъ урожай и цѣна,— факторовъ, послѣдній изъ которыхъ есть, въ извѣстной степени, слѣдствіе перваго. Урожайные годы обыкновенно бываютъ годами низкихъ цѣнъ, и обратно. Какъ же опредѣлить, что вызывается урожаемъ и что низкой цѣной?

На это можно, пожалуй, отвѣтить такъ: незачѣмъ и разсматривать дѣйствіе каждаго изъ этихъ факторовъ порознь, если фактически они дѣйствуютъ совмѣстно. Не будетъ ли пустымъ доктринерствомъ требовать искусственнаго теоретическаго раздѣленія такихъ взаимно связанныхъ явленій, какъ хорошій урожай и низкая цѣна?

Но съ этимъ отвѣтомъ согласиться нельзя. Дѣло въ томъ, что единственной серьезной задачей настоящаго изслѣдованія можетъ быть только опредѣленіе вліянія на русское хозяйство цѣнъ, а никакъ не урожаевъ, и по слѣдующимъ причинамъ. Въ области урожаевъ никакой эволюціи не происходитъ: урожаи сильно колеблются изъ года въ годъ, но мы не можемъ констатировать ни правильнаго повышенія, ни пониженія среднихъ урожаевъ. Сельско-хозяйственный кризисъ, о которомъ столько говорили и писали во всемъ цивилизованномъ мірѣ, заключается отнюдь не въ пониженіи или въ повышеніи урожайности.

[1]) Въ основу этой статьи легла рѣчь въ засѣданіи 3-го Отдѣленія И. В.-Экон. Общества 1 марта с. г.

Кризисъ, какъ всѣмъ извѣстно, всецѣло коренится въ области цѣнъ. Паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, характеризующее послѣднія 20 лѣтъ, и вызванное отнюдь не повышеніемъ урожайности — вотъ то новое соціальное явленіе, которое требуетъ изученія, и разъясненію котораго должно содѣйствовать разбираемое изслѣдованіе.

Это первая причина, почему истинной задачей даннаго изслѣдованія должно считать освѣщеніе хозяйственнаго вліянія цѣнъ, а отнюдь не урожаевъ. Вторая причина иного свойства: по вопросу о вліяніи урожаевъ спора быть не можетъ. Кто же и когда сомнѣвался, что хорошій урожай является благодѣяніемъ для земледѣльческой страны, какъ Россія? Доказывать полезное дѣйствіе урожаевъ значитъ поистинѣ ломиться въ открытую дверь.

Итакъ, по нашему мнѣнію, нельзя говорить о вліяніи урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ сразу, а нужно выяснить вліяніе одного изъ этихъ факторовъ—именно цѣны. Опредѣленіе же вліянія урожаевъ большого интереса не представляетъ и не вызываетъ никакихъ споровъ ни у ученыхъ, ни у практиковъ.

Но, какъ сказано, статистическимъ путемъ крайне трудно изолировать вліяніе цѣнъ отъ сопутствующаго вліянія урожаевъ. Статистика оказывается наименѣе пригоднымъ методомъ рѣшенія поставленной задачи, особенно при томъ условіи, если изучаемый періодъ непродолжителенъ. Въ данномъ же случаѣ статистическое изслѣдованіе встрѣчаетъ всѣ эти трудности.

По наиболѣе существеннымъ пунктамъ изслѣдованіе обнимаетъ небольшой періодъ времени, преимущественно послѣднее десятилѣтіе, когда колебаніямъ урожаевъ въ Россіи въ общемъ соотвѣтствовали и колебанія цѣнъ, разумѣется, въ обратномъ отношеніи. Урожайные года были годами низкихъ цѣнъ—и обратно. Какъ же опредѣлить, что вызывается урожаемъ и что низкой цѣной?

И вотъ на этомъ-то смѣшеніи дѣйствія хорошихъ урожаевъ и низкихъ цѣнъ основывается большая часть заключеній разбираемой книги. Почти все, что говорится въ этомъ сборникѣ о благопріятномъ дѣйствіи низкихъ цѣнъ, слѣдуетъ отнести на счетъ дѣйствія урожаевъ, точно такъ же, какъ дѣйствіе высокихъ цѣнъ маскируется неурожаями. Такъ, напр., г. Анненскій доказываетъ, по даннымъ о цѣнахъ на трудъ, на хлѣба и урожаяхъ за десятилѣтіе 1882—1892, что низкимъ цѣнамъ на хлѣба соотвѣтствуетъ и высокая заработная плата сельскимъ рабочимъ. Положеніе это имѣетъ видъ довольно парадоксальный: сокращенія покупательныхъ средствъ помѣщика, уменьшеніе съ его стороны спроса на трудъ оказывается факторомъ, благопріятнымъ для цѣнъ труда. Но дѣло очень просто объясняется тѣмъ, что въ данномъ случаѣ смѣшивается дѣйствіе цѣнъ и урожаевъ: благопріятное вліяніе урожаевъ на заработную плату несомнѣнно, а такъ какъ урожаю

обыкновенно сопутствуетъ и низкая цѣна хлѣба, то, понятно, что и низкая цѣна хлѣба сопровождается высокой цѣной на трудъ.

То же самое можно сказать и о чисто статистическихъ работахъ г. Покровскаго (вліяніе урожаевъ и цѣнъ на движеніе населенія), г. Григорьева (вліяніе урожаевъ и цѣнъ на городское населеніе Россіи), г. Осипова (о зависимости между хлѣбными цѣнами и поступленіемъ акцизныхъ сборовъ) и др. Статистическій методъ во всѣхъ этихъ случаяхъ оказался рѣшительно непригоднымъ для изолированія дѣйствія урожаевъ и цѣнъ.

Но, кромѣ того, стремленіе все выразить въ цифрахъ имѣло и другую невыгодную сторону. Дѣло въ томъ, что многія очень важныя стороны нашего хозяйства совсѣмъ статистически не изслѣдованы, другія изслѣдованы, да цифры ненадежны, иныя цифры и надежны, да устарѣли. Какъ же быть? И вотъ наши статистики, стараясь достигнуть возможной точности, совершаютъ самую крупную неточность: выражаютъ въ точныхъ цифрахъ крайне неточныя и даже часто прямо гадательныя заключенія, построенныя на крайне хрупкомъ фундаментѣ сомнительныхъ статистическихъ цифръ.

Такъ, напр., важнѣйшей задачей этого изслѣдованія является опредѣленіе, какія группы населенія заинтересованы въ высокихъ и какія въ низкихъ цѣнахъ. Для опредѣленія этого нужно прежде всего знать распредѣленіе землевладѣнія между различными группами сельскаго населенія. Единственнымъ сплошнымъ, для всей Россіи, статистическимъ источникомъ для этого является «Статистика поземельной собственности Россіи», изд. Статистическаго Комитета. Насколько же пригоденъ для данной цѣли этотъ источникъ? Всѣ цифры, содержащіяся въ этомъ источникѣ, относятся къ 1877—1878 г., т.-е. отстаютъ почти на двадцать лѣтъ отъ современности. Затѣмъ, эти цифры относятся только къ среднему размѣру землевладѣнія на ревизскую душу въ каждой общинѣ; но вѣдь мы знаемъ, что фактическое распредѣленіе надѣльной земли между общинниками далеко не соотвѣтствуетъ средней цифрѣ ихъ надѣла. Если средній надѣлъ даннаго села, скажемъ, 3 десятины, и можетъ быть признанъ едва достаточнымъ для обезпеченія продовольствія его жителей, то фактически въ этомъ селѣ часть крестьянъ имѣетъ въ своемъ владѣніи болѣе 3 десятинъ на душу, а другая — менѣе, а слѣдовательно, часть имѣетъ продовольственные избытки, часть терпитъ недостатки. Мы знаемъ, что дифференціація въ средѣ крестьянскаго населенія быстро идетъ впередъ и что деревня все болѣе и болѣе раскалывается на группы различной состоятельности. Но точныхъ цифровыхъ данныхъ о размѣрахъ такой дифференціаціи не существуетъ, и потому наши изслѣдователи волей-неволей должны довольствоваться для общаго заключенія данными «Статистики поземельной собственности», устарѣвшими на 20 лѣтъ и игнорирующими эту дифференціацію. Такимъ путемъ и получились цифры, приводимыя на

стр. VIII вводной статьи сборника, по которымъ во всей Россіи только 8,9% крестьянъ имѣютъ избытки хлѣба. Какое значеніе имѣютъ статистическія заключенія такого рода?

Далѣе, въ вводной статьѣ проф. Чупрова и г. Посникова мы встрѣчаемъ утвержденіе, что въ Россіи на рынокъ попадаетъ лишь отъ 1/4 до 1/3 урожая; «остальное же количество собираемаго хлѣба (отъ 2/3 до 3/4 урожая) потребляется въ предѣлахъ самихъ хозяйствъ и находится внѣ отношенія къ хлѣбному обмѣну» (стр. V). Отсюда «съ полной наглядностью усматривается преобладаніе натуральнаго хозяйства въ нашей странѣ». Насколько же этотъ выводъ обоснованъ?

Авторы статьи принимаютъ, что урожаи Европейской Россіи за послѣдніе годы достигали 2.300 мил. пуд., а перевозка хлѣба по желѣзнымъ дорогамъ—болѣе 700 мил. пуд. Не будемъ входить въ разсмотрѣніе точности этихъ цифръ. Перевозку водою и гужомъ авторы считаютъ возможнымъ совершенно игнорировать, по ея незначительности, и такимъ образомъ приходятъ къ выводу, что въ Россіи перевозится около 1/3 урожая хлѣба, и, отожествляя количество перевозимаго хлѣба со всѣми хлѣбными продажами, заключаютъ о преобладаніи у насъ натуральнаго хозяйства.

Но не трудно показать, что это заключеніе совершенно невѣрно. Во-первыхъ, развѣ самостоятельныя отправки водою и гужомъ такъ незначительны? По офиціальнымъ даннымъ министерства путей сообщенія, въ 1894 г. по внутреннимъ воднымъ путямъ (кромѣ Финляндіи, Кавказа и Царства Польскаго) перевезено хлѣба 220 мил. пуд.; но, какъ извѣстно, статистика водныхъ грузовъ очень неточна и показываемыя въ ней цифры гораздо ниже дѣйствительныхъ. Насколько ниже—этого мы не знаемъ. Съ другой стороны, нѣкоторая часть хлѣба, перевозимаго рѣками, попадаетъ затѣмъ на желѣзныя дороги и, слѣдовательно, входитъ въ вышеуказанную цифру 700 мил. пуд. Но опять-таки, какая именно часть — этого въ данный моментъ мы сказать не можемъ—для этого требуется особый, сложный подсчетъ. Къ Петербургу наибольшая часть хлѣба подвозится только водой съ волжскаго бассейна. Въ Одессу въ 1895 г. было подвезено по Днѣпру (вѣроятно, тоже самостоятельныя отправки) 48 мил. пуд.—около 1/3 всего подвоза. Но, повторяемъ, точной цифры самостоятельныхъ отправокъ по воднымъ путямъ мы установить не можемъ; во всякомъ случаѣ, онѣ очень велики.

Точно также невозможно установить и цифру гужевыхъ подвозокъ по отсутствію регистраціи. Но и тутъ мы кое-что знаемъ. Такъ, напр., по даннымъ министерства путей сообщенія, въ 1890 г. (послѣдній годъ, за который у насъ имѣются эти свѣдѣнія) гужомъ было подвезено *только къ пограничнымъ пунктамъ вывоза* 115 мил. пуд. хлѣба. Для 1895 г. у насъ есть свѣдѣнія о гужевыхъ подвозкахъ къ разнымъ портамъ. Такъ, напр., въ Ростовъ-на-Дону гужомъ было под-

везено 23 мил. пуд.—около $^1/_3$ всего подвоза; въ Одессу—15 мил. пуд. — около 11% всего подвоза, и т. д. Этотъ хлѣбъ на желѣзныя дороги не поступаетъ. Но вѣдь гужевой подвозъ существуетъ не къ однимъ портамъ и пограничнымъ станціямъ. Несомнѣнно, къ каждому городу и крупному потребительному пункту существуетъ гужевой подвозъ, который частью попадаетъ на ж. д., частью нѣтъ. Сколько городовъ въ хлѣбородной полосѣ Россіи, которые совсѣмъ не стоятъ на ж. д. и судоходныхъ рѣкахъ! Какъ получаютъ всѣ эти потребительные пункты хлѣбъ для своего потребленія, если не гужомъ изъ окрестныхъ деревень? И весь этотъ хлѣбъ совершенно не поступаетъ на ж. д.

Опять-таки, опредѣлить цифру такого гужевого подвоза мы не можемъ. Но что этотъ подвозъ считается сотнями мил. пудовъ—это мы можемъ утверждать потому, что даже офиціальная статистика (несомнѣнно отстающая отъ дѣйствительности) насчитываетъ болѣе сотни мил. пудовъ гужевого подвоза *только къ пунктамъ вывоза.*

Затѣмъ идетъ хлѣбъ, продаваемый на сельскихъ базарахъ для потребительныхъ нуждъ сельскаго населенія; и эти продажи никѣмъ не учитываются, и размѣровъ ихъ мы не беремся установить, но что такія продажи практикуются все въ болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ, благодаря растущей дифференціаціи деревни, это всѣмъ хорошо извѣстно.

Наконецъ, кто же не знаетъ, что даже тѣ крестьяне, которые производятъ хлѣбъ въ количествѣ, недостаточномъ для своего потребленія, продаютъ его осенью и покупаютъ затѣмъ весной (на это указывается и въ разсматриваемомъ изслѣдованіи). Хотя этотъ хлѣбъ и возвращается къ крестьянину, но только пройдя черезъ рынокъ; а слѣдовательно, и этотъ хлѣбъ не можетъ считаться «потребляемымъ въ предѣлахъ самихъ хозяйствъ и находящимся внѣ отношенія къ хлѣбному обмѣну».

Теперь спрашивается, имѣютъ ли научное право наши авторы совершенно игнорировать все это—и водныя перевозки, и гужевую доставку, и базарную продажу для потребительныхъ цѣлей, и осеннія продажи—и, основываясь только на цифрѣ желѣзнодорожныхъ перевозокъ, утверждать, что въ Россіи отъ $^3/_4$ до $^2/_3$ хлѣба не поступаетъ въ продажу? На нашъ взглядъ (хотя мы и не возьмемся доказывать его статистически) гораздо вѣроятнѣе обратное—что въ Россіи отъ $^2/_3$ до $^3/_4$ хлѣба поступаетъ въ продажу. Это намъ кажется весьма вѣроятнымъ, хотя и не доказаннымъ; цифры же авторовъ вступительной статьи совершенно невѣроятны, и несправедливость ихъ легко можетъ быть доказана.

Но, впрочемъ, весьма возможно, что мы споримъ о словахъ. На стр. 54, въ статьѣ г. Маресса мы читаемъ: «Хлѣбъ массы крестьянскаго населенія на рынокъ не поступаетъ; осенью же онъ продается, но не уходитъ далеко отъ мѣста его сдачи крестьянами; сгруппировавшись въ

нѣсколькихъ пунктахъ, онъ ждетъ здѣсь того же самаго крестьянина, который, дѣйствительно, и приходитъ за нимъ зимой и весной».

Итакъ, хлѣбъ на рынокъ не поступаетъ, но продается (и замѣтьте—продается не потребителямъ, а торговцамъ)—признаемся, мы отказываемся понимать это словосочетаніе. Послѣ этого возможно, что наши авторы, говоря о преобладаніи у насъ натуральнаго хозяйства, подразумѣвали именно продажу хлѣба, но продажу въ пункты, недалекіе отъ мѣста производства. Если такъ, то мы спорить не будемъ и признаемъ, что *вывозная торговля* хлѣбомъ играетъ у насъ второстепенную роль сравнительно съ *внутреннею*. Но какое это имѣетъ отношеніе къ вопросу о преобладаніи натуральнаго хозяйства—мы недоумѣваемъ.

Не будемъ однако останавливаться надъ подробной критикой отдѣльныхъ заключеній и выводовъ разбираемаго изслѣдованія (хотя они намъ кажутся весьма доступными критикѣ). Мы хотѣли бы обратить вниманіе читателя на одну сторону дѣла, которая, къ сожалѣнію, не удостоилась должнаго вниманія нашихъ авторовъ, но которая намъ кажется самой важной. Мы говоримъ о связи высокихъ и низкихъ цѣнъ хлѣба съ экономическимъ развитіемъ Россіи.

Одинъ изъ самыхъ выдающихся молодыхъ нѣмецкихъ экономистовъ, авторъ превосходной критики Маркса, бреславльскій профессоръ Зомбартъ, въ своей статьѣ «Ideale der Sozialpolitik» («Archiv für soziale Gesetzgebung», 1897, I) слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ идеалъ соціальной политики: «Идеаломъ соціальной политики должно быть достиженіе возможной степени хозяйственнаго совершенства, каковымъ должно признавать наивысшую въ данный моментъ хозяйственную систему, т.-е. хозяйственную систему высшей производительности». Не считая опредѣленія Зомбарта вполнѣ исчерпывающимъ суть дѣла, мы, тѣмъ не менѣе, вполнѣ согласны, съ Зомбартомъ, что этотъ критерій—хозяйственное совершенство, высота производительности труда, является рѣшающимъ при оцѣнкѣ хозяйственныхъ явленій. Мы должны считать прогрессивнымъ въ экономической области лишь то, что повышаетъ производительность труда (не нужно только смѣшивать производительность труда съ размѣромъ производства).

Съ этой точки зрѣнія мы и постараемся выяснить значеніе высокихъ и низкихъ цѣнъ въ нашемъ народномъ хозяйствѣ. Содѣйствуютъ ли низкія хлѣбныя цѣны нашему экономическому развитію или задерживаютъ его? Являются ли онѣ прогрессивнымъ или регрессивнымъ факторомъ?

Извѣстно, какую огромную роль, какъ для частнаго, такъ и для крестьянскаго сельскаго хозяйства, играетъ у насъ аренда владѣльческихъ земель. На ряду съ денежной арендой у насъ существуютъ и различныя формы натуральныхъ арендъ — испольная и отработная аренда. Какъ же повліяли низкія цѣны хлѣба на распространеніе арендъ того и другого типа?

Въ статьѣ г-на Карышева сгруппированы многочисленные факты, доказывающіе, что паденіе хлѣбныхъ цѣнъ повело за собой вытѣсненіе денежной аренды натуральной. Объ этомъ сообщается изо всѣхъ губерній. До послѣдняго времени денежная аренда все болѣе распространялась и замѣщала старинныя натуральныя формы оплаты за пользованіе землей. Теперь наступило обратное явленіе—старинныя формы аренды опять завоевываютъ потерянныя позиціи и вытѣсняютъ денежную.

Итакъ, низкая цѣна хлѣба въ этой области вызвала понятное движеніе; какъ же это отражается на производительности труда? Пусть намъ отвѣтитъ сторонникъ низкихъ цѣнъ, г. Карышевъ: «изъ всѣхъ уѣздовъ слышится рѣзкое осужденіе системы испольнаго найма земель; указывается на то, что испольщики плохо обрабатываютъ землю, засоряютъ ее, расхищаютъ ея плодородіе, и т. д.» (I, 312). Итакъ, отвѣтъ ясенъ—переходъ отъ денежной аренды къ натуральной знаменуемъ собой сельско-хозяйственный регрессъ.

Но это не все: этотъ переходъ означаетъ не только техническій регрессъ; онъ сопровождается и увеличеніемъ эксплуатаціи труда. Опять обращаемся къ г. Карышеву: «Арендныя платы денежныя всегда бываютъ дешевле отработочныхъ и еще дешевле испольныхъ (въ переводѣ этихъ и другихъ на деньги). Такое соотношеніе между ними констатировано во всѣхъ уѣздахъ Россіи, въ которыхъ были произведены соотвѣтственные расчеты» (I, 342).

Итакъ, и съ точки зрѣнія арендатора-крестьянина поворотъ къ старому означаетъ регрессъ и ухудшеніе экономическаго положенія производителя.

Идемъ дальше. Паденіе хлѣбныхъ цѣнъ приводитъ къ замѣнѣ крупныхъ арендъ мелкими и арендъ промышленныхъ потребительными. Болѣе состоятельный арендаторъ вытѣсняется менѣе состоятельнымъ. Какъ видно изъ объясненій самого г-на Карышева, спросъ на аренды со стороны той части крестьянскаго населенія «которая обладаетъ лучшими средствами обработки, капиталомъ (въ скотѣ, орудіяхъ, сѣменахъ и пр.) и трудомъ» (289), сокращается и замѣняется спросомъ со стороны крестьянъ маломощныхъ, не располагающихъ большимъ рабочимъ инвентаремъ и имѣющихъ мало средствъ къ обработкѣ. Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ обработка земли должна ухудшаться и сельско-хозяйственная техника падать.

Угнетающее вліяніе низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ на сельское хозяйство вообще можно прослѣдить и по даннымъ о посѣвной площади, приводимымъ проф. Фортунатовымъ. И въ данномъ случаѣ выводъ относительно вліянія низкихъ цѣнъ крайне затрудняется тѣмъ, что неблагопріятное вліяніе такихъ цѣнъ обыкновенно маскируется благопріятнымъ вліяніемъ урожаевъ. Но если цѣна очень низка, то первый факторъ пересиливаетъ—и, по словамъ проф. Фортунатова, «осенью

1894 г. произошло довольно значительное сокращеніе озимой площади, особенно въ черноземной полосѣ... Причиною этого явленія единодушно называли почти полное отсутствіе спроса и крайне низкія цѣны» (стр. 261). Такимъ образомъ, низкія цѣны не только понижаютъ технику производства, но и сокращаютъ его объемъ, уменьшая посѣвную площадь.

Однимъ изъ очень важныхъ хозяйственныхъ факторовъ является составъ землевладѣльческаго класса. Отъ большей или меньшей предпріимчивости сельскихъ хозяевъ, состоятельности ихъ, задолженности, и пр. зависитъ и система хозяйства. Какое же вліяніе въ данномъ случаѣ оказываютъ хлѣбныя цѣны? Проф. А. И. Чупровъ отвѣчаетъ совершенно категорически: въ годы высокихъ цѣнъ мобилизація земли увеличивается, и дворянское землевладѣніе сокращается гораздо сильнѣе, чѣмъ въ годы низкихъ цѣнъ. Такой обмѣнъ землевладѣльческаго класса означаетъ притокъ къ нашему сельскому хозяйству новыхъ лицъ и капиталовъ, а частью расширеніе крестьянскаго хозяйства (преимущественно болѣе крупнаго). Намъ не нужно доказывать, что мобилизація земли является, при современныхъ условіяхъ, факторомъ, весьма благопріятнымъ для поднятія нашей земельной культуры, а слѣдовательно и низкія цѣны, задерживающія эту мобилизацію, по отсутствію покупателей, являются тормозомъ сельско-хозяйственнаго прогресса.

До сихъ поръ мы говорили только о сельскомъ хозяйствѣ. Перейдемъ теперь къ вліянію низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ на промышленность. Г. Плотниковъ въ своей статьѣ «О вліяніи урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на кустарные промыслы» утверждаетъ, что низкія цѣны благопріятствуютъ увеличенію спроса на кустарныя издѣлія. При этомъ онъ ссылается на результаты Нижегородской ярмарки 1894 г. Каковы же эти результаты? (Не забудемъ, что и въ данномъ случаѣ рядомъ съ низкой цѣной идетъ и урожай; поэтому, если бы спросъ на фабричныя и кустарныя издѣлія и возросъ, то это не доказывало бы еще благопріятнаго вліянія низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ).

Беремъ официальный отчетъ «Свѣдѣнія о ходѣ торговли и торговыхъ оборотахъ на Нижегородской ярмаркѣ за 1894 г.»

Хлопчато-бумажныя издѣлія. «Низкія цѣны на хлѣбъ... вызвали безденежье. Многіе торговцы, особенно такъ называемые скупщики, не могли собрать долговъ съ крестьянъ, такъ какъ послѣдніе не имѣли денегъ, вслѣдствіе низкихъ цѣнъ на хлѣбъ». *Сукна.* «Въ текущемъ году ярмарочныя дѣла съ суконами прошли хуже прошлаго года. Причины такого положенія дѣлъ кроются прежде всего въ повсемѣстной дешевизнѣ хлѣба». *Льняныя издѣлія.* «Особенно плохо шла торговля мѣшками и мѣшечными холстами. Причину столь ограниченнаго спроса видятъ въ дешевизнѣ хлѣба и его поздней уборкѣ».

На ряду съ этимъ, спросъ на нѣкоторыя второстепенныя издѣлія возросъ, благодаря хорошему урожаю (но не низкой цѣнѣ хлѣба—по крайней мѣрѣ мы никогда не встрѣчали въ отчетахъ Нижегородской ярмарки указанія, что низкая цѣна хлѣба повышаетъ покупательную

способность населенія; противоположныхъ же указаній имѣется очень много). И вотъ г. Плотниковъ изъ данныхъ упомянутаго отчета, говорящаго о сокращеніи спроса на разные товары подъ вліяніемъ низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ, выводитъ... что въ 1894 г. низкая цѣна хлѣба не оказала угнетающаго вліянія на крестьянскіе неземледѣльческіе промыслы. Остается только удивляться смѣлости г-на Плотникова.

Беремъ послѣдній отчетъ Нижегородской ярмарки за 1896 г.

Отчетъ о ходѣ торговли на Нижегородской ярмаркѣ за 1896 г. *Шерсть*, стр. 4. «Вялое настроеніе хлѣбнаго рынка ослабило покупательную силу крестьянскаго населенія—потребителей низкихъ сортовъ шерстяныхъ издѣлій». *Хлопчато-бумажныя издѣлія*, стр. 6. «Крупные ярмарочные покупатели... уменьшили размѣръ своихъ требованій. Главныя причины такого положенія дѣлъ кроются въ слабомъ настроеніи хлѣбнаго рынка, слѣдствіемъ чего явилось ослабленіе покупательной силы населенія... Безденежье ярмарки тяжелѣе всего отразилось на товарѣ ручной выработки, такъ называемомъ гуслицкомъ, въ Богородскомъ уѣздѣ. Этотъ товаръ расходится исключительно въ простомъ народѣ; болѣе половины товаровъ осталось на рукахъ». *Валяная обувь*, стр. 11. «Низкіе и средніе сорта этого товара, главнымъ потребителемъ которыхъ является сельское населеніе, испытывающее на себѣ всю тяжесть хлѣбнаго кризиса, встрѣтили самое слабое требованіе». *Галантерейный товаръ*, стр. 14. Застой дѣлъ на хлѣбномъ рынкѣ—это главная причина, отразившаяся въ неблагопріятномъ смыслѣ на денежныхъ расчетахъ. Цѣны на галантерейный товаръ были ниже прошлогднихъ». *Серпы, косы, инструменты*, стр. 29. «До 20% товара не продано. На развязкѣ дѣлъ также тяжело отразилось нетвердое настроеніе хлѣбнаго рынка. *Чай*. «Какъ по количеству привезеннаго товара, такъ и по обороту и общему ходу торговли, ярмарка настоящаго года была ниже средней. Вялое настроеніе рынка было вызвано вообще недостаткомъ свободныхъ денегъ въ торговлѣ».

Кажется, все это достаточно убѣдительно. Низкая цѣна хлѣба не только означаетъ регрессъ сельско-хозяйственной техники, но и регрессъ всего нашего народнаго хозяйства. И промышленность испытываетъ на себѣ тяжесть сельско-хозяйственнаго кризиса, всецѣло вызываемаго низкими цѣнами хлѣба. Высокія цѣны хлѣба являются однимъ изъ основныхъ условій быстроты нашего экономическаго развитія.

Но... и тутъ является очень важное но. Намъ, быть можетъ, скажутъ: пусть низкія цѣны и задерживаютъ наше развитіе, но развѣ разбираемое изслѣдованіе не доказало, что эти цѣны выгодны большинству населенія? А такъ какъ интересы большинства должны стоять на первомъ планѣ, то не слѣдуетъ ли, не смотря ни на что, признавать низкія цѣны великимъ благомъ?

На это мы отвѣтимъ рѣшительнымъ отрицаніемъ. Да, мы вполнѣ признаемъ, что на первомъ планѣ должны быть интересы большинства; но мы не думаемъ, чтобы ученый трудъ нашихъ экономистовъ и статистиковъ доказалъ, что этому большинству нужно натуральное хозяйство. Авторы разбираемаго труда собрали обширный матерьялъ, доказывающій бѣдность русскаго мужика. И при низкихъ, и при высокихъ цѣнахъ ему живется плохо, и онъ не гарантированъ отъ голода. Какъ же помочь дѣлу? Единственное средство, которое мы видимъ, это—поднятіе производительности труда, развитіе производительныхъ силъ страны, болѣе быстрый

экономическій прогрессъ; пока мы будемъ пахать сохой, почти не удобрять земли навозомъ и истощать свои поля, до тѣхъ поръ и экономическое положеніе мужика не улучшится. Не будемъ забывать, что прогрессъ производственный есть основаніе общественнаго прогресса. Переходъ къ высшимъ формамъ хозяйства выгоденъ не только отдѣльнымъ группамъ населенія, но и всей народной массѣ, на которую ложится вся тяжесть современной экономической и общественной отсталости Россіи. Западная Европа не знаетъ нашей поголовной бѣдности, которая приводитъ въ хлѣбородной странѣ къ хроническому недоѣданію огромнаго большинства крестьянскаго населенія, не знаетъ того ничтожнаго бюджета, который приводится въ статьѣ г. Щербины.

Авторы разбираемаго изслѣдованія утверждаютъ, что Россія—страна натуральнаго хозяйства. Но мы постарались показать, что такое утвержденіе есть простая игра словъ. Хорошо натуральное хозяйство, при которомъ производитель каждую осень долженъ продавать торговцу свой продуктъ по низкой цѣнѣ для того, чтобы затѣмъ снова купить его по высокой цѣнѣ! Нѣтъ, это не натуральное хозяйство.

Россія—страна не натуральнаго хозяйства, а торговаго капитализма. Скупщикъ, торговецъ, купецъ—вотъ та центральная фигура, которая управляетъ нашей экономической жизнью, руководитъ рынкомъ и крѣпко держитъ въ своихъ рукахъ такъ назыв. «самостоятельнаго производителя». Власть рынка въ Россіи сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, именно вслѣдствіе слабости и убожества массы нашего населенія, живущаго на собственной землѣ и въ собственной избѣ, но совершенно неспособнаго отстаивать на товарномъ рынкѣ свои интересы. У насъ много говорятъ объ опасностяхъ развитія капитализма, гибели «народнаго производства» обезземеливаніи крестьянъ, превращеніи ихъ въ батраковъ и т. д., и т. д. Но говорящіе это забываютъ, что мы должны выбирать не между «самостоятельнымъ народнымъ производствомъ» (котораго, кстати сказать, въ Россіи никогда и не было) и капитализмомъ, а между двумя видами или, вѣрнѣе, фазисами развитія капитализма—торговымъ и промышленнымъ капитализмомъ. Развѣ «самостоятельному производителю» такъ хорошо живется при господствѣ торговаго капитализма, что намъ слѣдуетъ грустить о превращеніи послѣдняго въ высшую промышленную форму? Развѣ ученые авторы этого изслѣдованія не собрали въ изобиліи фактовъ, доказывающихъ, что русскій мужикъ далекъ отъ того благополучія, мысль о которомъ обыкновенно соединяется съ представленіемъ о самостоятельномъ производствѣ? И развѣ власть торговца надъ производителемъ, выражающаяся въ ничтожной цѣнѣ, выручаемой крестьяниномъ за свой продуктъ, не есть то же господство капитала надъ трудомъ?

Переходъ отъ промышленнаго къ торговому капитализму означаетъ собой перемѣну формы эксплуатаціи труда капиталомъ, но не только

перемѣну формы. Сравнимъ Россію—страну торговаго капитализма, съ Англіей — страной промышленнаго капитализма. И Англія, и Россія страдаютъ отъ сельско-хозяйственнаго кризиса. Но обратите вниманіе на то, что въ Англіи, въ которой огромная часть населенія состоитъ, какъ у насъ выражаются, изъ «батраковъ» (а по нашему—рабочихъ), отъ кризиса сильно пострадали землевладѣльческіе классы, но заработная плата не только не понизилась, а напротивъ, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія мірового рынка, несомнѣнно повысилась за послѣднія 20—30 лѣтъ. У насъ же, если сельско-хозяйственный кризисъ и не вызвалъ ухудшенія экономическаго положенія крестьянина, то только потому, что нашъ крестьянинъ стоитъ на томъ предѣлѣ, за которымъ начинается уже въ буквальномъ смыслѣ голоданіе. Смѣшно и сравнивать условія жизни нашего «самостоятельнаго производителя» и англійскаго «батрака». Зато невольно напрашивается сравненіе Россіи съ Индіей, въ которой также господствуетъ «народное производство» и земельная община, и которая также испытываетъ на себѣ тяжелыя послѣдствія примитивности своей хозяйственной системы. Вотъ почему мы стоимъ за экономическій прогрессъ, за переходъ Россіи къ высшимъ хозяйственнымъ формамъ, за высокія хлѣбныя цѣны, за развитіе денежнаго хозяйства, за превращеніе торговаго капитализма въ промышленный капитализмъ.

М. Туганъ-Барановскій.

ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

I. Школы и библіотеки въ тюрьмахъ.

Я сказалъ уже, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ я не видалъ между этими людьми ни малѣйшаго признака раскаянія, ни малѣйшей тягостной думы о своемъ преступленіи и что большая часть изъ нихъ внутренне считаетъ себя совершенно правыми. Это фактъ. Конечно, тщеславіе, дурные примѣры, молодечество, ложный стыдъ во многомъ тому причиной. Конечно, каторга и система насильственныхъ работъ не исправляютъ преступниковъ: онѣ только наказываютъ и обезпечиваютъ общество отъ дальнѣйшихъ покушеній злодѣя на его спокойствіе. Въ преступникѣ же острогъ и самая усиленная каторжная работа развиваютъ только ненависть, жажду запрещенныхъ наслажденій и страшное легкомысліе.

(Достоевскій «Записки изъ мертваго дома»).

Съ увеличеніемъ числа школъ пустѣютъ тюрьмы.

Леббокъ.

I.

Закинутый волею судебъ въ глухой уѣздный городишко, гдѣ жизнь проявлялась только въ мелочной борьбѣ за существованіе да нескончаемыхъ сплетняхъ, я затворился въ четырехъ стѣнахъ единственной въ городѣ гостиницы. Рядомъ со мной жилъ судебный слѣдователь, и мнѣ ежедневно приходилось слышать изъ-за стѣны допросы и обвиняемыхъ, и свидѣтелей, встрѣчаться и съ закованными въ кандалы арестантами, и съ совершенно свободными и вступать съ ними въ разговоры. И чѣмъ болѣе приходилось видѣть ихъ, тѣмъ сильнѣе они заинтересовывали меня и привлекали къ себѣ. Желая хоть чѣмъ-нибудь помочь имъ, я рѣшилъ устроить въ мѣстной тюрьмѣ воскресную школу и обратился за содѣйствіемъ къ товарищу прокурора. Благодаря ему, мнѣ никакихъ усилій не стоило добиться у тюремнаго отдѣленія согласія на ходатайство предъ губернаторомъ о разрѣшеніи занятій. И въ этой

высшей инстанціи долго не задержали, такъ что черезъ двѣ недѣли я получилъ разрѣшеніе и отправился въ тюрьму.

Съ трепетнымъ чувствомъ приближался я въ первый разъ къ тюрьмѣ, которая находилась сейчасъ же за городомъ. Большой домъ, окрашенный бѣлою краскою, былъ приноровленъ на сто человѣкъ, но рѣдко число арестантовъ достигало этого количества, оно всегда колебалось между 50—70 человѣками. Начальникъ тюрьмы встрѣтилъ меня очень радушно и сочувственно отнесся къ моему начинанію. Пока арестанты, по его приказанію, собирались въ бывшую столовую, большую, свѣтлую комнату, впослѣдствіи служившую намъ для занятій, мы вошли въ контору для выдачи нѣкоторыхъ бумагъ, полученныхъ изъ суда для врученія арестантамъ.

— Вотъ вамъ и ученикъ,—обратился ко мнѣ начальникъ тюрьмы, указывая на арестанта лѣтъ 18, который, глупо ухмыляясь, посматривалъ на насъ.—Ну, что жъ, Лаушкинъ, будешь учиться?

— Не знаю.

— Какъ не знаешь? Чѣмъ баклуши бить, лучше учиться. Вѣдь надолго осудятъ, успѣешь не только читать, но и писать научиться.

— Это я очень хорошо знаю, только на что намъ эта наука?

— Какъ на что? Научишься, можетъ быть, образумишься, за дѣло возьмешься.

— Нѣтъ, ваше благородіе, мы народъ избалованный и, кромѣ воровства, больше ни къ чему неспособный.

Я было вздумалъ сыграть на его сердечныхъ струнахъ и, разспросивъ о его семейномъ положеніи, напомнилъ ему о старухѣ-матери, которую убиваетъ позоръ сына; нарисовалъ ему привлекательными красками картину честной, трудовой жизни; но мои сладкія слова пропали даромъ: онъ попрежнему твердилъ, что ему, знать, на роду написано по острогамъ скитаться.

— Получай повѣстку,—прервалъ насъ начальникъ тюрьмы, когда увидѣлъ, что изъ нашихъ разглагольствованій ничего не выйдетъ.— Въ ней говорится, что для защиты тебя на судѣ назначенъ казенный защитникъ.

— Да развѣ я просилъ, чтобы мнѣ назначали? На что онъ мнѣ? Я захочу, такъ самъ почище его оправлюсь, да только не стоитъ: за мной вѣдь три дѣла! — съ какимъ-то ухорствомъ, точно хвастаясь, возразилъ онъ.

Изъ конторы мы пошли во второй этажъ, гдѣ были собраны всѣ заключенные. Въ два ряда растянулись они по продольной стѣнѣ и съ любопытствомъ посматривали на насъ. Какихъ только лицъ, возрастовъ и характеровъ тутъ не было! Тутъ были и старики-рецидивисты, ужъ по нѣскольку разъ осужденные въ арестантскія отдѣленія (роты), но, благодаря краткости срока или болѣзненности, остававшіеся въ нашей тюрьмѣ, и бѣглые сибиряки-каторжники, а вмѣстѣ съ этими, въ

корень испорченными людьми, впервые попавшіе крестьяне, преступленіе которыхъ часто, съ точки зрѣнія обычнаго права, не есть преступленіе, и несовершеннолѣтніе преступники.

Разъяснивъ имъ, какъ умѣлъ, всю пользу грамотности и сопоставивъ всѣ преимущества ея съ той праздностью, въ которой они проводятъ весь срокъ наказанія, я предложилъ желающимъ учиться выйти впередъ.

Сначала послышался сдержанный шопотъ—видимо они совѣщались, потомъ выдѣлился одинъ изъ нихъ и, учтиво поклонясь намъ, обратился къ арестантамъ:

— Да что вы, ребята, молчите. Ихъ благородіе намъ пользы желаютъ, и вы должны благодарить ихъ и согласиться. Меня Господь хоть и сподобилъ грамотѣ обучиться, но я все-таки попрошу ихъ благородіе меня писать подучить.

— Оно бы хорошо, да не займешься...

— Не тѣмъ голова забита,—послышались голоса.

— Полноте вздоръ молоть! Вспомните, у насъ сидѣлъ Алексѣевъ, такъ онъ самъ занялся, а его благородіе васъ быстрѣе обучитъ.

Мнѣ оставалось только подтвердить его слова. Мало-по-малу арестанты стали выходить и черезъ минуту образовали группу человѣкъ въ двѣнадцать. Мнѣ оставалось только переписать ихъ и удалиться, обѣщавъ въ первое же воскресенье приступить къ занятіямъ.

19 февраля, какъ разъ въ памятный день освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, былъ отслуженъ молебенъ передъ началомъ занятій. Въ тюремную часовню собрались арестанты и съ глубокимъ вниманіемъ выслушали проповѣдь священника. Надо было видѣть, какъ молились они, чтобы судить, какъ серьезно они отнеслись къ предстоящимъ занятіямъ.

Въ той же комнатѣ, въ которой я впервые познакомился съ своими учениками, собрались желающіе учиться для заключенія болѣе тѣснаго знакомства. Всѣхъ было 14 человѣкъ, изъ нихъ 8 человѣкъ совершенно неграмотныхъ; остальные пришли, какъ они выражаются, «пописаться», т.-е. набить руку въ письмѣ.

Постараюсь въ нѣсколькихъ словахъ охарактеризовать болѣе типичныхъ учениковъ. Вотъ Ибрагимъ-Оглы, дѣтище дикаго Кавказа, сосланный въ нашъ уѣздъ за какое-то убійство у себя на родинѣ; онъ довольно хорошо устроился у насъ, но, какъ на грѣхъ, влюбился въ одну крестьянку и, приревновавъ ее къ помѣщику, у котораго та жила въ работницахъ, поджегъ его домъ. Улики были очень слабыя, и онъ упорно отвергалъ свое участіе въ этомъ преступленіи, тѣмъ не менѣе его заключили въ тюрьму, а затѣмъ осудили на четыре года въ каторжныя работы. И такъ ему, привыкшему къ простору родныхъ горъ, тяжело было сидѣть въ неволѣ; когда же онъ узналъ о приговорѣ, совсѣмъ захирѣлъ, сталъ прихварывать и, по отзывамъ врача,

получилъ чахотку. Не смотря ни на тоску по родинѣ, ни на недомоганіе, онъ одинъ изъ первыхъ выразилъ желаніе учиться и очень скоро выучился читать, хотя до сихъ поръ плохо говоритъ по-русски.

Ефимъ Семеновъ—это ужъ чистѣйшій русакъ, крестьянинъ нашего уѣзда. Почти съ малолѣтства онъ жилъ то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, то былъ подручнымъ у торговца льномъ и разъѣзжалъ съ нимъ по Псковской, Новгородской и другимъ сосѣднимъ губерніямъ, занимающимся льноводствомъ. Не смотря на страстное желаніе выучиться грамотѣ, онъ не могъ сдѣлать этого, такъ какъ все время проводилъ то въ маклачествѣ, то въ пьянствѣ. Въ пьяномъ видѣ онъ два раза попадался въ кражѣ и оба раза былъ наказанъ; въ третій разъ, въ нынѣшнемъ году, хотѣлъ угнать лошадь, но былъ пойманъ, избитъ освирѣпѣвшей толпой, заключенъ въ тюрьму и осужденъ на годъ въ арестантскія исправительныя отдѣленія, но такъ какъ осужденныхъ на годъ оставляютъ въ нашей тюрьмѣ, то онъ и попалъ ко мнѣ въ ученики. Занимался онъ все время съ замѣчательнымъ стараніемъ и очень быстро выучился читать и писать.

Иванъ Саженевъ—молодой мужикъ, 23 лѣтъ, осужденный на ссылку въ Сибирь за убійство жены. Его судьба достойна глубокаго сожалѣнія. До женитьбы, т.-е. до 19 лѣтъ, и первый годъ супружеской жизни онъ былъ образцовымъ крестьяниномъ, трудолюбивымъ, работящимъ. Но вотъ жена, много старше его годами, не захотѣла жить въ деревнѣ и ушла служить въ городъ. Но послужила она тамъ недолго, свихнулась и стала таскаться по кабакамъ. Тщетно умолялъ ее мужъ бросить эту жизнь и вернуться домой, но она не слушалась, и онъ съ горя запилъ. Больше года пилъ онъ, но не переставалъ звать ее къ себѣ. Разъ, послѣ совмѣстной выпивки, они было отправились домой, но дорогой повздорили, и онъ началъ бить ее. Крики ея еще больше осатанили его, онъ не помнилъ ужъ, какъ сбилъ ее съ ногъ и замялъ въ грязь. Разсудокъ возвратился къ нему, когда трупъ уже похолодѣлъ. Учился онъ хорошо и съ охотой. При разставаніи я подарилъ ему Евангеліе, и этотъ подарокъ растрогалъ его до слезъ. Два года прошло съ отъѣзда его, но онъ еще ни разу не возвращался, въ то время, какъ его товарищи по нашему острогу ужъ по два раза успѣли бѣжать съ мѣста ссылки. Видимо онъ осѣлъ на новомъ мѣстѣ и занялся дѣломъ.

Никита Алексѣевъ—31 года, посаженный за двоеженство, поступилъ позднѣе, когда неграмотные ученики постигли механизмъ чтенія. Это тотъ самый арестантъ, который самоучкой выучился читать и на котораго указывалъ первый мой адептъ. Читалъ онъ такъ плохо, что мнѣ пришлось нѣкоторое время заниматься съ нимъ однимъ, прежде чѣмъ присоединить его къ грамотнымъ. Онъ обладалъ очень тонкой впечатлительной натурой и ко всему сообщаемому относился съ замѣчательнымъ вниманіемъ, а передъ книгой просто благоговѣлъ. Вы-

учившись читать, онъ обзавелся и собственными книгами: Евангеліемъ, Псалтыремъ, Часословомъ, и все свободное время проводилъ въ чтеніи.

Петръ Лаушкинъ, о которомъ я говорилъ выше, примкнулъ къ намъ, но занимался очень вяло и скоро отсталъ отъ товарищей, такъ что мнѣ пришлось его да еще Маркела Родина, крестьянина лѣтъ 30, посаженнаго въ первый разъ за кражу денегъ у своей тещи, выдѣлить въ самостоятельную группу. Лаушкинъ теперь болѣе года, какъ ужъ вышелъ изъ тюрьмы и служитъ въ кузницѣ. Когда мнѣ при свиданіяхъ приходится говорить съ нимъ и напоминать объ его отчаяніи вернуться къ честной жизни, онъ только улыбается и конфузливо добавляетъ: «по глупости говорилъ, теперь ужъ этого не будетъ: кала чемъ въ острогъ не замапишь».

Егоръ Родинъ, осужденный за кражу, и Яковъ Волковъ, цыганъ, уже не разъ сидѣвшій за конокрадство, пробыли недолго и, ничему не научившись, выбыли, первый—потому что истекъ срокъ наказанія, второй, ссылаясь на свою непонятливость. Въ число учениковъ они попали подъ давленіемъ совѣтовъ товарищей.

— Увольте меня, г. учитель! Ей-Богу не то въ головѣ, не о томъ думается,—просилъ онъ:—я ужъ чувствую, что хоть годъ буду учиться, а все равно ничему не научусь.

— Какъ хочешь, я не принуждаю, можешь и не учиться.

— Вотъ на этомъ покорно благодаримъ.

— Вы бы ему лошадку нарисовали; по ней бы онъ живо научился,—смѣялись арестанты, провожая его изъ классной комнаты. Вообще на урокахъ они держали себя очень непринужденно и въ свободное время позволяли себѣ шутить, но никогда не переходили границъ приличія. Шутки ихъ были самыя безобидныя и направлены исключительно на самихъ себя.

Такъ, напримѣръ, при хоровомъ чтеніи отдѣльныхъ словъ мы читаемъ слово «воры». «Это мы»—добавляли они хоромъ. Начинали было они трунить и другъ надъ другомъ, насмѣхаться надъ малопонятливостью, но я въ самомъ началѣ постарался прекратить это.

Составъ грамотныхъ былъ малочисленнѣе, но настолько разнообразенъ по познаніямъ, что мнѣ первое время, когда все мое вниманіе было сосредоточено на обученіи чтенію неграмотныхъ, пришлось продержать ихъ на скорописи и чистописаніи, слегка подгоняя отставшихъ.

Дмитрій Зеничевъ по приговору общества былъ сосланъ въ Сибирь и дожидался навигаціи, чтобы отправиться туда. Онъ первый вышелъ впередъ и просилъ подучить его писать, читалъ же онъ прекрасно. Общество постановило сослать его за то, что ужъ очень часто высылали его этапнымъ порядкомъ, при чемъ всѣ расходы ложились на общество. Бродячіе инстинкты въ немъ развиты настолько сильно, что онъ въ первое же лѣто по водвореніи бѣжалъ оттуда и теперь, па-

вѣрно, ежегодно будетъ совершать рейсы между Сибирью и нашимъ городомъ.

Василій Зубковъ читать и писать выучился за время пребыванія въ Рукавишниковскомъ и Петербургскомъ пріютахъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Этотъ испорченный мальчикъ былъ противоположностью другому моему юному ученику, Лаушкину. Какъ тотъ на всѣ уговоры отвѣчалъ, что въ концѣ испорченъ и ужъ не можетъ исправиться, такъ этотъ постоянно твердилъ, что онъ, выйдя изъ тюрьмы, обязательно исправится, но въ то же время потѣшалъ арестантовъ разсказами о такихъ удалыхъ мошенническихъ продѣлкахъ, что вся камера, человѣкъ въ 12, напролетъ ночей не спала, слушая его. По выходѣ изъ нашей тюрьмы онъ опять попался и теперь гдѣ-то сидитъ.

Лазарь Кубачковъ, добродушнѣйшій крестьянинъ лѣтъ 35, сидѣвшій въ предварительномъ заключеніи по подозрѣнію въ поджогѣ, плохо читалъ и писалъ. Его не такъ занимала цѣль ученія, какъ самый процессъ и воспоминанія, сопряженныя съ нимъ. Онъ часто любилъ вспоминать, какъ учился у попа грамотѣ, и все просилъ у меня «Родное Слово», въ полной увѣренности, что онъ по немъ быстро вспомнитъ то, что училъ въ дѣтствѣ. Странно было видѣть такую кристаллически чистую душу въ тюрьмѣ. Сами арестанты сознавали это и относились къ нему съ добродушной снисходительностью и часто посмѣивались надъ нимъ. Судомъ присяжныхъ онъ былъ оправданъ.

Степанъ Фаянсовъ, 22-хъ-лѣтній парень, осужденный за грабежъ на четыре года каторги, плохо читалъ, но просилъ учить его только письму и этимъ вызывалъ среди другихъ учениковъ насмѣшливое предположеніе въ томъ, что, выучившись писать, онъ мечтаетъ пролѣзть въ каторгѣ въ старосты.

Василій Новоселовъ и Чижовъ, судившіеся за кражи, пришли тоже «попи саться», но пробыли недолго, такъ какъ вскорѣ истекъ срокъ наказанія, и они были освобождены.

Таковъ былъ первый составъ учениковъ. За ними слѣдовали не менѣе разнообразные и интересные типы. Такъ, напримѣръ, немного времени спустя послѣ занятій соблазнился еще одинъ «обратникъ» [1]) и просилъ принять его въ число грамотныхъ учениковъ. Характера онъ былъ замкнутаго, рѣдко съ кѣмъ разговаривалъ, а когда я его спрашивалъ, за что онъ попалъ въ Сибирь и почему бѣгаетъ оттуда, онъ односложно отвѣчалъ: «такъ... скучно... дѣла нѣтъ». Занимался онъ очень прилежно, особенно интересовался книгами историческаго и географическаго содержанія, и когда при прощаніи я подарилъ ему Евангеліе и еще нѣсколько книжекъ, онъ растрогался до слезъ и далъ слово, что осядетъ въ Сибири и займется какимъ-либо дѣломъ. Сдер-

[1]) Такъ называются въ тюрьмахъ сосланные въ Сибирь на поселеніе, которые ежегодно возвращаются обратно.

житъ ли онъ обѣщаніе или нѣтъ. не знаю, но эти два года онъ въ нашу тюрьму не возвращался.

Въ прошломъ году учился тоже обратникъ Попковъ, сосланный въ Сибирь на поселеніе по приговору общества, которому надоѣло платить за него и подати, и этапныя деньги. Болѣе двѣнадцати лѣтъ прожилъ онъ въ Сибири неотлучно, успѣлъ привыкнуть къ ней, приноровиться къ условіямъ жизни, но за послѣднее время сталъ сильно скучать по родинѣ, а когда случайно узналъ, что мать его жива, не выдержалъ и бѣжалъ. Около Шадринска онъ былъ задержанъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: зашелъ онъ съ товарищемъ, тоже бѣглымъ, ночевать въ пустую заимку, расположенную недалеко отъ большого села. Наутро, доставая изъ колодца воду, они замѣтили, что она сильно пахнетъ трупомъ и, заинтересовавшись, навязали на шестъ сломанный серпъ, нащупали имъ на днѣ что-то мягкое и вытащили наверхъ. То былъ трупъ убитаго человѣка. Первою мыслью ихъ было—какъ можно скорѣе бѣжать, чтобы не быть задержанными, но потомъ Попковъ одумался и рѣшилъ предать тѣло землѣ по христіанскому обычаю. Староста, которому Попковъ заявилъ о случившемся, просилъ его не вмѣшиваться не въ свое дѣло и идти своей дорогой (потомъ оказалось, что это былъ трупъ конокрада, убитаго всею деревнею), но онъ не послушался и пошелъ къ становому приставу. Тутъ его, конечно, задержали, потребовали видъ и, когда онъ назвался Боровскимъ мѣщаниномъ, переслали въ нашу тюрьму. Здѣсь ему ужъ не было расчета скрывать свое настоящее имя, и онъ открылся. Для удостовѣренія личности судебный слѣдователь переслалъ его на родину, гдѣ ему удалось повидаться со старухою матерью. Со слезами на глазахъ потомъ разсказывалъ онъ мнѣ объ этомъ свиданіи. Когда я его спросилъ, почему онъ не послушался старосты и подвергъ себя задержанію, онъ отвѣтилъ: «такъ... думаю, что жъ христіанской душѣ безъ креста мыкаться, дай успокою ее, авось мнѣ на томъ свѣтѣ и зачтется что-нибудь за это». У насъ въ тюрьмѣ онъ пробылъ цѣлую зиму и все время занимался, поражая меня своей любознательностью и добротою сердца. Его пребываніе у насъ не прошло безслѣдно для заключенныхъ: многихъ изъ нихъ онъ научилъ плести скатерти, дѣлать изъ соломы корзинки и другія вещицы.

Мой обзоръ былъ бы не полонъ, если бы я не упомянулъ еще объ одномъ ученикѣ-учителѣ. Извѣстно, что среди другихъ преступленій оскорбленіе родителей дѣйствіемъ по количеству занимаетъ не послѣднее мѣсто. Обвиняемые въ немъ обыкновенно не подвергаются предварительному заключенію, такъ какъ подобныя дѣла почти всегда кончаются миромъ. Но разъ по распоряженію судебной палаты былъ заключенъ одинъ молодой человѣкъ Ус—овъ, должно быть, въ виду частаго привлеченія его по одному и тому же преступленію. Онъ окончилъ уѣздное училище. Имѣя пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ,

онъ часто напивался и въ пьяномъ видѣ колотилъ старуху мать. Трезвый же онъ былъ тихій и послушный сынъ. Первое время онъ старался прятаться отъ меня, должно быть, стыдился, но потомъ не выдержалъ и пришелъ просить принять въ число учениковъ и давать книги для чтенія. По своимъ познаніямъ онъ былъ выше всѣхъ учениковъ, а потому я просилъ его помогать мнѣ въ занятіяхъ съ неграмотными, когда я занимаюсь съ грамотными. Онъ охотно согласился и дѣло у насъ пошло спорѣе. Такъ мы съ нимъ занимались три мѣсяца, до пріѣзда сессіи суда. На судебномъ разбирательствѣ мать его простила и намъ пришлось разстаться. Послѣ этого я нѣсколько разъ встрѣчалъ и на улицѣ, и во время сессій въ судѣ въ числѣ зрителей; онъ всегда былъ трезвъ, скроменъ и, какъ я узналъ стороной, ужъ матери своей не билъ.

II.

Когда опредѣлился составъ учениковъ, я былъ пораженъ разнообразіемъ ихъ какъ по познаніямъ, такъ и по интеллектуальнымъ свойствамъ. Если бы строго придерживаться распредѣленія ихъ по группамъ, то каждаго ученика пришлось бы считать за группу, но такъ какъ я былъ одинъ и дробленіе на мелкія группы было неудобно, то съ большими натяжками пришлось раздѣлить ихъ на двѣ группы: грамотную и неграмотную, при чемъ иногда, какъ, напримѣръ, при обученіи письму приходилось образовывать еще одну, нѣчто среднее между первой и второй. Въ первую группу у меня вошли всѣ неграмотные, т.-е. совсѣмъ не знающіе буквъ и плохо разбирающіе слова по «азамъ». Послѣднихъ было очень трудно переучивать по звуковому методу. Вторую группу составили грамотные, но такъ какъ между ними были совсѣмъ не умѣющіе писать, то на уроки письма я сажалъ ихъ вмѣстѣ съ малограмотными. Впослѣдствіи, когда неграмотные стали постигать механизмъ чтенія, изъ нихъ выдѣлились малоуспѣшные, съ которыми я лично ужъ не успѣвалъ заниматься и предоставлялъ ихъ Ус—ву, о которомъ я говорилъ во второй главѣ, или кому-нибудь изъ болѣе грамотныхъ.

Выясняя себѣ задачи тюремной школы, я намѣтилъ слѣдующій планъ дѣйствій:

1) научить грамотѣ неграмотныхъ;

2) съ грамотными читать литературныя произведенія, которыя наглядным образомъ пробудили бы въ нихъ чувства состраданія, жалости, любви;

3) сообщать знанія въ доступной формѣ, которыя расширяли бы кругъ понятій и пробуждали критическую мысль;

4) гуманнымъ отношеніемъ, которое подняло бы личность арестанта въ ихъ же глазахъ, развить въ нихъ принципы законности и справедливости.

Но какъ выполнить эту программу, какъ ввести ее въ кровь и плоть учениковъ?—вотъ мысль, которая не давала мнѣ покоя. Особенно безпокоилъ меня выборъ матерьяла для занятій. Какъ извѣстно, у насъ нѣтъ ни одной учебной книги для занятій со взрослыми и приходится подбирать болѣе подходящій матерьялъ изъ школьныхъ пособій. Я до этого времени ни разу не занимался со взрослыми, а потому очень боялся, что, благодаря неудачному выбору учениковъ, своей неопытности, можетъ не пойти и рушиться дѣло, которое успѣло захватить всего меня. Эта боязнь развила такую недовѣрчивость къ своей компетентности, что я рѣшилъ употребить тѣ же учебники, что и въ Харьковской воскресной школѣ, и по возможности придерживаться программы той же школы.

Въ первый годъ существованія школы уроки устраивались два раза въ недѣлю: въ воскресенье и въ среду или четвергъ; промежутокъ между этими днями ученикамъ казался до того длиненъ, что они, пройдя заданный урокъ, подъ руководствомъ грамотныхъ шли дальше, при чемъ эти добровольные учителя не соображались ни съ моими требованіями, ни съ программой и немилосердно разрушали ее. Мнѣ оставалось только слѣдовать за ними, исправляя ошибки, дополняя пропуски и объясняя непонятое. Благодаря этой помощи и страстному желанію самихъ учениковъ какъ можно скорѣе постигнуть всю премудрость грамоты, занятія шли съ изумительной быстротой: черезъ пять уроковъ ужъ нѣкоторые читали, а черезъ десять многіе и писать научились.

Первые три урока я употребилъ на ознакомленіе и грамотныхъ, и неграмотныхъ съ предварительными понятіями о пяти внѣшнихъ чувствахъ, способности человѣка познавать и выражать свои мысли, о словахъ, слогахъ, звукахъ и буквахъ. Пріятно и въ то же время какъ-то непривычно было смотрѣть, какъ эти бородатые ученики въ арестантскихъ костюмахъ, которые невольно напоминали, съ кѣмъ имѣешь дѣло, серьезно съ напряженіемъ поясняли, что какими чувствами онъ познаетъ и какъ все познаваемое складывается въ головѣ въ представленіе, а потомъ выливается въ слова. Все это ихъ очень занимало.

Вообще всѣ устныя занятія шли очень успѣшно и съ большимъ интересомъ, но нельзя того же сказать о письменныхъ. Грубыя руки, привыкшія только къ тяжелымъ предметамъ, положительно отказывались держать и грифель, и карандашъ, и ручку. Приходилось на черенки наматывать бумагу, чтобы сдѣлать ихъ толще и тѣмъ устойчивѣе въ рукахъ. Градомъ потъ валилъ съ нихъ, когда они старательно выводили буквы. Перья то и дѣло ломались, не выдерживая нажима. Къ элементамъ буквъ они относились враждебно, а также неохотно писали по крупному, зато мелкое письмо очень любили. Рѣдкій изъ нихъ выдерживалъ, чтобы не написать между строкъ своего имени, отчества и фамиліи и не сдѣлать хитраго росчерка.

Объяснительное чтеніе въ первый годъ велось по книгѣ для чтенія Водовозова безъ всякой системы. Главнымъ образомъ преслѣдовалось, чтобы ученикъ привыкъ къ осмысленному чтенію, умѣлъ уловить и выдѣлить главную мысль, а потомъ связно разсказать прочитанное. На второй годъ занятія пошли систематичнѣе.

Въ нашей тюрьмѣ, какъ въ большинствѣ уѣздныхъ, оставляются только арестанты, присужденные на краткій срокъ; всѣ же остальные отсылаются въ губернскія тюрьмы, а потому учащіеся въ кругу моего вліянія остаются очень недолго — отъ трехъ до восьми мѣсяцевъ. Въ первый годъ существованія школы я главное вниманіе удѣлялъ неграмотнымъ, видя въ этомъ одну изъ главныхъ цѣлей школы, но въ концѣ года, когда результаты достаточно выяснились, я убѣдился, что для нихъ сдѣлано очень мало и сдѣлать больше въ такой короткій срокъ едва ли можно. Неграмотный сталъ читать, немного привыкъ къ книгѣ, чтеніе сдѣлалось его потребностью, но еще не такъ сильно укоренилось, чтобы остаться прочной и по выходѣ изъ тюрьмы, гдѣ освобожденнаго ожидаютъ самыя неприглядныя жизненныя условія. Ни знаній, ни принциповъ законности и справедливости, однимъ словомъ, всего того, что дѣлаетъ человѣка инымъ, привить ему такъ быстро нельзя, и выходитъ онъ на волю все также мало застрахованный отъ различныхъ случайностей и невооруженный противъ своей «злой воли» и вліянія среды. Другое дѣло грамотный. Съ нимъ ужъ не нужно затрачивать такъ много времени на обученіе грамотѣ, онъ ужъ имѣетъ ключъ къ сокровищу мысли, въ немъ нужно только возбудить желаніе заглянуть хоть въ одинъ уголокъ ея. Если интересъ къ чтенію въ немъ разовьется, и онъ нѣсколько проникнется имъ, то у него явится отрицательное отношеніе къ преступной жизни, такъ какъ по сравненію ея съ лучшей жизнью она покажется ему и мрачной, и темной. Если дальнѣйшее чтеніе будетъ осмысленное, то въ немъ народятся «идеалы», а это ужъ прочный залогъ къ исправленію.

На этомъ основаніи я въ слѣдующемъ учебномъ году сталъ больше заниматься съ грамотными и объяснительныя чтенія повелъ по строго обдуманной программѣ. На урокахъ читались статьи географическаго и историческаго содержанія и, кромѣ того, по тѣмъ же вопросамъ велись бесѣды. Пособіями для чтеній по географіи служили: «Наша родина»—Пуцыковича; «Разсказы о землѣ»—Иванова; «Россія»—Меча и мн. др.; по исторіи: Сиповскаго—«Родная старина»; Петрушевскаго — «Разсказы про старое время»; Тихомирова—«Изъ исторіи родной земли», и мн. др. изъ числа одобренныхъ для народныхъ школъ и читаленъ.

Съ самаго начала занятій я убѣдился, а объяснительныя чтенія еще съ большей ясностью подтвердили, что параллельно съ классными занятіями должна существовать и библіотека. На основаніи 82 статьи XIV т. св. зак. (о содержащихся подъ стражей), рекомендующей комитетамъ и отдѣленіямъ, «заботясь совокупно съ подлежащимъ началь-

ствомъ объ участи заключенныхъ, содѣйствовать къ тому, чтобы заключеніе вело арестантовъ къ нравственному исправленію, а не служило къ ожесточенію», и 83 ст. «для достиженія этой цѣли комитеты наблюдаютъ, чтобы мѣста заключенія были снабжены книгами Св. Писанія и духовно-нравственнаго содержанія и чтобы воскресные и праздничные дни провождаемы были арестантами въ благочестивыхъ чтеніяхъ, бесѣдахъ и молитвѣ», и въ нашей тюрьмѣ были вышеозначенныя книги, но, такъ какъ выдача ихъ была возложена на старшаго надзирателя, который боялся потери, то онѣ преспокойно и лежали въ его сундукѣ.

Взявъ на себя выдачу книгъ, я первымъ долгомъ пополнилъ однообразный составъ ихъ дешевыми изданіями научно-популярнаго и беллетристическаго содержанія, такъ какъ отъ чтенія исключительно духовно-нравственныхъ книгъ, по моему мнѣнію, нельзя ожидать особенно плодотворнаго воздѣйствія въ смыслѣ «нравственнаго исправленія», во имя котораго допущены книги подобнаго рода: лишенный свободы, разобщенный со своей живой средой, этотъ чтецъ-узникъ охотнѣе отнесется къ чтеніямъ, ближе и доступнѣе говорящимъ ему объ этой покинутой средѣ, о нуждахъ и явленіяхъ этой утраченной свободы и о всемъ томъ, что хотя временно заставитъ его позабыть о стѣнахъ и запорѣ, отдѣлившихъ его отъ дорогого ему міра, вспомнить о немъ и помечтать. Въ такомъ настроеніи тѣ же истины, но переведенныя на доступный языкъ, глубже и прочнѣе западутъ въ его душу и вѣрнѣе освободятъ ее отъ того «ожесточенія», о которомъ говорится въ 82 ст. уст. Путешествія, научныя открытія, домашнее хозяйство, исторія вперемежку съ «легкимъ чтеніемъ» и вообще вся свѣтская «нравственная» популяризованная литература—можно ли отыскать во всемъ этомъ что-либо зловредное для нравственности заключеннаго, что-либо развращающее или такъ или иначе опасное? Подчиняясь жизненнымъ условіямъ и снисходя къ слабости человѣческой, законъ не долженъ требовать отъ тюремъ какого-то монастырскаго режима. Установивъ цѣлью попечительнаго о тюрьмахъ общества «улучшеніе нравственнаго состоянія арестантовъ» (ст. 56) и исправленіе ихъ нравственности (7 п. 59 ст.), законъ долженъ расширить сферу такого воздѣйствія и облегчить достиженіе основной его цѣли учрежденіемъ во всѣхъ мѣстахъ заключенія библіотекъ съ возможно большимъ выборомъ хорошихъ книгъ.

Успѣхъ библіотеки превзошелъ всякія ожиданія: не было ни одного грамотнаго арестанта, который не бралъ бы книгъ, при чемъ чтецы не удовлетворялись одиночнымъ чтеніемъ, а читали вслухъ для всей камеры. Если до моего прихода книги были прочитаны, то заключенные сами мѣнялись между собой. Такимъ образомъ, мой маленькій запасъ книгъ быстро прочитывался и постоянно нуждался въ обновленіи. Особенной любовью пользовались книги географическаго и историческаго содержанія, охотно читались и біографіи великихъ людей, зато на житія святыхъ было очень мало требованій. Опасенія начальника

тюрьмы за цѣлость книгъ оказались напрасными: арестанты, видя, какъ я внимательно осматриваю книги при пріемѣ и выдачѣ, сами стали аккуратнѣе, такъ что за все время занятій у меня пропало не болѣе пяти книгъ, да изъ книгъ десяти потеряны листы.

При выдачѣ и пріемѣ книгъ я дѣлалъ и заносилъ въ записную тетрадь слѣдующіе вопросы [1]):

1. Фамилія ученика: a) степень грамотности, b) степень развитія.

2. На что указывалъ ученикъ, спрашивая книгу: a) на содержаніе, b) фамилію автора, c) на названіе?

3. Не рекомендована ли книга: a) учителемъ, b) товарищемъ?

4. Былъ ли разговоръ при возвращеніи ея и по чьей иниціативѣ: a) учителя, b) ученика?

5. Какой стороны касался онъ: a) внѣшней, b) внутренней?

6. Понравилась ли книга?

7. Читалъ ли книгу одинъ, давалъ ли товарищу, не читалась ли вслухъ въ камерѣ?

Хорошо было бы, если бы всѣ существующія тюремныя школы и библіотеки выработали однообразную программу какъ для собиранія свѣдѣній объ учащихся, такъ и о чтеніи. Сырой матерьялъ, собранный по этимъ программамъ, довольно ярко освѣтилъ бы малоизвѣстный міръ отверженныхъ и, навѣрно, измѣнилъ бы взглядъ на него и отношеніе къ нему. Онъ напомнилъ бы, что

«Все это общества живое обличеніе,
Протестъ за право жить, насмѣшка, иль укоръ».

III.

Вскорѣ послѣ открытія моей школы возникла подобная же въ женскомъ отдѣленіи Харьковской тюрьмы, затѣмъ въ Мензелинской и Аккерманской тюрьмахъ. Вотъ краткія свѣдѣнія, какія имѣются у насъ подъ рукой.

Въ мартѣ 1895 года Л. И. Дашкевичъ, участница Харьковской частной женской школы, получила отъ губернатора разрѣшеніе на открытіе воскресной школы и чтеній съ волшебнымъ фонаремъ въ женской тюрьмѣ. Открытіе школы отложено на осень того же года; чтенія же были начаты 19 марта 1895 года.

Чтенія, на которыхъ бываютъ всѣ желающія взрослыя арестованныя и дѣти, находящіяся при матеряхъ, идущихъ по этапу, происходятъ въ большой камерѣ тюрьмы. Школа имѣетъ для этихъ чтеній фонарь и экранъ. Картины предоставляютъ брать изъ своихъ коллекцій комиссія по устройству народныхъ чтеній въ Харьковѣ и Хр. Д. Алчевская.

---

[1]) Вопросы эти заимствованы изъ библіотечной практики москов. мужской воскресной школы москов.-казанск. ж. д.

Были прочитаны слѣдующія изъ чтеній:

1) «Начало христіанства на Руси», «Земная жизнь Господа нашего Іисуса Христа», «Уничиженіе на землѣ», «Св. Алексѣй» и др.

2) «Муму» Тургенева, «Полтава» Пушкина, «Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ» Лермонтова, «Свѣтлана» Жуковскаго, «Кольцовъ и его пѣсни», «Старикъ Никита», «Пожарный» и др.

3) «Наши перелетныя птицы» Кайгородова, «Объ углѣ» Животовскаго, «О воздухоплаваніи», «О Голландіи и голландцахъ» и др.

Глубокое впечатлѣніе производитъ чтеніе о страданіяхъ Іисуса Христа и такихъ художественныхъ произведеній, какъ «Муму», «Полтава», «Пѣснь о Калашниковѣ», «Старикъ Никита» и «Пожарный». Эти произведенія очень нравятся заключеннымъ и трогаютъ ихъ до слезъ. Онѣ рѣдко высказываются и очень сдержанны въ проявленіи своихъ чувствъ. Но, если разсказъ имъ нравится, въ камерѣ царитъ полная тишина, очевидно, слушательницы боятся проронить слово, а по окончаніи чтенія многія изъ нихъ подходятъ къ чтецу, благодарятъ и высказываютъ свое мнѣніе.

Чтенія ведутся по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Всѣхъ чтеній было 32. На чтеніяхъ присутствовало отъ 30 до 60 человѣкъ.

Занятія въ школѣ велись въ слѣдующемъ порядкѣ:

a) Чтеніе главы Евангелія въ присутствіи всѣхъ заключенныхъ. Читать вызывается всегда одна изъ грамотныхъ арестантокъ.

b) Бесѣда тюремнаго священника отъ 2 ч. до $2^1/_2$. На эту бесѣду допускаются всѣ желающія.

c) Обученіе чтенію и письму отъ $2^1/_2$ ч. до 4.

d) Выдача всѣмъ желающимъ заключеннымъ книгъ изъ библіотеки тюремной воскресной школы.

e) Чтеніе съ волшебнымъ фонаремъ до 5 часовъ.

Предложеніе заниматься въ школѣ было встрѣчено довольно сочувственно и въ первое воскресенье записалось 8 взрослыхъ и 2 дѣвочки изъ 32 заключенныхъ.

Всѣ обязанности по школѣ до 21 апрѣля 1896 года лежали на Л. И. Дашкевичъ. Въ школу, за исключеніемъ двухъ случаевъ, принимались только неграмотныя, которыя и не встрѣчали отказа въ ихъ просьбѣ научить ихъ читать и писать, если даже пребываніе ихъ въ тюрьмѣ было настолько кратковременно, что онѣ не успѣвали кончить алфавита. Этимъ предполагалось развить и поддержать въ нихъ желаніе научиться грамотѣ и дать имъ способъ и возможность продолжать это дѣло по выходѣ изъ тюрьмы. Такимъ образомъ скоро образовалось нѣсколько группъ небольшихъ по количеству ученицъ, но различныхъ по познаніямъ, и при одной преподавательницѣ ходъ занятій значительно замедлился. 21 апрѣля были допущены двѣ новыя преподавательницы, и время занятій увеличено на одинъ часъ. Всѣ ученицы были раздѣлены тогда на три группы, и дѣло пошло успѣшнѣе.

Занятія десяти ученицъ изъ 21 дали удовлетворительные результаты. Не окончившимъ алфавитъ и выбывшимъ изъ тюрьмы заключеннымъ предлагалось взять азбуку, тетрадь и карандашъ, и давались различные совѣты и указанія для продолженія занятій на свободѣ.

Опытъ этого года показалъ, что тюремная школа стоитъ въ особыхъ условіяхъ относительно времени пребыванія ученицъ и поэтому преподаватели ея постановили обратить главнѣйшее вниманіе на обученіе неграмотныхъ.

Извѣстіе, что въ тюрьмѣ будетъ своя библіотека, многихъ обрадовало, и ее ждали съ большимъ нетерпѣніемъ. Тюремная библіотека состоитъ изъ 300 названій. Книгъ за пять мѣсяцевъ было выдано 293. Нѣкоторыя книги читались заключенными съ захватывающимъ интересомъ. Такъ, напримѣръ, арестантка Т., въ одной камерѣ при одномъ и томъ же составѣ заключенныхъ по ихъ же просьбѣ пять разъ подрядъ прочла вслухъ: «Богъ правду видитъ да не скоро скажетъ» Толстого. «Пять разъ,—разсказывала она,—читала я въ камерѣ вслухъ. Все просятъ меня читать, а сами плачутъ. Какъ хорошо написано!» Чрезвычайно нравятся «Летные»—Мамина-Сибиряка, «Дочь каторжника»—Диккенса, произведенія Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Островскаго, Кольцова и др. Объ этихъ книгахъ говорятъ, разсказываютъ и совѣтуютъ другъ другу брать.

Мензелинская школа открыта 8 октября 1895 года. Преподаютъ въ ней двѣ учительницы приходскаго училища: А. И. Будрина и г-жа Журавлева. Число учениковъ на урокахъ доходило до 16, всего же за годъ перебывало въ школѣ человѣкъ сорокъ. Арестанты относятся къ занятіямъ съ замѣчательной любовью, а къ преподавательницамъ съ такимъ уваженіемъ, на которое трудно разсчитывать въ такой грубой средѣ. «Мы никогда съ ними не говоримъ о ихъ личныхъ дѣлахъ,—пишетъ мнѣ одна изъ нихъ,—но желаніе высказаться такъ велико, что они пишутъ на тетрадяхъ между строкъ о своемъ горѣ. Разъ попавшій въ школу ужъ добровольно не оставляетъ ее. Многіе, уходя изъ тюрьмы, взяли наши адреса, и я получила отъ одного изъ нихъ письмо къ Новому году съ поздравленіемъ». Къ сожалѣнію, при этой школѣ нѣтъ библіотеки: тюремная администрація безусловно запрещаетъ чтеніе всякихъ книгъ, даже учебныхъ.

Аккерманская школа возникла только въ нынѣшнемъ году по иниціативѣ инспектора народныхъ училищъ Оцелъ. Городъ на первое обзаведеніе далъ 75 руб., а министерство юстиціи ассигновало ежегодно по 60 руб. Школа находится въ вѣдѣніи духовнаго начальства, которое учителемъ въ нее назначило псаломщика; но такъ какъ тотъ не захотѣлъ заниматься, то школа весь годъ оставалась безъ учителя. Болѣе посчастливилось воскреснымъ чтеніямъ. Веденіе ихъ взяли на себя преподаватели городского училища И. С. Юнцовъ и С. А. Краснякъ и успѣшно вели ихъ весь годъ. За все время было прочитано двадцать

два разсказа, изъ которыхъ особеннымъ успѣхомъ пользовались: «Про счастливыхъ людей»—Успенскаго ,«Телепень»—Кота-Мурлыки, «Много ли человѣку земли нужно», «Старикъ Никита», «Кривая доля»—Савихина, «Немилая жена»—Семенова. При помощи московскаго комитета грамотности при школѣ возникла библіотека, которой арестанты пользуются съ большой охотой.

Въ заключеніе долженъ упомянуть, что всѣ эти школы, за исключеніемъ Аккерманской, на Нижегородской выставкѣ были удостоены награды: моя школа (Боровская) диплома III степени, остальныя IV; кромѣ того на выставкѣ московскаго комитета грамотности Боровской школѣ была присуждена серебряная медаль.

Пожелаемъ же, чтобы нашъ небольшой опытъ послужилъ примѣромъ и нашелъ послѣдователей.

Гр. Дубовенко.

II. Съѣздъ представителей обществъ взаимопомощи.

Какъ извѣстно, ко времени всероссійской промышленно-художественной выставки въ Нижнемъ-Новгородѣ было пріурочено нѣсколько всероссійскихъ съѣздовъ: торгово-промышленный, пожарный, представителей обществъ взаимопомощи, предсѣдателей губернскихъ земскихъ управъ, дантистовъ, пчеловодовъ, овцеводовъ и др. Одни изъ этихъ съѣздовъ были созваны по иниціативѣ правительства, другіе по частному почину; одни происходили публично, другіе почти негласно; одни пользовались вниманіемъ и печати и общества, о другихъ появились только весьма отрывочные слухи, такъ какъ доступъ публики на нихъ былъ очень затрудненъ, если не совсѣмъ воспрещенъ; наконецъ, одни затрагивали интересы всей массы населенія Россіи, другіе только одной, иногда очень небольшой группы лицъ. Такъ или иначе всѣ эти съѣзды дали возможность болѣе или менѣе широкаго обмѣна мнѣній довольно значительной массѣ лицъ; непосредственно въ засѣданіяхъ съѣзда и еще болѣе посредствомъ печати, по вопросамъ самымъ разнообразнымъ, иногда самымъ насущнымъ, съѣзды затронули въ публикѣ интересъ къ этимъ вопросамъ, дали возможность высказаться такъ называемому общественному мнѣнію.

Конечно, наиболѣе интереснымъ и наиболѣе богатымъ, если не по практическимъ результатамъ, то по крайней мѣрѣ по числу членовъ и количеству трактовавшихся вопросовъ, является съѣздъ торгово-промышленный: онъ именно послужилъ средствомъ къ широкому обмѣну мыслей по цѣлому ряду вопросовъ первостепенной важности, онъ явился выразителемъ общественнаго мнѣнія по этимъ вопросамъ, онъ возбудилъ въ обществѣ интересъ къ нимъ, и этотъ интересъ,—можно надѣяться,—не кончился съ его закрытіемъ. Но то же самое, только, мо-

жетъ быть, въ нѣсколько меньшей степени, относится и къ съѣзду представителей обществъ взаимопомощи. Кругъ лицъ, выразителемъ интересовъ которыхъ онъ явился, весьма великъ; разбиравшіеся на немъ вопросы жизненны и касаются непосредственно условій быта служащаго въ торгово-промышленныхъ заведеніяхъ люда; часть стоявшихъ передъ нимъ задачъ ему удалось разрѣшить довольно удачно. Все это должно бы привлечь къ нему вниманіе, если не всей массы большой публики, то по крайней мѣрѣ того класса, нужды котораго онъ имѣлъ въ виду. Къ сожалѣнію, о немъ проникло въ публику не такъ много свѣдѣній, какъ это было бы желательно въ интересахъ самаго класса служащихъ: газетные отчеты о его засѣданіяхъ, за небольшими исключеніями, отличались краткостью; предъ его открытіемъ и по закрытіи о немъ писалось мало, еще менѣе пишется теперь. А между тѣмъ широкое ознакомленіе заинтересованныхъ по крайней мѣрѣ лицъ съ результатами его работы было бы весьма нелишне. Способствовать этому ознакомленію и есть цѣль настоящей замѣтки.

Едва ли можно назвать благопріятными условія, при которыхъ съѣзду пришлось работать. Какъ разъ наоборотъ: въ силу различныхъ причинъ онъ явился въ значительной степени неподготовленнымъ, и это обстоятельство должно было отозваться на немъ дурно. Иниціатива созыва съѣзда принадлежитъ нижегородскому обществу вспоможенія частному служебному труду; на немъ же лежала и вся организаціонная работа: оно вырабатывало положеніе о съѣздѣ и программу подлежащихъ его обсужденію вопросовъ, оно изъ своихъ суммъ и за свой страхъ производило расходы, оно разсылало приглашенія другимъ обществамъ объ участіи въ съѣздѣ и т. под. Какихъ-либо матерьяловъ, которые должны были бы служить основаніемъ для работъ съѣзда, въ рукахъ нижегородскаго общества не было; не всѣ даже общества взаимопомощи были ему извѣстны, вслѣдствіе чего нѣкоторымъ изъ нихъ, правда, немногимъ, не было послано приглашеній. Осторожность, можетъ быть, нѣсколько излишняя, объясняемая неувѣренностью въ томъ, будетъ ли разрѣшенъ съѣздъ, заставила иниціаторовъ его сократить до возможныхъ предѣловъ программу вопросовъ, ограничивши перечень ихъ только самымъ необходимымъ. Недостатки программы, кромѣ указанной уже неувѣренности въ разрѣшеніи съѣзда, объясняются еще неопытностью составителей ея, вполнѣ естественной въ виду новизны дѣла. Просьба о разрѣшеніи съѣзда была возбуждена предъ мѣстной администраціей еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, разрѣшеніе же отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ и отъ мѣстнаго губернатора получено было лишь 10-го августа, при чемъ временемъ открытія съѣзда назначено было 26-е августа. Такимъ образомъ на разсылку приглашеній и на всѣ подготовительныя работы дано было только двѣ недѣли—срокъ, конечно, весьма недостаточный для того, чтобы делегаты съѣзда могли должнымъ образомъ подготовиться, т.-е.

собрать болѣе или менѣе значительное количество фактовъ для обоснованія своихъ докладовъ. Это обстоятельство служитъ причиной того, что большинство докладовъ, представленныхъ съѣзду, выражаетъ почти что одни только пожеланія безъ подробнаго развитія ихъ мотивовъ и безъ ссылки на факты, да и все-то количество докладовъ невелико. Ниже мы увидимъ, что, въ силу этой причины, вся работа съѣзда имѣла характеръ почти исключительно подготовительный къ будущему съѣзду, надежда на разрѣшеніе котораго все время поддерживала членовъ состоявшагося съѣзда и заставляла ихъ мириться съ недостатками его организаціи.

Изъ числа приблизительно 50 существующихъ обществъ взаимопомощи частному служебному труду на призывъ нижегородскаго общества отозвалось 27 обществъ, командировавшихъ на съѣздъ 18 представителей. Послѣдняя цифра показываетъ, что съѣздъ этотъ, въ противоположность торгово-промышленному или даже пожарному, по составу своему не отличался многолюдствомъ. Это, конечно, неудивительно, если принять во вниманіе, во-первыхъ, зависимое отъ хозяевъ положеніе большинства членовъ обществъ взаимопомощи, въ силу чего, можетъ быть, многимъ пришлось отказаться отъ поѣздки на съѣздъ, не смотря на желаніе, а затѣмъ, во-вторыхъ, недостаточность матерьяльныхъ средствъ у многихъ обществъ взаимопомощи, заставлявшая ихъ скупиться на ассигновку пособій своимъ делегатамъ. Но, во всякомъ случаѣ на съѣздъ собрались люди, непосредственно заинтересованные въ, тѣхъ вопросахъ какіе предстояло обсуждать, почти исключительно приказчики торговыхъ заведеній, люди, какъ они сами себя называли, «маленькіе», съ маленькими, но тѣмъ не менѣе дорогими имъ интересами, съ маленькими, но наболѣвшими нуждами. На съѣздѣ были представители со всѣхъ концовъ Россіи: были представители прибалтійскихъ и привислинскихъ приказчиковъ—изъ Риги, Варшавы, Лодзи, съ юга и Кавказа — изъ Кіева, Харькова, Екатеринодара съ Урала и изъ Сибири — изъ Перми, Екатеринбурга, Томска и Иркутска, не говоря уже, конечно, о приказчикахъ Поволжья и центральныхъ губерній, Москвы и Петербурга. Такимъ образомъ, съѣздъ по справедливости можетъ быть названъ всероссійскимъ. Замѣтимъ, что, въ виду недостатка времени на созывъ съѣзда, нѣкоторыя общества не успѣли получить своевременно увѣдомленій, на какое число онъ разрѣшенъ; многіе делегаты изъ отдаленныхъ мѣстностей поѣхали на съѣздъ, основываясь на газетныхъ сообщеніяхъ; другіе ждали официальнаго увѣдомленія и, получивши его слишкомъ поздно или совсѣмъ не дождавшись, на съѣздъ не попали. «Хозяевъ» на съѣздѣ было немного, всего нѣсколько человѣкъ, и потому нежелательнаго давленія на направленіе работъ съѣзда не было оказано. Тѣмъ не менѣе, какъ увидимъ ниже, «хозяйскій духъ» незримо виталъ въ залѣ засѣданій и въ наиболѣе щекотливыхъ вопросахъ сковывалъ молчаніемъ

уста делегатовъ и связывалъ свободу ихъ рѣшеній, заставляя придерживаться политики умѣренности, иногда положительно излишней и ненужной, вызываемой лишь тайнымъ соображеніемъ, что, если проявить большую прыть и громко заявить о своихъ человѣческихъ правахъ, то «сами», пожалуй, могутъ и «осерчать». «Хозяева» вообще отнеслись къ приказчичьему съѣзду не совсѣмъ одобрительно, пожалуй, даже и вовсе неодобрительно. Объ этомъ свидѣтельствуетъ хотя бы тотъ фактъ, что изъ шести представителей нижегородскихъ—биржевого и ярмарочнаго комитетовъ, которые должны были по положенію о съѣздѣ войти въ его составъ, назначены были только трое—отъ биржевого комитета, да и тѣ активнаго участія въ работахъ съѣзда почти не принимали, а только приглядывались да прислушивались, представители же ярмарочнаго купечества не только не были назначены, но ярмарочный комитетъ не счелъ нужнымъ даже отвѣтить на двукратное приглашеніе распорядителей съѣзда о назначеніи представителей. Такимъ образомъ, еще ничего не видя, «большіе» люди «фыркнули» на «маленькихъ» за то, что тѣ вздумали потолковать сообща о своихъ дѣлишкахъ. Помимо простой невѣжливости представителей всероссійскаго купечества, засѣдающихъ въ ярмарочномъ комитетѣ, это обстоятельство даетъ еще указаніе на то, какъ мало склонны гг. хозяева въ громадномъ большинствѣ случаевъ сдѣлать что-либо по собственному желанію и почину для улучшенія неприглядnаго положенія своихъ служащихъ. Идея взаимопомощи, лежащая въ основѣ обществъ представители которыхъ составили съѣздъ, можетъ быть, въ силу послѣдняго соображенія, послужила руководящимъ началомъ и во всѣхъ работахъ съѣзда, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ, гдѣ одной взаимопомощи для благопріятнаго разрѣшенія даннаго вопроса было недостаточно. Во всякомъ же случаѣ на добрую волю и на доброе желаніе хозяевъ члены съѣзда совсѣмъ не разсчитывали: они или старались устроить свои дѣла самостоятельно, или просили правительство повліять тѣмъ или инымъ путемъ на волю, иначе сказать, на произволъ хозяевъ. Симпатичную черту съѣзда составляетъ именно его стремленіе обойтись, по возможности, собственными силами.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію работъ съѣзда, считаемъ нелишнимъ охарактеризовать положеніе служащаго люда—приказчиковъ и др., насколько это положеніе выяснилось на съѣздѣ изъ докладовъ и преній. Наиболѣе подробный докладъ въ этомъ смыслѣ представленъ былъ съѣзду г. С. В. Курнинымъ (единственный, кажется, членъ съѣзда—не приказчикъ). Докладъ его касается вопроса о воскресномъ отдыхѣ приказчиковъ и отчасти сокращенія рабочаго дня ихъ, предназначался онъ на торгово-промышленный съѣздъ, но тамъ по неизвѣстнымъ причинамъ не былъ прочитанъ и попалъ на съѣздъ обществъ взаимопомощи.

Городскія думы, какъ извѣстно, могутъ по закону только огра-

ничивать число часовъ торговли въ праздничные и воскресные дни, но не могутъ совсѣмъ прекращать ея. И вотъ даже этимъ правомъ изъ числа 1.139 всѣхъ городовъ Россійской имперіи воспользовались всего 100 городовъ. Приказчики, конечно, хлопочутъ предъ думами объ облегченіи своей участи, но по большей части безуспѣшно. Насколько тяжело положеніе ихъ, видно изъ слѣдующихъ собранныхъ г. Курнинымъ данныхъ. Приказчики г. Севастополя пишутъ въ думу, что они работаютъ 16—18 ч. въ сутки. Одинъ изъ гласныхъ думы подтверждаетъ это и говоритъ, что въ бакалейныхъ и др. лавкахъ приказчики, чтобы быть во время на мѣстѣ, должны вставать въ 4 ч. утра; закрываются же лавки поздней ночью и нерѣдко послѣ закрытія магазина приказчики остаются тамъ до полуночи и позже, для уборки товаровъ. Сколько же они спятъ? И это каждый день, за исключеніемъ развѣ трехъ-четырехъ большихъ праздниковъ въ году. Изъ дѣлъ комитета по управленію г. Новочеркасска видно, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе приказчиковъ большинства торговыхъ заведеній и нѣкоторыхъ хозяевъ, выраженное въ ихъ прошеніи, гдѣ указывается, что ни хозяева, ни приказчики не имѣютъ свободнаго времени для удовлетворенія религіозныхъ и вообще духовныхъ своихъ потребностей. Александровская городская дума полагаетъ, что приказчикамъ необходимо дать воскресный отдыхъ «въ виду нелегкаго ихъ труда». Великолуцкая городская дума констатируетъ фактъ, что приказчики «обречены судьбой цѣлую свою жизнь трудиться безпрерывно». Во Владимірѣ за приказчиковъ вступился архіепископъ Ѳеогностъ. Въ Минскѣ въ нѣкоторыхъ родахъ торговли рабочій день приказчиковъ равняется 19 ч. въ сутки. На II съѣздѣ дѣятелей по профессіональному образованію въ Москвѣ при обсужденіи доклада того же г. Курнина было установлено, что средняя продолжительность рабочаго дня всѣхъ вообще лицъ, занятыхъ въ торговыхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ г. Москвы, равна 14 ч. 16 м., съ колебаніемъ отъ 12 до 17 ч., а если откинуть ремесленныя заведенія, то для приказчиковъ рабочій день можно принять въ 15 ч. Есть полное основаніе принять эту цифру за нормальную и для всѣхъ другихъ крупныхъ центровъ, какъ это и удостовѣрялось приказчиками на съѣздѣ

Рабочій день, продолжающійся 15 ч. въ сутки непрерывно изо дня въ день, изъ года въ годъ, всю жизнь, — страшно тяжелъ. Медленно, но вѣрно онъ убиваетъ человѣка и физически, и морально, подтачивая его здоровье и атрофируя всѣ его духовныя потребности, низводя его самого почти на степень машины, не имѣющей никакихъ другихъ интересовъ, кромѣ интересовъ лавки и ея хозяина. Противники отдыха приказчиковъ часто выставляютъ въ числѣ своихъ аргументовъ то соображеніе, что приказчикъ занятъ въ магазинѣ не безпрерывно, и что у него во всякомъ случаѣ достаточно времени для отдыха. Неосновательность такого соображенія очевидна, какъ это и было отмѣ-

чено на съѣздѣ и какъ доказывали, напр. великолуцкіе приказчики и купцы, сочувствующіе имъ, при обсужденіи въ думѣ вопроса объ установленіи отдыха. Они считаютъ, что положеніе въ лавкѣ безъ дѣла не менѣе тяжело, чѣмъ объясненіе съ покупателями; не даромъ же создалась пословица: «дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай». Каковъ этотъ отдыхъ и какова вообще нравственная атмосфера, въ которой приказчикъ проводитъ большую половину своей жизни, видно изъ собранныхъ г. Курнинымъ данныхъ. Чтобы выяснить, насколько велика подчиненность приказчиковъ хозяевамъ, онъ роздалъ въ Москвѣ—въ «городѣ», на нѣмецкомъ рынкѣ, у Серпуховскихъ и Калужскихъ воротъ и на Смоленскомъ рынкѣ—по 150 листковъ приказчикамъ не моложе 25 лѣтъ и хозяевамъ со слѣдующими вопросами:

1. Допускается ли приказчику въ свободное отъ покупателей время при хозяинѣ или старшемъ приказчикѣ сидѣть, разговаривать или читать газеты?

2. Не употребляютъ ли хозяева при выговорахъ своимъ приказчикамъ обидныхъ для человѣческаго достоинства выраженій?

3. Вмѣшиваются ли хозяева въ домашнюю жизнь приказчика?

4. Каково положеніе мальчиковъ: во сколько часовъ встаютъ, чѣмъ занимаются, бьютъ ли ихъ и какое они получаютъ нравственное воспитаніе?

Картина получилась самая неприглядная.

Изъ 150 приказчиковъ отвѣтило 128. На первый вопросъ 117 сказали, что въ свободное время не позволяется ни сидѣть, ни читать газеты. Встрѣчаются строгіе хозяева, которые не позволяютъ даже класть руки на витрины, облокачиваться; а у одного купца, торгующаго москательнымъ товаромъ, былъ обычай, чтобы приказчики и конторщики занимались стоя, и этотъ обычай продолжался до поступленія бухгалтера съ коммерческимъ образованіемъ, который и отстоялъ себѣ и своимъ конторщикамъ право писать сидя. Одинъ приказчикъ жаловался, что хозяева во время службы не позволяютъ выходить на вызовъ знакомыхъ и родныхъ въ переднюю, хотя бы время отъ покупателей было свободное. Относительно чтенія газетъ приказчики одного купца отвѣтили, что газетъ не позволяется читать не только въ магазинѣ, но и внѣ магазина; былъ такой случай, что, когда одинъ приказчикъ отправился по дѣлу и на верху конки читалъ газету, то хозяинъ, проѣзжавшій мимо конки и увидавшій это, по пріѣздѣ домой счелъ нужнымъ сдѣлать ему выговоръ: «тебя, дурака, по дѣлу послали, а ты газеты читаешь!» Объ одномъ купцѣ служащіе сообщили: «нашъ хозяинъ терпѣть не можетъ, когда мы стоимъ безъ дѣла; онъ непремѣнно при этомъ скажетъ: «ну, что заснули, пошевеливайтесь!»—поэтому мы всегда что-нибудь дѣлаемъ».

Одиннадцать отвѣтовъ отрадны: въ нихъ говорится что приказчикамъ разрѣшается въ свободное время сидѣть, разговаривать и чи-

тать газеты,—пять изъ нихъ падаютъ на мясныя лавки, въ которыхъ въ лѣтнее время позволяется приказчикамъ послѣ обѣда спать до вечерняго чая, шесть—на торговые дома въ городѣ.

На второй вопросъ получилось 119 отвѣтовъ. 56 изъ нихъ увѣряютъ, что, или хозяева или старшіе приказчики при ошибкахъ приказчиковъ, а зачастую и безъ всякаго повода, прямо ругательски ругаются; 63 отвѣта констатируютъ фактъ, что владѣльцы торговыхъ заведеній задѣваютъ чувства человѣческаго достоинства у своихъ служащихъ нерѣдко въ самой грубой формѣ, и лишь только 9 отвѣтовъ сообщили, что со служащими обходятся по-человѣчески; всѣ эти отвѣты приходятся на городскіе торговые дома.

На третій вопросъ только трое отвѣтили отрицательно, остальные сообщили, что и домашняя жизнь не обходится безъ вмѣшательства хозяевъ.

Со стороны хозяевъ получено 83 отвѣта; изъ нихъ 11 сказали, что въ свободное время они допускаютъ отдыхъ: 7 изъ 83 не считаютъ нужнымъ употреблять бранныхъ словъ и обидныхъ выраженій при внушеніяхъ служащимъ и 15 не вмѣшиваются въ домашнюю жизнь.

Послѣ подобныхъ отвѣтовъ совершенно понятно, почему приказчики г. Великіе Луки не считаютъ свободное отъ покупателей время отдыхомъ, и не даромъ одинъ изъ либеральныхъ гласныхъ саратовской городской думы при обсужденіи вопроса о праздничномъ отдыхѣ приказчиковъ воскликнулъ: «Это крѣпостническій вопросъ! Рѣчь идетъ о людяхъ, которые работаютъ 365 дней въ году съ ранняго утра до глубокой ночи!»

Условія жизни торговыхъ учениковъ, такъ называемыхъ мальчиковъ, по присланнымъ отвѣтамъ на 4-й изъ перечисленныхъ вопросовъ, еще тяжелѣе, чѣмъ жизнь приказчиковъ. Въ большинствѣ случаевъ встаютъ они раньше всѣхъ, чистятъ обувь, ставятъ самоваръ, помогаютъ кухаркѣ или хозяйкѣ въ стряпнѣ, а въ мелкихъ лавкахъ сами являются стряпухами. Кончать эти работы они нерѣдко должны къ открытію торговаго помѣщенія, гдѣ ихъ ждутъ другія обязанности: мальчикъ долженъ сбѣгать въ подвалъ, въ кладовую, подняться на лѣстницу, чтобы снять кусокъ матеріи съ полки, любезно отворить покупателю дверь, взвѣсить, завернуть, вынести на извозчика кулекъ покупателю, снести за барыней, экономкой, кухаркой товаръ. Эти тяжести въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигаютъ внушительныхъ для дѣтскихъ лѣтъ размѣровъ, не рѣдкость встрѣтить мальчиковъ — мясниковъ, овощниковъ, мучниковъ и тому под., 11 — 12 л., несущихъ на головѣ въ лоткѣ или кулькѣ двухпудовыя тяжести. Обѣдъ обыкновенно бываетъ на побѣгушкахъ; за всякую дѣтскую шалость или оплошность мальчиковъ обыкновенно награждаютъ или подзатыльниками, или щипками, дерутъ за вихоръ, или за ухо, а иногда, при энергичномъ воспитателѣ, два-три рода наказанія соединяются вмѣстѣ: подзатыльникъ

съ потасовкой... Купецъ г. Богородска Перелетовъ передаетъ слѣдующую деталь изъ жизни мальчиковъ: «молодцы» посылаютъ «мальчика» за водкой, онъ исполняетъ порученіе, но попадается хозяину, — и въ результатѣ его бьютъ съ двухъ сторонъ: бьетъ поймавшій хозяинъ, бьютъ и сами «молодцы», недовольные его неаккуратностью, за которую ихъ ждетъ выговоръ со стороны хозяина. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мальчики наказываются розгами. Въ отвѣтахъ владѣльцевъ торговыхъ заведеній попадаются жалобы и на приказчиковъ, что за ними не досмотришь,— безъ толку бьютъ ребятъ. Все это подтверждается 112 отвѣтами со стороны приказчиковъ и 60—со стороны хозяевъ.

Вдобавокъ мальчикъ въ большинствѣ случаевъ въ первые 4—5, а иногда и болѣе лѣтъ никакого жалованья не получаетъ. Купецъ беретъ его въ обученіе и за науку эксплуатируетъ даровую силу до послѣдней возможности. Встрѣчаются такіе господа купцы, которые предпочитаютъ имѣть только мальчиковъ и совсѣмъ не держать взрослыхъ приказчиковъ, кромѣ развѣ одного распорядителя. Система очень выгодная: расходовъ почти никакихъ, а работаетъ мальчикъ-приказчикъ черезъ годъ-полтора не хуже взрослаго; по окончаніи обусловленнаго срока обученія мальчикъ долженъ бы получать жалованье, но купецъ его разсчитываетъ, тотчасъ же замѣщая новымъ, смѣна происходитъ каждый годъ съ такимъ расчетомъ, чтобы въ магазинѣ новичковъ было не больше трети. Такого рода факты на съѣздѣ были сообщаемы неоднократно.

А каково нравственное воспитаніе мальчиковъ? Поступая въ лавку 11—12 л., почти всегда малограмотнымъ, онъ такъ съ тѣмъ и остается, потому что въ его профессіональной школѣ—лавкѣ не преподается никакой другой науки, кромѣ той, какая выражается формулой: «не надуешь—не продашь», формулой, въ большей или меньшей степени откровенной и послѣдовательной; въ церковь мальчикъ не ходитъ, родныхъ своихъ не видитъ по цѣлымъ годамъ. Вотъ характеристика современной организаціи нашей торговли, которую даетъ профессоръ Янжулъ (во введеніи къ книгѣ Озерова — Общества потребителей): «до сихъ поръ русская торговля по многимъ своимъ чертамъ сохранила еще совершенно азіатскій характеръ. Обратно обычаю европейской торговли, наши, напр., московскія лавки имѣютъ цѣлыя толпы приказчиковъ (нѣкоторые даже «зазывакъ»), «числомъ поболѣе, цѣною подешевле». для которыхъ свободнаго времени не существуетъ; изо дня въ день, почти круглый годъ, не зная праздниковъ, съ утра до вечера, они прикованы къ лавкѣ своего хозяина, какъ сторожевой песъ къ воротамъ дома. Принципъ этой торговли «не надуешь—не продашь», и вотъ при системѣ запрашиванья и обмана покупателей, помогая хозяину наживаться на счетъ чужой неопытности или довѣрчивости, приказчикъ въ свою очередь мститъ ему за свои лишенія надувательствомъ уже за его счетъ. Поэтому едва ли гдѣ существуетъ такая

розь между хозяевами и служащими, между нанимателями и наемщиками, и такой несказанный обманъ и хищенія, какъ у нашихъ торговцевъ. Къ этому присоединяется взаимная недобросовѣстность торговцевъ въ отношеніяхъ другъ къ другу.

Кажется, излишни какія-либо комментаріи къ этимъ словамъ. Нужны особо счастливыя условія, чтобы изъ такой школы вышелъ человѣкъ съ сознаніемъ своего человѣческаго достоинства, съ стремленіемъ расширить свой умственный и нравственный горизонтъ, съ желаніемъ улучшить положеніе и свое, и себѣ подобныхъ. Рѣдки и исключенія, когда хозяинъ самъ человѣкъ развитой и не только не мѣшаетъ, но и способствуетъ развитію своихъ приказчиковъ.

Положеніе приказчиковъ ухудшается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что вообще ихъ права и обязанности въ громадномъ большинствѣ случаевъ не опредѣляются никакими юридическими нормами. Воля хозяина, часто переходящая въ произволъ, иногда самый грубый и безцеремонный, вотъ почти единственный законъ, регулирующій предѣлы правъ и обязанностей приказчика. Тутъ, въ силу матерьяльной зависимости и вѣковыхъ традицій, на долю приказчика остается лишь одно: повиноваться хозяину, подчиняясь всѣмъ его требованіямъ. Привычка къ постоянному повиновенію мало-по-малу переходитъ въ стремленіе изо всѣхъ силъ угодить хозяину, дабы заслужить его благоволеніе; а эта угодливость въ свою очередь увеличиваетъ аппетитъ купца, норма его требованій расширяется все больше и больше и останавливается только на высшей ступени физически возможнаго, за которымъ слѣдуетъ уже невозможное. Протесты со стороны эксплуатируемыхъ встрѣчаются, но очень рѣдко. Для этого, какъ сказано, нужны особенно благопріятныя условія, которыя дали бы приказчику возможность доразвиться до самосознанія. А главное, вездѣ такъ: въ сосѣднемъ магазинѣ приказчики находятся на такомъ же точно положеніи и не жалуются,—стало быть, и намъ надо терпѣть. Такъ разсуждаетъ большинство, не умѣющее или не желающее понять, что единеніе—сила и что если бы протестъ былъ заявленъ дружно, всѣми сообща, то хозяйскому произволу пришелъ бы конецъ. Смѣльчакъ же, рискующій возвышать голосъ и заявлять неудовольствіе самостоятельно на свой страхъ, всегда терпитъ пораженіе: во власти хозяина прогнать его и попридержать въ расчетѣ, такъ какъ условія найма обыкновенно словесныя, а купецъ своему слову хозяинъ: можетъ дать его, можетъ и обратно взять, можетъ и перевернуть какъ угодно. Тамъ ищи на судѣ, да доказывай справедливость своихъ требованій: хорошо, коли есть свидѣтели, а коли нѣтъ, такъ ничего и не высудишь. Фактовъ подобнаго характера, т.-е. когда хозяинъ прогонялъ приказчика, безбожно обсчитавши его, или даже и совсѣмъ безъ расчета, на съѣздѣ было сообщено больше, чѣмъ достаточно.

Единственной почти формой помощи приказчикамъ до сихъ поръ

служатъ только общества взаимопомощи. Но развиваются они сами-то крайне туго: во всей Россіи существуетъ пока только не больше пятидесяти обществъ. Точной цифры членовъ ихъ мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ, въ сравненіи съ общей цифрой приказчиковъ и др. лицъ частнаго служебнаго труда, она крайне незначительна. Въ числѣ главныхъ причинъ, тормозящихъ развитіе обществъ взаимопомощи, какъ указывалось на съѣздѣ, слѣдуетъ поставить, во-первыхъ, неразвитость приказчиковъ, во-вторыхъ, высоту членскихъ взносовъ и въ-третьихъ—произволъ хозяевъ. Послѣдняя причина характерна: почти всѣ члены съѣзда указывали, что развитію обществъ мѣшаетъ прямое или косвенное хозяйское запрещеніе приказчикамъ вступать въ общества взаимопомощи. Въ лучшемъ случаѣ хозяева косо смотрятъ на своихъ приказчиковъ, состоящихъ уже членами общества взаимопомощи; въ худшемъ—они обращаются съ угрозами къ тѣмъ, которые склонны вступить въ общество; нерѣдки случаи, что поступленіе приказчика въ общество взаимопомощи помимо воли хозяина влечетъ за собой увольненіе съ мѣста. Вполнѣ понятенъ неодобрительный взглядъ купечества на общества взаимопомощи: это—то единеніе, та сила приказчиковъ, проявленіе которой рано или поздно отниметъ у хозяевъ возможность безнаказаннаго произвола надъ служащими и безцеремоннаго выжиманія изъ нихъ соковъ, что́ составляетъ теперь хозяйскую привилегію. Уже и въ настоящее время, когда дѣятельность обществъ взаимопомощи, вслѣдствіе недостаточности средствъ и по разнымъ другимъ причинамъ, пока еще весьма незначительна—хозяевамъ приходится съ ними считаться. Справедливость, впрочемъ, требуетъ замѣтить, что не вездѣ и не всегда хозяева относятся къ обществамъ взаимопомощи враждебно; такъ, напр., делегаты московскаго общества купеческихъ приказчиковъ удостовѣряли на съѣздѣ, что значительная часть ихъ благотворительныхъ капиталовъ (всѣхъ капиталовъ до 800.000 руб.) у нихъ собрана путемъ пожертвованій среди купцовъ.

Охарактеризовавши въ общихъ чертахъ положеніе приказчиковъ и др. лицъ частнаго служебнаго труда, перейдемъ теперь къ изложенію того, что́ дѣлалось и говорилось на съѣздѣ, какъ онъ офиціально назывался,— «представителей обществъ вспоможенія частному служебному труду, приказчиковъ и сидѣльцевъ, взаимопомощи и др. однородныхъ по идеѣ и цѣли обществъ».

Какъ уже выше было упомянуто, отличительную черту съѣзда составляло стремленіе его не ограничиться одними благими пожеланіями или просьбами къ правительству объ улучшеніи участи служащаго люда, а сдѣлать что-либо практически выполнимое по возможности собственными средствами. Изъ рѣшеній послѣдней категоріи прежде всего необходимо остановиться на вопросѣ объ обезпеченіи служащихъ на случай болѣзни, старости и смерти путемъ взаимнаго страхованія и

другими средствами. Отмѣтимъ докладъ петербургскаго общества приказчиковъ, касающійся учрежденія «общества взаимнаго страхованія».

Необезпеченность большинства служащихъ при торговлѣ и перспектива остаться подъ старость безъ всякихъ средствъ къ существованію вызвали уже, по словамъ петербургскаго общества, въ нѣкоторыхъ наиболѣе крупныхъ предпріятіяхъ съ обширнымъ штатомъ служащихъ, какъ, напр., въ волжско-камскомъ банкѣ, петербургскомъ обществѣ взаимнаго кредита и др., учрежденіе эмеритуръ. Но, по мнѣнію петербургскаго общества, было бы болѣе цѣлесообразно учрежденіе не отдѣльныхъ эмеритуръ, а одного общаго для приказчиковъ и вообще служащихъ на частной службѣ «общества страхованія». Не имѣя возможности разработать этотъ сложный вопросъ въ деталяхъ, петербургское общество лишь ставитъ его на очередь и предлагаетъ на обсужденіе слѣдующія основныя положенія:

1) Осуществленіе общедоступнаго страхованія членовъ обществъ приказчиковъ и др. весьма желательно и представляется несомнѣнно полезнымъ.

2) Страхованіе въ этомъ обществѣ представляется не всѣмъ желающимъ изъ числа служащихъ, а лишь состоящимъ членами того или иного общества взаимопомощи.

3) При осуществленіи «общества страхованія» необходимо остановиться на типѣ не акціонернаго, а взаимнаго страхового общества.

4) «Общество страхованія» должно въ одномъ какомъ-либо городѣ имѣть центральное правленіе, а въ другихъ городахъ должны быть отдѣленія общества съ извѣстнымъ кругомъ правъ и обязанностей по отношенію къ центральному органу. Образчикомъ подобной организаціи выставляется недавно возникшая «касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ».

5) Въ виду особой обширности, сложности и серьезности разсматриваемаго вопроса, а также трудности возможно полнаго изученія и обоснованія всѣхъ деталей дѣла, надлежало бы возложить разработку устава и всѣхъ подробностей организаціи или на одно изъ обществъ приказчиковъ, или на особую комиссію, съ предоставленіемъ каждому правленію общества, а также и отдѣльнымъ членамъ обществъ, присылать въ комиссію свои мнѣнія, замѣчанія и соображенія, а выработанный затѣмъ проектъ устава въ печатномъ видѣ разослать во всѣ общества взаимопомощи. Наконецъ, уже дополненный и исправленный на мѣстахъ, въ готовомъ видѣ онъ представляется будущему съѣзду для утвержденія, если, конечно, съѣздъ будетъ разрѣшенъ. Всѣ эти предложенія съѣздомъ приняты, при чемъ разработка проекта устава поручена петербургскому обществу, представители котораго изъявили на это свое согласіе.

Сюда же относится и вопросъ объ учрежденіи общей пенсіонной кассы и частныхъ ссудо-сберегательныхъ кассъ. Вопросъ о пенсіонной

кассѣ возбудило кіевское общество. Оно проектируетъ государственную пенсіонную кассу, съ чѣмъ съѣздъ однакоже не согласился: онъ признаетъ только взаимопомощь и надѣется собственными силами управиться, между прочимъ, и съ пенсіонной кассой. Въ виду того, что кіевское общество является иниціаторомъ пенсіонной кассы, то его и постановлено просить къ будущему съѣзду составить подробный докладъ, а если можно, то и проектъ устава, но только на началахъ взаимопомощи, безъ участія государства.

При условіи существованія государственныхъ сберегательныхъ кассъ казалось бы излишне учреждать еще частныя кассы, но, какъ сообщаетъ петербургское общество, частныя кассы даютъ процентъ по вкладамъ несравненно большій, чѣмъ государственная. Кромѣ того, послѣдняя лишь принимаетъ сбереженія, но не выдастъ ссудъ. Банковскимъ дешевымъ вексельнымъ кредитомъ имѣетъ возможность пользоваться вообще незначительная, состоятельная часть населенія; для приказчиковъ же и др. мелкихъ служащихъ такой кредитъ недоступенъ; а такъ какъ потребность въ немъ велика, то служащіе прибѣгаютъ къ частному, по большей части ростовщическому кредиту. Избавить отъ послѣдняго и есть задача ссудо-сберегательныхъ кассъ. Основать при обществѣ такую кассу, какъ показала практика, можно съ небольшими, сравнительно, средствами: въ петербургскомъ, напр., обществѣ въ основной фондъ кассы отчислено было всего 500 руб. и теперь она развила свои функціи довольно широко. Ссудо-сберегательныя кассы, конечно, вещь хорошая, что̀ съѣздъ и призналъ безъ всякихъ возраженій, но такъ какъ въ его распоряженіи не имѣлось никакихъ средствъ содѣйствовать ихъ возникновенію, то онъ и ограничился однимъ пожеланіемъ возможно широкаго ихъ распространенія.

Самое главное, что удалось сдѣлать съѣзду, это, по нашему мнѣнію, рѣшеніе имѣть спеціальный печатный органъ, посвященный вообще интересамъ служащаго люда. Наиболѣе подробный докладъ по этому вопросу представило рижское общество русскихъ приказчиковъ. Положеніе приказчиковъ въ прибалтійскомъ краѣ, говорится въ докладѣ, благодаря большей культурности мѣстнаго купечества, нѣсколько лучше, нежели во внутреннихъ мѣстностяхъ Россіи. Однако это нисколько не исключаетъ настоятельной необходимости улучшенія матерьяльнаго и духовнаго быта прибалтійскихъ приказчиковъ. Какъ въ другихъ мѣстахъ, такъ и здѣсь, многіе съ нетерпѣніемъ ждутъ обязательнаго воскреснаго отдыха, болѣе широкаго и доступнаго распространенія знаній, наконецъ, разсчитываютъ и на появленіе пенсіонной кассы, страхованія и проч., хотя бы и не въ ближайшемъ будущемъ. Конечно, эти «проклятые» вопросы маленькихъ людей, продолжаетъ далѣе рижское общество, волнуютъ приказчиковъ и другихъ городовъ. Безслѣдно не проходитъ это движеніе, оно распространяется и въ глубь, и въ ширь. Но при всемъ томъ много времени и силы въ этомъ движеніи пропа-

даетъ даромъ, ибо, выражаясь фигурально, во многихъ городахъ открываются давно уже открытыя Америки, разрабатываются такіе вопросы, мучаются надъ разрѣшеніемъ такихъ задачъ, которыя давно уже рѣшены, а отчасти даже и осуществлены въ другихъ городахъ. Словомъ, въ разработкѣ вопроса объ улучшеніи участи приказчиковъ нѣтъ единства. Если бы народился печатный органъ, который поставилъ бы себѣ задачей собираніе матерьяловъ по приказчичьему вопросу въ Россіи и за границей, разрабатывалъ бы подробно детали проектовъ улучшенія быта приказчиковъ, подготовлялъ бы матерьялы для съѣздовъ, знакомилъ бы большую публику съ бытомъ и положеніемъ приказчиковъ, то такой органъ могъ бы принести громадную пользу, объединивъ всѣ интеллектуальныя силы приказчиковъ, сохранивъ имъ массу времени и силъ и расчистивъ въ жизни путь для проведенія въ бытѣ приказчиковъ необходимыхъ реформъ. Съѣздъ единодушно призналъ пользу и даже необходимость печатнаго органа; была избрана особая комиссія съ участіемъ нѣсколькихъ спеціалистовъ, которая и пришла къ слѣдующему заключенію. Органъ долженъ быть пока еженедѣльнымъ, а не ежедневнымъ или ежемѣсячнымъ: ежедневнымъ онъ не можетъ быть потому, что на первое время это будетъ сопряжено съ большими расходами, а ежемѣсячнымъ потому, что справочный отдѣлъ предполагаемой газеты, отдѣлъ крайне необходимый и важный, несовмѣстимъ съ изданіемъ ежемѣсячнаго органа и не достигнетъ своей цѣли. Расходы по изданію еженедѣльной газеты—«Взаимопомощь», по расчету комиссіи, выразится всего въ суммѣ 3.600 р. въ годъ, въ томъ числѣ на редакцію 2.200 р. и на изданіе собственно 1.400 р., полагая, что газета будетъ выходить на первое время въ размѣрѣ листа и въ количествѣ 600 экземпляровъ. Въ числѣ расходовъ ничего не назначено въ уплату гонорара, такъ какъ комиссія разсчитываетъ, что члены обществъ, органомъ которыхъ является газета, будутъ своевременно и съ избыткомъ снабжать его матерьяломъ. Приходъ высчитанъ въ суммѣ 2.000 р., полагая 500 платныхъ подписчиковъ съ платой по 4 р. (съ пересылкой—5 р.). Не принимая во вниманіе другихъ статей прихода въ видѣ платы за объявленія и проч., комиссія считаетъ дефицитъ перваго года въ 1.600 р., цифра, по мнѣнію комиссіи, для многихъ обществъ далеко не страшная. Изданіе газеты предполагается въ Москвѣ при московскомъ обществѣ купеческихъ приказчиковъ. Программа газеты должна быть слѣдующая: 1) правительственныя распоряженія, касающіяся торговли и промышленности; 2) руководящія статьи по вопросамъ, касающимся быта и жизни лицъ, занятыхъ частнымъ служебнымъ трудомъ; 3) корреспонденціи и сообщенія изъ всѣхъ мѣстъ Россійской имперіи; 4) извлеченія изъ газетъ и журналовъ; 5) отчеты о дѣятельности обществъ взаимопомощи, протоколы ихъ собраній и съѣздовъ; 6) фельетонъ: очерки, разсказы, повѣсти, романы, стихотворенія и проч.; 7) статьи научнаго содержанія по различнымъ

отраслямъ знанія; 8) разныя извѣстія; 9) критика и библіографія; 10) судебная хроника; 11) торговая хроника: биржевыя бюллетени и биржевая хроника, справочныя цѣны на товары; 12) заграничная хроника: статьи, касающіяся положенія торгово-промышленнаго класса въ иностранныхъ государствахъ; 13) справочный отдѣлъ: заявленія о спросѣ и предложеніи на трудъ лицъ, занимающихся по торговлѣ и промышленности и 14) объявленія и рекламы. Съѣздъ рѣшилъ, что къ изданію газеты необходимо приступить немедленно, для чего и постановилъ просить московское общество купеческихъ приказчиковъ возбудить ходатайство о разрѣшеніи ему издавать этотъ органъ и въ случаѣ благопріятнаго результата ходатайства принять на себя трудъ по организаціи изданія. Сумму же, необходимую на изданіе, распредѣлить между обществами, пожелавшими принять участіе въ изданіи газеты, пропорціонально ихъ капиталамъ (за исключеніемъ имѣющихъ спеціальное назначеніе), свѣдѣнія о каковыхъ должно собрать московское общество. Эти суммы составятъ безсрочный и безпроцентный долгъ изданія тѣмъ обществамъ, которыя примутъ въ немъ участіе.

Вопросы объ образовательныхъ нуждахъ служащаго люда, къ сожалѣнію, затронуты были на съѣздѣ весьма слабо. Сюда относятся лишь два доклада: 1) о желательности учрежденія общаго капитала для удовлетворенія образовательныхъ нуждъ членовъ обществъ взаимопомощи и 2) объ учрежденіи разнаго рода коммерческихъ училищъ. Докладъ саратовскаго общества затрогиваетъ первый вопросъ слишкомъ обще: желательно было бы основать всѣмъ обществамъ такой капиталъ, но на какихъ основаніяхъ, для какихъ именно образовательныхъ цѣлей, въ какомъ размѣрѣ и т. под., ничего не говорится. Такъ какъ представители саратовскаго общества обѣщали къ будущему съѣзду разработать вопросъ подробнѣе, то онъ и оставленъ открытымъ. Также мало разработанъ и вопросъ объ открытіи коммерческихъ училищъ на средства обществъ взаимопомощи съ пособіемъ отъ правительства. Вопросу этому посвященъ докладъ нижегородскаго общества, которое такъ же, какъ и саратовское, обѣщало къ будущему съѣзду представить болѣе обстоятельный докладъ.

Въ цѣляхъ однообразнаго развитія обществъ взаимопомощи и облегченія порядка открытія новыхъ обществъ постановлено выработать нормальный уставъ, въ который включить, между прочимъ, параграфъ о свободномъ допущеніи женщинъ въ число членовъ обществъ взаимопомощи на равныхъ съ мужчинами правахъ. Необходимость этого параграфа вызывается тѣмъ, что въ настоящее время во многихъ уставахъ вступленіе въ общества лицъ женскаго пола не предусмотрѣно, и всѣдствіе того имъ отказываютъ въ этомъ.

Всѣ остальные доклады, разсмотрѣнные на съѣздѣ, сводятся къ вопросу объ урегулированіи отношеній между хозяевами и служащими

и къ улучшенію быта служащихъ средствами, превышающими пока силы обществъ взаимопомощи.

По вопросу объ урегулированіи отношеній между хозяевами и служащими наиболѣе обстоятельный докладъ представленъ саратовскимъ обществомъ приказчиковъ. По мнѣнію общества, мѣры къ достиженію наиболѣе удовлетворительныхъ отношеній между хозяевами и служащими должны выразиться или въ устройствѣ общаго бюро съ отдѣленіями во всѣхъ существующихъ обществахъ, или учрежденіемъ мѣстнаго третейскаго суда, или, наконецъ, подчиненіемъ отношеній хозяевъ къ служащимъ правительственной инспекціи. Вопросъ, касающійся положенія служащихъ по отношенію къ хозяевамъ, замѣчаетъ саратовское общество, является весьма важнымъ. Въ большинствѣ случаевъ неустойчивое положеніе служащихъ заставляетъ ихъ выносить массу незаслуженныхъ обидъ отъ хозяевъ и подчиняться, въ силу необходимости, часто несправедливымъ требованіямъ хозяина изъ боязни потерять мѣсто и быть выброшеннымъ на улицу. Такое печальное положеніе и заставляетъ желать созданія такихъ органовъ, которые наблюдали бы за тѣмъ, чтобы требованія хозяевъ, предъявляемыя къ служащимъ, не выходили изъ предѣловъ законности. При обсужденіи даже этого вопроса раздавались голоса въ пользу самопомощи, или, вѣрнѣе, взаимопомощи. Ни третейскій судъ, ни правительственная инспекція, ни что-либо другое постороннее, какъ утверждали эти голоса, не въ состояніи урегулировать отношенія хозяевъ къ служащимъ такъ, какъ это было бы желательно для обѣихъ сторонъ; ненормальность отношеній въ силу различныхъ причинъ, какъ умственное и нравственное развитіе обѣихъ сторонъ, соціальныя и экономическія условія и проч.—долго еще, вѣроятно, останется таковой. Служащіе должны искать помощи не въ постороннемъ вмѣшательствѣ, а внутри своего класса, путемъ сплоченія въ цѣляхъ взаимопомощи. На развитіе дѣятельности обществъ взаимопомощи и должно быть обращено вниманіе.

Однако же съѣздъ пришелъ къ тому заключенію, что для благопріятнаго разрѣшенія вопроса необходимо правительственное вмѣшательство. Поэтому постановлено просить объ установленіи особой правительственной инспекціи, по образцу фабричной, въ формѣ, какую правительство найдетъ наиболѣе подходящей, для надзора за тѣмъ, чтобы эксплуатація труда служащихъ и вообще ихъ положеніе отличались большей законностью.

Вопросъ объ урегулированіи отношеній хозяевъ къ служащимъ вызвалъ еще нѣсколько связанныхъ съ нимъ постановленій. Такъ, постановлено просить правительство о томъ, чтобы хозяева обязательно выдавали своимъ служащимъ расчетныя книжки, въ которыхъ излагались бы условія найма, такъ какъ иначе, при наличности только словеснаго договора, недобросовѣстности хозяина при расчетѣ со служащими предоставляется слишкомъ широкій просторъ. Было указано

затѣмъ, что часто хозяева въ случаѣ даже незначительной болѣзни приказчика увольняютъ его отъ должности, не смотря на то, что здоровье свое приказчикъ разстроилъ на службѣ; затѣмъ въ случаѣ ликвидаціи торговыхъ дѣлъ служащіе увольняются обыкновенно безъ всякаго предварительнаго увѣдомленія и безъ всякаго вознагражденія, которое дало бы возможность просуществовать до пріисканія новаго мѣста. Въ виду многочисленности подобныхъ фактовъ постановлено ходатайствовать о томъ, чтобы правительство обязало хозяевъ, въ случаѣ болѣзни служащаго или ликвидаціи дѣлъ, удовлетворять служащихъ мѣсячнымъ жалованьемъ безъ ограниченія срока службы, послѣ котораго послѣдовала болѣзнь или ликвидація. Въ связи съ этимъ вопросомъ стоитъ и вопросъ о вознагражденіи служащихъ въ случаѣ увольненія отъ должности безъ достаточно уважительныхъ причинъ.

Выше было сказано, что «хозяйскій духъ» въ наиболѣе критическихъ мѣстахъ заставлялъ приказчиковъ оглядываться съ опаской по сторонамъ и умѣрять пылъ ихъ и безъ того скромныхъ и во всякомъ случаѣ вполнѣ законныхъ желаній. Особенно замѣтно этотъ «духъ» проявилъ себя при обсужденіи послѣдняго вопроса. Раздались голоса, что недобросовѣстными *могутъ быть* не одни только хозяева, но также и приказчики, что и хозяева будто бы угнетены произволомъ и недобросовѣстностью своихъ служащихъ, что поэтому и приказчиковъ не мѣшало бы немного обуздать, во всякомъ же случаѣ, памятуя все это, слѣдуетъ быть въ своихъ требованіяхъ поскромнѣе и поосторожнѣе и т. д., и т. под. Съѣздъ, однакоже, постановилъ ходатайствовать о томъ, чтобы правительство обязало хозяевъ вознаграждать служащихъ, увольняемыхъ безъ уважительныхъ причинъ, жалованьемъ въ размѣрѣ не менѣе мѣсячнаго, въ томъ случаѣ, если увольняемый прослужилъ не менѣе года.

Замѣтна была нѣкоторая доля робости и при обсужденіи вопроса о сокращеніи числа часовъ торговли. О докладѣ г. Курнина по этому вопросу было уже упомянуто. «Въ виду нынѣ существующей чрезмѣрной продолжительности рабочаго дня лицъ, служащихъ въ торгово-промышленныхъ предпріятіяхъ, и переутомленія непрерывнымъ трудомъ; въ виду моральнаго угнетенія, часто доводящаго до потери человѣческаго достоинства; въ виду невозможности при нынѣ существующихъ условіяхъ службы удовлетворять религіознымъ, семейнымъ и общегражданскимъ потребностямъ; въ виду невозможности посѣщать воскресныя школы и классы для общаго духовнаго развитія; въ виду подготовки необходимыхъ сотрудниковъ къ активному участію для подъема организаціи русской торговли и усовершенствованія торговыхъ пріемовъ, о чемъ старается нынѣ министерство финансовъ», въ виду всего этого докладчикъ предлагаетъ ходатайствовать предъ правительствомъ о повсемѣстномъ установленіи законодательнымъ порядкомъ 10-ти-часового рабочаго дня для лицъ, служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ. Не-

обходимость именно десятичасоваго рабочаго дня вытекаетъ изъ слѣдующаго расчета, основаннаго какъ на свойствахъ человѣческаго организма, такъ и на сравненіи съ продолжительностью рабочаго дня другихъ профессіональныхъ служащихъ: 8 ч. на сонъ, 2 ч. на обѣдъ, ужинъ и завтракъ, 4 ч. на переходы, отдыхъ, удовлетвореніе физическихъ и духовныхъ потребностей, для пріобрѣтенія профессіональныхъ познаній, а остальные 10 ч. для занятій. Расчетъ болѣе чѣмъ скромный. Другой докладчикъ—томское общество приказчиковъ—предлагаетъ ходатайствовать объ установленіи 12-ти-часового рабочаго дня. Основаніемъ для такого требованія выставлено то соображеніе, что въ Сибири почти повсемѣстно время производства торговли не превышаетъ 12 час., и никто—ни купцы, ни покупатели—отъ этого ни мало не страдаетъ. Собственно противниковъ сокращенія рабочаго дня приказчиковъ на съѣздѣ не нашлось ни одного, и пренія—весьма продолжительныя—велись, главнымъ образомъ, о томъ, слѣдуетъ ли просить правительство о сокращеніи рабочаго дня до извѣстной нормы,—до 10 или 12 ч. въ сутки, или же просить вообще объ ограниченіи числа часовъ торговли до нормы, какую правительство найдетъ возможной, принимая во вниманіе интересы не только приказчиковъ, но и хозяевъ, а также покупателей. Ходатайство постановлено въ послѣднемъ смыслѣ.

Наконецъ, по вопросу о воскресномъ отдыхѣ приняты слѣдующія резолюціи, предложенныя петербургскимъ обществомъ приказчиковъ:

1. Ходатайствовать установленнымъ порядкомъ предъ правительствомъ, чтобы жизненный для приказчиковъ и давно назрѣвшій вопросъ о праздничномъ отдыхѣ разрѣшенъ былъ законодательнымъ путемъ такъ, чтобы вовсе не производилось торговли въ воскресные дни и главнѣйшіе праздники.

2. Если не будетъ признано возможнымъ прекратить въ установленные праздники всякую торговлю, то ходатайствовать о производствѣ въ эти дни торговли лишь съѣстными припасами, въ опредѣленные, сообразно мѣстнымъ условіямъ, часы, не болѣе 4-хъ часовъ въ сутки.

3. Если правительствомъ не признано будетъ удобнымъ закрыть вообще ту или иную торговлю во весь день, то ходатайствовать о производствѣ въ установленные праздники торговли лишь въ теченіе 4-хъ часовъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, дабы дать возможность во время утренняго богослуженія сходить въ храмъ Божій, а затѣмъ свободное время посвятить на удовлетвореніе вообще духовныхъ потребностей.

4. Въ виду того, что вопросъ о праздничномъ отдыхѣ животрепещущій и насущный для огромнаго контингента лицъ частнаго служебнаго труда, и чѣмъ скорѣе послѣдуетъ благопріятное разрѣшеніе его, тѣмъ лучше, между тѣмъ окончательное разрѣшеніе его законодательнымъ путемъ не можетъ быть слишкомъ скорымъ,—было бы цѣлесообразно

обществамъ взаимопомощи теперь же возбудить предъ мѣстными городскими думами въ тѣхъ городахъ, гдѣ пока воскресный отдыхъ еще не установленъ, ходатайства объ ограниченіи праздничной торговли не болѣе, какъ четырьмя дневными, тѣми или другими, часами, смотря по мѣстнымъ условіямъ.

Вотъ почти все (остальные вопросы мало интересны), что было сдѣлано на съѣздѣ приказчиковъ. Можетъ быть, не особенно много сдѣлано, но нельзя сказать, чтобы и очень мало. Повторяемъ, что недостатокъ времени и вытекающая отсюда неподготовленность какъ членовъ съѣзда, такъ и его иниціаторовъ, новизна дѣла и почти полное отсутствіе какихъ-либо готовыхъ уже данныхъ, которыя давали бы возможность немедленнаго практическаго разрѣшенія того или иного вопроса, наконецъ, даже отсутствіе точныхъ указаній на размѣры полномочій съѣзда, вслѣдствіе чего, напр., члены съѣзда затруднялись, какимъ путемъ и куда слѣдуетъ представлять ходатайства, и поручали сдѣлать это отдѣльнымъ обществамъ взаимопомощи,—все это обстоятельства, весьма неблагопріятныя для успѣшности и продуктивности работъ съѣзда, и съ ними волей-неволей приходилось считаться. Поэтому большинство вопросовъ,—если не всѣ,—только намѣчены для разработки, только поставлены на очередь. Но они намѣчены въ общемъ весьма удачно. Печатный органъ, вопросъ о которомъ разрѣшенъ окончательно и осуществленіе котораго, вѣроятно, не встрѣтитъ никакихъ препятствій, еще болѣе поможетъ всестороннему выясненію нуждъ служащаго люда, о которыхъ заявлено было на съѣздѣ, еще болѣе укрѣпитъ связь между обществами взаимопомощи и стремленіе служащаго люда къ объединенію и установленію ихъ классоваго самосознанія, начало которыхъ было положено на съѣздѣ. Совершенно вѣрно говорилось въ заключительныхъ рѣчахъ на съѣздѣ, что онъ составитъ начало новой эпохи въ жизни обществъ взаимопомощи, такъ какъ раньше каждое изъ нихъ работало отдѣльно отъ другихъ, боролось собственными ограниченными средствами, теперь же силы ихъ сольются въ одинъ общій потокъ, который рано или поздно смоетъ своимъ теченіемъ самыя вопіющія изъ золъ, отравляющихъ жизнь «маленькаго» человѣка.

Отмѣтимъ въ заключеніе два факта: дружную, согласную работу членовъ съѣзда, одушевленныхъ надеждой на то, что этотъ съѣздъ ихъ не послѣдній и правильное отношеніе съѣзда къ печати и ея представителямъ. Печать рѣдко вообще удостоивается признанія своихъ заслугъ и своихъ даже правъ на существованіе со стороны общественныхъ дѣятелей и разныхъ учрежденій, напротивъ ее больше гонятъ и третируютъ, чѣмъ признаютъ и уважаютъ. И въ томъ же, напр., Нижнемъ-Новгородѣ на пожарномъ съѣздѣ можно было наблюдать возмутительную картину, какъ нѣкоторые члены этого съѣзда во главѣ съ своимъ предсѣдателемъ топали ногами и чуть не съ пѣной у рта

кричали, что они «обуздаютъ» и «упекутъ», вообще уничтожатъ одну мѣстную газету за то, что та «осмѣлилась» отмѣтить смѣшную сторону излишне параднаго блеска и треска при открытіи съѣзда. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ отмѣтить вниманіе и уваженіе къ печати, выказанное распорядителями приказчичьяго съѣзда и въ рѣчахъ его членовъ. Будущій съѣздъ, если онъ будетъ разрѣшенъ, соберется въ Москвѣ, въ іюнѣ—іюлѣ будущаго года. Позволимъ себѣ выразить надежду, что къ разрѣшенію его не встрѣтится никакихъ препятствій. Тогда работы настоящаго съѣзда не останутся безплодными, а связь и объединеніе обществъ взаимопомощи не оборвутся въ самомъ началѣ

Д. Д.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

Періодическая печать на Кавказѣ [1]).

Возникновеніе русской періодической печати на Кавказѣ относится къ 1828 г., когда въ Тифлисѣ была основана первая частная газета «Тифлисскія Вѣдомости». Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ среди кавказской администраціи назрѣла мысль о необходимости офиціальнаго изданія, которое и возникло въ 1836 г. въ видѣ газеты «Закавказскій Вѣстникъ», носившей характеръ, обычно присущій большинству губернскихъ вѣдомостей. Обѣ эти газеты не удовлетворяли настоятельной потребности въ періодическомъ изданіи, а потому въ средѣ мѣстной интеллигенціи постепенно зрѣла мысль объ основаніи большой, солидно поставленной газеты. Больше другихъ хлопоталъ о ней чиновникъ особыхъ порученій кавказскаго намѣстничества О. П. Константиновъ, нашедшій въ лицѣ князя М. С. Воронцова горячую поддержку своей мысли. Благодаря этой энергичной поддержкѣ, газета, подъ названіемъ «Кавказъ», возникла въ теченіе нѣсколькихъ недѣль и сразу обратила на себя вниманіе. Уже во второй годъ существованія «Кавказа», первый № котораго вышелъ 5-го января 1846 г., его замѣтилъ Бѣлинскій, нашедшій изданіе «неоцѣнимо» важнымъ «въ двухъ отношеніяхъ: Съ одной стороны,—писалъ онъ,—это изданіе, по своему содержанію столь близкое сердцу даже туземнаго народонаселенія, распространяетъ между ними образованныя привычки и понятія и даетъ возможность грубыя средства замѣнять полезными и благородными; съ другой стороны, газета «Кавказъ» знакомитъ Россію съ самымъ интереснымъ и наименѣе знакомымъ ей краемъ, входящимъ въ ея составъ. Вѣрная своему спеціальному назначенію, эта газета вполнѣ достигаетъ своей цѣли: ея содержаніе — неисчерпаемый запасъ матерьяловъ для исторіи, географіи, статистики и этнографіи Кавказа». Всѣ занимавшіеся разработкой мѣстныхъ кавказскихъ вопросовъ прекрасно знаютъ, что газета «Кав-

[1]) Мы печатаемъ эту интересную по фактическому содержанію статью, не раздѣляя взглядовъ автора на задачи провинціальной печати. *Ред.*

казъ» сороковыхъ годовъ служитъ для нихъ обильнѣйшимъ источникомъ очень цѣнныхъ свѣдѣній и матерьяловъ. Съ появленіемъ «Кавказа» много улучшился и «Закавказскій Вѣстникъ», но, какъ исключительно офиціальный органъ, онъ не получилъ распространенія и въ 1856 г. прекратился окончательно. Съ этого времени обязательные подписчики «Вѣстника» и такія же объявленія его перешли къ «Кавказу», который, благодаря этому, получилъ полуофиціальный характеръ, обезпечилъ себя опредѣленнымъ доходомъ и постепенно потерялъ свои прежнія достоинства и свое прежнее значеніе.

Кавказская интеллигенція неоднократно пыталась заполнить пробѣлъ, образовавшійся съ упадкомъ «Кавказа». Благодаря этому, въ семидесятыхъ годахъ возникли новыя изданія: въ Закавказьѣ—«Обзоръ», а на Сѣверномъ Кавказѣ—«Терекъ» и «Кубань». Всѣ эти изданія, отличавшіяся дѣйствительной порядочностью и честностью направленія, просуществовали недолго и погибли, большею частью, по независящимъ отъ редакцій обстоятельствамъ. Такимъ же образомъ былъ пріостановленъ и юмористическій журналъ «Фаланга», причинявшій не мало хлопотъ мѣстной администраціи. На смѣну серьезнымъ изданіямъ выступилъ въ восьмидесятыхъ годахъ рядъ новыхъ. Въ 1883 г. основано было «Юридическое обозрѣніе», а въ Ставрополѣ-Кавказскомъ явился «Сѣверный Кавказъ». Первое изданіе скоро прекратилось, а послѣднія существуютъ до настоящаго времени. Къ нимъ присоединились въ 1895 г. «Черноморскій Вѣстникъ», издающійся въ Батумѣ, и «Казбекъ», возникшій на смѣну «Терека» въ Владикавказѣ.

Такимъ образомъ, по числу частныхъ газетъ, издающихся только на русскомъ языкѣ, Кавказъ занимаетъ среди нашихъ окраинъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Это нисколько неудивительно. Если мы вспомнимъ, какую массу чисто научныхъ и практическихъ данныхъ таитъ въ себѣ Кавказскій край, то скорѣе нужно будетъ удивляться недостатку, чѣмъ обилію въ немъ періодическихъ изданій. Крайнее разнообразіе климатическихъ условій и природныхъ богатствъ, полная «смѣсь племенъ, нарѣчій, состояній», многочисленные остатки интереснѣйшихъ для соціологіи архаическихъ формъ общежитія и этнографическихъ особенностей, неисчерпаемый источникъ матерьяловъ для исторіи, географіи, сравнительнаго языковѣдѣнія, и проч., и проч.—все это дѣлаетъ изъ Кавказа такой исключительно интересный край, который въ состояніи доставить матерьяловъ на цѣлую сотню періодическихъ изданій, а не на одинъ, да и то не полный, десятокъ ихъ. Но этими матерьялами, по преимуществу научнаго характера, далеко не исчерпывается все то, чѣмъ должна и можетъ интересоваться кавказская пресса. Кавказскій край живетъ и управляется совершенно изолированно отъ остальной Россіи, въ немъ дѣйствуютъ исключительные законы, податная система въ немъ сохранила всѣ слѣды персидскаго и турецкаго господства (подымное обложеніе, ашарные сборы и т. п.), земскихъ учрежденій нѣтъ, даже земскіе сборы введены не повсемѣстно, судъ дѣйствуетъ на ряду съ административнымъ осужденіемъ и съ примитивнымъ горскимъ судомъ, національная вражда сказывается на каждомъ шагу, произволъ отдѣльныхъ личностей не имѣетъ ничего подобнаго на другихъ окраинахъ государства, разбойничество

пустило глубокіе корни, взяточничество, лихоимство, мздоимство и прочія принадлежности дореформеннаго быта средней Россіи встрѣчаются на каждомъ шагу и по временамъ дѣлаютъ невозможнымъ всякое практическое дѣло въ краѣ. При такихъ условіяхъ быта, кавказской печати предстоитъ высокая задача не только собирать и разработывать научные матерьялы, но и неустанно раскрывать язвы мѣстной жизни и разработывать вопросы реорганизаціи общаго благоустройства.

Сознаетъ ли кавказская періодическая печать такія высокія задачи свои?

Повидимому, да. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по поводу слуховъ о возникающемъ въ Владикавказѣ новомъ изданіи, кавказская пресса заговорила объ общихъ задачахъ своихъ. Одна изъ мѣстныхъ газетъ, сообщивъ, что вновь возникающая газета будетъ составляться по образцу столичныхъ со всѣми обычными въ послѣднихъ отдѣлами, замѣчала, что, по ея мнѣнію,

«въ стремленіи сдѣлать изъ провинціальной газеты такую, которая могла бы замѣнить столичныя, заключается глубокая ошибка. При современной дешевизнѣ столичныхъ изданій, провинціальныя не могутъ конкуррировать съ ними... ни со стороны содержанія, ни со стороны формы изложенія провинціальная газета не можетъ замѣнить столичныхъ... Между тѣмъ въ жизни нашего родного края происходитъ такъ много интереснаго, не только еще не разработаннаго, но даже еще и не затронутаго ни мѣстною, ни столичною печатью, что можетъ доставить обильный матерьялъ для какой угодно газеты» («Терск. Вѣд.» 1891 г., № 8).

На вопросъ о томъ, что же можетъ считаться наиболѣе интереснымъ для мѣстной газеты, отвѣчаетъ другой авторъ. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, что въ такомъ малоизвѣстномъ краѣ, какъ Кавказъ,

«всякое слово идетъ въ строку. Всякое изслѣдованіе въ области географіи, естественно-историческихъ и др. наукъ имѣетъ свое значеніе. Но главное вниманіе изслѣдователя должна привлекать къ себѣ соціальная сторона жизни, какъ ближайшая и важнѣйшая для насъ. Историческія, этнографическія, статистико-экономическія и т. п. изслѣдованія особенно важны въ настоящее время, тѣмъ болѣе, что многое изъ того, что еще возможно констатировать въ области ихъ теперь, исчезнетъ въ самомъ близкомъ будущемъ. Поэтому мы придаемъ особое значеніе всему этому. Но преимущественное вниманіе должны привлекать къ себѣ явленія экономическія».

Отмѣтивъ затѣмъ необходимость свѣжихъ и правдивыхъ мѣстныхъ новостей въ газетѣ, тотъ же авторъ продолжаетъ:

«главная цѣль и задача провинціальнаго періодическаго изданія заключается, разумѣется, не въ новостяхъ.. Болѣе сложнымъ и важнымъ необходимо признать отдѣлъ корреспонденцій и статей изъ мѣстной жизни. Корреспонденціи имѣютъ серьезное значеніе потому, что раскрываютъ намъ жизнь настоящихъ медвѣжьихъ угловъ и даютъ возможность обратить вниманіе на нужды массы населенія» и т. д.

Въ концѣ прошлаго года въ Тифлисѣ надѣлалъ большого шума литературный процессъ, возникшій по жалобѣ нѣкоего частнаго повѣреннаго г. Плющевскаго на бывшаго редактора «Новаго Обозрѣнія», г. Успенскаго, будто бы оклеветавшаго его въ печати. Вся вина г. Успенскаго заключалась въ томъ, что онъ помѣстилъ коротенькую замѣтку, въ которой сообщалось о самоубійствѣ нѣкоего Мани, застрѣлившагося вслѣдствіе того, что Плющевскій передалъ исполнительный листъ на Мани, въ суммѣ 850 р., третьему лицу, которое описало все

его имущество и даже не принадлежавшія ему вещи. Фактъ этотъ въ свое время былъ общеизвѣстнымъ и вызвалъ не мало не лестныхъ для г. Плющевскаго толковъ. Г-на Успенскаго 8 лѣтъ тягали по судамъ и, наконецъ, присудили и къ штрафу, и къ аресту. За что? «Мы,—говорилъ на судѣ г. Успенскій,—не выходили изъ границъ, отведенныхъ намъ и нашей дѣятельности какъ закономъ, такъ и общественнымъ мнѣніемъ. Мы дали нашимъ читателямъ объективное изложеніе фактовъ», которые подтверждаемъ и теперь. Впрочемъ, и подтверждать ихъ нѣтъ надобности, потому что они извѣстны всѣмъ. Но судъ все-таки вынесъ обвинительный приговоръ. На него откликнулись горячими статьями почти всѣ кавказскія газеты. Забывъ взаимныя распри, всѣ онѣ заговорили объ обязанности прессы обличать такихъ господъ, какъ Плющевскій, о благородномъ поведеніи Успенскаго, не отрекшагося отъ сообщеннаго имъ факта, не смотря на то, что Плющевскій не хотѣлъ осужденія обвиняемаго, лишь бы только онъ сознался, что «введенъ былъ въ заблужденіе». Но Успенскій этого не сдѣлалъ, не покривилъ душой передъ правдой, онъ

«вышелъ съ честью изъ тяжелыхъ и даже соблазнительныхъ обстоятельствъ. Велика его заслуга,—говоритъ фельетонистъ «Каспія», г. Гедеоновъ,—передъ всей нашей печатью, передъ всѣми нами, литературными работниками: онъ ободрилъ насъ, укрѣпилъ нашу вѣру въ самихъ себя... и за это исполать ему»... («Каспій» 1896 г., № 256).

Въ не менѣе горячихъ выраженіяхъ привѣтствовали г. Успенскаго въ «Кавказѣ» Ханели и другіе авторы въ остальныхъ изданіяхъ. Очевидно, кавказская пресса и въ этой области хорошо понимаетъ свои задачи. Но исполняетъ ли она ихъ? Обратимся къ фактамъ.

Кавказскія газеты несомнѣнно имѣютъ свои мѣстныя особенности, свою физіономію. Но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя изъ нихъ слишкомъ много желаютъ быть похожими на столичныя изданія. Особенно грѣшатъ въ этомъ отношеніи тифлисскія большія газеты: «Кавказъ» и «Новое Обозрѣніе», а также «Сѣверный Кавказъ» и «Черноморскій Вѣстникъ». Въ первой, впрочемъ, перемѣнилась редакція. Новый редакторъ ея, г. Величко, повидимому, нѣсколько иначе смотритъ на дѣло, чѣмъ предшественникъ его, г. Милютинъ: въ № 1-мъ газеты г. Величко пишетъ, что одной изъ серьезнѣйшихъ государственныхъ и общественныхъ задачъ онъ ставитъ

«заботливое, любовное огражденіе древнихъ, самобытныхъ нравственныхъ устоевъ мѣстной жизни и раціональное приспособленіе ихъ къ новому для нихъ содержанію русской государственности.

Сложную задачу взаимнаго культурнаго сближенія, на началахъ равенства и братской любви, русскіе люди могутъ выполнять только во всеоружіи знакомства съ мѣстными условіями,—и въ данномъ случаѣ я возлагаю надежду на кавказскихъ сотрудниковъ, соединяющихъ знаніе и опытъ съ тою сердечною чуткостью, которая зачастую опережаетъ знаніе и опытъ и придаетъ имъ творческую силу. Пускай текутъ изъ разныхъ источниковъ, по разнымъ извилинамъ и склонамъ жизни, струйки взаимнаго пониманія и симпатіи. А днемъ полной побѣды для всѣхъ, желающихъ добра нашему краю, будетъ тотъ день, когда всѣ эти струйки, слабыя порознь и незамѣтныя порою, объединятся и сольются въ могучій благотворный потокъ, способный преодолѣть не только активное зло, но даже общественное равнодушіе».

Насколько выполнитъ эти задачи новая редакція «Кавказа»—сказать трудно,

но, несомнѣнно, она стремится къ этому. «Новое Обозрѣніе» шло всегда этимъ же путемъ, но оно увлекалось и увлекается общими отдѣлами газеты. Просматривая одни декабрьскіе и январскіе номера этого изданія, мы находимъ въ немъ и обширныя «петербургскія письма», и фельетоны «съ береговъ Темзы», и журнальныя обозрѣнія, и критическіе очерки, и литературные фельетоны вплоть до стихотвореній включительно. Если къ этому прибавить обычные отдѣлы столичныхъ газетъ: заграничныя извѣстія, телеграммы, общую хронику, обозрѣніе газетъ и журналовъ, то въ общемъ получится, что большая половина газеты наполняется такими же матерьялами, какъ и петербургскія изданія. Для читателей, не получающихъ ничего, кромѣ мѣстной газеты, всѣ такіе матерьялы могли бы появляться въ болѣе сжатомъ видѣ, подобно тому, какъ печатаютъ ихъ еженедѣльныя изданія. «Новое Обозрѣніе», увлекаясь въ этомъ случаѣ общимъ примѣромъ, нѣсколько портитъ то, въ общемъ пріятное, впечатлѣніе, которое, несомнѣнно, оставляетъ оно въ читателяхъ, съ интересомъ слѣдящихъ за разработкой мѣстныхъ общественныхъ вопросовъ и за общимъ честнымъ его направленіемъ. Но если «Новому Обозрѣнію», принадлежащему къ числу относительно большихъ ежедневныхъ изданій и дающему въ общемъ много матерьяла, еще возможно увлекаться сообщеніемъ свѣдѣній по всѣмъ рубрикамъ столичныхъ газетъ, то маленькому «Сѣверному Кавказу», выходящему только два раза въ недѣлю, такія увлеченія причиняютъ только ущербъ: выкропивъ добрую половину своего текста на телеграммы, внѣшнія извѣстія и т. п. отдѣлы, это крошечное изданіе, нѣсколько лѣтъ тому назадъ бывшее однимъ изъ лучшихъ кавказскихъ изданій, вынуждено помѣщать всѣ матерьялы мѣстной жизни на остальныхъ 6—7-ми столбцахъ листа малаго газетнаго формата. Такому же примѣру слѣдуетъ и «Черноморскій Вѣстникъ», издающійся въ Батумѣ. По нашему убѣжденію, выходящій въ Владикавказѣ три раза въ недѣлю «Казбекъ» поступаетъ гораздо основательнѣе, совершенно исключивъ изъ своей программы заграничныя извѣстія, благодаря чему онъ имѣетъ возможность посвящать свои страницы болѣе близкимъ и насущнымъ дѣламъ и интересамъ.

Въ области этихъ мѣстныхъ дѣлъ нѣкогда пальма первенства принадлежала «Кавказу», печатавшему много статей по исторіи края, географіи, этнографіи и т. д. Въ концѣ восьмидесятыхъ и въ девяностыхъ годахъ «Кавказъ» давалъ въ этомъ отношеніи уже очень немного. Его значеніе, какъ органа, посвященнаго научной разработкѣ мѣстныхъ матерьяловъ, въ значительной мѣрѣ перешло къ другимъ кавказскимъ официальнымъ изданіямъ—къ «Терскимъ Вѣдомостямъ» и къ «Кубанскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ». Новая редакція «Кавказа» подаетъ надежду возстановить прежнее значеніе его, но выполнитъ ли она эту задачу или нѣтъ—объ этомъ судить пока преждевременно. Изъ остальныхъ газетъ, постоянный отдѣлъ, посвященный одной изъ мѣстныхъ особенностей—нефтяному дѣлу, имѣетъ только «Каспій». Онъ издается ежедневно въ самомъ крупномъ послѣ Тифлиса городскомъ центрѣ Кавказа — въ Баку, жизнь малыхъ и большихъ людей котораго тѣсно связана съ нефтяными дѣлами. Отдѣлъ этотъ ведется въ «Каспіѣ» очень недурно и толково. Нефтяное дѣло на Апшеронскомъ полуостровѣ сдѣлалось интернаціональнымъ дѣломъ, а потому «Каспій» выработался въ органъ, чуж-

дый всякихъ національнизмовъ. Въ этомъ отношеніи онъ составляетъ на Кавказѣ явленіе довольно рѣдкое. Другихъ статей, посвященныхъ, кромѣ нефтянаго дѣла, разработкѣ мѣстныхъ естественно-историческихъ и другихъ особенностей, въ немъ немного. Въ этомъ отношеніи небогато и «Новое Обозрѣніе», въ которомъ такія статьи, какъ «Этнографическіе очерки Сванетіи», печатаются не часто. Но «Новое Обозрѣніе» имѣетъ другія заслуги. Оно много занимается различными проявленіями мѣстной общественной, преимущественно городской жизни: печатаетъ обстоятельные отчеты думскихъ засѣданій, собраній кредитнаго общества, юридическаго общества, географическаго, сельскохозяйственнаго и другихъ. Оно посвящало статьи вопросамъ о признаніи сословныхъ правъ горцевъ, о дворянскихъ дѣлахъ, о введеніи на Кавказѣ земскихъ учрежденій и т. п. Въ этой же области заслуживаетъ вниманія и «Казбекъ», давшій интересныя статьи о народномъ театрѣ, о чтеніяхъ въ тюрьмахъ и др. Не меньшія заслуги въ томъ же отношеніи имѣетъ и самая распространенная на Кавказѣ газета «Тифлисскій Листокъ», редактируемая довольно бойко и не безъ таланта. Она, пожалуй, демократизировалась больше другихъ изданій и чаще ихъ останавливается на интересахъ меньшей братіи. «Новое Обозрѣніе» и «Тифлисскій Листокъ» имѣютъ довольно обширный отдѣлъ корреспонденцій и ведутъ ихъ очень недурно. При недостаткѣ интеллигентныхъ силъ въ глухой провинціи, организовать отдѣлъ корреспонденцій не легко, и въ этомъ отношеніи обѣ газеты имѣютъ немаловажныя заслуги. Но при всемъ томъ, какъ эти газеты, такъ и другія въ общемъ мало занимаются интересами массы населенія и его нуждами, предпочитая имъ, очевидно, жизнь культурныхъ слоевъ. Экономическое положеніе крестьянъ и горцевъ, ихъ податная платежеспособность, ихъ хозяйственныя нужды, состояніе хозяйства, общественное устройство и бытъ въ общемъ очень недостаточно привлекаютъ вниманіе кавказскихъ газетъ. Даже такой крупный вопросъ, какъ вопросъ о земскихъ учрежденіяхъ на Кавказѣ, обсуждался и дебатировался мѣстной прессой не въ той подробности и не съ тѣмъ постоянствомъ, какого заслуживаетъ онъ по своему значенію для всего населенія. Въ области экономическаго положенія наиболѣе обездоленной части населенія мы не припомнимъ за весь декабрь мѣсяцъ интересныхъ и крупныхъ статей, кромѣ развѣ статьи «Тифлисскаго Листка» о положеніи машинистовъ и ихъ помощниковъ на Закавказской желѣзной дорогѣ (№ 289) и отчасти печатавшагося тамъ же очерка «На марганцѣ» (№ 297 и 298). Въ этой части «Новое Обозрѣніе» предпочитаетъ или такія статьи, какъ «Коджорская желѣзная дорога» (№ 4445) и «Городскія станціи и транспортныя конторы желѣзныхъ дорогъ» (№№ 4450 и 4456), въ сущности имѣющія очень малое отношеніе къ массѣ населенія, или же статьи слишкомъ общаго характера, какъ «о производительности труда» (№ 4459) и т. п. Разумѣется, помѣщеніе статей послѣдняго рода очень важно и желательно, но въ провинціальной прессѣ онѣ должны имѣть иное значеніе: ими, по возможности, должны освѣщаться соотвѣтствующіе факты мѣстной жизни. Поэтому собираніе, систематизація и разработка послѣднихъ должны составлять одну изъ наиболѣе почтенныхъ задачъ мѣстной прессы.

Кавказскія газеты не игнорируютъ и вопросовъ административнаго управленія

краемъ. Больше другихъ отводитъ имъ мѣста «Новое Обозрѣніе». Изъ статей этой газеты за послѣднее время отмѣтимъ тѣ, которыя касаются переводчиковъ при полицейскихъ и административныхъ учрежденіяхъ (№ 4448 и др.), переселенческаго управленія (№ 4453), борьбы съ непатентованной адвокатурой (№ 4462) и др. «Казбекъ» печаталъ небезъинтересныя статьи о городскомъ хозяйствѣ (№№ 147 и 155 и др.), въ которыхъ указывалъ на необходимость отказаться отъ концессіоннаго способа устройства самыхъ доходныхъ предпріятій нашихъ городовъ. Въ «Сѣверномъ Кавказѣ» встрѣчаемъ не лишенныя интереса статьи и замѣтки о сельскихъ бюджетахъ и народномъ образованіи, о юридической безпомощности крестьянъ (№№ 99, 100) и др. О кавказскомъ разбойничествѣ и той административной неурядицѣ, которая отмѣчалась столичной прессой, въ кавказскихъ газетахъ было немного самостоятельныхъ статей. Газеты эти ограничивались въ большинствѣ случаевъ перепечатками.

Вообще обличительная часть кавказской прессы оставляетъ желать многаго.

Мы не можемъ поставить ей всецѣло этого въ вину, потому что кавказская пресса въ этомъ отношеніи находится въ такихъ же тяжелыхъ условіяхъ, какъ и остальная провинціальная печать. Первые попавшіеся подъ руку шесть номеровъ «Каспія» въ достаточной мѣрѣ уясняютъ эти условія. Въ первомъ изъ этихъ номеровъ (256-мъ) находимъ изложеніе отмѣченнаго выше вопіющаго дѣла по обвиненію г. Плющевскимъ бывшаго редактора «Нов. Обозрѣнія» г. Успенскаго. Въ слѣдующемъ № (258) читаемъ: «Независящія отъ редакціи обстоятельства помѣшали напечатанію доставленныхъ мною матерьяловъ для кассаціонной жалобы по дѣлу Сафаръ Аліева»... и т. д. «Независящія обстоятельства» слишкомъ извѣстны нашей читающей публикѣ, чтобы объяснять значеніе ихъ. Еще черезъ нѣсколько номеровъ (262) находимъ «письмо въ редакцію», опровергающее дѣйствительно существующій фактъ замедленій доставки товаровъ по желѣзной дорогѣ. Итакъ, въ трехъ номерахъ изъ шести констатированы многія изъ тѣхъ средствъ, которыя установлены съ спеціальной цѣлью сломить гражданское мужество «писакъ», берущихъ на себя задачи обличенія. Здѣсь есть и официальное опроверженіе, и «независящія обстоятельства» и судъ, присуждающій къ тяжкому наказанію за сообщеніе всѣмъ извѣстнаго факта. Извѣстны и другія средства, практикующіяся на Кавказѣ (съ той же цѣлью заставить «газетчика» замолчать) едва ли не въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Средства эти—кулачная и палочная расправы, а также закулисная интрига у власть имущихъ. Нельзя сомнѣваться, что существованіе этихъ средствъ, на ряду съ отсутствіемъ, въ силу закона, безцензурныхъ провинціальныхъ изданій, создаютъ для нихъ особенно неблагопріятныя условія, въ значительной мѣрѣ препятствующія какъ правильному развитію и постановкѣ обличительной части газетъ, такъ и свободному обсужденію тѣхъ административныхъ порядковъ, при которыхъ благодатный и изобильный Кавказъ лишенъ личной безопасности для своихъ жителей и играетъ второстепенную роль въ общей производительности страны.

Повидимому, тѣ же условія выработали здѣсь особый видъ обличительной литературы. Вы встрѣчаете, напримѣръ, въ «Каспіѣ» описаніе частной школы

и ея содержательницы. Какъ школа, такъ и лица не названы, но онѣ характеризованы въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Содержательница школы—это истинный Китъ Китычъ въ юбкѣ, обирающій родителей учащихся дѣтей и беззастѣнчиво эксплуатирующій учащій персоналъ. Замѣтка эта производитъ сенсацію, такъ какъ описанная въ ней особа узнаетъ себя и всѣ узнаютъ ее. Газету упрекаютъ, что она не назвала именъ. Но «Каспій» не смущается.

«Зачѣмъ мы,—говоритъ онъ,—будемъ выставлять на публичное позорище человѣка, котораго мы не знаемъ и въ комъ мы не можемъ предполагать коренной нравственной испорченности? Зачѣмъ мы будемъ вредить ему, когда, напротивъ, подозрѣваемъ, что онъ можетъ и способенъ исправить свои ошибки, когда мы думаемъ, что онъ найдетъ въ себѣ силы сознать, что указанное нами нехорошее и нечестное справедливо, не хорошо и не честно? Человѣкъ, совершившій подлость—еще не подлецъ; только цѣлый рядъ безчестныхъ поступковъ характеризуетъ его. И намъ нѣтъ нужды, чтобъ его узнавали другіе. Мы стремимся къ тому, чтобы онъ самъ себя узналъ—не болѣе. Но виноваты ли мы, что изображеніе частичной дѣятельности его, еще до насъ, извѣстно было публикѣ настолько, что, прочтя нашу замѣтку, она сказала: это не объ Иванові, о Петровѣ или Сидоровѣ,—а это вотъ о комъ, и пальцами стала указывать не на первыхъ трехъ, а на этого послѣдняго.»

Газета идетъ дальше и утверждаетъ, что

«если бъ даже измѣнились статьи о диффамаціи и клеветѣ, если бъ даже слова «газета» и «газетчикъ» перестали быть жупельными, если бъ каждый воръ, лихоимецъ, попуститель не чувствовали за собой прискорбнаго для насъ права «вчинить» противъ насъ преслѣдованія, если бъ ежеминутно намъ не грозили со всѣхъ сторонъ, потрясая мечомъ Ѳемиды, то и въ этомъ даже случаѣ намъ, въ большинствѣ примѣровъ, нѣтъ нужды называть имена. Ибо, повторяемъ, мы не преслѣдуемъ ихъ, мы не требуемъ возмездія имъ, мы не призываемъ громовъ на головы людей, не совсѣмъ еще погибшихъ, не опустившихся еще безповоротно, не окончательно испорченныхъ...» (№ 268).

Почтенная газета забываетъ, что, кромѣ добросовѣстныхъ обличеній, въ печать могутъ проникнуть и клевета, и неточно объясненные факты. Въ такихъ случаяхъ не всякій, узнанный обществомъ, самъ узнаетъ себя, а узнавъ, не всякій рѣшится публично опровергнуть клевету и инсинуацію. При такихъ пріемахъ обличенія можетъ развиться шантажъ, а не честное и прямое обличеніе, въ которомъ такъ нуждается печать и которое несомнѣнно получитъ развитіе, если каждому вору и лихоимцу не будетъ предоставлено право потрясать «мечомъ Ѳемиды» по поводу доказанныхъ и извѣстныхъ фактовъ.

Не смотря на указанные недостатки, въ общемъ необходимо признать, что кавказская печать стоитъ несравненно выше многихъ другихъ провинціальныхъ періодическихъ изданій и, въ предѣлахъ возможности и наличности интеллигентныхъ силъ, весьма удовлетворительно исполняетъ свое не легкое дѣло. Пожелаемъ ей въ заключеніе дальнѣйшаго развитія и преуспѣянія на почвѣ разработки и правильнаго освѣщенія тѣхъ общественныхъ нуждъ массы населенія, отъ удовлетворенія которыхъ зависитъ экономическое благосостояніе всего народа и быстрый, непрерывный культурный ростъ его.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Изъ г. Кириллова (Новгородской губ.).

Прошлымъ лѣтомъ мною пройденъ былъ сѣверо-восточный край нашего уѣзда; осмотрѣны многіе уголки этого края, расположенные вокругъ озера Чарондскаго (или Воже). Цѣль прогулки имѣла очень отдаленную связь съ жизнью мѣстнаго населенія; но, когда путешествуешь, не закрывая глазъ на окружающія явленія, наиболѣе яркія изъ нихъ, къ какой бы области они ни принадлежали, невольно оставляютъ глубокій слѣдъ въ памяти и будятъ мысль наблюдателя. Пройденная часть уѣзда составляетъ одну изъ самыхъ глухихъ трущобъ не только въ уѣздѣ, но и во всей губерніи. Такъ, всѣ мѣстности, лежащія за озеромъ, три мѣсяца въ году бываютъ оторваны отъ всего культурнаго міра: ни туда попасть, ни оттуда выбраться нельзя изъ-за осенней и весенней распутицъ; озеро, единственный водный путь сообщенія, становится недоступнымъ отъ бурь, болота (а ихъ много около озера) превращаются въ непролазныя топи. Только на послѣднемъ уѣздномъ земскомъ собраніи рѣшено было соединить Зачарондье съ центромъ уѣзда постоянною дорогою южнѣе озера по Пялнобойскому болоту. Рѣчь объ этой дорогѣ идетъ въ нашемъ земствѣ уже много лѣтъ, а пока дорога еще устроится, до послѣднихъ дней дѣло обстоитъ такъ, что весной и осенью зачарондскіе обыватели должны безвыѣздно сидѣть въ своихъ углахъ; не проникаютъ къ нимъ ни письма, ни газеты, и всякое движеніе къ центру уѣзда для цѣлей купли-продажи прерывается. Такое положеніе края является удобнымъ къ развитію въ немъ кулачества, что и есть на самомъ дѣлѣ.

Кирилловскій уѣздъ отличается обиліемъ лѣсовъ [1]), а сѣверо-восточный уголъ его (Чарондскій край)—настоящее царство лѣса. Тамъ на цѣлые десятки верстъ не встрѣчается жилья; по равнинамъ, изрѣдка холмамъ, тянется строевой хвойный лѣсъ (ель, сосна, какъ рѣдкость—пихта), принадлежащій удѣльному вѣдомству. Много также обширныхъ болотъ, особенно поближе къ Чарондскому озеру. Селенія разбросаны среди лѣсовъ и болотъ въ видѣ культурныхъ оазисовъ около озеръ и по рѣкамъ; каждый оазисъ носитъ особое мѣстное названіе (Ротковецъ, Шалга, Патшевара и пр.), большинства которыхъ на картахъ не найдется. Центромъ оазисовъ, состоящихъ обыкновенно изъ 10 — 20 селеній, служитъ волостное правленіе, также погостъ,—нерѣдко оба вмѣстѣ.

Въ населеніи среди мѣстныхъ дебрей замѣтны нѣкоторыя черты, уцѣлѣвшія отъ добраго стараго времени. Этнографъ нашелъ бы здѣсь не мало матерьяла для характеристикъ народной жизни, далекой отъ благъ цивилизаціи. Такъ, каждый путешественникъ становится здѣсь объектомъ порой надоѣдливыхъ наблюденій со стороны лѣсного жителя. Какою бы работою ни былъ занятъ крестьянинъ,—пахотою, сѣнокосомъ, рубкой лѣса,—завидѣвъ постороннее лицо, онъ бросаетъ свое дѣло, стоитъ, какъ вкопанный, и неподвижнымъ взглядомъ прово-

[1]) Лѣса въ уѣздѣ занимаютъ 84,5 проц. всей поверхности.

жаетъ путника до тѣхъ поръ, пока тотъ скроется изъ вида. При встрѣчахъ на дорогахъ васъ непремѣнно остановятъ вопросомъ: «*чей ты?*» Этотъ вопросъ задаютъ мужики, бабы, взрослые и даже дѣти. Когда мужику сумѣете отвѣтить на вопросъ о своей принадлежности лицу или учрежденію, начинается рядъ другихъ вопросовъ и постоянно по одной и той же программѣ: откуда, зачѣмъ ходишь, женатъ или холостой, сколько получаешь жалованья, есть ли дѣти и т. д., и т. д. Иногда, измученный лѣтней жарою и продолжительной ходьбою, на запросъ—«чей ты?», не желая точить балясы на неизмѣнно однообразную тему, отвѣтишь: «божій да государевъ»; «и то дѣло»—слышится въ отвѣтъ, и дальнѣйшіе разспросы прекращаются. Въ наиболѣе глухихъ оазисахъ можно наблюдать первобытную простоту. Лѣтомъ, когда изъ деревни всѣ уходятъ въ поле, домовъ на замокъ не запираютъ, только наружную дверь подпираютъ колышкомъ или полѣномъ въ знакъ того, что дома никого нѣтъ. Когда я выразилъ одному домохозяину свое удивленіе по поводу такой открытой жизни, онъ замѣтилъ: «У насъ свои отродясь не возьмутъ синей порошины; а вотъ, какъ наѣзжаютъ къ намъ хотѣновцы [1]), тащи въ домъ колеса съ улицы, не то не досчитаешь шинъ; живо сдерутъ». Какъ-то кажется въ порядкѣ вещей, если въ лѣтнюю страду видишь мужиковъ на работѣ въ однѣхъ рубахахъ изъ домашняго холста и таковыхъ же невыразимыхъ; но для посторонняго глаза является не совсѣмъ привычнымъ дѣломъ наблюдать, когда и бабы и дѣвицы въ этой глуши ходятъ въ лѣтній жаръ какъ на работу, такъ и по улицамъ деревень въ такихъ же бѣлыхъ, холщевыхъ рубашкахъ безъ всякой обуви и иной одежи, кромѣ платка на головѣ. Въ домахъ хозяйки не стѣсняются дѣлать смѣну нижняго бѣлья, даже когда въ избѣ есть посторонніе люди. У рѣчекъ и ручейковъ въ ясные дни нерѣдкость натолкнуться на группы голыхъ ребятишекъ безъ различія пола. Безмолвный сѣверный лѣсъ налагаетъ свою печать и на обитающаго въ немъ человѣка: я пробылъ въ уѣздѣ два мѣсяца, наблюдалъ мѣстнаго жителя и въ работахъ на поляхъ, сѣнокосахъ, въ лѣсахъ, и дома—на покоѣ, во время праздниковъ, но за все это время не слышалъ ни одной пѣсни, точно вокальныхъ способностей нѣтъ у чарондцевъ и въ зародышѣ. Вообще въ лѣсномъ жителѣ замѣтна приниженность, даже забитость; всего боятся, сторонятся отъ свѣжаго человѣка, пока присмотрятся: «не было бы отъ него какого вреда», говорятъ. Но разъ убѣдятся, что этотъ человѣкъ «безвреденъ», облекаютъ его полнымъ довѣріемъ и отводятъ душу въ бесѣдахъ о своихъ нуждахъ и печаляхъ. Повсюду въ краѣ одна печаль, одна коренная нужда—«земля плохо родитъ», «своего хлѣба на ѣду не хватаетъ». Скота мало, держали бы и много, да нѣтъ пастбищъ удобныхъ, негдѣ взять вдосталь сѣна» [2]). Луговъ въ краѣ нѣтъ, существуютъ такъ называемыя «чищи», расположенныя обыкновенно въ видѣ узенькихъ лентъ по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ. Сѣно съ чищъ получаютъ жесткое, осоковое; оно можетъ идти въ кормъ только крупному рогатому скоту. Чищи произошли отъ расчистокъ подъ сѣнокосы лѣса; на многихъ чищахъ до

---

[1]) Хотѣновская волость самая сѣверная въ уѣздѣ, у южнаго берега озера Лаче.

[2]) Сѣнокосовъ по уѣзду только 1,7 проц. всей площади.

сихъ поръ видны полусгнившіе пни; пхъ не корчуютъ: на сѣнокосѣ съ пнями трава растетъ гуще. На крайнемъ сѣверѣ (у озера Клеповскаго, по р. верхней Ковжѣ) копны съ сѣномъ устраиваютъ на подмосткахъ, иначе отъ осеннихъ разливовъ сѣно можетъ подмокнуть, а тогда оно «и въ навозъ не годится». На многихъ сѣнокосахъ трава такъ низка, мелка, что косецъ захватываетъ много мха. «У насъ косятъ все со мхомъ»; «безъ мха у насъ и сѣна не добудешь»,— говорятъ чарондцы.

Самая горькая нужда въ краѣ—отсутствіе надѣльнаго лѣса; онъ былъ, да весь израсходованъ, а лѣсъ удѣльный стерегутъ зорко. Крестьянскаго лѣса нѣтъ ни на постройку, ни на дрова. «Слезами обливаешься, да ѣдешь за дровами, какъ станетъ нечѣмъ топить избу». Попался съ поличнымъ, плати высокій штрафъ. Кто побогаче и купилъ бы, да удѣлъ не продаетъ. Въ потребу мѣстному населенію отъ удѣла продаются на срубъ небольшіе участки лѣса, называемые «дѣлянками». Продажа эта обставлена условіями, съ какими не всякій крестьянинъ можетъ справиться: деньги впередъ; къ опредѣленному сроку дѣлянка обязательно должна быть очищена; что къ этому сроку съ дѣлянки не успѣли убрать, на то теряется право собственности. Нѣкоторые крестьяне признавались, что имъ нынче далеко труднѣе стало жить, чѣмъ было до воли. Дѣло въ томъ, что въ старину система земледѣлія здѣсь была «подсѣчная».

Еще до сихъ поръ живы старики, которые помнятъ, какъ они съ одного и того же мѣста брали «подсѣки» два раза; на подсѣкахъ, при обиліи влаги въ почвѣ, лѣсъ подросталъ быстро. Съ надѣленіемъ же землею подсѣкъ стало рубить негдѣ. Вотъ почти дословная рѣчь одного крестьянина: «Живемъ мы въ лѣсу, а мужикъ не смѣй ходить въ лѣсъ. Сколько тратятъ на лѣсныхъ сторожей, смотрителей; надо всѣмъ платить жалованье, сторожамъ давать аммуницію, а можно бы обойтись безъ всякихъ сторожей: дали бы намъ лѣсу, сколько намъ надо, мы сами уберегли бы лѣса лучше всякихъ сторожей. Возня съ этими сторожами: застанетъ онъ на порубкѣ—плати деньги, чтобы топора не взялъ, потомъ онъ будетъ много разъ ходить къ тебѣ на угощенье, а самъ все-таки донесетъ, штрафъ-то заплатишь само собой. Сторожъ потомъ оправдывается: не я, молъ, виноватъ, а смотритель, онъ подалъ жалобу».

На право ловли рыбы въ озерахъ и рѣкахъ надо брать билеты, на каждое лицо отдѣльно, уплатить, напр., особый билетъ на мужа, особый на жену, иначе жена не будетъ имѣть права помогать мужу при ловлѣ. Тамъ, гдѣ рѣки при устьяхъ разливаются на нѣсколько рукавовъ (напр., р. Вожга), надо платить за право ловли особо въ каждомъ рукавѣ. Если весною вода разливается по надѣльнымъ лугамъ, ловить рыбу и въ этихъ мѣстахъ воспрещается. Говорятъ, однажды запрещено было крестьянамъ купаться въ озерахъ въ лѣтнія жары, да вскорѣ сняли это запрещеніе, вѣроятно, въ виду полнаго отсутствія какой-либо мотивировки.

Надо также пріобрѣтать билеты и на право охоты по лѣсамъ. Покупка билетовъ заставляетъ однихъ бросать рыбную ловлю («не наловишь и себѣ на ѣду, не только что на оплату билета»), другихъ—разставаться съ ружьемъ. Въ одной волости двѣ трети охотниковъ изъ-за билетовъ прекратили охоту. Штрафы за

порубки налагаютъ узду на лѣсоистребителей, билеты на право рыбной ловли оберегаютъ воды отъ окончательнаго истребленія рыбы, но сокращеніе охотниковъ со временемъ отразится весьма вредно на мѣстномъ скотоводствѣ. Настанетъ раздолье для волковъ и медвѣдей; и теперь звѣри эти нерѣдко задираютъ лошадей, овецъ въ поляхъ на 2-хъ-верстномъ разстояніи отъ жила и въ кустахъ даже на окраинахъ деревень; съ уничтоженіемъ же охотничьяго промысла, звѣрье будетъ визитовать въ хлѣвы и, пожалуй, въ избы. Есть не мало деревень, за полями которыхъ тотчасъ же горизонтъ закрытъ во всѣ стороны великаномъ-лѣсомъ.

Упорную, но безплодную борьбу ведутъ съ суровой природой сѣвера жители по берегамъ самаго озера Чарондскаго. Берега эти пустынны, болотисты; селенія раскинулись на немногихъ мѣстахъ, гдѣ почва едва приподнята надъ уровнемъ озера и является годною къ культурѣ. На западномъ берегу находится большое селеніе Чаронда, на восточномъ—оазисы Кирюга и Тордокса; въ устьяхъ рѣкъ разбросаны рыбачьи станки. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ озеро производитъ на собственные берега разбойничьи набѣги и отнимаетъ у крестьянъ послѣдніе клочки жалкой по своей производительности земли.

Селеніе Чаронда—древнее; въ московскій періодъ здѣсь жилъ воевода; послѣ разгрома края «литвою» въ смутную эпоху, чарондское воеводство уничтожилось. Въ наши дни на Чаронду можно смотрѣть, какъ на большой скитъ, обыватели же этой деревни живутъ настоящими отшельниками. Берега озера близъ с. Чаронды пустынны; на свѣжаго человѣка пустыня эта производитъ удручающее впечатлѣніе. Береговая линія лишена всякой растительности, усѣяна крупными и мелкими камнями; мѣстами къ берегу прилегаютъ значительныя площадки изъ голаго песка или изъ разнаго мусора отъ прибоя весеннихъ волнъ; за ними тянутся кочковатые пустыри; въ дождливые годы пустыри и лѣтомъ трудно проходимы: надо вязнуть по колѣно въ водѣ и грязи. Каждый годъ волны бурнаго озера отрываютъ часть берега. Крестьяне говорятъ, что въ послѣдніе годы озеро уничтожило у нихъ до 200 десятинъ надѣльной земли. Лѣтнихъ дорогъ изъ селенія нѣтъ вовсе, существуютъ однѣ тропы, ведущія къ полевымъ угодьямъ. На колесахъ ѣздить некуда; за полями и тощими лужайками во всѣ стороны раскинулось болото да озеро, которое и служитъ однимъ только путемъ сообщенія на лодкахъ съ внѣшнимъ міромъ. Крупный рогатый скотъ, за недостаткомъ пастбищъ, находитъ себѣ кормъ въ озерѣ. Послѣднее у берега мелководно и углубляется только мало-по-малу. На большомъ разстояніи отъ берега разрослась «треста» (мѣстное названіе высокаго озернаго злака Phragmites communis). Въ широкія заросли тресты коровы входятъ какъ на пастбище, иногда такъ далеко, что изъ воды торчатъ только однѣ головы, поѣдающія сочный злакъ стебель за стеблемъ. На лужайкахъ около полей травы низкорослы и тощи. Сѣнокосы растянуты по берегу озера за 10 верстъ отъ деревни и далѣе и даютъ осоковую, жесткую траву. Существеннымъ подспорьемъ служитъ рыбная ловля въ озерѣ, промыселъ невѣрный, ненадежный; съ каждымъ годомъ уловъ сокращается, не много лѣтъ назадъ ловили вдвое больше противъ нынѣшняго.

Оторванность отъ всего міра наложила на чарондцевъ черты пустынножи-

телей. Всякому свѣжему человѣку они несказанно рады. Какъ только появившься въ Чаронду, въ избѣ передъ глазами постоянная толпа посѣтителей; многіе созерцаютъ пріѣзжее лицо въ глубокомъ молчаніи, пришли «посмотрѣть на человѣка», слѣдятъ за каждымъ движеніемъ этого человѣка, наблюдаютъ, какъ онъ глотаетъ чай, смотрятъ въ ротъ, когда подносится къ нему ложка, и, должно быть, разсуждаютъ про себя, что «человѣкъ» и глотаетъ, и ѣстъ точно такъ же, какъ дѣлаютъ это они сами. Иные, въ порывѣ восторга, что увидѣли «человѣка», точно выходца изъ невѣдомаго міра, не говоря ни слова, кланяются ему въ ноги. Кто посмѣлѣй, задаетъ неизбѣжный вопросъ «чей ты?» послѣ чего разспросамъ нѣтъ конца.

Народъ оказывается душевный; васъ будутъ убѣждать даже остаться навсегда жить въ Чарондѣ, когда разспросятъ, сколько вамъ стоитъ жизнь въ городѣ; дивятся городской дороговизнѣ; у нихъ бы жить было втрое дешевле. Уходятъ взрослые, являются гурьбой мальчики-подростки, затѣваютъ разговоры о разрывъ-травахъ, лѣшихъ, о грозѣ, отчего дождь и т. д. Къ сказкамъ стариковъ они уже относятся отрицательно, смѣются надъ ними, «ничего этого нѣтъ» (напр., пророкъ Илья не ѣздитъ въ грозу по небу); видно уже, что и въ такую глушь на молодежь упалъ лучъ свѣта изъ современной сельской школы.

Сѣвернѣе Чаронды, на западномъ же берегу озера, расположенъ рыбацкій станокъ Василево. Весь станокъ состоитъ изъ десятка избушекъ, принадлежащихъ крестьянамъ Печенгской волости. Каждая избушка состоитъ изъ бревенчатаго сруба, закрытаго кровлей отъ непогоды; отъ озера въ нее ведетъ дверь; крохотное оконце пропускаетъ такъ мало свѣта, что среди лѣтняго дня въ избушкѣ съ трудомъ можно различать предметы. Двѣ трети пространства заняты четырьмя—пятью печами примитивнаго устройства: шестокъ и подъ у всѣхъ печей общій, надъ подомъ возвышаются полуцилиндрическіе своды, челомъ обращенные къ двери; эти своды и есть печи, напоминающія видомъ подобныя же печи въ ригахъ. Въ печахъ, послѣ топки, сушатъ мелкую рыбешку, наловленную изъ озера: рыбку бросаютъ на горячій подъ; послѣ сушки по-мѣстному она называется «сущъ», а въ болѣе южныхъ губерніяхъ, куда «сущъ» расходится черезъ гг. Кирилловъ и Вологду, онъ переименованъ въ «снѣтка». Сущъ, въ разныхъ видахъ приготовленный, составляетъ главную и почти исключительную, кромѣ хлѣба, пищу едва ли не всего населенія Кирилловскаго уѣзда. Кромѣ печей, въ рыбацкихъ избушкахъ по стѣнамъ видны еще нары для ночлега, одна—двѣ скамьи (доски на 4-хъ ножкахъ)—и все тутъ убранство; вмѣсто пола—голая земля. Въ избушкахъ живутъ только во время ловли рыбы.

Подъ станкомъ крестьянамъ принадлежитъ узкая полоска земли между берегомъ и землею удѣльнаго вѣдомства. Въ печальное положеніе ставитъ озеро василевскихъ рыбаковъ. По ихъ словамъ, за послѣднія 25 лѣтъ, волны озера оторвали ихъ земли до 20 саженъ по линіи, перпендикулярной къ берегу. Черезъ нѣсколько лѣтъ они вынуждены передвигать свои избушки внутрь материка, а теперь и передвигать стало некуда, такъ какъ они сидятъ уже у самой черты удѣльной земли. На мѣстѣ оторванной и затопленной земли теперь образовались большія заросли тресты. Я самъ былъ очевидцемъ разрушительнаго дѣйствія

разбойника - озера на собственный берегъ. Въ Василево мы приплыли ночью, къ счастью, застали на работѣ радушно насъ принявшихъ двухъ рыбаковъ, а на утро разсчитывали отправиться далѣе. Однако утромъ поднялся нордъ, задержавшій насъ на цѣлыя сутки. Вѣтеръ былъ не особенно сильный, тѣмъ не менѣе на озерѣ поднялись могучіе валы съ длинными бѣлыми гребнями. Достигнувъ берега, волны отрывали кусочки дерна; вода у берега стала крайне мутною отъ примѣшаннаго къ ней ила, частичекъ оторванной почвы, мелкихъ корешковъ травъ. Берегъ въ этой мѣстности изорванъ, иногда въ немъ вода вымываетъ удивительно правильные, прямолинейные каналы до $2^1/_2$—3 арш. длины и 3—12 дюйм. ширины; струя воды, какъ змѣйка, то приливаетъ, то отливаетъ по каналу и каждый разъ съ силой врывается во внутренній конецъ канала, скрытый еще подъ землей, смываетъ тамъ новыя и новыя частицы почвы, производя медленно, но вѣрно свою разрушительную работу. Въ сильныя бури волны срываютъ дернъ, медленно подмытый при слабыхъ волненіяхъ, раскрываютъ внутренніе концы подземныхъ каналовъ и такъ прогрессивно идетъ разрушеніе твердой земли, съ каждымъ годомъ береговая линія уходитъ внутрь материка, уступая передъ могучимъ напоромъ бурнаго озера. Какъ бушуетъ озеро во время сильнаго вѣтра, замѣтно по илу и разному мусору, набросанному волнами на $1^1/_2$ саж. отъ берега. Въ бурю пельзя пристать къ берегу и на большой лодкѣ, а маленькія разбиваетъ. Большія суда, поднимающія тысячи пудовъ, какъ только попадутъ подъ вѣтеръ на озеро, ложатся въ дрейфъ на трое и болѣе сутокъ.

Кирюга съ четырьмя селеніями представляетъ на сѣверо-восточномъ пустынномъ берегу оз. Чаронскаго небольшой оазисъ, бѣдный дарами природы и достатками обитателей. Кирюжскій берегъ песчанъ и мелководенъ; около него въ водѣ значительныя заросли тресты. Со стороны суши едва замѣтенъ уклонъ къ береговой линіи, за которымъ слѣдуютъ угодья сельчанъ. Полей и луговъ очень мало: кругомъ оазисъ окруженъ со всѣхъ сторонъ болотомъ и озеромъ, раздѣлывать нивъ негдѣ. Каждый домохозяинъ въ состояніи высѣять только по двѣ мѣры ржи на душу; сѣяли бы и больше, да нѣтъ удобной земли. Воздѣланная почва истощена; урожаи ничтожны; своего хлѣба хватаетъ только до Рождества. «Съ Рождества я купилъ ужъ 8 кулей муки», сказывалъ одинъ крестьянинъ. Всѣ еще благодарятъ Бога, что хлѣбъ нынѣ дешевъ. Прежде, когда куль муки доходилъ до 15 и болѣе рублей,—прямо голодали, да и теперь при дешевомъ хлѣбѣ половина кирюжанъ промышляетъ нищенствомъ. Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, озеро-разбойникъ и здѣсь является несокрушимымъ врагомъ человѣка, вырывая у него изъ-подъ рукъ и разрушая культурную и невоздѣланную почву. — «Въ молодости я собиралъ съ своего участка до 8 возовъ сѣна», сообщалъ другой крестьянинъ: «а теперь этотъ участокъ пропалъ, оторвало озеро, не достанешь тамъ и клочка травы». Межъ Кирюгой и истокомъ р. Свиди въ берегъ озера упираетъ высокій лѣсъ; этотъ берегъ также размывается; около него масса поваленныхъ деревъ и еще живыхъ, но сильно наклоненныхъ къ водѣ, готовыхъ рухнуть; берегъ загроможденъ валежникомъ до непроходимости. Подъ корнями прибрежныхъ деревъ замѣчаются каналы и подземные ходы; эти

подземныя пещерки наверху съ отверстіями, черезъ которыя видно, какъ тамъ разный мусоръ колышется на водѣ. По линіи берега много торфа, разрыхленнаго водою въ тончайшій плъ. Когда у озера бываетъ такъ тихо, что не гаснетъ зажженная спичка, все-таки слышится шумъ отъ прибоя волнъ, а что тутъ бываетъ въ бурю, трудно представить.

Тордокса—второй культурный оазисъ около восточнаго берега Чарондскаго озера. Онъ состоитъ изъ 4-хъ деревень, расположенныхъ по р. Тордоксѣ. Кругомъ во всѣ стороны тоже болота да озеро. Рѣка только на 3 версты отъ устья поднимаетъ рыбачьи лодки; выше она имѣетъ видъ ничтожнаго ручья, заростающаго травой. Вся Тордокса лежитъ на совершенно плоской пріозерной низменности; нигдѣ глазъ не подметитъ ни малѣйшаго уступа въ почвѣ, ни какого-либо холмика. Низменность такова, что весною заливается половина полей и уносятся и безъ того немногія питательныя частицы пахотной земли. Изрѣдка бываютъ годы, что вся поверхность оазиса затопляется водою, тогда по улицамъ деревень сосѣди ѣздятъ другъ къ другу на лодкахъ. Въ окрестностяхъ есть глубокія топи, въ которыхъ вязнетъ крупный рогатый скотъ, и его надо веревками вытаскивать изъ пучины. Каждый клочокъ годной земли оазиса раздѣланъ подъ пахоту. Для будущаго наростающаго поколѣнія пахатной земли нѣтъ. Теперь уже многіе мечтаютъ о переселеніи въ далекія, лучшія страны. Справедливость требуетъ сказать, что болѣе всѣхъ жителей Кирилловскаго уѣзда нуждаются въ помощи для переселенія на новыя мѣста обитатели этихъ несчастныхъ оазисовъ по Чарондскому озеру; иначе населеніе этихъ болотъ и трясинъ неизбѣжно осуждено на вымираніе. Трудно переживать такое положеніе, когда готовъ работать, да руки приложить не у чего. Около деревень по рѣчкѣ топи или кочковатые пустыри съ безплодной почвой. Тордокскіе покосы—это кочковатые чищи; если на нихъ почва мокрая, то растетъ одна осока; на сухихъ же мѣстахъ травы по качеству давали бы и хорошій урожай, но онѣ крайне тощи, низки: есть мѣста, гдѣ съ десятины берутъ одинъ возъ сѣна.

Кирилловское земство на послѣднемъ очередномъ собраніи проектировало введеніе у крестьянъ травосѣянія, улучшеніе породъ скота, развитіе кустарныхъ промысловъ.

Но лучше ли будетъ отъ этого чарондскимъ поозерамъ?

А. Клм.

Изъ Новочеркасска. (Жизнь современнаго казачества).

Богатъ ты, старый Донъ, и сочнымъ гроздіемъ, и солью, и скотомъ,
И рыбой красною, и углемъ, и виномъ...
Богатъ... а самъ въ нуждѣ, какъ трупъ въ степи лежишь»...
Кукольникъ.

Въ № 1 журнала «Новое Слово» за текущій годъ помѣщена статья г. Харитонова «Изъ Донской области». Авторъ рисуетъ печальное экономическое поло-

женіе донского казачества и указываетъ вскользь на причины, такъ или иначе, по его мнѣнію, неблагопріятно отзывающіяся на благосостоянія края. Не соглашаясь съ нѣкоторыми выводами автора, о чемъ скажемъ ниже, мы съ большимъ удовольствіемъ отмѣчаемъ эту статью, ибо она указываетъ отчасти на мѣры, способствующія улучшенію казачьяго хозяйства и подъему въ краѣ народнаго образованія. Мы можемъ только сожалѣть, что такихъ «голосовъ» у насъ, на Дону, очень мало, и раздаются они рѣдко, да и не вызываютъ къ себѣ того интереса, котораго къ сущности во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ все казачество. Особые оригинальные бытовые уклады, самый порядокъ казачьяго «самоуправленія» (къ слову сказать, потерявшаго всякую цѣнность въ глазахъ современнаго казачества) и, наконецъ, незавидное положеніе въ настоящемъ и тѣмъ болѣе въ будущемъ «прославленныхъ дѣтей тихаго Дона»—имѣютъ право на вниманіе печати, хотя бы даже по тому одному, что казаковъ, какъ это ни странно, слишкомъ мало знаютъ за предѣлами ихъ области. Въ воображеніи непосвященныхъ во внутренній бытъ казаковъ послѣдніе—воинственные, обвѣшанные оружіемъ, воспитанные на безпрерывныхъ военныхъ экзерциціяхъ люди, но... мало культурные, съ плохо развитой гражданственностью, съ интеллектомъ и наклонностями чуть не азіатца. Если здѣсь и есть доля правды, и если Кукольникъ, изображая Донъ приведенными въ эпиграфѣ нашей замѣтки словами, исходилъ изъ этого убѣжденія, то отвѣтомъ ему могутъ служить слѣдующія строки, посвященныя тому же Дону однимъ мѣстнымъ, нынѣ умершимъ, поэтомъ:

«...Занятъ былъ войной я, врагами,
А братья большими шагами
Впередъ шли безъ бранныхъ заботъ»...
«...Но кончилась брани тревога.
За братьями мирной дорогой
Я въ бранныхъ доспѣхахъ бѣгу,
Бѣгу неустанно и долго,
Но братьевъ догнать не могу»...

Въ этихъ строкахъ заключается та главная причина, которая тормозитъ свободное умственное и экономическое развитіе Донского края, силою судебъ оторваннаго отъ общаго движенія по пути прогресса. Въ то время, когда вокругъ сосѣднія губерніи постепенно, шагъ за шагомъ, шли по пути улучшеній: строились желѣзныя дороги, вырастали на скудныя земскія средства народныя школы, свободно развивались промыслы и торговля, косность и тьма уступали дорогу «свѣту разума»—богатое, сравнительно, населеніе Донской области лишь грозно бряцало оружіемъ, наводя страхъ на враговъ внѣшнихъ и не обращая вниманія на враговъ внутреннихъ, постепенно, но неуклонно подтачивавшихъ его собственное благосостояніе. Донъ спалъ непробуднымъ сномъ, утѣшался, какъ дитя, своимъ славнымъ прошлымъ и, какъ мотъ, безъ сожалѣнія, безъ мѣры тратилъ свои богатства, добытыя кровью и непосильными боевыми трудами его предковъ. Съ большимъ трудомъ проникала культура въ широкія казачьи степи, да и не мудрено: въ теченіе цѣлыхъ столѣтій ей заграждала путь грозная стѣна казачьихъ пикъ. Естественно, мирная гражданская дѣятельность не могла имѣть

мѣста въ такомъ краѣ, гдѣ нѣтъ гражданъ въ широкомъ значеніи этого слова, а живутъ только воины, исключительно занятые военными упражненіями и снаряженіемъ къ полевой службѣ. Для гражданской дѣятельности нужна другая почва, иной двигатель...

Но виновато ли въ своей косности и неподвижности само населеніе? Не грубая ли и непростительная ошибка со стороны г. Харитонова винить казаковъ въ «упадкѣ извознаго промысла (?!), въ неспособности (?!) ихъ къ ремесламъ и новымъ отраслямъ труда», въ безпорядочномъ веденіи мѣстнаго скотоводства и вообще хозяйства и, наконецъ, въ ихъ крайнемъ невѣжествѣ? Чтобы утверждать подобное, нужно имѣть слишкомъ скудныя свѣдѣнія о краѣ, совсѣмъ не вдумываться въ то, что говоришь, и указывать лишь на слѣдствіе, не выясняя причины. А причина слишкомъ важная, и игнорировать ее бытописателю по меньшей мѣрѣ непростительно. Казаки—исключительно служилое, военное сословіе. Въ силу дарованныхъ имъ правъ и привилегій они пользуются отведенною имъ землею на правахъ собственности, общиннаго владѣнія, ибо издавна казаки составляли одну сплоченную общину—«великое войско донское», выразителемъ котораго былъ войсковой кругъ, т.-е. собраніе правоспособныхъ казаковъ, вершившихъ всѣ дѣла и порядки войска. Въ послѣдующіе годы, а въ особенности съ 1796, управленіе войскомъ постепенно видоизмѣняется: точно опредѣляются границы области (при Екатеринѣ II), войсковой кругъ теряетъ свое прежнее значеніе и постепенно отходитъ въ область исторіи, а вмѣсто него учреждается сначала канцелярія войсковыхъ дѣлъ, затѣмъ гражданское правительство, войсковое и, наконецъ, современное намъ областное правленіе войска донского. Войско донское имѣетъ и свой войсковой капиталъ, который составляется изъ войсковыхъ запасныхъ земель, не вошедшихъ при размежеваніи въ составъ станичныхъ юртовъ, доходы отъ лѣсовъ, отъ торговли и др. источниковъ. Всѣхъ станицъ въ области насчитывается болѣе 120 (за исключеніемъ городовъ) и 135 волостей, населенныхъ неказачьимъ сословіемъ. Область войска донского занимаетъ 15.018.777 дес. съ народонаселеніемъ болѣе 2.300.000 душъ, изъ которыхъ войскового сословія около 1.030.000. Изъ этого количества земли каждый казакъ, имѣющій право на земельный надѣлъ, по закону, долженъ былъ получать пай 30-десятиннаго размѣра. На самомъ же дѣлѣ такой пай давно уже немыслимъ въ области; и если *всю* землю войска, годную для земледѣлія, раздѣлить по числу паевыхъ душъ, то врядъ ли хватило бы и 25 десятинъ. Въ дѣйствительности надѣлы колеблются въ среднемъ по области до 14 десятинъ, а по станичнымъ юртамъ отъ 6 до 22 (послѣдній—удѣлъ лишь нѣсколькихъ станицъ). Большинство станицъ не имѣетъ болѣе 10 дес. на пай. Конечно, если даже и самый малый надѣлъ мы возьмемъ для сравненія съ надѣлами крестьянскими русскихъ центральныхъ губерній, то можемъ составить себѣ неправильное понятіе, будто казаки жалуются несправедливо; что ихъ житье-бытье совсѣмъ ужъ не такъ плохо, какимъ его желаютъ выставить. Но такое сравненіе, при оцѣнкѣ всѣхъ условій казачьей жизни, въ данномъ случаѣ не можетъ имѣть мѣста. Если казаки и получили богатое наслѣдство, то за это они ежегодно вносятъ и крупные про-

центы, и что всего важнѣе: капиталъ ежегодно уменьшается, а проценты, наоборотъ, увеличиваются. Пояснимъ это примѣромъ.

Возьмемъ казачью семью, состоящую, положимъ, изъ трехъ членовъ мужского пола—отца и двухъ взрослыхъ сыновей. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ семья эта имѣла возможность распахивать до 75 дес. прекрасной, не истощенной земли. Но, такъ какъ такія запашки мелкому хозяйству были не подъ силу, а земля въ то время была недѣленая, т.-е. не разрѣзывалась на пан, то пахали кто сколько могъ, и въ общемъ оставалось не мало свободной юртовой земли, изъ которой вырѣзывались обширныя площади подъ толоку для скота, бахчи, отводы для табуновъ и проч. Приволье было тѣмъ полнѣе, что, во-первыхъ, казакъ не зависѣлъ исключительно отъ земли. Онъ пахалъ столько, чтобы при среднемъ урожаѣ прокормить семью круглый годъ. Всѣ остальныя нужды покрывались продажею на мѣстныхъ рынкахъ рогатаго скота, овецъ и лошадей, ибо выгоны были большіе, травы вволю, что давало возможность казаку свободно и съ выгодою заниматься скотоводствомъ. Имѣть свои косяки лошадей и десятки головъ гулевого скота для казака было не рѣдкостью. Во-вторыхъ, потребности казака были настолько ограничены, что особыхъ денежныхъ затратъ не требовали—все необходимое, по возможности, добывалось у себя дома. Обязанности воинской службы были также слишкомъ несложны и просты, и снаряженіе къ службѣ почти не вызывало экстраординарныхъ расходовъ: ружье, шашка и др. снаряженіе, не требовалось особыхъ системъ и «образцовъ» — сыновья обыкновенно вооружались въ дѣдовскіе и отцовскіе доспѣхи. Лошадей также не приходилось пріобрѣтать на сторонѣ — онѣ поставлялись изъ собственныхъ и вообще мѣстныхъ косяковъ, при чемъ послѣднія выбирались не по тому, что были рослы и удовлетворяли требованіямъ инструкціи, а заранѣе испытанныя въ выносливости въ трудной походной жизни. Лошади были въ то время недороги—30, 40 и много 50—60 рублей, и покупка ихъ не затрудняла казаковъ, имѣвшихъ возможность продать нѣсколько штукъ мелкаго скота и на эти деньги пріобрѣсти себѣ строеваго коня. Короче сказать, при наименьшей затратѣ труда и времени семья безбѣдно могла существовать и, не обременяя долгами своего имущества, снаряжать своихъ членовъ семьи на царскую службу.

Теперь возьмемъ такую же семью, но только въ условіяхъ жизни современной. Юрты станичные раздѣлены на пан. Въ трехъ казачьихъ налѣлахъ (отцу и двумъ сыновьямъ) 18 и максимумъ 36—40 дес. при крайне ограниченныхъ попасныхъ отводахъ, при отсутствіи лѣсныхъ и другихъ угодьевъ. Если мы примемъ ежегодный средній урожай на хлѣбъ, среднія цѣны на него и не будемъ брать во вниманіе почти всегдашнихъ бичей сельскаго хозяйства: чуму, кузнечика, итальянскую саранчу, хлѣбнаго жука, засуху (довольно не рѣдкая гостья въ нашемъ краѣ), а также не возьмемъ въ расчетъ дороговизну на рабочія руки, скотъ, земледѣльческія орудія, полное обезцѣненіе земли, и проч., и проч., а возьмемъ только расходы по снаряженію казака на службу, то послѣдніе выразятся, приблизительно, въ слѣдующихъ цифрахъ: лошадь отъ 120, 150 и до 200 р. (въ гвардію), обмундировка и снаряженіе отъ 100 до 120 р., въ среднемъ справить семьѣ одного своего члена стоитъ до 250 р. Кромѣ этого, съ уходомъ члена

семьи на службу послѣдняя лишается здороваго, сильнаго работника, а замѣнить его наемникомъ—надо заплатить за четыре года минимумъ 400 р. Да надо же имѣть въ виду, что и въ бытность казака на службѣ ему требуются деньги на ремонтъ платья и проч.—вѣдь онъ получаетъ отъ казны только винтовку, пищу и ничтожные гроши въ жалованье и на лошадь и только. Такимъ образомъ, даже не принимая во вниманіе службу казака въ приготовительномъ разрядѣ до выхода его въ полевые полки и во второй и третьей очередяхъ, въ бытность въ которыхъ онъ обязанъ имѣть въ полной исправности все военное снаряженіе, не исключая и лошадей,—семья въ теченіе $3^1/_2$ лѣтъ дѣйствительной службы своего члена теряетъ ежегодно минимумъ *180* р. И это только при снаряженіи *одного* сына, при снаряженіи двухъ расходы удваиваются. А если ихъ трое, четверо и больше? Какое хозяйство, лишенное рабочихъ рукъ, способно выдержать такіе прогрессивные расходы даже при самыхъ лучшихъ, благопріятныхъ условіяхъ его веденія?

Все вышесказанное относится только къ условіямъ *мирной* жизни казака. А если война? Чья наикрупнѣйшая лепта кладется на алтарь отечества? Конечно, казаковъ.

Для примѣра возьмемъ послѣднюю турецкую войну 1877—1879 гг. 40.000 донскихъ казаковъ *на свой собственный счетъ* выступили въ поле. Если положить, что стоимость снаряженія каждаго казака обошлась минимумъ въ 200 р., а 40.000—8 милліоновъ, да потеря рабочихъ рукъ Дономъ—не менѣе 4 милліоновъ, то получится, что Донская область единовременно пожертвовала *14 милліоновъ рублей!* Какая изъ русскихъ губерній принесла хотя бы $^1/_4$ этой суммы на нужды государства? Да пока еще ни одна. А если подобное повторится теперь, когда народонаселеніе значительно увеличилось, а земельный надѣлъ пропорціонально уменьшился,—какими цифрами выразятся расходы донскихъ казаковъ?

Въ силу сказаннаго, считая самымъ крупнымъ и главнымъ тормазомъ экономическаго да и умственнаго роста казаковъ *поголовную воинскую повинность*, мы не можемъ согласиться съ г. Харитоновымъ въ существенныхъ его положеніяхъ и выводахъ. Насколько глубоко разстройство казачьяго хозяйства, доказываютъ еще и слѣдующіе знаменательные факты: казаки, не смотря на всю свою любовь къ Дону и ко всему, что связано съ его историческимъ прошлымъ, угнетенные нуждой, бросаютъ свои насиженныя вѣками мѣста и идутъ съ семьями въ непріютный, суровый, дикій край Уссурійскій искать «счастья», новой, лучшей жизни; идутъ наугадъ, неприготовленные, неумудренные ни опытымъ, ни знаніемъ, безъ права, въ случаѣ неудачи, возвратиться обратно на родину. И не жажда наживы, легкаго обогащенія гонитъ казаковъ въ азіатскія некультурныя трущобы—современный казакъ меньше всего склоненъ къ какимъ бы то ни было авантюрамъ,—его гонитъ крайняя нужда, надежда на возможность вздохнуть хоть на время свободно въ иныхъ, болѣе льготныхъ условіяхъ... Не менѣе знаменателенъ и тотъ фактъ, что казаки стали переходить въ мѣщанское сословіе, а офицеры переводиться въ сибирскія войска, и число случаевъ такихъ переходовъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Сначала это

были единичные факты, а въ послѣднее время мы ихъ можемъ насчитать десятки.

Г. Харитоновъ говоритъ, что неудовлетворительной обработкѣ земли можно помочь введеніемъ раціональнаго хозяйства, поднявъ его правильнымъ сѣвооборотомъ, удобреніемъ. Все это, безъ сомнѣнія, удобно для опытныхъ фермъ, для людей, умудренныхъ наукой и имѣющихъ достаточно къ тому средствъ; для сельскаго же хозяйства да еще для военнаго сословія, каковымъ являются жители Донской области, это—несбыточныя мечты досужаго теоретика. То же можемъ сказать и относительно упорядоченія «мѣстнаго скотоводства», для котораго въ настоящее время, какъ сказано выше, нѣтъ такихъ удобныхъ мѣстъ, гдѣ бы оно могло не только развиваться, но хотя бы отвѣчать необходимымъ нуждамъ населенія. Несправедливо, по нашему мнѣнію, упрекаетъ авторъ казаковъ въ крайнемъ невѣжествѣ. Дѣло народнаго образованія на Дону обстоитъ уже не такъ плохо, какъ кажется на первый взглядъ; въ этомъ отношеніи Донская область стоитъ выше многихъ губерній Европейской Россіи. Казакъ не бѣжитъ грамоты, что доказываетъ переполненіе министерскихъ школъ. Если же и чувствуется недостатокъ школъ и настоятельная необходимость въ расширеніи сѣти первоначальныхъ образовательныхъ учебныхъ заведеній, то само-по-себѣ населеніе Донской области помочь этому не можетъ, на что имѣются слѣдующія причины, видимо, неизвѣстныя г. Харитонову: 1) дѣло открытія новыхъ школъ въ области представляется вообщее затруднительнымъ для казаковъ и въ особенности для крестьянъ. Главнымъ тормазомъ къ открытію новыхъ школъ въ казачьихъ поселеніяхъ служитъ Высочайше утв. 27 апрѣля 1868 г. полож. воен. совѣта, по которому школы могутъ открываться только въ такихъ поселеніяхъ, гдѣ есть церкви или молитвенные дома и гдѣ не менѣе 300 душъ мужского населенія. Вслѣдствіе этого многіе хутора, очень населенные, но неимѣющіе церкви, лишены возможности даже *ходатайствовать* объ открытіи у себя школъ. Притомъ, школа должна служить для мужского и женскаго половъ, а между тѣмъ 500 или 550 душъ обоего пола еще не даютъ права на открытіе приходскаго училища.

2) Если г. Харитоновъ и старается увѣрить читателя, что «населеніе безъ труда могло бы надѣлять ихъ (школы) участками земли *не только въ 50 десятинъ, но и въ 100 (?!), 200 и даже болѣе (?!!)*, то это только доказываетъ слишкомъ поверхностное знаніе казачьяго быта вообще и склонность къ противорѣчіямъ въ частности. Вѣдь въ той же самой замѣткѣ авторъ утвердительно говоритъ о крайней малоземельности станичныхъ юртовъ. А если мы добавимъ къ этому, что малоземельность непосредственно вліяетъ на уменьшеніе доходности станичныхъ статей, то о подобномъ «надѣленіи» и рѣчи быть не можетъ.

3) Что же касается крестьянскаго населенія въ области, то тамъ дѣло открытія новыхъ школъ связано съ почти непреоборимыми препятствіями. Съ 1882 г., т.-е. со времени пріостановки дѣйствій земскихъ учрежденій на Дону, и до 1894 года въ крестьянскихъ поселеніяхъ не открыто *ни одной школы*. Милліонное населеніе волей-неволей должно удовлетворяться тѣмъ скромнымъ числомъ

школъ, которыя были открыты земствомъ за 5—6 лѣтъ своего существованія. Причины этому заключаются въ томъ, что мѣстной администраціи не предоставлено права разрѣшать отпускъ земскихъ суммъ на содержаніе школъ. И если съ 1894 года и открыто нѣсколько школъ, то только въ видѣ исключенія.

Мы не сомнѣваемся, что съ введеніемъ на Дону выборнаго земства какъ дѣло народнаго образованія, такъ и вообще хозяйства казаковъ освободятся отъ мертвящей рутины и пойдутъ по пути улучшенія, но эта желательная реформа можетъ имѣть, по нашему мнѣнію, только тогда успѣхъ, когда земство не ляжетъ на населеніе тяжелымъ личнымъ налогомъ, какъ это было въ 1875—1882 гг., въ періодъ его кратковременнаго существованія. При вторичномъ введеніи земства на Дону все будетъ зависѣть отъ войска: если оно не возьметъ на себя извѣстныхъ расходовъ по содержанію земскихъ учрежденій и если казаки будутъ облагаться прямымъ, личнымъ налогомъ—земство вторично явится мертворожденнымъ учрежденіемъ.

Мы не сомнѣваемся въ томъ, что земство не въ силахъ дать существеннаго обновленія казачьей жизни до тѣхъ поръ, пока она будетъ скована тяжкими требованіями казачьей воинской службы. Ни школы, ни успѣшная борьба со всякими напастями на сельское хозяйство не уменьшатъ непосильныхъ расходовъ казака на воинское снаряженіе, не увеличатъ до желаемой степени его земельнаго надѣла и доходности послѣдняго. И поэтому обольщаться «обновленіемъ края» пока еще преждевременно.

Икъ.

Тверь. (Страничка настоящаго).

Получивъ извѣстный «перечень вопросовъ, относящихся къ пересмотру нѣкоторыхъ отдѣловъ законодательства о крестьянахъ», съ предписаніемъ дать соотвѣтствующія заключенія, г. тверской губернаторъ образовалъ спеціальную подкомиссію для составленія необходимыхъ отвѣтовъ. Послѣдняя, въ свою очередь, сочла для себя полезнымъ собрать «фактическіе матерьялы», обратившись для того исключительно къ опытности земскихъ начальниковъ. Хотя такая попытка и не увѣнчалась успѣхомъ («къ сожалѣнію, только по нѣкоторымъ вопросамъ доставленный гг. земскими начальниками матерьялъ можетъ быть признанъ достаточно полнымъ, а потому и цѣннымъ»), но все-таки подкомиссія написала проектъ отвѣтовъ по всѣмъ порученнымъ ей 66-ти пунктамъ, который сдѣлался затѣмъ предметомъ разбирательства «губернскаго особаго совѣщанія». Имѣя предсѣдателемъ г. губернатора и членами: вице-губернатора, нѣсколькихъ предводителей дворянства, представителей губернской управы (по назначенію), управляющаго казенной палатой, предсѣдателя одной уѣздной земской управы, секретаря губернскаго дворянства, двухъ непремѣнныхъ членовъ губернскаго присутствія, «особое совѣщаніе» засѣдало два дня, почти цѣликомъ въ концѣ-концовъ одобривъ выводы, къ которымъ пришла подкомиссія.

Насъ главнымъ образомъ интересуетъ теперь мѣстное разрѣшеніе одного

жгучаго вопроса русской жизни — объ общинѣ и ея отношеніяхъ къ системѣ участковаго землевладѣнія. По поводу 51 статьи министерскаго перечня, гласившей: «можно ли признать назрѣвшей потребность въ изданіи закона, болѣе точно опредѣляющаго порядокъ и условія *перехода отъ общиннаго землевладѣнія къ подворно-наслѣдственному?*»—подкомиссія, а за нею и все совѣщаніе отвѣтили въ отрицательномъ смыслѣ. Хотя, мотивировали они, подворно-наслѣдственное владѣніе и наблюдается въ большинствѣ уѣздовъ Тверской губерніи, но, къ счастью, въ нешироких размѣрахъ. Мало того: даже тамъ, гдѣ добыты приговоры о сплошномъ раздѣлѣ земли на участки, часто существуетъ черезполосица, какъ и при общинномъ пользованіи. Попытокъ перехода отъ общиннаго къ подворно-наслѣдственному владѣнію, по свѣдѣніямъ членовъ подкомиссіи и совѣщанія, не только не наблюдается, но въ иныхъ случаяхъ замѣтно и совсѣмъ обратное теченіе: о немъ свидѣтельствуютъ поступающія, куда слѣдуетъ, спеціальныя ходатайства со стороны крестьянъ; на него же указываютъ факты общихъ и частныхъ передѣловъ съ сплошными подворными участками. Однако, при общемъ вздорожаніи земли, отдѣльныя лица изъ среды бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ *до послѣдняго времени* стремились весьма охотно воспользоваться, по 165 ст., правомъ выкупа надѣловъ въ личную собственность; но «это стремленіе не можетъ имѣть никакого значенія для разрѣшенія вопроса о подворно-наслѣдственномъ землевладѣніи, такъ какъ обусловливается единственно желаніемъ зажиточныхъ домохозяевъ закрѣпить за своими семьями землю по дешевой цѣнѣ, а вовсе не потребностью въ обособленіи хозяйства» [1]).

Экономическое значеніе наслѣдственнаго владѣнія гг. члены оцѣниваютъ отрицательно: по ихъ мнѣнію, оно не гарантируетъ крестьянамъ благосостоянія. И вотъ какимъ образомъ доказывается этотъ выводъ. Всѣхъ подворныхъ участковъ отчуждено по губерніи *54:* въ Новоторжскомъ уѣздѣ 36 участковъ продано за недоимки и одинъ—вслѣдствіе неимѣнія рабочихъ силъ въ семьѣ; въ Вышневолоцкомъ уѣздѣ 12 участковъ отчуждено по отсутствію рабочихъ силъ и одинъ—за переходомъ владѣльца на собственную землю; по Кашинскому уѣзду одинъ участокъ сбытъ за уходомъ владѣльца, другой—реализированъ наслѣдникомъ,

---

[1]) На ряду съ заключеніемъ подкомиссіи представимъ данныя, освѣщающія его съ должной стороны. По цифрамъ тверского губернскаго присутствія, съ періода открытія выкупной операціи и по 1 января 1896 г., отдѣльными крестьянами изъ бывшихъ помѣщичьихъ выкуплено слѣдующее количество надѣловъ: по Бѣжецкому уѣзду—2.691, по Кашинскому—1.991, по Новоторжскому—1.753, по Корчевскому—1.692, по Вышневоцкому—1.464, по Ржевскому—1.419, по Зубцовскому—1.367, по Старицкому—1.340, по Осташковскому—1.075, по Весьегонскому—873, по Калязинскому—652, по Тверскому уѣзду—459. Итакъ, по всей Тверской губерніи выкуплено 16.776 надѣловъ. При этомъ, до 1890 года прошеній о выкупѣ поступало въ губернское присутствіе ежегодно отъ 700 до 1.000, а послѣ присутствіе стало строже относиться къ удовлетворенію прошеній, такъ что въ теченіе 1895 года ихъ подано 411. Наконецъ, присутствіе совершенно отказалось давать согласіе на разрѣшеніе выкупа,—и вотъ въ первой половинѣ 1896 г. ходатайствъ пришло всего лишь 15! (Ср. «Рус. Вѣд.», № 160, 1896 г.).

проживающимъ на сторонѣ; въ Корчевскомъ уѣздѣ продажа участка произошла за долгъ частному лицу; въ Осташковскомъ—участокъ проданъ ради пріобрѣтенія частновладѣльческой земли [1]).

Сопоставляя «всѣ» такіе аргументы, продолжаетъ подкомиссія, «нельзя не придти къ заключенію о полной непригодности для Тверской губерніи подворнаго владѣнія, ибо *фактъ продажи участковъ за недоимки* указываетъ на недостаточное матерьяльное обезпеченіе владѣльца подворнаго участка и во всякомъ случаѣ *влечетъ за собой образованіе пролетаріата*, а желаніе населенія возвратиться къ общинному владѣнію свидѣтельствуетъ, что подворное владѣніе стѣсняетъ общину въ ея хозяйствѣ и такимъ образомъ вредно вліяетъ на общее экономическое положеніе населенія».

Приведемъ теперь отвѣтъ подкомиссіи на 52-й пунктъ перечня: «насколько распространенъ въ селеніяхъ *бывшихъ государственныхъ* крестьянъ выдѣлъ, изъ состава общинной земли, участковъ въ подворно-наслѣдственное пользованіе отдѣльныхъ домохозяевъ (п. 2 ст. 15 пол. о госуд. кр.)?»

Если система подворнаго владѣнія слабо развита среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, то, утверждаетъ подкомиссія, то же относится и къ крестьянамъ бывшимъ государственнымъ. Въ Тверской губерніи нѣтъ ни одного селенія послѣднихъ, гдѣ бы состоялось распредѣленіе общинной земли на подворно-наслѣдственные участки. Частные выдѣлы, впрочемъ, встрѣчаются; но это не даетъ права обвинять существующій законъ въ несовершенствѣ—съ одной стороны, а съ другой—подтверждаетъ фактъ «неназрѣвшей потребности въ обособленіи хозяйства».

Особое совѣщаніе и тутъ примкнуло къ подкомиссіи, высказавъ, кстати, пожеланіе, *чтобы 165 статья полож. о выкупѣ была замѣнена 2 пунктомъ 15 ст. полож. о государственныхъ крестьянахъ,—чтобы пунктъ этотъ, слѣдовательно, обратилъ свою силу и на крестьянъ помѣщичьихъ.*

Нелогичность особаго совѣщанія не укрылась даже отъ г. предсѣдателя, и онъ остался при отдѣльномъ мнѣніи, которое формулировано было категорическимъ образомъ: «Распространяя дѣйствіе 2 пункта 15 ст. пол. о госуд. крестьянахъ на помѣщичьихъ, взамѣнъ 165 ст. пол. о выкупѣ, совѣщаніе останавливается на полумѣрѣ и, ставя ограниченія для выкупа, допускаетъ его все-таки въ принципѣ. Мое глубокое убѣжденіе заключается въ томъ, что интересы и задачи нашей общины требуютъ непремѣнно полной отмѣны права выкупать надѣльную землю. Мнѣ представляется несомнѣннымъ, что право выкупа идетъ въ разрѣзъ съ общиннымъ пользованіемъ, такъ какъ оно ведетъ къ индивидуализаціи собственности; затѣмъ, право это совершенно парализуетъ общинное начало, такъ какъ выкупленный участокъ не составляетъ уже предмета общественнаго распоряженія; наконецъ, выкупленный участокъ можетъ легко перейти въ постороннія руки. Если совѣщаніе считаетъ общинную форму землевладѣнія един-

[1]) Повидимому, посылки не соотвѣтствуютъ положенію. Начать съ того, что продано лишь 0,3% выкупныхъ надѣловъ, да и изъ тѣхъ 54-хъ участковъ только 63,5% отчуждено по причинѣ экономическаго разстройства (36—въ Новоторжскомъ уѣздѣ, одинъ—въ Корчевскомъ).

ственною, которая можетъ спасти наше крестьянское населеніе отъ пролетаріата, то непослѣдовательно оставлять неустраненнымъ то условіе, которое можетъ вести къ разрушенію общины. Если, затѣмъ, разсматривать настоящій вопросъ съ точки зрѣнія государственныхъ задачъ, то казалось бы возможнымъ придти къ тому заключенію, что личной собственности крестьянъ на надѣльную землю быть не можетъ. Извѣстно, что государство надѣлило освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ землею, купленною государственными средствами у помѣщиковъ. Хотя вначалѣ государство и стало по отношенію къ крестьянамъ въ положеніе заимодавца и залогопринимателя, у котораго крестьяне выкупали какъ будто бы свою собственность, но эти отношенія уже давно видоизмѣнились, и въ настоящее время выкупные платежи составляютъ ни болѣе, ни менѣе, какъ поземельные налоги».

Sapienti sat!..

Помимо 19-ти параграфовъ «О землепользованіи», губернское особое совѣщаніе разобрало точно также и остальные 47 пунктовъ перечня, которые запрашивали: о сельскомъ и волостномъ управленіи, о пріемѣ новыхъ членовъ въ общество и объ увольненіи ихъ, о семейныхъ раздѣлахъ, объ опекѣ, объ общественномъ призрѣніи, о мірскихъ сборахъ и капиталахъ, о нотаріальной части въ селеніяхъ... И все это удалось покончить въ теченіе двухъ сутокъ, такъ что, повидимому, не мало энергіи должны были проявить члены губернскаго совѣщанія, чтобы выполнить столь сложную задачу въ такой короткій срокъ!

С. Ан. Ч—ый.

Изъ Тульской губерніи. (Зимній наемъ на полевыя работы).

Нами былъ полученъ интересный документъ, которымъ мы и хотимъ подѣлиться съ читателями; документъ этотъ—условія найма на сельско-хозяйственныя работы нѣсколькихъ крестьянъ «собственниковъ». Наняты они для обработки 40 дес. разныхъ хлѣбовъ (яровыхъ и озимыхъ) за 180 р. или, иными словами, по 4 р. 50 к. съ десятины. За эту плату, какъ говоритъ условіе, крестьяне должны «три раза вспахать, взборонить, выполоть, связать въ снопы, скласть въ копны, свезти въ гумно, куда укажетъ нанимать, и два дня возить навозъ на каждую десятину». По расчету нанятыхъ крестьянъ, каждая десятина потребуетъ 16 конныхъ и 10 пѣшихъ поденщинъ, или, считая одну конную за двѣ пѣшихъ, мы получимъ, что нанимать купилъ 42 поденщины за 4 р. 50 к., или что онъ оцѣниваетъ одинъ рабочій день крестьянина въ 10,7 коп. Такая низкая оцѣнка оказалась возможной въ той самой Тульской губерніи, гдѣ, по вычисленіямъ Анненскаго [1]), средняя поденная плата сель-

[1]) Анненскій. «Стоимость производства хлѣба въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ». Статья изъ сборника «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторые стороны русск. народн. хозяйства», подъ ред. Чупрова и Посникова. Спб., 1897 г., т. I, стр. 178.

скому рабочему равняется 50 коп. Если мы возьмемъ даже самую низшую поденную плату, встрѣчающуюся въ Тульской губерніи за сельско-хозяйственныя работы и равную 36 коп. [1]), то и тогда плата, предложенная нанимателемъ, окажется въ 3 раза меньшей. Сравнивъ, наконецъ, стоимость обработки дес. поля по нашему условію съ тѣмъ, во что обходится она обыкновенно въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ Тульской губерніи, мы получимъ, что нашъ наниматель выгадываетъ на десятинѣ ржи—7 р. 71 коп., а на дес. овса—3 р. 95 к. [2]).

Разбираемыя условія найма получаютъ дальнѣйшее своеобразное освѣщеніе при знакомствѣ съ слѣдующими двумя пунктами условія:

1) работа должна быть доброкачественная и по первому требованію нанимателя, и

2) въ случаѣ кто-либо изъ насъ дурно сработаетъ или несвоевременно, то отвѣчаемъ круговою порукою. Неустойки за каждую десятину по 5 р., кромѣ означенныхъ 4 р. 50 к.

Первый изъ этихъ двухъ пунктовъ имѣетъ цѣнность для нанимателя лишь постольку, поскольку онъ чувствуетъ за собой возможность *самому* опредѣлять «доброкачественность» работы; въ чемъ выражается эта возможность для насъ безразлично, но что она у нанимателя есть, доказывается существованіемъ этого пункта, включеннаго, конечно, въ условіе не крестьянами. Но первый пунктъ, взятый самъ по себѣ, представляетъ лишь чисто нравственную сентенцію, и, чтобы придать ему болѣе реальный характеръ, наниматель спѣшитъ облечь его въ принудительную форму, говоря о «неустойкѣ за круговой порукой» всѣхъ его контрагентовъ. Теперь крестьяне всецѣло у него въ рукахъ! Поспѣлъ, напр., у крестьянъ хлѣбъ, надо идти его жать, а тутъ ихъ требуютъ на работу къ нанимателю. Идти къ нему, но это равносильно потерѣ всего урожая; не ходить, а спѣшить на свою полоску общиннаго поля, но вѣдь за «несвоевременную работу» приходится отдавать по 9 р. 50 коп.; «несвоевременной» же будетъ всякая работа, совершенная не «по первому требованью». Зачѣмъ же, спрашивается, залѣзли наши мужички въ эту мертвую петлю? Что дало возможность нанимателю купить зимою лѣтній трудъ за баснословно дешевую цѣну, заплативши 180 р. за работу, стоящую по меньшей мѣрѣ 600 рублей?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо взглянуть на конецъ условія, гдѣ значится: «*при написаніи сего условія* [3]) *мы деньги получили въ подати всѣ сполна*». Эта маленькая приписка удивительно много говоритъ; она даетъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ на вопросъ, почему у насъ на Руси вездѣ и всюду предусмотрительные хозяева нанимаютъ крестьянъ на лѣтнія работы задолго до ихъ начала, зимой или иногда даже позднею осенью. Такое общее явленіе, частнымъ проявленіемъ котораго служитъ сдѣлка, заключенная нашимъ нанимателемъ, должно естественнымъ образомъ имѣть и какую-нибудь общую причину.

Всматриваясь въ положеніе нашего крестьянства, мы всюду замѣчаемъ въ

---

[1]) Тамъ же, стр. 181.

[2]) Тамъ же, стр. 191.

[3]) Условіе это составлено 17 января 1897 г.

немъ не однородную массу хозяйствъ, а, наоборотъ, крайнее ихъ разнообразіе. Рядомъ съ многоземельными «богатѣями», обрабатывающими землю трудомъ батраковъ, гнѣздится совсѣмъ безхозяйственный и бездомный пролетарій, ютится малоземельный рядовой крестьянинъ. Первый изъ двухъ послѣднихъ типовъ бѣжитъ обыкновенно изъ деревни на заработки на сосѣднюю фабрику, а иногда въ столицу и совершенно порываетъ связь съ родной деревней. Совсѣмъ не такъ поступаетъ второй. Владѣя жалкой полоской земли, покрившейся избушкой, онъ привязанъ къ своей деревнѣ и не легко покидаетъ ее, ища возможности на мѣстѣ покрыть вѣчный дефицитъ своего бюджета,—дефицитъ, обусловленный тѣмъ, что его клочокъ земли далеко не покрываетъ расходовъ его незатѣйливой жизни. Онъ является, въ буквальномъ смыслѣ слова, паріемъ деревни: и бѣжать изъ нея тяжело, и жить въ ней не сладко. Чтобы наложить заплаты на свой продырявленный бюджетъ, онъ ищетъ продать кому-нибудь по близости свое единственное достояніе—трудовую силу. Покупатель ея, въ лицѣ сосѣдняго помѣщика или мужика-богатѣя, всегда готовъ помочь нуждающемуся въ деньгахъ крестьянину, особенно же, если и ему самому отъ этого будетъ только польза. Главная нужда въ деньгахъ у крестьянина зимой, когда весь урожай прошлаго года онъ уже продалъ для уплаты податей или проѣлъ, когда приходится уплачивать недоимки и всевозможные платежи, когда, наконецъ, приходится подумывать и о сѣменахъ, и вотъ тутъ-то пользуется его безвыходнымъ положеніемъ наниматель, предлагая ему сейчасъ денегъ и требуя за это въ будущемъ работы. Чувствуютъ крестьяне-собственники, что лѣзутъ они въ мертвую петлю, чувствуютъ—и все-таки лѣзутъ, потому что «такая вышла имъ линія». И вотъ берутся они обработать 40 дес. земли за 180 р., хотя деньги эти только промелькнутъ мимо ихъ ртовъ, переходя изъ бумажника нанимателя прямо въ сумку сборщика податей!

Такимъ образомъ мы видимъ, что экономическое положеніе даннаго крестьянина является рѣшающимъ моментомъ въ опредѣленіи тѣхъ условій, на которыхъ онъ продаетъ свою трудовую силу. При дифференціаціи крестьянства всегда найдутся такіе крестьяне, которые пойдутъ работать за какую угодно цѣну, и земля въ данномъ случаѣ играетъ далеко незавидную роль: какъ собственникъ, крестьянинъ прикрѣпленъ къ опредѣленному мѣсту, а какъ мелкій собственникъ, онъ долженъ искать заработка въ качествѣ продавца рабочей силы, соглашаясь на какую угодно цѣну. Въ результатѣ—наниматель имѣетъ возможность получать за ссуженныя на $^1/_2$ года 180 р. работу, за которую платятъ minimum 600 рублей, или наживать ни много, ни мало около 200% за полгода; сборщикъ податей очищается отъ недоимокъ, а крестьянинъ «собственникъ» можетъ утѣшаться мыслью, что рано или поздно онъ освободится отъ земли.

ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

Бомбардировка критскихъ инсургентовъ европейскими эскадрами.—Рѣчь Ганото.—Упорство Греціи.—Мѣры строгости.—Восточный вопросъ.—Международное положеніе Россіи и Англіи.—Успѣхи Россіи въ Азіи.—Русско-японскій договоръ.—Голодъ въ Индіи.—Вмѣшательство Германіи въ греко-турецкій конфликтъ.—Исторія политической полиціи въ Германіи.—Рѣчь Маршаля.—Гоненіе на нѣмецкихъ профессоровъ.—Предстоящіе выборы въ Германіи.—Выборы въ австрійскій рейхсратъ.—Клерикализмъ во Франціи.

«Собственно для Россіи война христіанина съ туркомъ всегда казалась прежде всего «войною за вѣру»; въ борьбѣ греческихъ патріотовъ наше общество видѣло «войну за отечество»; представленія же о томъ, что султанъ можетъ быть по праву «царемъ христіанскаго населенія», никогда не усвоитъ себѣ человѣкъ истинно русскій» [1]).

Такъ писалъ въ 1877-мъ году извѣстный генералъ Е. В. Богдановичъ въ своей монографіи «Наваринъ», составленной по поводу полувѣковой годовщины наваринскаго сраженія, во время котораго, говоря словами адмирала графа Л. Гейдена, «три союзные флота (русскій, англійскій и французскій) соревновали одинъ другому въ храбрости». Но единодушіе трехъ великихъ державъ, проявившееся въ этой достопамятной битвѣ, скоро исчезло. Въ послѣдовавшей за ней «дипломатической борьбѣ *на сторонѣ грековъ*» [2]), говоритъ Е. В. Богдановичъ, «*оказалась одна Россія*», которой не удалось настоять на присоединеніи Крита (Кандіи) къ Греціи.

«Геройская первоначальница всѣхъ взрывовъ эллинскаго національнаго сознанія, обагренная кровью Кандія оказалась брошенной на мстительный произволъ алчущаго крови ея дикаго звѣря». Въ концѣ своей книги авторъ выражаетъ увѣренность, что скоро наступитъ, наконецъ, время освобожденія «обагренной кровью Кандіи» изъ «когтей дикаго звѣря». «Въ Наваринѣ», говоритъ онъ, «въ самомъ разгарѣ огненнаго урагана, за погрузившимися въ волны магометанскими судами всплылъ образъ Богородицы Многомилостивой. То было знаменіе грядущаго торжества честнаго креста надъ агарянскимъ полумѣсяцемъ! Да будетъ же и нынѣ такимъ же знаменіемъ совпаденіе полу-

[1]) «Наваринъ» Е. В. Богдановича, 2-е изд. М. 1877. Стр. 18.

[2]) Курсивъ, какъ здѣсь, такъ и далѣе, принадлежитъ Е. В. Богдановичу.

вѣковой годовщины этого чудеснаго явленія съ тяжкою годиной настоящаго (1877—78 г.) похода! Да сплотятся тѣснѣе этой достославной тризной узы родства между Россіей и *ею одной* освобожденной Греціей, и *ею же одной* освобождаемыми нынѣ прочими страждущими подъ агарянскимъ игомъ братьями по честному кресту! Милосердіемъ Господнимъ и для этихъ несчастныхъ близокъ нынѣ часъ освобожденія».

Прошло 20 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти строки, почтенный авторъ которыхъ въ данную минуту торжественно при участіи высшихъ государственныхъ сановниковъ празднуетъ полувѣковую годовщину своей служебной дѣятельности—и снова вниманіе всей Европы привлечено «обагренной кровью Кандіей», рвущейся изъ «когтей дикаго звѣря»; снова въ эгейскихъ водахъ собрались подъ общей командой эскадры всѣхъ великихъ державъ; снова, какъ при Наваринѣ, гремятъ ихъ пушки противъ общаго врага, но въ этотъ разъ это—не турки, а греческіе повстанцы.

10-го февраля греки, не смотря на запрещеніе адмираловъ союзнаго флота, начинаютъ атаку [1]) на турецкіе аванпосты передъ Канеей. Турки, отстрѣливаясь, отступаютъ. Ихъ позицію занимаютъ повстанцы, вмѣсто турецкаго полумѣсяца на занятыхъ греками высотахъ ужъ вѣетъ бѣлый крестъ, какъ вдругъ къ турецкимъ выстрѣламъ присоединяется грозная бомбардировка съ германскихъ, русскихъ и англійскихъ судовъ, и достаточно 70 выстрѣловъ, чтобъ бѣлый крестъ спустился, и повстанцы отступили. Французы и итальянцы не стрѣляли; по нѣкоторымъ извѣстіямъ «до нихъ не дошла очередь», но константинопольскій корреспондентъ самой вліятельной русской газеты этому не вѣритъ; по его мнѣнію, Франція не стрѣляла нарочно и доказала этимъ свою «двойственность», Италія же «и поступить иначе не могла, будучи вѣчно шакаломъ въ хвостѣ другихъ».

Надо замѣтить, что истинно-русская газета, гдѣ стоятъ эти строки, въ послѣднее время проявляетъ необычайное туркофильство и жестоко нападаетъ на дерзкую маленькую Грецію, рѣшившуюся вопреки волѣ великихъ державъ вооруженною силою помочь своимъ критскимъ братьямъ освободиться изъ-подъ турецкаго ига.

«Турціи», по мнѣнію ея корреспондента, «до внутренняго разложенія далеко»... «Она жива, крѣпка, еще постоитъ за себя и не дастъ себя ампутировать, благодаря только разыгравшимся аппетитамъ Европы». Даже къ константинопольской черни, избивающей палками армянъ, газета проникнута глубокимъ уваженіемъ.

«Самыя убійства послѣдняго августа, когда чернь, страшно возбужденная и разъяренная, палками заколачивала до смерти армянъ, но не трогала и обѣгала другихъ христіанъ,—доказываютъ сознательность этой толпы и пониманіе ею политическаго смысла событій. Въ критическій моментъ своей исторіи она дѣйствуетъ

[1]) По послѣднимъ извѣстіямъ нападеніе начали не греки, а турецкіе башибузуки.

единодушно, какъ будто кто-нибудь ею руководитъ, какъ будто кого-нибудь она слушаетъ мгновенно, какъ дитя. Намъ, народу, живущему еще болѣе чувствомъ и чутьемъ, чѣмъ умомъ и сознаніемъ, этотъ массовый разумъ и проницательность толпы должны быть понятнѣе, чѣмъ дипломатамъ Европы».

Газета, впрочемъ, ничего не имѣетъ противъ занятія Константинополя русскими войсками, *но лишь съ согласія Турціи*. Это прибавило бы «терпѣнія самымъ обиженнымъ элементамъ Турціи» и поддержало бы «авторитетъ султанской власти противъ злостной агитаціи». Какъ трогательна эта заботливость «объ авторитетѣ султанской власти» со стороны газеты, вскормленной патріотическимъ порывомъ семидесятыхъ годовъ, выразившемся въ русско-турецкой войнѣ! Впрочемъ, газета держитъ носъ по вѣтру и, хотя очень грубо, но до извѣстной степени вѣрно отражаетъ общественное настроеніе. Русское общество въ настоящее время хочетъ мира во что бы то ни стало и ужасно боится, чтобъ сантиментальность не повлекла за собой бѣдствій европейской войны. Войны боятся всѣ крупные европейскіе народы, а въ особенности ихъ правительства; и несомнѣнно, что пушки союзной флотиліи подъ Канеей стрѣляли въ инсургентовъ во имя мира.

Но все же даетъ себя знать и «филэлленизмъ», геніальнымъ выразителемъ котораго когда-то явился лордъ Байронъ. На ряду съ суровыми осужденіями дерзкаго поступка Греціи все сильнѣе и сильнѣе слышится гулъ сочувствія и восторга передъ ея геройской рѣшимостью.

Въ Англіи, Франціи и Италіи устраиваются сочувственныя грекамъ демонстраціи, на Критъ отсылаются деньги и отправляются добровольческіе отряды, выдающіеся общественные дѣятели посылаютъ греческому правительству ободряющія телеграммы и т. п. Представителямъ правительства приходится постоянно защищаться отъ яростныхъ нападокъ оппозиціонныхъ партій, обвиняющихъ «европейскій концертъ» въ безчеловѣчности, въ позорной поддержкѣ «великаго константинопольскаго убійцы». Изъ защитительныхъ рѣчей особенно выдѣляется рѣчь министра иностранныхъ дѣлъ Ганото, произнесенная во французской палатѣ.

Франція, по словамъ оратора, желаетъ прежде всего сохранить миръ, а для этого ей необходимо идти рука въ руку со всѣми другими державами, укрѣпляя, а не разъединяя европейскій концертъ.

Европейской дипломатіи Ганото поетъ горячій дифирамбъ. «Политикѣ мирнаго воздѣйствія на султана» большинство балканскихъ государствъ обязаны тѣмъ внутреннимъ миромъ, которымъ они въ настоящее время пользуются. Неприкосновенность оттоманской имперіи необходима для сохраненія европейскаго мира. Нарушеніе ея въ одной точкѣ заставитъ разсыпаться всю имперію, а вслѣдъ за этимъ вспыхнетъ война, послѣдствія которой невозможно предвидѣть. По отношенію къ грекамъ Франція чувствуетъ прежнюю симпатію, но она не

можетъ безъ порицанія отнестись къ ихъ легкомысленному предпріятію, помѣшавшему европейской дипломатіи умиротворить Критъ и ввести тамъ необходимыя реформы.

Осуждая политику Греціи, Ганото бросаетъ однако угрозу и по адресу султана. «Воля Европы, достаточно твердая, чтобъ подчинить себѣ Грецію, сумѣетъ дать себя знать и султану». Эти слова были покрыты громкими рукоплесканіями. Въ заключеніе Ганото приглашалъ своихъ критиковъ указать ему новую программу внѣшней политики, разъ та, которой онъ держится, ими не одобряется. Этимъ вызовомъ онъ несомнѣнно многихъ обезоружилъ, и довѣріе правительству было вотировано большинствомъ 403 голосовъ противъ 81. 59 депутатовъ отъ голосованія воздержались. Меньшинство составилось, главнымъ образомъ, изъ соціалистовъ и радикаловъ. Вѣроятно, Ганото не одержалъ бы этой блестящей парламентской побѣды, если бы «очередь стрѣлять» по грекамъ «дошла» и до французовъ. Впрочемъ, и теперь многіе «независимые» органы печати отзываются о «побѣдѣ Ганото» съ ядовитой насмѣшкой. Рошфоръ въ своемъ «L'intrasigeant» прямо заявляетъ: «Ганото лгалъ, а палата дѣлала видъ, что вѣритъ: вотъ мораль вчерашнихъ академическихъ дебатовъ, гдѣ говорилось о всемъ, за исключеніемъ того, въ чемъ лежала суть дѣла — человѣчности и чести». Въ сущности врядъ ли во Франціи найдется много людей, довольныхъ ея современной внѣшней политикой, но ни у кого нѣтъ вполнѣ опредѣленной программы, такъ какъ «желаніе» и «возможность» отстоятъ въ настоящее время слишкомъ далеки другъ отъ друга. Не безъ остроумія характеризуетъ современную неопредѣленную политику Франціи Корнели въ «Gaulois». «Французы», говоритъ онъ, «не знаютъ, чего они хотятъ ни на Рейнѣ, ни на Нилѣ, ни на Босфорѣ, ни гдѣ бы то ни было. На Рейнѣ они не хотятъ вести войну противъ Германіи, но они и не хотятъ такъ держаться, какъ если бы они жили съ ней въ мирѣ. На Нилѣ они не хотятъ преобладанія англичанъ, но не хотятъ ни выгнать ихъ изъ страны, ни дозволить имъ тамъ остаться. На Босфорѣ они менѣе нелогичны, потому что, если они тамъ и не знаютъ, чего они хотятъ, то все же они знаютъ, по крайней мѣрѣ, чего хочетъ Россія. И Россія знаетъ очень хорошо, чего она не хочетъ».

Всѣхъ суровѣе настроена противъ Греціи Германія, гдѣ не могутъ забыть убытковъ, понесенныхъ иностранными кредиторами вслѣдствіе неисполненія греческимъ правительствомъ нѣкоторыхъ долговыхъ обязательствъ. Въ сущности въ восточномъ и спеціально въ критскомъ вопросѣ Германія заинтересована менѣе всѣхъ другихъ державъ, и отъ нея ожидали разумнаго совѣта, и она, дѣйствительно, предложила мѣры очень рѣшительныя, очень опредѣленныя. Тотчасъ по полученіи извѣстія о высадкѣ греческихъ войскъ на Критъ «другъ султана» императоръ Вильгельмъ II посѣтилъ всѣхъ пословъ и предложилъ не-

медленно жестоко наказать грековъ за дерзкій поступокъ, устроивъ международную блокаду греческихъ береговъ.

«Kölnische Zeitung» прямо требовала, чтобъ Европа «такъ сдавила маленькую Грецію, чтобъ у той остановилось дыханіе». Однако, эти радикальныя мѣры не понравились остальнымъ европейскимъ державамъ. «Европа—не потсдамскій гарнизонъ», замѣтилъ одинъ англійскій дипломатъ. Державы сначала остановились на болѣе умѣренномъ и гуманномъ рѣшеніи. Греческія и турецкія войска одновременно удаляются съ Крита, которому даруется автономное управленіе при сохраненіи формальной зависимости отъ султана. Въ этомъ направленіи были составлены двѣ коллективныя ноты, переданныя Турціи и Греціи. Султанъ далъ свое согласіе, но греческое правительство упорствуетъ; его отвѣтная нота хотя и очень мягка, но все же отклоняетъ требованіе державъ удалить войска съ Крита и вмѣсто установленія автономія предлагаетъ «послѣ полнаго умиротворенія острова» дать возможность населенію Крита при посредствѣ плебисцита высказаться, «какъ оно желаетъ быть управляемо», другими словами, греческое правительство настаиваетъ на присоединеніи Крита къ Греціи, такъ какъ въ томъ, что населеніе Крита выскажется въ пользу присоединенія къ Греціи, трудно сомнѣваться.

Это съ перваго взгляда смѣшное противодѣйствіе греческаго правительства коллективному требованію всѣхъ европейскихъ державъ въ сущности довольно понятно. Во-1-хъ, настроеніе народныхъ массъ въ Греціи и въ особенности въ Аѳинахъ таково, что отступленіе отъ разъ принятаго рѣшенія, хотя бы и подъ давленіемъ великихъ державъ, для короля Георга почти равносильно отреченію отъ престола: участь его предшественника Оттона баварскаго еще всѣмъ памятна. Во-2-хъ, европейскій концертъ играетъ далеко не такъ стройно, какъ кажется издали, и нѣтъ опасности, что Европа послѣдуетъ совѣту «Кельнской Газеты» и задушитъ въ своихъ объятіяхъ маленькую Грецію. Наконецъ, въ-3-хъ, «пожара на Балканскомъ полуостровѣ» и общеевропейской войны, которая могла бы возникнуть вслѣдствіе ея упорства, Греціи бояться нечего, такъ какъ она отъ этого въ концѣ-концовъ только выиграли бы. Но, съ другой стороны, Европа, «видимо, не желаетъ сентиментальничать» и «европейскій концертъ», въ которомъ дирижерское мѣсто на этотъ разъ заняла Россія, не умилившись мягкимъ тономъ отвѣтной ноты Греціи, рѣшилъ прибѣгнуть къ «мѣрамъ строгости» для приведенія въ исполненіе своей воли. Официозный органъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ заявляетъ, что «въ Аѳинахъ, повидимому, не оцѣнили надлежащимъ образомъ, гуманныхъ мотивовъ вмѣшательства державъ, равно снисходительности, съ которой онѣ до сихъ поръ относились къ эллинскому правительству», и что «державы будутъ вынуждены, хотя и очень неохотно, прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, которыя имъ не хотѣлось бы принять по отноше-

нію къ Греціи». По сообщенію вѣнскаго офиціознаго органа «Fremdenblatt», «Россія уже дала приказъ командующему русской эскадрой приступить сообща съ другими командующими, къ блокадѣ критскихъ и греческихъ портовъ». Какъ разъ въ эту серьезную минуту телеграфъ оповѣстилъ о прискорбномъ случаѣ на броненосцѣ «Сисой Великій», находящемся у береговъ острова Крита въ Судской бухтѣ. При учебной стрѣльбѣ изъ 12-ти-дюймовыхъ башенныхъ орудій пороховыми газами, прорвавшимися изъ плохо завернутаго пушечнаго замка, убиты инженеръ-механикъ Дерягинъ, лейтенантъ Алексѣй Пещуровъ и 16 матросовъ; кромѣ того 12 матросовъ ранены тяжело и 3—легко.

Для «миролюбивой европейской дипломатіи» наступаютъ трудныя времена. На Балканскомъ полуостровѣ сталкиваются столь противоположные интересы, что восточный вопросъ врядъ ли возможно разрѣшить къ «общему удовольствію».

На первомъ планѣ, попрежнему, стоитъ вопросъ объ обладаніи проливами и Константинополемъ.

Главнымъ претендентомъ на этотъ «ключъ къ Средиземному морю» въ случаѣ смерти «больного человѣка» является несомнѣнно Россія. Это хорошо знаютъ въ Европѣ и не слишкомъ скрываютъ у насъ. Одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ публицистовъ-политиковъ С. Татищевъ, къ голосу котораго, навѣрное, прислушиваются въ русскихъ дипломатическихъ сферахъ, въ январской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» торжественно заявляетъ, что Царьградъ, Босфоръ и Дарданеллы, «составляютъ историческое наслѣдіе Россіи, справедливое возмездіе за всю пролитую кровь, за всѣ ея самоотверженныя усилія и труды на пользу ея восточныхъ соплеменниковъ и единовѣрцевъ». Но ни для кого также не тайна, что Англія не хочетъ допустить Россію вступить во владѣніе этимъ драгоцѣннымъ наслѣдствомъ. Россія и Англія—вотъ въ данное время два міровыхъ соперника, интересы которыхъ труднѣе всего примирить и между которыми легче всего можетъ вспыхнуть война. Здѣсь дѣло идетъ не объ однихъ «проливахъ», здѣсь дѣло идетъ за «обладаніе Азіей». Давно ужъ Англія съ безпокойствомъ слѣдитъ за русскими успѣхами на Востокѣ, за проложеніемъ Закаспійской и Сибирской жел. дор., за развитіемъ русской промышленности, естественнымъ внѣшнимъ рынкомъ для которой является Азія. Особенно должна быть недовольна Англія тѣми выгодами, которыя получила Россія вслѣдствіе китайско-японской войны. «Уставъ русско-китайскаго желѣзнодорожнаго акціонернаго общества», по которому «сибирскій великій путь» отчасти проходитъ по китайской территоріи, ставитъ въ зависимость отъ Россіи всю сѣверную Манджурію; опубликованный же надняхъ русско-японскій договоръ отнимаетъ у Японіи половину вліянія въ Кореѣ, которую японцы уже считали своей собственностью. Оба правительства, русское и японское, договариваются совѣтовать «корейскому правительству прекратить излишніе расходы

и установить равновѣсіе между расходами и доходами»; они обѣщаютъ «содѣйствовать заключенію иностранныхъ займовъ и помогать въ выборѣ министровъ изъ лицъ просвѣщенныхъ и умѣренныхъ», наконецъ, они получаютъ право временно держать на Кореѣ для охраны своихъ подданныхъ небольшіе отряды войскъ.

Никогда еще, кажется, Россія въ внѣшне-политическомъ отношеніи не стояла въ такомъ благопріятномъ положеніи сравнительно съ Англіей. За Россіей ухаживаетъ Германія, за Россіей повсюду покорно идетъ Франція; Англія же почти со всѣми державами въ натянутыхъ отношеніяхъ, у нея на плечахъ египетскія и трансваальскія «недоразумѣнія», у нея, наконецъ, въ Индіи голодъ и чума, сильно вредящіе и ея международному престижу, и ея международной торговлѣ. Индійскій голодъ и стоящее въ связи съ нимъ страшное развитіе чумы лишній разъ показываютъ, что отношеніе англичанъ къ ихъ богатой колоніи далеко отъ идеала, что и до сихъ поръ англійское правительство смотритъ на Индію лишь какъ на важный источникъ дохода. Отношеніе великобританскаго правительства къ Индіи нашло себѣ чрезвычайно рѣзкую оцѣнку на одномъ изъ митинговъ, созванныхъ недавно въ Лондонѣ по поводу индійскаго голода. На митингѣ, между прочимъ присутствовало много индусовъ, съ ихъ смуглыми лицами въ красныхъ и черныхъ тюрбанахъ. Предсѣдательствовалъ профессоръ исторіи Бизлей, не принадлежащій ни къ какой партіи. Въ своей вступительной рѣчи онъ замѣтилъ, между прочимъ, что онъ ни одному изъ противниковъ резолюціи не запретитъ говорить и никого не удалитъ изъ залы. Это замѣчаніе, направленное противъ лондонскаго лордъ-мэра, удалившаго изъ залы на одномъ изъ предыдущихъ митинговъ соціалдемократа Гайндмана, вызвало громкія одобренія. Первымъ послѣ Бизлея говорилъ ирландскій депутатъ Давитъ, требовавшій реформъ и освобожденія Индіи отъ «проклятаго англійскаго ига». Онъ указалъ, что изъ фонда, составленнаго на случай голода, изъ особыхъ налоговъ, съ 1887 года 50 милліоновъ ф. стерл. (500 милліоновъ рублей) истрачено было на пограничныя войны. Затѣмъ выступилъ одинъ изъ представителей рабочей партіи—Кунингамъ Грахамъ, который видитъ въ капитализмѣ виновника обѣдненія Индіи и учащающихся голодовокъ; при бурныхъ рукоплесканіяхъ призываетъ онъ англійскихъ рабочихъ соединиться съ угнетенными индусами и бороться вмѣстѣ съ ними противъ общаго ига. Вслѣдъ за нимъ индусъ Додабай Навроджи рисуетъ картину эксплуатаціи своего народа, онъ бичуетъ политическое лицемѣріе Англіи, ежегодно берущей у страны болѣе 20 милліоновъ ф. стерл., и требуетъ самоуправленія для Индія. Наконецъ, поднимается Гайндманъ. Его встрѣчаютъ долго несмолкаемыя рукоплесканія, переходящія въ бурную овацію, когда Грахамъ предлагаетъ въ честь его троекратное ура. Гайндманъ говоритъ спокойно, дѣловито. Съ статистическими данными въ рукахъ онъ высчитываетъ, сколько

милліоновъ ежегодно берется изъ «голоднаго фонда» на пограничныя войны, онъ рисуетъ бѣдность туземцевъ, которымъ урожай ежегодно даетъ лишь 200 милліоновъ фун. стерл., и изъ нихъ они отдаютъ Англіи 30 милліоновъ. Голодъ въ Индіи, по словамъ оратора, явленіе обычное. Тысячи индусовъ ежегодно умираютъ отъ голода, но правительство не обращаетъ на это вниманія. Оно задумывается только тогда, когда начинаютъ умирать милліоны, потому что трупы не въ состояніи платить налоги. По расчету Гайндмана, нынѣшній голодъ будетъ стоить около 8 милліоновъ жизней. И за эти жизни отвѣтственно англійское правительство и спеціально лордъ Гамильтонъ, скрывавшіе до послѣдней возможности грозное бѣдствіе. Рѣчь Гайндмана имѣла громадный успѣхъ, особенно у индусовъ, но еще большее впечатлѣніе произвелъ Томъ Мэнъ, который, повернувшись къ сидѣвшимъ за нимъ индусамъ, совѣтовалъ имъ вести агитацію повсюду: и въ городахъ, и въ деревняхъ, по дорогамъ и въ мастерскихъ. Въ ихъ порабощеніи виновато одно лишь правительство, англійскій народъ стоитъ за ихъ освобожденіе.

Въ концѣ-концовъ была принята резолюція, въ которой правительству предлагается прекратить ежегодное взиманіе съ индусовъ 20 мил. ф. с. (200 м. рублей) въ пользу Англіи, гдѣ эти деньги идутъ на содержаніе и пенсіи чиновниковъ. Выбрана была и депутація для передачи этой резюлюціи лорду Салюсбери и лорду Гамильтону.

Непосредственнаго практическаго результата подобный митингъ и подобная резолюція имѣть не могутъ, но они заставятъ призадуматься современныхъ правителей Англіи.

Обращаясь отъ Россіи и Англіи къ другимъ великимъ державамъ, мы видимъ, что международное положеніе Германіи почти такъ же выгодно, какъ и Россіи. Русско-французскій союзъ не только не усилилъ опасность французскаго реванша, но, напротивъ, значительно ее ослабилъ. Нѣмцы уже начинаютъ надѣяться, что французскіе боевые патроны, такъ долго подготовляемые для нихъ, будутъ разстрѣляны по англичанамъ. Вѣроятно, именно въ виду этой перспективы, императоръ Вильгельмъ II пользуется каждымъ случаемъ, чтобы высказать свое благоволеніе французамъ и грозитъ однимъ только «внутреннимъ врагамъ». Кто это «внутренніе враги»—не для всѣхъ въ Германіи ясно.

Извѣстно, что одинъ баварскій солдатъ на вопросъ императора: «кто внутренніе враги?» не моргнувъ, отрѣзалъ: «пруссаки, ваше величество!» Извѣстно также, что одинъ прусскій солдатъ на подобный же вопросъ одного офицера отвѣтилъ: «штатскіе, господинъ маіоръ!». Наконецъ, многіе думаютъ, что это агенты «политической полиціи», съ которыми упорную борьбу ведетъ министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ фонъ-Маршаль.

Исторія «политической полиціи» въ Германіи представляетъ изъ себя одну изъ интереснѣйшихъ страницъ новѣйшей исторіи. Учрежден-

ная въ 1866 году по предложенію Бисмарка, она предназначалась для охраны короля и перваго министра отъ покушеній, для вскрытія писемъ, просмотра телеграммъ и т. д. Агенты ея получили чрезвычайно широкія полномочія, которыя постепенно расширяли, пользуясь невозможностью контролировать ихъ «тайныя дѣйствія». Въ ихъ ряды вступали ловкіе авантюристы, между которыми особенно извѣстенъ Норманъ-Шуманъ, завязавшій обширныя связи съ воспитанными Бисмаркомъ «пресмыкающимися» журналистами. Пока дѣйствовалъ законъ о соціалистахъ, «агенты политической полиціи» находили себѣ достаточно занятій въ качествѣ «agents provocateurs», но когда этотъ законъ палъ, и соціалдемократы начали бороться исключительно на законной почвѣ и притомъ совершенно явно, при широко «открытыхъ дверяхъ», политической полиціи уже нечего было дѣлать между ними, и она перенесла свою дѣятельность въ дома министровъ и во дворецъ самого императора.

На смѣну черезчуръ зарвавшагося Нормана-Шумана явился еще болѣе ловкій и смѣлый фонъ-Таушъ. Вѣроятно, поддерживаемый высокопоставленными лицами, недовольными новымъ курсомъ, Таушъ съ помощью журналистовъ-шпіоновъ, въ родѣ фонъ-Лютцова и Леккерта, запуталъ въ сѣти интриги самого императора и ближайшихъ его совѣтниковъ.

Пользуясь данными, полученными черезъ своихъ агентовъ тайной полиціи, Таушъ ловко составлялъ анонимныя письма и заставлялъ своихъ журналистовъ писать въ газетахъ анонимныя статьи, полныя темныхъ намековъ по адресу министровъ и представителей императорскаго двора. Тѣ поручали ему отыскивать авторовъ, и онъ называлъ имъ ихъ же сотоварищей—государственныхъ сановниковъ. Всѣмъ памятны таинственный арестъ церемоніймейстера фонъ-Котце, убитаго впослѣдствіи на дуэли фонъ-Шрадеромъ, неожиданныя отставки графа Каприви, генерала Бронзара, фонъ-Келлера и другихъ. Теперь несомнѣнно, что всюду здѣсь играла роль интрига «политической полиціи», интрига Тауша, за которымъ, очень вѣроятно, стояли недовольные «новымъ курсомъ». Наконецъ, интрига захватила въ свою сѣть и автора ненавистныхъ аграріямъ торговыхъ договоровъ, министра иностранныхъ дѣлъ (статсъ-секретаря по иностр. дѣламъ) барона Маршаля. Одинъ изъ бреславскихъ тостовъ былъ переданъ невѣрно, и одна изъ газетныхъ статей обвиняла въ тенденціозной передѣлкѣ друга императора, посла при вѣнскомъ дворѣ графа Эйленбурга; другая же намекала, что обвиненіе графа Эйленбурга исходитъ отъ барона Маршаля.

Но умный и энергичный министръ иностранныхъ дѣлъ, начавшій свою карьеру прокуроромъ, разорвалъ опутавшую его сѣть и бѣжалъ отъ «политической полиціи» подъ защиту гласнаго суда.

Онъ раскрылъ въ лицѣ Люцова и Леккерта, авторовъ упомянутыхъ статей и привлекъ ихъ къ отвѣтственности за клевету.

Онъ самъ и Таушъ явились свидѣтелями. Между ними передъ лицомъ всего міра произошло нѣчто въ родѣ поединка, и въ концѣ-концовъ съ Тауша была сорвана маска, и онъ по предложенію генеральнаго прокурора былъ арестованъ, какъ уличенный въ лжеприсягѣ и подлогѣ. Процессъ этотъ, изъ котораго въ сущности обвиненной вышла вся система «политической полиціи», произвелъ въ Германіи страшную сенсацію. Демократы и свободомыслящіе восхваляли героя Маршаля; аграріи же и бисмаркіанцы накинулись на него, какъ на измѣнника «прусскимъ традиціямъ», какъ на человѣка, потрясающаго государственныя основы, доставляющаго радость соціалдемократамъ и вредящаго престижу Германія за границей.

Всѣ эти обвиненія въ нѣсколько болѣе мягкой формѣ отъ лица консервативной партіи высказалъ графъ Лимбургъ-Штирумъ въ прусскомъ ландтагѣ, гдѣ баронъ Маршаль, какъ сановникъ исключительно имперскій, не присутствуетъ. Но онъ не оставилъ консерваторовъ безъ отвѣта и далъ имъ хорошій урокъ въ рейхстагѣ. Рѣчь его—цѣлое событіе. Давно ужъ въ рейхстагѣ со стороны правительства не раздавалось такого убѣжденнаго и мощнаго голоса. Кратко, но безъ малѣйшихъ замалчиваній изложивъ прологъ къ процессу, онъ доказалъ, что для честнаго, уважающаго себя человѣка иного исхода, кромѣ гласнаго процесса, не было. Только на судѣ, при полной гласности, въ перекрестномъ допросѣ свидѣтелей могла вполнѣ выясниться виновность фонъ-Тауша, противъ котораго, какъ и противъ всякаго другого человѣка, онъ не считалъ себя въ правѣ дѣйствовать административнымъ путемъ, пользуясь своимъ вліяніемъ. «Меня упрекаютъ,—говорилъ онъ,—за мои слова о бѣгствѣ подъ защиту гласности, меня язвительно спрашиваютъ, отъ кого я собственно бѣжалъ? Я бѣжалъ отъ лжи и клеветы. Съ этими врагами бороться въ темнотѣ я не научился въ своей юности, я могу съ ними справляться лишь при яркомъ дневномъ свѣтѣ залы суда, и я пошелъ туда». Защищая затѣмъ гласность этого процесса, Маршаль сказалъ между прочимъ: «Общественный интересъ лишь выигрываетъ, если страна смотритъ на подобныя вещи естественнымъ глазомъ публичнаго засѣданія, а не сквозь тусклыя очки тайнаго процесса. Въ первомъ случаѣ познается размѣръ и границы зла, познается и твердое желаніе устранить это зло. Во второмъ случаѣ общественному мнѣнію показывается исковерканная, неясная картина, составленная изъ истины и фантазіи, изъ комбинацій, преувеличеній, изъ сплетенъ и еще худшихъ вещей. И тогда появляется опасность, что дѣло обобщатъ, его будутъ эксплуатировать въ политическихъ цѣляхъ, и явится подозрѣніе, что правительство хотѣло что-то замять, скрыть, а на это общественное мнѣніе въ Германіи очень чувствительно». Кромѣ этихъ, такъ сказать, принципіальныхъ положеній, баронъ Маршаль бросилъ въ сторону консерваторовъ не мало тонко-ироническихъ, но убійственныхъ замѣчаній. Въ заключеніе онъ торжественно заявилъ,

что и впредь будетъ поступать такъ же, какъ и въ этотъ разъ, т.-е. «идти тѣмъ путемъ, который одинаковъ для высшихъ и низшихъ,—путемъ суда».

Рѣчь произвела громадное впечатлѣніе: лѣвая, не исключая и соціалдемократовъ, громко выражала свое одобреніе, правая мрачно молчала. Представитель правой, графъ Мирбахъ въ безсильной злобѣ началъ свой отвѣтъ съ того, что оскорбилъ почтеннаго президента рейхстага фонъ-Буоля, посмѣявшись надъ его глухотой, а затѣмъ храбро заявилъ, что «съ юнкерами не такъ-то легко справиться».

Бебель доказывалъ, что система Тауша порожденіе системы Бисмарка. По его мнѣнію, необходимо совершенно уничтожить политическую полицію, которая является школой низости и разврата. Въ общемъ рѣчь его на этотъ разъ не представляла ничего особеннаго. Надо замѣтить, что Маршаль, какъ онъ самъ указалъ въ своей рѣчи, «бѣгствомъ подъ защиту гласности» предупредилъ соціалдемократовъ. Дѣло въ томъ, что еще задолго до процесса соціалдемократамъ уже были извѣстны главныя пружины интриги Тауша, и они уже готовились выступить съ разоблаченіями, какъ баронъ Маршаль началъ свой процессъ противъ Лютцова и Леккерта.

«Въ моихъ рукахъ,—сказалъ, между прочимъ, въ рейхстагѣ фонъ-Маршаль,—были доказательства, что соціалдемократическіе вожди имѣютъ свѣдѣнія о большей части того, что происходило въ политической полиціи, и что они съ своей стороны готовятся къ разоблаченіямъ. Этому помѣшалъ процессъ. Если бы господину депутату Бебелю удалось разоблачить эти дѣла, и соціалдемократическая пресса написала бы къ нимъ соотвѣтственныя комментаріи, тогда все равно пришлось-бы приступить къ ихъ открытому обсужденію на судѣ, но тогда былъ бы установленъ фактъ, что правительство знало раньше обо всемъ этомъ, но старалось уладить дѣло тайкомъ».

Въ этомъ отношеніи Маршаль, конечно, вполнѣ правъ. Но интересно было бы знать, бѣжалъ ли бы онъ подъ защиту гласности, раскрылъ ли бы онъ передъ лицомъ всего міра «систему Тауша», если бы «соціалдемократическіе вожди не готовились уже сдѣлать разоблаченія съ своей стороны?» Мы думаемъ, что во всякомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ бы тогда безъ одобренія своихъ коллегъ, которые понимаютъ «прусскія традиціи» не совсѣмъ такъ, какъ онъ.

Какъ бы то ни было, а германскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ пользуется въ настоящее время уваженіемъ всѣхъ партій рейхстага, хотя, разумѣется, уваженіе имѣетъ разную окраску у разныхъ партій. Этого нельзя сказать про прусскаго военнаго министра фонъ-Госслара, котораго врядъ ли кто уважаетъ въ рейхстагѣ. Недавно онъ вздумалъ отомстить свободомыслящимъ и соціалдемократамъ за свое осеннее пораженіе и снова потерпѣлъ фіаско. Его наивныя обвиненія противниковъ въ кражѣ, развратѣ и т. п. производили

жалкое впечатлѣніе по сравненію съ чисто-дѣловой, серьезной рѣчью фонъ-Фолмара, указавшаго, между прочимъ, на одну изъ прежнихъ работъ фонъ-Госслара, въ которой тотъ высказывался за международное уменьшеніе постоянныхъ войскъ, что до извѣстной степени совпадаетъ съ желаніями соціалдемократовъ. Разумѣется, военный министръ горячо протестовалъ противъ этой опасной солидарности.

Въ дальнѣйшіе дебаты по поводу военнаго бюджета, по обыкновенію, вмѣшались два «крайнихъ»—Бебель и «король» Штуммъ, и, по обыкновенію же, Бебель довелъ Штумма до бѣлаго каленія. Бѣдный «король» Штуммъ! Поистинѣ становится страшно за его разсудокъ! Повсюду мерещится ему красный призракъ, и онъ на каждомъ шагу изображаетъ изъ себя донъ-Кихота, сражающагося съ вѣтренными мельницами. То поражаетъ онъ своимъ картоннымъ мечомъ нѣмецкихъ пасторовъ съ бывшимъ придворнымъ проповѣдникомъ Штекеромъ во главѣ, то накидывается на консервативныхъ нѣмецкихъ профессоровъ. Впрочемъ, на профессоровъ теперь въ Германіи вообще поднято цѣлое гоненіе. Ихъ преступленія тяжки и многообразны. Они задумали устроить въ Берлинѣ университетскіе *общедоступные* курсы, они вмѣшиваются въ соціально-политическую жизнь и произносятъ рѣчи въ рабочихъ собраніяхъ, они подписываютъ воззванія въ пользу рѣшенія третейскимъ судомъ конфликта между гамбургскими портовыми рабочими и ихъ хозяевами, и т. д. На нихъ ужъ выпущена цѣлая стая «чернильныхъ кули», чернильныхъ поденщиковъ, подвизающихся на страницахъ «національналіберальныхъ» и «свободоконсервативныхъ» газетъ, противъ нихъ принимаются мѣры и правительствомъ.

Кильскій минералогъ проф. Леманъ приглашенъ попечителемъ для объясненія по поводу подписи «воззванія»; проф. Зомбартъ, единогласно выбранный фрейбургскимъ философскимъ факультетомъ на каѳедру политической экономіи, не утвержденъ баденскимъ правительствомъ, наконецъ, въ офиціозныхъ «Берлинскихъ Политическихъ Извѣстіяхъ» появляется суровое предостереженіе Адольфу Вагнеру и созданной имъ школѣ. «Предостереженіе», напоминая о предстоящихъ измѣненіяхъ въ системѣ вознагражденія профессоровъ, обѣщаетъ регулировать оклады сообразно соціально-политическимъ воззрѣніямъ доцентовъ.

Мѣры эти уже возымѣли нѣкоторое дѣйствіе на «слабыхъ духомъ», по крайней мѣрѣ, берлинскій университетскій сенатъ слабымъ большинствомъ отклонилъ проектъ устройства въ Берлинѣ общедоступныхъ университетскихъ курсовъ.

Впрочемъ, къ этимъ «слабымъ духомъ» не принадлежитъ консерваторъ, тайный совѣтникъ Адольфъ Вагнеръ, давшій въ газетѣ пастора Наумана «Die Zeit» суровую отповѣдь напущеннымъ на него «чернильнымъ поденщикамъ».

Касаясь «Kölnische Zeitung», написавшей противъ него обличитель-

ную статью, и того впечатлѣнія, какое вообще подобныя статьи производятъ на наивныхъ читателей, проф. Вагнеръ говоритъ:

«Добрыя души, онѣ не знаютъ *этой* прессы, ея зависимости отъ собственниковъ и заинтересованныхъ лицъ, этой *тенденціозности* и *искусства все извращать*. Онѣ не подозрѣваютъ, какъ *невѣжественны* эти газетные писаки капиталистической прессы въ *области политико-экономической теоріи*, какъ *неспособны* они къ *самой простой работѣ мысли въ области соціальныхъ проблемъ*, и они стараются прикрыть это постоянно опаснымъ указаніемъ на «практическія свѣдѣнія». Точно будто эти люди на одинъ вершокъ стоятъ ближе къ «практикѣ», чѣмъ мы, «кабинетные ученые». Они считаютъ соціализмомъ» давно извѣстныя положенія правовѣрнѣйшей антисоціалистической политической экономіи, въ родѣ положенія о необходимости организовать предложеніе работы для правильной регулировки заработной платы! Въ тотъ моментъ, какъ они пишутъ статью объ (разумѣется, необходимой и полезной) организаціи предложенія хлѣба для достиженія лучшихъ цѣнъ, они отвергаютъ несравненно болѣе обоснованное требованіе регулировать «рабочій рынокъ» (Arbeitsmarkt), потому что это запрещено «хозяевами» этихъ «поденщиковъ печати».

Подъемъ «реакціонной дѣятельности», замѣчаемый въ настоящее время въ Германіи, до извѣстной степени объясняется приближеніемъ общихъ выборовъ въ германскій рейхстагъ, которые должны состояться въ будущемъ году. Не смотря на то, что до нихъ остается еще $1^1/_2$ года, многія партіи уже начинаютъ готовиться къ избирательной кампаніи. Въ «свободомыслящихъ» кругахъ усиленно пропагандируется мысль о совмѣстной атакѣ всѣхъ «демократическихъ» партій противъ представителей реакціи, и очень возможно, что произойдетъ соглашеніе между южными демократами, свободомыслящей народной партіей и «свободомыслящимъ объединеніемъ»; соціалдемократы же, повидимому, и на этотъ разъ двинутся въ походъ совершенно самостоятельно, не входя въ соглашеніе ни съ одной изъ буржуазныхъ партій.

Въ Австріи, какъ разъ въ данной моментъ, происходятъ общіе выборы въ рейхсратъ, въ которыхъ (вслѣдствіе расширенія избирательнаго права) впервые могутъ принять участіе и рабочіе. Избирательная система въ Австріи въ высшей степени сложная. Выборы происходятъ по такъ называемымъ «*куріямъ*», которыхъ до нынѣшняго года было 4: крупные землевладѣльцы, города, торгово-промышленныя палаты и сельскія общины; во всѣхъ нихъ право выбора ограничено имущественнымъ цензомъ, притомъ въ первыхъ трехъ куріяхъ выборы прямые, въ послѣдней—посредственные, т.-е. сначала имѣющіе право голоса выбираютъ извѣстное число «избирателей», которые въ свою очередь выбираютъ депутата. Въ общемъ эти 4 куріи избираютъ 353 депутата въ рейхсратъ. Къ нимъ, по новому закону, впервые пр имѣ-

няемому при нынѣшнихъ выборахъ, присоединяются еще 72 депутата, избираемые на основаніи общаго избирательнаго права, притомъ въ тѣхъ изъ 12 «странъ», составляющихъ цислейтанскую половину Австро-Венгріи, гдѣ выборы въ ландтаги — посредственные, и эти новые депутаты «пятой куріи» избираются посредственно, гдѣ же прямые— и они избираются на основаніи прямого голосованія. Подача голоса въ одной изъ первыхъ четырехъ курій не лишаетъ права голосовать и въ пятой, такъ что многіе «имущіе» имѣютъ по два голоса.

Понятно, что такая система сама по себѣ достаточно ограждаетъ австрійскій рейхсратъ отъ наплыва представителей пролетаріата, но администрація все же прилагаетъ всѣ усилія, чтобы лишить трудящееся населеніе возможности участвовать въ выборахъ. Требуется, напр., чтобы избиратели пятой куріи удостовѣрили тожественность своей личности передъ избирательной комиссіей; избирательные листы часто не печатаются и не допускается ихъ списыванье, но, главное, «избирательное время», по большей части, назначено очень короткое и въ высшей степеня неудобное для рабочаго человѣка; встрѣчаются города, гдѣ оно ограничено однимъ часомъ (отъ 9—10 ч. утра).

Нѣтъ недостатка и въ прямомъ «давленіи». Въ этомъ отношеніи, по сообщеніямъ независимыхъ газетъ, въ Галиціи происходятъ удивительныя вещи. Австрійское правительство почему-то очень боится галицкихъ крестьянъ! Здѣсь непріятные правительству агитаторы прямо арестовываются, оппозиціонные избиратели не допускаются до голосованія, избирательныя записки разрываются, за правительственныхъ же кандидатовъ подаютъ голоса даже мертвые и дѣти. Нельзя не удивляться поэтому, что наиболѣе оппозиціонная, именно рабочая партія, первый разъ вступившая въ избирательную кампанію, по имѣющимся уже свѣдѣніямъ (общій результатъ еще неизвѣстенъ), одерживаетъ очень значительныя побѣды; въ особенности велики успѣхи соціалдемократовъ въ Богеміи и Моравіи, такъ, напр., въ теплицкихъ сельскихъ общинахъ въ пятой куріи выбрано 88 «избирателей», изъ нихъ 84 соціалдемократа, 2 прогрессиста и 2 антисемита (christlich-sociale); въ карлсбадскомъ округѣ изъ 1.566 поданныхъ голосовъ 825 падаютъ на соціалдемократовъ, 500 на нѣмецкихъ націоналистовъ и 90 на антисемитовъ. Въ верхней Австріи и Тиролѣ наибольшій успѣхъ имѣютъ клерикалы. Въ нижней Австріи борются между собою антисемиты и соціалдемократы; въ Вѣнѣ за первыхъ подано 117.097 голосовъ, за вторыхъ—88.377.

Черезъ нѣсколько дней начнутся общіе выборы и въ Италіи. Правительство маркиза Рудини старается «облегчить» выборы не менѣе, чѣмъ правительство Бадени. Галиціи въ Италіи соотвѣтствуетъ Сицилія, гдѣ администрація всѣми силами старается устранить оппозиціонныхъ кандидатовъ, состоящихъ, главнымъ образомъ, изъ соціалистовъ, но къ такимъ радикальнымъ мѣрамъ, какими пользуется адми-

нистрація въ Галиціи, здѣсь врядъ ли рѣшатся прибѣгнуть, такъ какъ сицилійская атмосфера дѣйствительно насыщена электричествомъ, и каждую минуту можетъ разразиться гроза.

Во французской палатѣ надняхъ велись очень оживленныя пренія по поводу «воздѣйствій» на избирателей, но въ этихъ воздѣйствіяхъ обвинялось не правительство, а католическое духовенство. Дѣло шло о дѣйствительности или недѣйствительности мандата аббата Гэйро, избраннаго въ Брестѣ, представителемъ котораго былъ когда-то извѣстный «монсиньоръ Фреппель». Въ комиссію, провѣрявшую правильность выбора Гэйро, поступило множество протестовъ, указывавшихъ на вмѣшательство въ выборы духовенства, вліявшаго на избирателей своимъ духовнымъ авторитетомъ и указаніями на желаніе папы, чтобы былъ выбранъ аббатъ Гэйро, и т. п. По словамъ докладчика комиссіи Изамбера, въ пользу аббата Гэйро была «мобилизирована вся черная армія», и онъ предлагалъ назначить особую комиссію для изслѣдованія допущенныхъ злоупотребленій на мѣстѣ. Обсужденіе этого вопроса дало поводъ радикаламъ къ цѣлому ряду ярыхъ нападокъ на католическое духовенство, организующееся въ отдѣльную, католическую партію, первой манифестаціей которой и является избраніе Гэйро. Аббатъ не встрѣтилъ поддержки и со стороны монархистовъ, такъ какъ онъ открыто заявилъ себя республиканцемъ и побѣдилъ на выборахъ монархиста графа де-Блуа.

Защищая свое избраніе въ палатѣ, Гэйро прямо заявилъ, что его предшественники, «монсиньоры» Фреппель и Д'Юльстъ», были избираемы еще съ большимъ воздѣйствіемъ духовенства, но противъ ихъ выбора не протестовали, потому что они были монсиньеры-монархисты, онъ же аббатъ-республиканецъ. «Систему политическихъ собраній въ церкви ввели монсиньоръ Фреппель и монсиньоръ Д'Юльстъ», сказалъ аббатъ Гэйро: «они раздавали тамъ благословенія своимъ вѣрнымъ. Я же, напротивъ, освятилъ собранія публичныя, гдѣ боролись противоположные взгляды». Эти слова были покрыты криками негодованія и насмѣшками правой. Вообще рѣчь аббата-республиканца была встрѣчена монархистами съ нескрываемымъ озлобленіемъ. На этотъ разъ крайніе монархисты сошлись съ крайними радикалами. И кто знаетъ, не образуется ли въ самомъ дѣлѣ на обломкахъ клерикально-монархической партіи новая партія клерикальныхъ республиканцевъ?

Послѣ двухдневныхъ горячихъ дебатовъ палата большинствомъ 339 голосовъ противъ 112 не только приняла предложеніе Изамбера—назначить разслѣдованіе злоупотребленій, допущенныхъ при выборахъ въ 3-мъ брестскомъ округѣ, но и постановила расклеить во всѣхъ ратушахъ (мэріяхъ) Франціи рѣчь депутата Гемона, особенно ярко выставившаго опасность для республики «партіи священниковъ», цѣль которой—«всемірное господство католической церкви».

В. П.

ТЕКУЩІЕ ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Пересмотръ законодательства о крестьянахъ.

Усложненіе жизни и его симптомъ—самоотрицаніе крайняго консерватизма на страницахъ «Петербургскихъ Вѣдомостей».—Столичное губернское земство и пересмотръ крестьянскаго законодательства.—«Метаморфоза сословій».—Разслоеніе крестьянства.—Историческая справка о полемикѣ Редакціонныхъ Комиссій съ членами Губернскихъ Комитетовъ.—Характеристика юридическаго положенія крестьянской личности.—Одно мнѣніе въ пользу всесословной самоуправляющейся единицы.—Превращеніе всесословной волости изъ крѣпостническаго пугала въ либеральное.—Значеніе этого превращенія.—Будущая волость должна быть всеклассной.—Postscriptum. Приглашеніе Земскаго Отдѣла М. В. Д.

Народная жизнь усложняется. Во всѣхъ областяхъ ея происходятъ медленныя, но коренныя измѣненія. Нѣкоторыя изъ нихъ суммируются въ довольно внушительные факты и объявляются въ качествѣ таковыхъ на поверхности жизни; другія еще таятся въ ея глубинахъ. Въ нашей прессѣ, быть можетъ, самымъ характернымъ симптомомъ усложненія жизни является довольно знаменательный метаморфозъ, совершающійся внутри консервативный печати. Послѣдняя начинаетъ становиться втупикъ передъ усложняющейся жизнью. Отсюда появленіе на почвѣ самой «консервативной» печати такихъ—да проститъ намъ читатель нѣмецкое выраженіе—«Zwittergestalten», какъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» князя Эспера Ухтомскаго. Какой-нибудь ядовитый эстетическій наблюдатель можетъ вспомнить Горація: Desinit in piscem mulier formosa superne: spectatum admisi risum teneatis, amici? [1]) Но смѣшного тутъ ничего нѣтъ. Передъ нами интересное и серьезное жизненное явленіе. Г. Ухтомскій былъ нѣкогда сотрудникомъ «Гражданина» князя Мещерскаго, и этотъ публицистъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ ласково-отеческими словами напутствовалъ своего молодого товарища на «оный путь, журнальный путь». Князь Мещерскій, вѣроятно, не предвидѣлъ, что г. Ухтомскому придется, быть можетъ, явственнѣе, чѣмъ кому бы то ни было другому, демонстрировать самоотрицаніе и разложеніе нашего—soit disant—консер-

[1]) Если бы женскую голову къ шеѣ коня живописецъ
Вздумалъ приставить, и разные члены собравши отвсюду,
Перьями ихъ разцвѣтить, чтобъ прекрасная женщина сверху
Кончилась снизу уродливою рыбой; смотря на такую
Выставку, други! могли ли бы вы удержаться отъ смѣха.
(De arte poëtica въ переводѣ М. Дмитріева).

ватизма. Это, конечно, не вина и даже не бѣда г. Ухтомскаго, а, пожалуй, крупная заслуга, если можно говорить о заслугѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ *прямого умысла*.

Жизнь не укладывается въ тѣ желѣзные тиски, которые составляютъ идеалъ нашей ультра-консервативной печати, и вотъ она, эта никогда не останавливающаяся жизнь начинаетъ на разные голоса вопить на страницахъ «Петербургскихъ Вѣдомостей». Разноголосица получается удивительная, но въ то же время въ высшей степени поучительная, дѣлающая газету г. Ухтомскаго едва ли не самымъ интереснымъ органомъ нашей ежедневной прессы. Интересъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» не только не умаляется, а, наоборотъ, возрастаетъ при сопоставленіи ихъ съ глашатаями безуступочнаго консерватизма, съ «Московскими Вѣдомостями» и «Гражданиномъ».

Усложненіемъ жизни, конечно, въ значительной мѣрѣ объясняются правительственныя работы по пересмотру нѣкоторыхъ важныхъ отдѣловъ нашего законодательства. Почти три года тому назадъ начаты министерствомъ внутреннихъ дѣлъ работы по «пересмотру *нѣкоторыхъ* отдѣловъ законодательства о крестьянахъ». Въ нашей журналистикѣ («Новое Время», «Вѣстникъ Европы», «Народъ», «Русскія Вѣдомости», «Русское Богатство») уже указывалось на весьма односторонній, по преимуществу бюрократическій характеръ этого пересмотра, выразившійся, между прочимъ, въ непривлеченіи къ этому дѣлу земскихъ учрежденій. Указаніе, преподанное въ циркулярѣ 7-го іюня 1894 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ гг. губернаторамъ относительно организаціи мѣстныхъ совѣщаній для обсужденія 66 вопросовъ законодательства о крестьянахъ, намѣченныхъ въ министерскомъ перечнѣ, было редактировано слѣдующимъ образомъ:

«По самому свойству поставленныхъ въ перечнѣ отчасти весьма сложныхъ и требующихъ практическаго знакомства съ крестьянскимъ дѣломъ вопросовъ, представляется необходимымъ, чтобы для обсужденія ихъ образовано было на мѣстѣ подъ предсѣдательствомъ вашего превосходительства и при непремѣнномъ участіи губернскаго предводителя дворянства особое совѣщаніе изъ лицъ по вашему выбору, близко стоящихъ къ крестьянскому дѣлу, какъ-то: уѣздныхъ предводителей дворянства, непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій, земскихъ начальниковъ или соотвѣтствующихъ имъ должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія, а также и другихъ лицъ, хотя бы и посторонннихъ вѣдомствъ, которыя могли бы оказаться полезными своими познаніями и опытомъ въ этомъ дѣлѣ».

Такимъ образомъ представители земскихъ учрежденій не только не вошли въ число обязательныхъ участниковъ совѣщаній, но и не попали въ примѣрный перечень лицъ, «близко стоящихъ къ крестьянскому дѣлу».

Въ совѣщаніи, образованномъ при центральномъ управленіи, для пе-

ресмотра крестьянскаго законодательства, также нѣтъ пока и намека на участіе представителей той единственной всесословной организаціи общественныхъ силъ, каковой—какъ бы то ни было—является земство.

Тѣмъ не менѣе жизненныя требованія и отношенія ставятъ земства такъ близко къ этому дѣлу, что имъ приходится самимъ возбуждать вопросъ о своемъ участіи въ пересмотрѣ положенія о крестьянахъ. Правда, такъ широко понимаютъ условія своей дѣятельности не всѣ земства. Къ этимъ «не всѣмъ» слѣдуетъ отнести столичное губернское земство. Въ послѣднюю сессію губернская управа внесла докладъ «о привлеченіи пришлаго населенія къ отбыванію мірскихъ повинностей и о пересмотрѣ въ связи съ этимъ законоположеній сельскаго и волостного устройства и самоуправленія примѣнительно къ С.-Петербургской губерніи».

Въ этомъ докладѣ указывается, что «пора позаботиться о прекращеніи сохранившейся до послѣдняго времени розни между отдѣльными сословіями въ нашихъ волостяхъ и о созданіи такихъ хозяйственныхъ учрежденій, которыя, соединяя интересы всѣхъ принадлежащихъ къ данной мѣстности, являлись бы живыми пособниками уѣздныхъ и губернскихъ земствъ. Этотъ недостатокъ въ собственныхъ, близко стоящихъ къ населенію органахъ даетъ себя знать рѣшительно во всѣхъ областяхъ земскаго хозяйства и въ дѣлѣ экономическихъ сельско-хозяйственныхъ земскихъ мѣропріятій въ особенности. Земская дѣятельность была бы несравненно благопріятнѣе, если бы, съ одной стороны, она шла навстрѣчу ясно и опредѣленно выражаемымъ потребностямъ каждой отдѣльной мѣстности, и съ другой—имѣла бы на мѣстахъ такіе органы, которые сами были бы заинтересованы въ жизненности проектовъ земскихъ собраній и являлись бы связующимъ началомъ общихъ интересовъ разныхъ сословій и народностей, населяющихъ волости.

«Въ сосѣдней Эстляндской губерніи такими всесословными органами являются церковные приходы (Kirchspiel), заботящіеся о всѣхъ нуждахъ своего района, имѣющіе право самообложенія и до послѣдняго времени выбиравшіе своихъ приходскихъ судей (Kirchspielsrichter). Подобные же всесословные приходы существуютъ и въ другихъ прибалтійскихъ губерніяхъ. Въ Петербургской губерніи пріуроченіе самоуправленія мѣстными хозяйственными интересами къ приходамъ невозможно при томъ различіи племенъ и вѣроисповѣданій, какое встрѣчается въ одной и той же небольшой мѣстности не только среди крестьянскаго населенія, но даже и крупныхъ землевладѣльцевъ.

«Въ этомъ отношеніи вопросъ о созданіи всесословныхъ волостей, разсматривавшійся въ с.-петербургскомъ губернскомъ земскомъ собраніи въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, въ настоящее время ближе бы подходилъ къ потребностямъ губерніи. Но къ его разрѣшенію можно подойти, только разсмотрѣвъ предварительно тѣ измѣненія, которыя

являются необходимыми, съ земской точки зрѣнія, на основаніи болѣе чѣмъ 30-лѣтняго опыта, въ узаконеніяхъ о крестьянскомъ положеніи. Нельзя измѣнять волостного устройства, не затронувъ вопросовъ крестьянскаго землевладѣнія, состава и организаціи сельскихъ сходовъ, волостной организаціи и т. п.

«Но, кромѣ указаннаго, есть и другое важное обстоятельство, вызывающее въ настоящее время с.-петербургское губернское земство на необходимость обратиться къ пересмотру этого положенія. Это, указываемое постоянно въ уѣздныхъ собраніяхъ, значительное увеличеніе числа пришлаго населенія, которое, не неся почти никакихъ повинностей денежныхъ и не участвуя въ натуральныхъ, обременяетъ наши волостныя правленія и суды массою административныхъ и судебныхъ дѣлъ и при своей дезорганизаціи вноситъ не мало стѣсненій для мѣстнаго населенія.

«Между тѣмъ, при всѣхъ своихъ рисующихся изъ дальнѣйшаго изложенія недостаткахъ, привлеченіе въ С.-Петербургскую губернію выходцевъ изъ прибалтійскихъ и финляндскихъ губерній весьма желательно во многихъ отношеніяхъ, особенно же для занятія массы пустующихъ земель и введенія въ нашихъ крестьянскихъ и владѣльческихъ хозяйствахъ тѣхъ улучшенныхъ пріемовъ земледѣлія и скотоводства, которые они переносятъ съ собой. Да и нельзя остановить того возростающаго наплыва къ намъ этихъ выходцевъ, которое пріобрѣтаетъ уже теперь стихійное значеніе».

Въ виду этихъ соображеній, управа предложила:

1) Возбудить предъ правительствомъ ходатайство о допущеніи въ имѣющую образоваться при г. министрѣ внутреннихъ дѣлъ комиссію для разработки новаго законоположенія о сельскомъ состояніи — представителей отъ с.-петербургскаго губернскаго земства, которые могли бы высказать взгляды земства по основнымъ вопросамъ крестьянскаго положенія.

2) Поручить губернской управѣ вмѣстѣ съ экономическимъ совѣтомъ составить подробную мотивированную записку о желательныхъ, съ земской точки зрѣнія и мѣстныхъ интересовъ С.-Петербургской губерніи, измѣненіяхъ въ законоположеніи о сельскомъ состояніи, примѣняясь при этомъ къ вопроснымъ пунктамъ правительственной программы и обращая главное вниманіе на необходимость учрежденія въ С.-Петербургской губерніи всесословныхъ волостей, и выработать проектъ организаціи и введенія подобнаго волостного устройства.

3) Предоставить управѣ, по исполненіи этого порученія, созвать для окончательнаго обсужденія и утвержденія записки чрезвычайное собраніе или же пригласить для этой цѣли особую комиссію изъ представителей отъ уѣздовъ, по избранію губернской управы и экономическаго совѣта.

4) Поручить губернской управѣ утвержденную въ окончательной редакціи записку представить въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Земское собраніе съ нѣкоторыми измѣненіями, послѣ долгихъ преній, приняло предложенія управы. Дальнѣйшая разработка вопроса поручена не управѣ съ экономическимъ совѣтомъ, а особой комиссіи, въ составъ которой вошли всѣ члены губернской управы, всѣ 8 предсѣдателей уѣздныхъ управъ, и изъ гласныхъ—бывшій петербургскій городской голова и бывшій же президентъ Имп. Вольн.-Экон. Общества П. Л. Корфъ и К. К. Арсеньевъ. Послѣднему принадлежитъ иниціатива въ дѣлѣ постановки этого вопроса.

Въ докладѣ петербургской губернской управы чрезвычайно простымъ и дѣловымъ образомъ поставленъ одинъ изъ самыхъ коренныхъ вопросовъ русской жизни, обойти который никакой дѣйствительный пересмотръ положеній о крестьянахъ не можетъ, не рискуя опуститься до канцелярскаго исправленія отдѣльныхъ статей или даже пунктовъ дѣйствующаго закона. Конечно, насколько за нашимъ временемъ слѣдуетъ признать «призваніе къ законодательству», которое никогда не можетъ обойтись безъ широкихъ, руководящихъ идей, выдвигаемыхъ развитіемъ общественныхъ отношеній,—это вопросъ совсѣмъ особый, и его мы не станемъ здѣсь касаться.

То, что петербургская губернская земская управа называетъ весьма неточно «потребностью въ прекращеніи розни между отдѣльными сословіями», есть отраженіе реальнаго жизненнаго процесса огромной по своему историческому смыслу важности. «Новое Время», по поводу недавней всенародной переписи, помѣстило любопытную—какъ признакъ времени—статью подъ заглавіемъ «Метаморфоза сословій», содержаніе которой резюмируется въ слѣдующемъ выводѣ: «старый сословный строй Россіи перетерпѣлъ уже коренныя измѣненія. Общественное состояніе въ настоящее время гораздо больше опредѣляется имущественными и профессіональными различіями, чѣмъ принадлежностью къ тому или другому сословію. Таковъ непререкаемый фактъ жизни» (№ 7544 за текущій годъ). «Разложеніе сословнаго строя», пишетъ г. Борисъ Чичеринъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 28), «составляетъ только вопросъ времени. Оно можетъ быть ускорено экономическими невзгодами, и въ этомъ отношеніи современный хозяйственный кризисъ составляетъ историческое событіе, существенно вліяющее на ходъ неотразимаго процесса».

И «Новое Время», и г. Чичеринъ констатируютъ неудержимый ничѣмъ процессъ переростанія народной и прежде всего хозяйственной жизнью стѣсняющихъ ее сословныхъ и иныхъ рамокъ. Прежде всего это сказывается на самомъ ближайшемъ объектѣ предполагаемаго «пересмотра»—на крестьянскомъ сословіи, или, такъ называемомъ сельскомъ состояніи. «Гармонія интересовъ въ средѣ крестьянскаго міра

оказывается фикціей», говоритъ намъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ наблюдателей народной жизни (В. Г. Короленко. «Въ голодный годъ». Спб. 1894 г., стр. 26). Другой наблюдатель поясняетъ эту фикцію гармоніи. «Въ современной деревнѣ три неравномѣрныя группы. Одна въ состояніи... разоренія и деморализаціи (?), это—отверженцы, мизерабли, большинство изъ нихъ безъ земли, которую они сдаютъ изъ года въ годъ, безъ лошади, безъ коровы, безъ овцы, иногда даже безъ собственнаго жилища. Другая группа наканунѣ такого состоянія или съ стремленіемъ перейти въ третью. Третья группа—кулаки, въ рукахъ которыхъ все болѣе сосредоточиваются земельные надѣлы и неограниченная сила на мірскомъ сходѣ» (Эртель). Усвоенный въ нашей литературѣ терминъ «кулаки», по связаннымъ съ нимъ ассоціаціямъ, способенъ вызвать у читателя неправильную культурно-общественную оцѣнку новаго, выдѣляющагося изъ общей крестьянской массы слоя. Крестьянская *буржуазія*, часто объединяемая подъ названіемъ кулаковъ, представляетъ довольно сложный и во многихъ отношеніяхъ еще недостаточно опредѣленный пластъ новой общественно-экономической формаціи. Въ значительной мѣрѣ онъ состоитъ изъ представителей торговаго и ростовщическаго капитала, но почти всегда—въ неразрывной связи съ сельско-хозяйственнымъ предпринимательствомъ и свободнымъ отъ крѣпостныхъ узъ землевладѣніемъ. Эта во многихъ отношеніяхъ мало привлекательная крестьянская буржуазія перерастаетъ и раздвигаетъ рамки крестьянскаго «сословія». Къ ней перемѣщается значительная часть хозяйственной силы отъ падающаго помѣстнаго дворянства. Разработка данныхъ по статистикѣ движенія землевладѣнія привела г. Рейнбота, изслѣдовавшаго этотъ вопросъ по порученію г. министра финансовъ, къ слѣдующимъ, имѣющимъ крупный общественный интересъ, выводамъ. «Не смотря на краткость періода (одинъ только 1893 г.), къ которому относятся сдѣлки, вошедшія въ разработку, значительность ихъ числа (34.443) даетъ уже въ настоящее время возможность на основаніи разработанныхъ данныхъ, съ полной достовѣрностью утверждать, что *въ распредѣленіи землевладѣнія въ Россіи между сословіями происходятъ на всемъ почти ея протяженіи медленныя, но весьма важныя по своимъ послѣдствіямъ измѣненія, которыя, если обстоятельства не измѣнятся, должны привести въ не особенно далекомъ будущемъ къ существенному распредѣленію землевладѣнія между различными сословіями и классами населенія, чѣмъ то, которое имѣетъ мѣсто въ настоящее время*». «Существующее распредѣленіе землевладѣнія *лишено устойчивости*, и... происходящія въ немъ измѣненія характеризуются тремя главными чертами: *сокращеніемъ площади дворянскаго землевладѣнія, слабымъ развитіемъ землевладѣнія сельскихъ обществъ и весьма замѣтнымъ расширеніемъ землевладѣнія особаго класса лицъ, который образуется преимущественно изъ лицъ торговаго сословія и такихъ крестьянъ, которые по своему эконо-*

мическому уровню рѣзко отличаются отъ рядовыхъ крестьянъ-пахарей» (курсивъ г. Рейнбота) [1]).

Такія коренныя хозяйственныя измѣненія рано или поздно должны привести къ серьезнымъ юридическимъ перемѣнамъ. Но, кромѣ выдѣленія относительно *крупной* крестьянской буржуазіи, крестьянство и въ болѣе широкой своей массѣ, по неизбѣжнымъ историческимъ причинамъ, является какъ бы на два лица. «Нельзя не сказать, что у насъ ни въ печати, ни въ обществѣ не установился опредѣленный взглядъ на крестьянство. Что такое оно? Мелкое-ли землевладѣніе, которое желательно надѣлить землей въ такомъ количествѣ, чтобы оно всегда было вполнѣ самостоятельнымъ? Или это сельское рабочее сословіе, до нѣкоторой только степени обезпеченное противъ жизненныхъ случайностей? Большею частью, какъ въ печати, такъ и въ обществѣ, споры о той или другой мѣрѣ, принимаемой или предполагаемой на пользу крестьянства, страдаютъ неопредѣленностью единственно вслѣдствіе неясности, какое это крестьянство, объ интересахъ и нуждахъ котораго идетъ рѣчь. Дѣйствительно при смѣшанномъ характерѣ этого сословія въ сужденіи о немъ, въ желаніи ему помочь, трудно равномѣрно удовлетворить въ немъ и земледѣльца, и работника. Мы это видимъ въ законодательствѣ относительно крестьянства въ послѣднее время. Съ одной стороны положеніе о наймѣ на сельскія работы, вводящее только для нихъ уголовное преслѣдованіе за гражданскія правонарушенія, также особыя административно-судебныя учрежденія, облеченныя широкою властью надъ крестьянствомъ, чего не существуетъ для прочихъ сословій, съ другой—спеціальныя учрежденія, только для крестьянства, дающія ему возможность пріобрѣтать землю посредствомъ кредита и переселенія, чего также не существуетъ для другихъ сословій. Съ одной стороны чуть не прикрѣпленіе къ работѣ, на которую нанялся; съ другой—возможность быть самостоятельнымъ и не нуждаться въ наймѣ на работу». («С.-Петербурскія Вѣдомости» № 43. О наймѣ на сельскія работы). Это пишетъ не какой-нибудь «теоретикъ» и «радикалъ», а извѣстный землевладѣлецъ и земскій дѣятель кн. Дм. Друцкой-Соколинскій.

Необходимость приспособить правовой строй сельской жизни къ новымъ экономическимъ и общественнымъ условіямъ *уже давно сознается и признается представителями самыхъ различныхъ направленій*, конечно, кромѣ тѣхъ, которыя прямо заинтересованы въ застоѣ или даже регрессѣ. Сословная отчужденность или замкнутость крестьянства есть незавидное наслѣдіе крѣпостного права, слишкомъ медленно ликвидируемое жизнью. Законодательство до сихъ поръ не ускоряло, а замедляло эту естественную ликвидацію.

Съ дѣйствительнымъ современнымъ положеніемъ нашей поземель-

[1]) «Матерьялы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи». Выпускъ I. Подъ редакціей А. Е. Рейнбота (по порученію г. министра финансовъ). Спб. 1896 г.

ной общины и нашего сословнаго крестьянскаго самоуправленія (если терминъ «самоуправленіе» къ нему приложимъ) интересно сопоставить тотъ реакціонно-утопическій бредъ, которымъ нѣкогда крѣпостники губернскихъ комитетовъ оспаривали предположенія административнаго отдѣленія редакціонныхъ комиссій.

«Что касается огражденія хозяйственнаго быта членовъ общества», говорили эти представители губернскихъ комитетовъ, «то неоспоримо, что редакціонныя комиссіи имѣли въ особенности въ виду обезпечить освобожденнаго крестьянина отъ предполагаемыхъ притѣсненій со стороны помѣщика. Для этого хозяйственное отдѣленіе признало нужнымъ лишить сего послѣдняго большей части его поземельной собственности, чтобъ обезпечить за крестьянами полную независимость (?!) въ земледѣльческомъ отношеніи. Идя далѣе по этому пути, административному отдѣленію оставалось только, въ ожиданіи скораго требованія на вольный трудъ, организовать, подъ именемъ сельскихъ обществъ, какъ бы *постоянную коалицію работниковъ* (курсивъ оригинала) и тѣмъ поставить самого землевладѣльца въ прямую зависимость отъ прихоти наемниковъ.

«Эта задача отчасти разрѣшена въ такомъ смыслѣ постановленіями административнаго отдѣленія и, вслѣдствіе того, всѣ крестьяне, покупающіе отдѣльный участокъ земли, уже не допускаются къ личному участію на сходкахъ, такъ какъ, въ качествѣ землевладѣльца, они могутъ имѣть интересы, общіе съ помѣщикомъ. Такая предусмотрительность не ведетъ къ установленію между помѣщиками и крестьянами обоюдовыгодныхъ отношеній; напротивъ того, она заставляетъ опасаться усиленнаго антагонизма сословій, при которомъ организованныя артели работниковъ воспользуются своимъ численнымъ превосходствомъ, чтобъ одолѣть умственный трудъ и капиталъ. Крайнимъ послѣдствіемъ борьбы будетъ остановка большихъ земледѣльческихъ работъ и обращеніе капиталовъ на такія отрасли промышленности, которыя представятъ болѣе залоговъ для успѣшной и производительной дѣятельности».

«Обращаясь къ разсмотрѣнію вопроса, какъ будетъ дѣйствовать новая организація, въ связи съ существующими нынѣ общими государственными учрежденіями, 36 членовъ губернскихъ комитетовъ останавливаются въ совершенномъ недоумѣніи передъ картиной, которая имъ представляется въ будущности.

«Они съ трудомъ могутъ вообразить нынѣшнее крѣпостное народонаселеніе Россіи, распредѣленное на десять тысячъ какихъ-то республикъ, съ избраннымъ отъ сохи начальствомъ, которое вступаетъ въ отправленіе должностей по волѣ народа, не нуждаясь ни въ чьемъ утвержденіи, и которое, между тѣмъ, не въ состояніи отвѣчать за сохраненіе общественнаго порядка, потому что краткость служебныхъ сроковъ и право публичнаго обвиненія на сходахъ, предоставленное членамъ волости, поддерживаетъ и развиваетъ между послѣдними коллективную оппозицію противъ должностныхъ лицъ.

«Гг. члены опасаются, во-первыхъ, что устраненіе консервативнаго элемента частной собственности и соединеннаго съ нею умственнаго развитія введетъ въ русскую жизнь такой крайній демократическій принципъ, который несовмѣстенъ съ сильной правительственною властію и отъ котораго могутъ пострадать общественный порядокъ и спокойствіе въ государствѣ; во-вторыхъ, извѣстно, что всякая отвлеченная система, не принимающая въ расчетъ ни историческаго быта, ни мѣстныхъ условій, требуетъ, чтобы дѣйствительная жизнь подчинялась началамъ, которыя не вытекаютъ изъ самой жизни, а въ иныхъ случаяхъ и прямо ей противорѣчатъ. И, къ сожалѣнію, эта самая система съ ея рѣзкими догматическими требованіями, встрѣчается на каждомъ шагу въ трудахъ редакціонныхъ комиссій, въ томъ числѣ и во многихъ постановленіяхъ административнаго отдѣленія».

На тенденціозно-фальшивую характеристику поземельной общины административное отдѣленіе вполнѣ основательно отвѣчало:

«Сохраненіе, сообразно Высочайше указаннымъ началамъ, самородной сельской общины тамъ, гдѣ она уже нынѣ существуетъ въ силу народнаго обычая, не только не благопріятствуетъ образованію коалицій въ рабочихъ классахъ и развитію демократическаго начала, но, напротивъ, укрѣпляетъ самый надежный, въ Европѣ, къ сожалѣнію, съ каждымъ днемъ исчезающій оплотъ противъ него. Коалиціи работниковъ, коллективная оппозиція противъ капиталистовъ и властей, со всѣми ихъ послѣдствіями,—все то, чѣмъ гг. члены стараются возбудить опасенія за мирный исходъ крестьянскаго вопроса, развилось въ тѣхъ странахъ, гдѣ давно уже нѣтъ никакихъ слѣдовъ поземельной общины, и притомъ почти исключительно въ тѣхъ сословіяхъ, въ которыхъ распущенныя личности, не связанныя никакимъ общимъ поземельнымъ интересомъ и предоставленныя самимъ себѣ, сознали свою одиночную слабость и сложились въ искусственные союзы, враждебные правительству, собственности и общественному порядку, какъ, напримѣръ: во Франціи, въ Ирландіи и нѣкоторыхъ частяхъ Германіи.

«Наоборотъ, въ земледѣльческомъ сословіи, тамъ, гдѣ оно сохранило крѣпкую, общинную организацію, антисоціальныя стремленія никогда не находили отголоска. Это сословіе въ критическія минуты всегда служило правительствамъ самою надежною опорою для охраненія общаго порядка и спокойствія. Въ нашемъ отечествѣ правительство никогда не заподозрѣвало сельскихъ общинъ, никогда не считало ихъ враждебною для себя стихіею, и не далѣе какъ еще 25 лѣтъ тому назадъ заботливое попеченіе о лучшемъ огражденіи выгодъ и самостоятельной хозяйственной жизни свободныхъ сельскихъ сословій вызвало учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ...

Переходя къ вопросу объ административномъ устройствѣ крестьянъ, члены редакціонныхъ комиссій высказались слѣдующимъ образомъ:

«На основаніи дѣйствующихъ законовъ, всѣ свободныя сословія, не смотря на различіе правъ, предоставленныхъ имъ въ составѣ обществъ, пользуются полною другъ отъ друга независимостью. Всѣ они отъ высшихъ до низшихъ непосредственно *тянутъ* (по выразительному юридическому термину нашего древняго законодательства) къ живому средоточію государственнаго устройства, олицетворяющему собою единство Русской Земли и единство правящей его верховной власти. Всѣ они подчиняются начальствамъ, или поставленнымъ надъ ними тою же властью, или избраннымъ ими самими (а въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, общихъ для нѣсколькихъ сословій, коллегіальнымъ учрежденіямъ, составленнымъ на началѣ *общаго* сословнаго представительства). Единственное въ этомъ отношеніи исключеніе представляетъ, въ настоящую минуту, крѣпостное сословіе, стоящее внѣ общаго закона и какъ бы заслоненное отъ правительства другимъ сословіемъ. Но теперь, когда наступила минута развязать узелъ крѣпостного права, нѣтъ основанія, по убѣжденію отдѣленія, отказывать помѣщичьимъ крестьянамъ въ томъ, что составляетъ принадлежность всѣхъ свободныхъ состояній, и нельзя, безъ нарушенія коренныхъ началъ нашего законодательства, отдать одно новоосвобожденное сословіе подъ начальство другого.

«Самое право начальствованія, въ смыслѣ сословной привилегіи, несвойственно нашему государственному и общественному устройству; такое право имѣло историческое значеніе лишь въ тѣхъ земляхъ, гдѣ политическое единство сложилось на развалинахъ феодальнаго разновластія; но и тамъ это право, долѣе всѣхъ другихъ препятствовавшее установленію правомѣрнаго порядка, можно сказать, доживаетъ свой вѣкъ, и теперь послѣдній слѣдъ его, извѣстный подъ названіемъ *патримоніальной юрисдикціи*, повсемѣстно исчезаетъ. Отдѣленіе не усматриваетъ надобности пересаживать его на нашу почву и, отмѣняя сословный произволъ, отводить ему

новый, болѣе прочный пріютъ, прикрытый щитомъ офиціальности и законности». (Первое изданіе «Матерьяловъ редакціонныхъ коммиссій для составленія положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости». Третій періодъ. Часть XII. Доклады по отзывамъ членовъ губернскихъ комитетовъ. Административное отдѣленіе, стр. 5—7, 16—17, 24—52).

Та полемика, которую административное отдѣленіе редакціонныхъ комиссій вело съ 36 членами губернскихъ комитетовъ по вопросу объ общинномъ землевладѣніи, какъ извѣстно, не такъ давно повторилась въ нашихъ офиціальныхъ сферахъ при обсужденіи вопроса о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ. О ней писалось въ газетахъ и журналахъ, говорилось въ ученыхъ обществахъ (ср., напр., докладъ г. Сазонова въ Имп. Вольно-Экон. Общ. «Быть или не быть общинѣ?». Спб. 1894). Полемика эта имѣетъ, конечно, не малый принципіальный и, такъ сказать, историко-философскій интересъ. Но въ настоящемъ обозрѣніи для насъ гораздо интереснѣе идущее параллельно съ этимъ первымъ разногласіемъ второе,—по вопросу объ административной организаціи крестьянскаго сословія. Оно показываетъ, насколько составители «Положеній» признавали невозможнымъ и нежелательнымъ установленіе сословной опеки надъ только что освобожденными крестьянами. Исторія показала возможность такого рѣшенія вопроса даже черезъ 28 лѣтъ послѣ освобожденія и тѣмъ насмѣялась надъ крѣпостническимъ бредомъ о «десяти тысячахъ какихъ-то республикъ» и объ «организованныхъ артеляхъ работниковъ». Реакціонеры чаще, чѣмъ представители другихъ крайнихъ взглядовъ, обнаруживаютъ полное отсутствіе историческаго смысла. Они въ нашемъ случаѣ упустили изъ виду, что вчерашній рабъ представляетъ человѣческій матерьялъ, совершенно непригодный для современной демократіи, и потому ихъ опасенія такъ блистательно—не сбылись.

Хотя и не со скоростью распаленнаго крѣпостническаго воображенія, и не тѣми путями, которые оно предвидѣло, но все-таки жизнь движется впередъ. Юридическія рамки «Положенія» оказываются стѣснительными. Условія сельской жизни измѣнились, крестьянская личность—не смотря на всѣ неблагопріятныя условія — выросла. Выросла она не только съ того конца, о которомъ мы говорили выше, а также съ противоположнаго,—тамъ, гдѣ совершенно крестьянинъ раскрестьянился,—въ городѣ, который растетъ на счетъ притока деревенскихъ силъ. Этотъ ростъ города, гдѣ медленнѣе, гдѣ быстрѣе, воздѣйствуетъ обратно и на деревню. Онъ вызываетъ здѣсь тяжелыя коллизіи, но безъ коллизій и противорѣчій нѣтъ движенія впередъ.

Уже въ началѣ 80-хъ гг. въ одномъ изъ земскихъ отзывовъ [1]) на приглашеніе центральной власти высказаться по вопросу о реформѣ

---

[1]) Отзывъ этотъ принадлежитъ тверскому гласному Ф. И. Родичеву и цѣликомъ напечатанъ въ журналѣ «Русскій Вѣстникъ» за поябрь, 1887 г. (N. «Преобразованіе мѣстныхъ учрежденій», стр. 273—282).

мѣстныхъ учрежденій мы находимъ поучительную и яркую характеристику юридическаго положенія крестьянской личности. Изъ этой, до сихъ поръ въ общемъ не устарѣвшей характеристики мы позволимъ себѣ привести самыя существенныя мѣста.

«Личныя права крестьянъ,—читаемъ мы здѣсь,—въ сравненіи съ правами лицъ другихъ привилегированныхъ сословій существенно ограничены въ силу особаго «податнаго» состоянія. Такъ называемое податное состояніе есть въ сущности государственное крѣпостное право, скрывавшееся до 19-го февраля 1861 года за частнымъ крѣпостнымъ правомъ, которое въ свое время изъ него выросло. Крѣпостное состояніе есть повинность человѣка работать въ чью-либо пользу, причемъ гарантіей исполненія этой повинности служитъ ограниченіе его личной свободы и прежде всего его прикрѣпленіе къ землѣ. До 19-го февраля крестьянинъ былъ повиненъ помѣщику работой или платежемъ; размѣръ этой повинности былъ произволенъ; отбываніе ея гарантировалось ограниченіемъ личныхъ правъ крестьянина и властью помѣщика. Нынѣ повинность крестьянина опредѣлена строго, иногда она выше, иногда ниже прежней, отбываніе этой повинности обезпечивается оставшимися въ силѣ прежними ограниченіями его свободы и подчиненіемъ его обществу и администраціи, къ которымъ перешла почти въ полной силѣ прежняя помѣщичья власть надъ личностью крестьянина. Это особенное состояніе крестьянъ въ настоящее время не находитъ себѣ оправданія ни въ соображеніяхъ государственной необходимости, ни, тѣмъ болѣе, съ точки зрѣнія справедливости и человѣколюбія.

«Большая часть ограниченій личности крестьянина сводится къ подушной подати и обязательному выкупу и къ цѣлой системѣ законовъ, обезпечивающихъ исправное отбываніе этой подати и выкупныхъ платежей стѣсненіемъ личной свободы крестьянина и прикрѣпленіемъ его къ землѣ. До сихъ поръ для крестьянина не существуетъ свободы передвиженія, а слѣдовательно и свободы труда и промысла; ему закрытъ доступъ къ образованію и къ государственной службѣ.

«Для того, чтобы имѣть возможность пріобрѣсть права, прирожденныя лицамъ другихъ сословій, онъ долженъ уволиться изъ общества, т.-е. выкупиться у государства, представивъ надлежащую гарантію въ уплатѣ лежащаго на немъ платежа, въ видѣ ли капитализаціи подати или въ видѣ поручительства. Власть помѣщика, гарантія его имущественнаго права на трудъ крестьянина, нынѣ въ значительной мѣрѣ перешла къ обществу, какъ обезпеченіе исправнаго платежа подати.

«Взглядъ на крестьянина, какъ на казенную оброчную статью, непризнаніе его личности породили въ практикѣ крестьянскаго управленія тотъ фискальный духъ, то подчиненіе интересамъ казны интересовъ права, которое составляетъ главную язву народной жизни. И до тѣхъ поръ, пока этотъ взглядъ законодательства и практики не измѣнится, нечего ждать, чтобы улучшилось въ чемъ-либо крестьянское управленіе.

«Отмѣна подушной подати и уменьшеніе выкупныхъ платежей стоитъ на очереди. Но это будутъ только полумѣры, если оставлены будутъ въ силѣ прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и другія ограниченія его личности.

«Стѣсненный въ передвиженіяхъ паспортной системой крестьянинъ окончательно прикрѣпляется къ землѣ организаціей круговой поруки и подчиненіемъ обществу. Прежде помѣщикъ былъ отвѣтственъ передъ казной за подать и въ силу этой отвѣтственности распоряжался крестьяниномъ; нынѣ его мѣсто заняло общество. Общество властно не только надъ имуществомъ, но и надъ личностью, даже надъ семьей крестьянина. Оно нетолько въ правѣ отобрать у неисправнаго плательщика землю, но можетъ продать и всякое другое имущество его; оно можетъ отдать его, или членовъ его семьи, въ посторонніе заработки, т.-е. имѣетъ право его закабалить. Наконецъ, оно можетъ всякаго своего члена предоставить въ распоряженіе правительства, т.-е. сослать его безъ суда. Всѣ эти права общества надъ лич-

ностью вовсе не вытекаютъ изъ общиннаго владѣнія землей. Община есть союзъ имущественный, и поэтому ограниченія, налагаемыя этимъ союзомъ на своихъ членовъ, должны касаться только ихъ имущественныхъ правъ, и во всякомъ случаѣ даже и такія исключительно имущественныя ограниченія должны быть строго опредѣлены и подлежать обжалованію. Большинство этихъ правъ весьма рѣдко практикуется самими обществами, по собственному почину, но зато очень часто даетъ поводъ къ злоупотребленіямъ и произволу вслѣдствіе посторонникъ вліяній. Общество, конечно, никогда не отдаетъ недоимщика въ посторонніе заработки (да и какъ оно это сдѣлаетъ?), но во многихъ мѣстахъ практикуется наемъ недоимщиковъ въ волостныхъ правленіяхъ, со внесеніемъ задатка въ подать и съ заранѣе приготовленными общественными приговорами.

«Право крестьянскихъ обществъ предоставлять своихъ членовъ въ распоряженіе правительства (п. 5 ст. 54 общ. полож. и ст. 325 уст. о пред. и прес. прест.) находитъ себѣ аналогію въ бывшемъ правѣ помѣщиковъ ссылать своихъ крѣпостныхъ на поселеніе. Оно очень рѣдко практикуется относительно членовъ общества, находящихся налицо, живущихъ на свободѣ, потому что въ такомъ случаѣ надо представлять на ссылку деньги; но осуществляется нерѣдко въ видѣ такъ называемаго непринятія въ свою среду арестантовъ, отбывшихъ наказаніе. Обыкновенно въ защиту и основаніе этого права указываютъ на слабость полиціи, на трудность прослѣдованія и разысканія преступленій, при рѣдкости населенія и большихъ пространствахъ. Но, во-первыхъ, въ этомъ случаѣ предполагаемый преступникъ попадаетъ въ среду еще болѣе рѣдкаго населенія, гдѣ полицейская власть еще слабѣе; слѣдовательно подобная ссылка, хотя, положимъ, и соотвѣтствуетъ интересамъ даннаго края, но идетъ въ разрѣзъ какъ съ понятіемъ о справедливости, такъ и съ интересами цѣлаго государства. Нужно помнить, что государственная власть существуетъ прежде всего для того, чтобы оградить невинныхъ, и уже въ силу этой цѣли преслѣдуетъ преступленіе. Поэтому допущеніе такихъ предупредительно-карательныхъ мѣръ, какъ административная ссылка, т.-е. ссылка безъ удостовѣренія вины, не соотвѣтствуетъ ни цѣли, ни достоинству государства. Какъ всякій узаконенный произволъ она развращаетъ прежде всего примѣняющихъ его. Для сословій привилегированныхъ, неподатныхъ такого права не существуетъ. Это право, приносящее столь сомнительную пользу и влекущее за собою столь явныя несправедливости, должно быть отмѣнено, разъ государство отрѣшается отъ взгляда на крестьянина, какъ неполноправнаго человѣка, назначеніе котораго платить подать и жить такъ, чтобы государству было отъ него больше дохода. Та же забота государства, чтобы не пропало какъ-нибудь платежа, сказывается и въ условіяхъ увольненія крестьянъ изъ общества.

«Закрытіе крестьянамъ доступа къ образованію, къ государственной службѣ, ихъ право на судъ, отличное отъ правъ другихъ сословій, ихъ особое положеніе, какъ лицъ, не освобожденныхъ отъ тѣлеснаго наказанія,—все это остатки отъ крѣпостного воззрѣнія и не имѣютъ оправданія. Крестьяне не могутъ получить другого образованія, кромѣ начальной школы, если не уволятся изъ общества. Почему необходимо держать крестьянское сословіе въ невѣжествѣ, почему образованіе несовмѣстимо съ званіемъ крестьянина? Дѣйствительно, образованіе несовмѣстимо съ положеніемъ человѣка, котораго могутъ высѣчь, отдать въ посторонніе заработки, безъ суда посадить подъ арестъ; но съ этимъ положеніемъ несовмѣстимо и простое человѣческое достоинство. И все это особенное положеніе крестьянъ должно сдѣлаться достояніемъ исторіи, разъ государство отрѣшилось отъ взгляда на крестьянина, какъ на человѣка неполноправнаго.

«Пора предоставить и крестьянину всѣ тѣ права, которыя имѣютъ лица другихъ сословій, и, прежде всего, уничтожить позорную для всего народа сословную особенность ихъ—несвободу отъ тѣлеснаго наказанія. Не думаю, чтобы нашлись серьезные защитники этого наказанія, которое унижаетъ и судью, произнося-

щаго приговоръ, и администратора, приводящаго его въ исполненіе, и воспитываетъ въ народѣ самые противообщественные инстинкты, уничтожая уваженіе къ человѣку.

«Пора также и крестьянину дать ту гарантію отъ произвола, которая дана лицамъ всѣхъ другихъ сословій, подлежащимъ наказанію лишь за проступки и преступленія и только по суду. Необходимо уничтожить право сельской администраціи подвергать крестьянъ аресту по своему усмотрѣнію.

«Все, сказанное выше, сводится къ освобожденію отъ прикрѣпленія къ землѣ и къ уничтоженію тѣхъ ограниченій правъ, которыя ставятъ крестьянина въ особенное положеніе человѣка, живущаго не для себя и не такъ, какъ ему хочется, а для казны и какъ казнѣ выгодно. Законъ и теорія говорятъ, что съ 19-го февраля 1861 года трудъ крестьянина свободенъ и самъ онъ свободный собственникъ. Опытъ ежедневной жизни, изъ котораго беретъ свои понятія простой человѣкъ, доказываетъ ежечасно другое».

Необходимость раздвинуть юридическія рамки, въ которыя заключена сельская жизнь, признается—какъ мы сказали выше—людьми самыхъ различныхъ направленій. «Обращаясь къ селу и волости,—писалъ въ 1893 г. одинъ изъ извѣстнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей прошлаго царствованія, нынѣ уже умершій—нельзя не замѣтить въ нихъ отсутствія правильнагоустройства. Это учрежденія сословныя, крестьянскія, а не государственныя; крестьянское населеніе, какъ бы близко ни соприкасались его интересы съ интересами прочихъ жителей въ селѣ или волости, стоитъ особнякомъ не только по дѣламъ крестьянскимъ, но и по касающимся всего мѣстнаго населенія. Есть сборы мірскіе, есть сборы волостные, но къ нимъ не привлекаются другія живущія на мѣстахъ сословія. Это обращается... во вредъ сельскимъ обществамъ... «Очевидно, что при подобномъ общественномъ неустройствѣ селъ и волостей нельзя и думать о надлежащемъ веденіи сельскаго общественнаго хозяйства, о составленіи сельскихъ и волостныхъ смѣтъ доходовъ и расходовъ, о вліяніи болѣе образованныхъ классовъ, т.-е. главнымъ образомъ дворянства, на благоустройство селеній. Между тѣмъ сельское общественное хозяйство составляетъ необходимое звено въ удовлетвореніи мѣстныхъ общественныхъ, въ томъ числѣ и государственныхъ потребностей. Въ западной Европѣ, въ особенности въ Англіи и Германіи, правительственныя сферы сильно заняты этимъ предметомъ и подвинули впередъ разрѣшеніе вопросовъ мѣстнаго хозяйства... Причина нашей отсталости въ этомъ отношеніи заключается не только въ томъ, что наши села и волости составляютъ исключительно крестьянскія общества, но и въ томъ, что у насъ смѣшиваются въ понятіи о сельской общинѣ понятія объ общинномъ владѣніи и о сельскомъ обществѣ. Въ оброчныхъ имѣніяхъ, при крѣпостномъ состояніи, иначе и быть не могло. Дворянинъ стоялъ особнякомъ. Сельская община имѣла свои особые интересы, прочее свободное населеніе въ селѣ существовало тамъ лишь по милости помѣщика. Теперь нужно связать это населеніе въ одно цѣлое—въ сельскія общества. Для этого не нужно упразднять общины, вѣдающей крестьянскія земли, какъ при участковомъ, такъ и при общинномъ владѣніи, но надо создать сельское

общественное устройство съ опредѣленными правами и обязанностями для всѣхъ жителей села. Безъ этого крестьянство останется темной массой, а образованные классы—безъ вліянія на его благосостояніе».

Выраженная здѣсь мысль есть въ сущности идея мелкой всесословной самоуправляющейся единицы.

Эта идея, до сихъ поръ невоплощенная въ жизни, въ литературѣ имѣетъ за собой любопытную и даже не лишенную характера приключеній исторію

На страницахъ современныхъ «Московскихъ Вѣдомостей» «всесословная волость» фигурируетъ какъ своего рода либеральный «жупелъ», плодъ злокозненныхъ умысловъ лицъ, подкапывающихся подъ дворянство. «Всесословная волость—это любимая мысль, съ которою носилась наша либеральная печать съ самаго начала шестидесятыхъ годовъ. Ни для кого не тайна, что подкладкой этой мысли было *полное уничтоженіе нашего дворянства*, какъ государственнаго сословія (П. Суворовъ. «Къ вопросу о всесословной волости». «Московскія Вѣдомости», № 58). А не угодно ли теперь, читатель, прочесть такую характеристику идеи и проектовъ «всесословной волости» въ ультра-народническомъ журналѣ «Устои», который и по составу сотрудниковъ, и по общему направленію былъ очень близокъ къ «Отечественнымъ Запискамъ»:

«Какъ ни грустно высказать это, но земскіе проекты всесословной волости, не смотря на то, что теперь устройство безсословной волости предлагается земскими собраніями и притомъ многими изъ числа тѣхъ, которыя постоянно отличались наибольшей свободой отъ сословныхъ предразсудковъ стоятъ въ генетической связи съ проектами всесословной волости петербургскаго дворянскаго собранія 1874 г. и разныхъ «послѣдышей» крѣпостного права. Они также сочинялись на словахъ съ благою цѣлью внести порядокъ въ неурядицу крестьянской жизни введеніемъ интеллигенціи въ деревенскую среду, а на дѣлѣ съ цѣлью возстановить, если не крѣпостное право, то, по крайней мѣрѣ, вотчинную власть. По этимъ проектамъ волостными старшинами и земскими головами у насъ должны были сдѣлаться помѣщики, «изъ людей достаточныхъ и достаточно образованныхъ», при чемъ, во избѣжаніе излишняго безпокойства, полицейскія свои обязанности они могли поручить своимъ уполномоченнымъ; въ рукахъ помѣщика сосредоточивалась административная, полицейская и судебная власть, надзоръ за крестьянскими сходами, училищами, больницами и вообще всѣми деревенскими учрежденіями. Совершенно такъ же, какъ во время крѣпостного права. Земскіе проекты, конечно, не такъ откровенны: они не предоставляютъ всего одному сословію, но мужикъ, въ концѣ концовъ, по нимъ оказывается въ такомъ же подчиненномъ положеніи, какъ и по дворянскимъ проектамъ» («Устои» 1882 г. № 3 и 4, ст. С. «О крестьянскомъ самоуправленіи)».

O quae mutatio rerum! Вчерашняя «крѣпостническая» идея нынѣ превратилась въ «либеральную». Найдутся, пожалуй, пессимисты, которые съ горечью воскликнутъ: вотъ какъ мы подвинулись впередъ! Но намъ думается, что пессимисты, въ данномъ случаѣ, ошибутся: метаморфоза съ идеей всесословной волости есть признакъ нашего общественнаго прогресса, а не регресса. Не слѣдуетъ забывать, что отрицатель всесословной волости въ «Устояхъ», совершенно правильно отмѣчавшій классовый характеръ дворянскихъ и земскихъ проектовъ всесловной волости, писалъ также: «*необходимо безусловно отстранить* отъ участія въ дѣлахъ мелкой единицы всѣхъ мѣстныхъ жителей, которые по своему экономическому положенію могутъ оказывать вредное вліяніе на ходъ самоуправленія и стѣснять его свободу». Такимъ образомъ этотъ народникъ, который боялся земской централизаціи, предлагалъ для мелкой самоуправляющейся единицы установленіе обратнаго ценза, устраняющаго всѣ элементы, не соотвѣтствующіе народническому понятію о крестьянинѣ и его друзьяхъ,—всѣ элементы, «экономическіе интересы которыхъ противоположны интересамъ общины». Желательная для него волость это—такая, «члены которой не находятся въ состояніи постоянной экономической борьбы»; она, «очевидно, должна быть существенно различна отъ земской единицы, въ составъ которой вводятся лица съ противоположными, непримиримыми интересами».

Очевидно, что въ основѣ цитированной отрицательной народнической оцѣнки самой идеи всесословной или безсословной волости и въ основѣ выставленнаго «Устоями» контръ-проекта волости лежало совершенно утопическое представленіе о русской дѣйствительности того времени (а о нашемъ времени нечего и говорить) и о путяхъ общественнаго развитія вообще. Отгородивъ «крестьянство» искусственнымъ юридическимъ барьеромъ отъ «всѣхъ мѣстныхъ жителей, которые по своему экономическому положенію могутъ оказывать вредное вліяніе на ходъ самоуправленія», думали вести русскаго мужика по пути прогресса! Съ тѣхъ поръ, какъ и въ средѣ самого крестьянства воочію обнаружились противоположные экономическіе интересы, народническая полемика противъ всесословной волости окончательно потеряла подъ собой всякую почву и всякій смыслъ, кромѣ... крѣпостническаго. Да и нельзя не замѣтить, что quasi-демократическій проектъ обратнаго ценза носитъ на себѣ, несмотря на радикальные мотивы и таковую же внѣшность, печать происхожденія на крѣпостной почвѣ,—въ западной Европѣ мы врядъ ли могли бы встрѣтить демократизмъ подобнаго сорта. Изъ правильной посылки о наличности въ нашемъ сельскомъ населеніи группъ съ различными и противоположными интересами дѣлается несообразный практическій выводъ, утопическій и реакціонный въ одно и тоже время, о необходимости создать организацію, въ которой не было бы мѣста столкновенію интересовъ. Исторія основательно постаралась о томъ,

чтобы бремя заботъ объ отгораживаніи мужика отъ другихъ элементовъ общества переложить съ крайнихъ народниковъ на крайнихъ консерваторовъ.

Быть можетъ, ни одинъ коренной вопросъ нашей общественной жизни въ своемъ развитіи не опровергъ такъ блистательно народническія теоріи и проекты, какъ вопросъ о всесословной волости.

«Волость должна быть *безсословной* или *всесословной*, но ни въ какомъ случаѣ не *всеклассной*» («Устои», назв. ст., стр. 182).

Будущая волость должна и можетъ быть только *всеклассной*. Это диктуется требованіями усложняющейся жизни, которыхъ нельзя безнаказанно игнорировать. Ихъ, кромѣ того, для лицъ, желающихъ движенія впередъ, *невыгодно* игнорировать, потому что усложненіе жизни есть лучшій союзникъ сознательныхъ прогрессивныхъ стремленій.

П. Б.

P. S. Настоящее обозрѣніе было уже отпечатано, когда въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» (№ 55-й) появилось слѣдующее сообщеніе «Земскаго Отдѣла» М. В. Д.:

«Приступивъ къ разработкѣ матеріаловъ по пересмотру узаконеній о сельскомъ состояніи, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ признало необходимымъ составить Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, къ таковому пересмотру относящимся.

Въ настоящее время означенный Сводъ отпечатанъ въ трехъ томахъ, содержащихъ заключенія по нижеслѣдующимъ вопросамъ: томъ первый—о сельскомъ и волостномъ управленіи; томъ второй — 1) о пріемѣ новыхъ членовъ и увольненіи изъ общества, 2) о семейныхъ раздѣлахъ, 3) объ опекахъ, 4) объ общественномъ призрѣніи и 5) о мірскихъ сборахъ и капиталахъ; томъ третій—1) о землепользованіи и 2) о нотаріальной части въ селеніяхъ.

Предназначивъ необходимое число экземпляровъ Свода для высшихъ государственныхъ установленій, а также для губернскихъ учрежденій вѣдомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Земскій Отдѣлъ, по приказанію Министра, обратилъ оставшееся свободнымъ количество экземпляровъ этого изданія въ продажу, съ цѣлію предоставить возможность ознакомленія съ послѣднимъ лицамъ, кои, по своему служебному положенію, научнымъ занятіямъ, либо практической дѣятельности, интересуются дѣломъ пересмотра законоположеній о сельскихъ обывателяхъ.

Доводя о семъ до всеобщаго свѣдѣнія, Земскій Отдѣлъ, по приказанію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, считаетъ долгомъ заявить, что всякаго рода сообщенія, статьи и замѣтки упомянутыхъ выше лицъ по вопросамъ, составляющимъ предметъ изданнаго нынѣ Свода, либо по инымъ, до устройства сельскаго состоянія относящимся, будутъ приняты въ должное вниманіе при пересмотрѣ узаконеній о сельскихъ обывателяхъ и найдутъ себѣ мѣсто въ разработываемыхъ нынѣ для этого законодательнаго труда матеріалахъ».

По поводу этого офиціальнаго сообщенія мы не можемъ не высказать слѣдующаго пожеланія. Весьма важно было бы, чтобы въ число тѣхъ мнѣній, которыя будутъ сообщены министерству внутреннихъ дѣлъ и такъ или иначе войдутъ въ составъ подлежащихъ опубликованію «матеріаловъ», вошло какъ можно болѣе отзывовъ, освѣщающихъ на конкретныхъ примѣрахъ значеніе для сельской жизни общихъ

правовыхъ началъ, регулирующихъ положеніе крестьянскаго сословія. Каковъ бы ни былъ исходъ производящагося пересмотра, голоса изъ населенія по одному изъ самыхъ коренныхъ вопросовъ народной жизни навсегда останутся драгоцѣннымъ памятникомъ нашего общественнаго развитія, подобно земскимъ отзывамъ на циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ отъ 22 декабря 1880 г. и, заходя гораздо далѣе въ глубь временъ, подобно наказамъ депутатамъ Екатерининской комиссіи и ихъ сужденіямъ.

Въ статьѣ «На разныя темы» редакція проситъ исправить опечатки на стр. 17:

строка 9 св. напечатано: *нея* слѣдуетъ: *него*
» 20 » » *fait* » peut

ИМПЕРАТОРСКАЯ Военно-Медицинская Академія, изготовляя къ предстоящему въ 1898 году празднованію столѣтняго своего юбилея исторію Академіи и отдѣльныхъ ея каѳедръ (два ОСОБЫЯ изданія) ЗА СТО лѣтъ, убѣдительнѣйше проситъ лицъ, владѣющихъ какими-либо документами, могущими освѣтить прошлое ея (какъ напр., записки современниковъ, дневники, біографическія свѣдѣнія, письма, рисунки, портреты дѣятелей и т. п.), оказать любезное содѣйствіе Академіи присылкою (ЖЕЛАТЕЛЬНО НЫНѢ ЖЕ и во всякомъ случаѣ до января 1898 г.) такихъ документовъ съ указаніемъ, требуется ли возвращеніе ихъ обратно. О всѣхъ присланныхъ документахъ, если ими можно будетъ воспользоваться, какъ матеріаломъ для исторіи, съ благодарностію будетъ упомянуто на ея страницахъ. Посылки такого рода слѣдуетъ адресовать къ начальнику Академіи, тайному совѣтнику В. В. Пашутину. Деньги, израсходованныя на пересылку, будутъ возвращены Академіею немедленно по заявленіи о семъ.

НОВЫЯ КНИГИ,

присланныя въ редакцію въ февралѣ мѣсяцѣ.

Базилевскій, М. Соломонъ Ибнъ Габироль и Бахія Бенъ Іосифъ Ибнъ Пакуда. Ихъ жизнь и научная дѣятельность («Наша Стар.» № 22). Одесса. 1897 г. Ц. 15 к.

Бильдерлингъ, П. А. Бесѣды по земледѣлію. (Съ 18 рис.). Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Бобровницкій, Иннокентій, свящ. Существенныя черты православнаго нравоученія. Опытъ курса VIII класса гимназій. Елисаветградъ. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Братчиковъ, И. Сибирская язва лошадей и крупнаго рогатаго скота въ Вятск. губ. за 20 л. (1876—1895). Съ прилож. 2-хъ картъ. Вятка. 1895 г.

Бутми, Г. Къ вопросу о денежной реформѣ. 5. Краткій сборникъ законовъ опредѣляющихъ денежную систему въ Россіи. Изд. неофиц. Одесса. 1897 г.

Вагнеръ, К. Молодое поколѣніе (Jeunesse). Перев. съ франц. С. Леонтьевой. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Вучетичъ, Н. Г. Двѣ легенды. (Дѣтск. библ. Н. Г. Вучетича). Одесса. 1897 г. Ц. 15 к.

Годлевскій, С. Ф. Э. Ренанъ, его жизнь и научно-литературная дѣятельность. Спб. 1895 г. Ц. 25 к.

Гуковичъ, Г. П., врачъ. Организація земскихъ врачебныхъ курсовъ при Московск. Университ. Изъ «Врачебн. Хрон. Херсон. губ.». Херсонъ. 1896 г.

Даниловъ, Ф. Я., инж.-техн. Волшебный фонарь, устройство его и способъ употребленія. Картины для волшебн. фонаря. Кинематографъ и его устройство. М. 1897 г. Ц. 75 к.

Діатроптовъ, П. О чумѣ. Докладъ, читан. въ о-вѣ русск врачей въ Одессѣ 27 янв. 1897 г. Одесса. 1897 г. Ц. 20 к.

Дмитріевъ, В. А. (Полочанинъ). Стихотворенія. Грезы юности. Новочеркасскъ. 1897 г. Ц. 75 к.

Додю, Гастонъ. Исторія монархическихъ учрежденій въ латино-іерусалимскомъ королевствѣ (1099—1291 г.). Перев. съ франц. Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к

Дрентельнъ, Елизав., женщ.-врачъ. О необходимости женскаго медицинскаго надзора въ женскихъ учебн. заведен. Изд. ж. «Вѣсти. Воспит.». Изд. 2-е. М. 1897 г. Ц. 20 к.

Дрягинъ, Н. І. О причинахъ замедленія въ ходѣ земскаго оцѣночн. дѣла (по зак. 8 іюня 1893 г.).

Жирновъ, О. Очеркъ экономич. положенія татаръ Кошкинск. вол., Малмыжск. у. Вятка. 1896 г.

Кабановъ, Н. Жизнь-любовь. Сборникъ 1-й. М. 1896 г. Ц. 30 к.

Касаткинъ, Н. В. Ручной трудъ въ общеобразовательн. школахъ, какъ первая ступень технич. образованія. Докладъ, читан. въ засѣданіи Постоян. Ком. Техн. О-ва 9-го дек. 1896 г. М. 1897 г. Ц. 15 к.

Киддъ, Веніаминъ. Соціальное развитіе. Перев. съ англійск. М. Чепинской. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Классенъ, В. Я. Ф. Лассаль, его жизнь, научн. труды и обществ. дѣятельность. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Кудрявцевъ, П. Ф., земск. санит. врачъ. Пришлые сельско-хозяйств. рабочіе на Николаевской ярмаркѣ въ м. Каховкѣ, Тавр. губ., и санитарн. надзоръ за ними въ 1895 г. Херсонъ. 1896 г.

Его же. Акушерская помощь въ Херсонск. у. въ 1895 г. Херсонъ. 1896 г.

Его же. Къ статистикѣ увѣчій и поврежденій рабочихъ сельскохозяйств. машинами и орудіями. Перепечат. изъ ж. «Медиц. Бесѣда». Воронежъ. 1896 г.

Его же. О библіотекахъ при земскихъ лѣчебницахъ и книжн. складахъ при врачебныхъ земскихъ амбулаторіяхъ. Херсонъ. 1896 г.

Кузнецовъ, В. К. Отчетъ завѣдующаго статистич. бюро Ярославск. губ. земства за 1896 г. Ярославль. 1897 г.

Лаландъ, А. Этюды по философіи наукъ. Переводъ съ франц. 2-е изд. ред. ж. «Образованіе». Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Лейкинъ, Н. А. Записки Полкана. Пов. изъ собачьей жизни. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Литвинъ, С. К. Среди евреевъ. Спб. 1897 г.

Маминъ-Сибирякъ. Аленушкины сказки. Сказка про Комара Комаровича—длинный носъ и про Махнатаго Мишку—короткій хвостъ. Съ 3-мя рис. и акварелью А. С. Степанова. М. 1897 г.

Масловичъ, Н. В. Басни и были. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Навроцкій, А. А. (Н. А. Вроцкій). Сказанія минувшаго. Русскія былины и преданія въ стихахъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Соколиныя гнѣзда. Пов. изъ быта кавказск. горцевъ. Рис. В. А. Сѣрова. М. 1897 г. Ц. 85 к.

Никольскій, Вл. Къ вопросу о недоразумѣніяхъ въ медицинѣ и о выходѣ изъ нихъ. (Опытъ начальной критики медицинск. наукъ). Варшава. 1897 г.

Никоновъ, С. П. Усадебныя земли крестьянъ-общинниковъ съ точки зрѣнія гражданск. права. Ярославль. 1896 г.

Н. К. Питейная реформа и народное благосостояніе. Докладъ, читан. 22 янв. 1897 г. въ Томск. отдѣлѣ Импер. Московск. О-ва сельск. хозяйства. Томскъ. 1897 г.

Перро. Сказки. Волшебный міръ. Перев. Ек. Урсыновичъ. М. 1897 г. Ц. 75 к.

Покровская, М. М., женщ.-врачъ. Санитарный надзоръ надъ женщинами и санитарн. организація въ различн. государствахъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Потапенко, И. Н. Повѣсти и разсказы. Т. XI. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Прево, Марсель. Тайный садъ. Ром. М. 1897 г. Ц. 50 к.

Сабатье, Григ. Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціон. натурализма. Перев. В. Обреимова. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Сисмонди, Симондъ Ж. де. Новыя начала политич. экономіи. Перев. Б. О. Эфруси. Изд. К. Т. Солдатенкова. (Вып. VIII «Библ. экономистовъ»). М. 1897 г. Ц. 1 р.

Сысоевъ, В. М. Разсказы и очерки. Съ рис. К. С. Высоцкаго. М. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Тавастшерна, К. Мать и сынъ. Ром. изъ жизни финск. крестьянъ. Перев. со шведск. В. Фирсова. Спб. 1897 г. Ц. 80 к.

Терновскій, С. Замѣтки о народномъ образованіи.

Флексигъ, П. Мозгъ и душа. Перев. съ нѣмец. Н. Березина. Изд. ред. ж. «Образованіе». Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Фрейсинэ, Ш. Очерки по философіи математики. Перев. съ франц. В Обреимова. Изд. ред. ж. «Образованіе». Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Ф—тъ, Гр. Какъ узнать характеръ человѣка? Опредѣленіе хариктера по чертамъ лица (физіогномія), по рукамъ (хирософія), по почерку (графологія), и по внѣшнему виду головы (френологія). Съ 50-ю рис. и 45-го образч. почерковъ. («Полезн. библ.»). Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Цейсъ, Э. Государственный строй Швейцарскаго союза. («Нов. библ.» № 1) Одесса. 1897 г. Ц. 25 к.

Шершеневичъ, Г. Ф., проф. О порядкѣ пріобрѣтенія ученыхъ степеней. Казань, 1897 г. Ц. 30 к.

Деревенскіе разсказы. Сборникъ. М. 1897 г.

Доклады въ вятск. губ. земск. собраніе XXX очередн. сессіи.—Прилож. къ докладу № 122: **Блиновъ, Н. К.** Объ экономическомъ положеніи крестьянъ бывшихъ удѣльныхъ Сарапульск. у. и о необходимыхъ мѣрахъ къ улучшенію быта ихъ. Вятка. 1896 г.

Доклады Новгородск. губ. земск. управы губ. земскому собранію очередной сессіи 1896 г. Новгородъ. 1896 г.

Житейскія невзгоды. Сборникъ. М. 1897 г. Ц. 10 к.

Журналъ медицинской химіи и фармаціи. № 3 и 4 (декабрь. 1896 г.). Спб. 1896 г. Ц. за годъ 2 р. 50 к.

Изданія христіанскаго о-ва трезвости и воздержанія. 1) Что такое о-во трезвости. 2) **Алексѣевъ, П. С.**, д-ръ. Вино и здоровье. Полезно ли здоровымъ людямъ пить спиртные напитки. Грайворонъ. 1895 г. Ц. 25 к. 3) Христіанское о-во трезв. и воздерж. Что оно сдѣлало и что дѣлаетъ для отрезвленія и просвѣщенія людей. 4) Трезвое слово. 5) Листки I—XII.

Лазарильо изъ Тормесъ и его удачи и неудачи. Перев. съ испанск. И. Гливенко. Съ предисл. Морель-Фассіо. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Объ организаціи статистич. учрежденій и о производствѣ оцѣночн. работъ. Полтава. 1896 г.

О постановкѣ и организаціи оцѣночн. работъ по закону 8-го іюня 1893 г. Полтава. 1896 г.

Отчетъ Воронежск. публичн. библіотеки и ея отдѣленій имени А. В. Кольцова и въ г. Бобровѣ за 1896 г. Воронежъ. 1897 г.

Отчетъ комиссіи по организаціи домашняго чтенія, состоящей при учебн. отдѣлѣ о-ва распространенія технич. знаній за 1894—1895 г. М. 1897 г.

Отчетъ комитета по устройству народныхъ чтеній, состоящ. при Лебедянскомъ О-вѣ любителей музыкальн. и драматич. искусствъ за 1894—1895 г. Лебедянь. 1895 г.—**То же**, за 1895—1896 г. Лебедянь. 1897 г.

Отчетъ о состояніи Вологодск. безплатн. библіотеки за 4-й годъ ея существованія. (Съ 1 окт. 1895 г. по 1 окт. 1896 г.). Вологда. 1896 г.

Программы чтенія для самообразованія. Изданіе Отдѣла для содѣйствія самообразованію въ Комитетѣ Педагог. Музея В.-уч. заведеній. 2-е перераб. и дополн. изд. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Рождественскіе разсказы. Новая серія изданій подъ ред. В. Вах—ва М. 1897 г.

Рождественскіе разсказы «Степного края». Омскъ. 1897 г. Ц. 20 к.

«Техникъ». Общедоступн. ежемѣсячн. попул.-техн. и литературн. журналъ. № 1-й. М. 1897 г. Ц. за годъ 6 р.

Урожай хлѣбовъ и травъ въ 1896 г. и состояніе озимей осенью 1896 г. въ Полтавск. губ. Полтава. 1897 г.

Уставъ Союза взаимопомощи русск. писателей при Русск. литературномъ о-вѣ. Спб. 1897 г.

The Anglo-Russian Literary Society № 16. (The Imperial Institute. London S. W.). Proceedings November, December 1896, and January 1897. Printed for The Society.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ конторѣ редакціи продаются слѣдующія книги:

НОВАЯ КНИГА.

КАПИТАЛЪ.

КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

Сочиненіе КАРЛА МАРКСА,

изданное подъ редакц. Фридр. Энгельса.

Перев. съ нѣмецк. Томъ III. Кн. III. Процессъ капиталистическаго производства, взятый въ цѣломъ. Спб. 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.

М. А. Антоновичъ.

ЧАРЛЬЗЪ ДАРВИНЪ И ЕГО ТЕОРІЯ.

Съ біографіей, обзоромъ его сочиненій и съ портретомъ.

ИЗДАНІЕ А. К. Томашевскаго.

Спб. 1896 г. Цѣна 2 р. 50 к.

СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ

въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей.

В. Г. Яроцкаго.

Спб. 1895 г. Цѣна за два большіе тома 5 р.

Выписывающіе отъ автора (Спб., Спасская, 1) или изъ конторы редакціи «Нов. Слова» за пересылку не платятъ.

Е. ДЮРИНГЪ.

ЦѢННОСТЬ ЖИЗНИ.

Переводъ съ 4-го нѣмецк. изд.

Ю. М. Антоновскаго,

съ біографическимъ очеркомъ Деля и портретомъ Дюринга.

Спб. 1896 г. Изд. 2-е. Цѣна 1 р. 50 к.

ИСКУССТВО И ПРИРОДА.

Новая теорія изящныхъ искусствъ.

Сочиненіе ВИКТОРА ШЕРБЮЛЬЕ, члена Французской Академіи.

Перевелъ съ французскаго М. Калмыковъ.

Изданіе Г. А. Куковѣрова. Спб. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Рекомендовано Учен. Комитетомъ М-ва Н. Пр. для фундаментальныхъ библіотекъ средн. учебн. заведеній.

Переводы и изданія Д. Л. МУРАТОВА:

8-ми-ЧАСОВОЙ

РАБОЧІЙ ДЕНЬ.

Соч. *С. Вебба* и *Х. Кокса.*

Цѣна 1 руб. 60 коп.

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛЪ И ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ.

Соч. Т. Хиггинсона. XVI+304 стр. Цѣна 1 рубль.

Лица, выписывающія эти книги изъ конторы «Новаго Слова» или изъ конторы изданій О. Н. Поповой (Спб. Невскій, 54—Библіотека Черкесова), за пересылку не платятъ.

ВНОВЬ ПОДПИСАВШІЕСЯ ПОЛУЧАЮТЪ ЖУРНАЛЪ СЪ № 1-го

ПРИРОДА и ЛЮДИ

Подписной годъ начинается съ 1 ноября.

Пробный №. высыл. за 7 коп. марку.

Издается съ 1889 г.—Изданія годъ VIII.

5 РУБ. безъ дост. въ С.-Петербургѣ, съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россіи ШЕСТЬ РУБЛЕЙ. За границу 8 рублей. Допускается разсрочка при подпискѣ 3 рубля и къ 1 мая остальные.

Годовые подписчики въ теченіи 1897 года получаютъ:

52 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ №№. Каждый номеръ, въ размѣрѣ 2 листовъ большого формата (16 страницъ плотной печати), заключаетъ въ себѣ 6—8 большихъ статей, не исключая мелкихъ, и 8—12 художествен. рисунковъ.

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИГЪ, изящно отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ, съ иллюстраціями, объемомъ каждая отъ 160 до 200 страницъ убористой печати.

Какъ по содержанію, такъ и по иллюстраціямъ журналъ «ПРИРОДА и ЛЮДИ»—единственное изданіе въ русской печати, и цѣнность однихъ приложеній равняется подписной цѣнѣ на журналъ «ПРИРОДА и ЛЮДИ», такъ что только при большомъ количествѣ подписчиковъ редакція имѣетъ возможность дать безплатно столь цѣнное приложеніе, которое выходитъ подъ общимъ названіемъ

«ПОЛЕЗНАЯ БИБЛІОТЕКА»

и въ текущемъ году будетъ состоять изъ слѣдующихъ популярныхъ сочиненій:
1. «На верблюдахъ». Очерки и картины изъ жизни въ Средней Азіи. Н. Уралова. 2. «Какъ узнать характеръ человѣка». Опредѣленіе характера по чертамъ лица (физіогномонія), по почерку (графологія), по рукамъ (хиромантія), по головѣ (краніологія) и т. д. Очерки Гр. Ф—та. 3 и 4. «Натуралисть на Ла-Платѣ». У. Г. Хедсона. Съ рисунками. Перев. съ послѣдняго англійскаго изданія. 5. «Наши родичи». (Изъ воспоминаній о славянскихъ земляхъ). Очерки и разсказы В. П. Желиховской. 6. «Естественная исторія въ разсказахъ» Альфреда Мильса. 7. «Общедоступная пиротехника». Руководство къ приготовленію домашними средствами фейерверковъ. Д. Озеркова. Со многими рисунками. 8. «Современная Турція». Очерки и разсказы о царствѣ османовъ. Юрія Кази-Бека. 9. «Исторія электричества». Джона Менро. Пер. съ англ. подъ ред. Ив. Святскаго. 10. «Во льдахъ и снѣгахъ». (Путешествіе на о-въ Колгуевъ). Перев. съ англійскаго А. Филиппова. 11. «Исторія воздухоплаванія». По Л. Фигье и др. источникамъ составилъ Гр. Ф—тъ. 12. «Въ дебряхъ Азіи». Очерки экспедиціи ген.-м. Пѣвцова. Обработ. Н. Соколовъ.

Въ №№ журнала въ наступающемъ году будутъ помѣщены: «ЛѢСНОЙ БРОДЯГА». Очеркъ † А. В. Елисѣева. «РУССКАЯ КОЛОНІЯ НА ТИХОМЪ ОКЕАНѢ». Романъ въ 3-хъ частяхъ Н. Н. Соколова. «ФРИТІОФЪ НАНСЕНЪ». Иллюстрированный очеркъ В. Семенова. «ПРОРОЧЕСКІЯ ВИДѢНІЯ». Очеркъ В. В. Битнера. «ПОГИБШІЕ И ПОГИБАЮЩІЕ». (Очерки изъ исторіи допотопныхъ животныхъ). А. Карицкаго. «ПО РОДНЫМЪ КРАЯМЪ». Иллюстрированные очерки проф. И. Ю. Зографа и проф. А. М. Никольскаго. «СИМОНЪ БОЛИВАРЪ». Очеркъ Ф. Волгина. «ВЫРАЩИВАНІЕ РАСТЕНІЙ ПО ВОЛѢ ЧЕЛОВѢКА». Естественное объясненіе того чудовищнаго роста растеній, который наблюдался путешественниками въ «чудесахъ» индѣйскихъ факировъ. Очеркъ В. Битнера съ рис. «ИСТОРІЯ БАНИ У РАЗНЫХЪ НАРОДОВЪ». (Извлеченіе изъ книги д-ра С. Груздева). «НА РУБЕЖѢ». Очерки Закаспійскаго края. Изъ записокъ туриста. Б. Потоцкаго. «ВЪ СТРАНѢ ПОЛУМѢСЯЦА». Очерки и картины изъ современной жизни Турціи. Юрія Кази-Бека. «АСТРОНОМИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ». К. Фламмаріона и проф. С. П. Глазенапа. «ОТКУДА ПРОИСХОДЯТЪ МЫСЛИ». (Описаніе мозга и его дѣятельности). Л. Фигье. «РАЗСКАЗЫ ИЗЪ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ». Г. Сѣверцева. «ИДЕОПЛАСТІЯ». (Очерки, въ которыхъ читатели найдутъ естественное объясненіе тѣхъ «чудесъ» медіумизма, которыя спириты называютъ «духами». Въ pendant къ очерку «Идеопластія» будетъ идти статья «СФАЛЬСИФИКАЦІЯ ДУХОВЪ», гдѣ читатели ознакомятся съ разными поддѣлками и обманами профессіональныхъ медіумовъ и многихъ гг. спиритовъ. В. В. Битнера. «ПІОНЕРЫ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА». Дж. Менро. «СТОЛИЦЫ МІРА». Очерки † В. П. Желиховской, М. А. Бернова и др. «НАШИ СОСѢДИ». Очерки Китая, Персіи и Японіи. «ГЕРОИ ТЕЛЕГРАФА». Дж. Менро.

Издатель П. Сойкинъ.—Редакторъ С. Груздевъ.

КОНТОРА и РЕДАКЦІЯ ЖУРНАЛА **ПРИРОДА и ЛЮДИ**
С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, собств. д.

За 1889—1890 и 1896 гг. журналъ весь разошелся: 1891, 1892, 1893, 1894 и 1895 гг. остались въ небольшомъ колич. экземпл., цѣна которыхъ въ брошюров. видѣ, со всѣми прилож. 4 р. за каждый годъ, а въ роскошн. переплетѣ 5 р. Перес. за 10 фунт. по вѣсу и разстоянію.

2—2

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ

Журналъ Международнаго и Государственнаго Права.

Журналъ выходитъ каждые два мѣсяца въ С.-Петербургѣ безъ предварительной цензуры подъ редакціей привать-доцента ИМПЕРАТОРСКАГО С.-Петербургскаго Университета Э. К. Симсонъ. Въ журналѣ принимаютъ участіе почти всѣ выдающіеся ученые русскіе и иностранные, спеціалисты по международному и государственному праву.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: 1) Распоряженія Правительства, касающіяся вѣдомства Министерства Иностранныхъ дѣлъ. 2) Статьи по вопросамъ международнаго права. 3) Статьи по вопросамъ государственнаго права. 4) Статьи по другимъ частямъ юриспруденціи, соприкасающіяся съ вопросами международнаго и государственнаго права. 5) Научно-критическое разсмотрѣніе постановленій, какъ иностранныхъ, такъ и отечественныхъ судебныхъ мѣстъ по дѣламъ, имѣющимъ отношеніе къ вопросамъ международнаго или государственнаго права. 6) Хроника текущихъ событій международныхъ отношеній государствъ. 7) Тексты международныхъ договоровъ, заключенныхъ государствами. 8) Заграничныя корреспонденціи касательно событій и вопросовъ международнаго значенія. 9) Библіографія.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о журналѣ высылаются редакціей по первому требованію безплатно.

Подписная цѣна на годъ: съ доставкою въ С.-Петербургѣ—8 руб., съ пересылкою въ предѣлахъ Россіи—8 руб. 50 коп.; за границу—9 руб. 50 коп., для студентовъ 6 р. и 6 р. 50 к. Допускается разсрочка въ четыре срока.

Отдѣльные нумера журнала продаются по 2 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и книжномъ магазинѣ Г. Шмидорфъ (Невскій, 6); подписка въ разсрочку и отъ гг. студентовъ принимается только въ конторѣ редакціи (Стремянная, 8). Гг. иногородныя подписчики благоволятъ прислать подписныя деньги на имя издателя Эвальда Карловича Симсонъ, С.-Петербургъ, Стремянная ул., д. № 8. Для удобства публики контора редакціи, по полученіи извѣщенія открытымъ письмомъ, присылаетъ артельщика на домъ для принятія подписки.

Редакція открыта отъ 1—4 ч. и помѣщается въ С.-Петербургѣ, по Стремянной ул., д. 8.

3—2

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

НА

ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

СТЕПНОЙ КРАЙ

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ Г. ОМСКѢ ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

Посвященная разработкѣ вопросовъ мѣстной жизни, газета будетъ обращать особое вниманіе на городское и общественное самоуправленіе, школьное и переселенческое дѣло, инородческій вопросъ и экономическое положеніе края.

Въ газетѣ принимаютъ участіе: Годлевскій, С. Ф.; Гриневичъ, П. Ф.; Дѣдушка Мазай; Евгешинъ, А. А.; Ивановъ, Александръ (Потаповъ, А. И.); Ильичъ, В. С.; Кауфманъ, А. А.; Клеменцъ, Д. А.; Курскій, М. О.; Маруспинъ, С. (С. И. Швецовъ); Мельшинъ, Л.; Митричъ, В. Д.; Потанинъ, Г. Н.; Рафаиловъ, М.; Семевскій, В. И.; Хотымскій и др.

Въ главныхъ городахъ Сибири газета будетъ имѣть постоянныхъ корреспондентовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для **городскихъ** подписчиковъ годовое изданіе безъ ежедневныхъ телеграммъ—5 рублей, съ телеграммами—7 рублей.

Для **иногородныхъ**: безъ ежедневныхъ телеграммъ—5 р. 50 к., съ телеграммами—7 р. 50 к.

Допускается помѣсячная подписка и разсрочка въ платежѣ.

Отдѣльные нумера въ розничной продажѣ 7 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ, а также розничная продажа №№ производится: въ **Омскѣ**: въ редакціи «Степного Края»; въ **Тюмени**: въ магазинѣ «Польза»; въ **Барнаулѣ**: въ Общественной библіотекѣ и въ магазинѣ Тернера и К°; въ **Томскѣ**—у И. Г. Короленко, Милліонная ул., д. Кипріяновой.

Издатель *И. Г. Сунгуровъ.* 3—2 Редакторъ *И. Ѳ. Соколовъ.*

Открыта подписка на 1897 годъ

на ежедневную, политическую, общественную и литературную газету

«КРЫМСКІЙ ВѢСТНИКЪ»,

издающуюся въ гор. Севастополѣ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ДЕСЯТЫЙ)

Газета, выходящая ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ, является самой большой въ Таврической губерніи.

Въ случаѣ особенно важныхъ событій, въ дни послѣпраздничные, городскіе подписчики будутъ получать особые бюллетени.

условія подписки:

Безъ пересылки и доставки:		Съ доставкою и пересылкою:	
На годъ	7 р. — к.	На годъ	8 р. — к.
» 1/2	4 » — »	» 1/2	5 » — »
» 1/4	2 » 50 »	» 1/4	3 » — »
» 1 мѣсяцъ	1 » — »	» 1 мѣсяцъ	1 » 25 »

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му апрѣля—3 р., къ 1-му іюля—остальные 2 руб.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. Севастополѣ—въ редакціи «Крымскаго Вѣстника», Екатерининская улица, домъ Спиро, въ гор. Симферополѣ—въ отдѣленіи конторы, на Екатерининской улицѣ, домъ Спиро, въ Ялтѣ—въ магазинѣ г-на Синани, въ Мелитополѣ—въ Отдѣленіи конторы, въ «Центральномъ» аптекарск. магазинѣ О. Г. Гинцбурга, въ Бахчисараѣ—у г-на Колтуна, въ Бердянскѣ—въ книжномъ магазинѣ Г. А. Эдигера и Комп., въ Ѳеодосіи—въ отдѣленіи конторы «Крымскаго Вѣстника», Полицейская улица, домъ Карабанова. 3—3

«РИЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

въ предстоящемъ 1897 году вступаетъ въ 29-ый годъ своего существованія. «Рижскій Вѣстникъ», газета русскихъ интересовъ въ Прибалтійскомъ краѣ, будетъ выходить въ прежнемъ направленіи, разсматривая явленія мѣстной жизни съ государственной точки зрѣнія и содѣйствуя всестороннему объединенію Балтійской окраины съ имперіею. Редакція постоянно стремится къ возможному расширенію и улучшенію содержанія газеты. Газета выходитъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Подписная цѣна:

Безъ пересылки и доставки: на годъ—6 руб., на полгода—3 руб., на 3 мѣсяца—1 руб. 50 коп., на 1 мѣсяцъ—75 коп.

Съ пересылкою по почтѣ и съ доставкою на домъ: на годъ—8 руб., на полгода—4 руб., на 3 мѣсяца—2 руб., на 1 мѣсяцъ—1 руб.

Для учителей сельскихъ начальныхъ училищъ Прибалтійскаго края подписная цѣна: съ пересылкой на годъ пять руб. и на полгода три руб. На другіе сроки условія подписки общія для всѣхъ.

За границу на годъ 14 р., на полгода 7 р., на 3 мѣсяца 3 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ 1 р. 75 к.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ редакціи, въ Ригѣ, на углу Больш. и Малой Грѣшной ул., д. Лифшица, № 27—2.

Тамъ же принимаются объявленія по 10 коп. со строчки.

3—3 Редакторъ Л. Н. Витвицкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА

«СМОЛЕНСКІЙ ВѢСТНИКЪ».

Газету общественно-политическую и литературную; годъ изданія двадцатый. Выходитъ ежедневно, кромѣ послѣпраздничныхъ дней. Годовая плата 6 р.; для учителей, училищъ, церковно-служителей и благотворительныхъ учрежденій 5 р., съ разсрочкою платы. Собственники изданія, не преслѣдуя никакихъ матеріальныхъ выгодъ, всѣ средства обращаютъ на улучшеніе и расширеніе изданія.

Редакторъ В. В. Гулевичъ. Издатель В. В. Азанчевскій.

3—3

ВЫШЛА ТРЕТЬЯ МАРТОВСКАЯ КНИЖКА ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ.

Содержаніе ея: 1) Картинка. Весна идетъ. Стихотвореніе В. А. Рисунокъ художника Н. Н. Ольшанскаго. (На отдѣльномъ листѣ). 2) Пѣсня о книгѣ. Л. М. Медвѣдева. Съ рисункомъ художника В. И. Андреева. 3) Скверный день Василія Ивановича. Разсказъ. Д. Н. Мамина-Сибиряка. Съ рисункомъ художника П. Е. Литвиненко. 4) Поднебесный аулъ. Историческая повѣсть изъ старыхъ кавказскихъ былей. Гл. VIII—XI. (Продолженіе) Вас. Ив. Немировича-Данченко. Съ двумя рисунками художника К. Н. Чичагова. 5) Полярное море. Стих. В. А. Гиляровскаго. Съ тремя рисунками. 6) Уи Уилли Уинки. Разсказъ Редіярда Киплинга. Съ англійскаго А. Р. 7) На экзамены. Миніатюра. Виктора Липягина. 8) Памяти матери. На мотивъ Петефи. Стих. И. А. Бѣлоусова. 9) Зайкина невѣста. Сказка. А. А. Ѳедорова-Давыдова. Съ тремя рисунками. 10) О чемъ разговаривали книги. Сказка Н. Введенскаго. 11) Комедіанты. Разсказъ. Передѣлано съ французскаго Е. Н. Красногорской. 12) Авдюшкина копейка. Весенніе мотивы. Н. А. Соловьева-Несмѣлова. 13) Безпечное дѣтство, счастливые годы... Стих. Е. Нечаева. 14) Царскія дѣти и ихъ наставники. I. Петръ I и жители «Нѣмецкой слободы». Гл. VI—X. (Окончаніе). Б. Б. Глинскаго. Съ шестью рисунками. 15) Сынъ оружейника. (Тридцатый годъ по Р. Х.) О. Стоддарда. Гл. I—IV. Съ англійскаго А. Н. Рождественской. Съ четырьмя рисунками. 16) Учитель взрослыхъ и другъ дѣтей. Гл. IV—VII. (Продолженіе). Ив. Ив. Иванова. 17) Таинственные города. Географическіе очерки. I. Торговый городъ великой пустыни. Д. А. Коропчевскаго. Съ пятнадцатью рисунками. 18) Исторія лоскута бумаги. W. 19) По бѣлу свѣту. Поморы. Добрый обычай сѣверянъ. Гостепріимство инородцевъ. А. Т. 20) Ребусы, шарады и загадки 21) Рѣшенія. 22) Содержаніе первыхъ трехъ книжекъ «Дѣтскаго Чтенія». 23. Объявленія.

Подписка принимается: Москва, Тверская ул., д. Гиршмана, кв. 40. Цѣна на годъ съ пересылкою 6 р., 5 р. безъ доставки, 3 р. на полгода, 1 р. 50 к. на четверть года.

Редакторъ **Д. И. Тихомировъ.** Издательница **Е. Н. Тихомирова**

Новыя книги изданія «Библіотека Дѣтскаго Чтенія».

Альбовъ М. Н. «Исторія одного скитальца». (Снѣжокъ и Картошка); ц. 1 руб. Маминъ-Сибирякъ Д. Н. «Аленушкины сказки»; ц. 75 к. Его же. «Зарянцы»; ц. 75 к. Его же. Разсказы и сказки. Первый сборникъ для младшаго возраста. Второе дополненное изданіе. 1897 г.; ц. 75 коп. Станюковичъ К. М. «Среди моряковъ»; ц. 60 к. Мордовцевъ Д. Л. «Погибель Іерусалима»; ц. 10 к. Поспѣловъ М. «Дѣдушка посолъ»; ц. 6 к. Тихомировъ Дм. Ив. «Записки о педагогическихъ курсахъ въ Твери»; ц. 1 руб. Его же. «Вешніе всходы», книга для класнаго чтенія, бесѣдъ, устныхъ и письменныхъ упражненій въ школѣ и дома, годъ первый, третье изд., ц. 30 к.; годъ второй, третье изд., ц. 40 к. Обѣ книги допущены Уч. Ком. М. Н. Пр. для употребленія въ низшихъ школахъ. Третья книга «Вешніе Всходы»; ц. 60 к. Руководство для учителя, ц. 30 к. Допущено Уч. Ком. М. Н. Пр. въ учительскія библіотеки. Печатаются и въ февралѣ выйдутъ: Какъ надо жить. Леббока. Съ англійскаго Д. А. Коропчевскаго. Ц. 80 к. Съ Поволжья. Родныя картинки. Разсказы. И. А. Соловьева-Несмѣлова. Ц. 60 к.

1—1

ВЫШЛА ФЕВРАЛЬСКАЯ (ВТОРАЯ) КНИГА

ежемѣсячнаго литературно-политическаго изданія

„РУССКАЯ МЫСЛЬ".

СОДЕРЖАНІЕ: I. Милліоны. Повѣсть П. Д. Боборыкина. II. Республика каменоломовъ. (Недѣля въ Санъ-Марино). Окончаніе. В. И. Немировича-Данченка. III. Арматура. Романъ Поля Эрвье. Переводъ съ французскаго. Окончаніе. IV. Мірское дитя. Разсказъ Маріи Эбнеръ фонъ Эшенбахъ. Переводъ съ нѣмецкаго Н. К. Продолженіе. V. Уголокъ Колхиды. Продолженіе. В. Я. Свѣтлова. VI. На ясномъ берегу. Повѣсть Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. Продолженіе. VII. Звѣрь въ человѣкѣ. (Дюре Рейнъ). (Изъ семейной хроники). Романъ Іонаса Ли. Перев. съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Продолженіе. VIII. Крестоносцы. Историческій романъ Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго. В. М. Л. IX. Всеобщее обученіе въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ и школьная сѣть. Окончаніе. В. П. Вахтерова. X. По поводу сочиненія проф. А. Ф. Кистяковскаго. Изслѣдованіе о смертной казни. Второе изданіе подъ редакціей Т. С. Спб. 1896 г. В. П Даневскаго. XI. Земледѣліе и горнозаводская промышленность въ Россіи. И. Н. Миклашевскаго. XII. Гражданское уложеніе для Германской имперіи въ связи съ научными и общественными теченіями въ современной Германіи. М. И. Бруна. XIII. Школьныя кассы и школьныя столовыя во Франціи. У. Манскаго. XIV. Внутреннее обозрѣніе XV. Современное искусство. XVI. Двѣ грядущія годовщины. В. А. Гольцева. XVII. Иностранное обозрѣніе. В. А. Г. XVIII. Библіографическій отдѣлъ. XIX. Объявленія.

Продолжается подписка на 1897 г. (Восемнадцатый годъ изданія).

Цѣна съ дост. и перес.:	На годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во всѣ города Россіи.....	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р.
За границу.....	14 »	10 » 50 »	7 »	3 » 50 »	— »

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апр., 1-му іюля и 1-му октяб. по 3 руб. Подписка принимается: въ Москвѣ—въ конторѣ журнала — уголъ Леонтьевскаго пер. и Б. Никитской, д. № 2—24. Въ С.-Петербургѣ—въ книж. магаз. Фену и К°, Невскій. Въ Кіевѣ—въ книж. маг. А. Идзиковскаго.

При редакціи открытъ магазинъ русскихъ и иностранныхъ книгъ съ пріемомъ подписки на всѣ журналы и газеты. Книжный магазинъ принимаетъ на комиссію посторонніе изданія и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, также принимаетъ на себя составленіе народныхъ и другихъ библіотекъ на какія угодно суммы и даетъ требуемыя справки по составленію народныхъ и школьныхъ библіотекъ и складовъ для продажи книгъ.

1—1 Редакторъ-издатель **В. М. Лавровъ.**

1897 ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1897
НА ГАЗЕТУ

„ОКРАИНА"

ВЪ ТАШКЕНТѢ.

Газета вступаетъ въ восьмой годъ изданія. Въ наступающемъ году она будетъ стараться представлять по возможности шире и полнѣе экономическую и духовную жизнь населенія Туркестанскаго края. Съ этою цѣлью редакціей возбуждено ходатайство о расширеніи программы газеты. Въ программу войдутъ слѣдующіе новые отдѣлы: 1) Фельетонъ. 2) Среди газетъ и журналовъ (отзывы Европейской и англо-индійской печати о Туркестанѣ съ краткимъ ихъ освѣщеніемъ) и 3) Со всѣхъ концовъ Азіи.

Съ будущаго года редакція нашла возможнымъ, не повышая подписной платы, увеличить размѣръ изданія и выпускать газету вмѣсто 2-хъ разъ

три раза въ недѣлю,

по понедѣльникамъ, средамъ и субботамъ, за исключеніемъ праздничныхъ дней.

Подписная цѣна:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи: на годъ 5 р., на полгода 3 р. 50 к., на три мѣсяца 2 р. 50 к. 3—3 За редактора издатель *С. Иѣтуховъ.*

О ПОДПИСКѢ НА

„НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ“

въ 1897 году.

Редакція «НИЖЕГОРОДСКАГО ЛИСТКА» ставитъ своей задачей разработку вопросовъ нижегородской и поволжской жизни, отводя въ то же время мѣсто и интересамъ современной государственной и общественной жизни Россіи.

Газета выходитъ ежедневно, въ размѣрѣ полнаго листа, не исключая и дней послѣпраздничныхъ.

Въ газетѣ имѣются слѣдующіе отдѣлы:

1) Телеграммы, общія и торговыя.—2) Правительственныя распоряженія.—3) Извѣстія изъ столицъ.—4) Статьи по мѣстнымъ и общимъ вопросамъ.—5) Обозрѣніе газетъ и журналовъ.—6) Мѣстная хроника.—7) Театръ и музыка.—8) Маленькій фельетонъ. 9) Корреспонденціи.—10) Внутреннія извѣстія.—11) Хроника провинціальной жизни.—12) Внѣшнія извѣстія.—13) Судебная хроника.—14) Смѣсь.—15) Торговый отдѣлъ: нижегородская биржа и рынокъ, торговыя корреспонденціи изъ столицъ и городовъ Поволжья, ярмарочная биржа.—16) Фельетонъ: стихи, разсказы, повѣсти, очерки оригинальные и переводные, научный, литературно-критическій, обзоры европейской жизни, изъ мѣстной и поволжской жизни и проч.

Въ Нижегородскомъ Листкѣ принимаютъ участіе: Н. П. Ашешовъ, А. И. Богдановичъ, Е. Ф. Волкова, Н. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), В. А. Гольцевъ, А. М. Ещинъ, Е. М. Ещинъ, Ивановичъ, Вл. Г. Короленко, В. А. Мосолова, А. Д. Мысовская, М. А. Плотниковъ, С. Д. Протопоповъ, А. М. Пѣшковъ (М. Горькій), К. М. Станюковичъ, В. Е. Чешихинъ, Е. Н. Чириковъ (Е. Валинъ). А. А. Штевенъ и мн. друг.

Подписная цѣна для иногородныхъ:

на годъ—7 р., на ½ года—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р., на 1 мѣс.—1 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1) Въ Нижнемъ-Новгородѣ—въ главной конторѣ «Нижегородскаго Листка», Больш. Покровка, д. Приспѣшникова. 2) Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы «Нижегородскаго Листка», при конторѣ Печковской, Петровская линія. 3) Въ Москвѣ и Петербургѣ—въ конторахъ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К°. 3—3

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ НА

„САРАТОВСКІЙ ЛИСТОКЪ“

въ 1897 году

(35-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкою въ Саратовѣ: На годъ 7 р., на 11 м. 6 р. 50 к., на 10 м. 6 р., на 9 м. 5 р. 50 к., на 8 м. 5 р., на 7 м. 4 50 к., на 6 м. 4 р., на 5 м. 3 р. 50 к., на 4 м. 3 р., на 3 м. 2 р. 50 к., на 2 м. 2 р., на 1 м. 1 р.

Съ пересыл. въ другіе города: На годъ: 8 р., на 11 м. 7 р., на 10 м. 6 р. 50 к., на 9 м. 6 р., на 8 м. 5 р. 50 к., на 7 м. 5 р., на 6 м. 4 р. 50 к., на 5 м. 4 р., на 4 м. 3 р. 50 к., на 3 м. 3 р., на 2 м. 2 р. 40 к., на 1 м. 1 р. 20 к.

Для облегченія возможности подписываться на газету недостаточнымъ лицамъ редакція находитъ возможнымъ допустить разсрочку подписной платы для годовыхъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ: первые вносятъ: при подпискѣ 3 руб., 1-го марта 2 р. и 1-го мая 2 руб.; иногородные: при подпискѣ 4 руб. и 1-го мая 4 руб.

Подписка принимается съ 1-го по 1-е каждаго мѣсяца и не далѣе конца года.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Саратовъ, Нѣмецкая, домъ Онезорге. Въ Вольскѣ—у И. Ф. Волкова.

Объявленія принимаются: на 1-й страницѣ 20 к. за строку петита; на 3-й и 4-й—по 7 к. Годовыя объявленія пользуются особой уступкой.—Объявленія изъ-за-границы и всѣхъ мѣстъ Россійской имперіи, кромѣ Саратовской, Тамбовской-Пензенской и приволожск. губ., принимаются исключительно въ центральной конторѣ объявленій бывш. Метцль. въ Москвѣ, на Мясницкой ул., въ д. Сытова: Для этихъ объявленій такса: на 1-й страницѣ 20 к. и послѣ текста 10 к. за строку петита. 3—3

Вышла въ свѣтъ I-ая (январь—февраль, книга журнала

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ",

издаваемаго московскимъ психологическимъ обществомъ.

СОДЕРЖАНІЕ ея: **Б. Н. Чичеринъ.** Нѣсколько словъ о философско-историческихъ воззрѣніяхъ Грановскаго.—**М. С. Корелинъ.** Очерки развитія философской мысли въ эпоху Возрожденія. I. Міросозерцаніе Франческо Петрарки.—**Б. В. Ивановскій.** Общество и государство.—**Кн. С. Н. Трубецкой.** Ученіе о Логосѣ въ древней философіи въ связи съ развитіемъ идеализма.—**В. О. Ключевскій.** Западное вліяніе въ Россіи XVII в. (Историко-психологическій очеркъ).—**Вѣра Джонстонъ.** Шри-Шанкара-Ачарія, индійскій мудрецъ.—**А. Н. Бернштейнъ.** О воспріятіи постоянныхъ и перемѣнныхъ раздраженій.—**Кн. С. Н. Трубецкой.** Къ библіографіи исторіи религій.—**Вл. Н. Ивановскій.** Къ исторіи ученія объ апперцепціи въ психологіи.—**Н. И. Карѣевъ.** Экономическій матеріализмъ и закономѣрность соціальныхъ явленій.—**П. Б. Струве.** Свобода и историческая необходимость.—**Критика и библіографія.** 1) Обзоръ книгъ. 2) Обзоръ журналовъ. 3) Новости иностранной философской литературы.—**Психологическое общество.**—**Извѣстія и замѣтки.**

Въ предстоящей къ выходу II книгѣ (мартъ—апрѣль) предполагается помѣстить, между прочимъ, продолженіе статей **В. О. Ключевскаго** и **М. С. Корелина**, Существо и и метода идеализма **Б. Н. Чичерина**, Психическая энергія **Н. Я. Грота**, Филонъ Александрійскій **кн. С. Н. Трубецкого**. Время и пространство и ихъ общій субъектъ **Вл. С. Соловьева**, Атеизмъ въ философіи спинозы **А. И. Введенскаго**, Къ вопросу о воспринятіи пространства **Г. И. Челпанова**, Основанія макіавеллизма **В. Э. Вальденберга**. Біологическій механизмъ и матеріализмъ **Н. Д. Виноградова** и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на годъ (съ 1-го января 1897 г. по 1-е января 1898 г.) безъ доставки—6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другія города—7 р., за границу—8 р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ, принимается въ конторѣ журнала: Москва, Большая Никитская д. 2—24 (въ помѣщеніи журнала «Русская Мысль»).

1—1

Вышелъ изъ печати и продается въ книжномъ магазинѣ О. Петровской въ Перми, а также въ Пермской Губернской Управѣ

ОБЗОРЪ ПЕРМСКАГО КРАЯ.

ОЧЕРКЪ

СОСТОЯНІЯ

КУСТАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ВЪ

ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Издано Пермскимъ губернскимъ земствомъ.

Содержаніе: Предисловіе. Введеніе. Гл. I. Производство по обработкѣ животныхъ продуктовъ. Гл. II. Производство по обработкѣ растительныхъ продуктовъ. Гл. III. Производство по обработкѣ металловъ, камня и глины. Гл. IV. Производство по обработкѣ смѣшанныхъ матеріаловъ. Заключеніе. Таблицы. Приложенія.

Пермь. 1896 г. Стр. 365+232.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

1—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА НОВОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ

СИСТЕМЫ ЛОГИКИ

Дж. Ст. Милля.

Новый переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія подъ редакціей и съ необходимыми пояснительными примѣчаніями В. Н. Ивановскаго.

Каждая изъ 6-ти книгъ сочиненія составитъ выпускъ. Все сочиненіе (около 1.000 страницъ большого формата и убористой печати) выйдетъ въ теченіе 1897 г.

Подписная цѣна **ТРИ** рубля безъ пересылки и **ЧЕТЫРЕ** рубля **ПЯТЬДЕСЯТЪ** копѣекъ съ пересылкой заказной бандеролью.

1-я книга выйдетъ около 1 марта 1897 года. **По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.**

Допускается разсрочка подписной платы: при подпискѣ вносится 1 рубль; при выходѣ 2-й и 4-й книгъ по рублю; книги 5-я и 6-я выдаются безплатно.

Желающимъ сочиненіе можетъ быть выслано съ наложеннымъ платежомъ.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться въ магазинъ «КНИЖНОЕ ДѢЛО», Москва, Моховая, д. Бенкендорфа, откуда можно выписывать и другія изданія магазина:

1) **Шерръ**, І. Всеобщая исторія литературы, переводъ подъ редакціей П. И. Вейнберга. Два большихъ тома (20—25 выпуск.) со множествомъ гравюръ, картинъ, автографовъ, факсимиле и др. приложеній. Болѣе 1.000 стр. текста. Цѣна по подпискѣ безъ доставки 6 р., съ дост. и пересылк. 8 р.

2) **Фюстель-де-Куланжъ**. Древняя гражданская община. Цѣна 2 р.

3) **Данте-Аллигіери**. Божественная комедія. Ч. I. Адъ. Переводъ П. И. Голованова. подъ ред. проф. Ѳ. Буслаева. Ц. 1 р. 50 к.

4) **Дрейфусъ, К.** Міровая и соціальная эволюція. Ц. 1 р. 50 к.

5) **«На добрую память** изъ русскихъ писателей». Сборникъ статей и отрывковъ изъ лучшихъ русскихъ писателей и поэтовъ. Ц. 1 р. 25 к.

6) **Теннисонъ, А. Магдалина**. Переводъ въ стихахъ А. М. Федорова, со ст. П. И. Иванова: «Теннисонъ и его поэзія», и портретомъ Теннисона. Ц. 50 к.

7) **Фуллье, А. Темпераментъ и характеръ**. Цѣна 1 руб.

8) **Милль, Д. С. Огюстъ Контъ и позитивизмъ**. Съ приложеніемъ статей Спенсера и Уорда и портрета О. Конта.

9) **Милль, Д. С. Автобіографія**. Ц. 75 к.

10) **Уордъ, Л. Психическіе факторы цивилизаціи**. Полный переводъ безъ пропусковъ и сокращеній.

11) **Тома, Ф. Внушеніе**. Его значеніе въ воспитаніи. Ц. 40 к.

12) **Ланге. Эмоціи** (психо-физіологическій очеркъ). Ц. 30 к.

13) **Спенсеръ, Г. Классификація наукъ**. Цѣна 75 коп.

14) **Legrain. Соціальное вырожденіе и алкоголизмъ**. Ц. 75 к.

3—2

Открыта подписка на 1897 годъ на газету

„ВЯТСКІЙ КРАЙ".

Будетъ выходить по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ
по слѣдующей программѣ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Телеграммы. 3) Обозрѣніе газетъ и журналовъ. 4) Послѣднія извѣстія. 5) Статьи по общественно-экономическимъ вопросамъ общимъ и мѣстнымъ. 6) Хроника: городская и земская жизнь, школа, медицина, театръ. 7) Вѣсти изъ Вятско-Камскаго края (телеграммы и корреспонденціи отъ собственныхъ корреспондентовъ). 8) Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи и извѣстія газетъ). 9) Свѣдѣнія о заграничной жизни. 10) Фельетонъ—научный, литературный, бѣллетристическій, театральный и музыкальный. 11) Критика и библіографія. 12) Смѣсь (замѣтки по различнымъ отраслямъ наукъ, искусствъ и прикладныхъ знаній). 13) Судебная хроника безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній. 14) Почтовый ящикъ. 15) Справочный отдѣлъ (курсъ рубля, мѣстныя цѣны на продукты и проч.). 16) Объявленія.

Газета посвящается изученію нуждъ Вятско-Камскаго края, указанію мѣръ къ поднятію его благосостоянія и возможно полному освѣщенію тѣхъ общихъ вопросовъ, правильная постановка и разрѣшеніе которыхъ тѣсно связаны съ интересами мѣстной общественной и народной жизни.

Съ доставкой и пересылкой.

Цѣна за годъ (только съ января по январь)	5 р. — к.
» » полгода	3 » — »
» » 3 мѣсяца	1 » 50 »
» » 2 мѣсяца	1 » — »
» » 1 мѣсяцъ	— » 75 »

Подписка на газету принимается въ редакціи «Вятскаго Края», въ книжныхъ магазинахъ П. Г. Тихонова въ г. Вяткѣ и Н. З. Платунова въ Слободскомъ; объявленія принимаются въ редакціи «Вятскаго Края».

Редакторъ А. П. Лашкевичъ. Издатель Я. И. Поскребышевъ.

3—3

Газета политическая, общественная и литературная

ХАРЬКОВСКІЯ ГУБ. ВѢДОМОСТИ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

Постоянныя рубрики газеты слѣдующія: 1. Передовыя статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики. 2. Отдѣльныя статьи, посвященныя обсужденію мѣстныхъ и общихъ вопросовъ. 3. Мѣстныя извѣстія (городскія и изъ уѣздовъ). 4. Послѣднія извѣстія (мѣропріятія, слухи, проекты и т. п.). 5. Телеграммы. 6. Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной). 7. Корреспонденціи. 8. Новости науки, литературы и искусства. 9. Театръ и музыка. 10. Внутреннія извѣстія. 11. Земская и городская хроника. 12. Внѣшнія извѣстія. 13. Судебный отдѣлъ. 14. Фельетонъ (беллетристика оригинальная и переводная, критическія статьи, научные очерки и проч.). 15. Библіографическія замѣтки. 16. Смѣсь. 17. Справочный отдѣлъ.

Подписка принимается въ Харьковѣ, въ конторѣ «Харьк. Вѣд.».

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Съ перес. иногородн.	Съ доставкой	Безъ доставки.
На 12 мѣс.	10 р. — к.	9 р. 25 к	8 р. 25 к.
» 11 »	9 » 50 »	8 » 50 »	8 » — »
» 10 »	9 » — »	8 » — »	7 » 05 »
» 9 »	8 » — »	7 » — »	6 » 50 »
» 8 »	7 » — »	6 » 50 »	6 » — »
» 7 »	6 » 20 »	5 » 50 »	5 » 25 »
» 6 »	5 » 75 »	5 » — »	4 » 50 »
» 5 »	5 » — »	4 » — »	3 » 75 »
» 4 »	4 » — »	3 » 50 »	3 » — »
» 3 »	3 » — »	2 » 50 »	2 » 25 »
» 2 »	2 » 10 »	2 » — »	1 » 50 »
»	1 » 20 »	1 » — »	— » 80 »

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
СИМБИРСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ
НА 1897 ГОДЪ.

Неоф. часть «Симбирскихъ Губ. Вѣдомостей», по-прежнему, будетъ выходить два раза въ недѣлю: въ среду и субботу и издаваться отдѣльно отъ оффиц. части. Газета будетъ служить по преимуществу мѣстнымъ интересамъ, для чего будутъ приняты всѣ мѣры, чтобы сдѣлать «Симбирскія Губ. Вѣдомости» мѣстнымъ органомъ печати въ обширномъ смыслѣ этого слова.

Программа изданія. 1. Телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства. 2. Мѣстная хроника. 3. Вѣсти и факты. 4. Областныя извѣстія. 5. Театръ и музыка. 6. Сельскохозяйственный отдѣлъ. 7. Разныя извѣстія. 8. Справочный отдѣлъ. 9. Библіографія. 10. Фельетоны.

Подписная цѣна на одну неоф. часть: съ доставкою и пересылкою на годъ 3 руб., на полгода 1 руб. 75 коп. Безъ доставки на годъ 2 рубля, на полгода 1 руб. На меньшіе сроки подписка на одну неоф. часть не принимается.

Подписка принимается: въ типографіи «Симбирскихъ Губ. Вѣдомостей» (Бол. Саратовская ул., д. Зеленкова), у полиціймейстеровъ, уѣздныхъ исправниковъ и становыхъ приставовъ. Отдѣльные номера продаются по 5 коп. въ типографіи и у разносчиковъ.

3—3 Редакторъ Д. Горчаковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ
НА ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ,
ИЗДАВАЕМЫЙ
Постоянною Комиссіею по техническому образованію при Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ: I. Правительственныя распоряженія. II. Хроника техническаго образованія въ Россіи и заграницей. (Высшее, среднее и низшее техническое и промышленное образованіе; ремесленное образованіе; организація курсовъ, лекцій и вечерне-воскресныхъ школъ для рабочихъ; народныя чтенія, библіотеки, естественно-историческіе и промышленные музеи, выставки и т. п.). III. Статьи по вопросамъ техническаго и профессіональнаго образованія, по методикѣ и дидактикѣ технической обученія. IV. Библіографія.

Въ журналѣ «ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ» принимаютъ участіе слѣдующія лица: Е. М. Гаршинъ, Г. Ю. Гессе, проф. Г. Ф. Деппъ, К. И. Диксонъ, А. А. Ильинъ, Е. П. Ковалевскій, проф. Котурницкій, М. В. Лысковскій, проф. Н. И. Макаровъ, И. И. Мещерскій, П. Г. Мижуевъ, проф. И. Н. Миклашевскій, А. Г. Неболсинъ, Н. А. Рубакинъ, А. Н. Страннолюбскій, Д. Д. Струнинъ, В. А. Тюринъ, В. Г. Шапошниковъ, К. Ю. Цируль, И. И. и Е. Н. Янжулъ и др.

«Техническое Образованіе» выходитъ (съ 1-го октября 1892 года) книжками по четыре №№ въ каждое полугодіе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за годъ безъ доставки **2** р., съ доставкой **2** р. **50** коп. и съ пересылкой **3** р. За $^1/_2$ г. безъ пер. **1** р., съ дост. **1** р. **25** к. и съ пер. **1** р. **50** к.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (С.-Петербургъ, Пантелеймонская, 2—Постоянная Комиссія по техническому образованію) и въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова (Спб. Литейная, 46; Москва, Моховая, д. Коха; Варшава, Новый Свѣтъ, 67).

Для личныхъ объясненій редакція открыта по вторникамъ, пятницамъ и субботамъ, отъ 3 до 5 часовъ. 3—3

Открыта подписка на 1897 годъ.

НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ

ГАЗЕТА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ

самая большая и распространенная на Югѣ Россіи между РУССКИМЪ населеніемъ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ

«НОВОРОССІЙСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ», по примѣру большихъ столичныхъ газетъ,

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО

не исключая понедѣльниковъ и дней послѣпраздничныхъ

(не менѣе 330 №№ въ годъ)

«Новороссійскому Телеграфу» истекаетъ третье десятилѣтіе. Этотъ почтенный возрастъ говоритъ самъ за себя, особенно въ трудномъ журнальномъ дѣлѣ.

Выходя двадцать четвертый годъ подъ личной редакціей теперешняго собственника газеты, «Новороссійскій Телеграфъ» принялъ совершенно опредѣленную физіономію единственной русской по духу газеты на Югѣ Россіи. Не зная никакихъ компромиссовъ, онъ отстаиваетъ начала и интересы, дорогіе каждому русскому. Наши читатели—мыслящее русское населеніе—знаютъ насъ и, полагаемъ, всегда единомышленны съ нами и вѣрны намъ, не соблазняясь дешевыми успѣхами выгоднаго безразличія или завѣдомаго юдофильства.

Литературныя силы газеты нашей остаются въ томъ-же составѣ. Изъ столичныхъ литературныхъ дѣятелей примутъ участіе извѣстный петербургскій фельетонистъ Буква (г. Василевскій), украшающій страницы «Нов. Телеграфа» девятнадцать лѣтъ. П. П. Гнѣдичъ, Ал. П. Чеховъ (А. Сѣдой) и друг. Изъ мѣстныхъ литературныхъ силъ будутъ принимать участіе: М. Перучевъ, Зео (по беллетристическому отдѣлу), Путникъ и друг.

Въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» періодически печатаются ИЛЛЮСТРАЦІИ: рисунки современныхъ событій и портреты выдающихся дѣятелей. Важнѣйшія свѣдѣнія по внутреннимъ вопросамъ (законодательнымъ, административнымъ, экономическимъ, финансовымъ и пр.) сообщаются нашими столичными корреспондентами. Эти свѣдѣнія получаются нами и печатаются въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» 2 днями раньше обыкновеннаго появленія ихъ въ другихъ газетахъ.

Кромѣ телеграммъ «Рос. Тел. Агентства», мы даемъ постоянно, въ теченіе цѣлаго года, телеграммы отъ нашихъ столичныхъ корреспондентовъ.

«Новороссійскій Телеграфъ», по своей программѣ, имѣетъ отдѣлъ Юридической хроники, предоставляющій редакціи право разбора и обсужденія судебныхъ рѣшеній, и имѣетъ право помѣщать рефераты судебныхъ засѣданій военно-окружнаго суда. Этимъ правомъ пользуются теперь не всѣ мѣстныя газеты.

Подписка принимается: въ Одессѣ, въ конторѣ редакціи, на углу Дерибасовской и Екатерининской улицъ, домъ Маврокордато, и въ отдѣленіи газеты при типографіи «Нов. Тел.», Новая улица, домъ Озмидова.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки и пересылки. На 1 мѣс. 1 р., на 2 мѣс. 2 р., на 3 мѣс. 3 р., на 4 мѣс. 4 р., на 5 мѣс. 5 р., на 6 мѣс. 6 р., на 7 мѣс. 7 р., на 8 мѣс. 8 р., на 9 мѣс. 9 р., на 10 мѣс. 10 р., на 11 мѣс. 11 р., на 12 мѣс. 12 р.

Съ доставкою и пересылкой. На 1 мѣс. 1 р. 20 к., на 2 мѣс. 2 р. 40 к., на 3 мѣс. 3 р. 60 к., на 4 мѣс. 4 р. 80 к., на 5 мѣс. 6 р., на 6 мѣс. 7 р. 20 к., на 7 мѣс. 8 р. 40 к., на 8 мѣс. 9 р. 60 к., на 9 мѣс. 10 р. 80 к., на 10 мѣс. 12 р., на 11 мѣс. 13 р., на 12 мѣс. 14 р.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ, если о ней будетъ заявлено въ началѣ, при годовой подпискѣ. Взносы разсроченной платы могутъ быть или полугодовые (по 7 р. къ 1 января и къ 1 іюня), или по четвертямъ года (по 3 р. 50 к. къ 1 января, 1 марта, 1 іюня и 1 сентября), т. е. всегда за мѣсяцъ впередъ до наступленія срока разсрочки.

За границу къ стоимости экземпляра въ Россіи слѣдуетъ прибавлять на пересылку за каждый мѣсяцъ по 50 коп., въ годъ 6 рублей.

Для казенныхъ, земскихъ и городскихъ учрежденій, а также для лицъ, служащихъ въ сихъ учрежденіяхъ, допускается подписка въ кредитъ, по письменнымъ оффиціальнымъ бумагамъ чрезъ казначеевъ, съ условіемъ высылки денегъ въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1897 года.

Редакторъ-издатель ***М. Озмидовъ.***

3—3

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ“

НА 1897 ГОДЪ.

ВЫХОДИТЪ ВЪ ТОБОЛЬСКѢ ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

Для иногородныхъ: на годъ 5 р., полгода 2 р. 75 к., 3 мѣс. 1 р. 50 к.
Для городскихъ: на годъ 4 р. 50 к., полгода 2 р. 30 к. 3 мѣс., 1 р. 50 к.
Новымъ подписчикамъ, оплатившимъ годовую подписку, газета высылается безплатно по 1 января 1897 года со дня полученія въ Конторѣ Редакціи подписныхъ денегъ.

Подписка принимается въ Тобольскѣ, въ библіотекѣ Суханова.
Иногородніе адресуютъ: Тобольскъ. Редакція «Сибирскаго Листка».

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 3-й годъ изданія

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА

„ПСОВАЯ И РУЖЕЙНАЯ ОХОТА“

органъ ИМПЕРАТОРСКАГО Общества правильной охоты

КІЕВСКАГО ОТДѢЛА.

36 №№. ВЪ ГОДЪ,

роскошно иллюстрированныхъ, при сотрудничествѣ извѣстныхъ охотниковъ-писателей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

на годъ съ пересылкой и доставкой	8 руб.
на 1/2 г. » » »	5 »
за-границу (только год. подписка)	13 »

РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ: при подпискѣ, считая съ 1 ноября, 3 руб., 1 января 3 руб. и 1 марта 2 руб. При поручительствѣ казначеевъ—по 1 руб. въ мѣсяцъ.

ПОДПИСН. ЦѢНА на 36 №№ журнала и шесть книгъ-приложеній:

на годъ съ пересылкой и доставкой	13 руб.
на 1/2 г. » » »	8 »
за-границу (только год. подписка)	20 »

РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ: при подпискѣ 5 р., считая съ 1 ноября, остальныя деньги по 2 руб. въ мѣсяцъ. При поручительствѣ казначеевъ—3 руб. единовременно и по 1 руб. въ мѣсяцъ.

ЛЬГОТНЫЯ ПРОДАЖИ РУЖЕЙ и СОБАКЪ ЗА 1/10 — 1/12 ЧАСТЬ СУММЫ ИХЪ СТОИМОСТИ, ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ ПОДПИСЧИК. ЖУРНАЛА съ КНИГАМИ-ПРИЛОЖЕН. и безъ оныхъ.

Изданіе редакціи: «Дрессировка подружейныхъ собакъ». Патфайндера. Переводъ Де-Конноръ. Роскошно иллюстриров. Цѣна 2 руб. съ пересылкой.

Пробный № высылается за четыре 7 коп. марки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Редакціи, г. Веневъ, Тульской губ.; въ Кіевѣ, Фундуклеевская ул., д. № 2, въ Канцеляріи Кіевскаго отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Об. ох.; во всѣхъ Конторахъ Объявленій, въ оружейныхъ магазинахъ и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Скидки за пріемъ подписки съ экземпляра журнала — 50 к., съ экземпляра журнала и книгъ—70 коп.

3—3

НОВОЕ СЛОВО.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА

МОДНЫЙ СВѢТЪ

и Модный Магазинъ

30-ый годъ изданія. МОДНЫЙ и СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ, XXX годъ изданія.

дающій въ своихъ модныхъ нумерахъ полный переводъ парижскаго моднаго журнала

„LA SAISON“.

«МОДНЫЙ СВѢТЪ» сдѣлался любимымъ журналомъ русской семьи, настольнымъ справочнымъ изданіемъ русской хозяйки. «МОДНЫЙ СВѢТЪ» щеголяетъ полнотой всѣхъ своихъ отдѣловъ: моды, рукодѣлій, домоводства и проч. и большимъ разнообразіемъ.

Нижеслѣдующій перечень даетъ приблизительное понятіе о богатствѣ содержанія этого столь любимаго и самаго распространеннаго въ Россіи дамскаго журнала.

«Модный Свѣтъ и Модный Магазинъ» будутъ заключать въ себѣ въ 1897 году:

24 модныхъ нумера туалетовъ и дамскихъ рукодѣлій, содержащихъ до 3.000 рисунковъ и описаній, объемлющихъ всю область гардероба: для дамъ, дѣвочекъ и мальчиковъ, равно и приданаго для новорожденныхъ, мужскаго, столоваго и постельнаго бѣлья. Всевозможныя рукодѣлія, изображенныя и описанныя удобопонятно и подробно.

24 литературныхъ нумера, содержащихъ повѣсти, разсказы и стихотворенія лучшихъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ, картины и рисунки русскихъ и иностранныхъ художниковъ, статьи по женскому дѣлу, анекдоты, афоризмы, хозяйственные, гигіеническіе и педагогическіе совѣты и указанія, предостереженія противъ опасностей, встрѣчающихся въ обыденной жизни, различныя извѣстія, интересныя для женщинъ, и «Почтовый ящикъ» съ разнообразными указаніями и совѣтами.

24 экстренныхъ модныхъ приложенія съ рисунками новѣйшихъ парижскихъ модъ (hautes nouveautés). Эти 24 приложенія въ общей сложности составятъ 12 полныхъ нумеровъ.

12 большихъ выкроечныхъ листовъ, содержащихъ около 1000 выкроекъ всевозможныхъ предметовъ гардероба, узоры для бѣлаго и цвѣтнаго шитья, суташа и т. д., также множество шифровъ, монограммъ и цѣлые алфавиты крестиками и гладью.

Подписчики получатъ кромѣ всего вышесказаннаго еще сверхъ того: НА 2-е ИЗДАНІЕ **12** большихъ отлично раскрашенныхъ картинокъ новѣйшихъ парижскихъ модъ. **12** вырѣзныхъ выкроекъ для дамскихъ и дѣтскихъ костюмовъ и бѣлья. НА 3-е ИЗДАНІЕ **36** большихъ отлично раскрашенныхъ картинокъ новѣйшихъ парижскихъ модъ и **12** вырѣзныхъ выкроекъ.

Безплатныя преміи для годовыхъ подписчиковъ всѣхъ трехъ изданій:

1) Альбомъ новыхъ оригинальныхъ русскихъ монограммъ. 2) 12 картинокъ съ рисунками дамскаго верхняго платья. 3) Два приложенія спеціально дѣтскихъ модъ: 1) весенняго и лѣтняго и 2) осенняго и зимняго сезоновъ. 4) Стѣнной календарь на 1897 годъ. Подписчики на второе и третье изданія кромѣ вышеупомянутыхъ четырехъ премій получатъ еще книгу: 5) Живопись по фарфору, стеклу, атласу, шелку и разнымъ матеріаламъ со многими рисунками.

Подписчики на 1-е изданіе, желающіе получить сверхъ слѣдуемыхъ имъ премій еще книгу ЖИВОПИСЬ ПО ФАРФОРУ и проч., доплачиваютъ къ подписной цѣнѣ одинъ рубль.

ГОДОВАЯ ЦѢНА «МОДНАГО СВѢТА» НА 1897 ГОДЪ:

I-го изданія. Въ С.-Петербургѣ безъ доставки—**4** р., съ доставкою—**5** р., съ пересылкою—**6** р. II-го изданія. Въ С.Петербургѣ безъ доставки—**6** р., съ доставкою—**7** р., съ пересылкою—**8** р. III-го изданія. Въ С.-Петербургѣ безъ доставки—**9** р., съ доставкою—**10** р., съ пересылкою—**11** р.

При подпискѣ безъ доставки въ Москвѣ, въ отдѣленіяхъ конторы: 1) въ книжномъ магазинѣ г. А. Ланга, Кузнецкій мостъ, 15, 2) въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи, и 3) въ книжномъ магазинѣ М. В. Клюкина, Моховая, д. Бенкендорфъ, цѣна 1-му изд.—5 р., 2-му изд.—7 р., 3-му изд.—10 р.

Въ Одессѣ, въ отдѣленіи конторы, при редакціи «Вѣстникъ Винодѣлія» В. Е. Таирова, Канатная ул., № 13.

Допускается разсрочка, но исключительно при подпискѣ въ конторѣ редакціи: при подпискѣ изъ провинціи на I изд.—4 р., на II изд.—5 р., на III изд.—6 р., а къ 1-му мая остальные, т. е. 2 р., 3 р. и 5 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи **«МОДНАГО СВѢТА»**: С.-Петербургъ, Садовая, № 22.

Каталогъ всѣхъ изданій фирмы «Книгоиздательство Германъ Гоппе» высылается по требованію 3—3 **безплатно.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

Магазиновъ „Новаго Времени"

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1897 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ

№ 2-й.

Альбрехтъ, В. Практическое руководство къ изученію шахматной игры. Вып. VII и VIII. Вильно. 1896 г. Ц. 40 к. Вып. IX. Вильно. 1897 г. Ц. 96 к.

Александровъ, А. Изъ Одессы на Аѳонъ. Казань. 1896 г. Ц. 25 к.

— По поводу перехода въ католичество княжны Елены Черногорской. Казань. 1896 г. Ц. 25 к.

— Рѣчи студентовъ Казанскаго университета, сказанныя при прощаніи съ М. Н. Мусинымъ-Пушкинымъ, бывшимъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, 22-го апрѣля 1845 г. Казань. 1896 г. Ц. 10 к.

Андріяшевъ, А. Руководство къ разумному пчеловодству, съ приложеніемъ календаря и таблицы пчеловодства. Съ 211-ю рисунк. Изд. 4-е. Кіевъ. 1897 г. Ц. 1 р.

Андрэ Шенье. Историческая драма въ 4-хъ картинахъ Луиджи Иллика. Музыка Г. Джіордано. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

Арефа, Н. Сборникъ инструкцій, положеній и правилъ о выдачѣ изъ Государственнаго Банка ссудъ сельско-хозяйственныхъ, промышленныхъ и торговыхъ, съ приведеніемъ дополнительн. узаконеній и правилъ о выдачѣ ссудъ на сельско-хозяйственныя улучшенія. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

— Положеніе и правила о земскихъ участковыхъ начальникахъ, городскихъ судьяхъ и волостномъ судѣ. Изд. 4-е, исправленное и дополненное. Спб. 1897 г. Ц. 4 р.

Аховъ, М. Очерки изъ исторіи Армянскаго «государства». Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Бабушкинъ, С. Предстоящая судебная реформа. Казань. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Барановскій, Г. Зданія и сооруженія всероссійской художественно-промышленной выставки 1896 года въ Нижнемъ Новгородѣ. Спб. 1897 г. Ц. 10 р.

Бертенсонъ, В. Виноградарство на песчаныхъ почвахъ. Съ рисунками въ текстѣ. Одесса. 1897 г. Ц. 60 к.

Бехтеревъ, В. (проф.). О локализаціи сознательной дѣятельности у животныхъ и человѣка. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Бихиле, Н. Техническій календарь на 1897 годъ. Карманная записная и справочная книжка для гг. инженеровъ, архитекторовъ, строителей и механиковъ. 1897 г. Ц. за 2 ч. 2 р. 50 к.

Бичеръ Стоу. Хижина дяди Тома. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бржескій, Н. Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ. Спб. 1897 г. Ц. 4 р.

Бриксъ, Ф. Лопастные насосы (центробѣжныя помпы). Основные законы ихъ дѣйствія и практическія указанія для ихъ проектированія. Спб. 1896 г. Ц. 3 р.

Брюнетьеръ, Ф. Возрожденіе идеализма. Одесса. 1897 г. Ц. 15 к.

Буковскій, А. Изслѣдованіе чая и фальсификація его въ Варшавѣ. М. 1896 г. Ц. 75 к.

Булгаковъ, Ѳ. Знаменитые художники XIX вѣка: Альма Тадема и его произведенія. Фототипіи и автотипіи. Спб. 1897 г. Ц. 3 р. 50 к.

Буль, Г. Борьба за землю въ древнемъ Римѣ. Перев. съ нѣмец. С. Сергѣева. Одесса. 1897 г. Ц. 20 к.

Бунинъ, Ив. На край свѣта. Кастрюкъ. Разсказы. Спб. 1897 г. Ц. 10 к.

Буссенаръ, А. Безъ гроша въ карманѣ. М. 1897 г. Ц. 40 к.

Быковъ, В. 24 основанія для совершеннаго и безусловно необходимаго каждому исклю-

ченія изъ своего питанія мяса убитыхъ животныхъ. М. 1897 г. Ц. 10 к.

Вагнеръ, К. Молодое поколѣніе (Jeunesse). Удостоено преміи французской академіей. Перевела съ 17-го франц. изданія С. Леонтьева. Единств. перев., разрѣшенн. и одобренн. авторомъ, съ его портретомъ и факсимиле. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Вельяминовъ, В. Новѣйшіе легкіе способы укрѣплять память. Изд. 2-е, исправл. и дополненное. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Венгерова, Зин. Литературныя характеристики. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.

Венгеровъ, С. Русскія книги. Съ біографич. данными объ авторахъ и переводчикахъ (1708—1893). Изданіе Г. В. Юдина. Томъ I. (Вып. I—X). А—Бабаджановъ. Спб. 1897. Ц. 3 р. 50 к.

— Тоже. Вып. XI. Бабаевъ — Бальзакъ. Спб. 1897. Ц. 35 к.

Винклеръ (фонъ), П. Изъ исторіи монетнаго дѣла въ Россіи. Монетное дѣло въ царствованіе Петра Великаго. Передѣлка мѣдныхъ пушекъ въ монету. Платиновая монета. Бородовые знаки. Фамильный рубль. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Винницкій, В. Вспомогательныя таблицы для сборщиковъ, сидѣльцевъ и служащихъ при казенныхъ очистныхъ складахъ. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства. Статьи: Н. О. Анненскаго, В. Н. Григорьева, проф. Н. А. Каблукова, проф. П. А. Карышева и др. Подъ редакціей проф. А. И. Чупрова и А. С. Постникова. Спб. 1897 г. Ц. за два тома 5 р.

Водовозова, Е. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Чехи. Поляки. Русины. Съ 8-ю карт. 1897 г. Ц. 40 к.

Вопросы матеріальнаго обезпеченія отставныхъ чиновниковъ общихъ гражданскихъ вѣдомствъ и ихъ семействъ. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Воробьевъ, А. Учебникъ начальн. математики. Составленъ по министерскимъ программамъ для средне-учебн. заведеній. Ч. I. Элементарное счисленіе. Алгебраическое (или буквенное) счисленіе. Алгебра (теорія элементарныхъ уравненій). Алгебраическій элементарный анализъ. Казань. 1896 г. Ц. 1 р. Часть II. Геометрія. Казань. 1897 г. Ц. 1 р.

Ганъ, И. Подробныя правила и программы для испытанія на званіе аптекарскаго ученика. Спб. 1897 г. Ц. 35 к.

Гейнце, Н. Князь Тавриды. Историческій романъ. Съ портретомъ Г. А. Потемкина. Изд. 2-е. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Гельмгольцъ, Г. О сохраненіи энергіи. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1897 г. Ц. 15 к.

Герцбергъ, Г. Исторія Византіи. Переводъ, примѣчанія и приложенія П. В. Безобразова. М. 1897 г. Ц. 4 р.

Горовая, Н. Гигіеническіе очерки. I. Пыль и воздухъ жилыхъ помѣщеній. Спб. 1897 г. Ц. 80 к.

Гофманъ, К. Ботаническій атласъ по системѣ Де-Кандоля. Вып. X. Ц. 1 р.

Грель, А. Размноженіе розъ и уходъ за ними. М. 1896 г. Ц. 20 к.

Грибоѣдовъ, Ѳ. Исторія о царяхъ и великихъ князьяхъ земли Русской. Сообщеніе С. Ѳ. Платонова и В. В. Майкова. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

Guttman, E., D-r. Краткое руководство къ гидротераніи для врачей и студентовъ. Казань. 1897 г. Ц. 1 р.

Давыдова, С. Руководство для преподаванія рукодѣлія въ школахъ съ приложеніемъ девяти рисунковъ. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

Дегеренъ, П. Наука и земледѣліе. Первая серія. Удобренія и микроорганизмы почвы. Перев. съ франц. Д. И. Коченовскаго. Кіевъ. 1896 г. Ц. 80 к.

Дементьевъ, П. Фотографическій ежегодникъ на 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Дневникъ поручика Васильева. Съ предисловіемъ Е. Щепкиной. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Добавленіе къ справочной книжкѣ для акціонеровъ. 1897 г. Ц. 10 к.

Добржинскій. Карманный военный календарь на 1897 г. Ц. 1 р. 20 к.

Додэ, Г. Исторія монархическихъ учрежденій въ Латино-Іерусалимскомъ королевствѣ (1099—1291 г.). Перев. съ франц. Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Долгановъ, Е. Современная Абиссинія. Важнѣйшіе монастыри. Сергіевъ посадъ. 1897 г. Ц. 10 к.

Донъ Паскуале. Комическая драма въ 3-хъ дѣйств. Музыка Доницетти. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

Драгомірецкій, В. Галицкая Русь и русско-польскія отношенія. Петроградъ. 1897 г. Ц. 10 к.

Древне-русскія сказанія о птицахъ. Сообщеніе Хрисанѳа Лопарева. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Евсѣенко, С. Молочные продукты, пороки ихъ и методы изслѣдованія. Съ 27 рис. М. 1895 г. Ц. 75 к.

Ежегодникъ зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ. Т. I. Спб. 1896 г. Ц. 4 р.

Езерскій, Ѳ. Полная теорія счетоводства. Изд. 8-е. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Елишевъ, А. На праздникѣ Франціи. Наброски туриста. М. 1897 г. Ц. 40 к.

Ерошенко, Н. Курсъ класснаго пѣнія въ урокахъ. Учебникъ съ объясненіями и задачами. Одесса. 1897 г. Ц. 40 к.

Желѣзнодорожный календарь на 1897 г. Ц. 1 р.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Э. Ренанъ. Его жизнь и научно-литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ С. Годлевскаго. Съ портретомъ Ренана. Спб. 1895 г. Ц. 25 к.

Житковъ, С. О необходимости установленія вывозныхъ пошлинъ на хлѣбъ. (Сообщеніе въ Спб. собраніи сельскихъ хозяевъ). Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Журналъ Юридическаго общества. Февраль. 1897 г. Ц. 2 р.

Занъ, Л. Народныя переписи. Общедоступный очеркъ. Одесса. 1897 г. Ц. 30 к.

Залѣскій, В. Власть и право. Философія объективнаго права. Казань. 1897 г. Ц. 2 р.

Золотаревъ, Л. Мимолетныя связи и бракъ. М. 1897 г. Ц. 30 к.

— Семья и женскій трудъ. М. 1897 г. Ц. 30 к.

***Ибсенъ, Г.** Джонъ Габріель Боркманъ. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Перев. съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

Извѣковъ, Н. Высокопреосвященный Алексій, архіепископъ литовскій и виленскій. М. 1897 г. Ц. 75 к.

Индостанскій (князь). Призраки. Окончаніе повѣсти М. Ю. Лермонтова, начинающейся словами: «У графини В . . . былъ музыкальный вечеръ» и прерывающейся на словахъ: «Онъ рѣшился». Фантастическій разсказъ. М. 1897 г. Ц. 30 к.

Кайзеръ, Р. (д-ръ). Практическое руководство къ обработкѣ металловъ химическимъ путемъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Кальнингъ, К. Ученіе о раціональной ковкѣ лошадей. Изд. 3-е. Казань. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Карманный адресный указатель города С.-Петербурга. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Кесслеръ, І. Расчетъ маховыхъ колесъ и центробѣжныхъ регуляторовъ. Элементарное изложеніе съ поясните льными примѣрами. Съ чертежами. М. 1897 г. Ц. 60 к.

Киддъ, В. Соціальное развитіе. Съ пред. проф. Вейсмана. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Кипріановичъ, Г. Жизнь Іосифа Сѣмашки, митрополита литовскаго и виленскаго, и возсоединеніе западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью въ 1839 г. Съ 3-мя портретами. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Вильна. 1897 г. Ц. 4 р.

Клейнъ, Ф., д-ръ. Сравнительное обозрѣніе новѣйшихъ геометрическихъ изслѣдованій. Перевелъ Д. М. Синцовъ. Казань. 1896 г. Ц. 35 к.

Книжный вѣстникъ. № 10—11. 1896 г. Ц. 60 к.

Козловскій, К. Венерическія болѣзни. Общедоступное изложеніе. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Колеръ (проф.). Право, какъ элементъ культуры. М. 1896 г. Ц. 20 к.

Кольцовъ, А. Стихотворенія. Съ портретомъ и рисункомъ памятника. На веленевой бумагѣ. Изд. 3-е. Спб. 1897 г. Ц. въ перепл. 1 р. 75 к.

Cosmopolis. Revue internationale. Февраль. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Космополисъ. Ежемѣсячный международный журналъ. Русскій отдѣлъ. Февраль. Ц. 60 к.

Костяминъ, С. Тургеневскія женщины. (Критическій этюдъ). Витебскъ. 1896 г. Ц. 20 к.

Куриловъ, В. Краткій учебникъ химіи для гимназій и реальныхъ училищъ. Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

Лазарильо изъ тормесъ и его удачи и неудачи. Перев. съ испанскаго. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Landois, L. Учебникъ физіологіи человѣка со включеніемъ гистологіи и микроскопической анатоміи и въ примѣненіи къ практической метафизикѣ. Съ 375 рис. Изд. 3-е. Вторая половина. Харьковъ. 1897 г. Ц. за все сочин. 8 р. 50 к.

Литвинъ, С. Среди евреевъ. Спб. 1897 г Ц. 2 р.

Лунскій, Н. Вычисленія въ текущихъ счетахъ (контокоррентныя вычисленія). Одесса. 1897 г. Ц. 50 к.

Любомудровъ. Лѣсоразведеніе. Докладъ III кіевскому областному сельско-хозяйственному съѣзду. О необходимости общественной инициативы въ успѣхахъ отечественнаго лѣсоводства и древоразведенія. Кіевъ. 1896 г. Ц. 75 к.

Лященко, А. О моленіи Даніила Заточника. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Маминъ Сибирякъ, Д. Разсказы и сказки. Первый сборникъ. Съ рис. художниковъ. М. 1897 г. Ц. 75 к.

Матвѣевъ, Ѳ. Къ 25-ти-лѣтію дѣятельности народнаго учителя В. Я. Абрамова. Спб. 1897 г. Ц. 15 к.

Матеріалы по пересмотру тарифовъ на перевозку нефтяныхъ грузовъ по всей сѣти Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 1896 г. Спб. Ц. 1 р.

Матеріалы для исторіи исправленія богослужебныхъ книгъ. Объ исправленіи устава церковнаго въ 1662 году и мѣсячныхъ миней съ 1689—1891 г. Сообщеніе протоіерея К. Никольскаго. Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Мейеръ, Д. Русское гражданское право. Изд. 7-е, исправл. и дополн. А. Х. Гольмстена. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Мижуевъ, П. Взгляды и дѣятельность національной ассоціаціи для распространенія техническаго и реформы средняго образованія въ Англіи. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Миллеръ, Дж. Молодымъ дѣвушкамъ дружескіе совѣты. Спб. 1897 г. Ц. 10 к.

Миль-рустемъ. Персія при Насръ-Эддинъшахѣ съ 1882 по 1888. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Моисеевъ, С. Фридрихъ Шпильгагенъ. Очеркъ. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Монюшко, К. Нѣсколько стихотвореній 1897 г. Спб. 1897 г. Ц. 20 к.

Мордовцевъ, Д. Продъ. Историческій романъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Московскій Фармацевтическій календарь на 1897. г. Ц. 1 р. 50 к.

Мясницкій, И. Провинція въ Москвѣ. Юмористическій разсказъ. М. 1897 г. Ц. 1 р.

— Забавныя приключенія черноболотинцевъ. Юмористическій разсказъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Нансенъ, Фрит. Во мракѣ ночи и во льдахъ. Путешествіе норвежской экспедиціи на кораблѣ «Фрамъ» къ сѣверному полюсу. Перев. съ шведскаго. М. 1897. Вып. I. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.

Nietzki, R. Химія органическихъ красящихъ веществъ, съ приложеніемъ таблицъ Шульца и Юліуса. Перев. съ нѣмецк. и дополн. В. Шапошниковъ и В. Оглоблинъ. Спб. 1896 Ц. 1 р.

Новоявленный угодникъ Божій Святитель Ѳеодосій Угличскій, архіепископъ Черниговскій. М. 1897 г. Ц. 20 к.

Образованіе. Педагогическій и научно-популярный журналъ. № 2. Февраль. Ц. 60 к.

Общедоступная техническая энциклопедія подъ ред. Н. Песоцкаго. Т. I. Вып. IV и V. Ц. 80 к.

Отчетъ о дѣятельности Харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности за 1895 г. Харьковъ. 1896 г. Ц. 60 к.

Охоровичъ, Ю. Магнетизмъ и гипнотизмъ. Лекціи. Спб. 1896 г. Ц. 60 к.

Панченко, В., д-ръ. Въ ожиданіи чумы (насколько чума не опасна въ настоящее время). Спб. 1897 г. Ц. 15 к.

Плисскій, Н. Хорекъ, горностай и ласка. Разсказы для дѣтей. Спб. 1897 г. Ц. 10 к.

Покотило, В. Морской путь на русскій дальній Востокъ. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Покровская, М. Санитарный надзоръ надъ жилищами и санитарная организація въ различныхъ государствахъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Покровскій, В. Справочный ороографическій словарь. Пособіе для учащихся. М. 1897. Ц. 20 к.

Положеніе и временныя правила о примѣненіи судебныхъ уставовъ Императора Александра II къ губерніямъ и областямъ Сибири. Томскъ. 1896. Ц. 50 к.

Полѣновъ, А. Оживающій сѣверъ. Крайній сѣверъ. Съ 15 фототипіями. М. 1896 г. Ц. 1 р.

Потапенко, И. Повѣсти и разсказы. Т. II. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Потѣхинъ, Л. Переходъ къ рамочнымъ ульямъ. Устройство пасѣки на разумныхъ началахъ. Съ 11 рис. Спб. 1897. г. Ц. 30 к.

Починскій, Н. Новый, простой способъ рѣшенія численныхъ алгебраическихъ уравненій, какихъ угодно, цѣлыхъ степеней. Отдѣлъ первый. Рѣшеніе уравненій съ однимъ неизвѣстнымъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Преображенскій, В. (свящ.). Притчи Господа нашего Іисуса Христа. Внѣбогослужебныя бесѣды. Вып. I. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Програмы чтенія для самообразованія. Второе, переработанн. и дополненн. изданіе. Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Протопоповъ, В. Библейскіе ветхозавѣтные факты по толкованіямъ святыхъ отцевъ и учителей церкви. Казань. 1897 г. Ц. 1 р.

Протопоповъ, Н. Мысли и образы въ сочиненіяхъ И. С. Тургенева. Харьковъ. 1897 г. Ц. 50 к.

Пушкинъ, Н. Статистика акціонернаго дѣла въ Россіи. Вып. I. Составъ директоровъ правленій на 1897 г. Ц. 2 р.

Пѣснь о Роландѣ. Переводъ размѣромъ подлинника графа Ф. де-Ла-Бартъ. Съ предисловіемъ академика А. Н. Веселовскаго, введеніемъ и примѣчаніями переводчика. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 75 к.

Радцигъ, А. Желѣзодѣлательная промышленность всего свѣта. Производство, потребленіе, цѣны. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

Ратгаузъ, Д. Пѣсни сердца. Стихотворенія 1893—1897 гг. М. 1897 г. Ц. 1 р.

Реклю, Э. Земля и люди. Всемірная географія. Вып. II. Бельгія и Голландія. Полный переводъ съ франц. Пл. Краснова. Съ 67 рис. и 9 чертежами. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Рождественскій, С. Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка. Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Русская музыкальная газета. Февраль. Ц. 50 к.

Русская Бесѣда. Декабрь. Ц. 1 р.

«Русскій Вѣстникъ». Январь. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Русскія древности въ памятникахъ искусства, издаваемыя графомъ И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. пятый. Курганныя древности и клады домонгольскаго періода. Съ 225 рисунк. въ текстѣ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Рѣчь тоннословія греческаго. Русско-греческіе разговоры XV—XVI в. Сообщеніе Н. Никольскаго. Спб. 1896 г. Ц. 75 к.

Сборникъ Харьковскаго историко-филологическаго общества. Т. 9-й. Харьковъ. 1897. Ц. 2 р.

Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній. Т. 7-й. М. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сборникъ свѣдѣній о русскихъ государственныхъ займахъ и правительствомъ гарантированныхъ облигаціяхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Сѣверный Вѣстникъ. Февраль. 1897 г. Ц. 1 р.

Сельскій Хозяинъ. № 16. Ц. 20 к.

Сельскохозяйственныя учрежденія: фермы, опытныя поля и станціи, садовыя заведенія и пр. Справочная книжка. Часть I. Сельскохозяйственныя фермы. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сергѣевъ, С. Вопросы русской промышленности, Одесса. 1897 г. Ц. 40 к.

Синодикъ Двинскаго Михаило-Архангельскаго монастыря. Сообщеніе Никанора, епископа смоленскаго. Спб. 1896 г. Ц. 50 к.

Сказка про высокую башню и ея обитателей. Для учащейся молодежи. Одесса. 1896. Ц. 50 к.

Скальковскій, К. Внѣшняя политика Россіи и положеніе иностранныхъ державъ. 1897 г. Ц. 3 р.

Скибинскій, М. Новая всеобщая справочная книга и адресъ-календарь на 1897 и 1898 гг. 2 т. М. 1897 г. Ц. 4 р.

Слоонъ, В. Новое жизнеописаніе Наполеона I. Эпоха величія паденія Наполеона I. Историческій трудъ со множеств. портретовъ и иллюстрац. т. II. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Смирновъ, А. Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. Вып. I. Владиміръ. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Соловьевъ, Влад. Оправданіе добра. Нравственная философія. Спб. 1897 г. Ц. 4 р.

С.-Петербургъ. Иллюстрированный журналъ на 1896 г. Ц. 2 р.

Спенсеръ, Г. Классификація наукъ. М 1897 г. Ц. 50 к.

Старые календари: протоіерея Георгія Петрова. Неизвѣстнаго. Брянскаго купца Преженцова. Брянскъ. 1896 г. Ц. 1 р.

Стелецкій, Н. (свящ.). Протоіерей А. А. Самборскій, законоучитель императора Александра I. Кіевъ. 1896 г. Ц. 60 к.

Сумцовъ, Н. (проф.). Эдуардъ Лабулэ и Жюль Мишле, какъ педагоги и друзья дѣтей. Харьковъ. 1897 г. Ц. 30 к.

— Опытъ историческаго изученія малорусскихъ пословицъ. Харьковъ. 1896 г. Ц. 20 к.

— Положенія и проклятія (преимуще

ственно малорусскія). Харьковъ. 1896 г. Ц. 20 к.

Talamon, С. Воспаленіе червеобразнаго отростка слѣпой кишки и перитифлитъ. М. 1896 г. Ц. 1 р. 80 к.

Телешовъ, Н. За Уралъ. Изъ скитаній по Западной Сибири. Очерки. М. 1897 г. Ц. 75 к.

Терновскій календарь 1275 г. по списку Франца Миклошича. Матеріалы для грекославянской агіологіи. Сообщеніе Тиханова. Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Толочиновъ, Н. Учебникъ женскихъ болѣзней. Съ 142 рис. въ текстѣ. Харьковъ 1897. Ц. 3 р. 50 к.

Указатель книгъ, допущенныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для публичныхъ народныхъ чтеній. Вып. I. Одесса. 1897 г. Ц. 10 к.

Фармацевтическій календарь на 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Филевичъ, И. Отчетъ о заграничной командировкѣ на лѣтнее вакаціонное время въ 1895 г. Варшава. 1896 г. Ц. 50 к.

— По поводу отзывовъ Д. И. Иловайскаго, В. Е. Данилевича и Н. М. объ исторіи древней Руси. Т. I. Варшава. 1896 г. Ц. 30 к.

Фо (де), Даніэль. Жизнь и удивительныя приключенія Робинсона Крузо, іоркскаго моряка, разсказанныя имъ самимъ. Перев. съ англійск. И. Качаловскаго. Съ рис. Пажэ. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Фре, Г. Экспериментальная психологія и спорные вопросы педагогики. Перев. съ нѣм. С. Г. Яковенко. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.

Фрейсинэ, Ш. Очерки по философіи математики. Переводъ съ франц. В. Обреимова. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Фуртье, Г. Волшебный фонарь (проекціонный аппаратъ). Туманныя картины и научная проекція. Перев. съ франц. со многими дополн. и рисунк. Съ прилож. статьи, составл. по «Scientific American А. Д. Миномъ. Проекція живыхъ фотографій». Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Цейсъ, Э. Государственный строй швейцарскаго союза. Одесса. 1897 г. Ц. 25 к.

Чечулинъ, Н. Отвѣтъ на «замѣтку» проф. Карѣева. Спб. 1897 г. Ц. 20 к.

Чичинадзе, Д. Уставъ о пошлинахъ. Раздѣлъ II. О пошлинахъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами, и крѣпостныхъ. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

— Положеніе о государственномъ квартирномъ налогѣ. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.

— Уставъ о прямыхъ налогахъ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 75 к.

Чумиковъ, В. Современные нѣмецкіе университеты. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Шахматный Журналъ, Январь. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Шене, Фр. Геморрой. Вѣрный способъ скораго и полнаго его излѣченія. Переводъ съ нѣмецкаго. Одесса. 1897 г. Ц. 30 к.

Шереметевъ, С. (графъ). Отголоски XVIII вѣка. Вып. IV. Останкино въ 1797 году. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Шерръ, І. Всеобщая исторія литературы, Вып. XVIII. Ц. по подпискѣ 7 р.

Шестаковъ, П. Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности. Изд. 2-е. Казань. 1897 г. Ц. 35 к.

Шиманнъ, М. Электрическія желѣзныя дороги. Перев. съ нѣмецк. М. Е. Гинсъ. Подъ ред. П. Д. Войнаровскаго. Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Шиманъ, Ѳ. Систематическая роспись актамъ и документамъ курляндскаго герцогскаго архива въ Митавѣ. Перевелъ и дополнилъ К. А. Военскій. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Энциклопедическій словарь. Полутомъ 39-й. Московскій университетъ. — Наказанія исправительныя. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Юнгеровъ, П. Книга пророка Амоса. Введеніе, переводъ и объясненіе. Казань. 1897 Ц. 1 р. 50 к.

Якшъ (фонъ), Р. (д-ръ). Клиническая діагностика внутреннихъ болѣзней. Микроскопическіе, химическіе и бактеріологическіе способы изслѣдованія. Изд. 2-е. Первая половина. Съ 94 рис. 1897 г. Ц. за все соч. 4 р. 50 к.

Ярцевъ, А. Записки М. С. Щепкина (новая глава). М. 1897 г. Ц. 30 к.

Яино, И. Курсъ морской артилеріи. Часть III. Станки, стрѣльба и опредѣленіе разстояній на морѣ. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

---

*) Изданія А. С. Суворина.

ДЕШЕВАЯ БИБЛІОТЕКА

А. С. СУВОРИНА.

При выпискѣ книгъ «Дешевой Библіотеки» можно обозначать вмѣсто названія книги, нумеръ подъ которымъ она обозначена. *)—Означены книги, помѣщенныя въ Опытѣ каталога ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, и въ каталогѣ книгъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ.

---

*52. **Аблесимовъ, А. О.** Мельникъ-колдунъ, обманщикъ и сватъ. Комич. опера въ 3 д. Изд. 3-е. Ц. 8 к., въ папкѣ 16 к., въ пер. 23 к.

232. **Андроникъ Комненъ.** Повѣсть изъ византійской исторіи. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

— То же. Изящное изд. на веленев. бум. (Напечатано для любителей въ ограничен. колич. экземп.). Ц. 75 к., въ пер. 1 р. 15 к.

8. **Анекдоты** и остроумныя изреченія, выбранныя изъ сочиненій лучшихъ древнихъ писателей. Изд. 5-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.

249. **Аристофанъ.** Облака. Комедія. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введен. и примѣч. Ц. 20 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

225. **Бальзакъ,** Отецъ семейства. (Père Goriot). Романъ. Перев. съ франц. Ц. 35 к., въ папкѣ 43 к., въ пер. 55 к.

80. **Байронъ, лордъ.** Невѣста Абидосская. Турецкая повѣсть. Перев. И. И. Козлова. Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.

145.—Сарданапалъ. Трагедія. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

— То же. Изящное изд. на веленевой бум. (Напечатано для любителей въ ограничен. колич. экз.). Ц. 75 к.; въ пер. 1 р. 15 к.

306.—Донъ-Жуанъ. Романъ въ шестнадцати пѣсняхъ. Перев. А. Соколовскій. Ц. 65 к.

310. **Баратынскій, Е.** Сочиненія. Съ портретомъ автора и біографич. свѣдѣніями о немъ. Ц. 25 к.

71. **Бѣжецкій, А. Н.** Сраженіе. — Разстрѣлянный.—Парочный.—Испытаніе волонтеровъ. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

188. **Бекеръ, Г.** Избранныя легенды. Перев. съ испанскаго Ек. Бекетовой. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.

234. **Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ.** Павелъ и Виргинія. Переводъ съ франц. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

*38. **Богдановичъ, И.** Душенька. Древн. пов. въ вольн. стихахъ. Изд. 3-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.

84а. **Бомарше, П.** Севильскій цирульникъ или безполезная осторожность. Ком. въ 4 д. Переводъ А. Чудинова. Съ біограф. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

87. — Безумный день или женитьба Фигаро. Ком. въ 5-ти д. (1784). Пер. А. Чудинова. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

146. **Буренинъ, В.** Плѣнникъ Византіи. Драма въ 4-хъ дѣйств. Ц. 15 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 35 к.

*12. **Веневитиновъ.** Полное собраніе стихотвореній. Съ біограф. и портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.

153. **Во дни оны** (Бенъ-Гуръ). Повѣсть изъ первыхъ лѣтъ христіанства (Ben-Hur by Lewis Wallace). Передѣлано съ англійскаго Е. Бекетовой. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 45 к.

215. **Гаггардъ, Райдеръ.** Копи царя Соломона. Повѣсть. Перев. съ англійск. Ц. 30 к., въ папкѣ 38 к., въ пер. 50 к.

307. **Гауптманъ, Г.** Гаппеле. Фантастич. сцены въ 2-хъ частяхъ. Перев. съ нѣмец., съ предислов. А. С. Суворина. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., съ пер. 25 к.

113. **Герои и героини** греческихъ трагедій въ разсказахъ для всѣхъ возрастовъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.

114. **Гете, В.** Фаустъ. Драматическая поэма. Перев. П. Холодковскаго. Изд. 2-е, исправл. переводчикомъ. Ц. 25 к., въ пап. 33 к.; въ пер. 45 к.

248. **Гольдсмитъ.** Вэкфильдскій священникъ. Пер. съ англ. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к., въ пер. 40 к.

— То же. Изящное изд. на веленев. бум. (Напечатано для любителей 300 экз.). Ц. 1 р.

244. **Гофманъ, Э. Т. А.** Житейскія воззрѣнія Кота Мурра. Переводъ съ нѣмец. Вальмонта. Т. I.

245. — То же. Т. II.

246. — То же. Т. III. Ц. за всѣ три тома 70 к.

*1. **Грибоѣдовъ, А. С.** Горе отъ ума. Ком. въ 4 д. въ стихахъ. Съ біограф. и портр. автора. Изд. 12-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.

122. **Гюго, В.** Человѣкъ, который смѣется. Въ изложеніи А. Суворина. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 35 к.

223. — Послѣдній день осужденнаго. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.

240. — Труженики моря. Романъ. Т. I. Ц. 25 к.

241 и 242. То же. Т. II и III. Ц. 25 к. За три тома вмѣстѣ въ папкѣ 58 к., въ пер. 75 к.

— То же. Изящное изд. на веленевой бум. (Напечатано для любителей въ ограничен. колич. экз.). Ц. за три тома 1 р. 50 к., въ 1 томѣ 2 р., въ пер. 2 р. 30 к.

260. — Рюи-Блязъ. Драма въ 5-ти дѣйст., перев. А. М. Свѣчина. Ц. 20 к.

311, 312 и 313. — Соборъ Парижской Богоматери. Ц. за три тома 60 к.

73. Давыдовъ, Д. В. Стихотворенія. Съ біогр. и портр. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 35 к.

***36. Данилевскій, Г. П.** Историческ. разсказы. I. Царь Алексѣй съ соколомъ. — II. Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя.—III. Екатерина Великая на Днѣпрѣ. Изд. 2-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

***37.** —Украинскія сказки. Изд. 8-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

***54.** — Семейная Старина. Кн. I. Прабабушка.—Тѣнь прадѣда. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 30 к.

***55.** То же. Кн. II. Дѣдовъ лѣсъ.—Бабушкинъ рай. Ц. 15 к., за обѣ книги, въ папкѣ 33 к., въ пер. 45 к.

***48. Дельвигъ, А.** баронъ. Полное собраніе стихотвореній. Изд. 3-е. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 35 к., на велен. бум. 40 к.

***34 и 35. Диккенсъ, Ч.** Оливеръ Твистъ. Романъ въ 2-хъ ч. Изд. 3-е. Ц. 50 к., въ пап. 58 к., въ пер. 80 к.

154. — Давидъ Копперфильдъ Младшій. Его жизнь, приключенія, опыты и наблюденія. Часть I. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.

155. — То же. Часть II. Ц. 25 к., въ пап. 33 к.

156. — То же. Часть III. Ц. 25 к., въ пап. 33 к.

157. — То же. Часть IV. Ц. 10 к., въ пап. 18 к. (Всѣ 4 части въ 2 перепл. 1 р. 25 к.).

315 и 316. — Замогильныя записки Пикквикскаго клуба. Ц. за 2 т. 1 р.

***62. Дмитріевъ, И.** Сказки, басни и апологи. Съ портр. и біограф. автора. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 20 к.

85. Долгорукая, Н. Б., княгиня. Записки. Съ портретомъ и рисун. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

***60. Достоевскій, Ѳ.** Бѣдные люди. Романъ. Ц. 15 к., въ пер. 35 к.

237. Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя **Киршею Даниловымъ**. Ц. 30 к., въ пап. 38 к., въ пер. 50 к.

— То же. Изящное изд. на веленевой бум. (Напечатано для любителей въ ограничен. колич. экз.). Ц. 1 р., въ пер. 1 р. 40 к.

81. Еврипидъ. Медея. Трагедія. Перев. съ греч. В. Алексѣева. Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

99. — Гипполитъ. Трагедія. Съ греч. Переводъ В. Алексѣева. Съ введен. и примѣч. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

101. — Ифигенія въ Авлидѣ. Драма. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введен. и примѣчан. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 коп.

102. — Ифигенія въ Тавридѣ. Драма. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Съ введ. и прим. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

218. — Іонъ. Трагедія. Перев. съ греч. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

219. — Алкестида. Драма. Перев. съ греч. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

220. — Вакханки. Трагед. Перев. съ греч. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

221. Неистовый Геракль. Трагедія. Съ введеніемъ и примѣч. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

105. Екатерина II, императрица. Избранныя сочиненія. Кн. I. Педагогическія сочиненія. I. Разговоръ и разсказы. — II. Гражданское начальное ученіе.—III. Сказка о царевичѣ Хлорѣ.—IV. Записки.—V. Сказка о царевичѣ Февсѣ.—VI. Инструкція князю Салтыкову. Ц. 20 к., въ пап. 28 к., въ пер. 40 коп.

106. — То же. Кн. II. Были и небылицы. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

107. — То же. Кн. III. Драматич. сочиненія. О время!—Г-жа Вѣстникова съ семьею.—Передняя знатнаго боярина.—Горе-богатырь Косометовичъ.—Новгородскій богатырь Всеславичъ. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ пер. 40 к.

213. Епиктетъ. Афоризмы. Съ прибавленіемъ нѣск. главъ изъ его «Размышленій». Ц. 7 к., въ папкѣ 15 к., въ пер. 27 к.

140. Жоржъ Зандъ. Чортово болото. Переводъ Е. Д. Ильиной. Спб. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ пер. 35 к.

— То же. Изящное изд. на веленев. бум. (Напечатано для любителей въ ограничен. колич. экз.). Ц. 50 к., въ пер. 90 к.

235. — Вѣсенокъ. Романъ. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ пер. 35 к.

— То же. Изящное изд. на веленев. бум. (Напечатано для любителей въ ограничен. колич. экз.). Ц. 75 к., въ пер. 1 р. 15 к.

236. — Пріемышъ. Романъ. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ пер. 35 к.

— То же. Изящное изд. на веленев. бум. (Напечатано для любителей въ ограничен. колич. экз.). Ц. 60 к., въ пер. 1 р.

118. Ибсенъ, Г. Маленькій Эйольфъ. Комед. въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ пер. 30 к.

252. Калидаса. Сакунтала. Санскритская драма въ 7-ми дѣйствіяхъ. Ц. 25 к., въ пап. 33 к., въ пер. 40 к.

***16. Капнистъ, В.** Ябеда. Комедія въ 5-ти д. Съ портр. и біограф. автора. Изд. 3-е. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ пер. 30 к.

***3. Карамзинъ, Н. М.** Повѣсти. Изд. 6-е. Ц. 20 к., въ пап. 28 к., въ пер. 25 к.

***45 и 46.** — Письма русскаго путешествен. Со статьею Ѳ. И. Буслаева, съ порт. автора и рис. 2 т. Изд. 3-е. Ц. 1 р., на велен. бум. 2 руб.

***15.** — Великій князь Димитрій Іоанновичъ, прозваніемъ Донской. Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ пап. 18 к., въ пер. 25 к., на вел. бум. 20 к.

***17.** — Царствованіе Ѳеодора Іоанновича. Правленіе Бориса Годунова.—Убіеніе царевича Димитрія.—Состояніе Россіи въ концѣ XVI в. Изд. 3-е. Ц. въ пап. 23 к., въ пер. 30 к.

***20.** — Царствованія Бориса Ѳеодоровича и Лжедимитрія. Изд. 2-е. Ц. 20 к., въ пап. 28 к., въ пер. 35 к.

* 24. — Царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго и междуцарствіе. Изд. 2-е. Ц. въ пап. 28 к., въ пер. 40 к.

* 72а. — Исторія государства Россійскаго. Т. I. Ц. 20 к., въ пап. 28 к., въ пер. 40 к.

* 72б. — То же. Т. II. Ц. 20 к., въ пап. 28 к., въ пер. 40 к.

* 77а. **Карамзинъ, Н. М.** Исторія государств Россійскаго. Т. III. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

* 77б. То же. Т. IV. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

* 89. **Карамзинъ, Н. М.** Исторія государства Россійскаго. Т. V. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

* 91. **Карамзинъ, Н. М.** Истор. госуд. Россійск. Т. VI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

* 92. — То же. Т. VII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

* 94. — То же Т. VIII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

* 95. — То же Т. IX. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

* 96. — То же Т. X. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

* 97. — То же Т. XI. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

* 98. — То же Т. XII. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к., въ перепл. 40 к.

* 70а и 70б. **Квитка-Основьяненко, Гр. Ѳ.** Панъ Халявскій. Изд. 2-е. Ц. за двѣ части 50 к., въ папкѣ 58 к., въ перепл. 75 к.

251. — Панна Сотниковна. Истинное происшествіе. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.

08. — Маруся. Повѣсть. Ц 15 к., съ пер. 30 к.

* 79. **Козловъ, И.** Три поэмы. Чернецъ. — Княгиня Наталія Борисовна Долгорукая. — Безумная. Съ біографіей и портрет. автора. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.

239. **Кольцовъ, А. В.** Стихотвор. Съ біографіею, портретомъ и рисункомъ памятника. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ изящн. пер. 25 к.

— То же. Изящное изд. (Напечатано для любителей 100 экз. на слоновой бум. Ц. 1 р., въ пер. 1 р. 75 к., и 300 экз. на велен. бум. Ц. 50 к., въ пер. 90 к.

149. **Корнель. П.** Горацій. Траг. въ 5-ти д. Переводъ М. Чайковскаго. Спб. 1894 г. Ц. 12 к., въ пап. 20 к., въ пер. 27 к.

222. **Корнель.** Сидъ. Трагедія. Перев. съ франц. въ стихахъ. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ пер. 32 к.

82. **Котляревскій, И. П.** Москаль-Чаривникъ. Малорос. опера въ 1 д. Изд. 2-е. Ц. 7 коп. въ папкѣ 15 к., въ перепл. 27 к.

83. — Наталка-Полтавка. Малорос. опера въ 2-хъ д. Изд. 2-е. Ц. 7 к., въ папкѣ 15 к., въ переплетѣ 27 к.

84б. — Енеида, перелицованная на малорос. языкъ. Изд. 2-е. Ц. 20 коп., въ папкѣ 28 к., въ переплетѣ 40 к.

* 28. **Кохановская.** Кирила Петровъ и Настасья Дмитрова. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 25 к., въ папкѣ 33 к.

* 29. — Послѣ обѣда въ гостяхъ. Повѣсть Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ пап. 23 к.

* 30. — Старина. Семейная память. Повѣсть. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 28 к.

184. **Кругловъ, А.** Въ сѣверныхъ лѣсахъ. Разсказы. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 30 к.

318. **Крыловъ.** Басни. Полное собраніе. Съ біографіей и примѣчаніями. Два портрета, виды памятника и могилы Крылова. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ пер., 30 к.

* 7. **Ксавье-де-Местръ.** Параша-Сибирячка. Разсказъ. Изд. 4-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 25 к.

* 9. **Кукольникъ, Н. В.** Историческія повѣсти. Кн. I-я (Авдотья Лихончиха. — Купецъ Капустинъ. — Прокуроръ). Съ портрет. Петра Великаго. Изд. 2-е. Ц. 15 к. въ пап. 23 к., въ пер. 30 к., на вел. бум. 30 к.

* 10. — То же. Кн. 2-я (I. Сказаніе о синемъ и зеленомъ сукнѣ. — II. Часовой). Съ портр. князя И. Ѳ. Долгорукова. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ пер. 30 к.

* 11. — То же. Кн. 3-я. Позументы. — Новый годъ. Съ гравюрой: Солдаты Петровскаго время. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., на вел. бум. 30 к.

* 14. — Историческія повѣсти. Кн. 4. Чернышевскій миръ. — Остапъ и Ульяна. — Старый хламъ. Изд. 2-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ перепл. 30 к., на вел. бум. 30 к.

* 18. — Историческія повѣсти. Кн. 5-я. (Запорожцы. Историческая быль временъ Екатерины Великой. Изд. 3-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ перепл. 25 к.

* 33. — Повѣсти. Книга 6-я (Сержантъ Ивановъ или всѣ заодно. — Вольный Гетманъ Панъ Савва. — Староста Меланья). Изд. 3-е. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к., въ переплетѣ 35 к.,

100. **Ламартинъ, А.** Іоанна д'Аркъ (Орлеанская дѣва). Съ рисунками Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к., въ перепл. 32 к.

133. **Лермонтовъ, М. Ю.** Герой нашего времени. Ром. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.

134. — «Маскарадъ» драма въ 4-хъ дѣйств., въ стихахъ, и «Маскарадъ», драма въ 5-ти дѣйств., въ стихахъ. Цѣна 15 к., въ папкѣ 23 к.

135. — Стихотворенія. Цѣна 12 к., въ папкѣ 20 к.

136. — Поэмы «Мцыри» и «Демонъ», Ц. 8 к., въ папкѣ 16 к.

137. — Кавказскія поэмы. Ц. 15 к., въ пап. 23 к.

138. — Поэмы «Бояринъ Орша» и «Казначейша», «Литвинка», «Ангелъ Смерти», «Исповѣдь», «Азраиль», «Корсаръ», «Джульо». Ц. 10 к., въ пап. 18 к.

139. — Выбранныя юношескія стихотворенія. Съ портретами. Ц. 12 к., въ папкѣ 20 к.

Дозволено цензурою 28 февраля 1897 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., д. 13.

Не смотря на эту грусть, онъ былъ въ то время неоспоримымъ царемъ англійской литературы; съ Гоуэромъ его соединяла дружба, длившаяся въ теченіе всей жизни [1]); молодые поэты Хокливъ, Скогенъ и Лидгетъ сближались съ нимъ и провозглашали его своимъ учителемъ. Лицо его, черты котораго извѣстны намъ, благодаря портрету, оставленному Хокливомъ, приняло кроткое и сосредоточенное выраженіе [2]); онъ любилъ больше слушать, чѣмъ говорить, и въ *Кэнторберійскихъ Сказкахъ* трактирщикъ смѣется надъ его задумчивымъ видомъ и потупленными глазами, «которые точно ищутъ зайца на полу», и надъ его дородностью, которая явилась у него съ годами и по которой его можно было сравнить въ этомъ отношеніи съ самимъ Гарри Бели.

Генрихъ IV, вступивъ на престолъ, въ первые четыре дня своего царствованія, удвоилъ пенсію поэта (3 окт. 1399 г.), который нанялъ тогда, за два фунта тринадцать шиллинговъ и четыре пенса въ годъ, домъ съ садомъ, принадлежавшій Св. Маріи Вестминстерской; контрактъ хранится и теперь въ архивахъ аббатства. Онъ угасъ черезъ годъ въ этомъ тихомъ убѣжищѣ и былъ погребенъ въ Вестминстерѣ, неподалеку отъ гробницъ, въ которыхъ спали его покровители, Эдуардъ III и Ричардъ II, въ той части, которая получила потомъ названіе уголка поэтовъ, куда, мы видѣли, опустили недавно гробъ Броунинга и гдѣ поставили вчера гробъ Теннисона.

Ни одинъ англійскій поэтъ не пользовался такъ рано болѣе громкой и неизмѣнной славой. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ только и дѣлали, что оплакивали его и переписывали. «Увы,—говоритъ Хокливъ,—тотъ, кто былъ славой англійскаго языка, умеръ. О, дорогой учитель, почитаемый отецъ, наставникъ мой Чосеръ, цвѣтъ краснорѣчія, зеркало пониманія, поэтъ, обладавшій несрав-

---

Hold the hye wey, and lat thy gost thee lede;
And trouthe shal delivere, hit is no drede.
Complete Works, I, p. 390.

Того же періода, между прочимъ: *Lak of Stedfastnesse* (совѣтъ самому королю); *L'Envoy de Chaucer à Scogan; L'envoy de de Chaucer à Bukton* (о бракѣ, намекъ на Wife of Bath); *The Compleynt of Venus*; *The Compleint of Chaucer to his empty purse*:

To you my purse, and to non other wight
Compleyne I, for you be my lady dere!
Complete Works, I, p. 405.

[1]) Во многихъ рукописяхъ есть воспроизведенія этого портрета; лучшее изъ нихъ находится въ рукописи Харлейна 4866, въ Британскомъ музеѣ. Есть увеличенный точный снимокъ (fac-simile) въ *Life Records of Chaucer*, II, ed. Furnivall, Chaucer Society, 1876.

[2]) Утверждали, что, вслѣдствіе причинъ, которыя кажутся совсѣмъ недостаточными, эта дружба ослабѣла подъ конецъ.

ненными познаніями, зачѣмъ, будучи на смертномъ одрѣ, не завѣщалъ ты своей мудрости своимъ ученикамъ» [1]).

Въ эпоху возрожденія Кэкстонъ напечаталъ его произведенія [2]) и Генрихъ VIII исключилъ ихъ изъ числа запрещенныхъ имъ «фантастическихъ» книгъ [3]); при Елизаветѣ Синнъ пишетъ о нихъ замѣчанія [4]), Спенсеръ видитъ въ Чосерѣ «чистый источникъ настоящаго англійскаго языка», а Сидней превозноситъ его до небесъ [5]), въ семнадцатомъ вѣкѣ Драйденъ освѣжаетъ его сказки, а въ восемнадцатомъ онъ пользуется всемірнымъ уваженіемъ и привлекаетъ къ себѣ Попа и Вальполя. Въ наше время ученые всѣхъ странъ прилагали свои усилія, комментируя его произведенія и возстановляя его біографію; для напечатанія его лучшихъ произведеній [6]) составилось общество и его *Легенда о примѣрныхъ женщинахъ* внушила недавно прелестную поэму тому лауреату [7]), который покоится теперь вблизи великаго предка, подъ плитами знаменитаго аббатства.

---

[1]) Hoccleve's Minor Poems, ed. Furnival, *Early* English text Society, 1892, 8°, XXXI.

[2]) Онъ напечаталъ ихъ въ двухъ изданіяхъ, одно около 1478 г., другое около 1484 г.; второе было съ иллюстраціями (см. снимокъ гравюры, представляющей паломниковъ за столомъ Tabart, въ The English novel in the time of Shakespeare, p. 45).

[3]) *Thynne's Animadversions uppon... Chaucer's Workes*, Londres, *Chaucer Society* 1875, p. XIV, ed. Furnivall et Kingsley.

[4]) Ibid.

[5]) «Op whom, truly J know not, whether to mervaile more, either that he in that mistie time could see so clearly, or that wee in this cleare age, walke so stumblingly after him». *Apologie for Poetrie*, ed. Arber, 1869, p. 62.

[6]) *Chaucer Society*, основанное Фурнвалемъ, которое издало, между прочимъ, *Six text edition of the Canterbury tales*, *Life Records of Chaucer*, *Essays* о различныхъ интересныхъ сторонахъ въ произведеніяхъ поэта, и текстъ *Originals and analogues des Contes de Cantorbéry* и т. д.

[7]) Нѣтъ ничего прекраснѣе и справедливѣе похвалъ Теннисона:

I read before my eyelids dropt their shade
The Legend of goop Women long ago
Sung by the morning star of song, who made
His music heard below;
Dan Chaucer, the first warbler, whoso sweet breath
Preluded those melodious bursts that fill
The spacious times of Great Elisabeth
With sounds that echo still.
A Dream of fair Women.

Сличить съ свидѣтельствомъ Кольриджа: «J take unceasing delight iu Chaucer. His manly cheerfulnes is especially delicious to me in old age. How exquisitely tender he is, and yet how perfectly free from the least touch of sickly melancholy or morbid drooping!» *Table Talk*, разговоръ 15 марта 1834 г.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Группа поэтовъ.

Нація была молода, мужественна и полна силъ. Вокругъ Чосера кишатъ поэты; онъ господствуетъ надъ ними, какъ господствуетъ дубъ надъ кустарниками; но дубъ не одинокъ и не похожъ на тѣ высокія деревья, которыя, подъ солнечными лучами, стоятъ иногда отдѣльно на голомъ полѣ; Чосеръ не имѣетъ подобнаго себѣ, но у него есть спутники и, въ числѣ этихъ спутниковъ, одинъ, по крайней мѣрѣ, заслуживаетъ занять мѣсто, очень близкое къ нему.

У него есть спутники всякаго рода; почти также несхожіе между собой, какъ окружавшіе его на дорогѣ въ Кэнторбери; одни изъ нихъ придерживаются стараго образца, другіе принадлежатъ къ преобразователямъ; есть между ними люди съ англо-саксонскимъ мечтательнымъ умомъ, а есть и такіе, которые не думаютъ о сновидѣніяхъ и теоріяхъ, а принадлежатъ жизни и не хотятъ разставаться съ землей; одни поютъ, другіе напѣваютъ, а нѣкоторые говорятъ. Нѣкоторыя поэмы похожи на трубные звуки и прославляютъ битву при Креси, о которой Чосеръ не упомянулъ, пѣсни другихъ напоминаютъ любовныя серенады, а нѣкоторыя звучатъ какъ заупокойныя молитвы.

I.

Старинныя моды еще держатся; странствующіе поэты, жонглеры и менестрели не исчезли; напротивъ, они многочисленнѣе, чѣмъ прежде; «веселая Англія» относится къ нимъ благосклонно; такъ же, какъ и во времена первыхъ Анжуйцевъ [1]), они играютъ значительную и очень сложную роль, которую трудно опредѣлить. Эти люди съ обширной памятью походятъ на подвижныя библіотеки; они учатъ, забавляютъ и назидаютъ. Переходя изъ графства въ графство, перенося новости и складывая сатирическія пѣсни, они замѣняютъ, кромѣ того, газету и служатъ представителями общественнаго мнѣнія, а иногда сами создаютъ и извращаютъ его. Это живыя газеты; они сообщаютъ своимъ слушателямъ о промахахъ правительства, которое время отъ времени забираетъ самыхъ болтливыхъ и, чтобы заставить молчать, сажаетъ ихъ въ тюрьму. У короля есть на службѣ свои менестрели; это въ своемъ родѣ важныя особы, которыя состоятъ на жалованьѣ у короля и смотрятъ съ презрѣньемъ на другихъ. Сильные міра имѣютъ на жалованьѣ своихъ, но это не мѣшаетъ принимать у себя

[1]) Cf. supra, p. 167.

странствующихъ; они угощаютъ ихъ, если довольны ихъ пѣніемъ, и награждаютъ ихъ мѣховой одеждой и деньгами [1]).

Они продолжаютъ еще благоденствовать и въ слѣдующемъ вѣкѣ; между менестрелями англійскаго короля встрѣчаются въ это время люди образованные и способные, которые протестуютъ противъ возрастающей дерзости фальшивыхъ менестрелей, невѣжество которыхъ роняетъ профессію. «Необразованные крестьяне,—говоритъ король въ указѣ,—и рабочіе различныхъ ремеслъ выдаютъ себя въ нашемъ Англійскомъ королевствѣ за менестрелей... и называютъ себя даже нашими собственными менестрелями [2])». Не имѣя никакого ума и никакой опытности въ искусствѣ, они ходятъ въ праздничные дни съ мѣста на мѣсто и сбираютъ деньги, которыя должны были бы обогащать настоящихъ артистовъ, отдавшихся всецѣло своей профессіи и не занимавшихся никакимъ низкимъ ремесломъ. Напрасныя усилія; упадокъ былъ уже близокъ; онъ сдѣлался неизбѣженъ при Возрожденіи и Реформаціи, когда умножилось число типографскихъ станковъ. Менестрели были еще довольно многочисленны въ шестнадцатомъ вѣкѣ, но къ нимъ относятся уже съ презрѣніемъ; имъ больше не удалось вернуть къ себѣ общественнаго уваженія; честные и порядочные люди, какъ Филиппъ Стёббсъ, не находятъ достаточно сильныхъ выраженій для опредѣленія этихъ «пьяныхъ и безпутныхъ паразитовъ, которые шляются по странѣ, риѳмуя и распѣвая грязныя, гнусныя и непристойныя пѣсни по тавернамъ, кабакамъ, трактирамъ и въ мѣстахъ общественныхъ собраній... Всѣ города, мѣстечки и округа наполнены этими менестрелями, сопровождающими своими пѣснями бѣсовскія пляски; тогда какъ богослововъ такъ мало, что они почти не встрѣчаются» [3]).

Въ ожиданіи этой плачевной эпохи, менестрели благоденствуютъ еще въ царствованіе послѣднихъ Плантагенетовъ. Репертуаръ ихъ очень разнообразенъ, въ немъ встрѣчаются вещи самыя лучшія и самыя худшія, они декламируютъ иногда изъ

---

[1]) Противъ чего протестуетъ и Ленгландъ въ своихъ *Видѣніяхъ* (См. слѣд. главу), текстъ C. X. 133; XVI. 200.

[2]) Rymer, *Foedera*, 24 апрѣля 1469 г. Классическимъ инструментомъ менестрелей была *віола*, нѣчто въ родѣ скрипки, на которой могли играть прилично только настоящіе артисты; поэтому многіе менестрели замѣнили вскорѣ этотъ трудный инструментъ вульгарнымъ тамбуриномъ, котораго имъ было достаточно для акомпанимента своихъ мелодій. Въ средніе вѣка было еще много другихъ музыкальныхъ инструментовъ: списокъ ихъ былъ составленъ г. Лавуа: *La Musique au temps de St-Louis*, dans G. Raynaud, Recueil des motets français des XII et XIII siècles, t. II, p. 321. *Anatomy of Abuses*, изд. Фурнваля. Лондонъ. 1877—1879, 8°, стр. 171, 172.

[3]) Anatomy of Abuses, изд. Фурнваля, Лондонъ, 1877—79, 8°, стр. 171, 172.

Троила [1]) Чосера, а иногда старые рыцарскіе романы, передѣланные, извращенные и лишенные всей своей поэзіи. Чосеръ осмѣивалъ эти пересказы древнихъ героическихъ событій своими прерывистыми стихами, но безъ результата. Онъ могъ видѣть во все продолженіе своей долгой карьеры, какъ слагались и до и послѣ «сэра Топаза» въ стилѣ его намѣренно смѣшной сказки, удивительныя исторіи героевъ, которые, будучи всѣ «несравненными», были совершенно сходны между собой; одинъ изъ нихъ «могучъ и храбръ», другой «смѣлъ и храбръ», третій опять «смѣлъ и мужественъ», четвертый, пятый и сотый, всѣ также мужественны и непобѣдимы; ихъ зовутъ Изумбрасами, Егламурами, Дегреванами [2]); они носятъ различныя имена, но не представляютъ между собой никакого различія. Книгопродавцы эпохи Возрожденія, печатавшіе ихъ исторіи, могли смѣло употреблять одни и тѣ же клише для ихъ портретовъ на обложкахъ; измѣняя подъ нимъ имена, они измѣняли все, что въ нихъ можно было измѣнить, и одна и та же виньетка изображала поочередно то Ромула, то Роберта Дьявола [3]). Образцы этого легкаго искусства размножаются до безконечности, распространяются въ странѣ, проникаютъ въ деревни, попадаютъ даже въ хижины и знакомятъ народъ, какъ наши теперешнія епинальскія картины, съ доблестными подвигами Егламура и Роланда. Короче — выходитъ непреодолимая путаница.

Но посреди этой дебри есть нѣсколько деревьевъ и лучшихъ породъ. Нѣкоторые поэты продолжаютъ слѣдовать тра-

---

[1]) Чосеръ ожидалъ самъ, что поэму его будутъ читать или *пѣть*; онъ говоритъ въ своей книгѣ:

And red wher so thou be, or elles songe,
That thou be understonde, God I beseche!

[2]) Книга V, стр. 258.

I wille yow telle of a knyghte
That bothe was stalworthe and wyghte,
(*Isumbras.*)
Y shalle telle yow of a knyght
That was bothe hardy and wyght.
(*Eglamour.*)
And y schalle karppe off a knyght
That was both hardy and wyght.
(*Degrevant.*)

The Thornton Romances p. p. Halliwell (Camden Soc. 1844, стр 88, 121, 177) съ рукописи, хранящейся въ линкольнскомъ соборѣ и заключающей въ себѣ романы, рецепты, молитвы и т. д., списанные въ первой половинѣ XV вѣка съ болѣе старинныхъ манускриптовъ.

[3]) Смотри въ моемъ English Novel in the time of Shakespeare, стр. 57 и 65, снимокъ гравюръ, служившихъ около 1510 и 1560 для изображенія Ромула, Роберта Дьявола и т. д., или Гюи Варвика, Graund Amoure, Squyr of Lowe Degre.

диціи и, слѣдуя ей, совершенствуютъ ее; они вносятъ свой личный оттѣнокъ, чѣмъ и заслуживаютъ вниманія. Гораздо выше этихъ пустыхъ и безсодержательныхъ романовъ и даже выше *Смерти Артура*, *Вильяма Палермскаго и Оборотня* [1]) (Loup Garow), написанныхъ въ стихахъ на англійскомъ языкѣ во времена Чосера, слѣдуетъ поставить *Говэнъ и Зеленый Рыцарь* [2]) (Gauvain et le Chevalier Vert), который служитъ несравненно лучшимъ образцомъ произведеній этого рода. Вмѣсто маріонетокъ съ рѣзкими движеніями, производящихъ трескъ деревянными сочлененіями, англійскій поэтъ выводитъ здѣсь дѣйствующихъ лицъ съ гибкими движеніями, съ красными губами, изящныхъ, граціозныхъ и на которыхъ пріятно смотрѣть. Тонкіе рыцари въ доспѣхахъ и дамы въ узкихъ платьяхъ, которыхъ мы видимъ лежащими на надгробныхъ памятникахъ четырнадцатаго вѣка, возвращены къ жизни; они двигаются, смотрятъ одинъ на другого и предаются любви.

Въ одинъ рождественскій день, въ присутствіи Артура и всего его двора, Говэнъ отрѣзаетъ голову Зеленому Рыцарю. Рыцарь этотъ былъ гигантъ и, вѣроятно, вмѣстѣ съ тѣмъ волшебникъ, потому что онъ наклоняется, поднимаетъ свою отрѣзанную голову, садится на лошадь и назначаетъ Говэну свиданіе черезъ годъ у Зеленой часовни, гдѣ онъ отдастъ ему ударъ за ударомъ.

Проходитъ годъ. Говэнъ покидаетъ дворъ съ своимъ конемъ «Грэнголэ» и, не выѣзжая изъ Англіи, ѣдетъ по удивительнымъ странамъ, «въ которыхъ не съ кѣмъ говорить, кромѣ Бога». Онъ подъѣзжаетъ къ воротамъ роскошнаго замка и встрѣчаетъ радушный пріемъ со стороны рыцаря обыкновеннаго роста, черты котораго не напоминаютъ ему противника-гиганта. До назначеннаго срока свиданія остается три дня; они проходятъ въ увеселе-

[1]) Обѣ издало *Early English text Society: Morte Arthure*, изд. Брока; *William of Palerme* изд. Скита, обѣ въ стихахъ съ повторяющимися одинаковыми слогами; первый написанъ въ концѣ, а второй въ серединѣ четырнадцатаго вѣка.

[2]) Единственная рукопись этой поэмы находится въ Британскомъ музеѣ: Cotton, Nero et 10; она небольшого формата и написана хорошимъ почеркомъ четырнадцатаго вѣка, но чернила выцвѣли. Въ ней заключается нѣсколько интересныхъ, хотя не особенно тонкихъ миніатюръ, изображающихъ Зеленаго Рыцаря, который покидаетъ дворъ, держа въ рукѣ свою голову; Говэна и владѣтельницу замка; сцену у Зеленой часовни и возвращеніе. Текстъ былъ изданъ Моррисомъ: *Sir Gawayne and the Green Knight, an alliterative romance poem*, Лондонъ, Early English text Society, 1864, 8°. Происхожденіе, приписываемое поэмѣ Моррисомъ (1320—30), кажется слишкомъ древнимъ; вѣроятнѣе, что она принадлежитъ ко второй половинѣ вѣка. Дѣйствительный оригиналъ этого разсказа неизвѣстенъ (который былъ навѣрно французской поэмой); смотри объ этомъ Ward, Catalogue of Romances, 1883, I, p. 387, и G. Paris, Histoire littéraire de la France, t. XXX.

ніяхъ. Рыцарь ѣздитъ каждый день на охоту, онъ обѣщаетъ отдавать всю убитую дичь своему гостю, а тотъ, оставаясь въ замкѣ съ хозяйкой дома, самой красивой женщиной, какая существовала на свѣтѣ, отдаетъ, съ своей стороны, рыцарю то, что онъ получитъ. Каждый вечеръ они ужинаютъ въ большой залѣ, «на стѣнахъ сверкаетъ яркій свѣтъ, слуги укрѣпляютъ на нихъ восковые факелы и служатъ въ залѣ». Ужинъ сопровождается музыкой, «рождественскими и новыми пѣснями», «остротами и дамскимъ смѣхомъ». Рыцарь встаетъ ежедневно въ три часа, слушаетъ обѣдню и уѣзжаетъ на охоту [1]). Спящаго Говэна пробуждаетъ владѣтельница замка; она входитъ въ спальню мягкой и изящной походкой, въ ночной мѣховой одеждѣ, ниспадающей до полу, но очень вырѣзанной на груди, «hir breste bare bifore, and bihinde eke»; она подходитъ къ окну, отворяетъ его и говоритъ своимъ музыкальнымъ голосомъ; «Какъ можешь ты спать въ такое прекрасное утро?» [2]) Она усаживается въ комнатѣ и не хочетъ уходить; Говэнъ подвергается самымъ ужаснымъ соблазнамъ, но къ счастью, воспоминаніе о Зеленой часовнѣ помогаетъ ему, выйти изъ нихъ побѣдителемъ и въ первую, вторую и третью ночь; прекрасная дама находитъ его очень упорнымъ; она цѣлуетъ его разъ, два, три и осмѣиваетъ за то, что онъ забываетъ каждый день «то, чему она научила его наканунѣ, то-есть, цѣловаться» [3]). Каждый вечеръ, по возвращеніи охотника, Говэнъ даетъ ему полученные поцѣлуи и получаетъ взамѣнъ охотничью добычу, оленя, кабана, лисицу. Онъ получилъ однако еще волшебный поясъ, предохраняющій отъ всѣхъ опасностей, но не упоминаетъ о немъ; «и великимъ душамъ свойственны нѣкоторыя слабости», думаетъ, очевидно, поэтъ.

На четвертый день Говэнъ ѣдетъ съ проводникомъ и подъѣзжаетъ къ холму, на которомъ стоитъ Зеленая часовня. Зеленый гигантъ уже тамъ и возвратитъ сейчасъ ударъ, полученный годъ

---

[1]) Much glam and gle glent up ther-inne,
About the fyre upon flet and on fele wyse,
At the soper and after, mony athel songes,
As condutes of Kryst-masse and caroles newe... (p. 53).
With laghyng of ladies, with lotes of bordes. (vers 1952).

[2]) In a mery mantyle', mete to the erthe...
Hir thryven face and hir throte throwen al naked
Hir breste bare bifore, and bihinde eke.
Ho comth with-inne the chambre dore, and closes hit hir after,
Wayneth up a wyndow, and on the wyghe calleth,
And radly thus rehayted hym with hir riche wordes
With chere;
«A! mon, how may thou slepe
This morning is so clere!» (vers 1736 et s.)

[3]) Thou hatth for-yetten yederly that yiesterday y taghte (vers (1385).

тому назадъ; Говэнъ наклоняетъ голову подъ страшнымъ топоромъ и въ тотъ моментъ, когда онъ опускается, не можетъ удержаться, чтобы не сжать немного плечи: «ты не Говэнъ, пользующійся такой славой», говоритъ ему гигантъ. Рыцарь Артура выпрямляется, гигантъ поднимаетъ снова топоръ и наноситъ ударъ; Говэнъ получаетъ только царапину. Тогда они объясняются: Говэнъ получилъ бы за поцѣлуи смертельные удары, но онъ отдалъ ихъ; онъ оставилъ у себя поясъ и получилъ въ отмщеніе за это царапину, которая останется у него всю жизнь на шеѣ. Раздосадованный рыцарь бросаетъ прочь поясъ; но гигантъ возвращаетъ его ему, и утѣшаетъ его, говоря, что испытаніе было выше человѣческихъ силъ, и объясняетъ, что онъ самъ Бернлакъ Верхней-Пустыни (Bernlak du Haut Désert) и что посѣтитель его былъ игрушкой «феи Морганы», подруги хозяина замка. Говэнъ объявляетъ, что если гордость будетъ еще когда-нибудь соблазнять его, онъ только взглянетъ на поясъ и соблазнъ исчезнетъ; онъ возвращается къ Артуру и его пэрамъ и разсказываетъ про свою поѣздку, вызывающую поочередно то смѣхъ, то изумленіе.

Поэма не подписана. Въ этой же рукописи есть еще другая, отличающаяся отъ этой сюжетомъ, но принадлежащая, повидимому, тому же автору. Поэма называется *Жемчужина* [1]); это похоронная пѣснь. Она была написана, должно быть, спустя довольно долгое время послѣ катастрофы, когда горечь страданія уже нѣсколько смягчилась. Пейзажи залиты свѣтомъ, краски ярки и блестящи. Поэтъ лишился своей умершей дочери, своей жемчужины. Его жемчужина скатилась въ траву, и онъ никакъ не могъ ее найти. Онъ не можетъ оторваться отъ того мѣста, гдѣ она упала: «Я возвращаюсь въ зеленѣющую рощицу, былъ августъ мѣсяцъ, роскошное время года, когда колосья только что упали подъ серпомъ; тамъ скатилась моя жемчужина и упала между цвѣтущими растеніями, гвоздиками и піонами... велико-

---

[1]) *Pearl, an English poem of the fourteenth century, edited with modern rendering by Israel Gollancz*, Лондонъ 1891, 8°. Поэма написана строфами (a b a b a b a b b c b c); авторъ употребляетъ одновременно и рифму и повтореніе одинаковыхъ слоговъ. *Жемчужина*, такъ же какъ *Говэнъ* и нѣкоторыя другія поэмы на религіозныя темы, находящіяся въ той же рукописи, принадлежатъ, какъ кажется, ко второй половинѣ четырнадцатаго столѣтія. Но на этотъ счетъ существуютъ сомнѣнія и разногласія. Нѣсколько миніатюръ тяжелаго стиля, нисколько не соотвѣтствующихъ изяществу поэмы, представляютъ въ рукописи оригинала главнѣйшія событія *Жемчужины*. Онѣ сдѣланы той же рукой, какъ и миніатюры Говэна. Смотри воспроизведеніе одной изъ нихъ въ моемъ Piers Plowman, a contribution to the history of English Mysticism, Лондонъ 1894, 8°, стр. 12.

лѣпными на видъ, но еще болѣе пріятными по своему запаху [1]). Онъ видитъ лѣсъ, сверкающія на солнцѣ скалы, хрустальные утесы. Въ листвѣ поютъ птицы, и ни цитры, ни гитары не въ состояніи передать ихъ мелодіи. Слышенъ также шумъ воды; ручеекъ струится между камнями, «блестящими какъ звѣзды въ зимнюю ночь, въ тотъ часъ, когда усталые люди предаются отдыху» [2]).

Красота мѣста такъ велика, что притупляетъ горе отца, и ему представляется чудное видѣніе: ему кажется, что онъ видитъ на томъ берегу дѣвушку въ бѣлой одеждѣ, онъ смотритъ на нее и вдругъ узнаетъ ее. «О жемчужина! вскричалъ я... дѣйствительно ли ты мой перлъ, о которомъ я такъ сожалѣлъ и который оплакивалъ въ теченіе столькихъ ночей?» Отвѣтъ и трогателенъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшителенъ: то, чѣмъ ты владѣлъ, была не жемчужина, «это была только роза, которая распустилась и осыпалась» [3]), только теперь роза обратилась навсегда въ жемчужину. Отецъ идетъ вслѣдъ за дочерью до того мѣста, съ котораго виднѣется небесный Іерусалимъ, съ его цвѣтами и драгоцѣнными каменьями, съ мистическимъ агнцемъ и процессіей святыхъ: описаніе кажется списаннымъ съ картины Ванъ-Ейка находящейся въ Сенъ-Бавонѣ, въ Гентѣ.

II.

Дубъ окруженъ густой чащей. Около Чосера толпится безчисленное множество менестрелей, анонимовъ, стихоплетовъ клерковъ и рыцарей, сочиняющихъ баллады [4]). Слабыя произведенія

---

[1]) I entred in that erber grene,
In augoste in a hygh seysoun,
Quen corne is corven with crokes kene;
On huyle ther perle hit trendeled doun;
Schadowed this wortes ful schyre and schene
Gilofre, gyngure and gromylyoun,
And pyonys powdered ay betwene.
Yif hit wacs semly on to sene,
A fayrre flayr yet frol hit flot. (Str. 4).

[2]) As stremande sternes quen strothe men slepe,
Staren in welkyn in wynter nyght. (St. 10).

[3]) For that thou lestes wacs bot a rose,
That flowred and fayled as kynde hit gefe. (St. 23).

[4]) Вотъ главнѣйшіе сборники лирическихъ произведеній и народныхъ балладъ: *Ancient Songs and Ballads from the reign of Henry II to the Revolution* collected by John Ritson, revised by W. C. Hazlitt, Londres, 1877, 12° *Specimens of lyric poetry, composed in England in the reign of Eduard I*, ed Ch Wright, *Percy Society*, 1842, 8o: *Reliquiae antiquae, scraps from ancient mss. illustrating chiefly early English literature*, ed. Wright et. J. O. Haliwell, Londres 1841—43, 2 vol. 8o; *Political songs of England, from the reign of*

этого множества риѳмоплетовъ, большею частью, исчезли, но ихъ остается все-таки значительное количество. Произведенія множества этихъ людей написаны на трехъ языкахъ, бывшихъ въ то время въ употребленіи у англичанъ; нѣкоторыя изъ нихъ на французскомъ, на латинскомъ и на англійскомъ.

Плантагенеты отличались влеченіемъ къ искусствамъ: Эдуардъ III не смотрѣлъ на издержки, когда нужно было расписывать и золотить стѣны въ церкви святаго Стефана. Ричардъ II боялся несообразностей въ архитектурѣ и изъ добросовѣстности, встрѣчавшейся очень рѣдко въ средніе вѣка, продолжаетъ постройку Вестминстера въ стилѣ временъ Генриха III. Тотъ или другой принцъ королевской фамиліи подавалъ примѣръ любви къ поэзіи всему двору. Герой Пуатье включилъ въ свое завѣщаніе французское стихотвореніе и просилъ вырѣзать эти стихи на его памятникѣ и ихъ можно прочесть еще и теперь въ кэнторберійскомъ соборѣ:

Tel com tu es je autiel (pareil) fus;
Tu seras tel comme je sus,
De la mort ne pensai-je mie
Tant comme je avais la vie.
En terrë avais grand richesse
Dont je y fis grande noblesse,
Terre, maisons et grand trésor,
Draps (et), chevaux, argent et or;
Mais or suis-je pauvre et chétis,
Parfond en la terre gis,
Ma grand beauté est tout allée....
Et si ore me vëissiez,
Je ne cuid pas que vous dissiez
Que je eusse onques homme été.

Вельможи слѣдовали примѣру; они изображали свои страсти въ стихахъ; но не всѣ были достаточно искусны для этого деликатнаго препровожденія времени; многіе довольствовались тѣмъ, что только переписывали готовыя баллады, образцы которыхъ, а иногда и сборники, составляли для нихъ профессіональные поэты; точно также составились и сборники проповѣдей для священниковъ, которые были неспособны составлять ихъ сами, подъ зна-

---

John to that of Eduard II, ed. Ch. Wright, *Camden Society*, 1839, 4o; *Sonus and carols now first prindet from a ms. of the XV century*, ed. Sh. Wright *Percy Society*, 1847, 8o; *Political poems and sangs, from Edward III to Richard III*, ed. Sh. Wright, Londres (*Rolls*) 1859—61, 2 vol. 8o: *Political, religious and lowe poems* ed. Furnivall, Londres, *Early English text Society* 1866, 8o; *Bishop Percy's folio ms.* ed. y. w. Hales et F. y. Furnivall, *Ballad Society*, 1867, 8o; *The English and Scottish popular ballads*, éd. F. y. Child, Boston, 1882 и слѣд. (капитальный трудъ). Можно найти еще другія полезныя указанія у. H. L. D. Уардъ, Catalogue of ms. Romances in the British Museum, 1883, 8o.

менательнымъ названіемъ «Dormi secure» (спи спокойно, твоя проповѣдь готова на завтра) [1]). Въ англійскихъ рукописяхъ попадаются даже рубрики въ родѣ слѣдующей: «здѣсь начинается баллада, которую Лидгетъ написалъ по просьбѣ одного оруженосца, желавшаго обратиться съ любовной просьбой къ предмету любви» [2]). Своимъ изящнымъ почеркомъ и со всѣми утонченностями цвѣтистаго слога профессіональные поэты толковали, украшали и портили: «это слово, слово Боговъ и людей: люблю тебя». Мы находимся уже не въ чащѣ, намъ нужно нагнуться къ самой землѣ, чтобы видѣть расцвѣтъ этихъ однодневныхъ цвѣтовъ.

Вывезенный изъ Франціи вкусъ къ балладамъ и къ пѣснямъ распространяется въ четырнадцатомъ вѣкѣ точно такъ же, какъ при дворѣ, по деревнямъ и въ мелкой буржуаріи. Проходя по лондонскимъ улицамъ, часто можно было встрѣтить простыхъ рабочихъ, напѣвающихъ французскія пѣсенки, потому что, не смотря на успѣхи, сдѣланные національнымъ языкомъ, и французскій языкъ не былъ еще упраздненъ въ Великобританіи. Ленгледъ выводитъ на сцену въ своихъ видѣніяхъ столичныхъ рабочихъ, которые поютъ: «Спаси васъ Богъ, госпожа Емма!» [3]). Добрый кюре Чосера свидѣтельствуетъ о популярности другого романса и объявляетъ во время своей проповѣди, что человѣкъ, пренебрегающій добрыми дѣлами, «можетъ пѣть новую франнузскую пѣсенку: «*J'ay tout perdu moun temps et moum labour*» [4]).

По примѣру того, что дѣлается въ сѣверныхъ французскихъ провинціяхъ, въ Лондонѣ основывается такъ называемый «Pui», ассоціація, установленная для поощренія искусства слагать пѣсни и выдавшая преміи лучшимъ стихамъ и лучшей музыкѣ [5]). Въ

---

[1]) Издалъ во Франціи Лекуа де ла Маршъ въ 1395. *La chaire française au moyen âge*, 2-е изд. 1886, 8°, стр. 334.

[2]) «Loo, here begynnethe a Balade wiche that Lydgate wrote at the requeste of a squyer y^t^ served in loves court». Ms. R. III. 20, въ библіотекѣ Trinity College, Cambridge, fol. 33. Въ той же рукописи: «A roundell made... by my saide lorde therlle of Suffolk»:

Quel desplaysier quel courous quel destresse,
Quel griefs, quelx mauls viennent souvent d'amours (etc., fol. 36).

Рѣчь идетъ о знаменитомъ графѣ, потомъ герцогѣ Суффольскомъ, разбитомъ Іоанной д'Аркъ, женившемся на Алисѣ, дочери Ѳомы Чосера, и казненномъ въ 1450. О другихъ балладахъ Гоуэра того же рода, смотри ниже стр. 376; тѣ-же вкусы и во Франціи: не говоря о Карлѣ Орлеанскомъ, Пьеръ де Бово пишетъ: «Les joyeulx temps passé souloit estre occasion que je faisoie de plaisant diz et gracieuses chançonnetes et balades». Moland et d'Héricault, *Nouvelles françoises du XIV siècle*, 1858, стр. 303.

[3]) *Visions concerning Piers Plowman*, A. Prol. 103, написанъ въ стихахъ въ 1362—3. V слѣдующая глава.

[4]) *Parson's tale.*—Works, изд. Морриса, т. III, стр. 279.

[5]) *Munimenta Gildhallae Londinicnsis. Liber albus, Liber custumarum; Li-*

четырнадцатомъ вѣкѣ лондонскій «Puі» пользовался большимъ благосостояніемъ; въ составъ его входили иностранные и англійскіе купцы. Онъ былъ устроенъ для того, «чтобы красота, спокойствіе, честность, кротость, доброта и любовь поддерживались безконечно и чтобы всѣ эти блага ставились выше, а все дурное ниже». Эти торговцы различныхъ странъ, очевидно, были убѣждены, что музыка смягчаетъ нравы, и старались погасить свои несогласія пѣснями. Во главѣ «Puі» стоялъ принцъ, окруженный двѣнадцатью товарищами, которые избирались обществомъ, и обязанности которыхъ заключались въ томъ, чтобы возстанавлять миръ между ссорящимися. Каждый годъ назначался и былъ торжественно водворяемъ новый принцъ. Въ этотъ день «старый принцъ съ товарищами пройдутъ по всей залѣ съ пѣніемъ, и старый принцъ «Puі» будетъ имѣть на головѣ корону, а въ рукахъ золоченый кубокъ, наполненный виномъ. И когда они обойдутъ залу кругомъ, старый принцъ дастъ пить тому, который будетъ вновь избранъ, и передастъ ему корону, и будетъ тотъ принцемъ».

Судъ надъ пѣснями былъ очень серьезнымъ дѣломъ; его окружаютъ всѣми гарантіями, подобающими такому важному акту. Рѣшеніе принадлежитъ старому и новому принцу вмѣстѣ съ пятнадцатью ассистентами, избранными «изъ наиболѣе понимающихъ членовъ», которые примутъ всѣ торжественную присягу: «и должны выбрать лучшую изъ пѣсенъ по своему разумѣнію, подъ клятвой, которую не преступятъ ни изъ любви или ненависти, ни за дары, посулы, сосѣдство и сродство или какія бы то ни было старыя или новыя связи и за что бы то ни было». Кромѣ того, будутъ выбраны еще два или три судьи, «понимающіе пѣніе и музыку», для обсужденія напѣва пѣсни: «потому что написанный только текстъ никогда не можетъ назваться пѣсней; и увѣнчанная королевская пѣсня должна обладать нѣжностью и мелодіей въ напѣвѣ». Побѣдитель получаетъ вѣнокъ, а пѣсня его, переписанная превосходнымъ почеркомъ, будетъ выставлена въ залѣ подъ гербомъ принца: «И принцъ долженъ велѣть прикрѣпить подъ своимъ гербомъ переписанную чисто и безъ ошибокъ увѣнчанную пѣсню въ тотъ день, когда онъ будетъ избранъ новымъ принцемъ».

Была минута, когда общество оказалось почти разореннымъ

---

ber Horn, Лондонъ (*Rolls*), 1859, 4 т. 8° изд. Рилей. Уставы (на французскомъ языкѣ), касающіеся «Puі», взяты изъ *Liber custumarum* и скомпилированы въ 1320 (14 Эд. II), стр. 216 и сл. «Поэтическія состязанія, называемыя «*puis*», учрежденные на сѣверѣ Франціи», вызвали, повидимому, нѣмецкія и нидерландскія подражанія: «*Maitres chanteurs* и *Chambres de rhétorique*» Ж. Парижъ. *Littérature française au moyen âge*, парагр. 127. Прибавимъ къ этому интересующія насъ англійскія подражанія.

издержками на украшеніе залы. Впередъ будутъ вести себя благоразумнѣе. «Рѣшено, что та часть помѣщенія, гдѣ будутъ даваться празднества, не будетъ украшаться ни парчей, ни шелковыми тканями, ни увѣшивать залу занавѣсями и что она будетъ только скромно убрана зеленью и усыпана камышемъ (подстилка изъ камышей) и уставлена скамьями, какъ то подобаетъ королевскому празднику, исключая лишь того, что стулья, на которыхъ пѣвцы будутъ пѣть королевскія пѣсни, должны быть покрыты парчей».

Послѣ состязанія дается общій обѣдъ. Вотъ меню пиршества: «И порядокъ обѣда будетъ таковъ: что всѣмъ присутствующимъ будетъ подаваться въ изобиліи, какъ самымъ бѣднымъ, такъ и самымъ богатымъ безъ различія, хорошій хлѣбъ, хорошее пиво и хорошее вино; затѣмъ горячее, мясное блюдо, еще два жаркихъ въ одномъ блюдѣ, сыръ и больше ничего».

Женщины не допускались на эти празднества, и чтобы люди, любящіе злословить, не могли сказать, что это дѣлалось изъ опасенія ссоръ или чего-нибудь худшаго, то само общество предупреждаетъ насъ, что это дѣлается, напротивъ, для того, чтобы пріучить своихъ членовъ «уважать, любить и хвалить ихъ такъ же въ ихъ отсутствіе, какъ и при нихъ».

Въ средніе вѣка, ни одинъ праздникъ не считался полнымъ безъ процессіи или кортежа по улицамъ; къ своимъ удовольствіямъ пріобщали такимъ образомъ и толпу. Такъ поступали и члены лондонскаго «Puі»: «вскорѣ послѣ того, какъ будетъ врученъ вѣнокъ тому, кто споетъ лучше всѣхъ, они садятся на коней и ѣдутъ по городу, и тогда ихъ новый принцъ приглашаетъ въ свой отель и тамъ всѣ сходятъ съ лошадей и прежде чѣмъ разъѣхаться танцуютъ; тогда пьютъ еще разъ и разъѣзжаются всѣ по своимъ домамъ». Общество это со своими пѣснями и музыкой, съ своими добродушными намѣреніями, вѣнками и зеленью, представляется посреди Лондона, не смотря на купеческую зависть и международную ненависть, миролюбивымъ и зеленѣющимъ уголкомъ Аркадіи.

Этотъ оазисъ тѣмъ пріятнѣе для глазъ, что онъ не больше, какъ оазисъ. Такія честныя и хорошія чувства не могутъ часто встрѣчаться. Въ то время, какъ наши друзья, состоящіе членами «Puі», упражняются въ любви и восхваленіи женщинъ даже въ ихъ отсутствіи, другіе сочинители пѣсенъ, менѣе учтивые, продолжаютъ осмѣивать ихъ, слѣдуя сатирическимъ традиціямъ среднихъ вѣковъ: «Я пришелъ сюда вотъ зачѣмъ, вотъ зачѣмъ! — читаемъ мы въ одной англійской пѣснѣ того же вѣка,—затѣмъ чтобы воспѣть хвалу этой хорошенькой женщинѣ. Было разъ три плута, три плута было: лиса, монахъ и женщина. Было также

три злюки, три злюки было: оса, ласка и женщина. Было три болтуна, три болтуна было: сорока, сойка и женщина» [1]) и т. д. Монахи, братья и щеголи, которые подражаютъ смѣшнымъ людямъ и носятъ такіе узкіе штаны, что не могутъ наклониться безъ того, чтобы они не лопнули [2]), служатъ вмѣстѣ съ женщинами предметомъ сатирическихъ пѣсенъ. «Ни священникъ, ни монахъ или капелланъ и ни одно изъ духовныхъ лицъ не предаются благочестію такъ сильно, какъ эти святые братья. Потомучто другіе люди предаются рыцарству, другіе же рыскаютъ по тавернамъ и домамъ разврата, тогда какъ братья предаются серьезному изученію и продолжительной молитвѣ» [3]). И затѣмъ слѣдуетъ изложеніе трудовъ, изученія и молитвъ, не имѣющихъ въ себѣ ничего назидательнаго и которыя заставляютъ вспомнить скорѣе Чосера, чѣмъ святого Франциска.

III.

Тонъ приподнимается, и теперь передъ нами являются лѣсныя пѣсни въ честь Робина Гуда [4]). Сатира перестаетъ быть только насмѣшливой; смѣхъ пѣвца не вознаграждаетъ его за злоупотребленія; ему нужны реформы; онъ сердится и угрожаетъ; священникъ Джонъ Белль въ своей рѣчи, обращенной въ 1381 г. къ взбунтовавшимся крестьянамъ, черпаетъ одинъ припѣвъ изъ народнаго пѣсенника, резюмирующій весь его тезисъ. «Когда Адамъ пахалъ, а Ева пряла, кто же былъ дворяниномъ?»

---

[1]) Herfor and therfor and therfor I came,
And for to preysse this praty woman.
Ther wer iij wylly, iij wyly ther wer;
A fox, a fryyr and a woman, etc.

Thomas Wright, *Songs and Carols*, Londres, *Percy Society*, 1847, 8°, p. 4.

[2]) For hortyng of here hosyn
Non inclinare laborant.

Въ той же пьесѣ сатира на большіе воротняки, рукава и шпоры. *Th. Wright, Political poems and songs from. Ed. III to Ric. III (Rolls)*, 1859, 2 v. т. I, стр. 275.

[3]) Preste, ne monke, ne yit chanoun,
Ne no man of religioun,
Gyfen hem so to devocioun
As done thes holy freres, etc.

Political Poems, ibid., t. I., p. 263.

[4]) Множество ихъ, сохранившихся до нашего времени, принадлежатъ къ пятнадцатому и шестнадцатому вѣку; но Робинъ пользовался большой извѣстностью и его воспѣвали съ четырнадцатаго вѣка. Лѣнивый священникъ признается въ Видѣніяхъ Лэнгленда, что не можетъ исполнять церковной службы:

But I can rymes of Robyn Hood, and Randolf erle of Chestre. Изд. Скита, текстъ B. V, 402. Смотри выше, стр. 225.

Whan Adam dalf and Eve span,
Wo was thanne a gentilman? [2]).

Анонимный пѣвецъ даетъ слово нѣмому крестьянину и заставляетъ его нарисовать картину своихъ невзгодъ и составить списокъ своихъ требованій [2]). Анонимные клерки сочиняютъ въ отвѣтъ частью англійскія, частью латинскія пѣсни, такъ какъ въ то время любили эту смѣсь, и нападаютъ на мятежниковъ [3]). Другіе же воспѣваютъ славу англійскихъ героевъ и столѣтнюю войну.

Эти послѣднія пѣсни, противъ ожиданія, были не особенно многочисленны и внушены не слишкомъ высокимъ вдохновеніемъ; война была, какъ мы видѣли, королевская, а не народная; да и случалось такъ, что ни одинъ изъ великихъ современныхъ поэтовъ не счелъ нужнымъ прославлять Креси и Пуатье. Такъ что мы имѣемъ лишь грубые очерки, нѣчто въ родѣ лубочныхъ картинокъ съ топорнымъ рисункомъ и грубыми красками, но съ мощнымъ замысломъ. Клерки преслѣдуютъ на своей латыни Францію и Филиппа Валуа бранными эпитетами:

Lynxea, viperea, vulpina, lupina, medea,
Callida, syrena, crudelis, acerba, superba....

Такова, по ихъ мнѣнію, Франція; что же касается короля, то его судьба предсказана въ игрѣ словъ:

O Philippe Valeys, Xerxes, Darius, Bituitus,
Te faciet *maleys* Edwardus, aper polimitus [4]).

На что французы отвѣчали:

Puis passeront le bras marin,
Le pauvre Anglais détruiront si par guerre;
Qu'adonc diront tous passant ce chemin:
Au temps jadis était ci Angleterre [2]).

«Затѣмъ галлы переплываютъ морской проливъ, уничтоживъ бѣднаго англичанина войной, такъ что потомъ, идя этимъ путемъ, всѣ будутъ говорить: здѣсь была когда-то Англія».

Но обѣ страны уцѣлѣли для другихъ распрей, другихъ ссоръ и другой славы. Битвы Эдуарда III прославлялись еще у нашихъ сосѣдей въ цѣломъ рядѣ англійскихъ пѣсенъ, но до нашего времени отъ нихъ сохранилась только одна рукопись, такъ же

---

[1]) Walsingham, *Historia Anglicana*, t. II (*Rolls*), p. 32.

[2]) To seche silver to the kyng y mi seed solde,
Forthi mi land leye leorneth to slepe.

Времена Эдуарда I, или Эдуарда II.

[3]) Nede they fre be most,
Vel nollent pacificari, etc.

Political Poems, т. I, стр. 225. Еретическія поэмы Лоллардовъ: «Lollardi sunt zizania» etc. *ibid.*, ст. 231, обратившихся изъ «братьевъ» въ разносчиковъ, стр. 264.

[4]) *Political Poems*, *ibid.*, т. I, стр. 26 и слѣд.

[5]) Баллада Дешана, *Oeuvres complètes*, II, p. 34.

какъ и имя ея автора: Лорансъ Мино [1]), но свѣдѣній о немъ не имѣется. Въ его топорныхъ поэмахъ, гдѣ повтореніе одинаковыхъ слоговъ чередуется съ риомой, но и то, и другое употребляется какъ попало, пѣвецъ сопровождаетъ шагъ за шагомъ Эдуарда и прославляетъ его подвиги отъ всей души, но очень плохими стихами. Слушаешь точно похвалы сэра Топаза. Дополнительныя и безполезныя слова въ родѣ: «suth to saine», «i-wis» и въ особенности «both day and night» употребляются имъ на каждомъ шагу ради риемы, и ужасно хочется неучтиво согласиться съ его мнѣніемъ, когда онъ восклицаетъ: «Да поможетъ мнѣ Богъ! У менятакъ мало ума!» [2]).

На ряду съ этими воинственными пѣснями появляются свойственныя расѣ меланхоличныя пѣсни, жалобы, грустные и отчаянные звуки. За побѣдами начались пораженія, и онѣ возбуждаютъ сомнѣнія относительно законности стремленій Эдуарда [3]). А что, если эта разорительная война съ сомнительнымъ исходомъ окажется въ концѣ концовъ несправедливой войной? На этотъ счетъ писали даже стихи: «Sanguis communitatis Franciae quae nihil ei nocebat quaeritur apud Deum» [4]).

Въ этихъ военныхъ пѣсняхъ съ шотландцами обращались такъ-же безцеремонно, какъ и съ французами; въ это время и еще много лѣтъ спустя они были такими же врагами, какъ ирландцы и французы. Шотландцы, по примѣру французовъ, отвѣчали имъ; многіе изъ этихъ отвѣтовъ, написанные на англійскомъ языкѣ, занимаютъ извѣстное мѣсто въ англійской литературѣ. Самымъ энергичнымъ изъ нихъ былъ полуисторическій романъ, подъ названіемъ *The Bruce*; это самая лучшая изъ всѣхъ патріотическихъ поэмъ, внушенныхъ войнами четырнадцатаго вѣка. *Bruce* написаный Джономъ Барбуромъ [5]) около 1375 г. раздѣленъ

---

[1]) *The poems of Laurencae Minot*, изд. J. Hall, Оксфордъ, 1887, in 8, одиннадцать короткихъ поэмъ о битвахъ Эдуарда III. Въ число патріотическихъ поэтовъ нужно еще включить Адама Девн. *Davy's five dreams about Edward III*, изд. Фурнваля, *Early English text Society*, 1878, 8-е. Это сны, смѣшанные съ пророчествами посредственнаго стиля, претендующаго на апокалиптическій. Эдуардъ II будетъ императоромъ христіанскаго міра, и т. д. Различныя религіозныя сочиненія, жизнь святаго Алексѣя, поэма о предвѣстникахъ конца міра и т. д. приписывались, безъ основательнаго повода, также Девн. Смотри объ этомъ Фурнваль, *ibid.*, дающій текстъ этихъ поэмъ.

[2]) Help me, God, my wit es thin!
Now Laurence Minot will begin (ст. 21).

[3]) Недостатки и пороки Эдуарда; *Political poems*, т. I, стр. 159; 172 и т. д.

[4]) *Political paems*, т. I, стр. 172.

[5]) *The Bruce, or the bocok of the most excellent and noble prince Robert de Broyss, King of Scots*, compiled by John Barbour, éd. Skeat Early English text Society), 1870 — 89, одинъ томъ, 8°. Барбуръ, получивъ пропускъ отъ

на двадцать книгъ; романъ написанъ на южно-шотландскомъ нарѣчіи, бывшемъ въ употребленіи отъ Абердина до границы; это-же нарѣчіе употребляли потомъ Іаковъ I и сэръ Давидъ Линдсей, который такъ же, какъ и Барбуръ, называлъ его «inglis», то-есть, англійскимъ. Стихи Барбура по восьми слоговъ риомуются по два; это стихъ Чосера въ его *Hous of Fame*.

Барбуръ намѣревается разсказать истинную исторію; онъ разсчитываетъ понравиться такимъ образомъ вдвойнѣ, говоритъ онъ, во-первыхъ, потому, что это будетъ исторія, а затѣмъ потому, что она будетъ истинная. Но тамъ, гдѣ есть мѣсто страсти, истина рѣдко царитъ безспорно, а у Барбура любовь къ отчизнѣ доведена до страсти; тамъ, гдѣ легенда относится къ чести его родины, всякій критическій смыслъ исчезаетъ и всякое чудо кажется ему исторически вѣрнымъ. Такъ, горсть шотландцевъ съ замѣчательной неизмѣнностью обращаетъ постоянно въ бѣгство англійскія полчища; горцы совершаютъ чудеса, а король превосходитъ ихъ въ отвагѣ, и ему удается все, точно въ волшебной сказкѣ. Эта любовь къ родной землѣ, къ скаламъ, утесамъ и озерамъ, къ своимъ легендамъ, кланамъ и ихъ вождямъ, невольно напоминаетъ знаменитѣйшаго изъ литературныхъ потомковъ Барбура, Вальтеръ-Скотта, заимствовавшаго не разъ изъ *Bruce* основную идею своихъ разсказовъ [1]).

У обоихъ соотечественниковъ, кромѣ любви къ родинѣ, есть еще общая имъ любовь къ картиннымъ анекдотамъ; они прибѣгаютъ къ нимъ также для того, чтобы завоевать общую любовь къ своимъ героямъ; юморъ развитъ у обоихъ не въ одинаковой степени, но онъ одного и того же рода; обоимъ нравятся возраженія одного и того же рода. Скоттъ былъ бы радъ, если бы могъ сохранить, какъ Барбуръ, воспоминаніе о битвѣ, случившейся въ то время, когда на короля, охотившагося въ горахъ, нападаютъ измѣннически три человѣка, и онъ убиваетъ всѣхъ троихъ, а по возвращеніи, когда его поздравляютъ съ этимъ, отвѣчаетъ: «Право, я убилъ только одного изъ нихъ—двухъ остальныхъ убили Богъ и моя собака» [2]). Барбуръ любитъ выставлять

Эдуарда III, уѣзжалъ учиться въ Оксфордъ съ 1357 до 1364 и во Францію съ 1365 до 1368. Кромѣ своего *Bruc'a*, онъ написалъ еще Брута, въ жанрѣ Лейсмона, и генеалогію Стюартовъ, The *Stewartis Oryginale*, гдѣ, чтобы ничего не пропустить, доходитъ до Нина, основателя Ниневіи. Двѣ послѣднія поэмы потеряны. Барбуръ былъ архидіакономъ Абердина; онъ умеръ въ 1395 г. въ Шотландіи, получая пенсію отъ короля.

[1]) The incidents on which the ensuing novel mainly turns are derived from the ancient metrical chronicle the Bruce bu Archdeacon Barbour and from etc. *Castle Dangerous*, Introduction. «The authorities used are chiefty those... of Archdeacon Barbour...» *Lord of the Isles*, Advertisement to the first édition.

[2]) «Perfay», said he,

короля простымъ, патріархальнымъ и храбрымъ, суровымъ съ врагомъ и нѣжнымъ къ слабымъ. Онъ останавливаетъ движеніе своей арміи въ Ирландіи, потому что услыхалъ женскій крикъ [1]): это какая-то бѣдная прачка мучилась родами; раскидываютъ палатку и бѣдная женщина спокойно родитъ. На угрозы Англіи Барбуръ отвѣчаетъ вызовами и своимъ знаменитымъ обращеніемъ къ независимости: «Ахъ! свобода благородная вещь!..» [2]). Нѣкоторые, продолжаетъ добрый архидіаконъ, неспособный держаться долго лирическаго тона, сравнивали бракъ съ рабствомъ; но это ничего не понимающіе невѣжды; безъ сомнѣнія, бракъ есть самое дурное изъ всѣхъ условій, при которыхъ можно жить; но въ рабствѣ жить нельзя, въ немъ умираютъ.

IV.

Надъ чащей кустарника возвышается немного другая голова: это голова Джона Гоуэра, закадычнаго друга Чосера. Въ противоположность Чосеру, Гоуэръ презираетъ и не терпитъ простой народъ; помѣщая его въ своихъ произведеніяхъ, онъ отводитъ ему очень незавидное мѣсто. Аристократъ и консерваторъ по темпераменту, онъ принадлежитъ настолько же старой Англіи, какъ и къ новой націи и является послѣднимъ замѣтнымъ представителемъ анжуйской Англіи. По примѣру ея, Гоуэръ колеблется между нѣсколькими языками; онъ не увѣренъ въ превосходствѣ англійскаго; онъ такой же трехъязычный, какъ и старая Англія, и пишетъ длинныя поэмы по-латыни и по-англійски, обращаясь къ «образованнымъ людямъ» онъ прибѣгаетъ къ французскому, безъ сомнѣнія «сратфордскому» языку; онъ это знаетъ и самъ сознается, но именно въ томъ-то и высказывается его вѣрность старинной полу-французской Англіи, когда онъ упорно оправдывается:

«И если у меня нѣтъ французской бойкости, простите мнѣ мои ошибки: я англичанинъ и поэтому заслуживаю извиненія [3]).

Въ противоположность Чосеру, Гоуэръ былъ богатъ и происходилъ изъ хорошей семьи; прожилъ онъ очень долго и родив-

---

I slew bot ane foroutен ma,
God and may hound has slane the twa».

Книга VII, стихъ 483.

[1]) Книга XVI, стихъ 270.

[2]) A! fredame is a noble thing!
Fredame mayss man to haiff liking;
Fredame all solace to man giffis
He levys at ess that frely levys!

Книга I, стихъ 225.

[3]) *Balades and other poems by Iohn Gower*, Londres, Roxburghe Club, 1818, 4°, in fine.

шись въ 1325 г., умеръ въ 1408 г. Онъ состоялъ въ родствѣ съ сэромъ Робертомъ Гоуэромъ, владѣлъ нѣсколькими замками въ графствѣ Кентскомъ и въ другихъ мѣстахъ и былъ извѣстенъ королевской семьѣ, но не исполнялъ никакихъ общественныхъ обязанностей. Чосеръ посвятилъ ему своего *Троила:* «О нравоучительный Гоуэръ, обращаюсь съ этой книгой къ тебѣ и къ ученому Страду, въ надеждѣ что вы, по добротѣ и доброжелательному усердію, исправите въ ней то, что окажется нужнымъ» [1]). Гоуэръ изображаетъ Венеру, подходящую къ нему съ слѣдующими словами: «Передай мой привѣтъ Чосеру, когда встрѣтишь его, Чосеру, моему ученику и поэту, который въ полномъ цвѣтѣ молодости... написалъ въ честь мою столько пѣсенъ и веселыхъ поэмъ, наполняющихъ королевство» [2]).

Гоуэръ отличался большой набожностью. Когда наступила старость, онъ удалился съ женой въ пріорство Сентъ-Мари-Овери (теперь Христа-Спасителя) въ то Соутваркское предмѣстье, въ которомъ Чосеръ любилъ посѣщать трактиръ «Табора», и прожилъ тамъ послѣдніе годы своей жизни въ благочестіи. Въ 1400 г. онъ ослѣпъ и умеръ спустя восемь лѣтъ. Онъ завѣщалъ своей женѣ три чашки, двѣ солонки, двѣнадцать серебряныхъ ложекъ, всѣ кровати и сундуки и доходъ съ двухъ имѣній и отказалъ еще много на неугасимыя лампады и обѣдни за упокой его души. Въ монастырь онъ пожертвовалъ два церковныя одѣянія изъ шелковой ткани, большой требникъ, чашу, Четью-Минею, переписанную имъ самимъ, и просилъ взамѣнъ, чтобы его похоронили въ церкви святого Іоанна Крестителя, что и было исполнено. Возстановленный и перекрашенный памятникъ его сохранился. Онъ изображенъ лежащимъ со сложенными руками; густые волосы обвиты гирляндой, украшенной розами. Голова его съ толстощекимъ лицомъ, съ добродушнымъ видомъ, покоится на трехъ главныхъ произведеніяхъ покойнаго; на шеѣ надѣто оже-

---

[1]) Troïlus «Посланіе Чосера».

[2])
And grete well Chaucer whan ye mete
As my disciple and my poete,
For in the houres of his youth
In sondry wise as he well couth
Of dittees and of songes glade,
The which he for my sake made.
The lond fulfilled is over all,
Wherof to him in speciall
Above all other I am most holde.

Confessio Amantis, изд. Паули, Лондонъ 1857, 3 т. 8°, т. III, стр. 374. Какъ было уже сказано выше, возможно, что эта дружба была прервана, но доказательства этого не убѣдительны, вообще, это вещь возможная, но не вѣроятная.

релье изъ переплетенныхъ между собой S S съ лебедемъ—эмблемой Генриха IV англійскаго [1]).

Этотъ достойный человѣкъ написалъ очень много и главнымъ образомъ три большія поэмы: *Speculum Meditantis* по-французски, *Vox Clamantis* по-латыни и *Confessio Amantis* по-англійски. Первая изъ нихъ была долгое время потеряна и оставался только ея аналитъ [2]) Но въ этой утратѣ легко утѣшились, зная, что Гоуэръ говорилъ въ этомъ произведеніи о порокахъ и добродѣтеляхъ своего времени, и не трудно было догадаться, что такой честный человѣкъ могъ о нихъ думать (кромѣ того, что было уже высказано имъ въ другихъ сочиненіяхъ). Теперь мы будемъ знать навѣрно, такъ какъ авторъ находки [3]) намѣренъ издать ее.

До нашего времени сохранились и нѣкоторыя другія французскія произведенія Гоуэра; они состоятъ изъ балладъ, мадригаловъ къ златокрылой Иридѣ [4]), придворныхъ стихотвореній, подражаній Петраркѣ [5]) и легкихъ стиховъ благовоспитаннаго человѣка. Онъ обѣщаетъ служить вѣчно своей «кроткой дамѣ», а его «кроткая дама» кто хотите; онъ пишетъ для другихъ, и въ его сборникѣ открыли такого рода замѣчаніе: «Любовныя

---

[1]) Генрихъ, въ то время графъ Дерби, подарилъ ему это ожерелье въ 1393 г. Лебедь былъ эмблемой герцога Томаса Глостера, убитаго въ 1397 году, дяди Генриха, принявшаго съ тѣхъ поръ эту эмблему.

[2]) Primus liber, gallico sermone editus, in decem dividitur partes et, tractans de viciis et virtutibus necnon de variis hujus seculi gradibus, viam qua peccator transgressus ad sui creatoris agnicionem redire debet, recto tramite docere cõnatur. Titulusque libelli istius speculum meditantis nuncupatus est». Этотъ анализъ есть въ различныхъ рукописяхъ и въ изданіи *Confessio*, напечатанной Кэкстономъ. Паули воспроизводитъ его, Confessio, введеніе, стр. XXIII. *Speculum Meditantis* очень походила по сюжету на то, что называлось французскими поэтами среднихъ вѣковъ *библіей*, см., напримѣръ, *Bible Guiot de Provins:*

Dou siecle puant orrible
M'estuet commencier une Bible.

(XIII вѣкъ) Гіо дѣлаетъ обзоръ всѣхъ классовъ общества, всѣхъ профессій и т. д. и порицаетъ все. Гоуэръ поступаетъ точно также, все имъ кажется «смрадным». Текстъ этой Библіи находится у Барбадна и Меона, *Fabliaux*, 1808, т. II, стр. 307.

[3]) М. Ж. С. Маколей нашелъ въ Кембриджѣ рукопись (изъ 28.000 стиховъ) и готовитъ ее къ изданію. *Romania*, 1895, стр. 621, замѣтка г. Поль Мейера.

[4]) *Balades and other Poems*, Roxburghe Club; 1818, 4°.

[5]) Напримѣръ:

Je ris en pleurs et en santé languis..
Ars en geleé et en chaleur primis (IX)

(Смѣюсь въ слезахъ, въ здоровьѣ чахну, горю въ морозъ, дрожу въ жарѣ).

Это наиболѣе часто подражаемое мѣсто изъ Петрарки.

баллады до сихъ поръ написаны исключительно для людей, ожидающихъ любви по праву брака. Баллады отъ этого мѣста и до конца книги,—для всѣхъ вообще, смотря по свойствамъ и условіямъ влюбленныхъ, находящихся, въ различныхъ положеніяхъ въ отношеніи любви». Изрѣдка, но все-таки иногда, встрѣчаются красивыя сравненія съ хамелеономъ, который, какъ считалось, питается только воздухомъ, или съ ястребомъ:

Хамелеонъ гордое животное, живущее только однимъ воздухомъ! Такъ можно сказать и я живу съ одной надеждой на питающую мои мысли любовью [1]).

Онъ извиняется за ошибки въ своихъ французскихъ произведеніяхъ, но не даетъ себѣ этого труда въ отношеніи латинскихъ поэмъ—и напрасно. Главная изъ нихъ: *Vox Clamantis* [2]) была ему внушена большимъ мятежемъ 1381 г. подвергшимъ опасности королевскій тронъ и весь общественный строй; въ качествѣ землевладѣльца въ Кентскомъ графствѣ, Гоуэръ могъ оцѣнить весь его ужасъ.

Для того, чтобы говорить объ этомъ предметѣ, Гоуэръ, какъ человѣкъ, не способный прибѣгать къ вымыслу, выбралъ форму сна, точно рѣчь шла о новомъ *романѣ Розы*. На дворѣ весна, онъ засыпаетъ. Подождите немножко, и мы не замедлимъ сдѣлать то же самое; но сонъ будетъ безпокойный; посреди своей гнусавой проповѣди Гоуэръ принимается вдругъ кричать, рычать, выходить изъ себя: *Vox Clamantis*! Присутствующіе открываютъ глаза, не понимая, гдѣ они, но узнаютъ Гоуэра и снова засыпаютъ.

Гоуэръ сыплетъ грубой и непонятной бранью; ему кажется, что онъ говоритъ какъ апостолъ въ апокалипсисѣ; на сценѣ все только звѣри и чудовища; простой народъ обращенъ въ животныхъ: воловъ, свиней, собакъ, лисицъ, мухъ, лягушекъ; всѣ они или отвратительны, или страшны. Проклиная сколько можетъ,

[1]) Баллада XVI. Въ словарѣ XV вѣка (T. Wright, Vocabularies, 1857 г. 4°, p. 220), стоитъ: Hic gameliou, animal varii coloris, et sola aere vivit—a buttyrfle» (порода бабочекъ). Вотъ сравненіе съ ястребомъ (старинная орѳографія):

Com lesperver qe vole par creance
Et de son las ne poet partir en voie,
De mes amours ensi par resemblance
Jeo sui lie si que par nulle voie
Ne puiss aller samour ne me convoie. (XV).

[2]) *Poema quod dicitur Vax Clamantis*, изд. Коксъ, Лондонъ, Rohburghe Club, 1850, 4°. Онъ написалъ еще стихами на латинскомъ языкѣ, *Chronica tripartita* (въ которой разсказываетъ и строго осуждаетъ царствованіе Ричарда II съ 1387 г. до вступленія на престолъ Генриха IV) и нѣсколько другихъ произведеній о современныхъ порокахъ напечатаны Т. Райтомъ въ его *Political poems*, т. I (Рольсъ).

Гоуэръ гонитъ передъ собой, насвистывая свои двустишія, странное стадо своихъ чудовищъ, «мечущихъ изъ своихъ пастей, какъ изъ пещеръ, сѣрное пламя» [1]).

Причиной всѣхъ этихъ бѣдствій выставляются современные пороки, и Гоуэръ медленно, терпѣливо и снисходительно составляетъ ихъ безконечный списокъ. Университетское образованіе сообщило ему способность распознаванія, и онъ, точно въ школѣ, раздѣляетъ и подраздѣляетъ; сначала идутъ пороки духовныхъ лицъ; ихъ пороки, такъ же какъ и они сами, бываютъ различныхъ родовъ, и онъ опять перераздѣляетъ и переподраздѣляетъ. Одни священники «отдаютъ Венерѣ десятину, принадлежащую Богу»; другіе служатъ предметомъ ужаса для зайцевъ: «*lepus visa pericla fugit*» и не знаютъ другого звона, кромѣ «рева» собакъ; нѣкоторые же занимаются торговлей. Рыцари слишкомъ любятъ женщинъ «съ золотистыми волосами»; крестьяне слишкомъ лѣнивы; купцы обманщики, алчны и фабрикуютъ изъ стекла фальшивые камни. Даже король не избѣгаетъ наставленія; онъ долженъ быть справедливъ, набоженъ, милостивъ и долженъ выбирать хорошихъ министровъ; пусть онъ остерегается женщинъ: «Ты король, довольствуйся же одной королевой» [2]).

Эта поэма достопамятна тѣмъ не менѣе одной чертой; въ длинныхъ тирадахъ плохихъ стиховъ преобладаетъ глубокое чувство, чувство страха и ужаса. Чувствуется, что спокойный Гоуэръ и все общество, къ которому онъ принадлежалъ, очутились вдругъ лицомъ къ лицу съ чѣмъ-то страшнымъ и необычнымъ даже въ ту эпоху; земля заколебалась и раскрылась пропасть; сотни жертвъ, и между ними архіепископъ кэнтерберійскій, — исчезли, а пропасть остается разверстой; всѣми овладѣлъ ужасъ, никто

---

[1]) Стр. 31. Онъ осмѣиваетъ вульгарноеть ихъ именъ:

Hudde ferit, quos Judde terit, dum Cebbe minatur...
Hogge suam pompam vibrat, dum se putat omni
Majorem Rege nobilitate fore.
Balle propheta docet, quem spiritus ante malignus
Edocuit.. (p. 50).

Рѣчь идетъ о знаменитомъ Джонъ Бэлѣ, апостолѣ мятежа, казненномъ посредствомъ четвертованія. См. *infra*, стр. 425.

Est sibi crassus equus, restatque scientia macra...
Ad latus et cornu sufflans gerit, unde redundant
Mons, nemus, unde lepus visa pericla fugit...
Clamor in ore canum, dum vociferantur in unum,
Est sibi campana psallitur unde Deo.
Stat sibi missa brevis devotio longaque campis,
Quo sibi cantores deputat esse canes (p. 176).
Confisit ex vitris gemmas oculo pretiosas (p. 275).

[2]) Rex es, regina satis est, tibi sufficit una (стр. 316).

не знаетъ, откуда ждать помощи. Къ счастью, края расщелины сошлись наконецъ и она закрылась, скрывъ въ своей глубинѣ бурное море лавы, гулъ которой не скоро смолкнетъ и она, можетъ быть, появится когда-нибудь снова. А Гоуэръ пока продолжаетъ писать свои двустишія.

Чосеръ писалъ по-англійски, естественно, потому, что это былъ національный языкъ страны. Гоуэръ же оправдывается, употребляя этотъ языкъ [1]): «такъ какъ очень немногіе пишутъ стихи на нашемъ англійскомъ языкѣ, то я хочу написать книгу изъ любви къ нашей Англіи» [2]). Онъ и не подозрѣваетъ, до какой степени это оправданіе, встрѣчавшееся такъ часто сто лѣтъ раньше, было несвоевременно теперь, послѣ *Троила* Чосера. Его англійская книга есть обширная компиляція, составленная по просьбѣ молодого короля Ричарда [3]), и Гоуэръ хочетъ, чтобы она вмѣстѣ и забавляла, и поучала. И онъ въ свою очередь послѣ Боккаччіо слѣдуетъ плану, который даетъ ему возможность включить въ одно произведеніе цѣлый рядъ разсказовъ и сказокъ; такой способъ писать былъ тогда въ модѣ. Въ сборникѣ Гоуэра заключается сто двѣнадцать повѣстей, и двѣ или три изъ нихъ превосходно разсказаны, одна же, приключеніе Флорана, превосходитъ даже тотъ же разсказъ, написанный Чосеромъ [4]). Все остальное походитъ на Гоуэра—автора *Vox Clamantis*.

О чемъ будетъ намъ говорить этотъ философъ? «О предметѣ,

---

[1]) *Confessio Amantis* не имѣетъ удовлетворительнаго изданія и желательно, чтобы *Early Englich text Society*, оказавшее уже такъ много услугъ, не замедлило оказать еще и эту. Изданіе Паоли, Лондонъ, 1857 г. 3 т. 8° наполнено ошибками; изданіе Х. Морлея (Carisbrooke library. Лондонъ 1889, 8°) слишкомъ исправлено. Гоуэръ написалъ еще по-англійски нѣсколько меньшихъ поэмъ, а именно *The praise of Peace* (въ *Political poems*; p. p. Wright, *Rolls*) *Confessio* написана въ восьмистопныхъ стихахъ, съ удареніемъ на четырехъ слогахъ и риѳмующихся по два. Поэму эту можно сравнить съ французскими сборниками среднихъ вѣковъ и именно съ *Castoiement d'un père à son fils*, тринадцатаго вѣка, рядъ разсказовъ въ стихахъ, разсказываемыхъ отцомъ въ назиданіе сыну, текстъ находится у Барбазана и Меона, *Fabliaux*, Парижъ 1808, 4 т.—8° II.

[2]) And for that fewe men endite
In oure englishe, I thenke make
A boke for Englandes sake (стр. 2).

[3]) Гоуэръ написалъ послѣдовательно одну за другой двѣ версіи своей поэмы: первую около 1384, а вторую около 1393. Въ этой послѣдней, сдѣлавшись явнымъ сторонникомъ будущаго Генриха IV (что было большой смѣлостью съ его стороны), онъ выпустилъ всѣ намеки на Ричарда. Въ первой версіи, вмѣсто вышепомѣщенныхъ стиховъ, онъ говоритъ:

A boke for king Richardes saxe.

[4]) Т. I, стр. 89 и слѣд. У Чосера исторію эту разсказываетъ батская мѣщанка.

служащемъ міру стержнемъ, который былъ и будетъ всегда, пока будетъ жить человѣкъ, а именно, о любви» [1]). Чтобы говорить объ этомъ и о другихъ предметахъ, Боккаччіо придумалъ собраніе на виллѣ по близости Флоренціи, а Чосеръ—богомолье. Нравственный Гоуэръ остается, какъ и тѣ двое, вѣренъ своему характеру и придумываетъ исповѣдь. Влюбленный приходитъ къ жрецу Венеры, почтенному и очень ученому старику. Старика зовутъ Геніусомъ; онъ являлся уже въ качествѣ исповѣдника въ романѣ Розы [2]). *Benedicite*, говоритъ жрецъ; *Dominus*, отвѣчаетъ влюбленный; на миніатюрѣ влюбленный изображенъ въ розовой одеждѣ, стоящимъ на колѣняхъ на лугу у ногъ Геніуса, монаха съ тонсурой, въ туникѣ съ капюшономъ [3]),

Мы находимся опять посреди пороковъ и добродѣтелей, классификацій, раздѣленій и подраздѣленій. Геніусъ порицаетъ пороки, не исключая и пороковъ своей богини, потому что онъ жрецъ вольнодумный; совѣтуетъ обратиться къ добродѣтели, и въ качествѣ примѣровъ разсказываетъ маленькія исторійки. Нужно наблюдать за своими глазами, въ доказательство ссылка на Актеона; за своими ушами —указаніе на сиренъ. Потомъ переходитъ къ семи смертнымъ грѣхамъ, которые преподавались, вѣроятно, въ той семинаріи, гдѣ жрецъ изучалъ богословіе. Наконецъ, мы переносимся къ туманамъ и чудесамъ *Secretum Secretorum*. Влюбленный молитъ о пощадѣ, онъ пишетъ Венерѣ письмо «своими слезами»; Венера, какъ богиня, разбираетъ письмо, является и смѣется надъ оцѣпенѣвшимъ влюбленнымъ, котораго не могли образумить ни годы, ни морщины. Гоуэръ рѣшается тогда на «почетное отступленіе». Въ послѣднемъ видѣніи онъ любуется рядомъ знаменитыхъ влюбленныхъ, предающихся удовольствію пляски въ любовномъ раю, гдѣ никакъ не ожидаешь встрѣтить вмѣстѣ: Тристана и Изольду, Париса и Елену, Троила и Крессиду, Самсона и Далилу, Давида и Вирсавію, Соломона и съ нимъ цѣлую

---

[1]) Онъ будетъ говорить:

Of thinge...
...Wherupon the world mote stonde
And hath done sithen it began
And shall while there is any man,
And that is love». (Книга I, начало).

[2]) Въ *Романѣ* мы уже видѣли:

«Какъ богиня Природа исповѣдается своему священнику... «Геніусъ, прекрасный жрецъ,—говоритъ она,—я сдѣлала одно безуміе и хочу покаяться вамъ въ немъ», и подъ предлогомъ покаянія, объясняетъ очень подробно различныя системы міра.

[3]) Рукопись Эджертона, 1.991, листъ 7-й, въ *Британскомъ музеѣ*. Эта миніатюра воспроизведена въ моемъ Piers Plowman, a contribution to the history of English Mysticism, Лондонъ, 1894, стр. 11.

сотню «евреекъ и сарацинокъ». Не смотря на огромную разницу въ заслугахъ, имена Чосера и Гоуэра постоянно соединялись; Жакъ Шотландскій, Скельтонъ и Денбаръ упоминаютъ ихъ всегда вмѣстѣ; *Исповѣдь* была издана Кокстономъ. Въ царствованіе Елизаветы мы снова встрѣчаемъ Гоуэра на театральныхъ подмосткахъ; онъ является въ *Периклѣ* и докламируетъ прологъ этой пьесы, основная мысль которой заимствована изъ его поэмы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вильямъ Ленглендъ и его Видѣнія.

Книги Гоуэра были позаимствованы изъ книгъ. Другъ Чосера переноситъ насъ воображеніемъ въ рай Эрота или на Патмосъ своего изобрѣтенія и предсказываетъ оттуда кончину міра; но что онъ ни говори и что ни дѣлай, мы всегда прекрасно знаемъ, гдѣ мы находимся: въ его библіотекѣ.

Совсѣмъ иное выходитъ съ другимъ поэтомъ той же эпохи, лицомъ таинственнымъ и неуловимымъ; даже имя его неизвѣстно въ точности, но произведенія его надѣлали большого шуму; его, кажется, никто не зналъ лично, и никто изъ современниковъ не оставилъ о немъ никакихъ свѣдѣній. Онъ, такъ же какъ Гоуэръ, связанъ тѣсными узами съ прошлымъ; но Гоуэръ привязанъ къ анжуйской Англіи, а Вильямъ Ленглендъ, если дѣйствительно таково его имя, къ таинственной Англіи саксонцевъ и скандинавовъ. Его книги написаны не изъ книгъ; онѣ составлены изъ дѣйствительной жизни, изъ вещей видѣнныхъ, изъ мечтаній и изъ чувствъ прочувствованныхъ имъ. Онъ совершенная противоположность Гоуэру и дополняетъ самого Чосера. Читая *кантерберійскія сказки*, кажется, что въ нихъ описана вся Англія; но, открывъ *Видѣнія* Ленгленда, замѣчаешь, что Чоссръ высказалъ не все. Ленглендъ, безъ сомнѣнія, хотя ему обыкновенно и не отводятъ такого мѣста, самая замѣчательная личность послѣ Чосера въ средневѣковой англійской литературѣ [1]).

I.

Значительное количество рукописей сохранило намъ его *Видѣнія*. Они во многомъ разнятся между собой; Ленглендъ, отдав-

---

[1]) Больше подробностей о Ленглендѣ и его *Видѣніяхъ* и главнымъ образомъ указаній (насколько я имѣлъ возможность сдѣлать это) на сомнительные пункты въ *l'Épopée mystique de William Langland*, Парижъ, 1893, 8°. Нѣкоторыя мѣста настоящей главы переписаны изъ этого произведенія. Справиться такъ же на счетъ иллюстрацій, снимковъ и различныхъ прибавленій въ англійскомъ изданіи той же книги: *Piers Plowman*, Лондонъ, 1894 г.

шись, повидимому, всецѣло своему произведенію, постоянно исправляетъ и пополняетъ его; ни одна поэма не была такъ пережита, какъ эта; она была убѣжищемъ, домомъ, храмомъ автора; онъ постоянно возвращался къ ней молиться, изливать свое горе и жить въ ней. Вслѣдствіе этого являются удивительныя несообразности и множество неожиданныхъ свѣдѣній. Ленгленд одушевленъ духомъ среднихъ вѣковъ, поэтому онъ могучъ, безсвязенъ и безграниченъ. Классикъ составляетъ планъ, распредѣляетъ свое произведеніе и оканчиваетъ его; средневѣковый же поэтъ, если и составляетъ планъ, то не слѣдуетъ ему; онъ передѣлываетъ его дорогой, прибавляетъ къ своему зданію паперть, флигель, часовню: соборъ среднихъ вѣковъ никогда не достроивается вполнѣ. Правда, что нѣкоторые писатели поддались вліянію классицизма и имѣли понятіе о мѣрѣ. Такъ было съ Чосеромъ, но не съ Ленглендомъ; въ его произведеніи встрѣчается все. Собравъ разсѣянныя въ немъ черты, можно было бы набросать картину англійской жизни въ четырнадцатомъ вѣкѣ для сравненія съ картиной Чосера, изображающей политическую исторію націи, исторію религіи и біографію автора.

Изобилующіе въ поэмѣ намеки на событія дня даютъ возможность опредѣлить время, когда она была написана. Налицо есть три главныхъ ея подлинника [1]), не считая нѣсколькихъ промежуточныхъ передѣлокъ; въ первой изъ нихъ находится двѣнадцать пѣсней или *passus*, во второй двадцать и въ третьей двадцать три; написаны онѣ были, по всей вѣроятности, въ 1362—1363, 1376—1377 и въ 1398—1399 годахъ [2]).

Ссылки автора на личныя обстоятельства, встрѣчающіяся преимущественно въ послѣднемъ подлинникѣ его поэмы, когда онъ, по обычаю стариковъ, любилъ разсказывать о себѣ, дозволяютъ составить съ большимъ вѣроятіемъ его полную біографію. Родился онъ, должно быть, въ 1331 или въ 1332 году, вѣроятно, въ Клобюри-Мортимеръ, въ графствѣ Шрюсбери, неподалеку отъ границы Уэльса. Онъ былъ низкаго происхожденія и, какъ кажется, избѣгъ рабства только благодаря тому, что сдѣлался клеркомъ и получилъ тонсуру при помощи покровителей, заинтересовавшихся его живымъ умомъ. Находясь съ дѣтства въ близкомъ общеніи съ крестьянами и бѣдняками,

---

[1]) Скитъ далъ два превосходныхъ изданія этихъ трехъ текстовъ (называющихся текстами A, B и C.): 1-й *The Vision of William concerning Piers Plowman, together with Vita de Devel, Dobet et Dobest, secundum Wit et Resoun*, Londres, Early English text Society, Лондонъ, 1867—1884, 4 т. 8°. 2-й *The Vision of William concerning Piers Plowman, in three parallel texts, together with Richard the Redeless*, Оксфордъ (*Clarendon press*) 1886, 2 т. 8°.

[2]) Мистическая эпопея Вильяма Ленгленда, гл. II.

онъ описываетъ ихъ нравы какъ человѣкъ, хорошо знакомый съ ними, и ихъ хижины, какъ человѣкъ, часто посѣщавшій ихъ. Вся жизнь его протекла главнымъ образомъ между двумя мѣстностями, Мальверномъ и Лондономъ. Даже живя въ Лондонѣ, онъ возвращается мысленно къ Мальверну, къ его зелени и холмамъ; онъ воображаетъ себя тамъ; узы нѣжной привязанности, образующіяся между человѣкомъ и землей только въ дѣтствѣ, привязываютъ его невольно къ этому мѣсту. Въ Мальвернѣ есть монастырь и школа: въ ней-то онъ, должно быть, и началъ учиться.

Церковь, въ которую онъ приходилъ молиться, еще существуетъ; она построена изъ краснаго известняка въ смѣшанномъ стилѣ разныхъ эпохъ, такъ какъ въ ней сливаются стиль нормандскій съ готическимъ. Позади деревни высится гряда крутыхъ холмовъ, поросшихъ дикимъ терномъ, папортникомъ, верескомъ и мхомъ. Вершина, на самомъ краю гряды, ближе къ Уэльсу, увѣнчана римскими развалинами. Оттуда видна обширная равнина съ протекающимъ по ней Северномъ, вся перерѣзанная ручьями и рядами деревьевъ съ синѣющей вдали зеленью, по которой, смотря по расположенію облаковъ, скользятъ пятна свѣта и тѣни. Луга чередуются съ полями; налѣво возвышается четыреугольная Уорчестерская башня, а къ западу тянутся волнистой линіей горы, бывшія свидѣтелями подвиговъ короля Артура. Вѣроятно, это громадное пространство внушило позднѣе поэту мысль о долинѣ міра, «a feir feld ful of folk», и ее, подобно долинѣ Іосафата, онъ выбираетъ сценой, на которой движется человѣчество. Онъ любитъ гулять въ этомъ дикомъ одиночествѣ, гдѣ его удерживаетъ «веселье птицъ».

Уже тогда въ немъ преобладаетъ воображеніе, пытливость, и способности его ума очень пылки. И тѣломъ, и духомъ онъ бродяга по природѣ и пробѣгаетъ область наукъ, какъ пробѣгалъ когда-то свои излюбленные холмы, погружаясь попеременно въ богословіе, логику, законовѣдѣніе, астрономію, «вещь трудную», то отдаваясь мечтамъ, то зачитываясь рыцарскими романами и слѣдуя за «никогда неотдыхающимъ *воображеніемъ*». Онъ изучаетъ свойства животныхъ, камней и растеній отчасти въ природѣ, отчасти по книгамъ; онъ говоритъ иногда, какъ говоритъ позже Эуфэсъ, и его животная миѳологія вызываетъ улыбку; иногда онъ описываетъ, какъ человѣкъ, выросшій на полѣ, что онъ своими глазами видѣлъ птицу, вьющую гнѣздо, что потомъ случилось съ Бернсомъ, и какъ терпѣливо онъ слѣдилъ за ея работой. Иногда онъ описываетъ настоящую птицу, перескакивающую съ вѣтки на вѣтку, то какого-то страннаго звѣря, который можетъ жить только на листьяхъ соборной капители.

Онъ знаетъ французскій и латинскій языки и имѣетъ нѣко-

торое понятіе о классикахъ; ему хотѣлось бы знать все: «какъ я хотѣлъ бы знать и понимать,—восклицаетъ онъ,—всѣ науки, существующія на свѣтѣ, и всѣ тонкости искусства» [1]). Но въ этомъ, какъ и во всекмъ остальномъ, воля его слабѣе стремленій: эта несоразмѣрность была для него причиной безчисленнаго множества непріятностей. «Ты принадлежишь къ людямъ, которые горятъ желаніемъ знать и чувствуютъ ужасъ къ ученью» [2]), замѣчаетъ ему очень мѣтко Клержи. Онъ съ самаго дѣтства пребывалъ душой въ чистилищѣ и обнаруживалъ недостатокъ равновѣсія.

Въ это время всѣ его мечты не были мрачны, онѣ, какъ соблазнительницы, являлись къ нему залитыя свѣтомъ: «Ты молодъ и силенъ,—говорила одна,—у тебя вся жизнь впереди, люби же! и полюбуйся въ это зеркало на радости любовной жизни!» «Я сдѣлаю тебя вельможей, — говорила другая, — и дамъ тебѣ земли» [3]). Но окружавшіе его огоньки угасали одинъ за другимъ. Покровители перемерли, и это положило конецъ его честолюбивымъ замысламъ, такъ какъ онъ не принадлежалъ къ числу людей, способныхъ замѣнить силой воли недостающую имъ внѣшнюю опору; воля у него была больная, и для него наступилъ безконечный трауръ. Онъ не имѣлъ никакихъ средствъ къ существованію, кромѣ своего «clergie» (полудуховнаго званія), и, пріѣхавъ въ Лондонъ, сталъ жить «трудомъ, которому научился» [4]).

Въ средніе вѣка жизнь духовенства не была такъ рѣзко разграничена, какъ въ настоящее время; теперь нужно принадлежать или не принадлежать къ духовному званію, но раньше не существовало такого рѣзкаго различія. Духовная жизнь разливалась въ обществѣ, какъ не знающая преградъ большая рѣка съ безчисленнымъ множествомъ притоковъ и подземныхъ теченій, увлажнявшихъ почву, не орошая ея. Это создавало множество неопредѣленныхъ положеній, соприкасавшихся одинаково съ церковью и съ міромъ, положеній, не имѣющихъ ничего аналогичнаго въ настоящее время, не исключая и Рима, сохранившаго, до нѣкоторой степени, духовную жизнь среднихъ вѣковъ.

---

[1]) Alle the sciences under sonne—and alle the sotyle craftes,
I wolde I knewe and couthe-kyndely in myne herte! (B. XV, 48).

[2]) A. XII, 6.

[3]) *Concupiscentia carnis* · colled me aboute the nekke,
And seyde, «Thow art yonge and yepe · and hast yeres ynow
Forto lyve longe · and ladies to lovye.
And in this myrowre thow myghte se · myrthes ful manye,
That leden the wil to lykynge—al thi lyf-tyme».
The secounde seide the same. «I shal suwe thi wille;
Til thou be a lorde and have londe». (B. XI. 16).

[4]) C. VI. 42.

Многочисленныя полудуховныя должности, приносившія очень слабое вознагражденіе, были въ то время доступны и клеркамъ, нисколько не обязывая ихъ отрекаться отъ свѣта. Главной заботой людей было обезпечить передъ смертью спасеніе своей души, и тотъ, кто имѣлъ какое-нибудь состояніе, продолжалъ, а иногда только начиналъ заниматься съ этой минуты добрыми дѣлами. Они должны были попадать въ рай черезъ третье лицо. Такимъ образомъ, въ завѣщаніи назначалось послать за условную плату нѣсколько наемныхъ воиновъ сражаться съ невѣрными и въ особенности основывались такъ называемыя «Chanterie» и оставлялась извѣстная сумма на служеніе, въ продолженіе извѣстнаго срока или на вѣчныя времена, обѣденъ или панихидъ, а иногда и тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, за упокой души умершаго.

Такихъ наемныхъ пѣвчихъ существовало безчисленное множество, въ каждой аркадѣ боковыхъ придѣловъ собора помѣщалась непремѣнно одна изъ такихъ «Chanterie», гдѣ и пѣли заупокойныя обѣдни и панихиды; иногда же онѣ помѣщались и въ отдѣльныхъ зданіяхъ. Служба отправлялась священникомъ, а обязанности пѣвчихъ исполняли клерки, получавшіе для этого по большей части только тонсуру и не принадлежавшіе къ духовному званію. Это была своего рода карьера, почти ремесло, по поводу котораго возбуждались иногда вопросы о заработкѣ и стачкѣ. Служба эта называлась обыкновенно однимъ изъ словъ, взятыхъ изъ служившейся литургіи, и въ Англіи была извѣстна обыкновенно подъ названіемъ *Placebo* или *Dirige*. Слово «*dirige*» перешло современемъ въ англійскій языкъ и обозначаетъ теперь еще заупокойную службу, элегію.

Пѣніе за деньги, повтореніе изо дня въ день и изъ года въ годъ однихъ и тѣхъ же псалмовъ за спасеніе души плательщика, превращеніе божественной молитвы, вслѣдствіе ежегоднаго повторенія, въ работу, все это не могло быть идеаломъ жизни для души гордой, смѣлой и полной широкихъ мыслей; Ленгленду пришлось примирить свою душу съ этой работой; *Placebo* и *Dirige* сдѣлались «орудіемъ его труда, средствомъ къ жизни». Онъ, какъ и многіе съ больной волей, порицалъ злоупотребленіе и самъ пользовался имъ.

Волшебницы говорили у его колыбели о богатствѣ, а онъ былъ бѣденъ; говорили о любви, а незавидный бракъ закрылъ ему двери любви, мѣшая въ то же время достичь какого-нибудь повышенія на духовномъ поприщѣ. Ленгленд жилъ въ бѣдности со своей женой Катериной и дочерью Николеттой, въ одномъ изъ домовъ Корнгиля, улицѣ, существующей до сихъ поръ вблизи Святого Павла, при которомъ состояло безчисленное множество наемнымъ

хоровъ, и Ольдгетской башни, въ которую возвращался ежедневно другой поэтъ, такой же одинокій и задумчивый—Чосеръ.

Ленгландъ изображаетъ себя въ эту минуту жизни высокимъ, худощавымъ мужчиной, въ темной одеждѣ съ широкими складками, грустнымъ отъ безконечнаго траура, оплакивающимъ покровителей своего дѣтства и своихъ утраченныхъ иллюзій и невидящимъ передъ собой въ этой жизни ничего, кромѣ мрачныхъ горизонтовъ. Онъ не завязываетъ новыхъ дружескихъ связей и ни съ кѣмъ не сходится; идя по люднымъ улицамъ Сити, онъ сталкивается съ вельможами, законниками и нарядными дамами; онъ никому не кланяется: мѣха, серебряныя подвѣски, богатыя одежды и золотыя ожерелья задѣваютъ его, но онъ не знаетъ ихъ. Золотымъ ожерельямъ должно кланяться, но онъ не кланяется и не говоритъ имъ «да хранитъ васъ Богъ!» Но видъ у него такой странный и разсѣянный, что встрѣчные, вмѣсто того, чтобы затѣвать ссору, только пожимаютъ плечами, говоря себѣ: «это сумасшедшій!» [1]). Слово «сумасшедшій» повторяется ежеминутно; эта мысль преслѣдуетъ неотступно его умъ въ различныхъ формахъ: маніакъ, идіотъ, безумный, помѣшанный! Онъ видитъ кругомъ одни мрачные призраки: старость, нищету, болѣзнь.

Къ этимъ матерьяльнымъ невзгодамъ примѣшиваются еще умственныя страданія. Во мракѣ нашего міра, но вдали, за могилой блеститъ огонекъ. Но минутами и этотъ огонекъ начинаетъ колебаться, его застилаютъ облака, и кажется, что онъ гаснетъ. Душой мечтателя овладѣваютъ сомнѣнія. Богословіе должно бы было разъяснить, а оно, напротивъ, только усиливаетъ ихъ: «Чѣмъ больше я вдумываюсь въ это ученіе, тѣмъ темнѣе оно мнѣ кажется; чѣмъ сильнѣе я стараюсь истолковать ихъ, тѣмъ больше мракъ сгущается» [2]). Какимъ образомъ примирить это ученіе съ идеей, составленной себѣ нами относительно высшей справедливости? Нѣкоторыя мысли тревожатъ безпрестанно умъ поэта и потрясаютъ основы его вѣрованій; онъ гонитъ ихъ отъ себя, но онѣ являются снова, онъ точно околдованъ ими и не можетъ найти заклинаній противъ этихъ демоновъ. Чья душа могла быть прекраснѣе души Аристотеля? Кто изъ людей былъ мудрѣе Соломона? И между тѣмъ оба они осуждены на вѣчную муку! И что же я вижу въ страстную пятницу? Спасается разбойникъ, прожившій всю свою жизнь во лжи и въ воровствѣ!.. Онъ спасся разомъ, вдругъ, безъ томленія, какъ Святой Іоаннъ Креститель или Адамъ и Исаіа, или одинъ изъ пророковъ, пробывшихъ такое множество долгихъ лѣтъ съ Люциферомъ. Разбойникъ достигъ раньше ихъ

[1]) C. начало *passus* VI; B. начало *passus* XV.

[2]) B. X. 180.

всѣхъ искупленія! И перешелъ къ вѣчному блаженству [1]), не подвергаясь испытаніямъ чистилища» [2]). И онъ сожалѣлъ, зачѣмъ много думалъ и учился; зачѣмъ «не читалъ меньше книгъ, чтобы сохранить простую и глубокую вѣру земледѣльцевъ и пастуховъ», счастливыхъ людей, могущихъ пробраться «съ одного *Pater noster* до самаго небеснаго чертога» [3]).

Отъ всѣхъ этихъ тревогъ и непріятностей у Ленгленда было только одно убѣжище—его книга. Его поэма замѣняла все то, въ чемъ ему отказывала жизнь. Зачѣмъ сочинять стихи, зачѣмъ писать, твердило ему воображеніе («Imagynatyf»); зачѣмъ будетъ «одной книгой больше»? [4]) Но онъ не могъ жить безъ этой книги: онъ напоминаетъ отца, умирающаго смертью своего ребенка. Окончивъ свою книгу и думая, что никогда больше не дотронется до нея, потому что объявилъ въ ней о своей смерти, онъ принимается опять за нее разъ, два раза и работаетъ надъ ней въ продолженіе всей своей жизни.

Какъ окончилась эта жизнь? Неизвѣстно. Нѣкоторыя указанія позволяютъ предположить, что мечтатель покинулъ Лондонъ, въ которомъ жилъ страдальческой жизнью, чтобы вернуться на Западъ къ своимъ холмамъ [5]). Тамъ больше всего хотѣлось бы представлять себѣ его успокоеннымъ, излѣченнымъ, покорившимся и любующимся закатомъ солнца, какъ онъ смотрѣлъ много лѣтъ тому назадъ на его восхожденіе «въ лѣтнюю пору».

II.

Именно въ эту лѣтнюю пору, разъ утромъ, при музыкальномъ шумѣ водъ, поэтъ, остановившись на вершинѣ Мальвернскаго холма, засыпаетъ и начинается его первое видѣніе. Онъ созерцаетъ «великолѣпіе и скорби міра», и видитъ на обширной долинѣ, на

---

[1]) B. X. 180.

[2]) B. X. 379.

[3]) B. X, 414 и слѣд.

...None sonner saved-ne sadder of bileve,
Than plowmen and pastoures-and pore comune laboreres
Souteres and shepherdes—suche lewed jottes
Percen with a *pater-noster*—the paleys of hevene,
And passen purgatorie penaunceles—at her hennes partynge,
In to the blisse of paradys—for her pure byleve,
That inparfitly here—knewe and eke lyved
Epopée mystique, extrait in fine, p. 259.

[4]) And thow medlest with makynges-and myghtest go sey thi sauter,
And bidde for hem that giveth the brod for there ar bokes ynewe
To telle men what Dowel is... (B. XII. 16).

[5]) Должно быть онъ написалъ въ это время отрывокъ въ стихахъ съ повторяющимися одинаковыми словами, озаглавленный г. Скитъ: *Rihard of Rede less* и приписанный имъ, съ большимъ вѣроятіемъ, нашему автору.

«полѣ, наполненномъ людьми», волнующееся человѣчество. Оно является въ видѣ всякаго рода образцовъ, рыцарей, монаховъ, кюрэ, рабочихъ, поющихъ французскія пѣсни, поваровъ, выкрикивающихъ «пирожки горячіе», исповѣдниковъ, богомольцевъ, проповѣдниковъ, нищихъ, буяновъ, не желающихъ трудиться, и скомороховъ, торгующихъ весельемъ; это всѣ, или почти всѣ лица, собранныя Чосеромъ въ трактирѣ Табора, наканунѣ ихъ паломничества въ Кантербери. Толпа эта также совершитъ путешествіе, но не по залитой солнцемъ дорогѣ, ведущей отъ Соутваркскаго предмѣстья къ гробницѣ святого Ѳомы. Нѣтъ; двигаясь преимущественно въ странахъ отвлеченныхъ, слѣдуя мистическими путями, она совершитъ за триста лѣтъ до Chrétien de Bunyan свое piligrim's progress въ поискахъ высшаго добра и истины. На сцену является женщина, объясняющая пейзажъ и видѣніе: это святая Церковь. Башня тамъ вдали—это башня Истины, этотъ замокъ—есть замокъ Заботы, въ немъ живетъ зло (Wronge). Святая Церковь объясняетъ, какъ человѣчество должно жить, и учитъ королей и рыцарей ихъ обязанностямъ въ отношеніи Истины.

Потомъ является леди «Meed», особа очень значительная, съ ней губятъ себя, но безъ нея не могутъ обойтись, и она играетъ въ мірѣ очень большую роль. Односложное слово, служащее ей именемъ, имѣетъ неопредѣленный и обширный смыслъ; оно обозначаетъ въ одно время и награду, и подкупъ. Такъ какъ безкорыстіе, добродѣтель гордыхъ душъ встрѣчается между людьми очень рѣдко, то почти ничто не дѣлается безъ награды; а какой человѣкъ, дѣлающій что-либо единственно въ виду награды, можетъ быть вполнѣ безопасенъ отъ развращенія? Итакъ, леди «Meed» присутствуетъ здѣсь, прекрасная, соблазнительная и стѣснительная; безъ нея не обойтись и съ ней не знаютъ, что дѣлать. Она выходитъ замужъ за Обманщика; сбираются друзья, свидѣтели и пишется контрактъ; супруги получаютъ графство Зависть и другія владѣнія, напоминающія своими названіями худшія страны знаменитой карты «Tendre». Въ послѣднюю минуту возникаетъ препятствіе къ браку, и весь свадебный поѣздъ отправляется въ Вестминстеръ, гдѣ дѣло будетъ представлено въ судъ; родственники, друзья и любопытные ѣдутъ, кто верхомъ, кто въ каретѣ, кто идетъ пѣшкомъ: странная процессія!

Король, узнавъ о прибытіи кортежа, объявляетъ всенародно, что онъ расправится съ мошенниками, и кортежъ сейчасъ же разстраивается; три четверти друзей исчезаютъ и разбѣгаются по лондонскимъ закоулкамъ. Поэтъ спѣшитъ размѣстить самыхъ порочныхъ у ненавистныхъ ему людей: братьевъ, исповѣдниковъ и т. д., и устраиваетъ имъ тамъ пріемы съ распростертыми объятіями. «Gyle» (хитрость) находитъ пріютъ у купцовъ, которые

тическая экономія. Промышленность. Статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Перев. съ нѣмецкаго. Изд. М. и Н. Водовозовыхъ. — С. Сергѣевъ, Вопросы русской промышленности.—IV. Народныя книги. «Новая серія изданій» т-ва И. Д. Сытина. . . . . 56— 72

13. КЪ ВОПРОСУ О ВЛІЯНІИ НИЗКИХЪ ХЛѢБНЫХЪ ЦѢНЪ. М. Туганъ-Барановскаго. . . . . 73— 83

14. ОБОЗРѢНІЕ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

I. ШКОЛЫ И БИБЛІОТЕКИ ВЪ ТЮРЬМАХЪ. Гр. Дубовенко. . 84— 98

II. СЪѢЗДЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОБЩЕСТВЪ ВЗАИМОПОМОЩИ. Д. Д. 98—116

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ. Періодическая печать на Кавказѣ. . . 116—123

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ. Изъ г. Кириллова (Новгородской губ.). А. Клм. — Изъ Новочеркасска. (Жизнь современнаго казачества). Икса. — Тверь. (Страничка настоящаго). С. Ан. Ч—аго. — Изъ Тульской губерніи. (Зимній наемъ на полевыя работы). . . . . 124—141

15. ОБЗОРЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ.

Бомбардировка критскихъ инсургентовъ европейскими эскадрами. — Рѣчь Ганото. — Упорство Греціи.—Мѣры строгости.—Восточный вопросъ. —Международное положеніе Россіи и Англіи.—Успѣхи Россіи въ Азіи.—Русско-японскій договоръ.—Голодъ въ Индіи.—Вмѣшательство Германіи въ греко-турецкій конфликтъ.—Исторія политической полиціи въ Германіи. — Рѣчь Маршаля.—Гоненіе на нѣмецкихъ профессоровъ. — Предстоящіе выборы въ Германіи.—Выборы въ австрійскій рейхсратъ.—Клерикализмъ во Франціи. В. П. . . . . 142—156

16. ТЕКУЩІЕ ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Усложненіе жизни и его симптомъ—самоотрицаніе крайняго консерватизма на страницахъ «Петербургскихъ Вѣдомостей». — Столичное губернское земство и пересмотръ крестьянскаго законодательства.—«Метаморфоза сословій».—Разслоеніе крестьянства.—Историческая справка о полемикѣ Редакціонной Комиссіи съ членами Губернскихъ Комитетовъ. — Характеристика юридическаго положенія крестьянской личности.—Одно мнѣніе въ пользу всесословной самоуправляющейся единицы.—Превращеніе всесословной волости изъ крѣпостническаго пугала въ либеральное.—Значеніе этого превращенія.—Будущая волость должна быть всеклассной.—Post-scriptum. Приглашеніе Земскаго Отдѣла М. В. Д. П. Б. . . . . 157—172

17. ОТЪ ИМП. ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІИ.

18. НОВЫЯ КНИГИ, присланныя въ редакцію въ февралѣ.

19 ОБЪЯВЛЕНІЯ.

20. ПРИЛОЖЕНІЕ: ИСТОРІЯ АНГЛІЙСКАГО НАРОДА ВЪ ЕГО ЛИТЕРАТУРѢ. Соч. Ж. Жюссерана. . . . . 225—256

Редакторъ А. Н. Поповъ. Издатель М. Н. Семеновъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ГОДОВАЯ И ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА

НА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

НОВОЕ СЛОВО

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Выходитъ ежемѣсячно отъ **25** до **30** печатныхъ листовъ

Подписной годъ съ 1-го октября.

Кромѣ общихъ задачъ журналистики, «НОВОЕ СЛОВО» поставило себѣ цѣлью обратить особенное вниманіе на **запросы и нужды провинціи**, съ которой желательна **живая связь**. Поэтому редакція заинтересована въ полученіи непосредственно и изъ возможно **большаго числа мѣстъ** свѣдѣній по всѣмъ вопросамъ и отраслямъ **мѣстной жизни**. Въ этихъ видахъ, кромѣ отдѣльныхъ статей, внутренняго обозрѣнія и обзора провинціальной печати, въ журналѣ будутъ помѣщаться еще **«письма изъ провинціи»**.

Съ другой стороны, зная, насколько важно сопоставленіе европейской науки и опыта съ русской дѣйствительностью, редакція желаетъ обратить серьезное вниманіе и на европейскую литературу, науку и жизнь.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой періодъ котораго начинается **съ осени**, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по примѣру многихъ западноевропейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и **журнальный годъ**. Вслѣдствіе этого **годовая подписка на «НОВОЕ СЛОВО» принимается**

СЪ 1-го ОКТЯБРЯ 1896 г. ПО 1-е ОКТЯБРЯ 1897 г.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	10 р. — к.
» » » » на полгода . . .	5 » — »
» » » » на три мѣсяца. . .	2 » 50 »
» » безъ пересылки на годъ	9 » — »
» » съ перес. за границу на годъ	12 » — »

За ту же цѣну можно выписывать журналъ и за 1-й годъ, съ 1 окт. 1895 г. по 1 окт. 1896 г.

Лица, внесшія сразу полную подписную сумму за весь годъ пользуются, кромѣ даровой пересылки, уступкой въ 10% со всѣхъ изданій **О. Н. Поповой**, исключая сочиненій Н. А. Добролюбова и изданій, выходящихъ по подпискѣ.

Адресъ **конторы редакціи:** Спб. Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1.

Отдѣленіе конторы: Спб. Невскій пр., д. 54, «Библіотека Черкесова».

Москва: отдѣленіе конторы журнала «НОВОЕ СЛОВО», книжный магазинъ «Трудъ», Тверская, д. Спиридонова.

Книжные магазины, при полной годовой подпискѣ платѣ, пользуются уступкою 40 к. съ экземпляра. Подписка по частямъ года допускается только черезъ контору редакціи и ея отдѣленія.

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ выборѣ и выпискѣ книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціальнаго читателя.

Лица, выписывающія изданія **О. Н. Поповой** черезъ контору редакціи и ея отдѣленіе въ Спб., **за пересылку не платятъ**, исключая сочиненій **Н. А. Добролюбова**, за пересылку которыхъ взимается по разстоянію, и изданій по подпискѣ.

Каталогъ изданій по требованію высылается **безплатно**.

Редакція проситъ авторовъ, не желающихъ печатать свои статьи съ редакціонными сокращеніями и измѣненіями, оговаривать это на рукописяхъ.

Редакція открыта для личныхъ объясненій по понедѣльникамъ отъ 1 до 3 час. дня.

Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала просятъ присылать въ редакцію не позже мѣсячнаго срока съ обозначеніемъ № адреса.

Иногородніе просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи. Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 1 р., изъ иногородныхъ въ городскіе 50 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

Редакторъ А. Н. Поповъ. Издатель М. Н. Семеновъ.